

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Левченко Олег Викторович

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРА
В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Ульяновск – 2024

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ОБВИНИТЕЛЬНО-СЛЕДСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ГОСУДАРСТВА КАК ОСНОВА УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ ПОД РУКОВОДСТВОМ ПРОКУРОРА.....	29
1.1 Прокурор в отечественной уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности.....	29
1.2 Признаки современной уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности, обусловленные моделью прокурорской деятельности в досудебном производстве.....	90
1.3 Прокурор как субъект уголовной политики, проводимой через уголовно- процессуально-правовую организацию противодействия преступности....	134
1.4 Прокурор как субъект обвинения и доказывания в российском досудебном производстве.....	178
Глава 2. УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ (ДОСУДЕБНОМ) ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ.....	233
2.1 Участие прокурора в досудебном уголовном производстве западноевропейских государств с «романской» уголовно-процессуальной системой.....	233
2.2 Участие прокурора в досудебном уголовном производстве: германская уголовно-процессуальная подсистема.....	300
2.3. Участие прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса государств, входящих в СНГ	328

ГЛАВА 3. ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В СТАДИЯХ И ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУРАХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ.....	386
3.1. Оптимизация участия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела.....	386
3.2. Совершенствование правового регулирования участия прокурора в публичном уголовном преследовании на стадии предварительного расследования.....	439
3.3. Прокурор как субъект уголовно-процессуального доказывания в стадии предварительного расследования: проблемы правового регулирования и его оптимизации.....	494
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	536
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	542
Приложение №1	659
Приложение № 2	670
Приложение № 3	678
Приложение № 4	686
Приложение № 5	693

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Прокуратура занимает особое место в системе государственно-правового механизма, осуществляя свои полномочия по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, защите прав и свобод граждан, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Законом о поправке к Конституции Российской Федерации¹ от 14 марта 2020 г. закреплены новеллы, имеющие своей целью повысить статус прокуратуры, как единой федеральной централизованной системы органов, независимой от законодательной, исполнительной или судебной власти². Обновленный Основной закон страны изменил полномочия Президента Российской Федерации и Совета Федерации в части назначения на должность Генерального прокурора Российской Федерации, его заместителей, прокуроров субъектов, что создает дополнительные гарантии объективности и беспристрастности в ходе уголовно-процессуальной деятельности главного субъекта уголовного преследования на всех стадиях судопроизводства. Согласно правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации поправки к Основному закону не должны рассматриваться как ставящие под сомнение независимость деятельности органов прокуратуры в рамках их компетенции и как нарушающие принцип разделения властей³.

Обновленная Конституция РФ требует серьезной системной работы по реформированию законодательства, в том числе и в сфере уголовно-процессуальной деятельности прокурора. До настоящего времени правовое

¹ Далее – Конституция РФ, Основной закон.

² См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

³³ См.: Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

положение данного субъекта судопроизводства остается неоднозначным, а предпринятое законодателем реформирование, согласно которому полномочия прокурора за предварительным следствием были перераспределены в пользу руководителя следственного органа¹, себя не оправдало. В доктрине уголовно-процессуального права отмечается увеличение количества проблем как для правоприменителей, так и для ученых-исследователей, занимающихся теоретическими вопросами деятельности прокуратуры в уголовном процессе².

Тему диссертационного исследования актуализируют и предпринимаемые законодателем меры относительно изменения процедур досудебного производства³; разработка законопроектов, направленных на изменение сложившейся модели обвинения⁴, а также, определяющих различные векторы развития института прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания⁵.

Критическому научному осмыслению подлежит опыт ряда зарубежных стран «романской» уголовно-процессуальной системы, а также государств – участников Содружества Независимых Государств, где состоялись смелые

¹ Федеральный закон от 5 июня 2007 г. N 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 24. Ст. 2830.

² См.: Даровских, О. И., Даровских С. М. Прокурор в уголовном судопроизводстве : монография Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2020. С. 5.

³ Федеральный закон от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11. Ст. 1601.

⁴ Законопроект № 1145531-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116-1 и частью первой статьи 128-1 Уголовного кодекса Российской Федерации». <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145531-7>. Текст : электронный // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145531-7> (дата обращения: 16.02.2024); Законопроект № 1184268-7 «О внесении изменений в статьи 20 и 23 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Текст : электронный // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1184268-7> (дата обращения: 16.02.2024).

⁵ Законопроект № 550619-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве)». Текст : электронный // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/550619-7> (дата обращения: 16.02.2024).

реформы, связанные с уголовно-процессуальной деятельностью прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Федеральный законодатель, определяя компетенцию и полномочия рассматриваемого субъекта уголовно-процессуальных отношений, не может не учитывать конституционно-правовую природу этого представителя государственно-властного органа, исходя и из исторически сложившегося понимания его роли и предназначения в правовой системе России и правовых традиций¹.

Актуальность темы исследования подтверждает и «технологический» или «цифровой» фактор, имеющий как позитивные последствия (самое главное из которых состоит в повышении технической возможности прокурорского надзора в досудебном производстве), так и негативные – в виде роста киберпреступности, с которой не вполне справляются судебно-следственные органы.

Дополнительную злободневность теме исследования придает необходимость создания особого порядка привлечения к уголовной ответственности субъектов предпринимательской деятельности за совершение экономических, налоговых преступлений, что составляет часть системы мер по поддержке отечественного бизнеса.

Степень научной разработанности темы исследования обусловлена тем, что на протяжении всей истории российской науки предварительное расследование и прокурорский надзор находились в центре внимания выдающихся ученых, придерживающихся самых различных взглядов.

¹ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений "Агора", межрегиональной общественной организации "Правозащитный центр "Мемориал", международной общественной организации "Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество "Мемориал", региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам "Гражданское содействие", автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг "Забайкальский правозащитный центр", регионального общественного фонда "Международный стандарт" в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 9. Ст. 1389.

В период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. основы учения о деятельности прокурора в досудебном производстве внесли Н.А. Буцковский, А.А. Квачевский, Н.В. Муравьев, Н.Н. Полянский, В.К. Случевский, И.Я. Фойницкий, И.Г. Щегловитов и другие. Особо важно для избранной темы исследования отметить взгляды Н.В. Муравьева, генерал-прокурора Российской империи, отрицавшего «общий надзор» и заложившего основы учения об обвинительной власти во главе с прокурором и ее деятельности в досудебном производстве¹.

Ученые-теоретики, стоявшие у истоков создания советской концепции прокурорского надзора и предварительного следствия (А.Я. Вышинский, М.М. Гродзинский, П.И. Люблинский, М.С. Строгович, А.Г. Тагер, М.А. Чельцов и другие), являлись сторонниками руководящей роли прокурора по отношению к органу предварительного следствия с общенадзорной моделью деятельности прокуратуры.

После принятия УПК РСФСР (1960 г.) учение о прокурорском надзоре в досудебных стадиях уголовного процесса развивалось В.Д. Арсеньевым, А.Д. Бойковым, В. И. Басковым, В.В. Вандышевым, Н.В. Жогиним, В.С. Зеленецким, Д.С. Каревым, А.М. Лариным, Р.Д. Рахуновым, В.И. Рохлиным, П. Ф. Пашкевичем, И.Д. Перловым, И.Л. Петрухиным, В.М. Савицким, А.Б. Соловьевым, М.А. Чельцовым, Ф.Н. Фаткуллиным, М.С. Шалумовым, П.С. Элькиндр и многими другими учеными в свете идеи о руководящей процессуальной роли прокурора в отношении органов предварительного расследования.

С этой доктринально-правовой установкой в противоречие концепция о процессуальной самостоятельности следователя, развитая благодаря трудам Н.С. Алексеева, А.И. Бастрыкина, Н.А. Власовой, А.П. Гуляева, З.З. Зинатуллина, В.Т. Томина и других. Она породила идеи о

¹ См.: Муравьев, Н. В. Общие основания устройства и уголовной деятельности прокурорского надзора (1891-1892 г.) // Н.В. Муравьев Из прошлой деятельности : статьи по судебным вопросам. Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, 1891. Т. 1-2. С. 399 - 564.

недопустимости совмещения прокурорского надзора с предварительным расследованием, о процессуальной самостоятельности органа предварительного следствия по отношению к прокурору, которые стали правовой реальностью в 2007 году. С тех пор научное сообщество разделилось на тех, кто критически оценивает позитивно-правовую модель уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве и предлагает в той или иной мере изменить ее (А.С. Александров, В.М. Быков, С.И. Даровских, И.А. Зинченко, О.С. Капинус, Н.Н. Ковтун, Г.Н. Королев, А.А. Тарасов, А.В. Смирнов, А.Г. Халиулин, А.Ю. Чурикова, В.С. Шадрин, С.П. Щерба и др.) и тех, кто выступает сторонниками концепции о господстве следственной власти в досудебном производстве (А.М. Багмет, А.И. Бастрыкин, Ю.П. Боруленков, Н.С. Власова, Б.Я. Гаврилов, В.Н. Григорьев, А.А. Давлетов, И.С. Дикарев, Ю.В. Деришев, Н.А. Колоколов, М.Н. Маршунов, А.В. Победкин, Г.П. Химичева, Ю.А. Цветков, С.А. Шейфер и др.).

Указанным принципиальным противостоянием посвящены и диссертационные исследования последнего времени: А.В. Чубыкина (Москва, 2014), Ш.М. Абдул-Кадырова (Москва, 2015), Д.А. Сычева (Москва, 2016), Н.Н. Борозенец (Краснодар, 2017), С.А. Никанорова (Москва, 2017), М.К. Малиненко (Краснодар, 2017), М.С. Сергеева (Екатеринбург, 2018), Д.А. Чигрина (Уфа, 2018), Д.В. Потапова (Москва, 2019), Е.В. Коломеец (Москва, 2019), А.В. Лариной (Москва, 2019), А.Н. Огородова (Москва, 2019), У. Н. Гасановой (Москва, 2022) и иные.

Для современного состояния разработки темы характерно отсутствие единой концепции, что проявляется в новейших исследованиях различной отраслевой принадлежности, затрагивающих общие вопросы правовой организации противодействия преступности, оптимизации досудебного производства и прокурорского надзора, которые предпринимались Г.В. Абшилавой, И.Е. Адаменко, Н.В. Азаренком, А.И. Александровым, А.С. Александровым, О.И. Андреевой, А.С. Барабашем, А.А. Брестером, Е.Г. Васильевой, С.В. Власовой, Л.В. Головкин, А.В. Гриненко,

А.А. Давлатовым, О.А. Зайцевым, Ю.Н. Козубенко, Н.А. Лопашенко, О.А. Малышевой, К.В. Муравьевым, В.Д. Потаповым, В.В. Рудичем, А.Н. Савенковым, А.В. Смирновым, Ю.А. Цветковым и другими современными учеными.

Отличие диссертационного исследования от других исследований по данной теме, состоит в опоре на классическую русскую концепцию обвинительной власти прокурора в уголовном процессе, которая модернизирована с помощью межотраслевого синтетического понятия «уголовно-процессуально-правовая организация противодействия преступности».

Объект и предмет диссертационного исследования. *Объект исследования* составляют общественные отношения, складывающиеся между прокурором и участниками досудебного производства, ведущими уголовное дело, в связи с уголовным преследованием, доказыванием, принятием промежуточных и окончательных процессуальных решений в досудебных стадиях, определяющих направление и исход уголовного дела.

Предметом исследования выступают нормы уголовно-процессуального права, правовые позиции отечественной судебной власти, материалы прокурорско-следственной, судебной практики по уголовным делам, а также относящиеся к теме исследования концептуальные положения уголовно-процессуальной науки и иных юридических наук.

Цель диссертационного исследования заключается в том, чтобы с учетом межотраслевых связей уголовно-правовых наук, на основе теоретических и исторических закономерностей развития уголовно-процессуального права, анализа правовых систем ряда зарубежных стран, результатов ранее проведенных научных исследований и собранного эмпирического материала, разработать теоретическую модель уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовному делу как основу правового противодействия преступности, позволяющую оптимизировать правовое регулирование участие прокурора в стадиях и отдельных процедурах современного российского досудебного производства, а также обосновать

предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

Выбранная цель исследования обусловила постановку и решение соответствующего круга **задач**:

– создание теоретико-методологические основы авторского подхода к пониманию роли прокурора в организации правового противодействия преступности;

– изучение генезиса уголовно-процессуальных моделей досудебного производства и прокурорской деятельности как институциональных основ правового противодействия преступности;

– выявление основных (архетипических) и вторичных признаков российской уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности, указывающих и на признаки ее процессуального руководителя;

– обоснование самобытности русской модели досудебного производства во главе с прокурором, как субъектом обвинения и доказывания;

– проведение сравнительно-правового анализа моделей прокурорской деятельности в досудебном производстве государств с романо-германской правовой системой;

– выработка понятийного аппарата, призванного выразить авторский подход к российской правовой организации противодействия преступности, возглавляемой прокуратурой;

– анализ доктринальных подходов к пониманию моделей уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовному делу;

– определение авторской позиции по ключевым дискуссионным вопросам участия прокурора в выдвижении обвинения, уголовном преследовании и доказывании в ходе досудебного производства;

– исследование проблем законодательного регулирования и практической деятельности прокурора в отдельных стадиях досудебного производства;

– обоснование необходимости сохранения следственной формы выдвижения обвинения и следственной технологии формирования уголовно-процессуальных доказательств;

– предложение и обоснование авторской программы оптимизации правового регулирования деятельности прокурора в досудебном производстве российского уголовного процесса.

Методология и методика диссертационного исследования.

Методологическая база диссертационного исследования традиционно представлена общенаучным методом диалектического материализма, который позволил провести изучение реалий прокурорского надзора в досудебных стадиях уголовного процесса в его диалектических противоречиях, развитии, и во взаимосвязи с другими элементами правовой организации противодействия государства преступности.

В исследовании нашли применение все принятые в юридической науке общенаучные методы, включая аналитический метод, с помощью которого были выявлены и исследованы свойства уголовно-процессуально-правовой организации, в которую встроена деятельность прокуратуры. Метод синтеза позволил дать атрибутивно-системную характеристику этой организации и увидеть внутренние связи между ней и моделью уголовно-процессуальной деятельности прокурора.

С помощью исторического, сравнительно-правового метода удалось проследить генезис российской модели досудебной уголовно-процессуальной деятельности прокурора и развить систему аргументации в пользу ее уникальности и необходимости сохранения для правовой организации противодействия преступности в новую эпоху.

Важные результаты в плане обоснования основной идеи диссертации о главенстве прокурора в досудебном производстве и мер ее реализации в позитивно-правовой сфере дал метод сравнительно-правового исследования законодательства государств, имеющих родственную российской уголовно-процессуальную систему.

С помощью формально-юридического метода истолковывалось законодательство. Статистический и социологический методы позволили получить важный эмпирический материал для понимания эффективности изучаемой уголовно-процессуальной организации и разработки предложений по ее оптимизации. Метод моделирования позволил разрабатывать перспективную модель участия прокурора в досудебном производстве по уголовному делу.

Теоретической базой проведенного диссертационного исследования являются научные труды учёных в области уголовного и уголовно-процессуального права, прокурорского надзора, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности и других наук. В ходе исследования были изучены концептуальные идеи и теоретические положения, направленные на решение проблем, рассматриваемых в настоящей работе.

Эмпирическую базу исследования составили:

результаты изучения 436 уголовных дел и 683 отказных материалов, которые были в производстве органов предварительного расследования в целях обобщения правоприменительной практики по вопросам диссертационного исследования;

результаты анкетирования и интервьюирования 250 прокуроров, 318 сотрудников органов предварительного расследования;

опубликованные материалы прокурорской, судебной и следственной практики по уголовным делам;

официальные статистические данные о результатах деятельности органов прокуратуры Российской Федерации в сфере досудебного производства по уголовным делам за 2012-2022 годы.

Сбор эмпирического материала осуществлялся в период с 2017 по 2022 г.г. в Брянской, Владимирской, Воронежской, Ивановской, Калужской, Нижегородской, Московской, Орловской, Самарской, Саратовской, Рязанской, Тульской и Ульяновской областях, Республики Мордовия, а также в гг. Москва и Санкт-Петербург.

Нормативную базу диссертационного исследования составили Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, уголовно-процессуальное, уголовное и иное федеральное законодательство, уголовно-процессуальное законодательство отдельных зарубежных стран, правовые акты Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации по проблемным вопросам избранной темы диссертационного исследования.

Научная новизна диссертационного исследования. Впервые с учетом межотраслевых связей уголовно-правовых наук, на основе теоретических и исторических закономерностей развития уголовно-процессуального права, анализа правовых систем ряда зарубежных стран, результатов ранее проведенных научных исследований и собранного эмпирического материала, разработана теоретическая модель уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовному делу как основы правового противодействия преступности, направленная на оптимизацию правового регулирования участие прокурора в стадиях и отдельных процедурах современного российского досудебного производства, а также обоснованы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

Научная новизна диссертационного исследования также определяется авторским подходом к пониманию терминов «прокурорский надзор», «обвинение», «доказывание». Впервые через исследование глубинных взаимосвязей между обвинением, доказыванием, инсталлированных в досудебное производство в системе правоотношений прокурора и органов предварительного расследования, обоснована идея об уникальности типа российского уголовного процесса, процессуально-правовой организации противодействия преступности.

В диссертации развит ряд положений классического учения об обвинительной власти с опорой на данные сравнительно-правового исследования и правоприменительную практику. На основании выполненного автором исследования предложены аргументированные решения вопросов, связанных с

определением взаимосвязи форм обвинения и доказывания с формой досудебной уголовно-процессуальной деятельности прокурора и органов предварительного расследования; институциональном значении участия прокурора в выдвижении обвинения и доказывании для правовой организации реализации мер уголовно-правового воздействия; процессуально-обвинительном единовластии в досудебном производстве; оптимизации исторически сложившейся модели деятельности прокурора в досудебном производстве как союза обвинения-доказывания и процессуального руководства, на которой ранее строился и может быть построен уникальный тип российского уголовного процесса.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Отделение обвинения от суда – это главный критерий, по которому делятся два типа уголовно-процессуально-правового противодействия преступности: следственный во главе с судебно-следственным органом и состязательный (обвинительный) во главе с органом обвинения и судом. Между этими двумя противоположными моделями есть смешанные разновидности с индивидуальными наборами вторичных признаков (критериев-идентификаторов), которые выражают видовые различия, распределение и баланс властных полномочий между различными органами государства. Все эти признаки в совокупности составляют атрибутивно-процессуальную квалификацию правового противодействия преступности. Они же являются показателями доминантности таких субъектов уголовно-процессуальной деятельности как следователь, прокурор, суд.

2. Типовой показатель уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности проявляется в структурном значении досудебного производства, с присущей ему следственной формой реализации власти обвинять, доказывать и применять уголовный закон, причем последнее является производным от первых двух. Локализация следственного досудебного производства в структуре процесса является самым главным показателем следственной атрибутивно-процессуальной природы этой организации. Чем выше

мера следственной власти на обвинение и доказывание, тем более следственным является уголовное судопроизводство и противодействие преступности.

3. Следственное досудебное производство порождает явление следственного изоморфизма, которым проникнуты все уголовно-процессуальные институты, включая институт прокурорского надзора. Быть в следственной форме и не иметь следственного содержания невозможно. По форме реализации прокурорский надзор в досудебном производстве не может быть никаким иным кроме как следственным. Это один из императивов, определяющих природу уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовному делу.

4. «Доминантный субъект» в досудебном производстве – это субъект уполномоченный на выдвижение обвинения, то есть тот участник процесса, который принимает решение о привлечении к уголовной ответственности или альтернативное решение, констатирующее совершение лицом преступления, и субъект доказывания обвинения, который, устанавливает (доказывает), «формирует» основание обвинения и эвентуально – основания для применения нормы уголовного закона.

5. От распределения полномочий между доминантными субъектами досудебного производства по уголовному преследованию и доказыванию зависит дееспособность субъекта уголовной политики противодействия преступности. В смешанном процессе полнота, всесторонность, а вместе с тем и справедливость уголовно-процессуальной деятельности, включая обвинение и доказывание, достигается в судебных стадиях. Поэтому только тот субъект, который уполномочен на обвинение и доказывание в досудебной и судебной части процесса, обладает всей полнотой обвинительной власти. Власть обвинять и доказывать должна быть у одного государственного органа, выступающим и субъектом уголовной политики, и организатором уголовно-правового противодействия преступности. Следственная власть над обвинением и доказыванием ограничивается досудебным производством и в этом состоит ее неполнота. Всем строем смешанного уголовного судопроизводства

предопределено положение прокурора, как главы обвинительной власти, как доминантного субъекта обвинения и доказывания.

б. Императивно-атрибутивный склад процессуальной организации противодействия преступности складывается из первичных и вторичных признаков. К первичным признакам, происходящим от следственного досудебного производства, относятся следующие уголовно-процессуальные институты: (а) порядок начала уголовного расследования (возбуждения уголовного дела); (б) выдвижение обвинения и привлечения к уголовному преследованию; (в) реализация уголовно-процессуального принуждения (задержание, меры пресечения) (г) совершение процессуальных/следственных действий¹; (д) применение мер обеспечения возможного судебного решения по делу (наложение ареста на имущество); (е) передача уголовного дела в суд; (ж) институт прекращения досудебного уголовного преследования (уголовного дела) - альтернативный исход досудебного производства.

Вторичные признаки, дополнительно конкретизирующие конфигурацию отношений внутри обвинительно-следственной власти на проведение досудебного производства, выражаются во власти его субъектов: (а) в установлении-продлении процессуальных сроков различных форм и процедур досудебного производства и производных от него субинститутов приостановления, продления сроков следствия (дознания); (б) в порядке сношения органов следственно-обвинительной власти с судебной властью при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях; (в) в процедуре «засиливания» решений о прекращении уголовного дела (преследования); (г) в наличии в технологии доказывания дифференциации результатов оперативно-розыскной деятельности и предварительного следствия (расследования), требующих преодоления; (д) в письменном оформлении результатов досудебного производства в виде «уголовного дела», (е) в институте протокола следственных

¹ Прежде всего, сопряженных с ограничением конституционных прав граждан и вторжением в сферу охраняемой законом тайны.

действий как стандарта «процедурного знания»¹.

Через все эти признаки должна проходить линия доминантности субъекта досудебного производства, уполномоченного и ответственного за его результаты. Через них прослеживается система управления досудебным производством, то есть сущность его организации. Тот орган, который доминирует в этих процедурах, тот и является «главой» досудебного производства, а вместе с тем и «двигателем» всего механизма организации противодействия преступности. Мера участия одного из двух субъектов – прокурора или органа предварительного следствия – определяет качество всей организации и ее эффективность. Нарушение этой меры порождает конкуренцию, двоевластие, нарастание правовой неопределенности, формализма и снижение эффективности.

7. Уникальность российского типа уголовного процесса заключается в исторически сложившемся разделении различных властей в досудебном производстве и дифференции правовых режимов деятельности его ведущих участников: доследственная проверка, оперативно-розыскная деятельность, следственная уголовно-процессуальная деятельность, судебный контроль, прокурорский надзор. Происходит усложнение следственной процедуры выдвижения и доказывания обвинения, системы сдержек и противовесов внутри нее. Однако усложнение внутренней организации досудебного производства является вторичным по отношению к первичному отделению обвинения от суда, присущего следственно-обвинительному процессу. Своеобразие современного прокурорского надзора в досудебном производстве состоит в сочетании обвинительной, правозащитной и надзорной составляющих.

8. Вывод о потенциально заложенной в смешанную модель управления уголовно-процессуальной системы угрозы нарастания правовой неопределенности, а потому целесообразности единовластия в досудебном производстве. В целях повышения эффективности уголовно-процессуальной

¹ Очевидно, что это не исчерпывающий перечень вторичных признаков современного досудебного производства в конфигурации уголовно-процессуальных отношений в треугольнике «следователь-руководитель следственного органа-прокурор».

деятельности прокурора в досудебном производстве ее следует сконцентрировать на обвинительной составляющей. Важно вернуться к базовой трехзвенной уголовно-процессуальной системе «следователь-прокурор-суд».

9. Порочность концепции разделения следственной и прокурорской властей и их функций усматривается в превратно истолкованной идеологии о разделении властей правового государства. В то время как прокурор и следователь – это субъекты обвинения, уголовного преследования, по отношению к которым сдерживающим началом выступает судебная власть. Не разделение, а единство следственно-прокурорской власти должно быть положено в основу досудебного производства. Процессуальная самостоятельность следователя значима по отношению к любым органам власти, в том числе и исполнительной, коммерческим и некоммерческим организациям, частным лицам. Но по отношению к прокурору не должна идти речь о процессуальной самостоятельности следователя.

10. Авторский подход к национальной уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности во главе с прокуратурой, представляющей собой творческую интерпретацию концепции «государство и его процесс», а именно: (1) правовое государство и его процесс, а значит имеет место разделение судебной и следственно-обвинительной властей в выполнении функций обвинять и наказывать, (2) акцент в положении о централизации власти смещен со следственно-судебной на прокурорско-следственную власть. Современный уголовно-процессуальный строй – это атрибут централизованного государства, то есть доминирования в уголовно-процессуальной сфере исполнительной (следственно-обвинительной) власти в вопросах обвинения и доказывания. Власть прокурора на противодействие преступности, которую он реализует в досудебном производстве, производна от централизации государственной власти в правовой организации прокуратуры и ее уголовно-процессуальной деятельности.

11. Определение понятия «уголовно-процессуально-правовая организация противодействия преступности» как прокуроро-центричная система

правоохранительных органов, уполномоченных УПК РФ и другими федеральными законами России на оказание уголовно-правового противодействия преступности посредством уголовного преследования, и их процессуальная деятельность по выдвижению обвинения против предположительных виновников преступлений и доказыванию обвинения для реализации мер уголовно-правового воздействия к преступникам.

Данной «организацией» охватывается во-первых, система антикриминального законодательства, материального и процессуального, во-вторых, система правоохранительных органов во главе с прокуратурой, уполномоченных законом на противодействие преступности, уголовное преследование, в-третьих, их процессуальная деятельность, прежде всего, по собиранию обвинительных доказательств и выдвижению обвинения для превращения уголовного закона в средство уголовно-правового воздействия по данному уголовному делу к конкретному виновнику преступления. Новизна и отличие предлагаемого подхода от традиционных представлений о том как применяется уголовный закон, состоит в новом понимании меры уголовно-правового воздействия, а именно: как результата толкования уголовного закона в процессе доказывания обвинения и установления основания для судебного или досудебного акта применения уголовного закона.

12. Теоретический проект оптимизации модели уголовно-процессуальной деятельности прокурора видится в усилении прокурорской власти внутри следственной формы досудебного производства. Баланс между следственной, обвинительной и судебной властями должен быть найден при соблюдении следующих аксиолого-догматических положений: (1) разделение следственно-обвинительной и судебной властей, (2) следственный порядок досудебного производства, включающий следственную модель выдвижения обвинения и доказывания, (3) процессуальное руководство прокурором досудебным производством.

13. Авторское видение «следственно-обвинительной власти» как органичной для российской уголовно-процессуальной традиции и культуры

следственной организации полноты власти прокурора обвинять и доказывать в ходе досудебного производства и в суде. Вертикаль следственно-обвинительной власти выступает стержнем досудебного производства и уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности. «Главой досудебного производства», руководителем уголовного преследования, организатором подготовки обвинения и получения обвинительных доказательств, наряду с другими доказательствами, должен быть один представитель государства – прокурор.

14. Институт прокуратуры позиционирован в центре процессуально-правовой организации противодействия преступности. Для прокурора участие в досудебном производстве предваряет его судебную процессуальную деятельность – деятельность в соучастии с судом в создании средства уголовно-правового воздействия – разрешения уголовно-правового спора. И в этом единстве досудебной и судебной активности прокурора заключается предпосылка эффективности всей уголовно-процессуальной деятельности прокурора.

15. Авторское развитие концепции «процессуального прокурора», согласно которой по общему правилу только прокурор, осуществлявший надзор за досудебным производством по уголовному делу и выдвинувший обвинение против обвиняемого перед судом, уполномочен поддерживать по этому уголовному делу государственное обвинение. Исключения из этого правила могут представлять случаи, когда прокурор по уважительной причине¹ не может выступить в качестве государственного обвинителя на суде. Принцип «одно дело – один процессуальный прокурор» должен проводиться всегда, кроме тех случаев, когда преступление имеет очевидный характер и производство по уголовному делу проводится в упрощенном порядке, что позволяет прокурору делегировать функцию поддержания государственного обвинения органу предварительного расследования при рассмотрении дела в особом порядке (основанный на

¹ Данная причина (смерть, тяжелое заболевание, увольнение и пр.) должны быть указаны прокурором, направляющим уголовное дело в суд, с указанием прокурора-государственного обвинителя.

концепции процессуального прокурора проект статей УПК РФ изложен в приложении № 5 к диссертации).

16. Предложение о возвращении процедуры «санкционирования», то есть разрешительного предварительного порядка придания юридической силы решению органа предварительного расследования по всем атрибутивно-императивным моментам правовой организации досудебного производства. Прокурор санкционирует или в иной форме контролирует и управляет развитием досудебного производства: прекращение, продление, обращение в суд с ходатайствами и пр. (проект статей кодекса, воплотивший концепцию санкционирования прокурором решений и действий органов предварительного расследования, изложен в приложении № 5 к диссертации).

17. Авторская позиция относительно следственной модели выдвижения обвинения и меры участия в нем прокурора. Выдвижение обвинения — это совместная, поэтапная деятельность органов следственно-обвинительной власти по вменению в вину обвиняемому совершения определенного преступления. В современном досудебном производстве расположена предварительная часть процедуры выдвижения обвинения: формулирование в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого утверждения о совершении им преступления и предъявление обвинения, а также возможные изменения обвинения следователем. Участие прокурора в этой части выдвижения обвинения не предусмотрено. Власть прокурора над выдвижением обвинения ограничена его полномочием на утверждение резолютивного обвинительного процессуального акта, реализация которого означает одновременно, во-первых, согласие прокурора с утверждением органа предварительного расследования, а во-вторых, притязание на признание судом обвиняемого лица виновным в совершении преступления и привлечении его к уголовной ответственности, т.е. реализации к нему мер уголовно-правового воздействия.

18. В настоящее время невозможен переход к состязательно-исковой уголовно-процессуальной модели обвинения. Поэтому проект усиления в выдвижения обвинения меры прокурорского участия состоит в следующем: (1)

превращение прокурора в полноценного субъекта уголовно-процессуальной деятельности в обеих ее главных составляющих; (2) введение санкционирования постановления о привлечении в качестве обвиняемого в отношении отдельных категорий лиц (спецсубъектов, перечисленных в статье 447 УПК РФ, субъектов предпринимательской деятельности). Под санкционирование прокурора предлагается поставить механизм окончания уголовных дел в досудебном производстве по нереабилитирующим основаниям в связи с отказом прокурора от обвинения.

19. Авторский подход о необходимости позиционирования прокурора в досудебном производстве как главного субъекта доказывания, выводимый из учения об объективной истине. Концепция объективной истины является идеологическим стержнем отечественного уголовного судопроизводства и концептуальной основой понимания сущности основных уголовно-процессуальных явлений и институтов, включая досудебное производство и прокурорский надзор. Прокурор наряду с органом предварительного расследования является субъектом доказывания объективной истины в досудебном производстве.

20. В российском типе уголовного процесса досудебное производство выступает инстанцией установления объективной истины. Объективизировать процедурное значение по стандарту объективной истины в рамках досудебного производства может только один субъект – тот который уполномочен принимать решение о переводе дела в судебную стадию. Именно прокурор является и основным гарантом всесторонности, полноты, объективности предварительного расследования. Будучи субъектом оценки доказательств, он удостоверяет готовность результатов досудебного производства выступить средством доказывания фактов, когда последние оспариваются стороной и(или) сомнительны для судьи. На прокуроре лежит особая нравственно-правовая ответственность за всестороннее, полное и объективное досудебное производство

и установление «объективной истины»¹ как гарантии оснований применения законов в этой стадии. Это и есть «следственная парадигма» во всей полноте ее позитивно-правового и нравственного содержания.

21. Технология уголовно-процессуального доказывания в следственном процессе – совокупность техник производства процедурного знания и принятия решений, основанных на нем. Для каждого типа уголовного процесса присуща своя технология уголовно-процессуального доказывания по делу. Все институты доказательственного права в первую очередь «обслуживают» формирование основания уголовной ответственности. Концепт объективной истины является необходимым дополнением к концепции государственной монополии на обвинение и доказывание в следственной форме досудебного производства, объединяющей следственную и прокурорскую власти. Современная технология доказывания в следственном досудебном производстве основана на том, что государство как единый субъект доказывания (орган предварительного расследования+надзирающий прокурор) проводит «всестороннее, объективное и полное расследование» и устанавливает «объективную истину» с допущением конкуренции, оппонирования и диалога с вовлеченными в уголовное дело лицами и применяет уголовный закон к правонарушителю.

22. Предложение о введении обязательного участия прокурора в формировании признательных показаний обвиняемого, равно как и других заявлений обвиняемого (подозреваемого), которым законом придается юридическое значения основания для проведения упрощенной процедуры производства по уголовному делу. Прокурору надлежит удостоверить факт явки с повинной и согласие с обвинением, что должно сопровождать переход на особый порядок и заключение досудебного соглашения. Надзирающему прокурору надлежит лично проверить – допросить обвиняемого, который признал себя

¹ Объективность этой истины не в содержании знания, а в технологии ее верификации – «следственным путем». Объективная истина – это знание, на получение которого уполномочены компетентные государственные органы – следственно-судебная власть.

виновным в совершении преступления и ходатайствует о рассмотрении уголовного в особом порядке.

23. Авторский научный проект института делегирования прокурором по бесспорным уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, подлежащих рассмотрению судом в особом порядке, полномочий органу предварительного расследования (как органу дознания, так и органу предварительного следствия) на поддержание государственного обвинения в суде (у мирового судьи или в районном суде). Делегированное полномочие не включает права отказаться от поддержания государственного обвинения, перейти на общий порядок судебного разбирательства, ходатайствовать о возвращении дела прокурору, прекращать дело. Предоставление полномочия государственного обвинителя должно происходить при утверждении уполномоченным прокурором обвинительного акта или обвинительного постановления. Аналогичную модель предлагается реализовывать в процедуре направления уголовного дела в суд для применения принудительных мер воспитательного воздействия или для замены уголовного наказания штрафом.

24. Авторская позиция по оптимизации правового регулирования деятельности прокурора в стадии возбуждения уголовного дела основывается на двух ключевых положениях: (1) сохранение классического формата стадии; (2) усиление в ней роли прокурора, как субъекта доказывания и правоприменителя. Суть предложений по оптимизации уголовно-процессуальной деятельности прокурора в данной досудебной стадии, воплощенных в проекте статей УПК РФ (приложение № 5), сводится в наделении прокурора всей полноты власти над правоохранителями, участвующими в данной стадии и исходом производства.

25. Авторский подход к оптимизации правового регулирования деятельности прокурора в предварительного расследования основывается на идеях: (1) процессуального руководства прокурора всеми органами предварительного расследования, (2) снятия различия в средствах надзора за дознанием и предварительным следствием, (3) санкционирования и последующего надзора как способов наделения юридической силой

правопритязаний органов предварительного расследования перед судом, (4) соучастия прокурора в предварительном расследовании, доказывании и процессуальной ответственности за их результаты, (5) повышении меры участия прокурора в выдвижении обвинения, (6) наличия всей полноты власти над исходом предварительного расследования и направлением дела в суд (воплощение данной позиции в проекте статьи 37 и других статей УПК РФ, регулирующих участие прокурора в предварительном расследовании предложен в приложении № 5 к диссертации).

26. Выводы автора по разрешению прокурором некоторых уголовно-правовых споров в досудебных стадиях уголовного процесса по нереабилитирующим – компенсаторно-штрафным основаниям, когда не требуется вмешательства судебной власти (реализованы в проекте статей УПК РФ, изложенном в приложении № 5 к диссертации).

27. Система авторских предложений по оптимизации уголовно-процессуально-правового противодействия преступлениям в сфере экономики. Главной мерой по повышению эффективности противодействия экономической преступности может стать изменение отношений между прокурором и органом предварительного следствия по данной категории уголовных дел. Прокурору должна принадлежать руководящая процессуальная роль при ведении предварительного следствия, что должно проявляться в уполномочивании прокурора на санкционирование: (1) возбуждения уголовного дела частного-публичного или публичного обвинения в отношении субъекта предпринимательской деятельности; (2) проведения гласных обследований помещений, транспортных средств, территорий, которые связаны с ведением предпринимательской деятельности; (3) любых процессуальных действий, допускаемых в части 1 статьи 144 УПК РФ в ходе следственной проверки (изъятие образцов для сравнительного исследования и пр.), которые сопряжены с изъятием объектов частной собственности или ограничением иных законных прав и интересов предпринимателей; (4) следственных действий с субъектами

предпринимательской деятельности и в отношении принадлежащих им на праве частной собственности объектов предпринимательской деятельности.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. *Теоретическая значимость* исследования обусловлена созданием авторского подхода к решению ряда дискуссионных проблем, связанных с пониманием того, как должна быть устроена прокурорская уголовно-процессуальная деятельность, реализация власти прокурора обвинять и доказывать, применять законы в досудебном производстве в виду его главенствующего положения в уголовно-процессуальной-правовой организации противодействия преступности. *Практическая значимость* диссертационных результатов состоит в выработке научно обоснованных методических рекомендаций по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, предусматривающего участие прокурора в досудебном производстве, а также практики его применения. Создана модель оптимального правового регулирования участия прокурора в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Степень достоверности и обоснованности результатов исследования подтверждается:

– продолжением автором классических традиций отечественной науки уголовного процесса, а также других наук антикриминального цикла по вопросам устройства и деятельности обвинительной-прокурорской власти в досудебном производстве, а также другим вопросам, относящимся к тематике досудебного уголовного преследования и доказывания;

– связью авторской позиции, предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства с основами российского законодательства, правовыми позициями, сформулированными Конституционным Судом Российской Федерации, Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, Генеральной прокуратурой России;

– представленными в диссертации результатами авторского анализа эмпирической базы исследования, качественно и обоснованно совпадающих с

результатами, имеющимися в иных юридических источниках по проблематике, поднимаемой в работе.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные теоретические положения, итоговые выводы, рекомендации и предложения, изложенные в работе:

– докладывались на заседании кафедры уголовного процесса федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ульяновский государственный университет», где диссертация была выполнена, прошла рецензирование, обсуждение и рекомендована к защите;

– отражены в 51 научной работе, среди них 2 индивидуальные и 3 коллективные монографии, а также 46 научных статей, из которых 25 – в рецензируемых научных журналах, входящих в Перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ для опубликования результатов диссертационных исследований;

– докладывались и обсуждались на 18 международных, всероссийских и региональных конференциях и семинарах, прошедших в период с 2008 по 2024 год (Барнаул, Екатеринбург, Краснодар, Москва, Нижний Новгород, Омск, Ульяновск, Уфа, Чебоксары, Челябинск);

– внедрены в учебный процесс кафедры публичного права Государственного академического университета гуманитарных наук; кафедры подготовки юристов правоохранительных органов, уголовного судопроизводства и правозащитной деятельности Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета; кафедры правоохранительной деятельности уголовного права и процесса Псковского государственного университета; кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия; кафедры уголовного процесса Ульяновского государственного университета; кафедры уголовно-правовых дисциплин

Университета прокуратуры Российской Федерации; кафедры уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий.

– внедрены в практическую деятельность органов прокуратуры Алтайского края и Самарской области.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, объединяющих одиннадцать параграфов, заключения, списка использованных источников, пяти приложений.

Глава 1. РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ОБВИНИТЕЛЬНО-СЛЕДСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ГОСУДАРСТВА КАК ОСНОВА УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ ПОД РУКОВОДСТВОМ ПРОКУРОРА

1.1 Прокурор в отечественной уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности

Установлению правильного взгляда на организацию противодействия преступности и места в этой организации прокуратуры, на наш взгляд, мешает ряд причин идеологического и теоретико-доктринального характера.

Выяснение основных характеристик правовой организации участия прокурора в досудебном производстве возможно только в контексте освещения других фундаментальных понятий современной теории уголовного процесса. Последние, в свою очередь, взаимосвязаны с теоретико-методологическими разработками теории государства и права, уголовного права и других наук антикриминального цикла.

Размышлять о досудебном производстве, об уголовно-процессуальной деятельности прокурора в современный период развития уголовного процесса невозможно, не используя понятийный аппарат отечественной науки, все те представления, идеи, сложившиеся исторически, которые глубоко вьевшиеся в правовую культуру и правовую психологию.

Принимая силу русской правовой традиции и даже осознанно ставя целью развивать ее, полагаем для себя ту меру свободы, а вместе с тем и критического отношения к существующей модели уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве, которая возможна в рамках отечественной правовой культуры.

Эта мера определяется сравнительно-правовым исследованием, во-первых, историческим, то есть внутри российской правовой традиции, которая дала достаточно большое количество такого рода образцов, но также и сравнительно

правовым исследованием в масштабах романо-германской правовой семьи¹, которому будет посвящена третья глава диссертации.

Общий авторский замысел состоит в обновлении теоретических представлений о том, как должно быть организовано противодействие преступности в современную эпоху, и какую роль в этой организации надлежит играть прокуратуре. Это и надо считать выстраиванием теоретико-методологической основы научной позиции автора.

Разделяем мнение, что исключительно методами нормативизма, юридического позитивизма, «школы экзегезы», которая «сводит всю прикладную юридическую теорию к редакционному улучшению законодательных текстов и их комментированию»², сущностную и преобразовательную проблематику не решить. Теоретическая модель участия прокурора в досудебном производстве, как предмет науки, может отличаться от правовой модели, воплощенной в действующем законодательстве. На уровне теории, в науке могут обсуждаться различные варианты обновления, совершенствования этой позитивно-правовой модели, ибо жизнь развивается. И именно сейчас, когда история снова бросает вызов России, стоит вспомнить: а) как в прошлом было организовано противодействие преступности и какую роль в процессуально-правовой организации такого антикриминального противодействия играл прокурор; б) какие модели этой организации практикуются в других странах; в) как происходили изменения этих моделей с учетом практических потребностей в защите интересов общества, населения, бизнеса от преступлений.

Предмет данного параграфа, призванного объяснить суть авторского подхода к пониманию роли прокурора в организации правового противодействия преступности, составляют несколько вопросов. Они связаны с созданием новых

¹ Полагаем, что только в масштабе романо-германской будет корректно, но не в сравнении с англо-саксонской, мусульманской или како-либо другой. Это закономерно ввиду исторической принадлежности российской правовой, уголовно-процессуальной системы к континентально-правовой системы.

² Головкин, Л. В. Судебный прецедент как ненормативный способ легитимации судебных решений // Вестник гражданского права МГУ. 2010. № 6. С. 23.

понятий, призванных отразить изменения и новации, которые предполагаем предложить.

Первый вопрос – это вопрос о сущности того, что мы имеем в виду под «правовой организацией», а именно: «уголовно-процессуально-правовая организация реализации мер уголовно-правового воздействия и противодействия преступности» и позиционирование прокурора в этой организации.

Это центральное понятие, через которое считаем необходимым развить все остальные, создавая теоретический проект, из которого далее выводить конкретные предложения по изменению законодательства. Оно, на наш взгляд, имеет выход на проблематику, связанную с уголовной ответственностью (ее «реализацией»), с пониманием того, как происходит применение норм уголовного права (уголовно-правовое воздействие на преступность), наконец, с уголовной политикой, проводимой государством в отношении преступности.

Второй вопрос включает развитие двух взаимосвязанных понятий, так сказать, второго уровня: первое понятие – это «обвинительная власть»¹ государства и, второе, неразрывно связанное с ним понятие – это «уголовно-процессуальная форма обвинительной власти». В связи с рассмотрением второго вопроса раскроем процессуальный фактор, включая следственную форму досудебного производства и его институциональное значение для всей правовой организации противодействия преступности и соответственно - модели уголовно-процессуальной деятельности прокурора².

Начнем конструирование с развития центрального понятия, на котором строится все диссертационное исследование. Это обобщенное межотраслевое

¹ Это понятие уже давно известно и используется в научном обороте со времени действия Устава Уголовного судопроизводства 1864 г. Первый вклад в его развитие внесли классики русской уголовно-процессуальной мысли – Н.В. Муравьев, И.Я. Фойницкий и другие. В современной процессуальной литературе понятие «обвинительная власть» используется А.С. Александровым, С.Д. Беловым, В.А. Лазаревой, А.Д. Марчуком, И.В. Кругловым, А.А. Кухтой, С.А. Шейфером и рядом других ученых. Планируем развить его и дополнить новыми смыслами в русле общей концепции, развиваемой нами – о руководящей процессуальной роли прокурора.

² Выход на уголовную политику и обратным ходом к вопросу об оптимальной процессуальной форме ее проведения.

понятие, которое имеет системное, межотраслевое значение, как этого и требует новая научная специальность 5.1.4 – Уголовно-правовые науки. При этом одновременно закладывается основа для развития взгляда на руководящее место прокурора в правовой организации противодействия преступности и процессуальные формы реализации властных полномочий прокурора.

В юридической науке существуют многочисленные определения того, что можно назвать «правовой организацией противодействия преступности»¹.

Чаще всего для этого используются следующие термины «механизм», «система», «форма», «основа», «модель» и др. Все они отсылают к таким понятиям как власть, государство, право. Поэтому они, так или иначе, будут затрагиваться нами в ходе диссертационного исследования. Прежде всего, надо сразу обозначить свою позицию относительно такого понятия как обвинительная власть, которое будет иметь опорное значение для наших построений. Мы будем отталкиваться от определения обвинительной власти, данного в одном из

¹ Надо сразу объяснить, почему этот термин предпочтителен более привычному термину – «уголовная юстиция». Дело в том, что суд не противодействует преступности, он осуществляет функцию правосудия. Целенаправленное противодействие преступности осуществляют компетентные государственные органы, которые специально для это созданы. Далее мы подведем их самих и их деятельность под понятие «обвинительная власть» государства. Разумеется, ни в коей мере не намереваемся принизить значение суда в уголовно-процессуальной системе. Но полагаем, что обвинительная публичная власть играет активную, а потому ведущую роль в функционировании уголовно-процессуального механизма. Считаем также необходимым добавить, что наша позиция не противоречит мнению ряда ученых о характере взаимоотношений обвинительной и судебной властей. Так, В.А. Лазарева полагает, что деятельность всех органов обвинительной власти (органов уголовного преследования) подчинена стоящим перед судом задачам, но никак не наоборот (См.: Лазарева, В. А. Прокурор в уголовном процессе: учебное пособие для магистров. Москва : Юрайт, 2012. С. 21). Разумеется, обвинительный элемент входит в уголовно-процессуальную систему как часть в целое. И роль суда в уголовно-процессуальной системе значимее роли обвинителя – с точки зрения принятия окончательного решения по спору. Но суд рассматривает и разрешает только то уголовное дело, которое ему направил прокурор, только тот предмет уголовно-правового спора, который сформулирован в обвинении, которое «выдвинул» и поддерживает перед судом прокурор. Если прокурор не направит уголовное дело с обвинительным заключением в суд, не будет судебного процесса и приговора. Отсюда исходный посыл: кто приводит в движение уголовно-процессуальный механизм, тот и главный деятель всей правовой организации противодействия преступности. Суд ответственен за результат работы этого уголовно-процессуального механизма в той мере, в какой он принимает промежуточные и окончательное решение по уголовному делу, являющееся результатом разрешения вопроса о правомерности обвинения. Но стратегически прокуратура определяет запускать или не запускать этот механизм.

учебников: «обвинительную власть» представляет собой систему государственных органов, возглавляемых прокуратурой, наделенных соответствующими процессуальными, а также иными властными полномочиями, и их деятельность по осуществлению уголовного преследования в уголовном судопроизводстве и в ходе досудебной проверки¹.

Через понятия «тип», «форма» процесса обычно раскрывается центральная проблематика устройства уголовного судопроизводства в виде оппозиции состязательность/следственность, иногда: состязательность/ розыск (поиск). Это базовый уровень, на котором ученые делают идеологический выбор. Как правило, так делается в пользу существующей – смешанной модели уголовного процесса, с необходимым атрибутом в виде досудебного производства со следственной правовой организацией – предварительное следствие.

Другое прочно вошедшее в научный обиход понятие: механизм правового (уголовно-процессуального, но и уголовно-правового) регулирования. Это вторая по значимости понятийная категория, в которой заложено созданное советской школой права учение о том, как государство посредством закона = права (уголовного) противодействует преступности.

Наконец, особую значимость именно для «прокурорской темы» имеет понятие «прокурорский надзор», с которым прочно срослось представление об определенной модели организации и деятельности прокуратуры во всем уголовном судопроизводстве и об уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве, в частности.

Уголовно-процессуальная модель прокурорского надзора, которая главным образом, реализуется в досудебных стадиях процесса, является производной от общенадзорной модели прокурорского надзора, закрепленной в ст. 29 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»² от 17 января 1992

¹ См.: Уголовный процесс России : учебник / [Александров А. С., Ковтун Н.Н., Поляков М.П., Сереброва С.П.] ; науч. ред. В.Т. Томин. Москва : Юрайт, 2003. С. 34.

² Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.03.2024) "О прокуратуре Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472 ; 2023. № 51. Ст. 9167.

года № 2202–1¹. Суть общенадзорной концепции состоит в том, что прокуратура и прокурор (по смыслу статьи 37 УПК РФ) осуществляет надзор за исполнением законов «поднадзорными объектами».

Эта позитивно-правовая модель совпадает с доктринальной: в уголовно-процессуальной науке роль прокурора традиционно рассматривалась через призму понятия «прокурорский надзор»².

Социологические опросы³ практических работников подтверждают, что «общенадзорный стандарт» укоренен в правовом сознании сотрудников прокуратуры и является, таким образом, психической, культурной уголовно-процессуальной реальностью.

Между тем, надо отдавать себе отчет, что общенадзорная модель организации и деятельности прокуратуры является продуктом советской правовой культуры. До революции в отечественной теории господствовала иная – обвинительная концепция и идеология прокурорского надзора, о чем будет сказано далее.

Согласно советской юридической науке на всем протяжении уголовного судопроизводства единственной функцией прокурора является надзор за соблюдением законов⁴ в первую очередь правоохранительными органами. При этом уголовное преследование, предварительное расследование и даже

¹ Согласно указанной статье предметом надзора прокуратуры в досудебном производстве является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий и проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

² Чурикова, А. Ю. Правовая модель деятельности прокурора в российском и зарубежном уголовном процессе : монография / под ред. Н.С. Мановой. Москва : Изд-во Триумф, 2022. С. 37.

³ См.: Приложение № 1, ответы на вопросы №№ 10, 11.

⁴ См.: Алексеев, Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. С. 115; Шпилев, В. Н. Участники уголовного процесса. Минск : Изд-во БГУ, 1970. С. 51; Чеканов, В. Я. Прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1972. С. 96–115, Пашкевич, П. Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. Москва : Юридическая литература, 1984; Анашкин, Г. З., Перлов И. Д. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Москва : Юридическая литература, 1982 и др.

руководство прокурором предварительным расследованием рассматривались не как самостоятельные виды деятельности прокурора, а как проявление, как реализация общего надзора в досудебном производстве по уголовному делу¹.

Так, В.М. Савицкий, под предметом надзора прокурора в досудебных стадиях понимал «исполнение законов должностными лицами органов дознания и предварительного следствия в их деятельности, направленной на раскрытие преступления, установления и изобличения виновных»².

Развивая эту концепцию М.Н. Маршунов писал, что предмет прокурорского надзора составляет «законность деятельности и актов поднадзорных органов, организаций и лиц, применительно к отдельным направлениям прокурорской деятельности»³. Такое направление мыслей привело этого автора к идее *о недопустимости совмещения прокурорского надзора и предварительного расследования* (выделено нами – О.В. Левченко)⁴, которая стала господствующей в настоящее время.

Как справедливо заключает А.Ю. Чурикова, прокуратура в советское время признавалась органом **«высшего надзора»** (выделено нами – О.В. Левченко), государственно-правовая функция органов прокуратуры толковалась как *единственная функция* (выделено нами – О.В. Левченко) прокурора – участника уголовного процесса⁵.

¹ См.: Чельцов-Бebutov, М. А. Советский уголовный процесс : учебник для юрид. ин-тов и фак.] / Проф. М. А. Чельцов ; М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. 4-е изд., испр. и перераб. Москва : Госюриздат, 1962. С. 11; Даев, В.Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1974. №1. С. 72–73; Мирошниченко, И. Я. Прокурор в стадии предварительного расследования уголовных дел // Вестник Московского университета. 1973. № 2. С. 39–43.

² Савицкий, В. М. Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием. Москва : Госюриздат, 1959. С. 99, 100.

³ См.: Маршунов, М. Н. Прокурорско-надзорное право. Проблемы правового регулирования. Санкт-Петербург : Изд-во СПб. ун-та., 1991. С. 98.

⁴ Там же. С. 76, 88–89, 99–100.

⁵ См.: Чурикова, А. Ю. Указ. соч. С. 173–174.

В постсоветское время после недолгой борьбы со сторонниками перехода к обвинительной модели прокурорской деятельности в досудебном производстве, и в теории и в законодательстве возобладала концепция общего надзора¹.

Можно сказать, что советская версия концепта «прокурорский надзор», советский извод учения о прокуратуре и ее деятельности, а не классическое учение о прокуратуре и ее деятельности в уголовном процессе, сохраняет центральное положение в современном учение об участии прокурора в уголовном процессе² – досудебном производстве, а главное она воплощена в позитивно-правовой модели участия прокурора в досудебном производстве.

Так, С.И. Герасимов определяет надзор как «деятельность соответствующих прокуроров в досудебных стадиях уголовного процесса в пределах их компетенции с использованием предоставленных им законом полномочий по обеспечению законности при расследовании преступлений»³.

Более того, некоторые ученые, отталкиваясь от понятия «общий надзор» приходят к выводу о том, что органы прокуратуры, осуществляя надзор, обеспечивают соблюдение законности всеми участвующими в данной деятельности лицами, а не только дознавателями и следователями, то есть и защитником, и экспертом, и специалистом и другими⁴.

Большинство современных ученых-процессуалистов, исследуя деятельность прокурора по участию в уголовном преследовании, в доказывании, в том числе на досудебных стадиях процесса, трактуют их так же, как составные элементы «общего надзора» за исполнением законов⁵.

¹ См.: Долгова, А. И. Прокурорский надзор в советском уголовном судопроизводстве //Российский криминологический взгляд. 2014. №. 1. С. 102–110.

² Эта доктрина воплощена в одноименной юридической науке и учебной дисциплине: «прокурорский надзор».

³ Настольная книга прокурора / под ред. С. И. Герасимова. Москва : Экслит, 2002. С. 64, 397.

⁴ См.: Тушев, А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. Санкт-Петербург : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. С. 85.

⁵ См.: Королев, Г. Н. Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе. Москва : Юрлитинформ, 2006. 360с.; Крюков, В. Ф. Прокурор в уголовном судопроизводстве России: (история и современность) Курск : б/и, 2012; Тушев, А. А. Указ. соч. С. 14; Шалумов, М. С. Система функций российской прокуратуры. Кострома, 2003; Коломеец,

Прокурор позиционируется как орган надзора за исполнением законов¹, то есть прокурор – это общенадзорный орган², а потом уже субъект уголовного преследования, доказывания, участник отношений с органами предварительного расследования.

Функции надзора и уголовного преследования в деятельности прокурора рассматривают как первоначальную и производную соответственно, опираясь при этом на анализ деятельности прокуратуры как органа, а не прокурора как участника уголовного судопроизводства³.

Некоторые предлагают формулировку «предмет надзора, должен быть сформулирован как «прокурорский надзор за исполнением закона в досудебном производстве по уголовным делам»⁴. Или даже: «Прокурор за проведением расследования надзор не осуществляет, так как не наделен для этого соответствующими полномочиями»⁵.

Е.В. Использование прокурором средств реагирования в досудебном производстве : диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2019. 259 с.; Гасанова, У. Н. Беспристрастность, объективность и справедливость как стандарты деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве : диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2022. 164 с.

¹ Теория прокурорского надзора подчеркивает, что имеются в виду федеральные законы – только за их исполнением осуществляется прокурорский надзор. Однако в сфере уголовного судопроизводства прокурор надзирает за исполнением не только УПК РФ и других федеральных законов, но и соблюдением учетно-регистрационной дисциплины, которая регулируется ведомственными нормативно-правовыми актами, а также за составлением статистики, отчетами и даже служебной перепиской, которая ведется следователями, оперуполномоченными, другими поднадзорными «объектами».

² Поэтому многие ученые полагают, что в предмет прокурорского надзора в досудебном производстве входит не только процессуальная и иная правовая деятельность правоохранительных органов – например, ОРД. Кроме того, как полагают некоторые исследователи, органы прокуратуры, осуществляя надзор, обеспечивают соблюдение законности всеми участвующими в данной деятельности лицами, а не только дознавателями и следователями (см., напр.: Тушев. А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. С. 85).

³ См.: Никитин, Е. Л. Актуальные проблемы прокурорской деятельности при осуществлении уголовного преследования : диссертация ... кандидата юридических наук: Санкт-Петербург, 2000. С. 55.

⁴ Абдул-Кадыров, Ш. М. Осуществление прокурором уголовного преследования и надзора за исполнением закона в досудебном производстве : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. Москва, 2015. С. 8.

⁵ См.: Даровских, О. И., Даровских С. М. Прокурор в уголовном судопроизводстве: монография. Челябинск : ЮУрГУ, 2020. С. 64, 65.

А.М. Наумов предлагает именовать уголовно-процессуальную деятельность прокурора в досудебном производстве «надзором за законностью в процессуальной деятельности органов дознания и предварительного следствия»¹. По мнению А.А. Тушева, «надзором за соблюдением и исполнением законов органами дознания, предварительного следствия и другими субъектами уголовного процесса, за деятельностью которых прокурор уполномочен надзирать, при возбуждении уголовных дел и расследовании преступлений»².

Такого рода «находки» в понимании сущности уголовно-процессуальной деятельности в рамках концепции общего надзора мало приближают к решению главного вопроса: о направлении оптимизации правового регулирования этой деятельности. Полагаем, что концепция общего надзора для этого малопригодна.

Если исходить из схемы «общий надзор», то легко можно попасть под влияние самоценности надзора как такового и в конечном итоге оправдать сложившуюся на настоящий момент правовую организацию досудебного производства, при которой прокурор надзирает, следователь расследует. Но остается в тени самое главное: кто отвечает за законность, справедливость выдвижения обвинения и его доказанность.

Понятие «прокурорский надзор» слишком абстрактно, а потому может использоваться в различных идеолого-теоретических построениях. Поэтому мы не будем углубляться в теорию современного общего надзора прокуратуры. Тем более – вдаваться с терминологические споры, к которым склонны отдельные ученые-исследователи, относительно того, как правильнее надо называть «надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и органов дознания» (как в УПК РФ) или «надзор за исполнением законов органами,

¹ См.: Наумов, А. М. Прокурорский надзор за законностью предварительного расследования преступлений на транспорте: диссертации ... кандидата юридических наук. Москва, 2005. С. 8–9.

² См.: Курбанов, Р. Д. Прокурорский надзор за исполнением законов в досудебном производстве по уголовным делам о незаконной добыче водных животных и растений: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. Москва, 2002. С. 9; Наумов, А. О законодательном закреплении понятия прокурорский надзор за законностью в процессуальной деятельности органов дознания и предварительного следствия // Уголовное право. 2005. № 2. С. 119.

осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие», как это закреплено в статье 29 Федерального Закона «О прокуратуре Российской Федерации»¹.

Присоединяемся к мнению тех авторов, которые считают общенадзорную трактовку положения прокурора в досудебном производстве не совсем корректной². Прокурорский надзор не требуется выделять в качестве отдельной самостоятельной функции прокурора в уголовном процессе³.

Вполне согласны и с тем, что распространенное в теории уголовного процесса и прокурорского надзора рассмотрение уголовно-процессуальной деятельности прокурора исключительно как деятельности надзорной, устарело и не отвечает современным реалиям⁴.

Разделяем позицию тех ученых, которые полагают, что именно уголовное преследование надо рассматривать в качестве основной процессуальной функции прокурора⁵. «Прокурорский надзор охватывается функцией уголовного преследования»⁶. Прокурорский надзор в сфере уголовного судопроизводства, руководство предварительным расследованием и координация деятельности правоохранительных органов являются способами осуществления прокурором государственного уголовного преследования, так как осуществление последнего предполагает в силу его специфики использование справедливых, то есть законных и гуманных способов реализации⁷.

¹ См.: Костин, Д. В., Кобзарев Ф. М. О совершенствовании нормативно-правовых основ прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 2 (52). С. 4–5; Наумов, А. О законодательном закреплении понятия прокурорский надзор за законностью в процессуальной деятельности органов дознания и предварительного следствия. С. 119; Тушев, А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. С. 85.

² См.: Чурикова, А. Ю. Указ. соч. С. 174.

³ См.: там же. С. 174.

⁴ См.: там же. С. 5.

⁵ Макаренко, М. А. Правовые связи надзорного типа в уголовно-процессуальных правоотношениях с участием прокурора // Вестник Санкт-петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 91.

⁶ См.: Шадрин, В. С. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора и органов предварительного расследования. Досудебное производство. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург : СПб юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2007. С. 15.

⁷ Чурикова, А. Ю. Указ. соч. С. 40.

Говоря о соотношении функций уголовного преследования и надзора в деятельности прокурора, нельзя согласиться с мнением авторов, считающих, что «главной функцией прокуратуры является надзор за исполнением законов»¹.

Такой подход является, как верно указывает А.Ю. Чурикова, искусственным. Необоснованно называть деятельность прокурора в досудебном производстве «надзором». Уголовное преследование всегда было основополагающей функцией, катализатором уголовно-процессуальной деятельности прокурора, «движущей силой» уголовного процесса. Надзор же призван обеспечивать законность уголовного преследования, выступая, способом опосредованного осуществления последнего².

Поддерживаем позицию, согласно которой «надзор» – это средство, своего рода форма, в которой прокурор должен реализовывать свою уголовно-процессуальную деятельность, содержанием которой является обвинение и доказывание. Считаю правильной точку зрения профессора В.С. Шадрин о том, что «прокурорский надзор, согласно УПК РФ, охватывается функцией уголовного преследования»³ и поэтому необходимо «честно, без ханжества признать и недвусмысленно закрепить в законе, что прокурор является руководителем и организатором всей системы уголовного преследования»⁴.

Итак, общенадзорную доминанту в уголовно-процессуальной деятельности прокуратуры невозможно отрицать и оспаривать⁵. Это правовая реальность. Но надо понимать ее историческую относительность, идеологическую направленность. Мы же ставим под сомнение необходимость следования

¹ См.: Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1: практическое пособие / О. С. Капинус [и др.] ; под общей редакцией О. С. Капинус, С. Г. Кехлерова ; под научной редакцией А.Ю. Винокурова. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2021. С. 34–35.

² Чурикова, А. Ю. Указ. соч. С. 62.

³ См.: Шадрин, В. С. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора и органов предварительного расследования. Санкт-Петербург : СПб юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2007. С. 15.

⁴ См.: Баев, О. Я. Функция следователя и прокурора - уголовное преследование // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С. 123.

⁵ В виду ее официального характера, закрепленного в действующем законодательстве. Акцент на данном понятии будет сделан в третьей главе, где будут подвергнуты анализу проблемы участия прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса. Здесь же мы сосредоточимся на общих, концептуально-теоретических вопросах.

советской уголовно-процессуальной идеологии, идеологии советского общего надзора. Полагаем именно в них заключаются причины тех теоретико-методологических затруднений, а главное проблем правового регулирования и правоприменения.

Обвинительный аспект превалировал в трактовке сущности уголовно-процессуальной деятельности прокурора на протяжении значительного времени. Оптимизация уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве концептуально видится в русле отечественной досоветской правовой доктрины. Полагаем, что в новую эпоху она стала вновь востребованной. Считаем возможным вернуться к «хорошо забытому» знанию - классическому учению о прокурорском надзоре и его реализации, созданному генерал-прокурором Российской империи – Н.В. Муравьевым¹, а также другими русскими учеными в период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. на пике развития отечественной уголовно-процессуальной правовой культуры.

Современное понятие «прокурорский надзор» и другие, производные от него понятия, нагружены идеологией, смыслами, которые отсылают как к определенной традиции, так и к позитивному праву, которые, разумеется, нельзя игнорировать. Но нельзя и попасть и в зависимость от них, утратив свободу творчества и мысли. Разумеется, будем постоянно иметь его в виду и комментировать уголовно-процессуальные правовые явления в свете русской – дореволюционной классической теории участия прокурора в уголовном процессе, в досудебном производстве.

Для выработки своего понимания уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве мы выбрали в качестве опорного термин «организация». Он кажется нам более других предпочтительным в силу тех значений, которые с ним связаны. Организация (от греч. ὄργανον – инструмент; позднелат. organizo – сообщаю стройный вид, устраиваю) – это целевой процесс по созданию или усовершенствованию взаимосвязей между частями и

¹ Развитию данного учения будет посвящен следующий параграф.

элементами с целью внесения упорядоченности в их совместную деятельность и повышения ее эффективности. Одновременно, это и внутренняя упорядоченность, взаимодействие частей целого, обусловленная его строением. И наконец, это сама структура, взаимосвязь частей и элементов чего-либо целого¹. Таким образом, исходный термин обладает той многозначительностью, которая позволяет охватить различные аспекты достаточно сложного явления, а именно: прокурор в досудебном производстве как главный субъект всей правовой организации противодействия преступности.

В самом общем виде под мыслимой нами «правовой организацией» можно понимать, во-первых, систему субъектов – компетентных государственных органов, во-вторых, их внутреннее взаимодействие между собой, в-третьих, их совместную деятельность (процессуальную) для оказания противодействия преступности, как внешнего вне(анти)системного объекта. Для нас важен учет комплексного, межотраслевого характера анализируемого явления, что и позволяет выразить термин «организация» и то, что оно «противодействует преступности».

Согласно современным научным представлениям² к «государственно-правовой организации противодействия преступности» относятся, в первую очередь, нормы уголовного права, далее – нормы уголовно-процессуального и ряда иных отраслей права антикриминальной направленности, используемые в ходе уголовного судопроизводства судами и другими правоохранительными органами, уполномоченными на применение мер правового воздействия (прежде всего уголовно-правового) к лицам, совершившим преступления, с целью защиты

¹ См.: Юдин, Б. Г. Организация // Большая Советская Энциклопедия / Б. Г. Юдин. 3-е издание. Москва, 1978. Текст : электронный // БСЭ : [сайт]. – URL: <http://bse.sci-lib.com/article084795> (дата обращения: 28.06.2022).

² См., напр.: Александров, А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.

общества и личности от преступности и восстановления нарушенных преступлениями общественных отношений¹.

Разделяем точку зрения на то, что организация – это процесс взаимодействия участников деятельности и это сама деятельность по достижению цели, для которой и создана организация², если короче, то «правовая организация противодействия преступности» - это определенный процесс, во главе которого должен стоять прокурор.

Важно подчеркнуть процессуальную основу правовой организации противодействия преступности, на что указывают авторы приведенных исследований³. Полностью разделяем эту установку на понимание того правового явления, которое имеем в виду.

Эта позиция в корне отличается от той, что доминировала ранее. Классическая точка зрения на то, как происходит уголовно-правовое воздействие на преступность – через применение норм уголовного права к преступникам. Подобная точка зрения имела всегда отраслевую прописку. В уголовно-правовых науках доминировало и продолжает господствовать мнение о том, что уголовно-правовое воздействие осуществляется если не исключительно⁴, а главным образом уголовно-правовыми средствами, то есть уголовным правом⁵. В

¹ См.: Власова, С. В. Уголовно-право-процессуальная организация противодействия экономической преступности в новую эпоху: монография. Москва : Юрлитинформ, 2022. С. 18, 23–24, 47 и след.

² См.: Власова, С. В. Теоретическая концепция правовой (уголовно-процессуальной) организации противодействия преступности в сфере экономики : монография. Москва : Юрлитинформ, 2020. С. 123.

³ См.: Александров, А. С., Александрова И. А., Власова С. В. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в XXI веке // Государство и право. 2019. № 9. С. 85.

⁴ См., напр.: Благоев, Е. В. Применение уголовного права (теория и практика). Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. 503 с.; Жариков, Ю. С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации. Москва ИД "Юриспруденция", 2009. 210 с. ; Кропачев, Н. М. Механизм уголовно-правового регулирования: диссертация ... доктора юридических наук в форме науч. доклада. Санкт-Петербург, 2000. 59 с.

⁵ См., напр.: Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 44; Кибальник, А. Г. Нужен ли новый «рецепт спасения» уголовно-правового? Скорбные размышления о статье А.С. Александрова и А.И. Александровой // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 100–105;

уголовно-процессуальной науке та же самая проблема – противодействие преступности правовыми средствами – освещалась под «процессуалистским» углом зрения. И тому и другому – отраслевым подходам – недостает системности. Системный подход, при котором явление рассматривается во всем многообразии, с различных точек зрения, комбинированно, обеспечивает понимание «правовой организации», в которую входят все антикриминальные отрасли права и производные от них правовые явления.

Принимая идею о процессуальной детерминации¹ правовой организации противодействия преступности, полагаем, что именно процесс лежит в основе этой организации и является механизмом реализации мер уголовно-правового воздействия. Поэтому в самом названии мыслимой нами «организации» на первое место ставим процессуальный момент: «уголовно-процессуально-правовая организация»².

Отметим, что в уголовно-правовой науке, а также в теории государства и права через понятия «механизм правового регулирования», «механизм уголовно-правового регулирования», «правовой механизм противодействия преступности» и пр. определяют тот феномен, который мы имеем в виду³.

Согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ к числу «организационно-правовых механизмов» отнесены установленные законодателем дополнительные материально-правовые и процессуальные гарантии⁴. Но дело,

Савенков, А. Н. Вопросы уголовной политики государства // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 1. С. 163–171.

¹ О чем подробнее скажем далее.

² Позиция опрошенных нами практиков по данному вопросу изложена в приложениях.

См.: Приложение № 1, ответы на вопрос № 4, Приложение № 2, ответы на вопрос № 4, Приложение № 3, ответы на вопрос № 4.

³ См., напр.: Авдеев, В. А., Авдеева О. А. Механизм правового регулирования и уголовно-правового воздействия: соотношение доктринальных и практико-реализационных принципов // Вестник ЮГУ. 2019. № 1 (52). С. 7–14; Ковалева, В. В. Основные подходы к понятию механизма правового регулирования в современной юридической литературе // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2. С. 24–30; Козубенко, Ю. В. Механизм уголовно-правового регулирования: элементный состав // Российский юридический журнал. 2011. № 1 (76). С. 193–196.

⁴ См.: преамбула Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной

конечно, не только и не столько в терминологии, сколько в объективной потребности перемены в представлениях о том, как устроено правовое (уголовно-правовое) воздействие на социальные явления, в частности, на преступность. Это особенно важно на переломном этапе государственно-правового развития нашего государства.

Поэтому традиционное понятие «механизм» мы объединяем с понятием «правовая организация» для того, чтобы выйти на другое понятие, в которое будет вложен смысл, отражающий нашу концепцию об уголовно-процессуальной модели деятельности прокурора в досудебном производстве.

В связи с «механизмом» (правового регулирования, правоприменения) обычно затрагивается проблема императивного и диспозитивного методов; первый элемент является символом публичного начала, второй – частного. Это принципиально важно и для создаваемого нами понятия «организация».

В доктрине отечественного уголовно-процессуального права, особенно в последнее время, под влиянием поиска особых правовых мер противодействия экономической преступности стали «модными» рассуждения об усилении диспозитивности¹.

В свете темы исследования тезисы о том, что прокурора можно считать субъектом диспозитивности, как об этом писал в свое время А.С. Александров², или о конвергенции частного и публичного права³ или об

ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Российская газета. 2016. 24 ноября. № 266.

¹ См., напр.: Александров, А. С., Зайцев О. А. Перспективы развития договорных механизмов в «экономическом уголовном судопроизводстве» // Устойчивый экономический рост и право: сборник материалов к XVI Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / ред. кол.: В.М. Жуйков, О.В. Гутников, С.А. Сеницын, М.Л. Шелютто; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва : ИД «Юриспруденция», 2021. С. 236–245.

² См.: Александров, А. С. Диспозитивность в уголовном процессе. Нижний Новгород : НЮИ МВД РФ, 1997. С. 112.

³ Некоторые прямо говорят о феномене «приватизации» уголовно-процессуального права.

См.: Александров А.С., Зайцев О.А. Указ. соч. С. 241.

отождествлении обвинения с иском¹, представляются неуместными. Подобная степень приватизации публично-правовой по своей сущности правовой организации противодействия преступности невозможна, ибо государство – публичная власть, которая остается сутью организации². Мы имеем в виду государственную «правовую организацию», главным методом деятельности которой является императивно-правовой метод.

Перейдем к пониманию правовой организации в несколько иной плоскости, а именно: функциональной (регулятивной). Речь идет о том, как происходит воздействие данной организации на объект воздействия – преступления, преступность, преступников. Здесь уместно вспомнить известное в отечественной юридической науке понятие «механизм правового регулирования», которое можно видоизменить как организационно-правовой механизм применения закона (уголовного и уголовно-процессуального) или оказания уголовно-правового воздействия.

Рассуждения об уголовно-процессуальном регулировании³, «форме уголовно-процессуального регулирования», «механизме уголовно-процессуального регулирования»⁴ являются традиционными для процессуалистики. При этом надо подчеркнуть то, что с термином «механизм» сложилась вполне отчетливая этатистская (государство-центричная) традиция⁵

¹ См: Арсеньев, В. Д. "Судебная власть" и "уголовный иск" // Актуальные правовые вопросы борьбы с преступностью. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. С. 165–171.

² В массовом сознании правоприменителей доминирует представление о государстве как едином субъекте уголовно-правового правоприменения. Это факт правовой культуры и психологии, с которым нельзя не считаться.

См.: Приложение № 1, ответы на вопросы №№ 1-3, Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 1-3, Приложение № 3, ответы на вопросы №№ 1-3.

³ См.: Галкин, Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон. Москва : Госюриздат, 1962. С. 61–72; Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности /под ред. Савицкого В. М. Москва : Наука, 1979. С. 78; Советский уголовный процесс /под ред. Карнеевой Л.М., Лупинской П.А., Тыричева И.В. Москва : ВЮЗИ, 1980. С. 61–64.

⁴ См.: Шпилев, В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск: Изд-во БГУ, 1974. С. 23–24; Элькин, П. С. Сущность уголовно-процессуального права. Ленинград : ЛГУ, 1963. С. 87–119; Уголовный процесс :учебник / Алексеев Н.С. и др.; отв. ред.: Алексеев Н.С., Лукашевич В.З., Элькин П.С. Москва : Юрид. лит., 1972. С. 42–46.

⁵ См.: Власова, С. В. Уголовно-право-процессуальная организация противодействия экономической преступности в новую эпоху: монография. Москва : Юрлитинформ, 2022. С. 156–157.

понимания правовых феноменов, в том числе, и уголовно-процессуальных правовых явлений. Под «механизмом правового регулирования» понималось уголовно-процессуальное право, которое используется государством, как средство регулирующего воздействия на общественные отношения, поведение участников этих отношений (уголовно-процессуальных)¹.

В состав понятия «правового механизма» включали такие элементы, как правовые нормы, правовое положение субъектов этих отношений; юридические факты, порождающие уголовно-процессуальные отношения, правосознание субъектов правоприменения². То есть государство посредством «права» воздействует на общественные отношения, поведение лиц в той или иной сфере, регулирует отношения; государство использует право (закон) для достижения определенных целей (например, артикулируемых через уголовную политику).

Такого рода подход к пониманию правового – уголовно-процессуального механизма (регулирования) можно сказать доминирует в современной науке уголовно-процессуального права³. В уголовно-правовой науке сложилась своя система представлений о механизме уголовно-правового регулирования и его деталях⁴. При этом исследователи, как правило, ограничиваются указанием на то, что все его составляющие имеют уголовно-правовую природу¹.

¹ Ведущие отечественные теоретики понимали под правовым механизмом или «механизмом правового регулирования» (общественных отношений) «комплекс», или «арсенал» правовых средств», который используется государством для регулирования общественных отношений, оказания влияния на поведение людей), с помощью которых осуществляется правовое регулирование общественных отношений.

См.: Алексеева, Л. Б., Ларин А. М., Строгович М. С. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / отв. ред. В.М. Савицкий. Москва : Наука, 1979. С. 107; Галкин, Б.А. Советский уголовно-процессуальный закон. Москва : Госюриздат, 1962. С. 61–72; Зусь, Л. Б. Правовое регулирование в сфере уголовного судопроизводства. Владивосток : ДВГУ, 1984. С. 35–38; Уголовный процесс. Москва, 1972. С. 42–46; Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности /под ред. Савицкого В. М. Москва : Наука, 1979. С. 76–78.

² См.: Зусь, Л. Б. Указ.соч. С. 35–38, 68–70, 103–104; Муравьев, К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно- правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск : Омская академия МВД России, 2017. С. 63–65.

³ См., напр.: Вершинина, С. И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения. Москва : Юрлитинформ, 2017. С. 31–42, 63 и др.

⁴ См.: Благов, Е. В. Применение уголовного права (теория и практика). Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. 503 с. ; Жариков, Ю. С. Уголовно-правовое регулирование и

С понятием «механизм уголовно-правового регулирования» неразрывно связано представление о ведущем значении уголовного права и вторичном значении уголовно-процессуального права – в системе противодействия преступности. Такую установку на понимание правовой организации противодействия преступности некоторые современные авторы называют материальным детерминизмом, а его крайние проявления на уровне правовой психологии и правовой культуры – процессуальным нигилизмом².

Налицо отраслевой изоляционизм в понимании того общего, что оказывает регулятивное – уголовно-правовое воздействие на общественные отношения, нарушенные преступлением. Вполне можно принять точку зрения на то, что «механизм», «организация», о которых идет речь, должны носить комплексный – «процессуально-материальный» – правовой характер; с уточнением, что преобладать должно процессуальное начало. Это позволяет в итоге персонифицировать субъекта, уполномоченного осуществлять от имени государства руководство деятельностью всех правоохранительных органов по противодействию преступности³. По нашему мнению, этим субъектом, судя по всему, должен быть прокурор.

Материальный (уголовно-правовой) подход помимо того, что не различает «право» и «закон», игнорирует различие между властями государства, что, опять

механизм его реализации. Москва : ИД "Юриспруденция", 2009. 210 с. ; Кропачев, Н.М., Прохоров В.С., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: Норма, правоотношение, ответственность / науч. ред. Н.А. Беляев. Красноярск, 1989. С. 89; Механизм уголовно-правового регулирования: Уголовная ответственность: учебное пособие / Горелик А.С. и др. Санкт-Петербург : С.-Петербур. гос. ун-т, 2000. С. 32.

¹ См.: Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация: монография. Москва : РГ-Пресс, 2015. 318 с. ; Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. 337 с. ; Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 томах. Т. 3. Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. Н.А. Лопашенко. Москва : Юрлитинформ, 2016. 751 с.

² См., напр.: Александров, А. С., Александрова И. А. О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 4 (58). С. 6–19.

³ А именно это и составляет одну из задач диссертационного исследования.

же исключает постановку вопроса о том, кто конкретно ответственен и уполномочен на противодействие преступности.

Полагаем, что в целом господствующая доктринальная концепция «правового регулирования», созданная отечественными правоведами, не вписывается в модель правового государства и в частности, она противоречит модели разделения судебной власти и власти обвинительной при осуществлении уголовно-правового воздействия к субъектам преступлений.

Несмотря на активизировавшиеся попытки возрождения концепции государства как некоей единой организации, которая осуществляет не только уголовное преследование, но уголовное судопроизводство¹ и соответственно противодействует преступности, мы остаемся верны русской классической традиции в том, что обвинение и суд должны быть разделены.

Л.В. Головки утверждает, что «государство в лице своих органов (представителей) осуществляет уголовное преследование нарушившего уголовный закон частного лица»². Однако суд не может быть поставлен в ряд такого рода «преследователей». Иначе надо отменять статью первую Конституции РФ, где закреплено понятие правового государства, статью 123 часть 3 Конституции РФ, где говорится о состязательности. Можно допустить слияние функций предварительного расследования и обвинения, но соединение обвинения и суда несовместимо для понятия организации противодействия преступности как правовой. От такого слияния она потеряет свойство правоты.

Очевидно, в современных условиях государственного развития надо в новых конструируемых понятиях совместить представления «правовое государство», «разделение властей» с тезисом о государстве, которое противодействует преступности. На наш взгляд, тенденции концентрации, централизации власти отвечает концепция централизации обвинительной власти, снятие внутри нее системы сдержек и противовесов, многие из которых имеют

¹ См.: Головки, Л. В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. № 6. С. 107–118.

² Головки, Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография. Москва : Издательский Дом «Городец», 2022. С. 114.

следственное происхождение, но при сохранении принципиального разделения власти обвинительной и судебной. Сильное государство, противостоящее преступности, сильно двумя отдельными властями. И об усилении власти, централизации ее полномочий уместно говорить внутри обвинительной власти. Поэтому одним из ключевых тезисов исследования является усиление власти прокурорской внутри обвинительной системы.

Полагаем, что сохраняет силу положение, согласно которому Россия – правовое демократическое государство, но не автократия. Разница между этими моделями государственно-правового устройства состоит, прежде всего, в разделении властей (судебной и исполнительной) и наличии системы сдержек и противовесов между ними. Указанный принцип разделения властей государства должно определять сущность того организационно-правового механизма противодействия преступности, о котором мы говорим. Суд независим по отношению к исполнительной власти и в этом заключается самоограничение, сдерживание государства¹. Судопроизводство есть принципиальное самоограничение государства правом, определяющим и закрепляющим свободу личности². Это положение лежит в основе того организационно-правового механизма разрешения уголовного дела, в котором главными субъектами применения уголовно-процессуальных норм являются стороны, а суд, как арбитр, разрешающий уголовно-правовой спор³, выступает органом применения уголовного закона. Через уголовно-процессуальную деятельность сторон и суда происходит вначале создание, а затем – предложение о применении меры

¹ См.: Мизулина, Е. Б. О технологической теории уголовного процесса // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие): сборник статей и материалов / под ред. Е.Б. Мизулиной и В.Н. Плигина. Москва, 2006. С. 72, 73.

² Венгеров, А. Б. Несущие конструкции правового государства (разрозненные заметки о советском обществе) // Право и власть. Человек, право, государство. Человек, закон и правосудие. Москва : Прогресс, 1990. С. 100; Яковлев, В. Ф. Правовое государство: вопросы формирования. Москва : Статут. 2012. С. 250.

³ Михайловский, И. В. Основные принципы организации уголовного суда. Томск : паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1905. С. 93.

уголовно-правового воздействия, которое реализуется в обвинительном приговоре и исполнении назначенной им меры уголовной ответственности.

Запрет на совмещение судебной и обвинительной функции – самый важный и достаточно трудно исполнимый запрет, но на нем основывается работа уголовно-процессуального механизма. Верховенство права, гарантирующего права и свободы личности, и определяющего пределы полномочий судебной и исполнительной властей, их деятельность, является вторым принципиальным моментом устройства правосудия в правовом государстве. Один из классиков уголовно-процессуального права Н.Н. Розин писал, что, когда отпадает нужда в преувеличенной заботе о государственных интересах, поглощающей интересы личности, «суд из орудия управления превращается в нормальный институт правосудия – в орган разрешения правового спора»¹.

Такая либеральная концепция сейчас подвергается резкой критикой со стороны неоконсерваторов, которые создают обманчивую перспективу якобы имеющему место противопоставлению государству суда². Полагаем, что этот риторический прием имеет целью подорвать основу понятия правового государства: разделения его властей. Суд разделен не с государством и государству не противостоит. Он разделен с исполнительной – обвинительной властью государства, возглавляемой прокуратурой. Это делает возможным независимость и объективность суда в уголовно-правовом споре между обвинительной властью и лицом, обвиняемым ею в совершении преступления³.

Организационно-правовой механизм уголовно-правового противодействия преступности основан на системе сдержек и противовесов между обвинительной

¹ См.: Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство. Петроград : Издание Юридического книжного склада «ПРАВО», 1916. С. 300.

² См.: Суд и государство / под ред. Л.В. Головки, Б. Матвеева. Москва : Статут, 2018. С. 112; Головки, Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография. С. 28, 42–43.

³ Оценка самими правоприменителями правовой организации современного досудебного производства в контексте противопоставления состязательности (обвинительности) следственности как факт современной «психоправовой реальности» отражена в результатах их опросов.

См.: Приложение № 1, ответы на вопрос № 6, Приложение № 2, ответы на вопрос № 5, Приложение № 3, ответы на вопрос № 5.

(исполнительной) властью и судебной властью, которые определяют обвинительную правовую организацию всего правоприменительного процесса – уголовно-правового воздействия на преступность.

Поэтому под явлением, которое можно обозначать и «организация» и «механизм», следует понимать правовую организацию деятельности стороны обвинения и суда с участием защиты по определению основания и выработке решения о применении нормы уголовного права ввиду означенного основания, каковым является доказанный факт совершения преступления, совершения иного общественно-опасного деяния, запрещенного уголовным кодексом. Полагаем, что понятие «уголовно-процессуальный механизм» должно объяснять то, как происходит применение норм уголовного кодекса к конкретным случаям совершения преступлений.

В связи с этим становится очевидным и другой вывод Н.Н. Розина: «...когда не существует настоятельной нужды в усиленном ограничении государственных интересов и поглощения ими интересов личности или когда этой нужды не чувствуются с особой остротой ... суд из орудия управления превращается в нормальный институт правосудия – в орган разрешения правового спора: спора или между гражданами или между гражданином и государством. Процесс при таких условиях также приобретает свою *нормальную физиономию* (выделено нами – О. В. Левченко) – именно в нем появляется отделенные от суда, обладающие обширными правами стороны, а суду отводится только его естественная роль органа, призванного к разрешению спора сторон о праве; одним словом, – процесс становится *обвинительным или состязательным* (выделено нами – О. В. Левченко)»¹. Мы являемся сторонниками концепции обвинительного процесса, в котором публичный обвинитель по должности, то есть прокурор, главенствует в предварительный процессуальный период подготовки основания обвинения и выступает одной из сторон в уголовном судопроизводстве, где это обвинение является предметом доказывания.

¹ Розин, Н. Н. Указ. соч. С. 300.

Второе принципиальное замечание относительно конструируемого нами понятия «уголовно-процессуально-правовая организация реализации мер уголовно-правового воздействия» состоит в выработке представления о сущности понятия «уголовно-правовое противодействие».

Как уже отмечалось выше, в уголовно-правовой науке сформировалось узкоотраслевое понятие «уголовно-правовое воздействие». Учеными-процессуалистами недавно была предпринята попытка «опроецировать» его¹. Суть ее заключается в тезисе о том, что в процессе по делу из закона производится средство уголовно-правового воздействия.

Поддерживая этот тезис, солидарны с тем, что назрел переход от традиционного видения того, как происходит действие уголовного закона, как осуществляется «правоприменение», к понятию процессуально-правового механизма выработки и реализации мер уголовно-правового воздействия к лицам в связи с установлением факта совершения ими преступлений.

Важно вложить новый смысл в термин «правовой механизм», чтобы, во-первых, по-иному объяснить соотношение уголовно-процессуальной деятельности и применение норм уголовного права. Необходим отход от трактовки процессуального только как «формы» в отношении материального, к процессуальной организации уголовно-правового воздействия. А во-вторых, и это самое главное – в понимании правоприменения – правового воздействия попытаемся выяснить назначение, сущность, содержание деятельности прокурора в досудебном производстве в современном уголовном процессе.

Для конструирования этого правового понятия надо поменять представление о двух исходных категориях: во-первых, о праве и правоприменении и, во-вторых, об уголовной ответственности и основании таковой.

¹ См.: Александров, А. С., Александрова И.А. Процессуальная стратегия развития уголовного права в 21-ом веке // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVIII Международной научно-практической конференции. 21–22 января 2021 г. МГЮА. Москва : МГЮА, 2021. С. 27–31.

Прежде всего, надо сказать о «праве» в свете мыслимого нами понятия «организационно-правового механизма». Нормативно-догматического подхода здесь уже недостаточно. В современной уголовно-процессуальной теории¹ подверглось критике традиционное представление о государстве, как источнике «объективного (позитивного) права», которое оно использует для урегулирования (охраны) общественных отношений. Оно, на наш взгляд, приводит к выводу о том, что государство и его судебные-следственные органы представляют единое целое («вертикаль власти» (судебно-следственной, прокурорской)), которое «создает» уголовное дело, наказывает преступника, совершает в отношении него другие общественно-полезные практики (в том числе принуждение). И все это происходит по объективной необходимости: в силу неотвратимого наступления уголовной ответственности за каждое совершенное преступление.

Подобное правопонимание, такая правовая культура выражаются в системе концептуальных положений, в том числе:

1) основание уголовной ответственности возникает с момента совершения преступления;

2) уголовный процесс является производным от уголовного права явлением и «обслуживает» применение уголовно-правовых норм;

3) полномочия правоохранительных органов, включая суды, производны от обязанности государства реализовывать уголовную ответственность и потому они императивны по своей сути.

В контексте таких представлений о преступлении и наказании, о правовом воздействии государства на преступность трудно, если вообще не невозможно выстраивать правовые конструкции, отвечающие нашему замыслу, который, подчеркнем еще раз, в своей основе строится на понятии правового государства и на правовом, а не произвольном воздействии правового государства на преступность.

¹ См., напр.: Власова, С. В. Уголовно-право-процессуальная организация противодействия экономической преступности в новую эпоху : монография. Москва : Юрлитинформ, 2022. С. 123.

Разделяем позицию, согласно которой право «объективно», оно является «независимым» от государства, от государственного правоприменителя, явлением. Верховенство права означает то, что правоприменение приводится в действие законом, смысл которого определяется в ходе правоприменения, важно, чтобы доступ к происходящему при этом правотворчеству имели все заинтересованные лица, а не только представители государства.

Право является не просто законом государства, но инструментом, который создается из действующего закона в процессе разрешения уголовно-правового спора между обвинительной властью государства и обвиняемым в совершении преступления. Инструментом создания является толкование смысла текста закона в процессе диалога, процессуальной коммуникации участников процесса. В этом суть коммуникативной теории права¹, которая была творчески развита и применена некоторыми процессуалистами².

Подобный подход к пониманию «права» и «процесса» позволяет нам по-новому истолковать механизм действия правовой организации противодействия преступности³.

Реальное средство уголовно-правового воздействия – это истолкованный в контексте конкретного уголовно-правового конфликта уголовный закон как

¹ См.: Поляков, А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права : учебник. Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2005. С. 274–275; Поляков, А. В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 12; Тимошина, Е. В. Классическое и постклассическое правопонимание как стили философско-правового мышления // Постклассическая онтология права : монография / под ред. И.Л. Честнова. Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. С. 264.

² См.: Александров, А. С., Александрова И. А., Терехин В. В. Шесть критических эссе о праве и правосудии // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И.Л. Честнова. Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. С. 572–578.

³ Вполне допускаем возможность и иного подхода к пониманию права и его действию, которое исходит из постулата о том, что «сильное государство» применяет уголовный закон (право) к преступникам (См., напр.: Малиновский, А. А. Концепт «сильное государство» в политико-правовом измерении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 3. С. 506–526; Он же. Критические размышления о концепции уголовного права в «широком» смысле // Библиотека криминалиста : Научный журнал. 2013. № 2(7). С. 173–178; Кибальник, А. Г. Нужен ли новый «рецепт спасения» уголовно-правового? // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 100–105.). Однако, полагаем, что тоже имеем право иметь и отстаивать свою позицию в уголовно-правовой науке.

средство разрешения спора и одновременно – как средство уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление.

Подчеркнем решающую роль суда в создании «реального» средства уголовно-правового урегулирования, средства уголовно-правового воздействия. Судебная власть – это власть, «говорящая о том, что есть право», она делает реальным право текст закона, подлежащего применению в данном споре¹.

Отметим наряду с судом и активную роль прокурора, как обвинителя, то есть создателя обвинительной – исходной проектной модели «средства уголовно-правового воздействия», а потому в создании уголовно-правового средства воздействия. Именно прокурору принадлежит, должна принадлежать инициатива в предложении изначальной версии, трактовка смысла закона подлежащего применению в конкретном случае. Прокурор предлагает проект средства уголовно-правового воздействия, который после перекрестного, состязательного обсуждения принимается полностью или частично или отвергается судом. В любом случае прокурор – первоочередной субъект толкования норм закон, предлагаемых им к применению; он «зачинщик» процесса создания средства уголовно-правового воздействия. Хотя толкование суда является окончательным и получает силу закона в правоприменительном акте.

Таким образом, согласно предлагаемой нами концепции, прокурор является ведущим, активным создателем средства правового воздействия, реального уголовного права, которое применяется к виновнику преступления. В то же время мы оспариваем статус следователя, как процессуально самостоятельного и независимого – от прокурора, субъекта, как толкования, так и применения уголовного права.

Для прокурора участие в досудебном производстве предваряет его судебную процессуальную деятельность – деятельность в соучастии с судом в создании средства уголовно-правового воздействия – средства разрешения уголовно-правового спора. И в этом единстве досудебной и судебной активности

¹ См.: Александров, А.С., Александрова И. А., Терехин В.В. Указ. соч. С. 79.

прокурора, на наш взгляд, заключается предпосылка эффективности процессуальной деятельности прокурора.

Соответственно, в мыслимой нами правовой организации имеет место деятельность сторон и суда по определению основания и выработке решения о применении нормы уголовного права в конкретном уголовном деле, а если брать этот процесс как массовидное явление, то получается то самое противодействие преступности, происходящее в уголовном процессе.

С учетом новых представлений об уголовно-правовом воздействии как процессуальном производном из текста уголовного закона, как реальном уголовном праве в его процессуальной оболочке, то есть отождествлении реального уголовного права как средства с процессом, можно заключить, что содержание данного понятия состоит в следующем:

1) этот «организационно-правовой механизм» является процессуальным. Это работающая, то есть процессуальная правовая организация реализации мер уголовно-правового воздействия и противодействия преступности;

2) имеет место обвинительный способ приведения в действие уголовно-процессуально-правовой данной организации – через обвинение, субъектом которого должен быть прокурор;

3) данная «организация» вырабатывает «факты» и «решения»: промежуточные и итоговые, которые определяют движение уголовного дела и его исход; выдвижение обвинения – главный из ходов обвинения, которым запускается судебный механизм правоприменения – создания уголовно-правового средства;

4) основной вопрос уголовного дела – применение уголовного закона к лицу – разрешается исключительно судом;

5) «работа» анализируемой «организации» есть деятельность суда, а также сторон по толкованию и применению норм уголовного и уголовно-процессуального права.

Таким образом, можно определить уголовно-процессуально-правовую организацию реализации мер уголовно-правового воздействия как (1) систему

правоохранительных органов, уполномоченных на осуществление уголовного преследование и применение уголовного закона; (2) процессуальные отношения между этими органами обвинительной власти государства, и (3) уголовно-процессуальную и иную правовую (включая и ОРД) деятельность этих органов, связанную с привлечением к уголовной ответственности лиц, совершивших или готовивших преступления или реализации альтернативных мер уголовно-правового воздействия (выделено нами – О. В. Левченко).

Коротко можно дать следующее определение мыслимому нами понятию, а именно: *это прокуроро-центричная система правоохранительных органов, которые уполномочены уголовно-процессуальным кодексом и другими федеральными законами России на оказание уголовно-правового противодействия преступности, и их процессуальная деятельность по выдвигению обвинения против предполагаемых виновников преступлений и доказыванию обвинения для реализации мер уголовно-правового воздействия к преступникам (выделено нами – О. В. Левченко).*

Возражения вызывает прочно приросший с советских времен к понятию «механизм уголовно-правового регулирования» карательно-репрессивный смысл, а именно: все элементы, средства этого механизма ассоциируются с уголовно-правовыми явлениями, но не процессуальными. Справедливо указывая на данное обстоятельство, в доктрине уголовно-процессуального права в качестве альтернативы предлагает термин «среда» уголовно-процессуального взаимодействия при выработке средства разрешения уголовно-правового спора¹.

Однако, на наш взгляд, он также не вполне удачен, так как «среда» не может быть понимаема в качестве «инструмента», целенаправленного воздействия. «Инструментальный» момент актуален для нашего исследования именно в связи с уголовно-процессуальной ролью прокурора. Так что понятие «среда» более уместно для указания на атрибутивное свойство «организации», то есть не на саму ее сущность, а условие, необходимое для ее существования и функционирования. «Организация», как целостное структурное образование,

¹ См.: Власова, С. В. Теоретическая концепция правовой (уголовно-процессуальной) организации противодействия преступности в сфере экономики : монография... С. 97, 98.

способно изменять свое внутреннее состояние под влиянием среды¹. Именно в таком контексте надо понимать отношение понятий «организация» и «среда». Более приемлемым может быть такое словосочетание: «организация противодействия преступности в цифровой среде»².

Следующее, что надо сказать, чтобы продолжить развитие новой правовой конструкции, касается учения об уголовной ответственности и основания таковой.

Современная правовая доктрина, на которой построены действующие кодексы, составляющие антикриминальный правовой механизм, включает следующие положения: основание уголовной ответственности образует сам факт совершения преступления³; уголовно-правовое отношение между государством и совершившим преступление образуется с момента совершения преступления⁴; субъектами уголовно-правового отношения являются, с одной стороны – государство⁵, а с другой – лицо, совершившее преступление⁶; уголовно-правовое право государства на наказание преступника возникает с момента совершения им

¹ См.: Шагапсоев, З. Л. Механизм правового регулирования охранительных отношений в уголовном судопроизводстве: диссертация ... доктора юридических наук. Санкт-Петербург, 2006. С. 34.

² Об этом подробнее будет сказано в третьей главе.

³ См. об этом: Божьев, В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. Москва : Юрид. лит., 1975. С. 103; Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. Москва : Новый юрист : ООО "КноРус", 2008. С. 17–18.

⁴ См., напр.: Бахта, А.С. Полнота предварительного и судебного следствия как средство обеспечения неотвратимости ответственности за совершенное преступление : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. Москва, 1992. С. 7–9.

⁵ Как писала П.С. Элькин, «отнюдь не противопоставляя государство его органам, следует признать, что субъектом публичного права (обязанности) на наказание является государство в целом (выделено нами – О.В. Левченко), в то время как субъектом уголовно-процессуального отношения является его конкретный орган».

См.: Элькин, П. С. Указ. соч. С. 34–35.

⁶ См., напр.: Алексеев, С. С. Философия права : история и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. Москва : НОРМА, 1999. С. 10, 53, 79; Кропачев, Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 1999. С. 57; Учебник уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. Москва : Спарк, 1996. С. 7; Наумов, А.В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 1: Общая часть. Москва : Информ-Право, 2011. С. 8; Уголовное право : учебник для бакалавров : в 2 т. Т. 1 Общая часть / отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. Москва : Юрайт, 2012. С. 129–130.

преступления¹; после совершения преступления у лица, совершившего деяние, возникает обязанность нести уголовную ответственность – подчиниться реализации уголовной ответственности², и вместе с тем право защищаться от обвинения³; реализация уголовной ответственности происходит в уголовном процессе⁴; уголовно-правовое отношение может быть реализовано только через деятельность субъектов уголовно–процессуальных отношений: с одной стороны, субъектов уголовного процесса, ответственных за производство по уголовному делу⁵, а с другой – через реализацию прав подозреваемого, обвиняемого, его защитника, представителя и др.⁶.

Из всего сказанного выше вытекает, что после совершения преступления у государства возникает право применить уголовный закон к преступнику, и это право реализуется через уголовно-процессуальную деятельность государственных «правоохранительных органов»⁷ – «правоприменителей» – в лице следователя, прокурора, суда. Данные участники процесса солидарно участвуют в проведении

¹ См.: Основы права : учебн. пособие для средних специальных учебных заведений / под ред. В.В. Лазарева. 2–е изд., перераб. и доп. Москва : Юристъ, 2001. С. 121.

² См. об этом: Божьев, В. П. Указ. соч. С. 103; Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная / под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. Москва : Юриспруденция, 2008. С. 17–18.

³ См.: Основы права: учебное пособие для средних специальных учебных заведений / под ред. В. В. Лазарева. 2–е изд., перераб. и доп. Москва : Юрист, 2001. С. 121.

⁴ По мнению сторонников классического учения о применении уголовного права, в уголовном законе всегда выражается отношение именно государства, а не его отдельных органов к лицу, совершившему преступление. Между следователем и обвиняемым, между судом и подсудимым существует не уголовно-правовое отношение, а уголовно-процессуальное отношение.

См., напр.: Строгович, М. С. Указ. соч. Т. 1 С. 91–92; Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т.З. Уголовно-процессуальные функции. Ижевск : Детектив-информ, 2002. С. 10–11.

⁵ В уголовно–процессуальном отношении орган государства выполняет обязанности, возложенные на него законом. Для выполнения этих обязанностей, то есть обязанностей перед государством, следователь, прокурор и суд наделяются полномочиями, которые они осуществляют в данном конкретном процессуальном отношении.

См.: Строгович, М. С. Указ. соч. Т. 1. С. 33.

⁶ См.: Уголовный процесс / под редакцией проф. А.Н. Алексеева. Москва : Изд-во «Юрист» 1995. С. 11.

⁷ Под этим обезличенным понятием до сих пор понимают и органы судебной власти и власти исполнительной.

См., напр.: Правоохранительные органы Российской Федерации : учебник / под ред. В. П. Божьева. Москва : Спарк, 1996. 414 с.; Правоохранительные органы: учебник для вузов / под ред. О.А. Галустяна. Москва : Закон и право, 2002. С. 23; Правоохранительные органы и организации России : Компетенция и полномочия / под ред. А.П. Гуляева. Москва : Собрание, 1999. С. 41.

«полного, всестороннего и объективного расследования», реализации уголовной ответственности, установлении объективной истины и тем самым достигают цели уголовного судопроизводства – борьбе с преступностью через привлечение к уголовной ответственности всех, кто нарушил закон.

При такой схеме (когда нарушителю уголовно-правовой нормы противостоит государство, в лице следственно-судебного органа, ведущего уголовное дело, реализующего уголовную ответственность (через последовательное принятие процессуальных актов), формирующего основание правоприменения, осуществляющего уголовно-процессуальное доказывание) происходит скрытое (как бы само собой разумеющееся) совмещение функций различных органов государства в единую публично-правовую функцию, некую уголовно-процессуальную деятельность, ведущуюся во имя публичных интересов.

Полагаем, что такого рода представления надо скорректировать с учетом изменения политико-правового контекста. Есть соблазн усилить этатистскую сущность советского учения о механизме противодействия государства преступности. Но именно сейчас важно удержаться от этого соблазна, поскольку он ведет к авторитаризму. Модель правового государства надо совместить с тезисом о том, что государство осуществляет уголовно-правовое воздействие на преступность, государство проводит уголовную политику.

Считаем, что эти поиски оптимального знания о том, как государство, судебная и обвинительная власти которого разделены, противодействует преступности, надо вести в работах дореволюционных теоретиков. Они, в частности, утверждали, что уголовно-правовое отношение возникает не в момент совершения преступления, а после вступления обвинительного приговора суда в силу¹.

¹ Обвинительный приговор суда порождает карательное полномочие государства на применение уголовного закона к его виновному нарушителю.

См.: Люблинский, П. И. Новая теория уголовного процесса (Оттиск). Петроград : Сенат. тип., 1916. С. 41; Смирнов, В. Г. Функции советского уголовного права. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та., 1965. С. 155.

С нашей точки зрения, субъектами основного уголовно-процессуального отношения являются с одной стороны прокурор, с другой обвиняемый, третьей стороной - суд, который выступает, как посредник в треугольнике процессуальных отношений¹; в уголовно-процессуальном отношении прокурор, представляющий в суде государство (обвинительную власть его), является «лицом», субъектом субъективно-публичного права на уголовный иск, уголовное преследование².

Разделяем точку зрения, согласно которой факт совершения преступления не порождает уголовно-правовое отношение между обвиняемым и государством³, но только возможность установления такового, которая реализуется в процессе.

После совершения преступления у государства возникает «абстрактно-потенциальное право» на наказание преступника, но это право будет реализовано по воле обвинителя через приведение в действие уголовно-процессуального механизма путем предъявления уголовного иска, который в случае его удовлетворения в виде обвинительного приговора, принимаемого судом, позволит реализоваться уголовной ответственности⁴. Иначе говоря, подтвердившееся в суде обвинение порождает основание обвинительного приговора, а тот в свою очередь служит основанием уголовной ответственности⁵.

Не поддерживая концепцию «уголовного иска», тем не менее, связываем с выдвинутым обвинением начало той процессуальной деятельности, которая приводит к формированию как основания уголовной ответственности, так и к принятию процессуального акта реализации ее – меры уголовно-правового воздействия. Информация о признаках преступления создает только предпосылку для возникновения такого отношения, которую надо еще реализовать в ходе уголовного процесса, для чего представитель обвинительной власти – прокурор

¹ См.: Розин, Н. Н. К вопросу о новой теории уголовного процесса // Журнал Министерства юстиции. 1914. № 2. С. 221.

² Фельдштейн, Г.С. Указ. соч. С. 11.

³ Смирнов, В.Г. Указ. соч. С. 155–157.

⁴ См.: Власова, С.В. Указ. соч. С. 128.

⁵ См.: Кухта, А.А. Доказывание истины в уголовном процессе : монография. Нижний Новгород : Нижегородская Академия МВД России, 2010. С. 397, 398.

приводит в движение судебный механизм посредством предъявления уголовного иска (обвинения) лицу – обвиняемому, предположительно совершившему преступление. Основанием уголовного дела является не совершение преступления, а его процессуальная проекция, в виде «основательности обвинения, выдвигаемого следственно-обвинительной властью», в уголовном деле¹. Предметом уголовного процесса как раз и является проверка предположения о наличии данного факта.

Некоторые ученые говорили о «субъективно-публичном праве» (процессуальном полномочии) «обвинителя» на уголовный иск, как средстве признания через суд права государства на наказание преступника².

Как представляется – это уже преувеличение, так как процессуальное право прокурора на выдвижение обвинения неразделимо от его обязанности предпринимать все предусмотренные законодательством меры для привлечения виновника преступления к уголовной ответственности – через судебный процесс.

Подведем некоторые итоги наших рассуждений в рамках данного параграфа.

Для преодоления межотраслевой дифференциации в понимании того, как правовыми средствами государство воздействует на преступность, предлагаем авторское понятие уголовно-процессуально-правовой организации, выделяя в ней уголовно-процессуальное – организующее начало.

В нем совмещены ранее культивировавшиеся в нашей науке представления о механизме правового (уголовно-правового, уголовно-процессуально-правового) регулирования, правоприменении – применении норм уголовного права и реализации уголовной ответственности. Главное в данном подходе – это процессуальный акцент на все эти понятия с позиции руководящей роли прокурора как главы обвинительной власти государства.

В отличие от термина «система», который также используют в юридической науке для решения сходной с решаемой нами задачи¹, термин «организация»

¹ См.: Там же. С. 432.

² См.: Там же. С. 430.

указывает не только на внутреннюю, статическую сторону явления, но и на его динамическое, деятельностное свойство: мыслимая нами «организация» – это «система в действии». В таком сочетании главное достоинство конструируемого понятия. Для нас понятие «организация» неразрывно связано с понятием «процесса» и вместе с тем с уголовным правом.

Итак, предварительно можно сказать, что интегративное межотраслевое понятие «уголовно-процессуально-правовая организация противодействия преступности» есть нечто процессуальное по своей правовой сущности. Оно преобразует уголовный закон в средство уголовно-правового воздействия, которым восстанавливаются нарушенные преступлением правоотношения.

Другой ключевой тезис состоит в том, что прокурор находится в центре этой правовой организации.

Для того, чтобы далее развить и конкретизировать предлагаемое понятие надо обратиться к иным категориям теории уголовного процесса.

Одним из них является понятие «тип»уголовного процесса» или общая (историческая) уголовно-процессуальная форма. В русской, а потом и советской, процессуалистике рассуждения об общем устройстве уголовного процесса развиваются через эти категории. Их, очевидно, следует считать фундаментальными, в каждой из них заложена определенная идеология, служащая фундаментом для любых теоретико-правовых построений². В частности, идеологическое, сущностное различие между различными правовыми организациями досудебного производства, выступало понятие «форма»³.

¹ См., например: Адаменко, И. Е. Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты : монография / под науч. ред. В. Н. Григорьева. Москва : Юрлитинформ, 2016. С. 12 и след.; Жариков, Ю. Механизм правового регулирования: понятие и система // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 5. С. 37–38.

² В них сконцентрирована идеология, их значение признается аксиоматичным, все последующие рассуждения строятся на постулате о том, что в России был, есть и должен быть «смешанный тип» уголовного процесса, неотъемлемой частью которого является предварительное следствие.

³ Среди всего смыслового многообразия термина «форма» в данном случае берется наиболее общий, широкий, поскольку имеем в виду устройство уголовного процесса в целом.

Отечественное учение об уголовно-процессуальной форме («уголовно-процессуальной морфологии») довольно догматично, что, впрочем, вполне характерно для отечественной науки. Раньше процессуалисты указывали на различные исторические формы, называя их состязательной, инквизиционной, обвинительной, частно-исковой и пр.¹.

Полагаем, что «теоретико-методологическое» значение категории «уголовно-процессуальная форма» состоит в том, что через него принято объяснять смысл других ключевых понятий уголовно-процессуального учения: порядок, процедура, условия, правила, структура, модель, процессуальные отношения и пр.² Так, весь понятийный ряд, связанный с уголовно-процессуальным доказыванием, восходит к этой категории (по крайней мере, так сложилась традиция в российской уголовно-процессуальной мысли). Характерно и то, что одного, универсального мнения о том, что следует относить к формальным, а что к содержательным (материальным) элементам в уголовном процессе, нет: позиции ученых на этот счет достаточно противоречивы. Попытаемся систематизировать основные положения современного учения об уголовно-процессуальной форме свете интересующей нас проблематики.

Исходным будет положение о том, что процессуальная форма – это система закрепленных в законе требований к поведению участников процесса, направленных на достижение определенного материально-правового результата³;

¹ О них писали такие авторы, как И.Я. Фойницкий, В.К. Случевский, Н.Н. Розин и др.

² Тема об уголовно-процессуальной форме разрабатывалась, как ни одна другая в отечественной уголовно процессуальной науке, что привело к стойкому представлению о формализме уголовно-процессуальной деятельности. См., напр.: Долгов, Д. Основные формы уголовных следствий, вообще принятых при производстве. Санкт-Петербург : тип. Воен.-учеб. заведений, 1846. С. 32; Чебышев-Дмитриев, А. П. Курс русского уголовного процесса. Санкт-Петербург : Тип. В. Кравченко, 1868/9. С. 22; Тагер, А. С. О предмете и пределах науки об уголовном суде //Право и жизнь. 1924. Кн. 1. С. 53–55; Добровольская Т. Н., Элькинд П. С. Уголовно-процессуальные формы и производства //Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / под ред. П.Е. Недбайло и В.М. Горшеневой. Москва : Юрид. Лит., 1976. С. 146; Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. Основные положения науки советского уголовного процесса : в 2 томах. Том. 2. Москва : Наука, 1970. С. 53.

³ См., напр.: Явич, Л.С. Право и общественные отношения. Москва : Юрид. лит., 1971. С. 48–88; Юридическая процессуальная форма: теория и практика. Москва : Юрид. лит., 1976. С. 13.

материально-правовые нормы реализуются только через применение процессуальных норм¹.

Из высказываний классиков отечественной процессуалистики явствует, что уголовно-процессуальная форма (внутренняя) есть совокупность как следственных, так и судебных процедур²; это система отдельных форм деятельности судебно-следственных органов³; порядок и условия осуществления правоохранительными органами, как отдельных процессуальных действий, так и их совокупности⁴; регламентированная законом система судопроизводства⁵, установленный законом порядок предварительного расследования и судебного разбирательства⁶; урегулированная кодексом деятельности государственных органов, которая направлена на достижение целей, решение задач уголовного права⁷.

Так, М.С. Строговичем уголовно-процессуальная форма представлялась в виде совокупности условий, которые установлены процессуальным законом для того, чтобы органы предварительного расследования, прокуратура и суд совершали действия с целью осуществления своих функций в сфере расследования и разрешения дел по существу; принятие решения в соответствии с

¹ См., напр.: Алексеев, С. С. Проблемы теории права. Т. I. Свердловск : б/и, 1972. С. 153–169; Общая теория советского права. Москва : Юрид. лит., 1966. С. 262–274; Юридическая процессуальная форма: теория и практика. Москва : Юрид. Лит., 1976. С. 12–14.

² См., напр.: Алексеев, Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. С. 22, 23.

³ См.: Якуб, М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. Москва : Юрид. лит., 1981. С. 8.

⁴ См.: Советский уголовный процесс : учебник / Б. А. Галкин, Ю. А. Иванов, Н. Я. Калашникова и др. ; под ред. проф. Д. С. Карева. - Москва : Высш. школа, 1968. С. 21; Бобров, В.К. К исследованию процессуальной формы в уголовном процессе // Правоведение. 1974. № 2. С. 84.

⁵ См.: Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс. 4-е изд., испр. и перераб. Москва : Юрид. лит., 1962. С. 73.

⁶ См.: Советский уголовный процесс / под ред. Бажанова С.П. и Грошевого Ю. М. Киев : Вища шк., 1978. С. 48; Рахунов, Р.Д. Дифференциация уголовно-процессуальной формы по делам о малозначительных преступлениях // Советское государство и право. 1975. № 12. С. 60.

⁷ См.: Советский уголовный процесс / под ред. Карнеевой Л.М., Lupинской П.А., Тыричева И.В. Москва : ВЮЗИ, 1980. С. 18; Советский уголовный процесс / под ред. Кобликова А.С. Москва : б/и, 1972. С. 13.

законом на основании фактов, установленных способом, определенным в законе¹. Подобные определения нашли широкое распространение в современных многочисленных научно-учебных источниках².

Можно сказать, форма уголовного процесса выступает в виде концентрированного выражения содержания процессуальной деятельности, она воплощает собой саму идеологию уголовно-процессуального права, это способ выражения идеологии. Учение об уголовно-процессуальной форме – это определенный «тип процессуальности», тип высказываний (в следственных – процессуальных документах) о том, кто является преступником и какое преступление совершено. Под «формой» можно понимать всю правовую организацию производства по делу, как в суде, так и до суда. Но если это общая процессуальная форма для суда и следователя – несомненно, получается модель следственного процесса.

В последнее время в понятие «уголовно-процессуальная форма»³ вкладывается иногда новый смысл: оно стала частью общего учения о «правильной» уголовно-процессуальной форме, превратилось в орудие идеологической борьбы, которая происходит в науке. Современные процессуалисты «исторические формы» считают моделями, эталонами процесса⁴. Так, например, А.А. Давлетов исходит из того, что по форме уголовный процесс может быть: 1. розыскной: а) публично-исковой; б) частно-исковой; 2. состязательный: а) публично-исковой; б) частно-исковой; 3. смешанный: а) публично-исковой; б) частно-исковой.

С точки зрения А.А. Давлетова, исходный фактор в правовой организации уголовного процесса – метод: или публичный, или частный (диспозитивный).

¹ См., напр.: Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. Том I.: Основные положения науки советского уголовного процесса. Москва : Наука, 1968. С. 51, 53–55.

² См., напр.: Манова, Н. С., Францифоров Ю. В. Уголовный процесс: краткий курс лекций. 8-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2014. С. 97.

³ См.: Смирнов, А. В. Об исторической форме советского уголовного процесса // Правоведение. 1989. № 5. С. 60–63.

⁴ См.: Гуськова, А.П. Уголовно-процессуальная форма и ее значение в становлении уголовного судопроизводства охранительного типа // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 3. С. 41–44.

Второй фактор – это форма: состязательность-розыск. Если уголовный иск от частного лица, и оно само доказывает его, то стороны будут строить отношения по модели «частное-частное», тогда форма неизбежно состязательная. Если же иск публичный, от государства, то стороны выстраивают отношения по модели «публичное и частное»¹.

Широкое распространение в науке получило мнение о том, что следственная модель – это исконно русское, в прошлом – советское, а теперь – российское правовое явление². Они связывают существование общей формы (порядка) производства по уголовным делам с определенным историко-культурным типом уголовного процесса, а даже архетипом нации (русской), ее менталитетом, способом существования в определенном геополитическом пространстве³. Исходной, эталонной досудебной формой отечественного процесса является предварительное следствие⁴. С этим, в свою очередь, связывают тип и даже сущность уголовного судопроизводства, механику

¹ См.: Давлетов, А. А. Об оптимальном типе современного российского уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2011. № 2. С. 98–100.

² См., напр.: Азаров, В. А., Боярская А. В. Уголовно-процессуальная форма: понятие, свойства, система // Вестник Томского университета. 2020. № 37. С. 5–20; Гимазетдинов, Д. Р. Понятие, социальная ценность и значение уголовно-процессуальной формы // Вестник Удмуртского университета. 2013. Вып. 1. С. 131–133; Мищенко, Е. В. О сущности и свойствах уголовно-процессуальной формы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 3. С. 140–144; Стойко, Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: Сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. Санкт-Петербург : Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2006. С. 22–39; Россинский, С. Б. Концепция судебной реформы в РСФСР и современные проблемы организации предварительного следствия // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 3. С. 42, 43.

³ См. об этом: Барабаш, А. С., Брестер А. А. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2005; Барабаш, А. С. Метод Российского уголовного процесса: монография. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2013; Он же. Отечественный уголовный процесс в свете национального менталитета. Москва : Юрлитинформ, 2022; Головкин, Л. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 9–15; Пилюк, А.В. Проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации в свете типологии современного уголовного процесса. Томск, 2011. С. 18; Россинский, С. Б. Уголовный процесс: учебник для вузов. Москва : Норма, 2009.

⁴ См.: Смирнов, А. В. Состязательный процесс. Санкт-Петербург : Юрлитинформ, 2001. С. 10.

приведения в действие уголовного закона¹.

В отечественной процессуалистике широко распространилось убеждение² о тождестве состязательной формы с англо-американской моделью судопроизводства; есть англо-американский вариант «чистой состязательности», и есть совершенно другая континентальная, романо-германская модель «состязательности» уголовного процесса³. Такая уголовно-процессуальная модель сменила инквизиционный процесс, но в основе ее по-прежнему лежит «публично-обвинительная деятельность специально уполномоченных органов, *обязанных раскрывать преступления и привлекать виновных к ответственности* (выделено нами – О.В. Левченко)»⁴. В такой уголовно-процессуальной системе четко выделяются две части: а) досудебная (предварительное расследование), осуществляемая в инквизиционной форме (следователь и обвиняет, и защищает, и разрешает дело); б) судебная, осуществляемая в состязательной процедуре по материалам предварительного расследования. В нем судопроизводством являются лишь судебные стадии⁵.

В настоящее время с большой степенью уверенности можно утверждать, что «правовая организация» имеет следственную форму. Таким образом, речь идет о следственной уголовно-процессуально-правовой организации того, как реализуются по уголовным делам меры уголовно-правового воздействия, о

¹ См.: Россинский, С. Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 9 (118). С. 67–79.

² См.: Давлатов, А. А. О значении одного термина в судьбе современного уголовного процесса России // Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности : монография / под общ. ред. В. М. Егорова. Москва : Юрлитинформ, 2016. С. 287–298; Россинский, С.Б. Концепция судебной реформы в РСФСР и современные проблемы организации предварительного следствия // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 3. С. 42, 43.

³ Логика рассуждений здесь примерно та же, что и при создании концепции «суверенной демократии».

⁴ См.: Давлатов, А. А. О значении одного термина в судьбе современного уголовного процесса России // В кн. : Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности : монография / под общ. ред. В.М. Егорова. – Москва : Юрлитинформ. 2016. С. 287–298; Мищенко, Е.В. О сущности и свойствах уголовно-процессуальной формы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 3. С. 140–144.

⁵ См.: Давлатов, А.А. Указ. соч. С. 287–298.

следственной уголовно-процессуальной-правовой организации противодействия преступности. Сказанное в полной мере распространяется на досудебное производство, а вместе с тем *следственная форма досудебного производства допускается как форма применения норм уголовного права* (выделено нами – Левченко)». Такой вывод вытекает из отечественной морфологии¹. Получается, что и средство уголовно-правового воздействия также формируется в досудебном производстве. Более того, форма досудебного производства воспринимается как процессуальная модель уголовно-правового воздействия.

С такого рода умозаключения трудно согласиться. Принимая тезис о том, что следственная форма досудебного производства в известной, но не в полной мере детерминирует общую уголовно-процессуально-правовую организацию того, как происходит уголовно-правовое воздействие, мы вместе с тем постулируем предварительный характер того правоприменительного процесса, который имеет место в досудебных стадиях. Предварительность должна быть предварительной, никак не претендующей на завершенность процесса – формирование средства уголовно-правового воздействия.

Направлением к несколько иному пониманию «формы» могут послужить некоторые выводы из выработанного отечественной процессуалистикой общего положения о том, что уголовно-процессуальное право имеет свое собственное содержание². Этот тезис позволяет говорить о самостоятельной ценности процесса, формы как таковой, безотносительно к такому явлению как уголовное право – материально-правовая сущность. Об уголовно-процессуальном содержании стали рассуждать как о процессуальной материи, которая сама организована, структурирована в некоей форме (внутренней) и включает в себя целый ряд процессуальных элементов³ – «содержательных компонент»⁴

¹ См.: Бабенко, Н.А. Соотношение материальных и процессуальных норм в системе российского права : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. Челябинск, 2013. С. 10, 11.

² См.: Громов, Н.А. Уголовный процесс России. Москва : Изд. группа "Юристъ", 1998. С. 36.

³ См.: Добровольская, Т.Н., Элькин П.С. Указ. соч. С. 238.

⁴ См.: Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. Москва : Наука, 1968. Т. 1.

уголовного процесса, а именно: правоотношения участников, структура, функции, гарантии и пр.¹ Выражение «внутренняя уголовно-процессуальная форма» стали понимать в том смысле, что она является способом выражения собственного содержания (и сути!) уголовного судопроизводства и одновременно способа бытия уголовного права в правовом мире².

Содержание, вкладываемое отечественными учеными во внутреннюю уголовно-процессуальную форму (понятие), имеет несколько элементов. Так, есть мнение, что в содержание внутренней уголовно-процессуальной формы входят:

(1) установленный уголовно-процессуальными нормами порядок осуществления уголовно-процессуальной деятельности, как в целом, так и в отдельных процессуальных, в том числе следственных действий;

(2) процедура оформления полученных результатов от произведенных уголовно-процессуальных действий в соответствующих уголовно-процессуальных документах (протокол следственного действия, обвинительное заключение и пр.)³.

Согласно мнению других ученых, внутренняя процессуальная форма есть гарантия⁴ или система процессуальных гарантий, которые обеспечивают (1) достоверные выводы по делу, (2) права и законных интересов лиц, которые участвуют в процессе⁵.

Есть еще точка зрения, что внутренняя форма – это уголовно-процессуальные отношения: эти отношения выступают правовой формой (внутренней) деятельности участников уголовного процесса, а сама эта

С. 7.

¹ Единства мнений по этому вопросу не наблюдалось и не наблюдается до сих пор. За элементы внутренней уголовно-процессуальной формы выдавали самые различные понятия, о чем мы скажем ниже.

² См.: Трофименко, В. М. Процессуальная форма: сущность и значение в уголовном судопроизводстве // Проблемы законности. 2012. № 120. С. 224-231.

³ См.: Гимазетдинов, Д.Р., Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальная форма. Москва : Юрлитинформ, 2014. С. 11–12.

⁴ См.: Громов, Н.А. Уголовный процесс России : учебное пособие. Москва: Юрист, 1998. С. 43.

⁵ См.: Пикалов, И.А. Уголовный процесс Российской Федерации (краткий курс): учебное пособие. Москва : Изд-во Кург. гос. ун-та, 2005. С. 67.

деятельность и есть содержание уголовно-процессуальных отношений¹; внутренняя форма организует круг отношений при производстве по уголовным делам - определяет правовой статус компетентных органов и всех субъектов уголовного процесса; она закрепляет основные принципы уголовного процесса, обеспечивает наиболее эффективное решение задач уголовно-процессуального законодательства².

Внутренняя процессуальная форма может быть охарактеризована несколькими уровнями структурной организации деятельности участников уголовного судопроизводства на различных стадиях, включая досудебные³. Внутренняя уголовно-процессуальная форма – это структура уголовного судопроизводства⁴, она организует (структурирует) уголовно-процессуальную деятельность участников; она и есть структура уголовно-процессуальных отношений⁵; представляет сочетание таких качеств, как, во-первых, последовательность в процедурно-правовой регламентации⁶, во-вторых, связность предварительного расследования и судебного процесса⁷. Высказывалось мнение о том, что в число структурных, содержательных элементов уголовно-процессуальной формы входят досудебные стадии, формы, процедуры досудебных производств, порядок производства следственных действий, принятия процессуальных решений органов предварительного расследования⁸.

Значит, структура процесса, его внутренняя организация подчиняется или обвинительной логике, или следственной. Если в структуру процесса входят на правах его стадий, возбуждение уголовного дела и предварительное

¹ См.: Добровольская, Т. Н., Элькинд П. С. Уголовно-процессуальные формы и производства //Юридическая процессуальная форма. Теория и практика /под ред. П.Е. Недбайло и В.М. Горшеневой. Москва : Юрид. лит., 1976. С. 238.

² См.: Шпилев, В. Н. Указ. соч. С. 53.

³ Яковенко, О. В. Процедура в праве как категория теории государства и права // Вопросы теории государства и права. 1998. № 1 (10). С. 108.

⁴ См.: Горшенев, В. М. Природа и значение процессуальной формы в советском праве. **С.**

⁵ См.: Шпилев, В.Н. Указ. соч. С. 49.

⁶ См.: Протасов, В.Н. Юридическая процедура. С. 49.

⁷ См.: Там же. С. 30–31.

⁸ См.: Грошевий, Ю.М. Капліна О. В. Кримінальний процес : підруч. Харків : Право, 2010. С. 23–24.

расследование, то это уже не состязательный, а следственный процесс, и соответственно, независимость, объективность судебного процесса, способность суда независимо и самостоятельно устанавливать истину по делу, уже сомнительна.

Итак, внешняя уголовно-процессуальная форма как форма реализации уголовно-правовых норм и есть уголовно-процессуальная форма внутренняя, как определенная правовая организация, структура – тип процесса, в принципиальном плане, определяющая конфигурацию отношений участников уголовно-процессуальной деятельности, порядок принятия решений и производства процессуальных (следственных действий) и пр.¹.

Внутренняя форма уголовного процесса включает в себя, в свою очередь, еще внутреннюю и внешнюю; эту внешнюю уголовно-процессуальную форму составляет совокупность условий выполнения уголовно-процессуальных действий и их обрядность². Внутренняя уголовно-процессуальная форма может пониматься как структура, система производств, процессуальных действий и решений, характер связи между ними³.

На наш взгляд, это различные характеристики правового механизма правоприменения и охрана общественных отношений уголовно-правовыми мерами. Внешняя уголовно-процессуальная форма является формой применения норм уголовного права судом, в ходе которого происходит привлечение к уголовной ответственности виновника преступления или назначается иная

¹ См.: Шпилев, В.Н. Указ. соч. С.115, 116.

² См.: Добровольская, Т. Н., Элькин П. С. Указ. соч. С. 238; Советский уголовный процесс. Москва, 1962. С. 14; Уголовный процесс / под ред. Чельцова М.А. Москва : Госюриздат, 1968. С.10; Советский уголовный процесс /под ред. Кобликова А.С. Москва : б/и, 1972. С. 9; Советский уголовный процесс /под ред. Карева Д.С. Москва : Высш. школа, 1975. С. 74; Советский уголовный процесс /под ред. Бажанова М.И. и Грошевого Ю.М. Киев : Вища школа, 1978. С. 7.

³ По мнению некоторых авторов, можно говорить о форме – правовой организации уголовно-процессуальной деятельности на разных уровнях соотношения: а) уголовно-процессуальной формы с материально-правовым (уголовно-правовым) содержанием и б) содержания и формы в пределах уголовно-процессуального регулирования как относительно обособленного явления.

См.: Грошевий, Ю. М. Капліна О. В. Кримінальний процес : підруч. Харків, 2010. С. 28.

предусмотренная уголовным законом уголовно-правовая мера. Внутренняя уголовно-процессуальная форма является способом правовой организации уголовно-процессуальной деятельности. Это структура уголовного судопроизводства и система гарантий прав личности – правовых форм использования своих процессуальных прав и выполнения своих процессуальных обязанностей.

Если говорить о внутренней форме досудебного производства, то здесь можно сказать следующее. Таковая должна быть не как единая, общая форма, а как совокупность производств, процедур. По нашему мнению, в любом процессе, независимо от его типа, можно выделить досудебные процедуры, однако они не должны составлять *стадии* процесса, входить в уголовное судопроизводство как его начальная – обязательная часть.

Отдельно надо сказать о форме доказывания. Главный тезис на этот счет, сформулированный отечественной наукой, состоит в том, что уголовно-процессуальное доказывание облечено в правовую форму¹; уголовно-процессуальная форма регулирует, как предмет доказывания, так и инструментальную сторону доказывания², обуславливает специфику процессуального познания³, его эффективность, достоверность результатов⁴. Форма, следственная или состязательная, определяет технологию и самый результат доказывания; она показывает цену, которую готово «платить» общество за определенную уголовную политику противодействия преступности

¹ См.: Кокорев, Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. С. 5–6.

² См.: Курс советского уголовного процесса / под ред. Бойкова А. Д. и Карпеца И.И. Москва : Юрид. лит., 1989. С. 124.

³ См.: Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2-х томах. Москва : Наука, 1968. Т. 1. С. 52–53; Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Москва : Норма, Инфа-М, 2014. С. 51.

⁴ См.: Курс советского уголовного процесса : учеб. пособие для студентов вузов /под ред. А.Д. Бойкова и В.И. Карпеца. Москва : Юрид. лит., 1989. С. 123; Соловьев, А. Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России. Москва : Юрлитинформ, 2002. С. 7–8.

(организованного принуждения со стороны правоохранительных органов)¹. Такой подход, в свою очередь predetermined следственный стандарт института допустимости. Можно говорить о системе следственных правовых стандартов, используемых участниками уголовно-процессуальной деятельности, при оценке фактических оснований уголовно-процессуальных решений².

Значит, при любой внутренней правовой организации процесса обеспечивается применение уголовного закона, но происходит это по-разному. В следственном формате применение уголовного закона зависит от следователя, но также и от прокурора. Между этими двумя ведущими участниками досудебного производства и выстраивается процессуальная система баланса властных полномочий, сдержек и противовесов, которая одновременно выступает и гарантией прав лиц, участвующих в досудебном производстве.

Обвинительная уголовно-процессуальная форма обеспечивает применение норм уголовного права *судом*, в ходе судопроизводства происходит привлечение к уголовной ответственности виновника преступления в виде наказания или применяется иная, предусмотренная уголовным законом уголовно-правовая мера. Обвинительный правовой механизм имеет такую деталь, как обвинение, выдвигаемое публичным должностным обвинителем – прокурором перед судом. Эта деталь приводит в действие судебный механизм применения уголовного закона и тем самым происходит определенное уголовно-правовое воздействие.

Итак, существует два разных типа уголовного процесса, два способа правовой – уголовно-процессуальной организации применения норм уголовного закона: инквизиционный (следственный) и состязательный (он же – обвинительный/исковой). Первый основан на доминировании «следственной власти» («вертикаль следственной власти» как производная от власти

¹ См.: Терехин, В. В. Допустимость доказательств в уголовном процессе. Москва : Юрлитинформ, 2018. С. 67.

² Показательным в этом плане можно признать высказывания о том, что процессуальная форма выступает (1) структурой, закрепленной на законодательном уровне, как самого процесса в целом, так и его единичных стадий; (2) гарантией установления истины по делу и правильности применения закона; (3) она находится во взаимосвязи с задачами, принципами процесса и его содержанием. См.: Терехин, В. В. Указ. соч. С. 44 и след.

президентской¹), второй – на разделении властей – обвинительной и судебной, как это должно быть в правозначимой деятельности правового государства и полновластии суда в принятии итоговых решений по делу и разработке оснований для таковых.

Уголовно-процессуальная типология (морфология)² – это актуальное учение об общей форме, порядке, общей правовой организации производства по уголовным делам, своего рода матрице, которая производна от государственно-правового строя, формы правления, организации центральной власти³. Оно сводится к тезису о том, что России в ее исторической государственно-правовой самоидентификации необходим институт следственной власти, реализуемой в следственной правовой организации уголовного процесса, важнейшей частью которого является предварительное следствие (как базовая форма досудебного производства). Модель обвинения, модель уголовно-процессуальной деятельности прокурора должна быть встроена в эту общую форму – правовую организацию.

Заметим, что терминология не так уж и важна: термин «форма» легко заменяется термином «тип», а вот ход рассуждений остается прежним, он сводится к оправданию существующего типа (формы) уголовного судопроизводства, включающего в себя институт предварительного следствия, следственную модель власти-знания⁴. По мнению отечественных теоретиков имеется некий российский уникальный тип (форма) уголовного процесса. Причем именно этот тип исторически сложился в России и выражает специфику нашего национального архетипа⁵.

¹ См., напр.: Багмет, А. М., Цветков Ю. А. Кому мешает следственная власть? // Российский следователь. 2016. № 23. С. 3–9.

² См., напр.: Чердынцева, И. А. Типы уголовного процесса: история и современность // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2005. № 3 (4). С. 258–261.

³ См., напр.: Смирнов, А. В. Модели уголовного процесса. Санкт-Петербург : Юрид. лит., 2000 С. 10; Россинский, С. Б. Уголовный процесс: учебник для вузов. Москва : Эксмо, 2009. С. 25, 26, 30-31; Рудич, В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе : монография. Москва : Юрлитинформ, 2017. С. 25–26.

⁴ См., напр.: Россинский, С. Б. Указ. соч. С. 8.

⁵ См., напр.: Цветков, Ю.А. "Улыбка без кота" или Что останется от предварительного следствия? // Уголовное судопроизводство. 2016. № 2. С. 18–23.

Уголовно-процессуально-правовая организация противодействия преступности или организация системного уголовно-правового воздействия на преступность имеет две модели: обвинительную или следственную. В свете этого понятия и надо смотреть на участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу. Иными словами, мы расширяем контекст, не в досудебном производстве, современном – следственном, но глобально – какова роль прокурора в общей организации противодействия преступлениям.

Если посмотреть под указанным углом зрения на прокурора, то получается, что надо ставить вопрос о позиционировании его в следственной уголовно-процессуально-правовой организации реализации мер уголовно-правового воздействия и противодействия преступности.

Роль прокурора в следственной и обвинительной уголовно-процессуальных системах различна: если в обвинительной системе роль прокурора ведущая, а следственная – вообще ставится под сомнение, то в следственной системе, напротив, прокурор, получается не то, чтобы отходит на второй план, но его процессуальная роль уравнивается с ролью органа предварительного следствия (следователя+руководителя следственного органа), что сказывается даже на судебных стадиях.

Однако, сказанного недостаточно, чтобы сделать новый шаг и попытаться совместить обвинительную и следственную модели через «переналадку» прокурорской модели и системы отношений прокурора с ведущими субъектами досудебного производства.

На это и будет направлен завершающий этап первого приближения к раскрытию темы диссертационного исследования. Для достижения этой цели, на наш взгляд, следует взглянуть на проблематику в свете организации верховной власти в России. Подобный подход тем более уместен в виду того, что мы предполагаем продолжение, а не отказ от национальной правовой традиции.

Представляется, что определяющее влияние на современную модель правовой организации противодействия преступности имеет институт президентства, а также правовое положение прокуратуры в системе

государственной власти России. Президент России не входит ни в одну из властей государства и в то же время его власть распространяется на судебную власть и прокуратуру (п.п. «д.1», «е», «е.1» ст. 80, 129 Конституции России).

Вся полнота государственной власти сконцентрирована у президента России. Вторично (а) разделение властей, (б) независимость судебной власти и (в) самостоятельное положение прокуратуры, как органа надзора за законностью, по отношению, как к судебной власти, так и к исполнительной.

Власть прокуратуры производна от власти Президента, на что прямо указывает часть 3 статьи 129 Конституции РФ.

В теории прокурорского надзора создана концепция, согласно которой прокурорская власть также производна от президентской¹. Поддерживаем сторонников этой концепции: она более чем уместна в настоящее время. Прокуратура является продолжением президентской власти и организует от имени главы государства противодействие преступности правовыми средствами.

В подобной организации государственной власти воплотилась национальная модель суверенной модели российского правового государства, которая детерминирует и правовую организацию противодействия преступности. Именно поэтому прокурор является центральным элементом российской уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности.

Попытаемся теперь выразить это положения в формулируемом нами понятии «правовая организация противодействия преступности» с учетом всего выше сказанного о главных элементах этой теоретико-правовой конструкции, выработанных юридической наукой, и тем новым, что нельзя игнорировать, что появилось в качестве дополнения к «классическим подходам».

Итак, обозначим главные черты организации правового противодействия преступности.

1. Главный «организатор» («системы») противодействия преступности – «государство». Правовые средства противодействия преступности создаются

¹ См.: Королев, Г. Н. Прокуратура РФ в период правовой реформы. Ижевск : Изд. «Детектив информ», 1998. С. 21.

государством. Верховная власть государства в лице президента организует противодействие преступности через прокуратуру, которая ответственна за поддержание режима законности в стране.

По этим концептуальным моментам следует констатировать неизменность этатистской¹ традиции. Для отечественного правоведения характерен этатизм при построении теоретико-правовых конструкций, несущих идеолого-методологическую нагрузку, то есть с апологетической составляющей.

Как пишет Л.В. Головкин, фундаментальный и единственно легитимный источник «уголовно-процессуальной власти», стоящей на страже всего общества и обладающей монополией на привлечение к уголовной ответственности, заключается в государстве. Ключевые уголовно-процессуальные институты: обвинение, правосудие источником своей легитимности имеют государство². Только государство обладает правом применять в уголовно-процессуальном порядке уголовные санкции, исключительно ему принадлежит монополия на уголовную юстицию³.

Приведем еще характерную цитату этого автора: «В материально-правовом смысле публичный интерес заключается в том, чтобы добиться наказания лица, совершившего общественно опасное деяние, т.е. преступление. В процессуальном смысле он заключается в том, чтобы сделать это на основании точного установления обстоятельств дела (доказывание) и с соблюдением прав

¹ По-иному говоря, «государство-центричной» установки на понимание природы всех правовых явлений, с которой в последнее время пытается конкурировать антропо-центричное правопонимание.

См.: Честнов, И. Л. Право с позиций социокультурной антропологии // Социокультурная антропология права: монография / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2015. С. 228-231; Павлов, В. И. Антропологическая концепция права // Постклассическая онтология права : монография / под ред. И. Л. Честнова. Санкт-Петербург : Алетей, 2016. С. 351–367.

² См.: Головкин, Л. В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. № 6. С. 107–118.

³ См.: Головкин, Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство. С. 4.

вовлеченных в уголовный процесс лиц, центральным из которых является право на защиту¹.

В единый этатистский концептуально-аксиологический комплекс смыкаются понятия «обвинение», «наказание», а также уголовно-процессуальная деятельность – следствие – по установлению объективной истины по делу.

Надо признать, что для настоящего момента подобный набор идеологием является оптимальным для формирования идеологически выверенного подхода к пониманию явлений досудебного производства по уголовному делу, включая модель прокурорской уголовно-процессуальной деятельности в этот период уголовного судопроизводства.

Полной противоположностью и идеологически неверными являются иные выводы относительно «государства» в контексте уголовного процесса. В частности, А.А. Александров и И.А. Александрова «деконструировали» понятие государство на: (1) ряд «персонажей»: (а) автора текста закона, (б) участника уголовно-процессуальной речевой коммуникации относительно смысла текста закона, (в) интерпретатора смысла, (г) субъекта доказывания, то есть выяснения контекстуальных обстоятельств (привязки к реальности), (2) иной, оппонентский («публично-правовой») смысл, иную позицию в споре/диалоге, которые противостоят позиции/смыслу человека; а также на ряд элементов материально-объективной составляющей контекста, в котором происходит дискурс: площадка, на которой произносится публичная (судебная) речь, то есть, например, зал судебного заседания; и в третьих, выделил цифровую инстанцию государства – «цифровой платформы»: «государство-как-платформа»².

В современных условиях «развал» государства даже в понятийном отношении противоречит духу единства, которым проникнуты все новейшие

¹ См.: Головкин, Л.В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям. Москва : Издательский Дом «Городец», 2022. С.107–118.

² Александров, А. С., Александрова И. А. О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4 - Уголовно-правовые науки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 4(58). С. 6–19.

политико-правовые начинания. Поэтому, продолжая идею этатизма, можно сказать, что «уголовно-процессуальная власть» входит в «публичную власть» (пункт «г» ст. 71 Конституции РФ), которая сосредоточена у Президента России. Последний, в свою очередь, делегирует данную власть Генеральному прокурору РФ и подчиненным ему прокурорам. Прокуроры реализуют ее через правовую организацию противодействия преступности.

2. Компетентные государственные органы, наделенные уголовно-процессуальной властью, то есть правоохранительные органы, включая прокуратуру, органы предварительного расследования осуществляют противодействие преступности в соответствии с законом от имени государства и в публичных интересах. Объединение государственных органов в публично-правовое «целое» всегда было характерным для отечественной доктрины – это проявлялось в понятиях «правоохранительные органы», «судебно-следственные органы». Остается актуальным такой подход и в современном политико-правовом контексте. С той поправкой, что обвинительная власть все же отделена от судебной власти.

Прокуратура, органы предварительного расследования, суд, несмотря на то, что выполняют в качестве представителей государства разные процессуальные функции, концептуально составляют публичную власть, которая имеет целью в уголовном процессе наказание действительно виновных и освобождение от уголовного преследования действительно невиновных¹.

Отметим, в связи с этим, закрепленное в позитивном праве полномочие государственных органов на реализацию уголовной ответственности, применение уголовного закона и пр. властные полномочия, связанные с противодействием преступности.

Государственническая идеологема, которая в уголовно-процессуальной плоскости имеет следственное проявление, нами принимается и будет включена в конструируемую теоретико-правовую модель.

¹ Головкин, Л. В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. № 6. С. 107–118.

Современная правовая организация противодействия преступности включает публично-правовые полномочия следователя, прокурора привлекать в следственной форме к уголовной ответственности и применять уголовно-правовые нормы – посредством реализации функции обвинения. Надо только правильно расставить акценты в организации взаимодействия органов, уполномоченных на обвинение и осуществление уголовного преследования.

3. Отечественная правовая доктрина исходит из того, что в системе правовых средств противодействия преступности основное значение имеют средства уголовно-правового воздействия, основанные на Уголовном кодексе¹.

Главным в правовой организации противодействия преступности был и остается прокурор, поэтому даже и в следственной модели этой организации прокурору должна принадлежать ведущая роль. Не просто надзор за тем, как функционирует эта организация, а управление, руководство этой организацией, включая такую ее структурную часть, как досудебное производство.

4. Приоритет уголовно-правового или «материального» элемента над элементом процессуальным является отличительной чертой классического подхода. Этот «материальный детерминизм» отражается в представлениях о том, что, во-первых, совершение преступления порождает уголовно-правовое (центральное, охранительное) отношение между государством и лицом, совершившим преступление, во-вторых, факт совершения преступления образует основание уголовной ответственности, которое существует объективно, и потому, в-третьих, государство в лице его правоохранительных (следственно-судебных) органов обязано объективно установить данное основание.

Отечественная правовая доктрина исходит из вторичности всего процессуального по отношению к материальному: норм, средств правового воздействия, отношений, деятельности, телеологии и пр. Вся «правовая

¹ См., напр.: Дуюнов, В. К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. Москва : Издательство «Научная книга», 2003. С. 18, 21 и др.; Бавсун, М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : монография. Омск, 2014. С. 11–13, 22 и др.

организация» выстраивается на постулировании того, что процесс обслуживает, обеспечивает «право уголовное», материальное право.

Предлагаемая нами перемена в классической схеме «правовой организации» состоит в замене материального детерминизма процессуальной детерминантой.

Разработчики «процессуального детерминизма», на наш взгляд, обоснованно утверждают, что не уголовное право, а уголовно-процессуальное право составляет основу правовой организации противодействия преступности¹. «Реальное уголовное право», «средство уголовно-правового воздействия» процессуальны². Об этом пишет и Л.В. Головкин: государство организует и проводит уголовный процесс для защиты общества от преступлений³.

Процессуальный фактор и его составляющие, оказывающие детерминирующее влияние на уголовно-правовое воздействие, таковы: обвинение и доказывание. Оба они должны быть подвластны прокурору.

Дополнение, вносимое нами в господствующую доктрину, заключается в постулировании того, что институты обвинения и доказывания, подвластные прокурору, составляют основу правовой организации противодействия преступности. Именно эти два процессуальных института преобразуют объективную, сырую реальность – в юридическую, процедурную, уголовно-правовую реальность. Отсюда выдвигаемое нами положение о наличии первичных и вторичных признаков в правовой организации антикриминальной правовой системы государства, которое будет развито в следующем параграфе.

Итак, следует признать правоту «процессуального детерминизма» относительно ведущей, организующей роли процессуальной, не только

¹ См.: Александров, А.С. Власова С.В. Антидогматика: новое понимание уголовного процесса и права // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 1(18). С. 53–63 ; Александрова, И. А., Ляпунова А. В. Уголовный процесс как форма образования «уголовного права» на наказание преступника // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2(34). С. 414–418.

² Власова, С. В. Теоретическая концепция правовой (уголовно-процессуальной) организации противодействия преступности в сфере экономики : монография. Москва : Юрлитинформ, 2020. С. 83.

³ Головкин, Л.В. Указ. соч. С. 111.

уголовной, но и гражданско-процессуальной, компоненты в правовой организации противодействия преступности.

Поэтому заключаем, что *организация противодействия преступности процессуальна в своей правовой сущности: она основана на институтах обвинения и доказывания* (выделено нами – О. В. Левченко).

5. Современная доктрина, проникнутая «материальным детерминизмом», приводит к признанию того, что (а) право на наказание (привлечение к уголовной ответственности) возникает у «государства» с момента совершения преступления (б) цель уголовного процесса в том, чтобы реализовать право государства на наказание (средство уголовно-правового воздействия). В этих положениях, по-прежнему, судя по последним публикациям¹, востребованных в современном научном обороте, содержится карательные издержки классической правовой доктрины. Помимо того, что они противоречат презумпции невиновности, они еще и логически противоречивы².

Следующее изменение состоит в переносе акцента в мыслимой нами организации с кары, уголовно-правового момента, на, опять же, – процессуальный. Именно процесс должен признаваться не только и не столько правовой основой реализации уголовно-правового воздействия, как самодостаточной в своей процессуальности.

Несмотря на долю привнесенного либерализма, российская правовая организация противодействия преступности в своем существе остается государственно-центричной, неравновесной в плане обеспечения баланса частного и публичного начал. Она институционально не обеспечена участием в этой деятельности посторонних государству субъектов. В противостоянии (или, если мягче сказать, «в отношении») государству лицо, физическое или юридическое, презюмируется неравным. Логика этатизма такова:

¹ См.: Муравьев, К. В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона: монография. Москва: Проспект, 2019. С. 52–54, 56 и др.; Козубенко, Ю. В. Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования. Санкт-Петербург : Юрид. Центр Пресс, 2006. С. 6, 11–16 и др.

² См.: Васильева, Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование: монография. Санкт-Петербург : Питер, 2013. С. 52–53.

технологический императив уголовного судопроизводства несовместим с идеологической уголовно-процессуальной догмой о равноправии сторон¹, государство не может быть равным частному лицу или даже ассоциации таковых.

Гарантия прав и свобод, достоинства личности создается государством, и реализуется добросовестным, духовитым чиновником государственного аппарата (следователем, прокурором, судьей)², на высокую нравственность которых и остается уповать обывателю и обществу.

Если исходить из этих положений, то правовую организацию противодействия преступности можно определить как систему уголовно-правовых и иных правовых средств, которые государство (государственные правоохранительные органы) применяют к преступникам в результате установления объективной истины с целью их наказания или применения иных мер правового воздействия.

Применительно к теме нашего исследования из этого вытекает то, что именно прокуратура управляет (должна управлять) процедурой выработки и реализации средств уголовно-правового воздействия к тем, кто нарушил уголовно-правовой запрет.

Не вдаваясь в нюансы новой философии права и процесса, которые не так важны для определения исследуемого явления, остаемся нормативистами в том, что касается понимания того, как творится «объективное право». К правовой организации противодействия преступности законотворческий процесс, на наш взгляд, не должен относиться, это чисто правоприменительная сфера.

Вместе с тем, считаем допустимым дополнить представление о «правоприменении» тем, что наряду с государством субъектами правоприменения и соответственно субъектами правовой организации противодействия преступности могут быть признаны представители населения и бизнеса,

¹ См.: Головкин, Л.В. Указ. соч. С. 115.

² См.: Агутин, А. В., Кравцов Ф. И. Ценностно-мировоззренческие основания совести в отечественном уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в Российской Федерации : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2017. С. 12–22.

институты гражданского общества, церковь и прочие «неофициальные лица». Организация противодействия преступности должна строиться государством на основе партнерских отношений с гражданским обществом, с максимальным вовлечением и опорой на бизнес и общественные организации.

Наибольшие перспективы в этом плане имеют медиационные технологии в разрешении уголовных дел мировым соглашением, расширение подсудности суда присяжных, профилактика, пробация. Эти институты видятся в качестве элементов той «правовой организации», о которой ведем речь в настоящем исследовании. И с этой точки зрения, прокуратура должна иметь в них решающее положение.

Следует выделить институциональную, системную взаимосвязь между тремя концептами: (1) форма – тип уголовного процесса; (2) форма подготовки и выдвижения обвинения; (3) формирование уголовно-процессуальных доказательств. Это и есть три архетипических признака конкретной (типовой) правовой организации (уголовно-процессуально-правовой) противодействия преступности, которые далее будут нами раскрыты в отношении института прокуратуры.

Как уже отмечалось, власть над институтами обвинения и формирования оснований обвинения должна принадлежать прокурору, последнего и надо считать главным субъектом этой уголовно-процессуальной организации применения уголовного законодательства к лицам, совершившим преступления. Правовая организация противодействия преступности есть *процесс*, во-первых, по созданию и поддержанию взаимодействия между органами уголовного преследования и другими субъектами, а во-вторых, по применению уголовно-правовых, процессуальных и иных норм с целью оказания противодействия преступности. Между тем, досудебное производство, организованное по следственному типу, есть еще один – интегративный показатель, указывающий на следственную форму выдвижения обвинения и формирования доказательств.

Таковы главные, на наш взгляд, поправки и дополнения, которые необходимо внести в классическую доктрину государственно-правовой

организации противодействия преступности. В период испытания русской государственно-правовой социальной модели этот тезис, не ставящий под сомнение публичный общественный, должен, на наш взгляд, сгладить крайности либерального, частного – которое имело место в 1990-х и в начале 2000-х годов.

Выводы, которые надлежит сделать по завершению настоящего параграфа, таковы.

С учетом современного политико-правового контекста наиболее приемлемой основой для выстраивания авторской концепции является позиция по совершенствованию исторически сложившейся уголовно-процессуальной модели деятельности прокурора в правовой организации противодействия преступности.

Для выражения этой идеологии и преодоления межотраслевой дифференциации в понимании того, как правовыми средствами государство воздействует на преступность, предлагается авторское понятие уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности, выделяя в ней уголовно-процессуальное – организующее начало. Это есть процессуальная правовая реализация мер уголовно-правового воздействия и противодействия преступности, организуемая прокуратурой.

В основу конструируемого нами концепта «организация» положена идея разделения обвинительной и судебной властей. Соединение обвинения и суда несовместимо для понятия организации противодействия преступности как правовой. Она потеряет свойство правоты, справедливости от такого слияния.

Определяем уголовно-процессуально-правовую организацию противодействия преступности как систему включающую сами нормы уголовного, уголовно-процессуального права и других отраслей антикриминального законодательства, правоохранительные органы во главе с прокуратурой, уполномоченные на применение этих норм, и процессуальную деятельность этих органов – уголовное преследование, то есть выдвижение обвинения, собирание обвинительных доказательств, в ходе которой происходит формирование средства уголовно-правового воздействия и основание его

применения на виновника преступления. В нашем представлении этой организацией охватывается во-первых, система антикриминального законодательства, материального и процессуального, во-вторых, система правоохранительных органов во главе с прокуратурой, уполномоченных на противодействие преступности, в-третьих, их процессуальная деятельность прежде всего по собиранию обвинительных доказательств и выдвижению обвинения для превращения уголовного закона в реальное средство уголовно-правового воздействия.

Модель правового государства надо совместить с тезисом о том, что государство осуществляет уголовно-правовое воздействие на преступность, государство проводит уголовную политику. В России исторически сложился смешанный следственно-обвинительный тип правовой организации уголовно-правового воздействия на преступность.

Прокуратура, являясь продолжением президентской власти, организует от имени главы государства противодействие преступности правовыми средствами. «Уголовно-процессуальная обвинительно-следственная власть» входит в «публичную власть», сосредоточенную во власти Президента России. Прокуроры реализуют обвинительную власть государства, делегированную им президентом, в следственном досудебном производстве и в суде, тем самым осуществляя уголовно-правовое противодействие преступности.

Тенденции концентрации, централизации власти государства отвечает концепция централизации обвинительной власти, снятие внутри нее системы сдержек и противовесов, многие из которых имеют следственное происхождение, но при сохранении принципиального разделения власти обвинительной и судебной. Сильное государство, противостоящее преступности, сильно двумя отдельными властями. Поэтому актуальным является усиление власти прокурорской внутри следственно-обвинительной системы. Прокурор является центральным элементом уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности.

Институты обвинения и доказывания, подвластные прокурору, должны составлять элементарную базу правовой организации противодействия преступности. Уголовно-процессуально-правовую организацию реализации мер уголовно-правового воздействия можно определить как во-первых, систему правоохранительных органов, уполномоченных на осуществление уголовного преследование и применение уголовного закона, во-вторых, процессуальные отношения между этими органами обвинительной власти государства, и в-третьих, уголовно-процессуальную и иную правовую (включая, ОРД) деятельность этих органов, связанную с привлечением к уголовной ответственности лиц, совершивших или готовивших преступления.

Средство уголовно-правового воздействия – это истолкованный в контексте конкретного уголовно-правового конфликта (дела) уголовный закон как средство разрешения спора и одновременно – как средство уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление. Прокуратура управляет (должна управлять) процедурой выработки и реализации средств уголовно-правового воздействия к тем, кто нарушил уголовно-правовой запрет. Прокурор является ведущим, активным сотворцом средства правового воздействия, реального уголовного права, которое применяется к виновнику преступления. В то же время мы исключаем следователя из числа субъектов, уполномоченных на это. Главным образом потому, что в ходе досудебного производства, которым ограничивается деятельность следователя по правоприменению, не носит окончательного характера.

В основанной на обвинительной власти прокурора процессуальной организации уголовно-правового противодействия преступности воплотилась национальная модель суверенной модели российского правового государства и самобытного вида уголовного судопроизводства, включающего следственную форму досудебного производства.

1.2 Признаки современной уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности, обусловленные моделью прокурорской деятельности в досудебном производстве

Развивая понятие об организации правового противодействия, оказываемого государством преступности, и место прокурора в этом устройстве, следует перейти к анализу признаков (показателей) этой «организации», которые позволят развить представления о сущности деятельности прокурора в досудебном производстве. Это и будет составлять предмет настоящего параграфа.

Главный вопрос формально-правовой (типовой) организации уголовного процесса — это вопрос об организации власти и порядка ее применения к случаям предположительного нарушения уголовного закона. Феноменологическая сущность уголовного процесса как принадлежности государства состоит во власти на принуждение: процессуальное и уголовно-правовое.

Как было констатировано в предыдущем параграфе, тип процесса и соответственно — общая модель уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности — детерминирована следующими факторами: (1) кому принадлежит власть на принятие решения о применении уголовного закона; (2) кому принадлежит власть на принятие процессуальных решений, определяющих исход уголовного дела; (3) кому принадлежит власть на установление оснований правоприменительных актов, которые являются актами государственного принуждения (меры пресечения, меры наказания и пр.), то есть, кто устанавливает юридические факты или кто полномочен доказать истину (объективную) по уголовному делу, которая оправдывает применение наказания — меры уголовной ответственности к лицу, нарушившему уголовно-правовой запрет.

В отечественном правоведении уже использовался термин «архетип» и производные от него понятия для обоснования уникальности российского типа уголовного процесса, в котором отразился национальный (то есть русский)

архетип¹. Так что выявление архетипических признаков уголовного процесса и шире – правовой организации уголовно-правового воздействия – можно считать развитием подобного подхода². В итоге, важно выявить признаки национальной уголовно-процессуально-правовой системы противодействия преступности и роли в ней прокурора.

При этом следует учитывать, что в вопросах оптимизации уголовно-процессуальной деятельности прокурора надо исходить из первичных – архетипических признаков данного типа уголовно-процессуальной организации противодействия преступности, как объективной закономерности. Иными словами, произвольно их менять недопустимо, они есть продукт отечественного исторического развития. Можно ставить вопрос только об их частичной модификации. В то время как вторичные признаки производны от первичных и более подвижны – их можно менять более решительно.

Как уже было установлено ранее, тип уголовного процесс – это определенный порядок выработки решения о применении уголовного закона – средства уголовно-правового воздействия, модель получения процедурного знания, а все это вместе и есть уголовно-процессуально-правовая организация противодействия преступности.

Правовая организация противодействия преступности имеет определенную историческую национальную конкретно-процессуальную модель. Вся конфигурация государственной власти отражается в ней и является ее

¹ См.: Барабаш, А. С., Брестер, А. А. Метод российского уголовного процесса: монография. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2013. С. 5–10.

² Такого рода попытки уже предпринимались другими авторами, руководствовавшимися, впрочем, иными целями и соответственно, получившими несколько иные результаты, чем те, к которым стремимся мы в настоящей работе. См., напр.: Азаров, В. А., Чердынцева И. А. Базовые компоненты типологической характеристики уголовного процесса России // Уголовное право. 2006. № 6. С. 64–69; Барабаш, А. С. Начало российского уголовного процесса, определяющее возможность конвергенции уголовно-процессуальной формы и ее границы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5. С. 54–61; Потапов, В. Д. К вопросу об уголовно-процессуальной форме досудебного производства по уголовному делу // Актуальные проблемы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2020. С. 191–193.

воплощением в виде власти устанавливать «объективную истину» и применять меры уголовно-правового воздействия.

Логично предположить, что решающую роль при производстве по уголовному делу играет тот, кто принимает по нему ключевые уголовно-процессуальные решения, определяющие направление и исход ведения дела, то есть тот, кто занимает центральное место в механизме правоприменения. В досудебном производстве, но равно и в уголовном судопроизводстве, главный участник – это или следователь (орган предварительного расследования), или прокурор. В смешанных моделях, к какой можно отнести и российскую, эта власть разделена между органом предварительного следствия (расследования) и прокурором. И вся проблематика сводится к распределению этих полномочий между ними и форм взаимодействия.

В современном российском уголовном процессе «хозяином уголовного дела», очевидно, пребывает следователь: он самостоятельно возбуждает его и определяет ход расследования¹. Сам этот факт является принципиальной характеристикой структуры отечественного уголовного процесса²: предварительное следствие детерминирует и аналогичный тип уголовного процесса в целом. Такова традиционная – следственная модель деятельности по противодействию преступности в России. Это данность современного так называемого «смешанного» типа уголовного процесса³.

¹ Эта тема будет предметом последующего детального анализа. В ней и состоит главное решение относительно, во-первых, перераспределения процессуальных полномочий между следователем и прокурором; восстановление руководящей процессуальной роли прокурора в досудебном производстве; более последовательное разделение обвинительной и судебной функций в вопросах применения норм уголовного права и норм уголовно-процессуального права, предусматривающих ограничение конституционных прав и свобод.

² См.: Азаров, В. А. Предварительное и судебное следствие в контексте типологической характеристики уголовного процесса России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 2. С. 50–51; Давлетов, А. А. Об оптимальном типе современного российского уголовного процесса. С. 98–100.

³ В этом убеждают и данные соцопросов правоприменителей.

См.: Приложение № 1, ответы на вопросы №№ 1-3, 7-8, Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 1-3, 7, Приложение № 3, ответы на вопросы №№ 1-3, 7,8.

В следственном уголовном процессе, служащим основой правовой организации противодействия преступности «карательного типа»¹, следственная (следственно-судебная) власть выдвигает обвинение, формирует доказательства и применяет уголовный закон. При правовой организации противодействия преступности, основанной на состязательном (обвинительном) уголовном судопроизводстве, обвинение выдвигается обвинителем в суде и формирование доказательств сторонами происходит также в судебном порядке.

В любом случае, архетипичным – сводным показателем модели правовой организации противодействия преступности являются разделение обвинения и суда. Это главный критерий, по которому делятся два типа уголовно-процессуально-правовой организации.

Можно сказать, что первичным признаком правовой организации противодействия преступности является принадлежность власти на привлечение лица к уголовной ответственности. Он, в свою очередь, складывается из двух составляющих: распределение полномочий на выдвижение обвинения и доказывание его. Кто формулирует обвинение и выдвигает его перед судом, тот притязает на признание за ним права на наказание – применение меры уголовно-правового воздействия.

В российской – смешанной уголовно-процессуальной модели сложился во многом уникальный расклад полномочий прокурора и органа предварительного следствия относительно обвинения и доказывания. Поэтому можно сказать, что первичным типологическим признаком современного российского уголовного процесса является процессуальное полномочие следователя на возбуждение уголовного дела, предъявление обвинения и на его исход в досудебном

¹ Речь идет не столько о мере карательности, сколько о бескомпромиссности противодействия преступности: с целью ее искоренения, обеспечения неотвратимости уголовной ответственности, профилактики и пр. Далее мы остановимся на этом моменте при характеристике уголовной политики, проводимой через ту или иную уголовно-процессуально-правовую организацию противодействия преступности.

производстве: обычный – в виде обвинительного заключения и альтернативные – в виде постановления о прекращении уголовного дела, иных решений¹.

Можно утверждать, что следователь является центром уголовно-процессуального механизма применения уголовно-правовых норм к лицам, совершающим нарушения уголовного закона². Разумеется, эта власть не безгранична, а находится под судебным и ведомственным контролем, а также под прокурорским надзором. Однако, эти процессуальные механизмы сдержек и противовесов власти не отменяют главного – доминирования (формального³) следственной власти.

Следователь является субъектом применения уголовного закона и привлечения к уголовной ответственности преступника, как непосредственно – в случае прекращения уголовного дела (преследования) по одному из нереабилитирующих оснований, так и опосредовано – через передачу уголовного дела прокурору с обвинительным заключением. Последующее утверждение прокурором резолютивного акта органа предварительного расследования при всей его значимости, особенно в суде, является приложением к власти следователя обвинять и доказывать.

Наша исторически сложившаяся доктрина исходит из наличия и сочетания двух видов уголовно-процессуальной деятельности: предварительно-следственного и судебного⁴. Уже один только факт их сосуществования порожден

¹ Далее в работе покажем, в чем это проявляется.

² Во втором параграфе второй главы подробно разберем данную ситуацию с опорой на данные о реальном досудебном производстве.

См., напр.: Джамиев, М. Р. Назначение и правовая организация досудебного производства по уголовному делу //Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 4 (36). С. 210–214.

³ Фактически это не вполне так, поскольку следователь находится в системе организационных, непроцедурных отношений власти-подчинения.

См.: Потапов, Д.В. Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2019. С. 15–16, 176 и след.

⁴ Игнорирование различия между предварительным расследованием (доказыванием) и судебным расследованием (доказыванием) является характерным для последователей следственного учения, которое весьма распространено. Таким образом, затушевывается зависимость судебного следствия от предварительного, а потому и зависимость судебной

структурой нашего уголовного процесса, в котором имеются две самостоятельные досудебные стадии¹. Характерно то, что советская процессуальная школа открыто закрепляла приоритет предварительного следствия над судебным: у следователя больше, чем у суда, возможностей раскрыть преступление, всесторонне, полно и объективно раскрыть его, установить «объективную истину» – пользуясь преимуществами быстроты, близости ко времени и месту события преступления, используя криминалистические, тактические и технические приемы и методы². «Фундамент для установления объективной истины по каждому делу закладывается именно в ходе предварительного расследования»³. Тем самым предварительный и вроде бы неосновной вид уголовно-процессуальной деятельности как бы «превозносился» над судебным, который официально предполагается главным⁴.

власти от исполнительной – следственно-обвинительной власти в осуществлении уголовно-процессуально-правового воздействия.

См. об этом, напр.: Машовец, А. О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты : монография. Москва : Юрлитинформ, 2015. С. 31.

¹ См.: Давлетов, А. А. Об оптимальном типе современного российского уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2011. № 2–2. С. 98–100; Азаров, В. и судебное следствие в контексте типологической характеристики уголовного процесса России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 2. С. 50–51.

² См., напр.: Азаров, В. А. Соотношение предварительного и судебного следствия по УПК Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 102–104; Колбая, Г.Н. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства. Москва : Юрид. лит., 1975. С. 5–6, 43–44, 74; Строгович, М. С. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства и некоторые вопросы защиты в советском уголовном процессе // Вопросы защиты по уголовным делам. Ленинград, 1967. С. 61 и след.; Талинский, Э.Г. Соотношение предварительного и судебного следствия. Торжество ленинского учения о государстве и праве. Львов : б/и, 1971. С. 251–253; Шейфер, С. А. Предварительное и судебное следствие по УПК РФ: проблемы соотношения // Проблемы обеспечения прав участников процесса по новому уголовно-процессуальному кодексу РФ: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции 18–19 декабря 2002 г., г. Самара / под ред. С.А. Шейфера. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. С. 30–31; Якубович, Н. А. Теоретические основы предварительного следствия. Москва : [б. и.], 1971. С. 19.

³ Миньковский, Г.М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. Москва : Госюриздат, 1956. С. 29.

⁴ На это указывают данные опросов правоприменителей.

См.: Приложение № 1, ответы на вопрос № 9; Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 6, 8; Приложение № 3, ответы на вопросы №№ 6, 8.

Таким образом, позитивно-правовая модель и доктрина смыкаются в общем положении о превосходстве следственной власти в досудебном производстве, включающем процедуры выдвижения, обвинения, формирования доказательств, что предопределяет решение вопроса о реализации мер уголовно-правового воздействия как в досудебном производстве, так и в суде.

Современный институт публичного обвинения включает в себя две модификации: частно-публичную и публичную. Соответственно, выделяют и две модели доказывания его: публичную и частно-публичную¹. И в ту и другую заложен следственный механизм предъявления публичного обвинения и прокурорский – поддержания обвинения перед судом.

В настоящее время механизм выдвижения обвинения включает в себя процедуру предъявления обвинения, полностью находящуюся во власти следователя, и процедуру утверждения обвинительного заключения, где решающее полномочие принадлежит уже прокурору. Таким образом, процедура выдвижения обвинения носит смешанный – следственно-прокурорский характер. При этом, на наш взгляд, имеет место дисбаланс полномочий в пользу следователя и соответственно – нехватка полномочий у прокурора, чтобы оперативно определять судьбу обвинения (уголовного дела) и формирование доказательств.

Подчеркнем то, что следственный механизм привлечения в качестве обвиняемого, который фактически совпадает с привлечением к уголовной ответственности, закрепленный в кодексах², позволяет усматривать преемственность с советской моделью. Не случайно наблюдается полное сходство в нормативно-правовой модели вынесения следователем постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявления обвинения по советскому кодексу (глава 11 УПК РСФСР) и действующему уголовно-процессуальному

¹ См.: Власова, С. В. Указ. соч. С. 242 и след.

² На отождествление привлечения в качестве обвиняемого и привлечение к уголовной ответственности указывают нормы статей 8, 75-76.1, 299, 300, 305 УК РФ, статья 154 ч.1 п. 2 УПК РФ. А под этими нормативно-правовыми схемами скрывается глубинная следственная модель привлечения к уголовной ответственности.

См. об этом: Власова, С. В. Указ. соч. С. 211.

закону (глава 23 УПК РФ). Именно поэтому в отличие от других глав УПК РФ, эта глава не претерпела ни одного изменения. Ведь это «сердце» современного уголовно-процессуального организма, от работы которого он полностью зависит¹.

Ряд решений Конституционного Суда России² позволяет по-прежнему считать постановление о привлечении в качестве обвиняемого, равно как и обвинительный акт, обвинительное постановление, обвинительное заключение, процессуальными актами органа предварительного расследования по привлечению к уголовной ответственности обвиняемого. Как следует из многочисленных высказываний Конституционного Суда Российской Федерации, лицо, привлеченное к участию в уголовном деле в качестве обвиняемого, является лицом, привлеченным к уголовной ответственности, при этом данные процессуальные акты не подпадают под судебный контроль в ходе досудебного производства³.

Значит, по закону в его конституционно-правовом истолковании форма предварительного расследования является формой привлечения к уголовной ответственности. И поскольку ни прокурор, ни суд непосредственно не участвуют в вынесении этих актов и обеспечивают только их отложенную проверку, постольку можно считать, что данный этап реализации уголовной ответственности находится в полной власти органа предварительного следствия. Полагаем такую правовую схему не вполне правильной⁴.

¹ См.: Власова, С. В. Указ. соч. С. 234.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2003 года № 7-П //Собрание законодательства РФ. 2003. № 18. Ст. 1748.; Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 года № 996-О-О // СПС КонсультантПлюс, 2022 ; Определение Конституционного Суда РФ от 20 октября 2011 года N 1449-О-О // СПСКонсультантПлюс, 2022 ; Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2013 года № 786-О // СПС КонсультантПлюс, 2023; Определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2014 года № 589-О // СПС КонсультантПлюс, 2023; Определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2014 года № 1458-О // СПС КонсультантПлюс, 2023.

³ См. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2012 № 36-О-О // СПС КонсультантПлюс, 2023.

⁴ С этим согласна и часть опрошенных нами сотрудников правоохранительных органов. См.: Приложение № 1, ответы на вопрос № 32; Приложение № 2, ответы на вопрос № 20.3.

Вторая доктринальная проблема, подлежащая обсуждению в связи с концептуальной правовой организацией осуществления уголовно-правового воздействия – это правовая организация доказывания или уголовно-процессуальная технология доказывания.

Концепция (доктрина) доказывания является одной из институциональных основ правовой организации любой процессуальной деятельности¹. Каждому типу присуща своя парадигма, технология доказывания, своя информационно-коммуникативная модель². Иные говорят о матрице или познавательной модели, свойственной типу процесса³.

К этой проблеме в свете участия прокурора в доказывании, статусе прокурора как субъекта доказывания в досудебных стадиях мы далее будем постоянно обращаться. Пока же надо констатировать, что прокурор не является субъектом доказывания ни в стадии возбуждения уголовного дела, ни в стадии предварительного расследования. На наш взгляд, эта одна из самых острых проблем современной правовой организации досудебного производства и уголовно-процессуально-правовой организации в целом.

Исходя из приоритетного значения институтов обвинения и его доказывания, следует выделить два первичных признака типа процесса: порядок выдвижения обвинения и порядок доказывания. Они составляют основу архетипа уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности.

¹ Ввиду важности этой темы ей будет посвящен четвертый параграф настоящей главы. Здесь же ограничимся первоначальным, принципиальным обозначением проблемы.

² По мнению некоторых современных авторов, состязательная коммуникативно-состязательная/обвинительная уголовно-процессуальная модель имеет своим основанием организацию устной речи – диалога. Следственная познавательная парадигма имеет в своей основе письменную речь, документооборот, потому она тяготеет к формализации процедур письменоведения, бюрократизации управленческого следственного аппарата (См., напр.: Александров, А.С., Александрова, И.А. О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки. С. 6–19). Однако, вполне с этим согласиться нельзя. Любой процесс невозможен, как без письменной речи (документов), так и без устной речи. Полагаем, что письменная речь является основой существования любого типа процесса, а не только «следственного».

³ См. об этом, напр.: Россинский, С. Б. Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве: монография. Москва : Проспект, 2015. С. 41 и след.

Признаки первого ряда, имеющие универсальное, вне-типовое значение для характеристики досудебного производства, таковы: (а) начала уголовного расследования (возбуждения уголовного дела; (б) предъявления обвинения и привлечения к уголовному преследованию; (в) уголовно-процессуального принуждения: прежде всего задержание и меры пресечения; (г) процессуальных-следственных действий¹; (г) мер обеспечения возможного судебного решения по делу (наложение ареста на имущество); (д) институт прекращения досудебного уголовного преследования (уголовного дела).

На наш взгляд, к вторичным (типовым) признакам следственно-смешанного процесса, то есть типовым уголовно-процессуальным институтам надо отнести такие, которые отражают характер отношений между, во-первых, субъектами, ведущими досудебное производство и, во-вторых, субъектами, ведущими судебное производство. С учетом нашей темы нас интересуют отношения и институты первой, то есть досудебной модели.

Конфигурация отношений внутри обвинительно-следственной власти выражается в следующих: (а) процессуальные сроки различных форм досудебных производств и производные от него субинституты: институт приостановления², продления сроков следствия (дознания); (б) порядок сношения следственно-обвинительной власти с судебной в ходе предварительного расследования; (в) порядок «засиливания» решений следователя о прекращении уголовного дела (преследования); (г) форма фиксации полученных следователем доказательств – институт протоколов следственных действий (включая понятых); (д) дифференциация результатов оперативно-розыскной деятельности и предварительного следствия (расследования) и др.³.

¹ Прежде всего, сопряженных с ограничением конституционных прав граждан и вторжением в сферу охраняемой законом тайны.

² Системное значение процедуры приостановления производства по делу признавали многие классики. Так, М.С. Строгович даже считал приостановление одной из форм окончания предварительного расследования, т.е. итоговым решением.

См.: Строгович, М. С. Уголовный процесс: учебник. Москва : Юрид. изд-во, 1946. С. 118.

³ Очевидно, что это не исчерпывающий перечень вторичных признаков современного досудебного производства. Можно говорить о механизме передачи уголовного дела в суд,

В целом, современный уголовно-процессуальный строй – это атрибут централизованного государства, президентской республики, то есть доминировании в уголовно-процессуальной сфере исполнительной (следственно-обвинительной) власти в вопросах обвинения и доказывания¹.

Смягчают крайности следственной модели (и одновременно ослабляют ее) институты из иной – состязательной модели (механизм судебного контроля, институт защиты (квалифицированная юридическая помощь), различные «гарантии прав личности»), которые, впрочем, не могут оказать решающего влияния на механизм выработки и реализации мер уголовно-правового воздействия, равно как и на уголовную политику².

Ограничение следственной власти происходит через внутреннюю³ систему сдержек и противовесов: прокурорский надзор, разделение следственной и оперативно-розыскной деятельности, институт возбуждения уголовного дела, различные механизмы ведомственного контроля. По оценке некоторых авторов, это приводит к снижению эффективности правоприменения и к ситуации «силы

конфигурации отношений в треугольнике следователь-руководитель следственного органа-прокурор и пр. Все это весьма показательные процедуры для понимания содержания и характеристики сущности российского досудебного и уголовного судопроизводства.

¹ Являющейся продолжением, по мнению ее апологетов, власти президентской, и независимой более ни от какой другой власти в системе властных сдержек и противовесов государства (См.: Цветков, Ю. А. Аппарат власти следственной / под общей ред. Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2016. С. 198–199). Однако, на конституционно-правовом уровне никаких указаний на производность следственной власти от президентской, в отличие от той же прокурорской, нет. Это говорит, по нашему мнению, о более высоком уровне прокурорской власти в сравнении со следственной. Только прокурорскую власть – прокурорский надзор в полном смысле этого слова можно считать продолжением власти президента в сфере противодействия преступности.

² В исследованиях сотрудника Института проблем правоприменения М.Л. Позднякова, посвященных эффективности судебного контроля в досудебном производстве, указывается на явление «ручного управления» этим механизмом, не критичное отношение к ходатайствам органов предварительного расследования – в виде автоматического удовлетворения: отказы в удовлетворении ходатайств правоохранителей со стороны судей на протяжении всех лет функционирования судебного контроля составляют стабильные 2%. Вот эти 2% и есть реальный итог реформы уголовного процесса с созданием института судебного контроля за деятельностью правоохранителей.

См.: Поздняков, М. Л. Перспективы института следственных судей // Уголовный процесс. 2015. № 6. С. 34.

³ Это внутренняя система сдержек и противовесов воплощена в понятии процессуальных гарантий, о которых скажем ниже. Система уголовно-процессуальных следственных гарантий – это умножение следственной сущности, без повышения ее качества.

без добра» или «добра без силы»: права личности не защищены, уголовно-правовое воздействие на преступность происходит избирательно. Современная смешанная модель процесса является следственной моделью с «примесью» состязательности. С таким выводом можно согласиться, однако, не через отрицание следственной власти и формы, но через усиление власти прокурорской внутри следственной формы¹.

Полагаем, на доктринальном уровне характеризуют вторичную систему признаков определенного типа уголовно-процессуально-правовой системы противодействия преступности две специально созданных нашей наукой концептуальные категории: «гарантии» и «функции». Будем считать их доктринальными свойствами мыслимой нами «правовой организации». Их важность в том, что они позволяют осмыслить современную модель уголовно-процессуально-правовой организации, в которую встроен прокурор, в свете доктринальных построений именно отечественной уголовно-процессуальной науки – то есть в контексте российской правовой культуры, органичной частью которой являются и мыслимые нами теоретико-правовые конструкции.

Учение о процессуальном функционализме в свое время призвано было дать объяснение сущности советского уголовного процесса, но так, чтобы не затрагивать различия между обвинительной и следственной уголовно-процессуальными моделями. Оно является весьма полезным для понимания внутренней организации взаимодействия прокурора и органа предварительного следствия в досудебных стадиях.

Прежде всего, надо сказать об уголовно-процессуальных функциях на досудебном производстве. В советское время господствовало мнение о том, что следователь выполняет функцию предварительного расследования². Эта функция

¹ Этот ключевой тезис поддерживает значительная часть опрошенных нами практиков.

См.: Приложение № 1, ответы на вопросы №№ 31-33; Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 18-21; Приложение № 3, ответы на вопросы №№ 20-20.3.

² См., напр.: Жогин, Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. Москва : Госюриздат, 1965; Гуляев, А. П. Следователь в уголовном процессе. Москва : Изд-во Акад. МВД СССР, 1981. С. 3, 4, 31 и след.; Дубинский, А. Я. Правовые и организационные проблемы исполнения процессуальных решений

выделялась, наряду с другими процессуальными функциями: обвинения, защиты, судебной и пр. Советская уголовно-процессуальная доктрина предварительного расследования и особенно советское криминалистическое учение подразумевали участие следователя в розыске и изобличении преступника: следователь обязан «организовать расследование дела в поисках виновного»¹. В обязательный набор умений следователя входят навыки выдвижения версий, собирание доказательств² формулирования обвинения³, проведения следственных действий, нацеленных как на раскрытие преступления, доказывание вины обвиняемого, так и установление фактических обстоятельств в его пользу⁴.

Одновременно с этим, роль следователя видится во всестороннем, полном и объективном выяснении, исследовании всех обстоятельств уголовного дела, подлежащих установлению и доказыванию⁵. Именно таким субъектом уголовного

следователя : диссертация ... доктора юридических наук. Киев, 1984 ; Ларин, А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. Москва : Юрид. лит., 1986; Николайчик, Н.И., Матвиенко, Е. А., Николайчик Н.И. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования. Минск : Изд-во БГУ, 1969. 192 с.; Полянский, Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1956. С. 203; Якубович, Н. А. Процессуальные функции следователя // Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве : сборник научных трудов. Москва : Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1980. С. 9; Холоденко, В. Д. Правовое определение функции следователя и задач предварительного следствия // Вопросы уголовного процесса. Саратов, 1984. С. 50–54.

¹ См.: Руководство для следователей / под ред. Н.В. Жогина. Москва : Юрид. лит., 1971. С. 22, 28 и след.

² См.: Зажицкий, В. И. Доказательства и доказывание по УПК РФ : монография. Санкт-Петербург : Юридический центр-Пресс, 2015; Россинский, С.Б. Собирание доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 3. С. 90–103.

³ См., напр.: Безлепкин, Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя. Москва: Проспект, 2009. С. 92 и след.; Россинский, С. Б. Следственные действия : монография. Москва : Норма, 2018. С. 18, 19, 26 и след.

⁴ См., напр.: Гуляев, А. П. Процессуальные функции следователя : учебное пособие. Москва : Юрид. лит., 1981. С. 6 и след.; Ларин, А. М. Указ. соч. С. 60; Дубривный, В. А. Деятельность следователя по расследованию преступлений. Общая характеристика. Цели. Действия. Саратов, 1987. С. 26; Россинский, С. Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5. С. 39–50.

⁵ См., напр.: Азаренок, Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: диссертация ... доктора юридических наук. Омск, 2022. С. 18, 20, 87-88; Макарова, З.В. Специальное назначение и роль следователя в уголовном процессе // Актуальные проблемы уголовного процесса в трудах профессора А. А. Чувилова : сб. ст. / отв. за вып. В.В. Кальницкий. Омск, 2011. С. 68; Миликова, А. В. Уголовно-

преследования и объективным, процессуально самостоятельным исследователем обстоятельств дела представлялся в методических рекомендациях¹, комментариях², теоретических трактатах³ следователь и такой образ формируется в массовом сознании населения.

Отдельно надо сказать о сторонниках наделения следователя судебной функцией⁴, которые ссылаются при этом на исторический опыт и предлагают восстановить институт судебных следователей⁵. Между тем, еще во время действия Устава уголовного судопроизводства институт судебных следователей и их судебно-следственная функция критиковались⁶.

Вряд ли можно позитивно относиться к возможности выполнения следователем судебной функции, это направление реформы досудебного производства считаем принципиально неверным, что и попытаемся доказать в заключительной части диссертации. Более правильным, хотя и не подкрепленным

процессуальные акты органов предварительного следствия: диссертация ... кандидата юридических наук. Волгоград: Волгоградский госуниверситет, 2019. С. 8, 9.

¹ См., напр.: Справочник следователя: в двух выпусках / Авторский коллектив под ред. Н.А. Селиванова. Москва : Юрид. лит., 1990. Вып. 1. С. 39.

² По мнению современных ученых, «следственная власть» в смешанном уголовном процессе выполняет в сфере доказывания «смешанную функцию»: функцию уголовного преследования и одновременно функцию защиты. Следователь получает доказательства в пользу обвиняемого, а главное он сам - оценивает доказательства по признаку их допустимости и «формирует» их таким образом.

См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2014. С. 52; Миликова, А.В. Указ. соч. С. 118; Дикарев, И.С. Объективность уголовного преследования как условие реализации назначения уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2006. № 3. С. 29–31.

³ См., напр.: Зинатуллин, З. З., Зинатуллин Т. З. Уголовно-процессуальные функции. Ижевск, 2002. С. 5 и след.

⁴ Они полагают, что предварительное следствие является по своей природе деятельностью не обвинительной, но «юстиционной», то есть как бы претендующей на нечто большее, чем одностороннее «уголовное преследование».

См., напр.: Безлепкин, Б.Т. Настольная книга следователя и дознавателя. Москва : Проспект, 1986. С. 3–9; Деришев, Ю. В. Уголовное досудебное производство: проблемы и пути реформирования // Уголовное право. 2015. № 1. С. 81–84.

⁵ Эта позиция обозначилась и в ходе дискуссии о введении института «следственных судей», а о чем будет сказано в третьем параграфе второй главы нашей диссертации.

⁶ См.: Даневский, В. Наше предварительное следствие. Санкт-Петербург : Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1895. С. 10; Люблинский, П.И. Предварительное следствие. Москва : [б. и.], 1923. С. 4; Томашевский Г. Нужна ли у нас защита на предварительном следствии? // Журнал гражданского и уголовного права 1881. Кн. 1. С. 115, 116; Фойницкий, И.Я. Предварительное следствие и его реформа // Журнал Гражданского и Уголовного Права. 1882. № 1. С. 200.

надлежащими аргументами, считаем мнение о том, что функция розыска преступника является полицейской функцией и то, что следователь не включен в эту деятельность, делает его работу менее эффективной¹. Другие авторы, наоборот, указывают, что предварительное следствие в постсоветской России «устанавливает и изобличает виновного»², то есть решает розыскную, а не «судебно-чиновничью» задачу³.

В целом же должны заключить, что учение об уголовно процессуальных функциях советской школы является следственным и потому верно⁴ в той части, в которой не выходит за рамки досудебного производства. Если же оно начинает претендовать на большее, то есть общепроцессуальное значение, тогда происходит искажение сущности уголовного судопроизводства в правовом государстве.

Тезис о том, что следователь, как орган предварительного расследования осуществляет функцию предварительного расследования, является правильным⁵ до тех пор, пока не превращается в обоснование процессуальной

¹ См.: Аппарат власти следственной / под общей ред. Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2016. С. 105; Дикарев, И.С. Назначение предварительного расследования в уголовном процессе // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 1. С. 75–88.

² См.: Васильев, О.Л. Цели и задачи предварительного расследования и его форм // Вестник Моск. ун-та. Сер.11, право. 2002. № 3. С. 20–43.

³ См.: Ларин, А.М. Заметки о предварительном следствии в России / Государство и право. 1993. № 3. С. 72–76; Марфицин, П. Г. Усмотрение следователя (Уголовно-процессуальный аспект) : монография. Омск : Омская акад. МВД РФ, 2002. С. 22.

⁴ На наш взгляд, достаточно взвешенную позицию по данному пункту занимает профессор И.С. Дикарев.

См.: Дикарев, И.С. Следственная власть как ветвь власти обвинительной // Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской империи: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 24 сентября 2020 года) / Под общ. ред. Д.Н. Кожухарика. Москва, 2020. С. 124–127; Он же. Объективность уголовного преследования как условие реализации назначения уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2006. № 3. С. 29–31.

⁵ Представители СК РФ, исходя из того, что основным направлением деятельности следователя является предварительное расследование с целью установления объективной истины, логично предлагают изъять следователя из состава участников стороны обвинения, изменив статьи 6, 15 УПК РФ.

См., напр.: Капитонов, А. Процессуальная функция следователя // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей Томск, 2013. Ч. 59. С. 43–48.

самостоятельности следователя от прокурора¹ или до тех пор, пока не претендует на «судебное расследование», то есть окончательность своих выводов, «объективность» в конечной – судебной инстанции.

В литературе уже высказывалась идея об ограничении уголовно-процессуальной функции «предварительного расследование уголовного дела» до появления подозрения или обвинения, а далее, то есть с появлением фигуры подозреваемого (обвиняемого) якобы следователь начинает проводить уголовное преследование². Полагаем, что это искусственное деление: функция предварительного расследования выполняется ее субъектом на всем протяжении досудебного производства. Уголовное преследование входит в состав этой функции, как потенциал обвинительности. Вместе с тем требуемая объективность, полнота предварительного расследования могут быть достигаемы только через совместное выполнение этой функции органом предварительного расследования и прокурором. Прокурорский надзор придает предварительному расследованию объективность достаточную для выдвижения обвинения.

Для нас задача определения статуса следователя и прокурора, круга их функций в «функциональном разрезе» разрешается через понятие «следственно-обвинительной власти», в которой властные полномочия прокурора по отношению к следователю реализуются в следственной форме.

«Предварительное расследование» есть следственная форма уголовного преследования, которое осуществляет следователь (орган предварительного расследования) с целью раскрытия преступления, выявления и изобличения виновного в его совершении лица»³ под процессуальным надзором, а стало быть, и руководством прокурора.

¹ Смирнов, А.В. О процессуальной независимости следователя, защитника и обеспечении законных интересов личности в уголовном процессе. С. 34

² Уголовный процесс : учебник / [Б.Т. Безлепкин, С.В. Бородин, М.В. Боровский и др.]; Под ред. И.Л. Петрухина; Ин-т государства и права Рос. акад. наук. Москва : Проспект, 2000. С. 89.

³ См.: Дикарев, И.С. Объективность уголовного преследования как условие реализации назначения уголовного судопроизводства. Волгоград : ВолГУ, 2005. С. 29–31.

При этом, разумеется, следователь нормативно и догматически обязан так провести расследование, чтобы исключить привлечение к уголовной ответственности невиновного в преступлении лица. А полнота, объективность «предварительного расследования» не будет обеспечена без участия прокурора.

Орган «предварительного расследования» неизбежен при любом устройстве уголовного процесса, и досудебное - предварительное расследование, как деятельность с целью выявления и раскрытия преступления и изобличения преступника, всегда будет, в любом процессе. Однако нельзя абсолютизировать его «объективность», а следует принимать его результаты за предположительные основания для судебного решения о привлечении к уголовной ответственности. Функцию следствия и суда ни в коем случае нельзя соединять. В то время как в содержание функции предварительного расследования можно включить как обвинительный, так следственно-поисковый элементы. Полагаем, что прокурор должен быть наделен правом на осуществление функции предварительного расследования и выступать субъектом предварительного следствия, как это и ранее было.

Также считаем, что следователь должен позиционироваться на стороне обвинения и выполнять функцию уголовного предварительного расследования под процессуальным руководством прокурора, с целью выяснения наличия основания для выдвижения правопритязания перед судом о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности.

Таким образом, понятие «функции предварительного расследования» мы полагаем возможным дополнить двумя соображениями: во-первых, эта функция является производной от функции обвинения, во-вторых, она выполняется следователем под процессуальным руководством прокурором и потому находится в их совместном ведении, в-третьих, ее выполнение не может отождествляться с полной «объективностью», «всесторонностью» и достижением «объективной истины», как знанием равнозначным судебному процедурному знанию, в-четвертых, эту функцию должен быть уполномочен выполнять непосредственно прокурор.

Функциональный анализ должен происходить на основе понятия правового государства и разделения его властей обвинять и судить. Объективность, достоверность применительно к результатам предварительного расследования имеет относительный характер, так как она гарантируется только прокурорским надзором, судебный же контроль носит фрагментарный характер.

Второй доктринальной категорией, через которую в нашей науке принято обсуждать и осмысливать вопросы процессуальной/правовой организации противодействия преступности, включая досудебное производство, является понятие «уголовно-процессуальная(ые) гарантия(и)».

Тема об уголовно-процессуальных гарантиях составляет важную часть учения о досудебном производстве и в целом – уголовного процесса. Исходным рассуждением на эту тему является тезис о том, что уголовно-процессуальная форма вообще и уголовно-процессуальные формы, составляющие правовую организацию того, что мы называем «организацией», «уголовно-процессуальной формы в широком смысле» представляют собой гарантию¹.

Общим местом в описании сущности процессуальных гарантий является тезис о том, что они представляют собой правовое (уголовно-процессуальное) средство обеспечения неких ценностей, интересов, потребностей. Гарантируются права (интересы) личности², процессуальных прав и законных интересов всех лиц, участвующих в деле³, т.е. «частное начало», и интересы общества

¹ См.: Элькинд, П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Ленинград : ЛГУ, 1963. С. 61; Божьев, В. П., Трусов, А. И. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя: история и современность // Проблемы формирования социалистического правового государства. Москва, 1991. С. 118–124.

² См.: Лукашевич, В. З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Ленинград : ЛГУ, 1959. 167 с.; Калашникова, Н.Я. Гарантии прав свидетеля, эксперта, переводчика и понятого в советском уголовном процессе. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1966. 40 с.; Белозеров, Ю. Н., Марфицин, П. Г. Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела. Москва : Изд-во УМЦ при ГУК МВД РФ, 1994. С. 24; Шадрин, В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Санкт-Петербург : СПб юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2000. С. 42.

³ См.: Шпилев, В. Н. Сущность, содержание и формы советского уголовного судопроизводства. Минск : Изд-во БГУ, 1983. С. 22.

(публичный интерес)¹. В трактовке ряда авторов гарантии отождествлялись с уголовно-процессуальной формой (внутренней). Впрочем, другие ученые трактовали гарантии скорее, как элемент содержания, и даже сущности процесса, уголовно-процессуального права², его принципами³. В любом случае, получается, что любой институт уголовно-процессуального права (советского), любой элемент процессуальной системы может считаться процессуальной гарантией правильности ведения и разрешения уголовного дела⁴.

Уголовно-процессуальное право содержит систему гарантий, обеспечивающих возможность участникам уголовно-процессуальных отношений использовать права и выполнять обязанности или по-другому говоря, является глобальной гарантией достижения целей уголовного судопроизводства⁵. Главным является тезис о том, что система гарантий прав личности позволяет участникам выполнять свои обязанности, пользоваться правами, достигать законные интересы

¹ См., напр.: Алексеев, Н. С., Лукашевич В. З. Дальнейшее укрепление социалистической законности и охрана прав граждан // Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза СССР. Москва : б/и, 1959; Советский уголовный процесс : учебник для слушателей Воен.-юр. фак. / Под ред. проф. полк. юстиции А. С. Кобликова ; Воен.-полит. Краснознам. акад. им. В. И. Ленина. Москва : [б. и.], 1972. 531 с. ; Советский уголовный процесс. Общая часть /под ред. Е.Л. Викторова и В.Е. Чугунова. Москва : Высш. школа МВД СССР, 1973. С. 15; Советский уголовный процесс : учебник / Блинов В.М., Иванов Ю.А., Калашникова Н.Я., Карев Д.С., и др.; Под ред.: Карев Д.С. Москва : Юрид. лит., 1975. С. 15–16; Советский уголовный процесс : учебник для сред. юрид. учеб. заведений / [Белозеров Ю.Н., Беляйкин В.Л., Бородин С.В. и др. ; Под ред. Б.А. Викторова]. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва : Юрид. лит., 1979. С. 30; Белозеров, Ю. Н., Марфицин П. Г. Указ. соч. С. 24.

² См. подробнее: Шпилев, В.Н. Сущность, содержание и формы советского уголовного судопроизводства : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.09. Минск, 1983. 375 с.

³ См.: Уголовный процесс. Общая часть: учебник / под ред. А. В. Гриненко. Москва : Норма, 2002. С. 26–27.

⁴ См., напр.: Лукашевич, В.З. Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду. Ленинград : б/и, 1966; Калашникова, Н. Я. Гарантии прав свидетеля, эксперта, переводчика и понятого в советском уголовном процессе. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1966; Советский уголовный процесс : учебник для слушателей Воен.-юр. фак. / Под ред. проф. полк. юстиции А. С. Кобликова ; Воен.-полит. Краснознам. акад. им. В. И. Ленина. Москва : [б. и.], 1972. 531 с. ; Советский уголовный процесс. Общая часть /под ред. Е. Л. Викторова и В.Е. Чугунова. Москва : Высш. школа МВД СССР, 1973. С.15; Советский уголовный процесс : учебник / Блинов В.М., Иванов Ю.А., Калашникова Н.Я., Карев Д.С., и др.; Под ред.: Карев Д.С. Москва : Юрид. лит., 1975. С.15–16; Советский уголовный процесс. Москва, 1979. С. 30 и др.

⁵ См.: Александров, С. А. Правовые гарантии возмещения ущерба в уголовном процессе. Горький : [б. и.], 1976. С. 5–6; Выдря, М. М. Уголовно-процессуальные гарантии в суде : учебное пособие. Краснодар : Изд-во Кубан. ун-та, 1980. С. 7–8; Мартынич Е. Г. Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции. Кишинев : Штиинца, 1975. С. 36.

и тем самым обеспечивается достижение целей и решение задач уголовного процесса¹. В полной мере такое комплексное представление о системе процессуальных гарантий (как многоуровневой системе) распространяемо и на досудебное производство².

На первый взгляд суждения о гарантиях достаточно банальны, но они были актуальны на определенном этапе развития нашей науки: таким образом происходило проговаривание темы о правах человека, недопущения произвола, законности, правомерности процессуальных решений и пр.

Важно подчеркнуть то, что в представлениях отечественных ученых уголовно-процессуальные гарантии — это те условия и средства, которые способствуют проведению в жизнь законов и других правовых актов в точном соответствии с их смыслом, с целями, для которых они были изданы³. И здесь прокурорский надзор всегда назывался в качестве одной из «глобальных гарантий»⁴. Это уже сущностное свойство уголовно-процессуального механизма, действующего в досудебном производстве, которое находится в центре нашего исследования.

Отечественные ученые обоснованно полагают, что кодекс содержит систему процессуальных гарантий двоякого рода, одни выражающие частное

¹ См.: Калашникова, Н. Я. Указ. Соч. С. 41.

² См.: Химичева, Г.П., Химичева, О.В., Бородулин, А.И. Понятие и назначение уголовного судопроизводства (уголовного процесса): учебное пособие // Уголовный процесс: общая часть. Вып. 1. Москва : ИМЦ ГУК МВД России, 2002. С. 18.

³ См., напр.: Добровольская, Т.Н., Элькинд, П.С. Уголовно-процессуальные формы и производства // В кн. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика /под ред. П.Е. Недбайло и В.М. Горшечевой. Москва : Юрид. лит., 1976. С. 238, 239; Элькинд, П.С. Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе // Вопросы защиты по уголовным делам. Ленинград, 1967. С. 41; Багаутдинов, Ф.Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. Москва : Юрлитинформ, 2004. С. 61-62.

⁴ См., напр.: Шифман, М.Л. Прокурор в уголовном процессе. Москва : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 49, 107; Даев, В.Г., Маршунов, М.Н. Основы теории прокурорского надзора. Ленинград, 1990. С. 113; Чеканов, В.Я. Прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1972. С. 178, 180; Шадрин, В.С. Обеспечение прав личности и предварительное расследование в уголовном процессе // Государство и право. 1994. № 4. С. 102; Басков, В.И. Деятельность прокурора по рассмотрению уголовных дел в порядке надзора. Москва: Юридическая литература, 1975; Никитин, Е.Л., Никитин, Л.Н., Рохлин, В.И. Прокурорско-надзорное право: курс лекций : учеб. пособие для студентов вузов. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. 242 с.

начало, обеспечивают защиту прав личности, а другие, выражающие публичное начало, обеспечивают правильное правоприменение, то есть уголовно-правовое воздействие¹. При этом такие гарантии, как «форма», «прокурорский надзор», одновременно обеспечивают и права личности, и публичный интерес.

По концептуальной причине, о которой уже говорилось: признания априори необходимости предварительного следствия, или более широко – предварительного расследования как органичной части мыслимой нами модели, наработки о процессуальных гарантиях отечественной науки принимаются нами априори. Институт прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания сложился внутри следственной формы. Его можно считать, наряду с судебным контролем, главной правовой скрепой современного досудебного производства, уникальной по своей правовой природе.

Тема о процессуальных гарантиях была необходимой частью дискурса о недопустимости злоупотреблений в отношении прав личности, однако более тех «гарантий», которые давал действующий закон, никто не видел. Нельзя не согласиться с М.С. Кесаевой в том, что в следственном процессе, процессуальные гарантии – тоже следственные, их сущность в том, что следователь обязан обеспечить условия для реализации участником процесса – досудебного – своих прав. Поскольку следователь, является участником со стороны обвинения, получается, что гарантирование прав обвиняемого зависит от «обвинителя»².

Самое важное в тематике о гарантиях заключается в том, что действенность гарантий в следственном процессе не должна зависеть исключительно от органа, ведущего уголовное дело, то есть от следователя. Следственная организация уголовно-процессуальных гарантий ставит всех прочих участников досудебного

¹ См., напр.: Томин, В.Т. Процессуальная форма и процессуальные гарантии // Уголовный процесс России. Проблемные лекции: учебное пособие (для студентов высших юридических учебных заведений) / Науч. ред. В.Т. Томин, А.П. Попов и И.А. Зинченко. Пятигорск, 2014. С. 83, 84; Овчинников, Ю.Г. Система гарантий уголовного досудебного производства. Москва: Юрлитинформ, 2022. С. 10–12.

² См.: Кесаева, М.С. К вопросу о поиске оптимальной формы дознания по уголовным делам // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 37(1). С. 112–115.

производства в процессуальную зависимость от органа предварительного следствия, от решений последнего¹. В известном смысле о процессуальной независимости более уместно говорить в отношении прокурора и судьи по отношению к следователю – органу предварительного следствия. Следователь и прокурор процессуально независимы друг от друга – и в этом состоит гарантия двуединства обеспечения частного и публичного интересов в досудебном производстве.

Между тем в доктринальном плане, нельзя согласиться с вызревшей в рамках следственной доктрины «гарантии процессуальной самостоятельности следователя»². Она привела к реформе предварительного расследования 2007 года, которая свелась к ограничению процессуальных полномочий прокурора по участию в досудебных стадиях и усложнению формы взаимодействия прокурора со следователем – органом предварительного следствия. Полагаем такое положение концептуальной ошибкой³.

Для нас процессуальная самостоятельность следователя значима по отношению к любым органам власти, в том числе и исполнительной, коммерческим и некоммерческим организациям, частным лицам. Но по отношению к прокурору ни о какой процессуальной самостоятельности речи идти не может. Следователь в процессуальном плане должен подчиняться прокурору⁴.

¹ Как правильно отмечается, закрепление в законе прав участников процесса еще не гарантирует положительной реализации данных прав. Нужно дополнение в виде правоприменительной деятельности публичных органов, в чьем производстве находится уголовное дело.

См.: Володина, Л.М. Уголовный процесс. Часть общая: учебное пособие. Красноярск, 2004. С. 41–42.

² См.: Крылов, И.Ф., Бастрыкин, А.И. Розыск, дознание, следствие. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1984. 255 с.; Кудинов, Л.Д. Процессуальный подход к определению места следственного аппарата в структуре органов государства // Проблемы демократизации предварительного следствия. Волгоград, 1989. С. 22–31; Строгович, М.С. О дознании и предварительном следствии и о едином следственном аппарате // Социалистическая законность. 1957. № 5. С. 19–26.

³ Тем более ошибочным концепт единого следственного органа.

См.: Александров, А. С. Нужно ли создавать ФСР? // Законность. 2002. № 11. С. 37–40.

⁴ Позиция практиков по данной концептуальной проблеме отражены в данных соцопросов.

См.: Приложение № 1, ответы на вопросы №№ 27-28.1; Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 15-15.1; Приложение № 3, ответы на вопросы №№ 16-17.

Важен только вывод о том, что следственная форма досудебного производства – это определенная процессуальная гарантия, то есть облеченная в определенную юридическую форму система производств, связанных с подготовкой сторон к судебному процессу.

Проблема нахождения баланса между следственной, обвинительной и судебной властями, на наш взгляд, должна решаться, исходя из следующих аксиолого-догматических положений: (1) правового государства и разделения властей, (2) приоритета прав личности, (3) верховенства права, (4) следственной модели досудебного производства, (5) прокурорского надзора как исторически сложившейся гарантии законности предварительного расследования и обеспечения прав личности. Эти положения, на наш взгляд, бесспорны. Спорными являются формы, средства, избираемые для их защиты. Считаем, что главная проблема состоит в нахождении оптимальной правовой организации этих составляющих.

Гарантии как правовые средства обеспечения использования субъектами досудебного процесса своих прав и исполнения своих обязанностей составляют единое целое в общей системе правовой организации (обряда) ведения уголовных дел.

Признавая публично-правовую организацию механизма правоприменения и приоритет публичного начала, мы одновременно утверждаем, что розыск-расследование-преследование формируются в следственную правовую форму, включающую участие прокурора в выдвижении обвинения и получении доказательств.

Забегая вперед скажем, что возможна иная комбинация полномочий прокурора и органа предварительного следствия в правовой организации механизма по противодействию преступности, чем та, что сложилась на настоящий момент. Впрочем, сразу надо признать, что это политико-правовая проблема и юридико-технического решения она не имеет. Решение этой узловой проблемы правовой организации досудебного производства завязано на

изменении властью уголовной политики и организации системы отношений внутри следственно-обвинительной власти.

Продолжая начатую ранее линию рассуждений, перейдем к следующим, принципиальным для нас «теоретико-методологическим» категориям, а именно: «прокурорский надзор» и «обвинительная власть и ее уголовно-процессуальная деятельность». Они в окончательном виде завершат характеристику свойств и признаков интересующей нас уголовно-процессуально-правовой организации.

В России, несмотря на проведение судебной реформы, ознаменовавшейся принятием уголовно-процессуального кодекса России, и даже после проведения конституционной реформы, определенность базовых государственно-правовых институтов остается под вопросом. К числу таких институтов относятся прокуратура и прокурорский надзор – в досудебном производстве по уголовному делу, в том числе.

Вроде бы на данный политико-правовой момент достигнуто определенное понимание относительно сущности, равно как формы и содержания этого вида государственно-правовой деятельности и правоприменитель выработал правовые стандарты ее осуществления. Но создается впечатление, что так же быстро и радикально, как это произошло в 2007 году, важнейшие элементы правовой организации прокуратуры и ее деятельности в уголовном процессе (возможно, и вместе с концепцией процессуальной самостоятельности предварительного следствия) вполне могут быть пересмотрены и изменены¹.

¹ Это впечатление создают многочисленные законопроекты, которые с завидной регулярностью поступают и обсуждаются в Государственной Думе, относительно возвращения прокурору, ранее принадлежавших ему процессуальных права в стадиях досудебного производства по уголовным делам (См., напр.: Законопроект № 872311-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве)». Текст : электронный //Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/872311-6> (дата обращения: 16.02.2024) (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве)». HYPERLINK "<https://sozd.duma.gov.ru/bill/872311-6>" \o "<https://sozd.duma.gov.ru/bill/872311-6>"

Предпосылки к этому есть и в научной среде, хотя незначительные, ввиду общего упадка обсуждения этой проблематики, и в законодательных инициативах, о которых еще скажем подробнее в последующем¹.

Отечественная история учит, что устройство прокурорского надзора, форма уголовно-процессуальной деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве и досудебном производстве в особенности на протяжении последних ста лет менялись неоднократно и причем в различных направлениях.

Есть ли какая-то закономерность в этих преобразованиях, ведущих к созданию некоей оптимальной организации уголовно-процессуальной прокурорской деятельности? Или все они происходили хаотично, под влиянием сиюминутных политико-конъюнктурных факторов, мешающих установлению «нормальной» модели таковой? И есть ли такая модель прокурорского надзора и прокурорской деятельности в уголовном процессе, которую можно признать за образец? Или такой модели нет, и в разных государствах ввиду их самобытности неизбежны различные модели устройства прокуратуры и ее функционирования? А потому Россия в виду своей национальной идентичности и уникальности должна иметь непохожую на другие модель прокурорского надзора, в досудебных стадиях уголовного процесса?

Для того, чтобы пояснить причину нашей озабоченности, обратимся к классику русской криминальной науки и прокурорского надзора, министру юстиции и генерал-прокурору Российской империи – Н.В. Муравьеву², который

¹ Подтверждением отсутствия в современной научной мысли понимания набора альтернатив развития прокурорского надзора в уголовном процессе являются прошедшее научное мероприятие, предметом которого была «Правовая модель деятельности прокурора как основа стратегии реформы уголовного процесса» URL: <https://www.iaaj.net/node/3009>; «Деятельность прокурора как системообразующий фактор уголовного процесса», Всероссийском научно-практическом круглом столе с международным участием, 28 октября 2021 года в Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина (См.: URL: <https://www.iaaj.net/node/3028>). Участники обсуждений стратегии изначально даже не предполагали возможность альтернативной существующей модели прокурорского надзора пути преобразования предварительного расследования и формы участия прокурора в нем.

² В советское время на этого автора было не принято ссылаться по идеологическим причинам. Однако, и в новое время его взгляды не вписываются в господствующую доктрину прокурорского надзора. Хотя как показывает опыт, они показали свою актуальность и верность

более ста лет назад высказал, на наш взгляд, необычайно глубокие и сохраняющие острую злободневность суждения относительно того, каким должен быть прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: уголовно-процессуальной деятельности главным образом.

Рассуждая об устройстве прокуратуры и ее деятельности в контексте современного ему законодательства и правового развития европейских государств, этот выдающийся ученый и практик отмечал, что характер и пределы области деятельности прокуратуры зависят от взгляда законодателя на ее задачи, то есть это политическая проблема. «Если из них преобладает функция законоохранительная, надзор, то ввиду его повсеместной необходимости и деятельность прокуратуры совершается в огромной области *управления* вообще»¹. При такой постановке институт прокуратуры и ее деятельность получает «обще-контрольное значение» или, в современной терминологии: «надзор за исполнением законов» или «общий надзор».

«Прокурор является контролером законного порядка во всех государственных установлениях, без различия ведомства»². «Эта постановка прокуратуры свойственна более всего *начальным стадиям ее развития* (выделено нами – О.В. Левченко), когда потребность правительственного надзора за присутственными местами и постоянного их побуждения к исполнению обязанностей особенно ощутительна по молодости или по несовершенству общественного строя, и оказывается сильнее всех других интересов, удовлетворяемых впоследствии деятельностью того же учреждения»³.

По логике рассуждений Н.В. Муравьева, мы находимся сейчас именно на такой – «начальной стадии развития прокуратуры», свойственной государствам с недостаточно высоким уровнем правовой культуры, не определившихся с местом

в свете перестройки прокурорского надзора в некоторых странах, ранее входивших в состав СССР.

¹ Муравьев, Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: Прокуратура на Западе и в России. Пособие для прокурорской службы. Москва : Унив. тип., 1889. Т. 1.С. 4.

² Там же. С. 4.

³ Муравьев, Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: Прокуратура на Западе и в России. Пособие для прокурорской службы. Москва : Унив. тип., 1889. Т. 1.С. 4.

прокуратуры в системе властей, ее основным назначением и правовой формы деятельности.

Современная российская прокуратура, прокурорский надзор являются «отсталыми» - такую шокирующую, даже скандальную оценку можно сделать, если верить Н.В. Муравьеву. В это конечно не хочется верить. Но проверить его утверждение возникает желание, чем и было обусловлено проведение настоящего исследования.

При том, по мнению Н.В. Муравьева и многих его современников из числа выдающих отечественных ученых-юристов¹, в Российской империи после принятия Устава уголовного судопроизводства был достигнут уровень развития института прокуратуры, который соответствовал общеевропейскому и мировому стандарту.

Значит, после принятия Устава уголовного судопроизводства в России была прокуратура и процессуальная форма ее деятельности, которые отвечали как научным критериям правильности, так и, что более важно - вполне соответствовала своим аналогам в развитых европейских уголовно-процессуальных порядках, прежде всего во Франции.

Главное, что тогда произошло в России – это почти полный отказ от общенадзорной модели деятельности прокурора и переход к обвинительной. Как констатировал Н.В. Муравьев: «Теперь же надзор служит в прокурорской деятельности как бы добавлением к преследованию. Из правительственного надсмотрщика за соблюдением законного порядка в правительственном же делопроизводстве прокурор сделался, прежде всего, государственным обвинителем, к этой функции слились важнейшие задачи и приурочены все принципы учреждения. *Обязанность надзора вовсе не представляет необходимой принадлежности прокуратуры в теории, последнее слово которой даже и*

¹ К ним можно отнести И.Я. Фойницкого, В.К. Случевского, Н.Н. Розина и многих других тех, кто разделял и развивал учение об обвинительной власти, уголовном иске, прокуроре как субъекте публичного права на уголовный иск (обвинение). Правовая уголовно-процессуальная культура послереформенного периода (1864-1917 годов), с нашей точки зрения, была на порядок выше советской.

заключается в освобождении ее от этой функции и в сосредоточении всех ее сил в публичном уголовном преследовании (выделено нами – О.В. Левченко)»¹.

Приведем еще одну характерную цитату: «... по мере того, как развиваются понятия о государственном организме и новые условия общественного быта, вырабатывается убеждение, с одной стороны, что в таком общем и всюду проникающем надзоре нет настоятельной необходимости, а с другой, что благотворный на бумаге, в действительности он весьма труднодостижим и недостаточно производителен. Вместе с тем расчленение уголовно-судебных функций (на судебскую, обвинительную и защитительную) и надобность в особом органе для публичного уголовного преследования в суде»².

Как известно, в советский период произошел возврат именно к той, «недоразвитой», «дореформенной» модели прокурорского надзора, которую Н.В. Муравьев оценивал отрицательно. Более того, в силу особенностей советского государства тоталитарного типа, «общенадзорная модель» советской прокуратуры превзошла своей исходный – царский вариант: по предмету, методам, а главное – по идеологии («высшая форма надзора за социалистической законностью»). В советское время работы Н.В. Муравьева замалчивали и на них не принято было ссылаться. Ведь его выводы прямо противоречили господствующей доктрине советского прокурорского надзора, который как раз и был ярко выраженным общим надзором, что воплотилось в концепции «высшего надзора за исполнением законов» (ст. 1 Закона СССР «О прокуратуре СССР», ст. 21 Конституции СССР).

Доктрина «общего надзора», несмотря на смену терминологии и признания верховенства за судебной властью в сфере толкования и применения законов, воплощена в российском позитивном праве. Поэтому и сейчас взгляды Н.В. Муравьева не вписываются в правовую реальность и идут вопреки господствующей доктрине, в основе которой остается общенадзорная модель.

¹ Муравьев, Н.В. Указ. соч. С. 14.

² Муравьев, Н.В. Указ. соч. С. 4-5.

И если по Н.В. Муравьеву: «... теория рекомендует законодательствам видеть в прокуратуре исключительно орган публичного уголовного преследования, строго замкнутый в этой сфере и изменяющий своему назначению, как только он из нее выходит»¹, то современная российская теория прокурорского надзора стоит на совершенно противоположной теоретико-идеологической основе: уголовное преследование есть только часть, не самая главная, общего надзора прокуратуры за исполнением *всех* законов².

Пока политическая, культурно-правовая среда в нашей стране не созрела до объективного понимания того прокурора, которого мы потеряли, пытаюсь в двадцатом веке, идти своим путем. Мешает объективному анализу в первую очередь, конечно, господствующий в нашей юриспруденции нормативизм и догматизм. Действующее законодательство, в котором воплощена общенадзорная модель прокуратуры, главная причина отсутствия широты и полноты научного анализа. Велика и инерция мысли, привычка игнорировать взгляды, противоречащие позитивно-правовой модели, расходящиеся с официальной доктриной.

И, тем не менее, у нас есть некоторое, скорее даже интуитивное предположение, что Н.В. Муравьев и представители классического периода русской уголовно-процессуальной науки все же в чем-то правы, и тем самым, возможно, даже подсказали будущее отечественной прокуратуры в правовом государстве.

Даже сохраняя долю скепсиса к фигуре самого Н.В. Муравьева, актуальным будет вспомнить и еще раз задуматься над его словами: «Нормальная формула уголовного процесса, единственно разумная и справедливая, сводится к юридическому спору государства с заподозренным или обвиняемым, свободно защищающим себя по вопросам о виновности и наказании. *В этом споре*

¹ Муравьев, Н.В. Указ. соч. С. 28.

² См., напр.: Прокурорский надзор : учебник и практикум для вузов / А. Ф. Смирнов [и др.] ; под редакцией А. Ф. Смирнова, А. А. Усачева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2021. С. 8; Прокурорский надзор : учебник / под ред. А.Я. Сухарева. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022.С. 7.

прокуратуре принадлежит право и обязанность от имени государства доказывать виновность и требовать наказания, иначе говоря, власть обвинительная или уголовное преследование. Правовая борьба сторон составляет форму и сущность современного процесса (выделено нами – О.В. Левченко)»¹.

В этом суждении вся суть учения о прокуратуре, учения о том, чем должны заниматься прокуроры (обвинительная правительственная власть государства): публичным уголовным преследованием, через которое правовым – судебным средством происходит противодействие преступности и тем самым поддерживается режим законности в государстве. Все прочие вопросы прокурорской деятельности отходят на второй план.

К этому не можем не добавить еще не теряющие злободневности слова Н.В. Муравьева: «Первая и главная задача современной прокуратуры заключается в публичном уголовном преследовании, под которым разумеется деятельность, направленная к изобличению лица, виновного в совершении преступления с целью подвергнуть его предусмотренному уголовным законом наказанию. Деятельность эта, носящая название обвинительной, состоит в собирании данных для обвинения и самого обвинения перед судом»².

Прокурор во всех странах мира с развитыми правовыми системами является опорой, ведущей силой государства в противодействии преступности. Поэтому участие в уголовном преследовании, причем не просто участие, а организующее, руководящее, направляющее, составляет если не единственную, то центральную, преобладающую компоненту деятельности прокуратуры.

Для выполнения этой обвинительной функции прокуратуре совсем не обязательно претендовать на особое место в системе государственной власти, быть вне классической триады властей: исполнительной, судебной, исполнительной.

¹ Муравьев, Н.В. Указ. соч. С. 7.

² Там же. С. 11.

Опять сошлемся на классика юридической науки: «Если преступников – нарушителей уголовного закона рассматривать как внутренних врагов общественного порядка, то правительство при помощи полиции и прокуратуры защищает от них спокойствие и внутренний мир страны. *Уголовное преследование признается в современном государстве в качестве одной из функций правительства. Как таковая она и исполняется правительственным же органом – прокуратурой* (выделено нами – О.В. Левченко)»¹.

«Схема», вырисовывающаяся из учения Н.В. Муравьева, проста: «прокурор не только «око», но и «рука» *правительства* (выделено нами – О.В. Левченко) в делах правосудия»².

Как писал Н.В. Муравьев: «Как блюститель закона и публичных интересов прокурор подчиняется только требованиям закона и указаниям своей совести, как *орган правительства он находится в полной от него зависимости*» (выделено нами – О.В. Левченко)³.

Признаться на нас действует логика подобных рассуждений. Ведь так и было в Российской империи, так и есть в большинстве стран мира. Остается проверить, как обстоят дела сейчас.

Прокурор – это орган правительства, он входит в исполнительную власть. Глава прокуратуры (генеральный прокурор) в большинстве государств является, одновременно, министром юстиции. Прокурор, если следовать классическому русскому учению о прокуратуре, является обвинителем – не больше, но и никак не меньше, а вполне достаточно для того, чтобы главная угроза безопасности общества, личности от преступности находилась под целенаправленным уголовно-процессуальным воздействием из одного центра силы.

«В противовес розыскному или *следственному преследованию* (выделено нами – О.В. Левченко), в котором начатие и ход дела, также и сам обвиняемый предоставлены в полное распоряжение следователя, прокурорское преследование

¹ Муравьев, Н.В. Указ. соч. С. 8.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 11.

проводится отчасти или вполне в порядке более или менее обвинительном, то есть в форме разрешаемого судом состязания между прокурором и обвиняемым»¹.

В этих словах четко и ясно определено различие между «следственной» и «обвинительной/прокурорской» моделями досудебного производства, которая современная наука не в силах или осознать или признать.

«Как орган уголовного правосудия прокуратура подходит всего более под смешанную форму процесса, в котором начало обвинительное, ограждающее личную свободу частного лица, по возможности примиряется с обеспечивающим публичные интересы началом официального розыска... ведет официальное преследование, руководит первоначальным розыском, уживается и с розыскным и обвинительным следствием, и, наконец, поддерживает на суде настоящее обвинение»².

Значит, «нормальная» (в свете высказываний Н.В. Муравьева) уголовно-процессуальная система требует активного прокурора, органа, осуществляющего руководство другими правительственными органами в публичных интересах уголовного правосудия.

Итак, в России существовало учение о прокурорском надзоре, о котором неудобно вспоминать из-за того, что оно противоречит существующему положению. Возможно, многим неудобно об этом не только говорить, но и думать о том, что есть альтернатива существующей модели прокурорского надзора, и что именно эта модель (от которой мы отказались в советское время) является реальностью во всех развитых уголовно-процессуальных системах. В этом, полагаем, надо убедиться с учетом того, что в последнее время везде произошли существенные изменения законодательства, регулирующего первую – предварительную часть уголовного процесса. В том числе эти изменения затронули правовые системы государств, служившие образцом для всей континентальной Европы.

¹ Муравьев, Н.В. Указ. соч. С. 12.

² Там же. С. 12.

Теоретическую модель процессуальной правовой организации прокуратуры и ее деятельности в досудебном производстве (по Н.В. Муравьеву) возьмем в качестве основы для авторской концепции.

Есть гипотеза о наличии общих закономерностей в развитии романо-германской уголовно-процессуальной модели участия прокурора в досудебном производстве. Просто одни страны идут в своем правовом развитии быстрее, а другие медленнее¹. Хотя вектор развития у всех один. Представляет научный интерес проследить этот трек: от классической французской схемы отношений прокурор - полиция и следственный судья, как орган предварительного следствия к новой, модернизированной модели правовой организации деятельности участников досудебного производства по модели: следователь – прокурор.

Конечно, в выборе правовой модели решающее значение имеет политика, интересы правящей элиты. Есть еще идеология, традиция, привычка. Все это сказывается не только на законотворчестве, но и на правопонимании, которые всегда несут в себе элемент субъективного, политико-конъюнктурного содержания. Это осложняет проявление объективной закономерности, побуждает некоторых даже отрицать ее наличие.

Но есть факты, которые объективный исследователь не может игнорировать. Следует высказаться в пользу или против гипотезы о том, что Россия, как и другие государства с романо-германской правовой системой, в перспективе будет иметь ту модель участия прокурора в досудебном производстве, о которой писал Н.В. Муравьев.

Итак, классической моделью правовой организации обвинения в состязательном уголовном процессе является концепция «обвинительной власти». Она состоялась в период действия Устава уголовного судопроизводства, благодаря разработкам классиков русской науки уголовного процесса, к числу

¹ См.: Александров, А. С., Тутикова, И. А. Уголовно-процессуальные системы европейской цивилизации и российский уголовный процесс //Правовые и организационные механизмы реализации уголовно-процессуального законодательства (к 15-летию вступления в действие УПК РФ) : сборник материалов научно-практической конференции. Москва : Академия управления МВД России, 2017. С. 12–19.

которых помимо Н.В. Муравьева, можно назвать Н.А. Буцковского¹, Н.Н. Полянского², И.Я. Фойницкого³, И.Г. Щегловитого⁴ и других⁵.

Основные положения этой концепции, в изложении его создателей, таковы:

1. Под «обвинительной властью» понималась система государственных органов, уполномоченных на уголовное преследование⁶; институт прокуратуры и ее полномочия на обвинение⁷.

2. Прокуратура признавалась главой обвинительной власти.

3. Обвинение трактовалось как иск, право на которое имеет прокурор – публичный обвинитель.

4. Судебный следователь является субъектом досудебного расследования, уполномоченным на осуществление уголовно-процессуального доказывания.

5. Полицейское дознание признавалось начальным этапом следствия или альтернативой следствию, осуществляемому судебным следователем.

Это классическое понятие важно развить и дополнить с учетом произошедших изменений и сложившейся политико-правовой реальности.

Перейдем к концептуальной разработке понятия «следственно-обвинительной власти» и уголовно-процессуальной форме ее реализации – как модели общего устройства уголовного судопроизводства, но также и всей правовой организации противодействия государства преступности.

¹ См.: Буцковский, Н. А. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной. Санкт-Петербург : Тип. 2 отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1867. С. 8.

² См.: Полянский, Н. Н. Очерки общей теории уголовного процесса. Москва : Кооп. издское т-во «Право и жизнь», 1927. С. 41–69.

³ См.: Фойницкий, И. Я. Предварительное следствие и его реформа // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Кн. 1. С. 45–73.

⁴ См.: Щегловитов, И. Г. Основные начала современного уголовного судопроизводства // Журнал министерства юстиции. 1903. № 9. С. 63–101.

⁵ См., напр.: Викторский, С. И. Русский уголовный процесс. Москва : А.А. Карцев, 1912. 443 с.; Розин, Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Петроград : Издание Юридического книжного склада «ПРАВО», 1916. С. 269–273.

⁶ Муравьев, Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности : пособие для прокурорской службы. С. 26, 27.

⁷ Муравьев, Н.В. Общие основания устройства и уголовной деятельности прокурорского надзора (1891-1892 г.) // Из прошлой деятельности. Санкт-Петербург, 1900. Т. 1. С. 534.

В отечественной криминальной процессуалистике существует несколько доктрин относительно правовой организации обвинения и привлечения к уголовной ответственности в уголовном процессе.

Наиболее авторитетной из них, помимо доктрины «обвинительной власти», является доктрина «следственной власти», и наконец, смешанная модель «прокурорско-следственной власти», авторство которой принадлежит профессору С.А. Шейферу¹.

В постсоветский период концепцию обвинительной власти поддержали ряд ученых, которые обновили ее и развили с учетом изменений, произошедших в уголовно-процессуальной системе в связи с принятием УПК РФ и последующих преобразований².

Обвинительная власть уже определяется как система государственных органов, возглавляемых прокуратурой, наделенных соответствующими процессуальными, а также иными властными полномочиями по осуществлению уголовного преследования³. Понятие «обвинительная власть» увязывается с преобразованием уголовного процесса по состязательной модели и отождествлением досудебного уголовного расследования с уголовным преследованием (а не с «объективным, полным и всесторонним» предварительным следствием)⁴.

¹ См.: Шейфер, С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. Москва : Норма, Инфа-М, 2013. С. 26–27; Он же. Прокурорская и следственная власть: сущность и проблемы взаимоотношения // Уголовное судопроизводство: в 3 т. Том 2 : науч.-практич. пособие / под ред. Н. А. Колоколова. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2020. С. 21–29.

² См., напр.: Александров, А.С., Кухта А. А. Власть следственная и власть обвинительная: квадратура круга // Правоведение. 2009. № 4. С. 22–28; Александров, А.С., Кухта А. А., Марчук А. Д. Обвинительная власть. Уголовный иск // Уголовный процесс: Проблемные лекции / под. ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. Москва : Юрайт, 2013. С. 241–292.

³ См., напр.: Александров, А.С., Кухта А.А., Марчук А.Д. Указ. соч. С. 247.

⁴ См.: Александров, А. С. Реформа полиции, реформа обвинительной власти России – путь к евроинтеграции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 4 (26). С. 49–57.

Главное новшество, внесенное современными сторонниками этой концепции в классическую теоретическую модель «обвинительной власти»¹, состоит в таких выводах:

1. Следователь не должен быть ни субъектом судебного расследования, ни субъектом обвинения. Он вообще не должен быть субъектом уголовного процесса.

2. Деятельность органов предварительного следствия и дознания необходимо депроцессуализировать – лишить следственной формы².

3. Вместо института «предварительного следствия» - процессуального механизма по производству «уголовных дел», как суммы процедурного знания, на котором суд основывает свое решение, должно быть организовано «полицейское дознание», руководимое прокуратурой³, или «прокурорского дознания»⁴. Данная концепция подразумевает систему полицейских ведомств с приоритетной ролью прокуратуры как руководителя уголовного преследования. В этой системе прокуратура должна выступать в виде «фильтра», отделяющего полицию от суда⁵.

¹ Надо признать, что единства в трактовках понятия «обвинительная власть» нет. Есть трактовки этого понятия, где конструкт «обвинительная власть» встраивается в существующую следственную систему досудебного производства. Это наиболее приемлемый для нас вариант. Так, по определению В.А. Лазаревой, обвинительная власть представляет собой систему государственных органов, которые выполняют правоохранительную функцию, то есть охрану правопорядка от преступлений, и обеспечивают реализацию права государства на наказание преступника. Ее содержанием является уголовное преследование по смыслу пункта 55 статьи 5 УПК РФ. К «формам реализации» обвинительной власти относятся (1) предварительное расследование, (2) надзор за законностью процессуальной деятельности органов предварительного следствия и дознания, (3) поддержание прокурором государственного обвинения в суде.

См.: Лазарева, В.А. Прокурор в уголовном процессе. Москва : Издательство Юрайт, 2011. С. 39–41.

² См.: Александров, А.С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2. С. 35–47.

³ См.: Бабин, К. А. Уголовное преследование как функция прокурора в уголовном процессе России : автореферат диссертаций ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2008. С. 13–15; Круглов, И.В. Уголовный иск и механизм его доказывания: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2001. С. 8–11.

⁴ См.: Александров, А.С. Правовое положение прокурора на стадии предварительного расследования // Уголовный процесс. 2007. № 10. С. 14–16.

⁵ См.: Головкин, Л. В. Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в российском уголовном процессе // Уголовная юстиция: связь времен : избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 года / Сост. А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. Москва, 2012. С. 24–31.

Результаты деятельности «полиции» по выявлению, раскрытию и раскрытию преступления, становятся основанием для выдвижения обвинения прокурором против лица, изобличаемого материалами дознания. Прокурор, получая от полиции доказательства, дает деянию юридическую оценку и решает вопрос о возбуждении перед судом уголовного преследования¹.

4. Уголовно-судебные доказательства формируются путем представления прокурором судебному органу материалов дознания и их исследования с участием обеих сторон. Через прокурорскую деятельность происходит «юридизация уголовного преследования», тогда как полицейская деятельность сводится к сбору сугубо доказательственной информации².

О процессуальном подчинении судебного следователя прокурору никогда речи не шло. Однако, советский опыт позволяет пересмотреть концептуальную модель их отношений по схеме: прокурор – руководитель следователя. Н.Н. Полянский указывал: «Предложение прокурора следователю произвести следствие есть ни что иное, как требование следователю проверить наличие оснований для предъявления иска»³. Следователь есть помощник прокурора⁴ - подлинного субъекта процесса, но сам следователь не субъект процесса, процессуальных отношений с органами судебной власти и защиты, не субъект обвинения и доказывания.

Сосредоточение обвинительной власти в одних руках было бы разумным и справедливым при двух условиях: равенство сторон и независимость суда. А это, в первую очередь, означает то, что обвинение должно предъявляться в судебном состязательном порядке. Второе неотъемлемое качество новой правовой организации процесса привлечения к уголовной ответственности – это судебная /технология формирования доказательств основания уголовной ответственности.

¹ См.: Там же. С. 24–31.

² См.: Александров, А.С. Реформа полиции, реформа обвинительной власти России – путь к евроинтеграции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 4 (26). С. 49-57; Головкин, Л.В. Указ. соч. С. 30–31.

³ См.: Полянский, Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса. Москва : Московский университет, 1927. С. 69.

⁴ См.: Полянский, Н.Н. Указ. соч. С. 69.

Альтернатива модели «обвинительной власти» существует в виде концепции «следственной власти», которая также претендует на полноту власти над обвинением и его доказыванием, и в свете учения об объективной истине – даже на судебную функцию, хотя бы и только в пределах досудебного производства. Но фактически следственная власть в следственном уголовном процессе претендует на привлечение к уголовной ответственности и применение мер уголовно-правового воздействия.

По утверждению председателя Следственного комитета Российской Федерации РФ А.И. Бастрыкина, Следственный комитет России способен влиять «уголовно-правовыми мерами» на происходящие явления в обществе для обеспечения общественной безопасности и защиты государственных интересов¹.

Как видим, есть авторитетное мнение, что не прокуратура, не суд, а Следственный комитет РФ находится в центре уголовно-правовой системы противодействия преступности. Такую модель уголовно-правовой организации противодействия преступности правильнее было бы даже называть «судебно-следственной властью», поскольку ею отрицается разделение функций обвинения и суда в решении вопросов о применении уголовно-правовых норм и привлечения к уголовной ответственности.

Между тем, надо признать, что действующее законодательство (статьи 299, 300, 305 УК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 154, пункт 3 ч. 1 ст. 225, п. 4 ч. 5 ст. 318, ч. 3 ст. 214, ч. 3 ст. 414 УПК РФ) позволяет считать следователя субъектом привлечения к уголовной ответственности: путем вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. В пользу этого вывода говорит следственная традиция, в свете которой оправданно и суждение о том, что судебная власть вместе со следственной разрешают основные вопросы уголовного дела².

¹ См.: Интервью Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации А.И. Бастрыкина «Российской газете». Текст : электронный // Российская газета. 2010. От 7 сентября. URL : <https://sledcom.ru/press/interview/item/507388/> (Дата обращения : 12.02.2023).

² См.: Александров, А. С., Поздняков М. Л. Путь институциональной реформы предварительного расследования // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1(25). С. 78–82; Власова, С. В. Теоретическая концепция

Несмотря на то, что можно найти много и других оснований в позитивном праве для доводов в пользу концепции о следственно-судебной власти и ее деятельности, не считаем ее вполне подходящей для определения перспектив оптимизации правовой организации противодействия преступности.

В этой связи скажем о третьей, своего рода компромиссной позиции, которую создал и развивал С.А. Шейфер относительно прокурорско-следственной власти. По мнению этого ученого, прокурорско-следственная власть имеет комбинированный характер, что означает сочетание процессуального контроля руководителя следственного органа за следователем и одновременно их процессуальную самостоятельность от прокурора, который в то же время осуществляет за ними процессуальный надзор¹. В представлении этого ученого прокурор является представителем обвинительной власти, который обязан побуждать следователя к уголовному преследованию виновных в преступлениях и установлению объективной истины².

Полагаем, что данная концепция более адекватна правовой реальности, но, тем не менее, она страдает следующими конструктивными недостатками:

- исключает руководящую процессуальную роль прокурора в досудебном производстве;
- оправдывает полномочия следователя над обвинением;
- исходит из признания за следователем статуса единственного субъекта доказывания, получения уголовно-процессуальных доказательств;
- допускает, что следственная власть имеет признаки «судебной власти» в том, что касается внесудебного решения о применении норм уголовного права, привлечения и освобождения от уголовной ответственности.

Впрочем, нельзя не отметить, что С.А. Шейфер выступал сторонником возвращения прокурора полномочий по непосредственному участию в

правовой (уголовно-процессуальной) организации противодействия преступности в сфере экономики. С. 20–35, 369–371.

¹ См.: Шейфер, С. А. Прокурорская и следственная власть : сущность и проблемы взаимоотношения. С. 26–27.

² См.: Там же. С. 23.

досудебном доказывании, включая полномочия по производству следственных действий¹. Это мера положительная, но не достаточная для восстановления полноты обвинительной и доказательственной власти прокурора как субъекта центрального уголовно-процессуального отношения с судом и обвиняемым (будущим подсудимым).

Полагаем, что двоевластие не совместимо с построением эффективной обвинительной системы в составе уголовного процесса любого типа: как искового (обвинительного), так и поискового (следственно-состязательного). Таков вывод из доктринальной характеристики правовой организации в системе ее признаков и основных показателей.

Попробуем оценить перспективы перехода на иную правовую организацию досудебного производства, которую обобщенно можно назвать «состязательной».

Некоторые ученые-процессуалисты призывают к изменению сложившейся балансировки властей в досудебном производстве². По сути это есть смена правовой организации противодействия преступности.

Так, имела место дискуссия о том, чтобы в ходе досудебного производства вместо следователя центром досудебной уголовно-процессуальной системы выступал «следственный судья»³. С этим новым участником – представителем судебной власти на предварительном производстве – связывают возможность перехода как к судебному порядку выдвижения обвинения, а также судебного – состязательного доказывания.

¹ См.: Шейфер, С. А. Прокурорская и следственная власть : сущность и проблемы взаимоотношения. С. 28.

² По этому поводу написан ряд работ, в которых с разной степенью категоричности поднимался вопрос об усилении значения диспозитивности в уголовном процессе.

См. подробнее: Александров, А. С. Диспозитивность в уголовном процессе. Нижний Новгород : НЮИ МВД РФ, 1997; Дикарев, И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России : монография / под ред. проф. А. П. Кругликова. Волгоград, 2005. 162 с.

³ Проект Федерального закона РФ «О следственных судьях». Текст : электронный // URL: <http://president-sovet.ru/files/d2/69/d269ac8018dae9eb45441c7c76b00ac0.pdf> (Дата обращения : 12.02.2023).

Однако, надо согласиться в том, что подобный институт не имеет перспективы в наших условиях¹. Надо исходить из того, что следственная модель досудебных стадий неизменна.

В основе следственной правовой организации досудебного производства лежит определенная идеология, система ценностей, которую нельзя произвольно отменить. Нельзя отказаться от исторически сложившейся следственной модели досудебного производства как части российской уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности.

По типологии занимаем следующую позицию: общая историческая закономерность такова: от частно-искового к инквизиционному (следственному) и далее – к нахождению оптимального для каждого государства баланса центров власти – обвинительной, следственной, судебной. Главное здесь не нарушить баланса, не забежать вперед объективного процесса правовой эволюции, но и не опоздать. Допускаем принципиальную возможность сознательного целенаправленного оптимизации обвинительно-следственной власти в рамках российского уникального типа процесса.

Сделаем выводы по параграфу.

Существует два разных типа уголовного процесса, два способа правовой – уголовно-процессуальной организации применения норм уголовного закона: следственный (поисковый) и состязательный (обвинительный/исковой). Первый основан на доминировании «следственной власти» («вертикаль следственной власти»), второй – на разделении обвинительной и судебной властей и полномочий суда в принятии итоговых решений по делу и разработке оснований для таковых. Между ними есть смешанные разновидности процесса, каждая - с индивидуальным набором вторичных признаков (свойств), которые выражают распределение полномочий между исполнительной и судебной властями в правовом механизме правоприменения.

¹ На заседании СПЧ Президент не поддержал идею о следственных судьях, 2020. Текст : электронный // Адвокатская газета : [сайт]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/sledstvennyye-sudi-tak-i-ne-rouavyatsya-v-rossii/>(Дата обращения : 22.02.2023).

Архетипический, сводный показатель типа процесса, а вместе с тем и уголовно-процессуально-правовой организации состоит в том, какой орган принимает решение о привлечении к уголовной ответственности или иное решение, констатирующее совершение лицом преступления, кто устанавливает (доказывает), «формирует» основание для применения нормы уголовного закона. Это может быть один и тот же орган или полномочия на это решение могут быть разделены между органами различных властей государства. Отделение обвинения от суда – это главный критерий, по которому делятся два типа уголовно-процессуально-правовой организации.

Этот показатель включает два первичных признака типа процесса, который определяет уголовно-процессуально-правовую организацию противодействия преступности: порядок выдвижения обвинения и порядок его доказывания.

Следственность архетипа российского уголовного процесса, всей правовой организации уголовно-правового воздействия выражается в следственном порядке обоих этих институтов. Однако, в отечественный уголовно-процессуальном архетип заложено разделение обвинения и суда и потому его надо считать смешанным.

В смешанном уголовном процессе возможны различные комбинации обвинительного начала, носителем которого является прокурор и следственного начала, выразителем которого является следователь-орган предварительного следствия.

К числу других первичных признаков следственной правовой организации досудебного производства относятся институты возбуждения уголовного дела, предъявления обвинения, прекращения уголовного дела, передачи уголовного дела в суд, процессуальные сроки, их продление и приостановление.

Вторичными признаками современной уголовно-процессуальной организации можно считать наличие в ней следующих институтов следственного досудебного производства, детерминирующих и фундирующих всю уголовно-право-процессуальную систему. К таковым надо отнести такие: институт возбуждения уголовного дела (со всеми его процедурами и входящими суб-

институтами); институт прекращения досудебного уголовного преследования (уголовного дела), в том числе по нереабилитирующим основаниям (имеющее значение акта привлечения к уголовной ответственности); институт сроков различных форм досудебных производств и производные от него субинституты: приостановления, продления сроков следствия (дознания); уголовно-процессуального принуждения (задержания, меры пресечения); процессуальных следственных действий, связанных с формированием доказательств, включая стандарт следственной фиксации (оформления) доказательства: протокол следственного действия и субинститут понятых; обеспечения исполнения возможного судебного решения по делу (наложение ареста на имущество и пр.) и другие.

Конфигурация отношений внутри обвинительно-следственной власти выражается в следующих моментах: (а) процессуальные сроки различных форм досудебных производств и производные от него субинституты: институт приостановления, продления сроков следствия (дознания); (б) порядок сношения следственно-обвинительной власти с судебной в ходе предварительного расследования; (в) порядок «засиливания» решений следователя о прекращении уголовного дела (преследования); (г) форма фиксации полученных следователем доказательств - институт протоколов следственных действий (включая понятых); (д) дифференциация результатов оперативно-розыскной деятельности и предварительного следствия (расследования) и др.

Современная уголовно-процессуальная система обеспечивает господство следственной власти в решении основных вопросов уголовного дела в ходе досудебного производства, что привело к умалению власти прокурора и нарушения баланса следственно-обвинительной модели.

Оптимизация этой модели видится не через отрицание следственной организации досудебного производства, но через усиление власти прокурорской внутри следственной формы.

Баланс между следственной, обвинительной и судебной властями должен быть найден на основе следующих аксиолого-догматических положений (1)

правового государства и разделения властей, (2) приоритета прав личности, (3) верховенства права, (4) следственной модели досудебного производства, (5) прокурорского надзора как исторически сложившейся гарантии законности предварительного расследования и обеспечения прав личности.

Функция предварительного расследования должна выполняться совместно органом предварительного следствия (расследования) и прокурором. Прокурор должен считаться соучастником этой функции и соответственно – субъектом досудебного доказывания.

Процессуальная самостоятельность следователя значима по отношению к любым органам власти, в том числе и исполнительной, коммерческим и некоммерческим организациям, частным лицам и разумеется, иностранным агентам. Но по отношению к прокурору ни о какой процессуальной самостоятельности речи идти не может.

Полагаем, что есть предопределенная исторической судьбой российская национальная модель уголовного процесса, которая предопределяет уголовно-процессуально-правовую организацию противодействия преступности.

На настоящий исторический момент реальность такова, что сильная президентская власть нуждается в сильной обвинительной власти, которая сконцентрирована у прокурора. Следственная власть должна быть подчинена власти прокурора: надзор за процессуальной деятельностью следователей, органов дознания является формой их процессуального руководства.

Компромиссная концепция следственно-обвинительной власти является наиболее подходящей для оптимизации правовой модели досудебного производства и всей правовой системы противодействия преступности. Вопрос о сочетании публичного обвинения официальной обвинительной власти и различных разновидностей «частного» сообвинения должен решаться, на наш взгляд, через призму: основное/субсидиарное.

Такова авторская позиция по типу уголовного процесса, типическом – сущностном значении института предварительного следствия, по модели которого организовано современное российское досудебное производство по

уголовным делам, а также о пределах уступчивости реформированию в сторону состязательности. В контексте возможных преобразований государственно-правового устройства России допустима внутритиповая оптимизация исторически сложившегося уголовного судопроизводства.

Организационно-правовой механизм уголовного судопроизводства является инструментом проведения определенной уголовной политики по управлению преступностью, прежде всего тех ее сегментов, которые наиболее чувствительны для интересов общества. Об этом и будет идти речь в следующем параграфе.

1.3 Прокурор как субъект уголовной политики, проводимой через уголовно-процессуально-правовую организацию противодействия преступности

В ходе исследования в предыдущих параграфах мы определились с понятием «уголовно-процессуально-правовой организацией противодействия преступности», признаками и свойствами этой правовой организации, а также общим позиционированием прокурора в ней. Оно может быть различным и проявляться по-разному в его полномочиях на обвинение и доказывание, которые размещены в досудебном производстве.

Наша ключевая мысль состоит в тезисе о ведущем значении прокурора в досудебном производстве по уголовным делам, в институтах обвинения и доказывания, от которых зависит в итоге уголовно-правовое воздействие на преступность.

В настоящем параграфе разовьем этот тезис через призму телеологии, то есть систему представлений о цели (назначении), во-первых, мыслимой нами «уголовно-процессуально-правовой организации», во-вторых – уголовного судопроизводства, в-третьих – досудебного производства. Все это позволит развить наши представления по двум темам: во-первых, об уголовных материально-процессуальных правовых средствах воздействия на преступность, и, во-вторых, об организационно-руководящей роли прокурора в создании этих средств в рамках досудебного производства уголовного процесса.

Уголовная политика неоднократно менялась в новейшую историю России, том числе постсоветский, перестроечный периоды. Очевидно, что курс уголовной политики претерпит изменения и в новую наступившую эпоху. Смены курса уголовной политики не могут не влиять и на понимании целей – назначения уголовного судопроизводства, изменение деятельности государства по защите от криминальных угроз, поскольку уголовная политика – это всегда определенная стратегия, определение целей и средств их достижения, постольку она нуждается в научном – доктринальном обеспечении. В контексте уголовной политики получает объяснение то, для чего осуществляется уголовный процесс, что является его телеологической, а потому и сущностной доминантой. Это уголовно-политический вопрос, поэтому анализ развития представлений о назначении (цели-задачах) уголовного процесса сделаем комплексным, а именно: покажем, как менялось представление о правовом механизме противодействия преступности, а вместе с ним и представление о назначении уголовного судопроизводства, которое на всем протяжении истории русского процесса, включало в себе следственное досудебное производство.

Обобщив наработки отечественной уголовно-процессуальной науки по проблемам целеполагания в уголовном процессе в контексте понятия уголовной политики, выйдем на новый уровень понимания роли прокурора в досудебном производстве, а вместе с тем и во всей правовой организации осуществления уголовно-правового воздействия на преступность. Таким образом, исследуемая нами проблематика высвечивается в единстве понятий: организация – цель (назначение) – политика (уголовная). Через триаду этих концептов, полагаем, можно обосновать руководящую роль прокуратуры как субъекта уголовной политики, как ведущего участника уголовно-процессуальной организации выработки и применения мер уголовно-правового воздействия.

Ранее мы пришли к выводу, что правовая организация противодействия преступности имеет процессуальную основу и представляет собой систему правового взаимодействия участников процесса выработки и применения мер

уголовно-правового воздействия к лицам, нарушившим уголовно-правовые запреты, закрепленные в уголовном кодексе.

Попробуем обосновать тезис о том, что представляемая нами «уголовно-процессуально-правовая организация» служит проводником проведения определенной уголовной политики в отношении преступности, что и приводит к уголовно-правовому воздействию на преступность в качестве запланированного результата. При этом попытаемся далее развить идею о процессуальном детерминизме в понятии уголовной политики.

Прежде чем перейти к главному вопросу параграфа предварительно определимся с понятием уголовной политики, выработанным отечественным правоведением.

В уголовной политике выделяют научную, законотворческую¹ и правоприменительную² составляющие. Согласно имеющимся в науке работам³, уголовная политика выражает научно обоснованное направление деятельности, формы, задачи, содержания деятельности государства и его органов по противодействию преступности и, соответственно, обуславливает назначение (1) уголовного процесса, (2) досудебного производства, как структурного элемента правовой организации по противодействию преступности, (3) уголовно-процессуальной деятельности прокурора.

Исходя из тезиса о том, что уголовная политика, как часть правоохранительной политики, образует основу правового регулирования

¹ См.: Поленина, С. В. Правовая политика – генерализующий фактор правотворчества // Государство и право. 2011. № 1. С. 96.

² См.: Сальников, В. П., Захарцев С. И., Сальников М. В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С.240-283.

³ См.: Александров, А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / под ред. В.З. Лукашевича; предисл. В.Н. Кудрявцева. Санкт-Петербург, 2003. С. 28, 41; Бойко, А. И. Геополитика, идеология, преступность, правоохранительная деятельность // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 4. С. 101; 99–100; Побегайло, Э. Ф. Концепция борьбы с преступностью и проблемы совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. Москва, 2003. С. 60; Реализация уголовной политики: современные проблемы уголовного и уголовно-процессуального правотворчества, правоприменения и кадрового обеспечения : монография / под общей ред. проф. А. А. Тарасова. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Русайнс, 2020. С. 23, 51–52.

общественных отношений и правоприменения¹, можно констатировать, что уголовная политика представляет собой некую последовательную линию разработки и реализации государством мер уголовно-правового воздействия к преступности на определенном историческом этапе. Это целенаправленная реализация правовых норм правоохранительными органами для воздействия на преступность в определенный период развития общества². Поэтому особо выделяют правоприменительную – судебную политику³, то есть процессуальный аспект политики по противодействию преступности.

Между тем, важно подчеркнуть прочно укоренившийся в отечественной правовой культуре материальный детерминизм, который пронизывает представления и об уголовной политике. Это проявляется в тезисе о том, что уголовный процесс соотносится с уголовным правом как «средство к принципу, для которого оно создано»⁴. Из материального (уголовного) детерминизма вытекает то, что уголовная политика – это прежде всего уголовно-правовые нормы, на разработку которых и делается главный упор, когда встает вопрос об определенном курсе уголовной политики.

Будучи сторонниками концепции «процессуального детерминизма»⁵, разделяем точку зрения⁶, согласно которой в уголовной политике ведущее значение имеет процессуальная компонента¹.

¹ См.: Третьяков, И. Л. Уголовная политика в системе государственной политики // Мир политики и социологии. 2013. № 10. С. 17–32.

² См.: Александрова, И. А. Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействия коррупции: диссертация ... доктора юридических наук. Нижний Новгород, 2016. С. 28, 39, 40.

³ См.: Бабаев, В. К. Правовая система общества // Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993. С. 74.

⁴ Муравьев, Н. В. Общие основания устройства и уголовной деятельности прокурорского надзора (1891–1892) // Из прошлой деятельности. Т. 1. Статьи по судебным вопросам. Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, 1900. С. 61.

⁵ См.: Власова, С. В. Теоретическая концепция правовой (уголовно-процессуальной) организации противодействия преступности в сфере экономики. Москва : Юрлитинформ, 2020. С. 12.

⁶ См.: Дагель, П. С. Взаимодействие уголовного материального и процессуального права в регулировании общественных отношений // Известия вузов. Правоведение. 1972. № 2. С. 83–89; Баранов, А. П. Механизм правового регулирования как процессуальная система // Суд и закон: опыт истории. 2011. № 8. С. 41–44; Козубенко, Ю. В. Уголовно-процессуальные аспекты

Ввиду наличия процессуального и материального моментов в уголовной политике надо остановиться на соотношении понятий уголовная и уголовно-процессуальная политика. Специалисты, выделяющие понятие «уголовно-процессуальной политики», отмечают, что она является элементом, одной из составляющих уголовной политики². Есть мнение, что уголовно-процессуальная политика составляет единство с уголовной политикой, но при этом в духе материального детерминизма признают вторичное, обеспечительное значение процессуальной компоненты³.

Особо надо выделить позицию Е.Б. Мизулиной относительно этих двух понятий. По мнению Е.Б. Мизулиной, уголовная политика и уголовно-процессуальная политика различаются, если первая направлена на борьбу с преступностью, то вторая отвечает за восстановление справедливости, она выступает показателем отношения государства к человеку⁴. По словам Е.Б. Мизулиной, авторы УПК РФ принципиально отказались от прежних терминов «цель», «задача», которые использовал советский законодатель при изложении содержания статьи 2 УПК РСФСР, и которые выражали задачи розыскного процесса для того, чтобы выразить новую идею целеполагания – не связанную напрямую с антикриминальной деятельностью. Назначением уголовного судопроизводства по смыслу ст. 6 УПК РФ является двусторонняя защита прав и

межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования : диссертация ... доктора юридических наук. Екатеринбург, 2018. 505 с.

¹ См.: Власова, С.В. Указ. соч. С. 237–280.

² См.: Александров, А.И. Философия зла и философия преступности. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2013. С. 279; Бабаев, М.М. Криминология и уголовная политика // Юристы-Правоведь. 2012. № 2 (51). С. 17–18; Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В.К. Дуюнова. 6-е изд. Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2023. С. 40; Лесников, Г.Ю. К вопросу о понятии уголовной политики // Российский следователь. 2005. № 6. С. 25–29.

³ См.: Зинченко, И. А., Трапицын, А. Ю. Уголовная политика: понятие, проблемы и перспективы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 9. С. 87; Зыков, Д. А., Шеслер А. В., Шеслер, С. С. Понятие, формы и методы уголовно-правовой политики // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 1 (30). С. 87.

⁴ См.: Мизулина, Е.Б. Выступление на парламентских слушаниях на тему «15 лет со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: стратегия совершенствования уголовного правосудия» 20 декабря 2016 года : Стенограмма парламентских слушаний. Текст : электронный // Совет Федерации РФ : [сайт]. – URL:<http://council.gov.ru/media/files/ИНЕоJTBnnXWxACFrHJYQzoe1BG8W52jN.pdf> (дата обращения: 15.03.2024).

свобод личности: (а) потерпевших от преступления (б) лиц, подвергнувшихся незаконному уголовному преследованию и осуждению¹. Опять же, по словам Е.Б. Мизулиной, через понятие «назначение уголовного судопроизводства» создатели кодекса донести новый идеологический смысл правоприменителю: не борьба на уничтожение с уголовной преступности, а приоритет прав личности и их защита. Как утверждает творец кодекса этот закон построен на отказе от идеологии уголовного процесса как средства борьбы с преступностью и уголовного процесса как средства (или технологии) восстановления справедливости, в одинаковой мере обеспечивающего как справедливое наказание виновных (преследование и наказание виновных), так и недопущение уголовного преследования и осуждения невиновных². Для МВД и прочих правоохранительных органов (но не судов) «первично раскрыть, найти, изобличить, чтобы что-то хотя бы представить, чтобы можно было расследование осуществлять и так далее». «Поэтому для них – да. И я уважаю и ценю органы по борьбе с преступностью, что для них это первичная цель так же, как уважаю прокуратуру, для которой обвинение первично, пусть они его отстаивают с рвением, так, как защита отстаивает права своих подзащитных или представляет интересы потерпевших»³.

Хотя Е.Б. Мизулина признает, что уголовно-процессуальная политика призвана обеспечить неотвратимость наказания виновных⁴, главный ее тезис все же состоит в том, что уголовный процесс не имеет назначением противодействие преступности⁵.

¹ См.: Мизулина, Е.Б. О технологической теории уголовного процесса // Уроки реформы уголовного правосудия в России Плигин В.Н. Москва : Юристъ, 2006. С. 75.

² См.: Мизулина, Е. Б. Выступление на парламентских слушаниях на тему «15 лет со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: стратегия совершенствования уголовного правосудия» 20 декабря 2016 года ...

³ См. там же. С. 54, 55, 56.

⁴ См.: Мизулина, Е. Б. Выступление на парламентских слушаниях на тему «15 лет со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: стратегия совершенствования уголовного правосудия» 20 декабря 2016 года....

⁵ По словам Е.Б. Мизулиной, если борьба с преступниками и обвиняемыми осуществляется произвольно и без ограничений, то она в одном ряду с борьбой с классовыми врагами, с врагами народа. Уголовный процесс, если он используется как средство борьбы с преступностью, превращается в не что иное, как производство виновных, и виновным может стать любой, на кого укажет следователь, дознаватель, а затем закрепит это положение судья. А

Е.Б. Мизулина утверждает, что уголовный кодекс пишется для преступников, а уголовно-процессуальный кодекс – для честных людей¹. В уголовном судопроизводстве, в его формах, гарантиях усматривается ценность как минимум равнозначная самому применению уголовного закона, наказанию. В этом состоит суть концепции о самоограничении государства правом². Получается уголовный процесс частично противонаправлен уголовной политике – деятельности государства по противодействию преступности.

Таким образом, вырисовываются два прямо противоположных подхода к пониманию сущности и назначения уголовного процесса в связи с уголовной политикой, противодействием преступности и государством. Либерализм выводит уголовный процесс из уголовной политики как деятельности государства по противодействию преступности, трактует процесс, прежде всего – правосудие – как инструмент ограничения государства в борьбе с преступностью. Либеральный подход, который расцвел в период распада СССР, краха «империи», заключается в том, что уголовное судопроизводства главным образом служит защитой прав и свобод человека и гражданина, ограничивает власть государства, обеспечивает справедливость разрешения уголовно-правового спора между государством и человеком.

Неоконсервативный подход, который в настоящее время поддерживают такие ученые как А.В. Агутин, И.Е. Адаменко, Н.В. Азаренок, А.С. Барабаш, Л.В. Головкин, А.А. Давлетов, Победкин, М.П. Поляков и другие, состоит в том, что

вот если уголовный процесс используется как средство восстановления справедливости, тогда это и есть производство справедливости в стране, тогда это и есть производство, формирующее доверие власти и общества.

См.: Мизулина, Е.Б. Выступление на парламентских слушаниях на тему «15 лет со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: стратегия совершенствования уголовного правосудия» 20 декабря 2016 года...

¹ См.: Там же.

² К этому надо добавить, что согласно первоначальной концепции, заложенной в первую редакцию УПК РФ, процессуальная роль прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса была усилена даже по сравнению с советской. Это была суперпрокурорская модель досудебного уголовного производства: так, например, любое постановление о возбуждении уголовного дела нуждалось в согласовании с прокурором. См.: Комментарий к УПК РФ. Вводный /под ред. проф. В.Т. Томина. Москва : Юрайт, 2002. С. 25–26.

государство использует уголовное судопроизводство наряду с уголовным правом¹ как средство противодействия преступности².

В наступившую эпоху неоконсервативный подход более актуален, но с дополнениями такого рода: (а) государство должно признаваться правовым с неизбежным выводом о разделении обвинительной и судебной властей и (б) признание процессуального детерминизма как доминанты в уголовной политике и государственно-правовой организации, через которую она проводится. Присоединяемся к мнению, согласно которому уголовная и уголовно-процессуальная политики составляют единое целое и в своем практическом воплощении уголовная политика процессуальна³. Только через процессуальную деятельность возможна реализация уголовной политики как стратегии целенаправленного уголовно-правового воздействия на преступность⁴.

Как уже неоднократно подчеркивалось нами, уголовное судопроизводство есть не просто форма применения уголовного закона, но механизм производства средства уголовно-правового воздействия. Уголовное судопроизводство есть главное средство реализации уголовной политики. И, наоборот, через уголовную политику надо понимать назначение уголовного процесса, а в его составе –

¹ Представители неоконсервативного направления придерживаются идеологии материального детерминизма.

² Данное явление признают и наши противники. Так, А.С. Александров, пишет, что консервативная правовая психология, проявляющая в доверии к государству как главному субъекту противодействия преступности, характерна для России.

См.: Александров, А.С. Вечно вчерашние: уголовно-процессуальный кодекс РФ, его писатели и читатели // 20 лет действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы: тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции (26–28 мая 2022 г.) / пред. редкол. А.В. Павлов. Омск, 2022. С. 7–11.

³ См.: [HYPERLINK "http://www.urlit.ru/Katalog/2079-Sovremennaja-ugolovnaja-politika-obespechenija-jekonomicheskoj-bezopasnosti-putem-protivodejstvija-prestupnosti-v-sfere-jekonomiki.html"](http://www.urlit.ru/Katalog/2079-Sovremennaja-ugolovnaja-politika-obespechenija-jekonomicheskoj-bezopasnosti-putem-protivodejstvija-prestupnosti-v-sfere-jekonomiki.html) \o "[http://www.urlit.ru/Katalog/2079-Sovremennaja-ugolovnaja-politika-obespechenija-jekonomicheskoj-bezopasnosti-putem-protivodejstvija-prestupnosti-v-sfere-jekonomiki.html"](http://www.urlit.ru/Katalog/2079-Sovremennaja-ugolovnaja-politika-obespechenija-jekonomicheskoj-bezopasnosti-putem-protivodejstvija-prestupnosti-v-sfere-jekonomiki.html) Александров, А.С., Александрова, И.А. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики: монография. Москва : Юрлитинформ, 2017. С. 28, 124–128 и др.

⁴ Мнение практиков по данной проблеме отражено в результатах их опросов.

См.: Приложение № 1, ответы на вопрос № 1–4, Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 1–4, Приложение № 3, ответы на вопросы №№ 1–4.

назначение досудебного производства и прокурорской деятельности, которую сейчас трактуют как «прокурорский надзор»¹.

Политически неверным является вывод о разделении уголовной и уголовно-процессуальной политики. Это единый феномен. Делаем вывод об уголовной политике на процессуальной основе. Приоритет процессуального над материальным позволяет понять необходимость определить по двум ключевым вопросам: во-первых, о том, кто является главным субъектом уголовной политики и отвечает за результаты ее проведения, во-вторых, какое место этот субъект должен занимать в уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности и его правовых – процессуальных полномочиях, включая досудебное производства, имеющее решающее значение.

На наш взгляд, очевидны преимущества единоначалия, централизации и наличия достаточности правовых, процессуальных полномочий у предполагаемого субъекта для проведения определенной уголовной политики, на которую он уполномочен государством. Не будем скрывать, что таковым субъектом нам видится Генеральный прокурор России.

Уголовная политика выражает определенную идеологию, ибо «неидеологическая политика – это безоружная политика»². Важно видеть системность, взаимосвязь норм материального и процессуального права, их общность на уровне идеологии, которая определяет режим деятельности правового механизма противодействия данному виду уголовной преступности.

Под идеологией, не вдаваясь в подробное обсуждение этого богатого в значениях термина, будем понимать систему ценностей, принятую в данном

¹ Как уже отмечалось, современное понятие прокурорского надзора (в досудебном производстве) является определенной моделью прокурорской деятельностью, которая воплотилась в позитивном праве. В иностранных правовых системах подобного понятия нет, что далее будет показано. И в дореволюционной России не было подобного понятия. Поэтому здесь определенная идеология, выражающая актуальные ценности российского права, культуры на современном этапе исторического развития.

² См.: Мунтян, М. А. Неоконсерватизм. Текст : электронный //Электронная библиотека Института философии РАН : [сайт]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHde7f4caa6ba6b2a4acdcd> (дата обращения: 22.06.2023). Текст : электронный.

обществе, которую призвана защищать от преступности определяемая нами «организация». Идеология¹ – эта выраженная в системе непререкаемых аксиом система ценностей, интенций относительно окружающего мира. Эти аксиомы выражают замысел авторов текста закона, тех людей, которые формируют политику государства, к тому результату, который должен быть достигнут.

Как высказался итальянский ученый Ф. Иззо, уголовный процесс является зеркалом, в котором отражается политическая жизнь². Но также и правовая идеология, как настаивают М.П. Поляков, А.Н. Конев и некоторые другие современные авторы³.

Уголовная политика есть перевод определенной идеологии в плоскость практических нормативно-правовых решений и правоприменительной деятельности. Можно сказать, что в уголовной политике воплощается воля интеллектуальной, экономической политической элиты относительно того, как должно осуществляться противодействие преступности, тем или иным ее сегментам⁴.

Таким образом, вполне можно говорить о том, что через уголовную политику воплощается в жизнь определенная идеология, система ценностей относительно того, как и с какой целью государство через специальный аппарат воздействует правовыми (уголовно-процессуально-правовыми) средствами на такое антисоциальное явление как преступность.

¹ См.: Александров, А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. История, современность, перспективы, проблемы. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. С. 8–11. и др.; Наумов, А. В. Идеологические основы уголовного закона // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: сборник научных трудов. Саратов : Сателлит, 2008. С. 57–59.

² Цит. по: Барабанов, П. К. Уголовный процесс Италии. Москва : Спутник+, 2019. С. 17.

³ См.: Поляков, М. П. Идеологический подход и уголовно-процессуальная концептология как инструменты познания сущности отечественного уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 43–47; Конев, А. Н. Идеологические основы целеполагания в современном отечественном уголовном процессе // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 162–166.

⁴ В определенные периоды истории нетерпимость к тем или иным видам преступлений может то повышаться, то понижаться.

Как известно, с идеологией в юридической науке, включая уголовно-процессуальную науку, происходили большие перемены, важный временной этап которых можно связывать с внесением в Конституцию РФ поправок, которые были одобрены в ходе общероссийского голосования¹. Тем самым, произошло укрепление конституционно-правовых основ всех институтов, включая межотраслевой правовой институт, имеющий назначением противодействие преступности, на традиционной – неоконсервативной идеологии.

В новейших теоретико-правовых построениях необходимо отразить суть новой политики и идеологии государства. Полагаем, что это актуальная научная задача, которую мы в данном случае решаем.

Воспроизводить отдельные западные модели возможно, но системно перенимать уголовно-процессуальную модель (германскую или какую другую) невозможно. Это означает, что каких-либо радикальных судебных реформ, включая реформы предварительного расследования не будет: по «германской» или «общеευропейской» модели. Но возможен возврат к тем моделям, которые в свое время показали свою эффективность. Речь может идти, по нашему мнению, и о восстановлении прежней модели прокурорского надзора в досудебных стадиях уголовного процесса.

Современный русский неоконсерватизм выступает защитником частной собственности. Защита интересов предпринимателей, на уровне уголовной политики в сфере экономики, даже на уровне уголовно-процессуального законодательства является ярко выраженной чертой современной русской неоконсервативной правовой мысли².

Права, личные свободы человека и гражданина гарантируются законом, но закон всегда подчиняет их требованиям стабильности и преемственности.

¹ Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) //Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

² См.: Александров, А. С., Александрова И. А. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики : монография. Москва, 2017. С. 13.

Неоконсерватизм означает возвращение к тем моделям, которые были утрачены во «времена перемен». В свете этой идеологии опять же высвечивается необходимость возвращения прокуратуре того положения, которое она имела в Российской империи и во времена СССР.

После периода ослабления прокуратуры должно наступить восстановление ее руководящей роли в правовой организации противодействия преступности и досудебном производстве уголовного процесса.

Восстановление прежнего положения прокуратуры в уголовном процессе, досудебном производстве уголовного процесса как решающего этапа и, наконец, как главного ответственного за состояние законности и соответственно — уголовно-правового воздействия на преступность.

Перейдем к центральному вопросу о субъекте уголовной политики. Линия рассуждений будет строиться от понятия государства как субъекта уголовной политике к прокуратуре, которой на практике эту политику надлежит проводить посредством уголовно-процессуально-правовой организации.

Очевидно, что в самом широком смысле организатором противодействия преступности является государство. Не ставим под сомнение традиционный для нашей правовой культуры и правовой традиции этатизм и постулируем, что анализируемую «организацию» создает и осуществляет государство.

Государственно-правовая организация противодействия преступности является инструментом уголовной политики, проводимой государством. Между тем, следует персонифицировать субъекта уголовной политики, стратега по противодействию преступности. Не государство вообще, а конкретный государственный орган должен быть обозначен в качестве субъекта уголовной политики. Это важно, прежде всего, в плане определения эффективности этой политики, но еще более важно для выстраивания оптимального правового статуса субъекта уголовной политики во всех уголовно-процессуальных институтах. Единая, общая концепция о руководящем органе, ответственном за состояние противодействия преступности, должна пронизывать всю правовую организацию осуществления мер уголовно-правового воздействия на преступность. Поэтому

без преувеличения можно сказать, что коренной вопрос уголовной политики и правовой организации по ее проведению является вопрос о том, кто является субъектом уголовной политики. Из уже сказанного выше и проводимой нами линии рассуждений вытекает, что это Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры.

Ранее мы определились по вопросу о ведущем месте прокуратуры в правовой организации противодействия преступности. Ответ на этот вопрос дает позитивное право. Аналогичным образом надо рассуждать и для определения ведущего субъекта уголовной политики, уполномоченного государством, верховной властью для организации противодействия преступности. В позитивном праве существуют достаточные основания для того, чтобы таковым считать прокуратуру. Остановимся на этом более подробнее.

В соответствии с частью второй статьи 1, частью первой статьи 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1¹ Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры осуществляют уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации; координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов.

Содержание Положения о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденное Указом Президента РФ от 18.04.1996 № 567² указывает на то, что именно прокуратура играет

¹ Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 25.12.2023)(с изм. и доп., вступ. в силу с 12.03.2024) "О прокуратуре Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472 ; 2023. № 51. Ст. 9167.

² Указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567 (ред. от 31.12.2019) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1958 ; 2020. № 1 (часть I). Ст. 7.

организующую роль в системе правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

В настоящее время расклад сил в уголовно процессуальной системе противодействия преступности и вместе с тем в организации досудебного производства основывается на результатах реформы 2007 года¹. Поскольку досудебное производство по-прежнему организовано по следственному типу, то принципиальное значение для понимания того, как устроена современная правовая организация предварительного уголовного преследования – расследования, имеет построение института предварительного следствия. Соотношение, баланс сил в нем и определяет того, кто является главным субъектом уголовного преследования, то есть играет главную роль в противодействии преступности.

На руководящее положение в системе органов публичного уголовного преследования указывают многие уголовно-процессуальные нормы, прежде всего определяющие правовой статус прокурора в уголовном процесса (ст. 37 УПК РФ), осуществление им публичного уголовного преследования (ст. 21 УПК РФ) в числе участников со стороны обвинения (пункты 47, 55 статьи 5 УПК РФ). Так, согласно пункту 1 ст. 37 УПК РФ прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах установленной законом компетенции «осуществлять от имени государства уголовное преследование»: посредством надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия и в форме поддержания государственного обвинения в суде (ч. 3 ст. 37 УПК РФ).

На наш взгляд, это основа основ понимания роли прокурора в организации противодействия преступности. Прокурор, а не орган предварительного следствия (расследования) уполномочен на выполнение функции государственного –

¹ Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830 /СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.06.2023).

публичного обвинения. Через обвинение – уголовно-правовое воздействие – реализуется уголовная политика противодействия преступности.

Решающими для выдвижения обвинения (перед судом) являются процессуальные полномочия на утверждение итогового обвинительного процессуального решения органа предварительного следствия или органа дознания и направления уголовного дела в суд (ст.ст. 221–222, 226, 226.8 УПК РФ).

Наконец, довод в пользу главенствующего положения прокуратуры в правовой организации противодействия преступности можно вывести из Конституции России.

Согласно части первой статьи 129 Конституции РФ органы прокуратуры осуществляют надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, уголовное преследование, а также другие функции. Только прокуратура указана в Конституции РФ среди органов, осуществляющих функцию уголовного преследования. Уже из этого конституционно-правового положения следует вывод о ведущем положении прокуратуры в системе публичных органов уголовного преследования.

Гарантом Конституции РФ является Президент Российской Федерации, как глава государства России (части 1 и 2 статьи 80 Конституции РФ). Согласно части второй ст. 80 Президент Российской Федерации в установленном Конституцией порядке принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, поддерживает гражданский мир и согласие в стране, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти. Если Президент России стоит во главе всей системы публичной власти, то Генерального прокурора России надо считать главой той части публичной власти, которая отвечает за противодействие преступности посредством выполнения функции обвинения (уголовного преследования).

Согласно пункту «е.1» ст. 83 и части третьей статьи 129 Конституции РФ Президент России назначает на должность Генерального прокурора Российской

Федерации, заместителей Генерального прокурора Российской Федерации после консультаций с Советом Федерации, и освобождает их от должности, а также назначает на должность прокуроров субъектов Российской Федерации, прокуроров военных и других специализированных прокуратур, приравненных к прокурорам субъектов Российской Федерации; назначает на должность и освобождает от должности иных прокуроров, для которых такой порядок назначения и освобождения от должности установлен федеральным законом. Из этого следует заключить, что власть прокуратуры производна от власти Президента России.

Из системного толкования действующего законодательства вытекает, что прокуратура занимает особое положение в государстве, она является элементом президентской власти и является главным надзорным органом, обеспечивающим режим законности, соблюдение всех федеральных законов. Преступность является наиболее серьезным нарушением законности, соответственно главным противником прокуратуры на правовом поле является преступность, на противодействие которой она организует все силы и средства государства.

Прокуратура занимает центральное место в государственно-правовой организации противодействия преступности. Прокуратура – это уполномоченный Российской Федерацией орган, входящий в систему правового статуса Президента РФ как главы государства, который обязан осуществлять противодействие преступности непосредственно, а также посредством руководства всеми правоохранительными органами, уполномоченными на выявление, расследование, раскрытие преступлений и изобличение, обвинение лиц, обвиняемых в преступлениях¹.

¹ Такого рода представления были распространены в отечественной уголовно-процессуальной литературе до реформы 2007 года, изменившей концепцию правовой организации прокурорского надзора в сфере досудебного производства по уголовным делам.

См., напр.: Савицкий, В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. Москва : Наука, 1975. С. 22; Бессарабов, В. Г. Прокуратура в системе государственного контроля Российской Федерации. Москва, 2001, С. 29, 52; Токарева, М. Е. Современные проблемы законности и прокурорского надзора в досудебных стадиях уголовного процесса : автореферат диссертации ... доктора юридических наук. Москва, 1997. С. 14, 37;

Между тем, на центральное место в правовой организации противодействия преступности претендует и другой орган – Следственный Комитет России. Судя по высказываниям его руководителя, Следственный комитет России способен влиять эффективными средствами – «уголовно-правовыми мерами» на происходящие явления в обществе для обеспечения общественной безопасности и защиты государственных интересов¹. По его мнению, независимое следственное ведомство – Следственный комитет России находится под общим руководством Президента Российской Федерации².

Концепцию суверенной следственной власти, воплощающую национальную самобытную «вертикали следственной власти»³, независимую от других властей государства (включая прокурорскую) и подчиненную только Президенту РФ, отработывают теоретики этого ведомства, что вполне объяснимо в их положении. Но и не только они – эта идея овладела широкими процессуальными массами, но пока, к счастью не стало материальной силой в виде позитивного права⁴.

Надо признать, что данная концепция имеет определенные корни в советской процессуалистике⁵, проникнутой идеями о процессуальной

Болташев, Е. Д. Функции прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса : автореферат диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2002. С. 9, 27–28.

¹ См.: Интервью Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации А.И. Бастрыкина «Российской газете» /Российская газета. 2010. 7 сентября.

² См.: Бастрыкин, А. И. 300 лет российского следствия // Следствие в России: три века в поисках концепции : материалы Международной научно-практической конференции / под общей редакцией А. И. Бастрыкина. Москва, 2017. С. 8.

³ См.: Багмет, А. М., Цветков, Ю. А. Сильное следствие и его противники // Lex Russica. 2015. № 4. С. 60–70; Цветков, Ю. А. Суверенная национальная модель следственной власти: миф или реальность? // Организация предварительного расследования. Проблемы и перспективы. Москва : Юнити-Дана, 2015. С. 104–109; Багмет, А. М., Цветков Ю. А. Кому мешает следственная власть? // Российский следователь. 2016. № 23. С. 3–9.

⁴ См.: Мухитдинов, А. А. Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (на материалах Республики Таджикистан) : монография / под общ. ред. Б.Я. Гаврилова. Душанбе : Таджикский государственный университет, 2015. С. 143–160.

⁵ См., напр.: Строгович, М. С. О дознании и предварительном следствии и о едином следственном аппарате //Социалистическая законность. 1957. № 5. С. 20–21; Он же. Курс советского уголовного процесса. Том 1. Москва : Юридическая литература, 1968. С. 229–230; Чувилов, А. А. Прокурорский надзор и ведомственный контроль на предварительном следствии // Государство и право. 1975. № 3. С. 75; Крылов, И. Ф., Бастрыкин, А. И. Розыск, дознание, следствие. Ленинград : Высшая школа МВД СССР, 1984. С. 97; Ларин, А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. С. 86; Алексеев, Н. С. Современные проблемы уголовно-процессуальной науки // 26 съезд КПСС и укрепление законности и правопорядка.

самостоятельности следователя, доказывании им объективной истины, привлечении следователем обвиняемого к уголовной ответственности¹, из которых родилась идея выведения следователя из-под власти прокурора и проект создания единого следственного органа.

Если разделить эту позицию, то надо согласиться с тем, что именно Следственный Комитет России является ведущим субъектом уголовной политики и именно он вносит основной вклад в противодействие преступности. Уголовно-правовыми средствами.

С этим вряд ли можно согласиться. Во-первых, потому, что вклад Следственного комитета РФ в противодействие преступности ограничивается пределами подследственности ему уголовных дел, определяемых УПК РФ, а во-вторых, эти пределы ему определяет следственная уголовно-процессуальная форма – за пределы предварительного следствия власть СК РФ не распространяется.

Только прокуратура осуществляет сквозную, межстадийную уголовно-процессуальную, надзорную деятельность по привлечению к уголовной ответственности виновников преступлений, реализации мер уголовно-правового воздействия.

Если же говорить о прокуратуре, то власть ее в сфере противодействия преступности более многообразна и имеет различные правовые формы реализации: помимо надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, дознания, она распространяется и на оперативно-розыскную деятельность, и на деятельность в суде, но также и исполнение обвинительного приговора и иного решения по уголовному делу, связанного с реализацией норм уголовного права.

1982. С. 14–15; Алексеев, Н. С., Лукашевич, В. З. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве. Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование. Ленинград : [б. и.], 1970. С. 137; Уголовный процесс /отв. ред. Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич, П. С. Элькинд. Москва : Юрид. лит., 1972. С. 102.

¹ Условия для реализации этой концепции созрели ко времени укрепления вертикали власти в России в первое десятилетие 21 века.

Исходим из того, что уголовно-процессуальная власть прокурора по природе своей является обвинительной: прокурор призван не осуществлять общий надзор, а обвинять тех, чья вина доказана собранными доказательствами. Прокурор – это публичный обвинитель по должности и уже потом идут остальные задачи, которые он призван решать в уголовном процессе¹.

Мы являемся последовательными сторонниками концепции, согласно которой прокурорская власть производна от президентской. Прокурор в уголовном судопроизводстве является представителем президентской власти и наряду с судом осуществляет защиту человека, общества, бизнеса, государства от преступности, как наиболее опасного вида нарушений законности. Посредством уголовного судопроизводства государство осуществляет правовое противодействие преступности.

Итак, государство является абстрактным субъектом уголовной политики. Оно целенаправленно проводит свою уголовную политику через систему правоохранительных органов, которые могут быть разделены правом на органы обвинительной, судебной власти и пр. или мыслиться как единое целое, скажем как «органы уголовной юстиции» или «судебно-следственные органы»².

Современное российское правовое государство проводит определенную уголовную политику посредством уголовно-процессуальной-правовой организации, то есть в форме уголовно-процессуальной деятельности компетентных государственных органов, уполномоченных осуществлять уголовно-правовое и иное правовое воздействие к виновникам преступлений. Эти органы и их процессуальная деятельность имеют принципиальное разделение: на обвинительно-следственные и судебные, первые выполняют деятельность по противодействию преступности, вторые обеспечивают ее правовой характер.

На определенно историческом этапе господствовало мнение, что и суд, и прокуратура, и следователь, будучи государственными органами,

¹ Мнение практиков по данному вопросу см.: Приложение № 1, ответы на вопросы №№ 6–10; Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 6–9; Приложение № 3, ответы на вопросы №№ 5–8.

² Как это было принято считать в советской уголовно-процессуальной науке.

представителями единой государственной власти, отсюда они выполняют общую государственную функцию, которую называли по-разному «предварительное расследование» или даже «функция защиты прав и свобод человека и гражданина от преступности»¹. Подобное слияние, под каким бы лозунгом или в какой бы упаковке они ни преподносились, недопустимо.

Несмотря на усиление центристремительной тенденции в трактовке государства как «единой корпорации» принцип разделения властей государства и их функций сохраняет актуальность.

В свете тезиса о разделении властей, что прокурор уполномочен властью президента посредством уголовного процесса организовывать уголовно-правовое противодействие преступности, обеспечивая тем самым режим законности. Генеральный прокурор России и подчиненные ему прокуроры от имени государства проводят уголовную политику с целью противодействия преступности.

Генеральный прокурор России должен быть уполномочен на разработку курса уголовной политики, обеспечивать ее практическое воплощение в деятельности органов предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности и отвечать за результаты ее реализации, воплощенные в состоянии законности.

Прокурор не просто центральный элемент этой правовой организации, он использует ее как инструмент уголовной политики. В этой связи прокурор наряду с судом играет решающую роль в формировании правовых стандартов в правоприменении. Через развитие представления о прокуроре как субъекте уголовной политики, приобретают подлинный смысл представления о назначении уголовного судопроизводства, досудебного производства, уголовно-процессуальной деятельности прокурора (прокурорском надзоре) – и все это во взаимосвязи с уголовно-правовым воздействием на преступность.

¹ См.: Королев, Г. Н. Прокурорская власть и уголовное судопроизводство // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 2. С. 291, 292.

Уголовная политика всегда целенаправленна и потому отбирает подходящие для достижения цели правовые средства.

По мнению специалистов, уголовная политика подвержена изменениям в зависимости от исторической эволюции представлений о преступлении, наказании, устройства государства, власти, характера общественных отношений той или иной эпохи¹.

Модель уголовной политики обуславливается многими факторами: политический режим, форма государственного устройства; методы государственного управления, степень развития институтов гражданского общества, приоритеты правового регулирования и пр.² Как пишет В.В. Терехин, государство может позволить себе допустить только ту меру репрессивности по отношению к преступности, которую допускает уголовно-процессуальное право³.

Согласимся с тем, что есть связь между тем или иным типом уголовной политики, государственно-правовым устройством, правовой организацией противодействия преступности в мере репрессивности, принудительности, которая проявляется как в процессуальном, так и уголовно-правовом виде⁴. Определенной уголовной политике соответствует тип уголовного процесса.

Имея в виду приведенные суждения, выделим два основных типа уголовной политики: (а) «карательный» и (б) «сдерживающий». Каждый из них имеет разновидности. Карательный тип уголовной политики, проникнут материальным детерминизмом, крайним проявлением которого является идея о том, что чем суровее наказание, тем лучше. «Сдерживающий», контролирующий тип уголовной политики в той или иной мере проникнут «процессуальным

¹ См. об этом, напр.: Цепелев, В. Ф. Концептуальные вопросы уголовной политики и развития уголовного законодательства // Правовые исследования: новые подходы: сборник статей факультета права НИУ ВШЭ. Москва, 2012. С. 373–378.

² См.: Александрова, И. А., Александров, А. С. Современная правовая политика противодействия преступлениям в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: монография. Нижний Новгород, 2017. 206 с.

³ См.: Терехин, В.В. Стандарт допустимости уголовно-процессуальных доказательств: монография. Нижний Новгород, 2014. С. 9.

⁴ См.: Рудич, В.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва: МАЭП, 2013. С. 79.

детерминизмом», крайним проявлением которого является идея о самоценности уголовного судопроизводства как игры, то есть оно почти не вовлечено в противодействие преступности.

Постараемся избегать крайностей, присущих этим подходам и выработать оптимальное представление об уголовной политике, подходящей России в современных условиях.

1. Первый тип уголовной политики, в контексте которого определяется назначение (цели) уголовного досудебного производства, судопроизводства, можно определить как карательный; его идеология состоит в применении уголовного наказания (справедливого) к преступнику¹.

Преступник рассматривается, как лицо, посягнувшее на установленный государством уголовно-правовой запрет и обязанность государства состоит в том, чтобы установить этот факт и наказать виновного. Отсюда правовое требование о неотвратимости уголовной ответственности, которое проявляется в целевой направленности уголовного процесса, а именно: покарать виновного²; осуществить карательное права государства на наказание преступника³; привести в действие уголовный закон⁴.

Это классический умеренно материалистический тип правового мышления, который держится на следующих постулатах. Во-первых, уголовное право

¹ Интересно замечание о том, что консервативная правовая традиция тесно связана с юрпозитивизмом, нормативистским пониманием права, в том числе, уголовного, уголовно-процессуального права. Это философско-правовая традиция отождествления государственного закона с правом. Она обычно противопоставляется естественно-правовой школе, которая предполагает, что право шире установленного государством закона, с которым связан либерализм.

См.: Постклассическая онтология права: монография / под общ. ред. И.Л. Честнова. Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. С. 561–684.

² См.: Стефановский, Н. Д. Очерк теории доказательств // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1895. Кн. 67. С. 9.

³ См.: Муравьев, Н. В. Общие основания устройства и уголовной деятельности прокурорского надзора (1891–1892) //Из прошлой деятельности. Т.1. Статьи по судебным вопросам. С. 61.

⁴ См.: Чебышев-Дмитриев А. П. Курс русского уголовного процесса. Санкт-Петербург : Тип. В. Кравченко, 1868/9. С. 3, 4; Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2-х томах. Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1910. Т. 1. С. 2; Случевский, В. К. Учебник уголовного процесса. Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. С. 4, 486.

понимается как действующий уголовный закон, принятый государством для запрета совершения общественно-опасных деяний. Во-вторых, подразумевалась связь уголовного права с моралью. В-третьих, наказание трактовалось как кара, воздаяние. В-четвертых, преступность рассматривалось как сопутствующее человечеству зло, с которым надо бороться, хотя победить нельзя. В-пятых, предполагалось наличие у преступника свободы воли (отсутствие социального детерминизма)¹.

Отметим отсутствие тотальности, агрессивности и присутствие известного гуманизма в такой идеологии и правовой культуре, русской уголовно-правовой науке классического периода. В уголовной политике не ставилась цель социальной инженерии – выработки средств по искоренению преступности, создание – нового человека и нового общества².

Русские процессуалисты в своих теоретических построениях подчеркивали служебную и вместе с тем сдерживающую роль уголовного процесса по отношению к уголовному закону и его воплощению в жизни³. Уголовное судопроизводство, а вместе с ним и досудебное производства (предварительное следствие) воспринимаются как средство к цели - применение уголовного закона к преступнику.

Отметим такой нюанс этой позиции, как необходимость конкретизации права на наказание, которая происходит как раз через процесс. Тем самым выявляется ценность процедуры как таковой – это не просто обряд, но гарантия правильного применения уголовного закона.

Итак, можно констатировать смягченный вариант карательной трактовки цели-назначения уголовного процесса: установление для конкретного случая существования права государства на наказание. Однако в целом и общем это

¹ См. об этом: Александрова, И.А. Указ. соч. С. 112–114.

² Там же. С. 117.

³ Поэтому говоря о применении наказания, как цели уголовного процесса, и соответственно априори допуская роль в этом досудебного производства, они, вряд ли допускали внесудебную уголовную кару и самостоятельное значение досудебного расследования для осуществления уголовно-правового воздействия.

См.: Щегловитов, И. Г. Основные начала современного уголовного судопроизводства // Журнал министерства юстиции. 1903. № 9. С. 96.

карательный (репрессивный) тип уголовной политики¹, при которой досудебное производство занимает в уголовном процессе роль структурного средства (формы) применения уголовно-правовых норм.

Карательный (репрессивный) тип уголовной политики авторитарного (полицейского) государства находится в органичном единстве со следственной правовой организацией уголовного процесса и с институтом предварительного следствия. Тотализация уголовной политики приводит к усилению следственного начала, в котором растворяется правозащитная задача, а вместе с ней и состязательное начало. Это вполне очевидно из советского криминалистического учения.

Можно выделить авторитарно-карательную разновидность карательного типа уголовной политики, в которой репрессивный момент выделен в качестве главного, а вся техническая (процессуальная) составляющая деятельности правоохранителей отходит на задний план, так что ею можно пренебречь. Ее придерживались создатели советского государства, которые исходили из того, что за короткое время сверх-репрессивными мерами можно уничтожить преступность и построить социализм, коммунизм.

Марксизм с его социальным детерминизмом² стал теоретико-идеологической основой для уголовной политики в первые годы советского строительства. Целью уголовной политики было устранение преступности и самих причин ее. Причем достижение этой цели считалось возможным в ближайшей перспективе, но требовало приложения сверх усилий при подавлении классовых врагов, т.е. применения к ним мер повышенной репрессивности. Борьба на уничтожение преступности, особенно контрреволюционных,

¹ См.: Рарог, А. И. Репрессивный крен российской уголовной политики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 90.

² Теорией был марксизм, классовая борьба, слом буржуазного государственно-правового строя и построение социализма, как перехода к коммунизму, идеальному бесклассовому обществу, лишенному преступности.

антигосударственных проявлений оправдывалась любыми методами и приемами¹, по формуле «если враг не сдается, его уничтожают».

Основатели советского государства, его идеологи исходили из того, что новый революционный суд должен стать «оружием» против классового врага, который подлежит ликвидации²; целью уголовного процесса является применение уголовной репрессии к антигосударственным элементам³; трибунал по идее своей, есть не столько судебное учреждение, сколько «орган чисто политической борьбы»⁴; «нельзя либеральничать с классовыми врагами»⁵; «суд есть упорядоченная форма расправы ... уложенная в определенные нормы»⁶.

Сами социалистическое право и государство рассматривались как временные, вынужденные средства, которые отомрут в ходе успешного коммунистического строительства. Поэтому значение правового механизма применения уголовной репрессии в определенной мере обесценивается, в нем видят исключительно техническую сторону, и потому отказ от лишних технических деталей буржуазного правосудия, затрудняющих применение репрессий к врагам, вписывалось в понятие «революционной целесообразности». Цель применения антикриминального классового законодательства в том, чтобы обеспечить максимум целесообразности в применении судом правовых норм⁷. Однако еще более ярко свое отношение к «процессуальной форме» высказал

¹ Один из представителей наркомата юстиции Л.Н. Саврасов писал: «мы считаем и открыто заявляем, что некоторые враги народа (восстающие с оружием в руках против власти народа, нарушающие революционный порядок, вооруженные бандиты и т. п.) должны истребляться, ... мы должны заявить, что за некоторые преступления мы будем наказывать, карать».

См.: Саврасов, Л. Преступление и наказание в текущий переходный период // Пролетарская революция и право. 1918. № 5–6. С. 68–79.

² См.: Луначарский, А. В. Революция и суд // Правда. 1917. 01 декабря. № 193.

³ См., напр.: Крыленко, Н. В. Судостроительство РСФСР (лекции по теории и истории судостроительства). Москва: [Юрид. изд-во НКЮ], 1923. С. 15, 16, 17.

⁴ См.: Стучка, П. И. Правосудие нового строя // Известия ВЦИК. 1918. 23 мая. № 102.

⁵ См.: Материалы работы криминалистической секции. Реформа советского уголовного процесса // Революция права. 1928. № 2. С. 72.

⁶ См.: Крыленко, Н.В. Судостроительство РСФСР (лекции по теории и истории судостроительства). Москва: [Юрид. изд-во НКЮ], 1923. С. 16.

⁷ См.: Ундерович, В. С. Основные вопросы нашего судопроизводства // Революция права. 1928. № 1. С. 47; Материалы работы криминалистической секции. Реформа советского уголовного процесса // Революция права. 1928. № 2. С. 72.

наркоюст П.И. Стучка, по его словам процесс лишь словесная форма, «фиговый лист классовой юстиции»¹. Отсюда логичным был вывод о возможности упрощения процессуальных - технических правил, сведение процедур (судебных, прежде всего) к минимуму². Это в дальнейшем и произошло – через принятие специального репрессивного законодательства, легализовавшего внесудебные массовые расправы (сталинский террор)³.

Разумеется, при такой уголовной политике господствует процессуальный нигилизм. При ней происходит девальвация значения уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальной формы, сводятся к минимуму процедуры, как буржуазные юридико-технические излишества, мешающие подавлять классовых противников строительства новой жизни. Все это показательные признаки ранне-советской доктрины, в которой говорить о какой-то другой цели, кроме как наиболее целесообразном применении уголовного закона⁴, не приходится. Самое главное в механизме применения норм уголовного закона заключается в самом применении, не важно, каким путем это сделано. Иными словами процесс – ничто, наказание врага – все⁵. Это есть тотальная уголовная политика на полное уничтожение преступности проводимая

¹ См.: Стучка, П. И. Тезисы о реформе УПК // Революция права. 1928. № 1. С. 120; Материалы работы криминалистической секции. Реформа советского уголовного процесса // Революция права. 1928. № 2. С. 68.

² См.: Крыленко, Н.В. Реформа советского уголовного процесса: доклад на заседании Комакадемии // Революция права. 1928. № 1. С. 111.

См. также: Эстрин, Я. В. Содоклад от криминалистической подсекции // Революция права. 1928. № 1. С. 112–117.

³ Примерами такого рода упрощенчества официальной уголовно-процессуальной формы в тоталитарно-советском стиле можно считать Циркуляр НКЮ № 93 от 5 июля 1929 года «Об упрощении уголовного процесса», Постановление ЦИК СССР от 4 декабря 1934 г. (установившее 10-дневный срок расследования уголовных дел о террористических актах против работников советской власти), и др. партийно-государственные акты.

⁴ В то время М.С. Строгович говорил, что уголовный процесс есть наиболее целесообразный порядок деятельности судебно-следственных органов по выявлению социально-опасных деяний и применения для их парализовывания мер социальной защиты, указанных материальным уголовным правом.

См.: Строгович, М. С. Принципы советского уголовного процесса // Советское право. 1927. № 1. (25). С. 95.

⁵ О такого рода понимании организационно-правовой проблематики деятельности правоохранительных советского государства дают представление труды советских теоретиков 30-50-х годов прошлого века.

тоталитарным государством, не признающим никаких правовых (процессуальных) сдержек и ограничений.

Прокуратура, как показывает советский опыт 1930-1950-х годов, может быть проводником такой архи-репрессивной уголовной политики. Наиболее ярким идеологом организации прокурорского надзора, как высшего надзора за исполнением законов, в том числе судами, был А.Я. Вышинский¹. Судебно-прокурорский аппарат, советские органы юстиции, во главе с прокуратурой осуществляли борьбу с врагами народа², «на органах юстиции лежат чрезвычайно высокие и ответственные обязанности» по осуществлению надзора «за революционной законностью»³.

Разумеется, подобная концепция руководства прокуратурой правовой организации противодействия преступности, проведения уголовной политики, неприемлема и должна быть отвергнута. Между тем, из советского научного, доктринального наследия можно отобрать концепции, которые сохраняют актуальность до нашего времени. Их создание относится ко времени позднего социализма – периода расцвета советской юридической мысли. Как известно, по мере социалистического строительства иллюзии о скорой победе коммунизма развеялись, произошел отказ от чрезвычайных методов борьбы с преступностью. Советская доктрина вернулась к более умеренному варианту репрессивной уголовной политики, и соответственно – к трактовке достижения целей уголовно-правового воздействия в режиме социалистической законности⁴.

С императивом соблюдения социалистической законности связано возрождение тезиса о значимости процесса, формы как гарантии прав личности,

¹ См.: Трофимцева, С. Ю. Прокурор СССР А. Я. Вышинский и советская юстиция в условиях массовых репрессий в 1930-е гг // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 2 (33). С. 22–36.

² См.: Вышинский, А. Я. Курс уголовного процесса. Москва :Юридич. изд-во Наркомюста РСФСР, 1927. С. 97 и след.; Он же. Положение на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 7–12.

³ См.: Вышинский, А. Я. Положение на правовом фронте // Советское государство. 1937. № 3–4. С. 5–18.

⁴ См., напр.: Чельцов-Бebutov, М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. 2-е изд. Санкт-Петербург : Госюриздат, 1995. С. 188, 189.

то есть проявилась тенденция к юридикализации, формализации, а потому объективно и к смягчению уголовной политики¹. Впрочем, преувеличивать значение процессуализма в советское время не приходится, поскольку на протяжении всей истории на советское учение откладывал отпечаток постулат об искоренении преступности. Наиболее прочно он был воплощен в такую цель уголовного процесса и уголовного права, как предупреждение преступности. Это коммунитарная традиция, опирающаяся на представления о том, что на первом месте – интересы сообщества, поэтому задача общенародного государства виделась в том, чтобы обеспечить бескриминальное будущее этого сообщества².

Она была официально закреплена в позитивном праве: в статье 20 Основ уголовного законодательства Союза ССР (1959 г.)³, статье 20 УК РСФСР, статье 20 УПК РСФСР.

Потому, несмотря на все «оттепели», уголовная политика советского государства продолжала оставаться нацеленной на ликвидацию преступности, защиту интересов государства и личности, созданного народом правопорядка⁴. В контексте такой уголовной политики определялось роль прокуратуры, органов предварительного следствия, а именно: как борьба с преступностью до ее полного искоренения, но правовыми мерами, в режиме соцзаконности⁵.

Данная разновидность уголовной политики имела своей целью исправление и перевоспитание преступников. Задача предупреждения преступности стояла как перед уголовным процессом, так и перед предварительным расследованием

¹ Так, А. А. Герцензон определял уголовную политику, как часть общей политики государства и общественности по борьбе с преступлениями и иными общественно опасными поступками, которая основывается на точном исполнении законов.

См.: Герцензон, А. А. Уголовное право и социология. Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики. Москва : Юрид. лит, 1970. С. 178–179.

² См.: Титаев, К. Д., Шклярчук М. С. Российский следователь. Призвание, профессия, повседневность : монография. Москва : Норма, 2019. С. 66.

³ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. Москва : Госюриздат, 1953. С. 344.

⁴ См.: Загородников, Н. И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел. Москва : МВШМ МВД СССР, 1979. С. 8; Беляев, Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации : монография. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1986. С. 15–16, 118–119.

⁵ Так, Н.А. Беляев в понятие уголовной политики включал «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличению виновных и обеспечение правильного применения закона».

См.: Беляев, Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. С. 20.

(статья 21 УПК РСФСР)¹. Ее решение обеспечивалось специальным элементом института обвинения: общественного обвинителя или защитника (статья 252 УПК РСФСР). Все это было частями такого организационно-правового механизма, который был направлен на профилактику и искоренение преступности, в котором предварительное следствие было совершенно необходимым элементом. Более того, именно следственным путем достижимы цели и задачи советского уголовного процесса. Профилактика преступности, ликвидация причин и условий, способствовавших совершению преступления – это часть советского формата противодействия – уничтожения преступности.

Значит, способствовали тотализации советской уголовной политики и теоретической доктрины следующие идеологемы: (1) единство государства как субъекта противодействия преступности, (2) отрицание разделения суда, прокуратуры и органов предварительного расследования, (3) искоренение, профилактика преступности и концепция объективной истины.

Советские прокурорский надзор и предварительное расследование в полной мере несло на себе отпечаток такой уголовной политики авторитарного государства.

Систему идеологем советской уголовной политики, а именно: партийность, приоритет общественных интересов, отрицание правового государства и свойственных ему системы сдержек и противовесов, социально-экономический детерминизм, необходимость и возможность искоренения преступности и ее

¹ Тема профилактики преступлений судебно-следственными «принудительно-воспитательным» воздействием следственно-судебных органов на потенциальных преступников, равно как и идея «исправления» в местах лишения свободы или в процессе отбытия наказания, не связанного с лишением свободы, может считаться типично советской правовой традицией. Хотя на разных этапах советского правового развития получало то большую популярность (в раннесоветский период и в 1960-х-1980-х годах), то уходило на задний план (1930-50 годы) (См.: Грэхэм, Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе (пер. с англ.) Москва, 1991. С. 221). В последнее время эта тема возродилась и в исследованиях специалистов различных отраслей антикриминального знания.

причин при построении коммунизма¹ дополняла процессуальная идеологема об истине (объективной). Вместе с идеологемами о законности (социалистической), гуманизме², демократизме³ все это составляло идеологию советского уголовного права, правосудия и уголовной политики⁴.

Советская правовая школа создала свое оригинальное учение о сдержках и противовесах в уголовном процессе применения норм уголовного права: разграничение оперативно-розыскной и процессуальной деятельности в рамках предварительного следствия (дознания), стадия возбуждения уголовного дела, как граница между настоящим процессом в виде предварительного расследования и доследственной проверочной деятельности, прокурорский надзор за предварительным расследованием, сроки предварительного расследования и механизм их продления и пр.

И надо признать, что эта модель сохранилась как на позитивно-правовом, так и доктринальном, идеологическом уровнях отечественной правовой, уголовно-процессуальной культуры.

Именно в советский период, на наш взгляд, сформировалась традиция (миф) считать предварительное следствие системообразующим институтом уголовного

¹ Подобные представления оставались доминирующими вплоть до конца 1980-х годов. Пока собственно преступность (в лице «новых буржуа» и части идейно переродившейся партийно-государственной номенклатуры) не «искоренила» сам СССР.

См. например: Карпец, И.И. Развитие наук криминального цикла в свете решений 27 съезда КПСС // Вопросы борьбы с преступностью. Москва, 1987. Вып. 45. С. 8 и след.

² В рамках доктрины «социалистической законности» в советском уголовно-процессуальном законодательстве была создана специфическая система гарантий прав личности. Основой которой был прокурорский надзор. В этом состоит актуальный урок для оптимизации существующей системы процессуальных гарантий законности.

³ Подлинном – советском, противоположном буржуазному.

⁴ См., напр.: Загородников, Н. И. Указ. соч. ; Курс советского уголовного права: в 5 т. / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968–1981; Шаргородский, М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973; Гришанин, П. Ф. Современные проблемы уголовной политики и уголовно-правовой практики. Москва, 1994; Гаухман, Л. Д., Ляпунов, Ю. И. Понятие советской уголовной политики и ее основные направления. Москва : Акад. МВД СССР, 1980; Дагель, П. С. Проблемы советской уголовной политики. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1982; Бабаев, М. М. О соотношении уголовной и криминологической политики // Проблемы социологии уголовного права Москва, 1982; Миньковский, Г. М., Ревин В. П. Уголовная политика и ее реализация в деятельности органов внутренних дел. Москва : Госюриздат, 1995; Панченко, П. Н. Советская уголовная политика. Томск : Томский ун-т, 1988. 200 с.

судопроизводства, которым обеспечивалось достижение не только целей уголовного процесса, но и уголовного права¹. В понятие уголовной политики включалось применение криминалистических, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, исправительно-трудовых, криминологических мер по борьбе с преступностью, наряду с мерами социального характера (экономических, идеологических, медицинских и т.д.)².

Таков классический образец понимания уголовной политики советского периода, при котором назначение досудебного производства, как и всего уголовного процесса, состоит в достижении общей цели уголовной политики – борьба с преступностью. Досудебное производство (отождествляемое с «предварительным следствием») приобретает решающее значение как деятельности по выявлению преступлений, их раскрытию, изобличению преступников, привлечения их к ответственности и предупреждению совершения новых преступлений.

Следовательно, темы о социалистической законности, процессуальных гарантиях (прав личности) способствовали усилению учения о предварительном следствии, как особому процессуальному институту, разделяющему оперативно-розыскную деятельность и правосудие, процессуальной деятельности, где в режиме социалистической законности происходит привлечение к уголовной ответственности путем вынесения следователем постановления о привлечении в качестве обвиняемого – под надзором прокурора.

Особо важное правовое значение института досудебного производства в системе уголовной политики укреплялось концепцией объективной истины, имевшей нормативно-правовое закрепление в ст. 2 УПК РСФСР³.

¹ См., напр.: Гуляев, А. П. Следователь в уголовном процессе : монография. Москва : Изд-во Акад. МВД СССР, 1981. С. 8 и след.

² См.: Герцензон, А. А. Уголовное право и социология. Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики.... С. 179.

³ См.: Советский уголовный процесс / под ред. Д.С. Карева. Москва : Высш. школа, 1975. С. 7, 12; Карнеева, Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе. Волгоград : ВСШ, 1988. С. 9; Мотовиловкер, Я. О. Предмет советского уголовного процесса. Ярославль : [б/и], 1974. С. 11.

Концепция объективной истины, если отбросить ее философско-гносеологическую составляющую, подразумевает совместную процессуальную деятельность судебно-следственных – правоохранительных органов, объединенную единой целевой установкой. При таком видении назначения уголовного процесса; и следователь, и суд решают одни задачи, преследуют одни цели¹.

При внешней идеологической нейтральности и даже претензии на «научную объективность» данная концепция является оправданием процесса определенного типа – следственного процесса. Что является, на наш взгляд, весьма актуальным в настоящее время.

Если общая цель деятельности и доказывания объединяет и следователя, и прокурора, и судью, и сама эта процессуальная деятельность предполагается единой для государства. Процедурное знание, формируемое в ходе досудебного производства и в суде должно быть объективным. Это полагаем надо принять. Однако, с оговоркой, что состязательность является не отрицанием, а одной из гарантий или средств установления объективной истины. Кроме того, постулат о доказывании объективной истины необходимо совместить с признанием, во-первых, разделения власти обвинительной и судебной государства; во-вторых, самостоятельность и независимость судебной власти, и наконец, допущения состязательности и самостоятельности «защиты» в лице деятельности адвоката-защитника.

Далее более подробно остановимся на концепции объективной истины, которая стала в наши дни одним из фронтов идеологической борьбы. Однако, уже сейчас можно сказать, что нападки либералов² на концепцию объективной истины, как идущую против «состязательности», кажутся негодными. В свое

¹ Это ярко видно из содержания статьи 3 УПК РСФСР «Обязанность возбуждения уголовного дела и раскрытия преступления», где в одном ряду субъектов этой обязанности перечислялись следователь и прокурор.

² См.: Александров, А. С. Состязательность и объективная истина //Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3. С. 142–157.

время эта концепция благотворно сказалась на развитии как доктрины, так и в позитивном праве. И в современную эпоху они приобретает новую актуальность.

В свете концепции объективной истины, а также допущения телеологического плюрализма¹, при котором целями уголовного процесса в равной степени признается как привлечение к уголовной ответственности виновного, так и оправдание и реабилитация невиновного, незаконно, необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, получила развитие умеренно-репрессивный тип уголовной политики в позднесоветский период².

Большинство советских авторов вслед за законодателем говорили о конечном результате уголовного процесса, используя категории «задачи» и «цели», толкуя смысл статьи 2 УПК РСФСР³. Следуя позиции законодателя, советские теоретики признавали наличие множественности (или, по крайней мере, дуализм) целей (задач) уголовного судопроизводства (и досудебного производства вместе с ним): он служит не только для того, чтобы государство могло осуществить свою карательную власть, но также и для того, чтобы оградить невиновного от произвольного преследования и несправедливого обвинения.

Добавим к характеристике сложившейся в недрах советской правовой культуры концепции умеренно-репрессивной уголовной политики развитие тем о гарантиях прав личности, установления истины (объективной), возмещения вреда, причиненного преступлением⁴. Все эти темы актуальны и в наши времена, причем,

¹ С учением о телеологическом плюрализме уголовного процесса выступил еще в раннесоветский период А.С. Тагер. С его точки зрения, если одной из целей уголовного процесса является борьба с преступностью, то другие институты уголовного процесса выполняют прямо противоположные цели: защита обвиняемого от необоснованного обвинения, реабилитация необоснованно подвергнутого уголовному преследованию и пр. (См.: Тагер, А. С. О предмете и пределах науки об уголовном суде //Право и жизнь. 1924. Кн. 1. С. 53–55).

² См.: Алексеев, Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. С. 25.

³ См. об этом: Полянский, Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. Москва : Право и жизнь, 1956. С. 52; Томин, В.Т. Понятие цели советского уголовного процесса //Правоведение. 1969. С. 66–67.

⁴ См. напр.: Мотовиловкер, Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Вопросы факта и права. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. С. 51; Алексеев, Н. С., Даев, В. Г., Кокорев, Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж : Изд-во

было бы правильным, как это было и в советский период, чтобы в них лидирующее значение имел прокурор¹.

Важным вопросом для правовой организации как уголовного процесса, так и досудебного производства, включая вовлеченность прокурора в достижение их назначения, является восстановление нарушенных преступлением правоотношений – возмещение преступного вреда. В этой связи в наше время выделяют реститутивный тип уголовного правосудия², в котором компенсация ущерба потерпевшему выходит на первый план среди целей уголовно-процессуальной деятельности. Этот современный подход, связанный с традицией, представляющей экономически-ориентированный взгляд на преступление, получил развитие в советский период³. На наш взгляд, данный аспект является одним из важнейших направлений оптимизации правового регулирования участия прокурора в досудебном производстве и будет более подробно исследован в третьей главе диссертации.

Наконец, отметим еще один аспект, перманентно характеризующий уголовную политику, и имеющий отношение к участию прокурора в досудебном производстве. Речь идет о внедрении достижений научно-технического прогресса. Для советской доктрины характерна была тема об оптимизации, технологизации, целесообразности уголовно-процессуальной деятельности, именно в свете так называемой «меткости уголовной репрессии»⁴.

Воронеж. ун-та, 1980. С. 25; Элькинд, П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. С. 39 и след.

¹ См.: Савицкий, В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. Москва : Наука, 1975. С. 29–30, 186; Он же. А был ли «высший надзор» действительно высшим? // Социалистическая законность. 1991. № 5. С. 26–30.

² См.: Титаев, К., Шклярук М. Указ. соч. С. 44 и след.

³ См.: Савицкий, В. М. Указ. соч. С. 187; Александров, С. А. Правовые гарантии возмещения ущерба в уголовном процессе: учебное пособие. Горький : [б. и.], 1977. С. 14.

⁴ Все годы советского строительства власть пыталась решить проблему эффективности государственного управления и уголовного правосудия, включая ДП, в том числе, через всякие НОТ, технических нововведения (См. об этом, напр.: Можаяева, И. П. Научная организация деятельности следователя: понятие и сущность // Информационная безопасность регионов. 2011. № 1. С.129-134. В этом, на наш взгляд, причина взлета криминалистической науки, в которой видели путь к достижению оптимальной деятельности по выявлению, раскрытию, расследованию преступлений и как результат - правильному применению уголовного закона. Это способствовало повышению значимости досудебного производства (предварительного

Современной российской власти также свойственно искать решение проблемы оптимизации уголовно-процессуальной системы не через классическое учение о правовом государстве и демократии, а через внедрение научно-технических достижений, управленческих технологий (корпоративное управление, маркетинг и пр. изобретения технократов). И, разумеется, цифровизацию, которая стала самым модным направлением в научных исследованиях, посвященных перспективам развития уголовного судопроизводства, прокурорского надзора и институтов уголовно-процессуального права.

Тема цифровизации является модной и в современной уголовно-правовой науке. Разделяем вывод о том, что цифровые технологии сами по себе не могут привести к качественным изменениям уголовного процесса¹ и соответственно той правовой организации, о которой мы говорим. Вместе с тем они могут усилить, обострить крайности того или иного типа этой правовой организации: следственной или обвинительной. То же самое можно сказать и о цифровой технологизации общенадзорной модели прокурорского надзора в досудебном производстве².

Перейдем к характеристике второго типа уголовной политики, субъектом которой нам видится прокурор. Данная модель уголовной политики вызрела уже в позднесоветский период, но окончательно сложилась уже в постсоветское время.

Самым главным отличительным признаком этого типа уголовной политики является то, что антикриминальный правовой механизм рассматривается не как средство искоренения преступности, но как средство контроля над ней³.

следствия) в системе уголовно-процессуальной деятельности. При таком подходе основное значение, само собой, приобретает именно «предварительное расследование», в нем сосредотачивается вся сущность уголовного процесса.

¹ См.: Головкин, Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник Академии экономической безопасности. 2020. № 1. С. 15–25.

² См.: Потапов, Д. В. Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу : диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2019. С. 123.

³ См.: Цепелев, В. Ф. Категория «цель» в уголовной политике: тезисы // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы IV рос.

Существуют различные разновидности этой концепции, все они исходят из понимания преступности как явления «неубиваемого»¹. Поэтому относительно «целевой направленности» уголовной политики распространены такие формулировки: воздействует на преступность²; противодействует (активно) преступности³; в том числе с использованием любых имеющимися в распоряжении государства законных сил и средств⁴; ослабляет преступность⁵, минимизирует рост преступности, снижает уровень преступности⁶, ведет к сокращению преступности⁷; создает предпосылки позитивных тенденций преступности⁸; уменьшает негативное влияние преступности на социальные процессы⁹; обеспечивает правопорядок, безопасность личности и национальную безопасность¹⁰; производит защиту прав и свобод человека и гражданина,

конгресса уголовного права (28-29 мая 2009 г.). МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 2009. С.116–118.

¹ См.: Горшенков, А. Г., Горшенков Г. Г., Горшенков Г. Н. «Уголовная» политика // Организованный терроризм и организованная преступность. Москва : Рос. криминол. ассоц., 2002. С. 273–276; Лопашенко, Н. А. Уголовная политика. Москва : Юрид. центр Пресс, 2009. С. 74; Лунеев, В. В. Контроль над преступностью: надежны ли показатели? // Государство и право. 1995. № 7. С. 89–102; Щедрин, Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности: учебное пособие. Красноярск : Изд Красноярск. гос. ун-та, 1999. С. 23.

² См.: Лопашенко, Н. А. Уголовная политика. Москва : Юрид. центр Пресс, 2009. С. 29.

³ См., напр.: Комиссаров, В. С. Уголовная политика // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. Москва : Статут, 2013; Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел : учебник для слушателей образовательных организаций высшего образования системы МВД России : [в 2 ч.] / [В. В. Гордиенко и др.] ; под ред. Л. И. Беляевой ; Акад. упр. МВД России. Москва : Акад. упр. МВД России, 2014. Ч. 1. С. 18 и след.

⁴ См.: Кузнецов, А. П. Предмет и метод уголовной политики // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1. С. 281; С. 281–282.

⁵ См.: Шестаков, Д. А. От понятия преступности к криминологии закона // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 138–139.

⁶ См.: Бабаев, М. М., Пудовочкин Ю. Е. Указ. соч. С. 109; Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. С. 269.

⁷ См.: Зинченко, И. А., Трапицын А. Ю. Уголовная политика: понятие, проблемы и перспективы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 9. С. 87.

⁸ См.: Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел / Под ред. Л.И. Беляевой. под ред. Л. И. Беляевой ; Акад. упр. МВД России. Москва : Акад. упр. МВД России, 2014. Ч. 1. С. 162.

⁹ См.: Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. ... С. 269, 270.

¹⁰ См.: Кобзева, Е. В. К вопросу о понятии и свойствах российской уголовной политики как сложного социально-правового феномена // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности : сборник научных трудов. Саратов: Сателлит,

общества и государства от преступных посягательств¹; стимулирует правопослушное поведение, ослабляет причины совершения преступлений, предупреждает преступность².

Современные ученые пишут об уголовной политике как средстве управления преступностью³, приведения преступности к желаемому состоянию⁴, практического урегулирования отношений между преступностью и обществом⁵; контроля за преступностью, удержания ее в приемлемых для общества, прежде всего его элиты, пределах⁶.

Основы идеологии этой уголовной политики были заложены еще в классический период развития русской уголовной науки. Прежде всего, она усматривается в концепции уголовного процесса как *способа разрешения уголовно-правового спора* между государством и обвиняемым в связи с предположением о совершении им преступления⁷.

2006. С. 57–64 ; Лесников Г. Ю., Лопашенко Н. А. Уголовная политика // Энциклопедия уголовного права. Санкт–Петербург, 2005. Т. 1. С. 20–21; Лесников, Г. Ю. Уголовная политика как стратегия и тактика борьбы с преступностью // Современные проблемы уголовной политики. Краснодар, 2013. Т. 1. С. 14; Кожевина, М. А. Понятие уголовно-правовой политики в контексте исторического опыта отечественной юридической науки // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2. С. 94.

¹ См., напр.: Звечаровский, И. Э. Современное уголовное право России. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2001. С. 74; Львович, Е. В. Должностное злоупотребление: проблемы криминализации, квалификации и отграничения от правонарушений : монография. Саратов : Саратов. гос. акад. права, 2005. С. 24.

² См.: Шестаков, Д. А. От понятия преступности к криминологии закона // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 138–139.

³ См.: Епифанова, Е. В. Концепция современной уголовно-правовой политики России как средство управления процессом противодействия преступности // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2009. № 2 (6). Серия: Право. С. 72–76.

⁴ См.: Александров, А. И. Государственная политика в сфере уголовного судопроизводства: состояние, проблемы, решения // Российский следователь. 2008. № 15. С. 7; Пастухов, П. С. Теоретическая модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества : монография. Москва : Юрлитинформ, 2014. С. 241.

⁵ См.: Бабаев, М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. Москва : Проспект, 2014. С. 9.

⁶ См.: Уголовный процесс России : учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Науч. ред. В.Т. Томин. Москва : Юрайт, 2003. С. 7–10.

⁷ Как уже отмечалось ранее, эту концепцию поддерживала большая группа русских ученых, придерживавшихся либеральных взглядов, включая А.М. Кулишера, П.И. Люблинского, Н.Н. Розина, Г.С. Фельдштейна и других.

Таким образом, классическая – умеренно карательная, материальная доктрина уголовной политики существенно видоизменяется через представление о (само)ограничении государства – правом или процедурой¹, в рамках которой судом решается вопрос о применении уголовного закона к виновнику преступления. В такой доктрине есть уже предпосылка для разделения досудебного производства, как деятельности правоохранительных органов (исполнительной – следственной и обвинительной властей), и судопроизводства, как деятельности органов правосудия – судебной власти, равно как и задач, целей, решаемых в ходе той и другой деятельности.

На наш взгляд, именно в воззрениях представителей данной позиции содержатся предпосылки для правильного понимания современной уголовной политики, а также назначения уголовного процесса, института предварительного расследования, прокурорского надзора.

Главная уголовно-политическая перемена состоит в постулате о том, что не следует отождествлять уголовную политику с политикой борьбы с преступностью². Признается неизбежное присутствие преступности в современном обществе, неравном и потому содержащим предпосылки для ее существования. Через уголовную политику преступность может быть в определенной мере подчинена контролю, подвергнута социальному воздействию,

См., напр.: Кулишер, А. Защита субъективных публичных прав посредством иска. Москва : тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1913. С. 91; Люблинский, П.И. Новая теория уголовного процесса //Журнал министерства юстиции. 1916. № 1. С. 36; Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям Н. Н. Розина. - 2-е изд., измененное и доп. Санкт-Петербург : издание Юридического книжного склада "Право", 1914. С. 13; Фельдштейн, Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. Москва : Типо-лит. В. Рихтер, 1915. С. 1–4.

¹ В самом уголовном процессе в первую очередь усматривается система гарантий прав личности или система сдержек и ограничений различных ветвей власти государства, представленных в уголовно-процессуальной сфере.

См., напр.: Михайловский, И.В. Основные принципы организации уголовного суда. Томск : паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1905. С. 93; Люблинский, П.И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия. Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1906. С. 231.

² См.: Коробеев, А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. С. 45–46; Российское уголовное право: курс лекций / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. Т. 1. Преступление. С. 54–55.

минимизирована¹. Уголовная политика проводится для максимально эффективного обеспечения правопорядка и противодействия преступности².

Понятно, что досудебное производство, входя в уголовно-процессуальный механизм правоприменения, который проводит такого рода уголовную политику, не может не быть ориентировано на достижение указанных выше целей. Главным образом это проявляется в том, что целью досудебного производства не может считаться раскрытие каждого совершенного преступления, изобличение обвиняемого во всех совершенных им преступлениях и пр. Досудебное производство имеет своим назначением (в системе с уголовно-процессуальными институтами) сдерживание преступности, минимизацию ее негативных последствий. Оно должно быть ориентировано на обеспечение применения уголовного закона к наиболее опасным преступникам.

Если целью уголовной политики является сдерживание, минимизация, контроль преступности, то назначение уголовного процесса надо трактовать как правильное, то есть в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, применение судом, но также и в некоторых случаях прокурором – мер уголовно-правового воздействия к установленным случаям нарушения Уголовного кодекса³.

Разделяем мнение о том, что уголовное судопроизводство обеспечивает проведение уголовной политики, и в УПК РФ, равно как и в практике его применения, проявляется уголовная политика. Механизм уголовного судопроизводства представляет собой устройство, предназначенное для

¹ См.: Лунеев, В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Москва : Изд-во НОРМА, 1997. С. XV.

² См., напр.: Бабаев, М. М., Пудовочкин Ю. Е. Указ. соч. С. 9; Зинченко, И. А., Трапицын А. Ю. Уголовная политика: понятие, проблемы и перспективы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2011. № 9. С. 87; Рарог, А. И. Репрессивный крен Российской уголовной политики. С. 89.

³ См.: Александров, А. С., Александрова И. А., Круглов, И. В. Назначение уголовного судопроизводства и наказания. Нижний Новгород : Нижегородская правовая академия], 2006. С. 109–112.

обеспечения правовой определенности, баланса сил, гармонизации частного и публичного интересов¹.

Противодействие преступности происходит в форме уголовного судопроизводства, и через следственную форму досудебного производства, разумеется, также. Правовая организация досудебного уголовного преследования должно рассматриваться в качестве приоритетного элемента уголовной политики. Правовая организация досудебного производства, со встроенными в него институтами обвинения и доказывания, имеет решающее значение для формирования типа уголовной политики.

Справедливая уголовно-процессуальная форма уголовного судопроизводства легализует и легитимизирует применение норм уголовного законодательства и уголовную политику в целом². Механизм уголовного судопроизводства должен иметь такую правовую организацию досудебного производства, которая не ставила бы под сомнение самостоятельность и объективность судебного процесса и правосудность решения о применении уголовного закона.

Не случайно А.Э. Жалинский приходит к выводу, что разделение властей и задач ветвей власти государства определяет разные подходы к политике, что особенно наглядно проявляется в состязательном уголовном процессе³. Через судопроизводство реализуется уголовная политика правового государства, в которой сбалансирована защита как публичных, так и частных интересов на основе верховенства закона. Отсюда вытекает тезис о решающем значении уголовно-процессуальной составляющей в уголовной политике.

¹ См.: Александрова, И. А. Указ. соч. С. 521–530.

² См.: Круглов, И. В. Уголовный иск и механизм его доказывания. С. 41.

³ См.: Жалинский, А. Э. Уголовная политология и уголовная политика: необходимость нового подхода // Уголовная политика и право в эпоху перемен: материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора П.С. Дагеля. Владивосток : Владивостокский университет. 2010.

Важно отметить идею компромисса, соглашения, которая характеризует уголовную политику противодействия преступности¹, прежде всего в сфере экономики. Так, отмечается, что современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности не исключает экономическую преступность, как абсолютное зло, а встраивает ее в капиталистическую систему производства и извлечения прибыли, допускает ее существование для повышения эффективности некоторых секторов российской экономики².

На наш взгляд, актуальным является подход, при котором в устройство уголовного судопроизводства закладывается правовая возможность осуществлять защиту интересов общества и его граждан возможно большим числом различных правовых способов и средств³.

В заключение по главному вопросу, ставшему предметом анализа в настоящем параграфе, можно сказать следующее. Убеждены в том, что для того, чтобы определиться, чьи притязания на руководящее место в организации противодействия преступности более весомы, надо «проанализировать» юрисдикцию (компетенцию) каждого из «кандидатов» по двум ключевым параметрам: во-первых, это доступ к обвинению, во-вторых, это права по доказыванию обвинения и вообще – полномочия на уголовно-процессуальное доказывание.

¹ Х.Д. Аликперов одним из первых постулировал принципиальную неспособность демократии подавить преступность и как следствие – необходимость использования института компромисса в борьбе с преступностью. Он объявил о несостоятельности ставшего аксиомой в теории и практике требования «бескомпромиссной борьбы с преступностью», о необходимости существенного пересмотра традиционного содержания принципа неотвратимости ответственности, как одной из нереальных и невыполнимых целей уголовно-правовой политики.

См.: Аликперов, Х. Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью: автореферат диссертации ... доктора юридических наук. Москва, 1992. С. 3–4; Он же. Социальная обусловленность компромисса в концепции уголовной политики // Советское государство и право. 1991. № 12. С. 79–86.

² См.: Александрова, И.А. Указ. соч. С. 140-162.

³ См.: Шерстнев, В. Б. О правовой модели разрешения уголовно-правовых споров в современном государстве // Материалы всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: теория, проблемы применения» (28 февраля 2019 г.). Пермь, 2019. С. 137–142.

Вопрос о власти – это главный политико-правовой вопрос, главный вопрос уголовно-процессуально-правовой организации оказания уголовно-правового воздействия на преступность. У кого власть на предъявление обвинения и запуск механизма уголовной юстиции, у того власть на противодействие преступности. Наш ответ на данный вопрос состоит в том, что этим властно-уполномоченным субъектом должен быть прокурор.

На настоящий момент можно констатировать своего рода двоевластие с правовой организации применения мер уголовно-правового воздействия. Концептуально это воплотилось в концептах «прокурорско-следственной власти»¹, «следственном изоморфизме»², когда правовые стандарты деятельности и правосознание участников уголовно-процессуальной деятельности выстраиваются по следственному стандарту - это реальность современного российского уголовного процесса.

Между тем, логика и здравый смысл, которым вполне отвечала ранее существовавшая в отечественном уголовном процессе модель прокурорского надзора³, подсказывают, что у обвинения и обвинительных доказательств должен быть один процессуальный хозяин – тот, кто управляет судьбой обвинения. Это тот, кто перед судом выступает тем представителем государства, который утверждает, что обвиняемый совершил преступление, берет на себя бремя доказывания этого утверждения и добивается в установленном законом порядке привлечения к уголовной ответственности виновного.

В настоящее время, на наш взгляд, существует институциональный разрыв, порожденный ошибочными представлениями о том, что правовая система противодействия преступности должна быть построена на институте следствия, и тем, как это должно быть в правовом государстве.

В правовом государстве, с присущим ему разделением властей, должны быть разделены обвинительная и судебная власти. Органы обвинительной власти

¹ См.: Шейфер, С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2013. С. 22 и след.

² См. об этом: Титаев, К., Шклярчук, М. Указ. соч. С. 23.

³ И, добавим, в большинстве развитых уголовно-процессуальных порядках мира.

осуществляют функцию обвинения, судебная власть разрешает уголовное дело по тому обвинению, которое было выдвинуто обвинительной властью. Функция «предварительного расследования», органы предварительного расследования (следствия), осуществляющие ее, вообще все, что можно отнести к институту «следственной власти», не имеет самостоятельного институционального (процессуального) значения для процессуально-правовой организации того, что связано с привлечением к уголовной ответственности преступника.

Не только по нашему мнению, но и по мнению других ученых, прокурор должен быть признан ведущим субъектом уголовной политики. Ведущим субъектом уголовной политики является обвинительная власть государства – в лице прокуратуры, криминальной полиции, а также других правоохранительных органов. Прокуратура служит основной активной, движущей силой механизма уголовного обвинения¹. Вполне соглашаясь с этим тезисом, по существу, не можем разделить выводов и предложений, идущих против сложившейся уголовно-процессуальной модели и призывающих к слому следственного порядка досудебного производства, отказу от самого института предварительного следствия. Исходим из тезиса о системном значении этого института и намерены в дальнейшем развивать тезис о руководящем положении прокурора в досудебном производстве уголовного процесса в неоконсервативном направлении, то есть признавая неизменность следственной уголовно-процессуально-правовой организации применения средств уголовно-правового воздействия на преступность.

Выводы по параграфу.

В наступившую эпоху неоконсервативный подход к пониманию уголовно-процессуально-правовых явлений является наиболее актуальным. Новая уголовная политика не может не выражать общий неоконсервативный тип политики государства. В уголовной политике неизбежен отход от либерального

¹ См.: Александрова, И. А. Теоретическая концепция уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. №1 (33). С. 75–86.

курса к неоконсервативному, что сопряжено с возрождением отвергнутых и «забытых» в период либеральных реформ преобразований ценностей и институтов, в которых они воплощены.

Ведущим трендом современной уголовной политики противодействия преступности должна быть консервация следственного уголовно-процессуального строя. В русле этой политики возможна оптимизация следственной формы образования и реализации средств уголовно-правового воздействия, но не отказ от нее. Возможен возврат к тем моделям, которые в свое время показали свою эффективность, в том числе может иметь место восстановление прежней модели прокурорского надзора в досудебных стадиях уголовного процесса, который имел место в период расцвета российской империи.

Вместе с тем восстановления советской модели уголовно-процессуально-правовой организации проведения уголовной политики, реализации средств уголовно-правового воздействия, отказа от достижений постсоветского уголовно-процессуального строительства не может быть.

Для того, чтобы уголовной политике не утратить свойство правовой, должны оставаться неизблемыми следующие постулаты: (а) в уголовно-процессуальной системе должно отражаться разделение обвинительной и судебной властей и (б) признание процессуального детерминизма как ведущей черты уголовной политики и государственно-правовой организации, через которую она проводится. Это воплощена в авторском концепте «уголовно-право-процессуальная организация противодействия преступности».

Следует персонифицировать субъекта уголовной политики. Не государство вообще, а конкретный государственный орган должен быть обозначен в качестве субъекта уголовной политики. Это важно, прежде всего, в плане определения эффективности этой политики, но еще более важно для выстраивания оптимального правового статуса субъекта уголовной политики во всех уголовно-процессуальных институтах. Последовательная, цельная концепция о руководящем органе, ответственном за состояние противодействия преступности,

должна пронизывать всю правовую организацию осуществления мер уголовно-правового воздействия на преступность.

Генеральный прокурор России должен быть уполномочен на разработку курса уголовной политики, обеспечивать ее практическое воплощение в деятельности органов предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности и отвечать за результаты ее реализации, воплощенные в состоянии законности.

Прокуратура занимает центральное место в государственно-правовой организации противодействия преступности. Прокуратура – это уполномоченный Российской Федерацией орган, входящая в систему правового статуса Президента РФ как главы государства, которая обязана осуществлять противодействие преступности непосредственно, а также посредством руководства всеми правоохранительными органами, уполномоченными на выявление, расследование, раскрытие преступлений и изобличение, обвинение лиц, обвиняемых в преступлениях.

1.4 Прокурор как субъект обвинения и доказывания в российском досудебном производстве

В настоящем параграфе будет проведен анализ досудебного производства в российском уголовном процессе, как правового поля уголовно-процессуальной деятельности прокурора, на котором он выступает в роли обвинителя и субъекта доказывания. Вместе с тем продолжим развитие наших базовых представлений относительно обвинения и доказывания. Тем самым получит раскрытие главная тема о правовой организации противодействия преступности, которая, согласно нашей доктринальной позиции, должна строиться на руководящей роли прокурора.

Кроме того, внесем дополнительную ясность в вопросе о назначении досудебного производства, в продолжении уже сказанного об этом в предыдущем

параграфе, где выявили основные характерные черты российской модели досудебного производства по уголовным делам.

Изначально констатируем, что досудебное производство как структурный, системный элемент российской модели уголовно-процессуально-правовой системы, воплощает и должно далее воплощать в себе одну из базовых идеологем правовой организации противодействия преступности в нашей стране.

Если конкретнее, то эта установка на следственную модель включает в себя следующие императивы:

– исторический российский опыт правового противодействия преступности: в нем воплощена следственная традиция, от которой нельзя отказываться без изменения этой «основы основ» правовой организации противодействия преступности;

– воплощение в уголовно-процессуально-правовой организации системы сдержек и противовесов исполнительной и судебной властей в виде разделения обвинения и суда имеет место быть: это уже объективная правовая данность, которую нельзя отвергнуть;

– включение в модель обвинения следственного начала как императив, задаваемый всей следственной моделью уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности;

– следственная модель формирования процедурного знания для достижения меткости и обоснованности, но также и справедливости, уголовно-правового воздействия.

Будем иметь в виду эти идеи как основу для выстраивания своих теоретико-правовых конструкций относительно участия прокурора в досудебном производстве. Впрочем, нельзя игнорировать и возможность реформы досудебного производства¹ и соответственно – совершенно нового правового положения и участия прокурора в досудебной деятельности правоохранительных

¹ См.: Гаврилов, Б. Я., Божьев В. П. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). 74–81.

органов по доказыванию и выдвижению обвинения. Об этом будет сказано в заключительной части настоящего параграфа.

Обозначим исходные (методологические) проблемы, подлежащие, в связи с этим, обсуждению. Первая проблема связана с переналадкой отношений между субъектами публичного уголовного преследования и доказывания обвинения в досудебном производстве, центральным из которых является отношение между прокурором и следователем/органом предварительного следствия. При этом вопрос о смене формы, правовой организации досудебного производства, а вместе с ним и порядка выдвижения обвинения, доказывания не ставится.

Вторая проблема вытекает из системности уголовно-процессуальной деятельности и состоит в вопросе об уместности досудебного производства в составе процесса=судопроизводства и, соответственно, возможности выведения досудебного производства за рамки «настоящего» – судебного уголовного процесса или, как говорят некоторые – «депроцессуализации» досудебного производства, ликвидации досудебных стадий как структурных элементов процесса (доказывания и выдвижения обвинения)¹.

На наш взгляд, в этих проблемах заключает суть самого острого идеологического противоречия, которое имеет место в нашей науке². Так, вопросе о системном значении досудебного производства для отечественного уголовного процесса заложен тот предел уступчивости, который нельзя перейти, не изменив

¹ К этому призывают некоторые современные ученые. При этом чаще всего объектом нападков служит стадии возбуждения уголовного дела, которую предлагают ликвидировать в первую очередь.

См.: Боруленков, Ю.П. Призывы к ликвидации предварительного следствия не основаны на современных российских реалиях // Уголовное судопроизводство. 2016. № 1. С. 16–21; Головкин, Л.В. Реформирование следственных органов в России // Вестник московского университета. Сер. 11. Право. 2013. № 3. С. 43–55; Миллер, В.Ю. Оптимизация правовой организации стадии возбуждения уголовного дела: доктрина, практика, техника: диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2020. С. 9–12 и др.

² См.: Гаврилов, Б.Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. 18–25.

своей национальной правовой традиции, отказавшись от своей истории, культуры¹.

Очевидно, что, не выяснив суть и значение предварительного расследования в уголовном процессе, не раскрыв суть обвинения и специфику уголовно-процессуального доказывания в досудебных стадиях², невозможно понять, как устроен в целом механизм правоприменения, и каковы пределы его переналадки – оптимизации применительно к параметрам правового государства, с одной стороны, а с другой – с учетом смена курса политики и подъема неоконсервативной идеологии. Только в контексте обсуждения всех этих проблем и вопросов вполне выявится роль прокурора в досудебном производстве и пути ее оптимизации.

Обратимся к нормативно-правовому определению понятия досудебного производства. Из законодательной дефиниции этого понятия, которая отражает реальное положение вещей в современном уголовном судопроизводстве, досудебное производство, охватывающее в соответствии с пунктом 9 статьи 5 УПК РФ период с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу, является частью уголовного судопроизводства. Это процессуальное явление – часть судопроизводства или, по крайней мере, не уступающее ему в правовой значимости.

Исходя из того, что досудебное производство есть «часть общего» - уголовного судопроизводства, логично думать, что назначение уголовного судопроизводства предопределяет и назначение досудебного производство, то есть задачи досудебных стадий, составляющих часть уголовного

¹ Примечательно в этом плане мнение опрошенных нами сотрудников прокуратуры и органов предварительного расследования.

См.: Приложение № 1, ответы на вопросы №№ 6, 12, 34; Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 5, 9, 18; Приложение № 3, ответы на вопрос №№ 5, 20, 22.

² Досудебное производство, как будет показано далее – это первый, а в следственной модели уголовного судопроизводства и главный этап познания – формирования «процедурного знания», если угодно – установления объективной истины. В той мере, в какой оно определяет формулу обвинения, оно определяет и предмет пределы судебного расследование и, а в значительной мере – и самый его результат.

судопроизводства, определяются общим назначением уголовного судопроизводства¹.

В досудебном производстве создаются предпосылки для уголовно-процессуальной деятельности на последующих судебных стадиях уголовного судопроизводства², и эти «предпосылки» создаются органами предварительного расследования, ведущими дело в досудебных стадиях. Получается, уголовно-процессуальная деятельность в судебных стадиях, то есть правосудие, невозможна без этой предварительной деятельности следователя, других органов предварительного расследования³.

Такое предназначение досудебного производства, очевидно, общая закономерность для следственного (смешанного) типа процесса и соответственно всей следственной уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности. Сущность досудебного производства может быть понята в системе уголовного процесса определенного типа. В отечественном уголовном судопроизводстве досудебное производство играет системообразующее значение и является его конструктивной основой⁴.

Неизменным остается следственное досудебное производство по уголовному делу, в котором господствует следственная власть, которой позволено обвинять и доказывать. Этим предопределяется и самый тип уголовного судопроизводства⁵. Не соглашаясь с заявлением в части негативной оценки

¹ См.: Химичева, Г. П. Досудебное производство по уголовным делам (Концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности): диссертация ... доктора юридических наук: Москва, 2003. С. 23; Малышева, О. А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: проблемы реализации и правового регулирования: диссертация ... доктора юридических наук. Москва, 2013. С. 11–13; Власова, Н. А. Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе: диссертация ... доктора юридических наук. Москва, 2001. С. 8–12, 345–367.

² См.: Химичева, Г. П. Указ. соч. С. 98–101.

³ Остается осмыслить какое значение в ней имеет прокурорский надзор, уголовно-процессуальная деятельность прокурора.

⁴ См.: Гаврилов, Б. Я. Совершенствование досудебного производства в свете реализации основных положений УПК РФ // Уголовный процесс. 2005. № 1. С. 20–25.

⁵ См.: Александров, А. С. Вечно вчерашние: уголовно-процессуальный кодекс РФ, его писатели и читатели. // 20 лет действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы: тезисы докладов и сообщений международной научно-

существующей правовой организации досудебного производства и ее взаимосвязи со всей российской правовой системой, надо признать то, что суть подмечена верно: следственное досудебное производство «порождает» судебное, предоставляет ему предмет деятельности в виде обвинения и собранных доказательств. Тот, кто управляет досудебным производством, кто осуществляет доказывание и выдвижение обвинения, управляет и уголовным процессом в целом.

Правовые реалии, на которых строятся наши теоретические построения, таковы, что именно в следственной форме, в ходе досудебного производства:

- происходит выдвижение обвинения;
- устанавливаются основания для освобождения от уголовной ответственности;
- имеет место предварительный этап доказывания основания для привлечения к уголовной ответственности;
- в рамках досудебного производства – предварительного расследования происходит формирование уголовно-процессуальных доказательств. Не только обвинительных, но и оправдательных.

Из всего этого складывается «следственный образ» того субъекта, который ведет производство по уголовному делу в досудебных стадиях. Тот субъект, в чьем производстве находится уголовное дело, тот и направляет его ход и обладает полномочиями как обвинять, так и доказывать. В виду следственной организации досудебного производства им не может не быть орган предварительного расследования. Это данность, вытекающая из действующего законодательства и господствующей правовой доктрины. Однако он оставляет место для обсуждения вопроса о том, какое место в досудебном производстве может занимать другой полномочный субъект обвинения и доказывания – прокурор: тот, кто поддерживает обвинение и доказывает его в суде.

Полагаем ни у кого не вызовет возражений утверждение о том, что досудебное производство существует не для себя самого, оно часть целого – некоей системы (не обязательно это полностью уголовно-процессуальная система в современном ее понимании). Исходя из этого, определимся еще с рядом моментов, имеющих важное значение для понимания сущности и с назначения современного досудебного производства.

Если брать досудебное производство как часть процесса, то, как часть целого, оно не может не иметь если не те же цели, задачи, что уголовный процесс в целом, то, во всяком случае, оно должно обеспечивать их достижение (решение).

Развивая наши представления о назначении досудебного производства, нельзя не затронуть принципиального вопроса о его связи с применением норм уголовного права. Правомерно ли утверждать, что досудебное производство выступает элементом современного уголовно-процессуального механизма правоприменения – реализации мер уголовно-правового воздействия? Классическая уголовно-процессуальная теория дает положительный ответ на этот вопрос. С разными оговорками о том, что реализация уголовной ответственности завершается в суде, что только суд через обвинительный приговор завершает процесс правоприменения и реализации уголовной ответственности.

В свете таких представлений мнение о том, что уголовный процесс является необходимой, единственно возможной формой реализации норм уголовного права, привлечения к уголовной ответственности, получает вполне закономерно следующий вид: в досудебных стадиях происходит (а) реализация уголовной ответственности¹, (б) применение уголовно-правовых норм² – по крайней мере,

¹ См.: Строгович, М. С. Привлечение к уголовной ответственности. Москва : Юрид. изд-во, 1942. С. 25; Карнеева, Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. Москва : ВСШ, 1971. С. 18.

² См.: Советский уголовный процесс / под ред. Бажанова С.П. и Грошевого Ю.М. Киев, 1978. С. 56–57; Тарасов-Родионов, П.И. Предварительное следствие. Москва : Юрид. изд-во, 1948 С. 12.

частично¹. Тогда будет вполне логично утверждать и то, что досудебное производство, порожаемое фактом совершения преступления, представляет собой деятельность государственного правоприменителя по реализации уголовной ответственности и применению к преступнику нормы уголовного закона. Уголовный процесс, имеющий в своем составе досудебное производство, есть форма, содержащая «материальное уголовное право»; материальное уголовно-правовое отношение первично, на нем выстраиваются уголовно-процессуальные процессуальные отношения, являясь способом существования материально-правового отношения².

Вывод о том, что в досудебном производстве задействован механизм уголовного правоприменения, вытекает из классического учения о моменте совершения преступления. Как уже отмечалось нами в первом параграфе, что уголовно-правовое отношение возникает с момента совершения преступником преступления; сам факт совершения преступления есть основание уголовной ответственности, которая реализуется в ходе уголовного процесса.

В своих научных построениях ученые исходят из того, что досудебное производство – предварительное расследование («следствие») является уголовно-процессуальной формой, такой формой, которая является общей для всего процесса. Из утверждения об универсализме формы вытекает положение о том, что досудебное производство формально и включено в общую уголовно-

¹ Но в случае разрешения уголовно-правового спора до суда, при прекращении уголовного дела в стадии предварительного расследования по нереабилитирующему основанию происходит применение норм уголовного права и происходит уголовно-правовое воздействия в окончательном виде.

² Такие выводы вытекают из построений отечественной уголовно-процессуальной школы.

См.: Добровольская, Т. Н., Элькинд, П. С. Уголовно-процессуальные формы и производства. С. 229–240; Григорьев, В. Н. Предварительное расследование (понятие, задачи и формы) : лекция. Москва : Эксмо, 1998. С. 3–4; Гриненко, А. К. Конституционные основы досудебного уголовного процесса в Российской Федерации. Москва : Компания Спутник+, 2000. С. 7–11; Ахмадуллин, Р. И. Всесторонность, полнота и объективность в досудебных стадиях российского уголовного процесса. Москва, 2006. С. 8 и след.; Барабаш, А. С. Отечественный уголовный процесс в свете национального менталитета. Москва : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2022. С. 4–8, 16 и др.; Баранов, А. М., Наумов, К. А. Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России. Москва : Юрлитинформ, 2022. С. 4–7, 10, 22 и др.

процессуальную форму – систему (структуру). Значит, уголовное судопроизводство и входящее в него досудебное производство, выступает формой применения (реализации) уголовно-правовых норм (уголовного закона).

Разумеется, это происходит не в окончательном виде, но поскольку судопроизводство не может начаться с момента совершения преступления, постольку предшествующее ему предварительное следствие и стадия возбуждения уголовного дела содержат начальный этап этого правоприменения – реализации уголовной ответственности.

С учетом ранее проведенных рассуждений о природе уголовно-процессуальной формы, можно сказать, что досудебное производство прямо не предназначено для применения уголовного закона к лицу, виновному в совершении преступления. Но может быть формой альтернативного исхода деятельности по осуществлению уголовно-правового воздействия в связи с совершением преступления. В рамках досудебного производства может только ставиться вопрос перед судом о применении уголовного закона к лицу его нарушившему или отказ от выдвижения обвинения и судебного уголовного преследования. Поскольку вопрос о переводе процесса из досудебного производства в судебное играет решающее значение для правоприменения, постольку тот участник процесса, который этот вопрос решает, приобретает особо важное значение. Этот участник играет исключительную роль в переводе уголовного дела из досудебного производства в судебное.

Значимость, особое положение прокурора в процессе заключается в том, что именно обладает исключительными полномочиями относительно перехода уголовного дела в суд. Прокурор направляет в суд уголовное дело и одновременно берет на себя обязанность по поддержанию обвинения и доказыванию. Если роль органа предварительного расследования ограничивается пределами досудебного производства, то процессуальная роль прокурора имеет междустадийный характер. Этот момент, на наш взгляд, играет определяющее значение для понимания положения прокурора в досудебном производстве по отношению и к обвинению и доказыванию его.

Утверждение о внутреннем единстве, которым должно быть проникнуты нормы уголовного права и нормы уголовно-процессуального права, не утрачивает актуальности. Оно было и остается в основе «материалистического» понимания того, как устроен и действует уголовный процесс. Оно лежит в основе модели уголовно-правового регулирования общественных отношений (охраны общественных отношений) средствами антикриминального законодательства. На наш взгляд, такой подход предопределяет правовое – уголовно-процессуальное значение досудебного производства – как формы с материально-правовым содержанием.

Итак, если говорить об уголовно-процессуальной форме досудебного производства как внешней форме по отношению к деятельности по применению норм уголовного законодательства, то мы допускаем только ограниченную возможность использования досудебного производства для разрешения бесспорного уголовного дела. Досудебное производство может быть формой отказа государства, обвинительной публичной власти, от применения уголовно-правовых норм в виде назначения наказания. В стадии предварительного расследования может состояться и замена привлечения к уголовной ответственности на альтернативный вид правовой ответственности. Но оставление подобного решения исключительно в полномочиях органа предварительного расследования является не вполне последовательным. Наиболее правильным было бы сосредоточение таких полномочий у того, кто распоряжается обвинением и обвинительными доказательствами. Впрочем, укладывается в эту схему и предложение о передаче полномочий на разрешение уголовного дела в досудебном производстве как прокурору, так и судебному органу¹.

¹ Предложения такого рода неоднократно обсуждались в уголовно-процессуальной науке, в том числе в контексте обсуждения вопроса о введении в досудебное производство нового участника – следственного судьи.

См., напр.: Шерстнев, В.Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации: диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород: НА МВД РФ, 2021. С. 18–21.

Разделение власти обвинительной и судебной является принципиальным условием современной правовой организации досудебного производства. Это положение служит дополнением к первым двум, а именно: о том, что досудебное производство является (1) неотъемлемой частью уголовно-процессуальной системы, важнейшей деталью уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности, (2) следственным, то есть следователь (орган предварительного расследования) обладает властью по распоряжению обвинением, выдвижением обвинения, отказом от обвинения, формированием уголовно-процессуальных доказательств, которыми подтверждается обвинение.

По-другому говоря, разделение уголовно-судебных функций в уголовном судопроизводстве и потребность в специальном государственном органе, полномочном на реализацию публичного уголовного преследования, закономерно делает прокуратуру органом обвинительной власти¹. В принципе органы следствия, а шире – органы предварительного расследования и органы прокуратуры, должны быть отнесены к единой следственно-обвинительной власти, которая проводит досудебное производство в различных следственных формах (следствия, дознания и пр.).

Подводя предварительный итог сказанному о правовой организации досудебного производства, как важнейшего элемента правовой системы противодействия преступности, надо сделать акцент на ведущем субъекте досудебного производства, в процессуальных полномочиях которого находится выдвижение обвинения и его обоснование.

Как справедливо отмечает Ю.В. Деришев, ключевое значение для обсуждения организации предварительного следствия имеют вопросы взаимоотношения следователя, его ведомственного процессуального руководителя и прокурора¹. С этим согласны и многие другие авторы². В этом

¹ См.: Муравьев, Н. В. Указ. соч. С. 4–5, 26.

можно сказать состоит центральный вопрос о реорганизации существующей следственной формы досудебного производства.

Этим потенциальным руководителем предварительного расследования может быть или прокурор, или следователь/орган предварительного следствия. Может установиться некое равновесное положение, баланс между ними, который всегда имеет тенденцию нарушению одним конкурентов за власть над следствием – неправовым путем.

Верно то, что досудебное производство надо рассматривать как единство уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуальных правоотношений субъектов, ведущих это производство³. Это означает двуединство анализа (а) уголовно-процессуальной и иной правовой деятельности субъектов досудебного производства и (б) отношений этих субъектов. Под субъектами, ведущими досудебное производство, мы, как это и принято в традициях отечественной уголовно-процессуальной доктрины, понимаем участников процесса, в чьем производстве находится уголовное дело, кто ведет «уголовное дело».

В русской классической уголовно-процессуальной литературе, наряду со следственной характеристикой и признанием судебного следователя ведущим

¹ См.: Деришев, Ю. В. О современной отечественной уголовно-процессуальной науке в общем и организации следственного аппарата, в частности // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2019. № 31. С. 88.

² См., напр.: Багмет, А. М. Об устранении двоевластия в уголовном преследовании // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 57–60; Быков, В. М. Правовое положение прокурора на предварительном следствии // Следователь. 2008. № 6. С. 33–37; Гаврилов, Б. Я. Перераспределение процессуальных и надзорных полномочий между прокурорами и руководителями следственного органа: объективная необходимость или волюнтаризм в праве // Вестник МВД России. 2010. № 1. С. 81–88; Колоколов, Н. А. Великое противостояние: следователь vs прокурор // Библиотека криминалиста. 2014. № 5 (16). С. 9–29; Поздняков, М. Л. Каким не стать Следственному комитету к 2017 г. // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 20–24; Цветков, Ю. А. Кризис социально-правовой идентичности следователя и прокурора // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 14–20; Смирнов, А. В. Современные проблемы следственной власти в России // Уголовный процесс. 2009. № 12. С. 41–48; Тушев, А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации : система функций и полномочий: диссертация ... доктора юридических наук. Краснодар, 2006. С. 15, 17, 127–129.

³ См.: Химичева, Г. П. Досудебное производство по уголовным делам (Концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности) : монография. Москва: Экзамен, 2003. С. 23.

предварительное расследование, за прокурором признавалась роль главы стороны обвинения. Отношения между прокурором и судебным следователем строились как между представителями судебной и обвинительной властей¹. Что же касается полиции, проводившей дознание, то в отношении нее прокурор осуществлял непререкаемые руководящие полномочия².

Советское досудебное производство, изначально имевшее сугубо следственную модель без примеси судебной, строилось вокруг руководящей роли прокурора, который осуществлял высший надзор за законностью, в том числе и при досудебном производстве по уголовному делу.

Прокурор выступал главным гарантом законности деятельности органа следствия по раскрытию и расследованию преступления³. Осуществление прокурором надзора за следствием подразумевало возможность оперативного вмешательства прокурора в решение любого вопроса, возникающего в ходе предварительного следствия.

Советский прокурор как воплощение социалистической законности управлял системой органов предварительного расследования, и непосредственно сам мог вести следствие, предъявлять обвинение, участвовать в доказывании. По оценкам ведущих советских теоретиков, надзор за следствием и руководство следствием – это явления одного порядка⁴.

¹ См.: Фойницкий, И. Я. Указ. соч. С. 67, 69; Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий / под ред. проф. М. Н. Гернета. Москва : М. М. Зив, 1915. Выпуск 4 (ст. 595–764). С. 876–880.

² См.: Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий / под ред. проф. М. Н. Гернета. Москва : М. М. Зив, 1915. Выпуск 4. (ст. 595–764). С. 641–642, 873–886.

³ См.: Вышинский, А. Я. Вопросы теории государства и права. 2-е изд. Москва : Гос. изд-во юрид. лит., 1949. С. 126; Шифман, М. Л. Прокурор в уголовном процессе (стадия судебного разбирательства). Москва : Юрид. изд-во, 1948. С. 23–26; Тадевосян, В. С. Прокурорский надзор в СССР. Москва : Госюриздат, 1956. С. 163, 177; Лебединский, В. Г., Каленов Ю. А. Прокурорский надзор в СССР. Москва : Госюриздат, 1957. С. 119; Савицкий, В. М. Прокурорский надзор за соблюдением законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия / Под ред. чл.-кор. АН СССР М.С. Строговича и государственного советника юстиции 3-го класса Г.Н. Александрова; Прокуратура СССР. Метод. совет. Акад. наук СССР. Ин-т права им. А.Я. Вышинского. Москва : Госюриздат, 1959. С. 103–105.

⁴ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А.М. Рекунова и А.К. Орлова. Москва : Юрид. лит., 1985. С. 67; Ларин А.М. Прокурорский надзор и руководство расследованием // Социалистическая законность. 1978. № 10. С. 56–57; Курс

Согласно господствовавшей тогда правовой доктрине:

- прокурор, осуществляя надзор, вместе с тем руководит органами предварительного расследования, включая следователя¹;
- прокурор является руководителем уголовного преследования на стадии предварительного расследования².

В уголовно-процессуальной теории господствовало мнение о том, что надзор за исполнением законов органами публичного уголовного преследования во время досудебного производства по делу является для прокурора формой процессуального руководства органами предварительного следствия, опосредованным способом осуществления уголовного преследования³. Прокурор «не может ограничиться позицией стороннего наблюдателя за деятельностью органов предварительного следствия, он должен сам систематически, конкретно и оперативно руководить этой деятельностью, направлять и координировать ее»⁴.

Советская концепция прокурорского надзора была концепцией активного надзора, непосредственно вовлеченного в следствие. Следователь при этом позиционировался не только как поднадзорный, но и руководимый прокурором субъект, вполне подвластный ему. Как писал Н.Н. Полянский, следователь

советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. Москва : Юрид. лит., 1989. С. 189.

¹ См.: Уголовный процесс : учебник / под ред. М.А. Чельцева. Москва : Юрид. лит., 1969. С. 112 и след.; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. А.М. Рекунова и А.К. Орлова. Москва : Юрид. лит., 1985. С. 71.

² См.: Александров, Г.А. Насущные вопросы предварительного следствия // Социалистическая законность. 1954. № 4. С. 21; Халиулин, А.Г. Феномен российской прокуратуры: прокурорский надзор и уголовное преследование // Проблемы совершенствования прокурорского надзора. Москва, 1997. С. 130–134.

³ См.: Статкус, В. Ф., Чувилев А. А. Прокурорский надзор и ведомственный контроль на предварительном следствии // Государство и право. 1975. №3. С. 73–78; Скарედов, Г. И. Прокурорский надзор и процессуальная самостоятельность следователя // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1980. № 6. С. 12–15; Балашов, А. Н. Проблемы прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия при расследовании преступлений: диссертация ... доктора юридических наук. Москва, 1990; Комментарий к УПК РФ / отв. ред. В.И. Радченко; под ред. В.Т. Томина. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2003. С. 109.

⁴ См.: Савицкий, В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. Москва : Наука, 1975. С. 9 и след.

является процессуальным помощником прокурора¹. Эту концепцию можно считать противоположностью современной концепции отделенного от следствия и потому якобы более объективного и независимого прокурорского надзора.

Сторонники концепции процессуальной самостоятельности следователя в полном согласии с буквой и духом советского уголовно-процессуального законодательства указывали на то, что она проявляется в принятии следователем таких важнейших процессуальных решений, как привлечение в качестве обвиняемого, прекращение уголовного дела, составлении обвинительного заключения².

Еще до реформы 2007 года³, в научных трудах⁴ отстаивалась идея о самостоятельности и независимости следственной власти «от обвинительной власти, которую представляет прокурор»⁵. В качестве гарантий этой следственной

¹ См.: Полянский, Н. Н. Указ. соч. С. 69.

² См.: Громов, Н. А., Полуниин С. А. Санкции в уголовно-процессуальном праве России. Москва : Городец, 1998. С. 99–100; Гуляев, А. П. Истина... и только истина! Пять бесед о судебно-правовой реформе. Москва : Юрид. лит., 1990. С. 275–276; Шейфер, С. А. Понятие и взаимоотношения судебной, прокурорской и следственной властей : Межвузовский сборник научных статей. Самара, 1991. С. 67; Кондрашов, Б. В., Щербинский Е. Н. Следственный комитет России. Кто «за» и «против» //Российская газета. 1991. 1 апреля; Карнеева, Л. М. Где быть следственному аппарату //Социалистическая законность. 1991. № 2. С. 26–28; Смирнов, А. В. Эволюция исторической формы советского уголовного процесса и предварительного расследования // Советское государство и право. 1990. №12. С. 57–63; Васильев, О. Л. Становление и развитие отечественной концепции предварительного следствия : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. Москва, 1998. С. 7–8; Огородов, А. Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве : диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2019.

³ Основную идею этой реформы предварительного следствия и прокурорского надзора объяснил обществу председатель Государственной Думы Федерального законодательного Собрания Б. Грызлов: «Сегодня те, кто проводит следствие, сами же за собой и надзирают в рамках единого ведомства. Это неправильно и приводит, в том числе, к коррупции» (См.: Известия. 2007. 14 мая).

⁴ См.: Деришев, Ю. В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. Омск : Омск. акад. МВД России, 2004. С. 269–291; Хорьяков, С. Н. Процессуальная самостоятельность следователя: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва : Московский университет МВД России, 2006. С. 11; Жук, О. Д. Субъекты уголовного преследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации // Законодательство. 2004. № 5. С. 71–76; Он же. Субъекты уголовного преследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации // Законодательство. 2004. № 6. С. 73–80.

⁵ См.: Бубнов, Р. Г. Взаимоотношения субъектов уголовного преследования по делам публичного и частно-публичного обвинения: диссертация ... кандидата юридических наук. Самара : Самарский государственный университет, 2006. С. 8, 9.

самостоятельности и независимости предлагалось ограничить права прокурора на вмешательство в предварительное следствие, в том числе, лишить прокурора права давать следователю обязательные к исполнению поручения по любым вопросам и, прежде всего, по вопросам направления предварительного следствия, предъявления обвинения, предмета обвинения, проведения следственных действий, то есть доказывания¹.

Таким образом, изначально заложенная в кодекс модель процессуального руководства прокурора всеми органами уголовного преследования, изменена в пользу даже не следственной власти, а Следственного комитета РФ, являющийся концентрированным воплощением следственной власти.

Доктрина процессуальной самостоятельности следователя оправдывает де юре ограничение прокурорской власти по отношению к предварительному следствию и отстраняет прокурора от ведения уголовного дела² в ходе досудебного производства. Хотя де факто сложилось множество практик, основанных на ведомственных нормативных, подзаконных актах, ослабляющих следственный суверенитет и предусматривающих «вмешательство» прокуратуры в решение судьбы уголовного дела на стадии предварительного расследования³.

¹ См.: Шобухин, В. К вопросу о Следственном комитете при прокуратуре России // Юридический мир. 2007. № 9. С. 45–47; Бубнов, Р. Г. Взаимоотношения субъектов уголовного преследования по делам публичного и частно-публичного обвинения. С. 10–11; Чабукиани, О.А. Основная функция следователя в уголовном судопроизводстве // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 1. С. 62–66; Россинский, С. Б. О полномочиях должностных лиц, осуществляющих следственные действия: вопросы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 8. С. 73–81; Середнев, В. А. К вопросу о роли и статусе следователя в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2017. № 1. С. 7–10; Мусейбов, У. А. Процессуальные функции и полномочия прокурора // Российский следователь. 2016. № 21. С. 6–10.

² Прежде всего, прокурор отстраняется от ведения предварительного следствия, но и участие его в дознании также принципиально уменьшается.

³ В диссертационном исследовании Д.В. Потапова этот вопрос был достаточно глубоко исследован. Можно только присоединиться к его выводу о том, что современный переходной тип уголовного процесса проецируется на противоречивый характер следственно-прокурорской власти, приводит к разбалансировке уголовно-процессуальной системы обвинительной власти, возможности по оптимизации ее исчерпаны и потому требуется ее замена новой моделью – полицейского дознания во главе с прокурором.

См.: Потапов, Д. В. Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09. Москва, 2019. С. 15.

Как заключают исследователи, введение жесткого разделения компетенций участников досудебного производства не могло не повлечь за собой изменений в механизме реализации уголовно-процессуальных функций в досудебном производстве. Если прежде в ходе досудебного производства обвинительную деятельность одновременно осуществляли и прокурор, и следователь, то в настоящее время начиная со стадии возбуждения уголовного дела и вплоть до утверждения прокурором обвинительного заключения функцию уголовного преследования реализуют только следователь и руководитель следственного органа. Прокурор в этот период лишь надзирает за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, обеспечивая соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Уголовное преследование на этих этапах досудебного производства прокурор не осуществляет¹.

Второе десятилетие концепция процессуальной самостоятельности следователя (органа предварительного следствия) и выстраивания между ним и прокурором все более сложных и противоречивых процессуальных отношений в тщетной попытке, «соблюдения самостоятельности каждого из них» реализуется в позитивном праве. Вершинами развития этой концепции являются предложения о наделении представителей Следственного комитета России судебными функциями, полное выведение следователей из-под власти прокурора². Часть этих предложений: о наделении следователей полномочием установления объективной истины³, передачи всех дел к подследственности следователям Следственного комитета РФ⁴ дошла до уровня законопроектов, но в законы так и не

¹ См.: Дикарев, И. С. Спорные вопросы организации досудебного производства по уголовным делам // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 27–30.

² См., напр.: Багмет, А. М., Цветков Ю. А. Следственный судья как зеркало процессуальной революции // Российский судья. 2015. № 9. С. 23–24; Багмет, А. М. Следователь – судья на досудебной стадии // Российский следователь. 2014. № 14. С. 8–9.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу : Законопроект № 440058-6. – Текст : электронный // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. - URL:<http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=440058-6&02> (Дата обращения: 22.07.2023).

⁴ Об этом нереализованном проекте создания единого следственного комитета (передаче следственных аппаратов МВД и ФСКН в СК РФ) см.: О внесении изменений в отдельные

превратились. Хотя по логике развития концепции следственной власти это должно было произойти. Очевидно, препятствием дальнейшего усиления следственной власти (СК РФ) стало соображение о необходимости сохранения системы сдержек и противовесов среди «силовых ведомств»¹.

После реформы 2007 года², ведущим субъектом досудебного производства формально является следователь или орган предварительного следствия как сумма полномочий двух субъектов. Прокурор же, согласно возобладавшей доктрине³, осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, но вмешиваться в предварительное следствие не уполномочен, это касается прежде всего предъявления обвинения и доказывания.

Наряду с этим прокурор утратил целый ряд других процессуальных прав в отношении органа предварительного следствия, которые перешли к руководителю следственного органа в разрешении ключевых вопросов ведения следствия: прекращение, приостановление (возобновления) уголовного дела; снятии иммунитета от уголовного преследования «спецсубъектов», продление сроков предварительной проверки сообщения о преступлении, а также срока предварительного следствия и пр.

Как отмечают исследователи, в результате реформы 2007 года произошли существенные изменения в наборе средств и актов прокурорского реагирования на факты нарушения закона в ходе предварительного следствия, радикально

законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием структуры органов предварительного следствия : Законопроект № 431374-5. – Текст : электронный // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/431374-5> (дата обращения: 22.01.2024).

¹ Такая система есть не только в демократическом, но и авторитарном государстве.

² Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

³ Это доктрина о процессуальной самостоятельности следователя, органа предварительного следствия, зародившаяся в недрах советской науки, получила статус официальной в 2007 года, воплотившись в новой модели взаимоотношений прокурора и органа предварительного следствия.

См.: Багмет, А. М. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя // Российская юстиция. 2013. № 9. С. 54–56.

изменились объект и содержание уголовно-процессуальных отношений прокурора со следователем, руководителем органа предварительного следствия¹.

Мы склонны разделить негативные оценки² относительно таких явлений, которые произошли в отношениях между надзирающим прокурором и поднадзорными органами предварительного следствия, которых ранее невозможно было себе представить.

Прежде всего ученые обращают внимание на необоснованное сокращение полномочий прокурора, лишения его возможности по оперативному реагированию на нарушения законности со стороны органа предварительного следствия³. Обязанность доказывания (несение бремени опровержения презумпции невиновности обвиняемого), которая лежит на прокуроре как субъекте обвинения в суде, предполагает наличие у него определенной совокупности полномочий в досудебных стадиях, которых у него нет⁴. В.М. Быков указывает, что в предварительном следствии прокурор в значительной степени утратил свое процессуальное влияние на ход и результаты проводимого предварительного следствия по уголовному делу, превратившись в «просителя»⁵.

Наиболее ярко, на наш взгляд, негативные последствия утраты прокурором руководящего положения, наличие нездоровой конкуренции между ним и руководителем следственного органа, проявились в следующем.

¹ См.: Быков, В. М. Правовое положение прокурора на предварительном следствии // Следователь. 2008. № 6. С. 31–36; Буглаева, Е. А. Участие прокурора в ходе предварительного следствия: диссертация ... кандидата юридических наук. Челябинск, 2011. С. 5, 9–10 и др.; Потапов, Д. В. Указ. соч. С. 45; Теткин, Д. В., Попов, В. А., Никоноров, А. А. Процесс становления института взаимодействия следователя и прокурора: проблемы современного этапа // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 169–174.

² См., напр.: Быков, В. М. Правовое положение прокурора на предварительном следствии // Следователь. 2008. № 6. С. 31–36.

³ См.: Лукожев, Х. М., Чиж Ж. Т. Прокурор как субъект обязанности доказывания в досудебном производстве по уголовным делам // Теория и практика общественного развития. 2021. № 4 (158). С. 426–430.

⁴ См.: Авилов, А. В. Процессуальное положение и компетенция прокурора как субъекта обязанности доказывания // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 1. С. 78, 79.

⁵ См.: Быков, В. М. Правовое положение прокурора на предварительном следствии // Следователь. 2008. № 6. С. 33.

Прежде всего надо сказать о получившей некоторое распространение в правоприменении и поддержку со стороны ряда деятелей науки и практики передаче спорных вопросов, возникающих между прокурором и органом предварительного следствия, в суд¹.

Еще одним негативным последствием утраты прокурором процессуальных, то есть легальных средств оперативного вмешательства в предварительное следствие, решение вопросов, касающихся обвинения или доказывания, является подключение прокурором механизма административной ответственности к случаям невыполнения субъектами предварительного следствия законных решений, требований прокурора². И хотя в настоящее время ее систематическое применение прекращено, однако рецидив ее не исключен³.

И наконец, третьим проявлением неблагополучия в современной правовой организации досудебного производства в плане соотношения полномочий надзирающего прокурора и поднадзорного органа предварительного следствия являются распространенные на практике различные способы неформального приведения к подчинению, используемые прокурорами к «непослушным» следователям и руководителям следственных органов⁴. Как отмечает Д.В.

¹ См.: Багмет, А. М. Об устранении двоевластия в уголовном преследовании // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 59–60; Темираев, О. Реформа следствия нужна // Законность. 2004. № 1. С. 35.

² Это явление получило определенное распространение в практике разрешения конфликтов между прокуратурой и следственными органами, в первую очередь – Следственного Комитетом РФ, после 2007 года.

См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2010. С. 123–124; Потапов, Д.В. Указ. соч. С. 52 и след.

³ К настоящему времени такая мера прокурорского реагирования с учетом позиции Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой неисполнение следователем требований прокурора, вытекающих из полномочий, указанных в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, не влечет административную ответственность по ст. 17.7 КоАП РФ (Постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2013 № 18-АД13-21), признана неправомерной.

См.: Привлечение к административной ответственности за невыполнение законных требований прокурора: методич. рекомендации / [А.В. Мелехин и др.; рук. авт. кол. А.В. Мелехин]; Ген. прокуратура Рос. Федерации; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. - Москва, 2014. С. 7 и след.

⁴ См.: Потапов, Д. В. Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу. С. 43.

Потапов, прокурор компенсирует нехватку процессуальных полномочий псевдо-процессуальными, в частности, в сфере ведения статистики¹.

Наличие аналогичных практик подтвердили и проведенные нами опросы правоприменителей².

Таким образом, целый ряд негативных явлений и тенденций, сложившихся в современной правовой организации досудебного производства, указывает на дисбаланс полномочий следственной и прокурорской властей, и даже концептуально.

Хотя есть и иные – более позитивные оценки сложившейся конфигурации отношений прокурора, следователя и руководителя следственного органа. Так, И.С. Дикарев приветствует произошедшее разделение обвинительной власти на прокурорскую и следственную. Он полагает, что равновесность прокурора и следственного органа, их независимое по отношению друг к другу положение усиливают диалектику процессуальной деятельности, что в конечном счете способствует достижению назначения уголовного процесса³.

Трудно согласиться со столь комплиментарной оценкой сложившейся правовой модели следственной и прокурорской властей. Полагаем, что тезис о независимости следственной власти по отношению к прокурорской является неверным. Ничего хорошего в равновесности следственной и прокурорской властей, противопоставленных друг другу, нет⁴. Раскол между органом предварительного следствия и прокурором чреват спорами между ними. В том числе в суде. Не случайно концепция о процессуальной самостоятельности следователя ведет к признанию необходимости наделения как прокурора, так и органа предварительного следствия правами на обращение к судебной власти с

¹ См.: там же. С. 43, 44.

² См.: Приложение № 1, ответы на вопросы №№ 14–16, 28.1–29.1; Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 15.1–16.1; Приложение № 3, ответы на вопрос № 18.

³ См.: Дикарев, И. С. Система сдержек и противовесов в досудебном производстве по уголовным делам // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 76–83.

⁴ Только что для преступников, для защиты обвиняемых, которой можно ограничиться наблюдением как прокурор и следователь спорят друг с другом.

жалобами на решения друг друга. И такая практика имела развитие, хотя и была потом пресечена судами¹.

Концепция разделения следственной и прокурорской властей изначально была порочной, уже в силу того исходила из превратно истолкованной либеральной идеологии с ее тезисом о разделении властей. Этот лозунг подхватили и развили в своих интересах идеологи абсолютной следственной власти в досудебном производстве, а именно: «кто надзирает, тот не расследует»².

Между тем, прокурор и следователь – это субъекты обвинения, уголовного преследования, по отношению к ним обоим сдерживающим началом выступает судебная власть. На наш взгляд, не о разделении, а о единстве³ следственно-прокурорской власти на досудебном производстве следует вести речь.

Мы уже сделали вывод в своих рассуждениях о том, что досудебное производство имеет не просто предварительное, подготовительное, но во многом решающее для исхода уголовного дела значение. А потому именно в досудебном производстве заложен своего рода код правовой организации противодействия преступности и курса уголовной политики, проводимой государством.

Не судебная власть, не суд противодействует преступности и проводит уголовную политику, но тот государственный орган, вернее система правоохранительных органов, уполномоченных осуществлять уголовное преследование, которые выявляют и раскрывают преступление в допустимых законом формах, которые выдвигает перед судом обвинение – требование о признании обвиняемого преступником и применении к нему уголовного закона.

При этом считаем не вполне корректным использовать понятие «государство» для обозначения того субъекта, который вступает в правовые отношения с другими субъектами, в том числе и в центральное уголовно-

¹ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2014. С. 98.

² См.: Интервью первого заместителя Генерального прокурора — Председателя Следственного комитета при прокуратуре РФ Александра Бастрыкина газете «Жэньминь жибао» 31.12.2008 // Следственный комитет РФ : [сайт]. — URL: <http://sledcom.ru/press/interview/item/507312> (дата обращения: 24.02.2023).

³ Перед стороной защиты, но и перед судом.

процессуальное отношение с судом для постановки основных вопросов уголовного дела, от положительных ответов на которые судом зависит реализация уголовно-правового воздействия. Поддерживаем сторонников конкретизации того органа, который должен быть этим субъектом – главой следственно-обвинительной (исполнительной) власти государства, уполномоченным на противодействие преступности уголовно-процессуально-правовыми средствами.

Следует согласиться с тезисом¹, согласно которому, кто ведет досудебное производство, в которое инсталлированы институты обвинения и доказывания, тот управляет и уголовным судопроизводством, является своего рода «ведущим субъектом», все остальные субъекты, включая суд, который пассивен в обвинительном, то есть инициативном плане, являются ведомыми.

Исходя из действующего законодательства вполне очевидно, что этим субъектом является обобщенный участник процесса - «орган предварительного расследования», символом которого является «следователь»². В настоящее время на эту роль претендует следственная власть, олицетворением которой является Следственный комитет России.

Означает ли это то, что прокурор должен быть исключен из числа органов, ведущих уголовное дело в досудебных стадиях? Полагаем, что нет.

По логике развития уголовного дела, процесса и с позиции здравого смысла, прокуратура должна рассматриваться как номинальный носитель обвинительных полномочий, а потому и руководить, проводить уголовное преследование на всех стадиях уголовного процесса³.

Как подчеркивается в современных научных источниках прокурор является своего рода «передаточным звеном в механизме правоприменения»⁴, приводит в

¹ См.: Настольная книга прокурора / под ред. С.Г. Кехлерова, О.С. Капинус. Москва : Юрайт, 2014. С. 56; Бубнов, Р.Г. Взаимоотношения субъектов уголовного преследования по делам публичного и частно-публичного обвинения: диссертация ...кандидата юридических наук. Самара, 2006. С. 10.

² См.: Багмет, А. М. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя // Российская юстиция. 2013. № 9. С. 56.

³ См.: Александров, А. С., Кухта А. А. Власть следственная и власть обвинительная: квадратура круга // Правоведение. 2009. № 4. С. 22–28;

⁴ Потапов, Д.В. Указ. соч. С. 43.

движение уголовное судопроизводство¹. Именно прокурор может и должен обеспечивать исполнение федеральных законов в ходе предварительного расследования, где происходит предварительное обвинение².

Впрочем, пока это чисто теоретические размышления. В то время как позитивное право – это прежде всего результат политики. Изменение расстановки прокурорской и следственной властей – решение политическое³.

В очередной раз подходим к вопросу обвинения в разрезе следственной организации досудебного производства, как феномена, сложившегося исторически внутри российской государственности. Остановимся на проблематике выдвижения обвинения в ходе досудебного производства.

Относительно понятий обвинения, обвинительной деятельности (уголовного преследования) в уголовно-процессуальной литературе сказано достаточно много, спектр высказанных по ним мнений достаточно широк.

В российской уголовно-процессуальной науке сильно положение о том, что обвинение приводит в действие механизм уголовного судопроизводства⁴. Распространено мнение и о том, что есть взаимосвязь между процессуальной

¹ См.: Власова, Н. А. Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе: диссертация ... доктора юридических наук. С. 12.

² Капинус, О.С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве // Прокурор. 2013. № 2. С.12–17.

³ Но в науке подготавливается почва для принятия политико-правовых решений.

⁴ См.: Строгович, М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. С. 56; Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс. Москва : Юрид. лит., 1951. С. 88; Полянский, Н. Н. К вопросу о юридической природе уголовного процесса // Правоведение. 1960. № 1. С. 105–116; Давыдов, П. М. Обвинение в советском уголовном процессе. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1974. С. 5, 9; Даев, В. Г. К понятию обвинения в советском уголовном процессе // Правоведение. 1970. № 1. С. 76–86; Фаткуллин, Ф. Н. Обвинение и судебный приговор. Казань, 1965. С. 51–52; Савицкий, В. М. Государственное обвинение в суде. Москва : Наука, 1971. С. 44, 45; Джатиев, В. Обвинение и защита // Российская юстиция. 1995. № 3. С. 17–18; Барабаш, А. С. Обвинение как двигатель уголовного процесса // Адвокатская практика. 2006. № 5. С. 44–47; Байрамов, Ш. Ш. Правовая природа процессуальных функций // Российский следователь. 2015. № 7. С. 14–19; Гатауллин, З. Ш. Понятие государственного обвинения и определение его объема // Современное право. 2008. № 10. С. 106–110; Кудин, Ф. М., Зубенко Е. И. Понятие обвинения в науке и законодательстве российского уголовного процесса // Общество и право. 2010. № 2 (29). С. 159–168.

моделью обвинения и конкретной моделью уголовного процесса¹. Исходя из него, можно заключить, что следственная модель выдвижения обвинения отражает суть следственного процесса, в ней воплощена следственная идеология, культура, тогда как, очевидно, в состязательном порядке обвинения воплощается состязательная идеология. Но в любом случае модель выдвижения обвинения имеет знаковый характер и в ее устройстве должно быть заложена гарантия равновесия, разделения властей.

Разумеется, в результате господствования концепции процессуальной самостоятельности следователя и ее «реализации» в УПК РФ, следственная доктрина обвинения (и доказывания) получила дополнительный импульс для своего развития и стала доминирующей². Ее противники, предлагавшие усилить процессуальную власть прокурора над органом предварительного следствия, оказались маргиналами в научном сообществе³. Их позиция вследствие изменения курса законодательства стала идеологически неверной.

¹ См.: Настольная книга прокурора / Под ред. С.Г. Кехлерова, О.С. Капинус. Москва : Юрайт, 2014. С. 7, 63–64; Исаенко, В. Н. Государственное обвинение в системе уголовно-процессуальных функций // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1. С. 183–193; Крюков, В. Ф. Правовой статус прокурора в уголовном преследовании (досудебное и судебное производство): диссертация ... доктора юридических наук. Москва, 2012. С. 17, 121–125; Бобылев, М. П. Обвинение как предмет уголовного правосудия в современной России: диссертация ... кандидата юридических наук. Уфа, 2004. С. 4, 8–10, 32 и след.; Михайлов, А. А. Правовая природа и сущность обвинения в уголовном процессе России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 11. С. 89–92; Барабаш, А. С. Прокурорский надзор за предварительным следствием // Законность. 2011. №4. С. 5–10; Чигрин, Д. А. Полномочия прокурора по формированию государственного обвинения в досудебном производстве по уголовному делу: сравнительно-правовой аспект // Уголовная юстиция: законодательство, теория и практика: сб. материалов VII Респ. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Брест, 4 нояб. 2016 г. / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина ; редкол.: О. Н. Иванчина (отв. ред.) [и др.]. Брест: БрГУ, 2017. С. 247–249; Лукожев, Х.М. Понятие «обвинение» и «уголовное преследование» по УПК РФ // Материалы научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной теории и практики уголовного процесса». Воронеж, 16–17 декабря 2005. Воронеж, 2006. С. 426–430.

² См.: Александров, А. И. Проблемы организации предварительного следствия в Российской Федерации: направление реформирования // Российский следователь. 2011. № 1. С. 33–40; Григорьев, В. Н., Победкин А. В., Калинин, В. Н. Процессуальная регламентация предварительного расследования в результате реформы 2007 г. // Государство и право. 2008. № 6. С. 48–58.

³ См., напр.: Трофимов, В. О. Полномочия прокурора и их реализация в состязательном уголовном судопроизводстве: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2005;

Не будем повторяться в том, что касается общеизвестных мест, а сосредоточимся только на тех моментах в учении об обвинении, которые имеют прямое отношение к нашей теме, а именно:

- прокурор как субъект обвинения;
- участие прокурора в выдвижении следственно-обвинительной власти обвинения против обвиняемого перед судом;
- отношения прокурора с другими субъектами обвинения или уголовного преследования.

Мы будем развивать юрпозитивистскую трактовку понятия обвинения и процедуры «выдвижения обвинения». Ввиду приверженности неоконсервативной идеологии сразу надо обозначить неприятие доктрины об уголовном иске, которая получила определенную поддержку в научных кругах¹.

Отвергаем концепцию уголовного иска, как неподходящую не только для объяснения современного института обвинения, но и в качестве проекта ее модернизации. Для нас приемлем только вариант оптимизации модели обвинения, допускающий изменения в пределах следственной процессуальной организации досудебного производства и наличия стадии предварительного расследования, в которой организовано привлечение в качестве обвиняемого лица, в отношении которого собрано достаточно обвинительных доказательств, чтобы обоснованно утверждать, что оно совершило преступление.

С принятием УПК РФ следственная модель обвинения сохранилась, при том, что прокурорская власть над предварительным следствием (расследованием) усилилась, что наиболее ярко проявилось в процедуре возбуждения уголовных дел, включавшей получение согласия прокурора². Реформа 2007 года радикально

Бабин, К. А. Уголовное преследование как функция прокурора в уголовном процессе России: диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2008.

¹ См.: Круглов, И. В. Уголовный иск и механизм его доказывания. С. 9–10, 27–28 и др.; Чигрин, Д. А. Государственное обвинение в российском уголовном процессе: проблемы формирования и поддержания (сравнительно-правовое исследование) : диссертация ... кандидата юридических наук. Самара: Самарск. гос. ун-тет, 2018. С. 9–10.

² См. об этом: Комментарий к УПК РФ. Вводный /Под ред. проф. В.Т. Томина. Москва : Юрайт, 2002. С. 75, 84–85.

изменила соотношение сил в пользу следственной власти¹. Прокурор оказался отстранен законом от непосредственного участия в следственных действиях и не уполномочен ни сам проводить следственные действия, ни давать указания на их производство, равно как и направлять ход предварительного следствия, то есть фактически перестал быть субъектом доказывания в ходе досудебного производства.

Что касается главного вопроса правовой организации противодействия преступности: порядка выдвижения обвинения, то и без того существовавшая у следователя власть на формирование и предъявление обвинения и осуществление уголовного преследования получила мощное развитие. Что касается участия прокурора в процедуре выдвижения обвинения, то ее форма в принципиальном плане сохранила советскую модель: прокурор утверждает (в случае согласия) обвинение, выдвинутое органом предварительного расследования против обвиняемого. Он не участвует в формулировании и предъявлении обвинения, но своим решением придает юридическую силу резолютивному обвинительному акту по уголовному делу перед судом.

Подчеркнем то, что подобная модель выдвижения обвинения сложилась еще в советский период². Эта следственная модель обвинения, когда следователь посредством вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого не только придает процессуальный статус обвиняемому лицу, но и в последующем, предъявляя его обвиняемому, привлекает такового к уголовной ответственности. Данная модель выдвижения обвинения в ходе предварительного следствия без каких-либо перемен была перенесена в УПК РФ и в контексте повышения процессуальной самостоятельности следователя (органа предварительного следствия) стала центральным элементом процедуры предварительного

¹ Как пишут идеологи следственной власти (Следственного комитета России): «“Великая” эпоха всевластия прокурора сменяется новой эпохой – эпохой сильного следствия. Она, безусловно, изменит, да и сейчас уже изменяет весь облик и содержание уголовного судопроизводства».

См.: Багмет, А. М., Цветков Ю. А. Сильное следствие и его противники // Lex Russica. 2015. № 4. С. 60–69.

² Подробный теоретико-доктринальный анализ института обвинения будет нами проведен во второй главе нашего исследования.

следствия. Прокурор не имеет процессуальных полномочий повлиять на процесс предъявления следователем обвинения¹.

Современный институт обвинения выстроен по следственной модели. Это касается не только обвинения, предъявляемого в рамках предварительного следствия, но и дознания. В этом отношении можно констатировать полное доминирование следственной власти по распоряжению обвинением в ходе предварительного расследования. Исходя из действующего законодательства, вполне можно утверждать, что следственная власть в полной мере распространяется как на обвинение, так и на его доказывание – изобличение обвиняемого.

Определимся с понятием «выдвижение обвинения», которое будем использовать для развития наших представлений относительно оптимизации института обвинения.

Оттолкнемся от термина, используемого в статье ст. 93 Конституции РФ, статьях 176-180 Регламента Государственной Думы России², которые регулируют порядок выдвижения Государственной Думой РФ обвинения против Президента России в совершении тяжкого преступления, как элемент импичмента. По смыслу Конституции РФ и других законодательных актов выдвижение обвинения – это процедура, включающая в себя все подготовку текста обвинения, утверждения его и рассмотрение Советом Федерации по существу.

Для нас главное в этом термине то, что им охватываются все действия «обвинителя» от момента поступления инициативы обвинить до подтверждения уполномоченным органом состоятельности – обоснованности обвинения.

¹ В этом наша позиция совпадает с мнение других специалистов.

См., напр.: Королев, Г. Н. О возможностях влияния прокурора на формирование государственного обвинения в ходе досудебного производства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Право. 2018. № 4. С. 126–130.

² Постановление ГД ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-П ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 801.

В уголовно-процессуальной науке были случаи использования термина «выдвижение обвинения»¹. В числе их пользователей был и выдающийся русский и советский процессуалист – Н.Н. Полянский, по мнению которого, кстати, в порядке выдвижения обвинения проявляется сущность процесса².

Впрочем, большее распространение получило понятие «формирование обвинения»³, определяемое как реализуемый в досудебном производстве по уголовному делу и при его рассмотрении в суде первой инстанции должностными лицами органов прокуратуры процесс формулирования, изменения, дополнения и обоснования обращенного к суду требования о привлечении определенного лица к уголовной ответственности и о применении к нему мер уголовно-правового воздействия»⁴.

По мнению ряда исследователей понятия «формирование обвинения в досудебном производстве», оно включает в себя три этапа: 1) установление признаков преступления в стадии возбуждения уголовного дела, 2) привлечение в качестве обвиняемого, 3) формулирование окончательного обвинения, составление обвинительного заключения⁵. Те, кто говорит о формировании государственного обвинения, выделяют первоначальный, основной и дополнительный этапы такого формирования⁶, причем под первоначальным этапом опять-таки понимают деятельность, которую более уместно

¹ См., напр.: Костерин, В. В. К вопросу о сущности обвинения и уголовно-процессуальном механизме его формулирования и выдвижения // Юридическая наука. 2021. №10. С. 45-49.

² Полянский, Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса // Право и жизнь. 1956. С. 83.

³ См.: Парадеев, В. М. Формирование обвинения на предварительном следствии в советском уголовном процессе: диссертация ... кандидата юридической наук. Свердловск, 1978. С. 15; Харчикова, В. Ш. Формирование обвинения в уголовном процессе России: диссертация ... кандидата юридических наук. Кемерово, 2004. С. 14; Чигрин, Д. А. Государственное обвинение в российском уголовном процессе : проблемы формирования и поддержания (сравнительно-правовое исследование): диссертация ... кандидата юридических наук. Самара. 2018. С. 8–10; Герасина, К. М., Самсонова О. А. Предъявление обвинения: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты // Вопросы науки и образования. 2017. № 4 (5).

⁴ См.: Чигрин, Д. А. Государственное обвинение в российском уголовном процессе: проблемы формирования и поддержания (сравнительно-правовое исследование): диссертация ... кандидата юридических наук. Уфа, 2018. С. 21.

⁵ См.: Харчикова, В.Ш. Указ. соч. С. 26.

⁶ См.: Чигрин, Д.А. Указ. соч.С. 27 и след.

квалифицировать как уголовное преследование: получение и проверку государством сообщения о преступлении¹.

Очевидно, что «формирование обвинения» — это близкое в предлагаемому нами понятие, но в него часто включают лишние элементы, непосредственно к тому, что мы понимаем под выдвижением обвинения, не относящиеся.

Дадим свое определение понятию «выдвижение обвинения». Под выдвижением обвинения в уголовном процессе следует понимать процедуры: а) привлечения в качестве обвиняемого и б) предъявления обвинения, предусмотренные главой 23 УПК РФ, (в) составления и подписания обвинительного заключения следователем; согласования его руководителем следственного органа, а также направления уголовного дела прокурору - действия органа предварительного следствия, предусмотренные статьей 220 УПК РФ, (г) утверждение обвинительного заключения прокурором в соответствии со ст. 221 УПК РФ и направление им уголовного дела в суд (ст. 222 УПК РФ) и (д) прохождение обвинения через стадию назначения судебного разбирательства (главы 33-34 УПК РФ). В процедуру выдвижения обвинения входят также и нормы, содержащиеся в статьях 225, 226, 226.7, 226.8 УПК РФ, регулирующие деятельность органа дознания и прокурора по выдвижению обвинения перед судом.

Таким образом, под выдвижение обвинения понимается деятельность органов следственно-обвинительной власти по предварительному и окончательному формулированию требования перед судом о признании обвиняемого лица виновным в совершении преступления и привлечении его к уголовной ответственности или, по-другому говоря, реализации к нему мер уголовно-правового воздействия.

Выдвижение обвинения включает в себя несколько этапов: первый этап осуществляется органом предварительного расследования, второй – совместно органом предварительного расследования и прокурором, наконец на третьем этапе, когда прокурор утвердив резолютивный уголовно-процессуальный

¹ См.: Харчикова, В.Ш. Указ. соч. С. 16.

обвинительный акт направляет его вместе с уголовным делом в суд прокурор выступает от имени государства полномочным субъектом обвинения, берущим на себя обязанность поддерживать и доказывать его в суде.

Мы не склонны к расширительному толкованию выдвижения обвинения. На наш взгляд, оно включает в себя только то, что связано с официальным формулированием обвинительного тезиса – утверждения о совершении обвиняемым преступления, которое делается в установленной уголовно-процессуальной форме.

Достаточно часто в науке отождествляют обвинение с уголовным преследованием¹. В частности, этой позиции придерживаются ученые, оперирующие понятием «формирование обвинения», которые полагают, что процесс формирования начинается с момента регистрации повода и оканчивается в момент удаления суда первой инстанции в совещательную комнату².

Полагаем, что завершается выдвижение обвинения перед судом вынесением судьей постановления о назначении судебного заседания в порядке статьи 230 УПК РФ. Этим решением судья констатирует, что обвинение принято судебной властью и обвиняемый предан суду по этому обвинению, приобретая статус подсудимого.

Заметим, что в науке распространено расширительное толкование обвинения, когда оно отождествляется с деятельностью, процессом, уголовным преследованием. Примером такого подхода является точка зрения, согласно которой обвинение в процессуальном смысле представляет собой целенаправленную деятельность субъектов уголовного преследования, включающую в себя формулирование обвинения и изложение его в установленной законом уголовно-процессуальной форме; предъявление

¹ См.: Александрова, О. Ю. Уголовное преследование как одно из основных направлений деятельности органов прокуратуры Российской Федерации, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2015. № 1 (18). С. 107–112 ; Бабин, К. А. Уголовное преследование как функция прокурора в уголовном процессе России: диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09. Нижний Новгород, 2008. С. 14.

² См.: Чигрин, Д.А. Указ. соч. С. 29.

обвинения; доказывание обвинения; изменение и дополнение обвинения; поддержание обвинения в суде¹.

На наш взгляд, отождествление обвинения («выдвижения обвинения») и уголовного преследования неправомерно. Уголовное преследование трактуем как уголовно-процессуальную, так и всю остальную, включая оперативно-розыскную, деятельность, направленную на выявление, расследование, раскрытие преступления и изобличение виновника преступления. Под «раскрытием преступления» следует понимать предварительное раскрытие², достаточное для выдвижения и поддержания обвинения. Выдвижение обвинения, с нашей точки зрения, это есть сердцевина, ядро уголовного преследования, последнее подчинено обвинению и выдвижению обвинения, в первую очередь.

Для отечественной уголовно-процессуальной доктрины характерным является привнесение материального уголовно-правового момента в то, что мы называем выдвижение обвинения. Отсюда можно связать субъекта полномочия на выдвижение обвинения с привлечением к уголовной ответственности, реализацией уголовно-правового воздействия. Такая связь представляется в свете не только теоретических воззрений, но и позитивно-правовых предписаний.

Советским теоретикам уголовно-правовая (материально-правовая) составляющая в обвинении представлялась вполне очевидной: привлечение в качестве обвиняемого расценивалось ими как привлечение к уголовной ответственности³. Подобный подход соответствовал правовым реалиям. Так, Президиум Верховного Суда РСФСР в 1973 году констатировал, что «датой привлечения лица к уголовной ответственности является дата вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого»⁴.

¹ См.: Харчикова, В.Ш. Указ. соч. С. 31.

² См.: Миллер, В. Ю. «Раскрытие преступления» и «расследование преступления»: соотношение понятий в контексте современного уголовного процесса // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 72–79.

³ Давыдов, П.М. Указ. соч. С. 29.

⁴ Цит. по: Судебный контроль в уголовном процессе : учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «юриспруденция» /И.А. Давыдов и др., под ред. Н.А. Колоколова. 2-е издание испр. и доп. Москва : ЮНИТИ : Закон и право, 2017. С. 278.

Впрочем, материальность обвинения иногда понималась как «фактичность» в смысле его доказанности и как состав преступления, который вменялся в вину обвиняемому через предъявление обвинения¹.

В современной отечественной уголовно-процессуальной литературе, чаще всего, материально-правовой аспект (смысл) обвинения сводится к утверждению о совершении лицом уголовно-наказуемого деяния, то есть обвинительному тезису, а процессуальный – к процессуальной деятельности в его развитие и подтверждение, то есть к «уголовному преследованию»².

Есть точка зрения, согласно которой акт привлечения в качестве обвиняемого, так и соответствующий ему материальный акт привлечения к уголовной ответственности должен быть трансформирован кардинально. По этому мнению, реальным актом привлечения уголовно-преследуемого лица к уголовной ответственности (к обязанности дать ответ за совершенное деяние: в форме осуждения, наказания и судимости) является акт утверждения прокурором обвинительного заключения³.

По нашему мнению, связь материального уголовного права и уголовно-процессуального обвинения несомненна. Формула обвинения есть смысл статьи (статей) уголовного кодекса, проинтерпретированный обвинителем и предлагаемый суду (но также и стороне защиты) в качестве правовой основы для разрешения уголовного дела по существу.

¹ См.: Жогин, Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. С. 189.

² См.: Гаврилов, Б. Я. Институт предъявления обвинения: правовые реалии и мифы // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвуз. сб. научных трудов / под ред. проф. В.А. Лазаревой. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2010. Вып. 5. С. 329–335; Бобылев, М. П. Обвинение как предмет уголовного правосудия в современной России: диссертация кандидата юридических наук. Уфа, 2004. С. 11; Шагиева, З. Х. Функции обвинения в современной модели российского уголовного процесса: диссертация... кандидата юридических наук. Ижевск, 2007. С. 6; Ягофаров, Ф. М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции: диссертация ... доктора юридических наук. Оренбург, 2003. С. 35.

³ См.: Ковтун, Н. Н. Институт привлечения в качестве обвиняемого: о «депроцессуализации» и «дематериализации» его сути и содержания в уголовном судопроизводстве России // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 1. С. 98–105; Он же. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123–137.

Формула обвинения, изложенная в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении, обвинительном акте, постановлении – это статья УК РФ, истолкованная следователем в данном уголовном деле применительно к конкретному событию. Обвинение в уголовно-правовом смысле — это утверждение, тезис обвинителя – субъекта доказывания, то есть рече-смысловая конструкция, а не само реальное преступление, о котором говорится в обвинительном документе. Материальный аспект обвинения – это формула или предмет обвинения, представляющий собой отражение не только самого преступления, но и уголовно-правового состава. Скажем даже, что обвинение и есть если не само реальное уголовное право, то средство уголовно-правового воздействия, предлагаемое обвинителем для применения уголовному суду, то предпосылка для появления такового.

Не следует отождествлять предъявление обвинения, равно как и выдвижение обвинения, с привлечением к уголовной ответственности. Ни следователь, ни прокурор не могут быть уполномочены на привлечение к уголовной ответственности обвиняемого, который оспаривает обвинение. Однако, прокурор может констатировать прекращение уголовного спора при согласии обвиняемого с обвинением и выполнением правоприязаний следственной-обвинительной власти и потерпевшего в добровольном порядке, то есть имеется в виду прекращение уголовного дела (преследования) по нереабилитирующему основанию.

Советская модель выдвижения обвинения, в том числе привлечение в качестве обвиняемого и предъявление обвинения, регламентировавшаяся УПК РСФСР, воспроизведена в главе 23 УПК РФ, то есть совершенно не изменилась. Показательно и то, что, несмотря на многочисленные изменения законодательства, правовой механизм, предусмотренный главой 23 УПК РФ, не претерпел ни единого изменения. Значит в том, что касается организации выдвижения обвинения сущность отношений и взаимодействия прокурора и

следователя не изменилась¹. В этом можно усматривать глубокую преемственность советской и современной моделей правовой организации противодействия преступности. При том, что система отношений прокурора и органа предварительного следствия изменилась существенно.

В традициях отечественной процессуальной науки считать прокурора субъектом обвинения. Хотя мера его власти над выдвижением обвинения менялось вслед за изменением законодательства.

Можно выделить три позиции относительно этого положения, которые соответствовали действующему на тот момент законодательству.

Как уже указывалось ранее, во времена действия Устава уголовного судопроизводства прокурор однозначно трактовался как субъект обвинения и более того – глава обвинительной власти, которая в суде – перед судом, а в ходе предварительного расследования – перед судебным следователем выступала в качестве стороны обвинения и руководила действиями полиции по выявлению, раскрытию преступления и изобличению виновного в этом преступлении². Впрочем, еще до принятия Устава уголовного судопроизводства Н. Стояновский через понятие «обвинение» определял отношение следственной власти с обвиняемым³.

В советской уголовно-процессуальной доктрине доминировало представление о том, что прокурор является субъектом обвинения⁴, выполняет функцию обвинения⁵, обвинение неразрывно связано с осуществляемым

¹ См.: Потапов, Д. В. Указ. соч. С. 53.

² См.: Муравьев, Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности : пособие для прокурорской службы. Москва : Унив. Тип., 1889. Т. I. С. 48; Случевский, В. Учебник русского уголовного процесса. 3-е изд. Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. Выпуск 1. С. 51; Квачевский, А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений. Санкт - Петербург :тип. Ф.С. Сущинского, 1866. С. 77; Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2-х томах. Санкт-Петербург, 1910. Т. 2. С. 33.

³ См.: Стояновский, Н. И. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству. 2-е изд., испр. и доп. Ч. 1-2. Москва : Унив. тип., 1858. Т. 2. С. 85.

⁴ См.: Ларин, А. М. Прокурорский надзор и руководство расследованием. Москва : Юрид. лит., 1986. С. 56–57.

⁵ См.: Зеленецкий, В. С. Функциональная структура прокурорской деятельности : учебное пособие. Харьков : Харьк. юрид. ин-т, 1978. С. 27.

прокурором надзором за уголовно-процессуальной деятельностью органов предварительного расследования в досудебных стадиях¹.

Как писал Н.Н. Полянский, предложение прокурора следователю произвести следствие есть требование проверить наличие оснований для предъявления обвинения². Полномочия прокурора на выдвижение и распоряжение обвинением³ означает, что полномочия таких «агентов обвинения», как следователь, дознаватель являются производными от обвинительной власти прокурора и их реализация в ходе предварительного расследования санкционируются прокурором⁴.

Так было по УПК РСФСР 1923 года. Так оставалось и по УПК РСФСР 1961 года. В УПК РФ изначально была заложена такая же модель прокурорского надзора за субъектами досудебного производства, ведущими уголовное дело.

В современной российской науке в силу понятных причин, связанных с изменением законодательства, позиция относительно роли прокурора в досудебном производстве не столь однозначная.

Если первоначально, во время действия первой редакции УПК РФ, роль прокурора как субъекта обвинения и руководителя публичного уголовного преследования под сомнение не ставилось⁵, то теперь – это делается с известными оговорками⁶.

¹ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. А.М. Рекунова и А.К. Орлова. Москва : Юрид. лит., 1981. С. 78.

² См.: Савицкий, В. М. Указ. соч. С. 87.

³ Разумеется, что никакой диспозитивности, то есть свободы усмотрения прокурора в распоряжении обвинением нет, так как он руководствуется законом и публичным, а не частным интересом. Вместе с тем концепция целесообразности вполне приемлема, о чем будет сказано далее.

⁴ См.: Полянский, Н. Н. Очерки общей теории уголовного процесса. Москва : «Право и жизнь», 1927. С. 61–72.

⁵ См.: Цапаева, Т. Ю. Участие прокурора в доказывании на предварительном следствии. Самара : Самар. ун-т, 2004. С. 21 и след.; Ягофаров, Ф. М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09. Оренбург, 2003. С. 24.

⁶ См.: Гаврилов, Б. Я. Перераспределение процессуальных и надзорных полномочий между прокурорами и руководителями следственного органа: объективная необходимость или волюнтаризм в праве? // Уголовное судопроизводство. 2009. № 4. С. 35–44; Ильин, А. В., Богачевская Е. А., Киреева Е. А. Распределение полномочий между руководителем следственного органа и прокурором по обеспечению надлежащего расследования уголовных

Прокурор в одном ряду с органами предварительного расследования является субъектом публичного (государственного) обвинения, но, во-первых, не он один, и во-вторых, ограничен в своем влиянии на органы предварительного следствия в выдвижении обвинения законом. Формально прокурор остается субъектом обвинения в стадии предварительного расследования, но реальных процессуальных полномочий на участие на первоначальных этапах выдвижения обвинения у него нет.

Характеризуя расстановку сил следственной и прокурорской властей по ключевым вопросам ведения уголовного дела: формирования и выдвижения обвинения, Д.В. Потапов выделяет два момента: во-первых, исключительно следственный порядок привлечения в качестве обвиняемого и предъявления обвинения, во-вторых, наличие у прокурора полномочий только на последующее (отсроченное) реагирование на нарушения уголовного или уголовно-процессуального закона, предусмотренных пунктами 14 и 15 части статьи 37 УПК РФ¹.

Прокурор не участвует и не имеет полномочий на привлечение лица в качестве обвиняемого. Постановление следователя о привлечении в качестве обвиняемого не является объектом прокурорского надзора и не может быть обжаловано обвиняемым, его защитником прокурору, равно как и в суд.

И хотя распространена практика неформального согласование органом предварительного следствия с надзирающим прокурором текста постановления о привлечении в качестве обвиняемого ее нельзя считать настоящим правовым механизмом. В равной мере нельзя считать оперативным надзором сложившийся порядок направления копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Имеющиеся у прокурора полномочия истребовать уголовное дело

дел: метод. указания / под ред. канд. юрид. наук А.В. Ильина; Федер. служба исполнения наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказания, каф. уголов.-процессуал. права. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2011. С. 5–6; Реализация уголовной политики: современные проблемы уголовного и уголовно-процессуального правотворчества, правоприменения и кадрового обеспечения : монография. / колл. авторов; под общей ред. д-ра юрид. наук, проф. А.А. Тарасова. 2-е изд., испр. и доп. Москва : ЮСТИЦИЯ, 2017. С. 112–114.

¹ См.: Потапов, Д.В. Указ. соч. С. 43.

для ознакомления, устранить нарушения закона также, на наш взгляд, не могут быть оценены как средства эффективного надзора прокуратуры за привлечением лица в качестве обвиняемого. Это делается следователем в одностороннем порядке в отсутствие оперативного судебного контроля и прокурорского надзора.

Не участвует прокурор и в процедуре предъявления обвинения, которая проводится следователем в одностороннем порядке в отношении обвиняемого с возможным участием защитника, законного представителя. С учетом ранее сказанного о придаваемом этому акту значения привлечения к уголовной ответственности получается, что действительно следователь привлекает к уголовной ответственности обвиняемого. А у прокурора вмешаться в этот акт привлечения к уголовной ответственности нет полномочий. Равным образом прокурор не участвует и в процедуре изменения обвинения в ходе дальнейшего предварительного следствия.

В итоге, прокурор не вовлечен ни в один из двух первых элементов выдвижения обвинения в ходе предварительного следствия. У него в принципе нет никаких реальных правовых средств на вмешательство в данную процедуру во время следствия. И это при том, что предварительное следствие может длиться годами и привлеченный к уголовной ответственности обвиняемый не может оспорить свой статус все это время и нести негативные правовые последствия из этого.

Между тем, на завершающем – предсудебном этапе выдвижения обвинения роль прокурора как субъекта обвинительной деятельности не только сохранилась, но и даже преумножилась и иногда приобретает драматическую остроту противостояния с позицией органа предварительного следствия. Это происходит зачастую из-за неучастия на предварительных этапах выдвижения обвинения и невозможности обозначить свою позицию¹.

¹ В результате на завершающем этапе выдвижения обвинения иногда даже выявляется принципиальное несогласие прокурора с самим фактом привлечения к уголовному преследованию лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления органом предварительного следствия. Получившие широкую общественную огласку случаи отказа

Роль прокурора на завершающем этапе процедуры выдвижения обвинения исключительная. Однако, нам трудно согласиться с тем мнением¹, что господствующая позиция прокурора на этапе процедуры выдвижения обвинения перед судом усилилась в виду того, что именно на данном этапе у прокурора имелась реальная возможность оценить в комплексе результаты расследования уголовного дела и его судебную перспективу.

Полагаем, что внесенных изменений в статью 221 УПК РФ, включая продление срока ознакомления прокурора с делом, недостаточно для того, чтобы считать прокурора полноценным субъектом процедуры выдвижения обвинения на предварительном следствии.

Как пишет О.А. Капинус, поскольку российский уголовный процесс является «процессом смешанного типа, при котором *предварительное обвинение формируется в ходе предварительного расследования, поскольку прокурор сохраняет активную роль при осуществлении уголовного преследования* (выделено нами – О.В. Левченко) и его надзорная деятельность призвана быть действенным средством выявления и пресечения нарушений закона», постольку решение законодателя о полном, по сути, отстранении прокурора от формирования обвинения в ходе предварительного расследования было ошибочным².

Полагаем, что в современной процедуре выдвижения недостаточно присутствия прокурора. Еще раз повторим нашу ключевую мысль о том, что «хозяином досудебного производства», руководителем уголовного преследования, организатором подготовки обвинения должен быть один

Генерального прокурора РФ утвердить обвинительные заключения по уголовным делам, законным расследованием СК РФ.

См.: СМИ узнали причины отказа Генпрокуратуры обвинить двух генералов МВД : публикация от 24 мая 2021. - Текст : электронный // РБК :[сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/05/2021/60ab60729a79476cfef175ef> (дата обращения : 22.02.2024).

¹ Комментарий последних изменений Уголовно-процессуального кодекса РФ и ФЗ «О прокуратуре РФ» / Томин В.Т., Поляков М.П., Королев Г.Н. Москва : Юрайт, 2007. С. 27.

² Капинус, О. С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве //Прокурор. 2013. № 2. С. 12-17.

представитель государства – прокурор¹. Поэтому мы считаем, что должна быть усилена роль прокурора в досудебных этапах выдвижения обвинения.

В уголовно-процессуальной науке уже делались предложения по изменению сложившейся на настоящий момент модели участия прокурора в выдвижении обвинения. Суть их по большей части сводится к возвращению прокурору отобранных у него полномочий, в том числе, прав на (1) прекращение уголовного дела при разрешении вопроса о дальнейшей судьбе уголовного дела, по которому закончено предварительное следствие; (2) исключение из обвинительного заключения при его утверждении отдельных пунктов обвинения; (3) изменение квалификации преступления, содержащейся в обвинении, в сторону смягчения².

Между тем, на наш взгляд, просто восстановления прежнего положения недостаточно. Наши предложения по изменению следственной модели выдвижения обвинения не будут повторением прошлого. С учетом произошедших изменений и накопленного опыта, полагаем, восстановление руководящего положения в следственной процедуре выдвижения обвинения должно строиться на двух моментах: (1) вовлечение прокурора во все этапы выдвижения обвинения, (2) наделение прокурора исключительным правом по распоряжению предметом обвинения.

В частности, следователь, дознаватель – обязаны уведомить прокурора о предъявлении обвинения и направить ему копию постановления. После этого прокурор вправе дать органу предварительного следствия обязательные для исполнения указания относительно содержания постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Следует предоставить обвиняемому, защитнику право обжаловать постановление о привлечении в качестве обвиняемого прокурору. Прокурор

¹ Эта доктрина была господствующей в науке и была воплощена в УПК РФ до 2008 года, когда произошла реформа предварительного следствия, приведшая к переделу власти в пользу руководителя следственного органа и утрате прокурором полномочий по руководству предварительным следствием.

² Капинус, О. С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве // Прокурор. 2013. № 2. С. 12–17.

обязан в течение трех суток принять меры прокурорского реагирования на данную жалобу. Полагаем актуальным наделить прокурора правом дать указания относительно формулировки обвинения, его обоснования, с возложением обязанности на следователя выполнения этого указания.

Нельзя не согласиться с Д.В. Потаповым, по словам которого, в связке партнеров, управляющих ходом предварительного следствия и обеспечивающих его всесторонность, объективность и полноту, прокурор и руководитель следственного органа поменялись местами. Руководитель следственного органа руководит предварительным следствием, проводимым следователем. Прокурор осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органа предварительного следствия, не имея полномочий по оперативному вмешательству в его направление, ход. Это перемена и сосредоточение руководящих полномочий у руководителя следственного органа, по мнению В.Д. Потапова, неизбежно отразилась на характеристике как их функций, так и всего досудебного производства. Более уместно, с его точки зрения, квалифицировать взаимодействие следователя, руководителя следственного органа, прокурора как совместное выполнение функции расследования (объективного, полного, всестороннего) и установление объективной истины уже в стадии предварительного расследования¹.

В целом негативно оцениваем сложившуюся модель участия прокурора в выдвижении обвинения и его положения в целом в такой форме досудебного производства как предварительное следствие. В отличие от И.С. Дикарева, не видим существенного позитива в расширении и спецификации полномочий прокурора по распоряжению уголовным делом и обвинением на заключительном этапе выдвижения обвинения, которые отразились в части 1 ст. 221 УПК РФ. Еще меньше позитива усматривается в механизме обжалования решения прокурора об

¹ См.: Потапов, Д. В. Указ. соч. С. 45.

отказе на выдвижение обвинения перед судом, предусмотренном ч. 4 ст. 221 УПК РФ¹.

Исходными пунктами наших рассуждений по вопросу о прокуроре как субъекте доказывания обвинения в досудебном производстве будут следующие постулаты, сформированные российской теорией уголовно-процессуальных доказательств относительно доказывания, которое проводится в досудебных стадиях уголовного процесса:

– уголовно-процессуальное доказывание осуществляется в уголовно-процессуальной форме: форме предварительного расследования² или, по-другому говоря, в следственной форме³;

– доказывание в досудебном и судебном производствах представляет собой единый процесс познания, регулируемый нормами уголовно-процессуального права⁴;

¹ См.: Дикарев, И. С. Досудебное производство по уголовным делам: система сдержек и противовесов // Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия Великой Судебной Реформы: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 155-летию Судебных Уставов 1864 г., приуроченной к 55-летию Юго-Западного государственного университета (14-15 ноября 2019 года). Курск, 2019. С. 120–124.

² См.: Балакшин, В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации) : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.09. - Екатеринбург, 2005. С. 22–25; Давлетов, А. А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 8, 11 и след.; Корнев, Г. П. Методологические проблемы познания и доказывания в российском уголовном процессе. Москва : Юрлитинформ, 2021. С. 28–29, 40 и след.; Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы правового регулирования. Москва : Норма, 2008. С. 12 и след.

³ См., напр.: Соловьев, А. Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России. Научно-практическое пособие. Москва : Юрлитинформ, 2002. С. 18–19, 22 и след.

В работах последнего времени проводится мысль о следственной «технологии уголовно-процессуального доказывания» (См.: Боруленков, Ю. П. Доказательство как технологический элемент юридического познания // Российский следователь. 2013. № 4. С. 2–6), «формировании доказательств» по следственным стандартам (См.: Семенцов, В. А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвузовск. сб–к научных трудов /под ред. В.А. Лазаревой. Самара, 2010. С. 111–119; Тонких, Д. А., Маслов А. В. Субъекты формирования доказательств // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 10. С. 22–25).

⁴ См.: Дорохов, В. Я. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Москва : Юрид. лит., 1973. С. 35, 36; Михеенко, М. М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве. Киев, 1984. С. 10–12; Ляхов, Ю. А. Единство процесса доказывания в

– основным способом собирания, но также проверки и оценки доказательств являются следственные действия, на производство которых уполномочены в досудебных стадиях органы предварительного расследования¹;

– к субъектам, для которых доказывание является обязанностью в досудебных стадиях наряду с органами предварительного расследования, относится прокурор²;

– получение (формирование) доказательства как средства доказывания происходит в ходе совместной деятельности органов предварительного расследования, прокурора, суда³; судебное доказывание сосредоточено на проверке и оценке уже собранного и представленного сторонами доказательственного материала⁴;

– доказывание, как и все предварительное следствие, предварительное расследование, уголовно-процессуальная деятельность субъектов процесса,

досудебном уголовном судопроизводстве России // Государство и право. 2014. № 11. С. 109–112; Барабаш, А. С. Основной, дополнительные и вспомогательные процессы доказывания в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства. Москва : Юрлитинформ, 2017. С. 8, 11–13 и след.; Шейфер, С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. Москва : Норма : ИНФРА-М , 2013. 135 с. С. 6–7, 8 и след.

¹ См.: Гуляев, А. П. Следователь в уголовном процессе. Москва : Юрид. лит., 1981. С. 6 и след.; Ларин, А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. Москва : Юрид. лит., 1986. С. 22–23, 44 и др.; Костенко, Р. В. Процессуальные действия как способ проверки доказательств в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 3. С. 44–48.

² См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. редактор Н. В. Жогин. 2-е изд., исправленное и дополненное. Москва : Юрид. лит., 1973. С. 471; Балакшин, В. С. Допустимость доказательств: понятие, правовая природа, значение, алгоритм оценки: науч.-практ. пособие. Екатеринбург, 2013. С. 85–86; Захарян, А. А. Об участии прокурора в доказывании в зарубежном досудебном производстве по уголовным делам // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 4 (78). С. 123–128; Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы правового регулирования. Москва : Норма, 2008. С. 15 и след.; Тонких, Д. А., Маслов А. В. Субъекты формирования доказательств // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 10. С. 22–25.

³ См.: Авилов, А. В. Процессуальное положение и компетенция прокурора как субъекта обязанности доказывания // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 1. С. 79.

⁴ См.: Соловьев, А. Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России. Научно-практическое пособие. Москва : Юрлитинформ, 2002. С. 38, 41 и др.; Шейфер, С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы правового регулирования. Москва : Норма, 2008. С. 51 и др. Лазарева, В. А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. Москва : Высш. образование, 2010. С. 77.

относящихся к правоохранительным органам, проникнуто принципом публичности, то есть органы, ведущие уголовный процесс, обязаны доказывать в силу требования закона, а не ввиду своих интересов (выигрыша дела)¹;

– определенному типу уголовного процесса (в том числе – уникальному типу российского смешанного процесса) свойственна *своя технология* уголовно-процессуального доказывания, свои стандарты доказывания истины и даже модель «истины»²;

– целью доказывания в следственном досудебном производстве, равно как и во всем процессе, является объективная истина³.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности отечественной теории уголовно-процессуальных доказательств, скажем о главном, что вытекает из нее относительно нашего вопроса о прокуроре как субъекте доказывания.

В период расцвета советской уголовно-процессуальной доктрины статус прокурора как субъекта доказывания объективной истины был непререкаем⁴. Прокурор обязан доказывать выводы, к которым приходят он и органы предварительного расследования в конце соответствующей стадии процесса⁵. Классик советской и современной уголовно-процессуальной науки С.А. Шейфер подчеркивал активную роль прокурора в доказывании в обеих досудебных стадиях⁶.

¹ См.: Барабаш, А.С. Публичное начало российского уголовного процесса. Санкт-Петербург : Изд-во Р. Асланова "Юридический центр Пресс", 2009. С. 316 и след.; Аширбекова, М.Т., Кудин Ф. М. Принцип публичности в судебном производстве по уголовным делам : монография. Волгоград : Изд-во ВолГУ , 2008. С. 89 и след.

² См.: Кухта, А.А. Доказывание истины в уголовном процессе : монография. Нижний Новгород : Нижегородск. Акад. МВД РФ, 2009. С. 180–201; Боруленко, Ю. П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты). Москва : Юрлитинформ, 2014. С. 190–192; Корнев, Г. П. Методологические проблемы познания и доказывания в российском уголовном процессе. С. 29, 82–91.

³ См.: Кухта, А. А. Указ. соч. С. 329–346; Смирнов, Г. К. О необходимости восстановления в УПК РФ объективной истины как цели доказывания // Уголовный процесс. 2012. № 4. С. 18–20.

⁴ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. редактор Н.В. Жогин, изд. 2-е исправленное и дополненное. Москва : Юрид. лит, 1973. С. 469.

⁵ См.: там же. С. 472.

⁶ См.: Шейфер, С. А. С обирание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики : монография. Москва : Норма, 2015. С. 16, 25.

Между тем, главный вывод, вытекающий из положения прокурора в досудебном производстве в том, что, будучи формально субъектом доказывания на досудебных стадиях уголовного процесса (ч. 1 ст. 86 УПК РФ), прокурор в полной мере таковым не является¹. Доказывание, осуществляемое прокурором в досудебном производстве, носит опосредованный, косвенный характер². Данный вывод разделяют большинство опрошенных нами практиков³.

Прокурор не уполномочен проводить следственные действия, участвовать в их проведении. Он может только косвенно, через ряд актов прокурорского реагирования, предусмотренных пунктами 1-3, 5.1, 11-12, 15 части 1 статьи 37 УПК РФ, воздействовать на доказывание, проводимое следователем, дознавателем, другими субъектами предварительного расследования⁴.

В науке распространено мнение о том, что существующий уголовно-процессуальный статус прокурора как субъекта доказывания в досудебном производстве, не может быть признан оптимальным⁵. Справедливо, с нашей точки зрения, указание на то, что прокурор, оставаясь субъектом обязанности доказывания, не имеет возможности непосредственно участвовать в процессе доказывания при производстве предварительного следствия⁶.

Как пишет О.А. Капинус, процессуальные полномочия прокурора должны позволять ему влиять на сбор, проверку и оценку доказательств по уголовным делам, квалификацию содеянного, результаты расследования, между тем,

¹ См.: Спирин, А. В. Прокурор как субъект доказывания в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. №4. С. 66–68.

² См.: Лазарева, В.А. Прокурор в уголовном процессе: учеб. пособие. Москва : Юрайт, 2011. С. 79–80.

³ См.: Приложение № 1, ответы на вопросы №№ 22–25; Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 11–13; Приложение № 3, ответы на вопросы №№ 13–15.

⁴ Разумеется, в отношении органа дознания по вопросам доказывания процессуальные полномочия более широкие.

⁵ См.: Спирин, А.В. Указ. соч. С. 68.

⁶ См.: Авилов, А.В. Указ. соч. С. 79.

действующее законодательство не позволяет ему в должной мере это осуществлять¹.

В этой связи предлагаются следующие изменения законодательства, направленные на оптимизацию правового положения прокурора как субъекта доказывания в досудебном производстве²:

- наделить прокурора правом участвовать в производстве следственных действий и самому проводить следственные действия по поднадзорному уголовному делу;

- предоставить прокурору право давать обязательные для исполнения письменные указания по уголовному делу независимо от формы предварительного расследования.

- уполномочить прокурора своим постановлением признать доказательство, полученное следователем, дознавателем, недопустимым. Такое решение прокурор вправе принять в любой момент досудебного производства как по собственной инициативе, так и по ходатайству заинтересованных лиц³.

Эти суждения отвечают и нашей общей позиции, которая состоит в том, чтобы вернуть прокурору статус полноценного субъекта доказывания⁴.

Завершая наш анализ, остановимся на дискуссии о судьбах досудебного производства в разрезе институтов обвинения и доказывания, которые ведутся в современной процессуалистике. В настоящее время давняя дискуссия об основах и фундаментальных различиях правовой организации досудебного производства ведется с использованием новых понятий, можно сказать риторических средств. Как пишут наши коллеги, риторика современного следственного учения о

¹ См.: Капинус, О. С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве //Прокурор. 2013. № 2. С. 12- 17.

² См.: Капинус, О. С. Деятельность прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: организационный, процессуальный и криминалистический аспекты: пособие / Академия Генеральной прокуратуры. Москва : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования "Университет прокуратуры Российской Федерации", 2013 С. 14 и след.

³ Спирин, А.В. Указ. соч. С. 68.

⁴ Это принципиальное положение будет развито в третьем параграфе третьей главы диссертации.

правовой организации досудебного производства опирается на два понятия, которые стали *модными* в современной науке по специальности 12.00.09¹: тип (типы) и «технологии» уголовного процесса².

Впрочем, в принципиальном плане суть этих вариантов не меняется и состоит в следующем.

1. Оставить в принципе общее устройство уголовно-процессуальной системы и следственную форму досудебного производства в его структуре, но усилить следственную власть и свести к минимуму процессуальные полномочия прокурора по отношению к доказыванию и выдвижению обвинения. Превратить досудебное расследование в сферу доминирования следственного органа.

Данная позиция исходит из того, что следственное досудебное производство – это, образно говоря «наше все»³, то есть это воплощение русского менталитета, скрепа российской государственности и, разумеется, главный инструмент противодействия преступности. Наиболее яркие представители этой позиции в настоящее время в заведениях СК РФ.

Следую логике этой позиции, именно следственный орган и прежде всего – Следственный комитет России – привлекает к уголовной ответственности виновника преступления и осуществляет таким образом уголовно-правовое воздействие. Председатель Следственного комитета РФ говорит именно об уголовно-правовом воздействии, осуществляемом в отношении преступников⁴, то

¹ Для многих в этом и состоит суть модернизации традиционного учения об институте предварительного следствия.

² См. подробнее об этом: Барабаш, А. С., Брестер А. А. Метод Российского уголовного процесса: монография. Санкт-Петербург : Юридический центр-Пресс, 2013; Пиюк, А. В. Проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации в свете типологии современного уголовного процесса. Томск : Юрлитинформ, 2011. 262 с.

³ См.: Цветков, Ю. А. Уголовно-процессуальная геополитика и российская модель досудебного производства // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 98–103.

⁴ См., напр.: Козлова, Н. Причины и следствие. Александр Бастрыкин о реформе уголовного преследования за экономические преступления // Российская газета. 2010. № 14(5093); она же. Следствие ведет Бастрыкин. Глава Следственного комитета: 30 тысяч коррупционных преступлений выявлено за полгода // Российская газета. 2013. № 189(6165).

есть мыслит руководимый им правоохранительный орган как субъект уголовно-правового применения¹.

Неотъемлемой частью этой позиции является тезис о независимости и процессуальной самостоятельности следователя и недопустимости вмешательства надзирающего прокурора в ход и направление предварительного следствия. С этим состыкуется современная общенадзорная концепция прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия.

О теоретической основе этой модели взаимодействия прокурора и следователя (органа предварительного следствия) нами уже говорилось. В устах ее идеологов ни теоретически, ни практически недопустимо совмещение в одном органе выполнения различных по своей правовой природе функций - предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности; предварительного расследования, поддержания обвинения и прокурорского надзора; предварительного расследования и разрешения дела по существу².

Отсюда идут предложения о полном организационном обособлении следственного аппарата и создание единого следственного комитета, подчиненного парламенту Российской Федерации³; наделение органа предварительного следствия полномочием направления дела в суд и поддержание обвинения⁴

2. Оптимизировать досудебное производство, так чтобы изменить баланс полномочий в пользу прокурора⁵.

¹ И с учетом сложившейся правовой организации с ним нельзя не согласиться, хотя отчасти.

² См.: Власова, Н. А. Указ. соч. С. 320–325.

³ См.: Власова, Н. А. Указ. соч. С. 16.

⁴ См., напр.: Багмет, А. М. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя // Российская юстиция. 2013. № 9. С. 54–56; он же. Об устранении двоевластия в уголовном преследовании // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 57–60.

⁵ В пользу такой точки зрения высказывается большинство современных ученых-процессуалистов.

См., напр.: Белобородова, Е. С. О полномочиях прокурора на заключительном этапе предварительного следствия // Новый юридический вестник. 2018. № 3 (5). С. 39–44; Ягофаров, С. М. Осуществление прокурором уголовного преследования в досудебном производстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3 (178). С. 153–158.

3. Реформировать предварительное расследование. Причем так, чтобы вывести его из структуры уголовного судопроизводства, ликвидировав «предварительное следствие» следственную форму выдвижения обвинения и доказывания.

Представители либеральной позиции, отрицающие сам институт предварительного следствия¹, утверждают, что оно является атрибутом авторитарного государства; автократии; через институт предварительного следствия проводится репрессивная уголовная политика².

Так, по мнению А.В. Смирнова, российский уголовный процесс нуждается не просто в текущем совершенствовании путем локальных изменений и дополнений, а в кардинальном пересмотре³, поэтому реформа уголовного судопроизводства - это прежде всего, реформа его досудебных стадий⁴.

Проект реформы предварительного расследования по международно-правовым стандартам, которым следует наши соседи и бывшие родственники по общей – советской правовой системе, предложен представителями нижегородской школы процессуалистов⁵. Впрочем, большая часть научного сообщества против этого.

Мы являемся сторонниками второй – компромиссной позиции, что априори означает разделение следственной идеологии, в чем и состоит, на наш взгляд, сущность правовой идеологии России в новую эпоху.

Сделаем выводы по параграфу.

Суть самого острого идеологического противоречия, которое имеет место в отечественной процессуалистике, состоит в двух проблемах. Первая проблема

¹ См., напр.: Александрова, И., Ляпунова А. Уголовный процесс как форма образования «уголовного права» на наказание преступника. С. 414–418.

² См.: Александров, А. С. Институт следственной власти в России: краткая история возникновения, развития и дегенерации // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 405–411.

³ См.: Смирнов, А.В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель / Аппарат власти следственной / под ред. Н.А. Колоколова. Москва, 2016. С. 190–197.

⁴ См.: там же.

⁵ См.: Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / А. С. Александров и др. Москва : Юрлитинформ, 2015.

связана с переналадкой отношений между субъектами публичного уголовного преследования и доказывания обвинения в досудебном производстве, центральным из которых является отношение между прокурором и следователем/органом предварительного следствия. При этом вопрос о смене формы, правовой организации досудебного производства, а вместе с ним и порядка выдвижения обвинения, доказывания не ставится. Вторая проблема вытекает из системности уголовно-процессуальной деятельности и состоит в вопросе об уместности досудебного производства в составе процесса=судопроизводства и соответственно возможности выведения досудебного производства за рамки «настоящего» – судебного уголовного процесса или, как говорят некоторые – депроцессуализации досудебного производства и ликвидации досудебных стадий как структурных элементов процесса (доказывания и выдвижения обвинения).

Принципиальное отношение к разрешению второй проблемы состоит в том, что концептуальная критика существующей модели имеет деконструктивный пафос; она идет против классической доктрины досудебного производства. Поэтому гипотеза, которую мы выдвигаем, состоит в том, что проблема правовой реорганизации досудебного производства на основе русской правовой традиции, на основе официальной доктрины, решения не имеет. Ликвидировать сложившуюся исторически модель предварительного расследования значит пойти против всех наших традиций, наработанных правовых стандартов деятельности по противодействию преступности.

Этим определяется и наша позиция по разрешению второй проблемы.

Досудебное производство как структурный, системный элемент российской модели уголовно-процессуально-правовой системы воплощает и должно далее воплощать в себе одну из базовых идеологем (культурно-правовых скреп) правовой организации противодействия преступности в нашей стране, а именно: следственную.

Специфика российской следственной модели правовой организации досудебного производства проявляется в разделении властей двоякого рода: (1)

разделении следственно-обвинительной и судебной властей и (2) разделении прокурорской и следственной властей – последнее разделение является избыточным и не соотносится с системой разделения властей правового государства.

Концепция разделения следственной и прокурорской властей изначально была порочной, уже в силу того, что исходила из превратно истолкованной либеральной идеологии с ее тезисом о разделении властей правового государства.

Прокурор и следователь – это субъекты обвинения, уголовного преследования, по отношению к которым сдерживающим началом выступает судебная власть. Не о разделении, а о единстве следственно-прокурорской власти на досудебном производстве следует вести речь.

Вместе с тем разделение власти обвинительной и судебной является принципиальным условием современной правовой организации досудебного производства. Этот постулат является дополнением к первым двум, а именно: о том, что (1) досудебное производство является неотъемлемой частью уголовно-процессуальной системы, важнейшей деталью уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности, (2) оно является следственным, то есть следователь (орган предварительного расследования) обладает властью по распоряжению обвинением, выдвижением обвинения, отказом от обвинения, формированием уголовно-процессуальных доказательств, которыми подтверждается обвинение.

Досудебное производство – это та часть этой односторонней деятельности сторон, которая урегулирована уголовно-процессуальным законом, и система отношений обвинительной власти (частного обвинителя) – суда, а также стороны защиты, иных участников. Правовому урегулированию надлежит прежде всего досудебное уголовное преследование, осуществляемое органами следственно-обвинительной власти государства для достижения целей уголовного судопроизводства, определенных в законе.

Сущность досудебного производства состоит не в том, чтобы самому органу предварительного расследования самостоятельно и окончательно решить вопрос о

применения уголовного закона к лицу, совершившему преступление, а в том, чтобы подготовить условия – материально-правовые и уголовно-процессуальные для решения этого вопроса судом.

Кто ведет досудебное производство, в которое инсталлированы институты обвинения и доказывания, тот управляет и уголовным судопроизводством, является своего рода «ведущим субъектом», все остальные субъекты, включая суд, который пассивен в обвинительном, то есть инициативном плане, являются ведомыми.

Решение органа, проводившего досудебное производство, может иметь только характер притязания на реализацию уголовно-правовой нормы в связи с положительным решением вопроса о ее нарушении. Досудебное производство может быть местом, где происходит «разрешение дела» по существу – при отказе от уголовного преследования стороны обвинения, но и при договорном установлении основания применения уголовного закона, все равно вступление в процесс правоприменения суда неизбежно.

Поэтому процессуальная самостоятельность следователя (органа предварительного расследования) в разрешении основных вопросов уголовного дела относительна, она ограничена точкой окончания расследования. В то время как власть прокурора над уголовным делом – материальным и процессуальным носителем обвинения и его доказательств, является универсальной, всеобщей, доминирующей. Отсюда и вывод о превосходстве обвинительной власти прокурора, которая распространяется и на досудебное производство.

Значение и особое положение прокурора в процессе заключается в том, что именно он обладает исключительными полномочиями относительно перехода уголовного дела в суд. Прокурор направляет в суд уголовное дело и одновременно берет на себя обязанность по поддержанию обвинения и доказыванию. Если роль органа предварительного расследования ограничивается пределами досудебного производства, то процессуальная роль прокурора имеет межстадийный, сквозной, общепроцессуальный характер. Этим обусловлено

положение прокурора в досудебном производстве по отношению и к обвинению, и к доказыванию его.

Прокуратура должна рассматриваться как номинальный носитель обвинительных полномочий, а потому и руководить, проводить уголовное преследование на всех стадиях уголовного процесса

Если считать главным (пред)назначением досудебного производства подготовку главного, то есть судебного производства, подготовку органом предварительного расследования и прокурором разрешения судом уголовно-правового спора, то за некоторыми исключениями, решения относительно обвинения и доказывания также надо считать предварительными, неокончательными.

Под выдвижением обвинения понимается уголовно-процессуальная деятельность органов следственно-обвинительной власти по предварительному и окончательному формулированию требования перед судом о признании обвиняемого лица виновным в совершении преступления и привлечении его к уголовной ответственности или, по-другому говоря, реализации к нему мер уголовно-правового воздействия.

Процессуальная схема, структура выдвижения обвинения имеет знаковый характер и в ее устройстве должна быть заложена гарантия равновесия, разделения властей. Следственная модель выдвижения обвинения отражает суть следственного процесса, в ней воплощена следственная идеология, культура.

Выдвижение обвинения включает в себя несколько этапов: первый этап осуществляется органом предварительного расследования, второй – совместно органом предварительного расследования и прокурором, наконец на третьем этапе, когда прокурор утвердив резолютивный уголовно-процессуальный обвинительный акт направляет его вместе с уголовным делом в суд прокурор выступает от имени государства полномочным субъектом обвинения, берущим на себя обязанность поддерживать и доказывать его в суде. Мы считаем, что должна быть усилена роль прокурора в досудебных этапах выдвижения обвинения.

Суть позиции по изменению сложившейся на настоящий момент модели участия прокурора в выдвижении обвинения заключается в восстановлении руководящего положения в следственной процедуре выдвижения обвинения и должно включать два момента: (1) вовлечение прокурора во все этапы выдвижения обвинения, (2) наделение прокурора исключительным правом по распоряжению предметом обвинения – при соблюдении следственного стандарта «объективной истины».

Назначение досудебного производства в доказательственном отношении состоит в следующем: предварительное установление основания наличия у государства права на применение уголовного закона в отношении обвиняемого, и передачи обвинительного дела в суд для окончательного разрешения основного вопроса уголовного дела, разрешения судом дела по существу.

В досудебном производстве инсталлирован первый, а вместе с тем и главный этап познания – формирования «процедурного знания», установления объективной истины. В той мере, в какой оно определяет формулу обвинения, оно определяет и предмет пределы судебного расследования и, а в значительной мере – и самый его результат. Прокурор, будучи формально субъектом доказывания на досудебных стадиях уголовного процесса (ч. 1 ст. 86 УПК РФ), в полной мере таковым не является.

Надо вернуть прокурору статус полноценного субъекта доказывания в обеих досудебных стадиях. При этом оптимизация в указанном отношении должна не ограничиваться *status quo*, но новой детализацией и уточнением процессуальных прав прокурора по непосредственному участию в следственном уголовно-процессуальном доказывании, координации оперативно-розыскной и следственной деятельности по установлению фактических обстоятельств дела.

Допускаем только ограниченную возможность использования досудебного производства для разрешения бесспорного уголовного дела. Досудебное производство может быть формой отказа публичной следственно-обвинительной власти от применения уголовно-правовых норм в виде назначения наказания. В стадии предварительного расследования может состояться и замена привлечения

к уголовной ответственности на альтернативный вид правовой ответственности. Но оставление подобного решения исключительно в полномочиях органа предварительного расследования является не вполне последовательным. Наиболее правильным было бы сосредоточение таких полномочий у того, кто распоряжается обвинением и обвинительными доказательствами, но с соблюдением стандарта «объективной истины». Впрочем, укладывается в эту схему и предложение о передаче полномочий на разрешении уголовного дела в досудебном производстве как прокурору, так и судебному органу¹.

¹ В представленной главе диссертации получили отражение материалы научных работ, подготовленных соискателем в целях опубликования основных результатов исследования. См.: Левченко, О. В. Архетип национальной уголовно-процессуальной системы и прокурор как ее доминантный субъект // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 49–57; Левченко, О. В. К вопросу о правовой природе частно-публичного уголовно-процессуального механизма привлечения к уголовной ответственности в сфере экономической деятельности // Вестник Уфимского юридического института МВД России 2021. № 4. С. 90–95; Левченко, О. В. Обвинительная власть и уголовно-процессуальная форма ее реализации // Юридическая образование и наука. 2021. № 11. С. 34–38; Левченко, О. В. Согласительно-компенсаторный способ разрешения уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности // Международное уголовное право и уголовная юстиция. 2021. № 6. С. 6–9; Левченко, О. В. Прокуратура как центральный элемент уголовно-правовой системы противодействия экономической преступности // Общество и право. 2021. № 3 (77). С. 54–59; Левченко, О. В. Понятие правовой организации противодействия преступности (теоретико-идеологический аспект) // Пробелы в российском законодательстве. 2021. № 3. С. 248–253; Левченко, О. В. Институт обвинения в правовой организации противодействия преступности // Пробелы в российском законодательстве. 2021. № 2. С. 210–214; Левченко, О. В. Обвинительная власть государства в ее правовой организации и уголовно-процессуальной деятельности : монография. Москва : Юрлитформ, 2021. 176 с.; Левченко, О. В. О сущности обвинения в российском уголовном судопроизводстве // Вестник. Юридические науки. 2022. № 4. С. 76–80; Левченко, О.В. Проблемы повышения эффективности участия прокурора в уголовно-процессуальной системе противодействия преступности // Проблемы участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судами в условиях судебной реформы (история, теория, практика). Москва, 2022. С. 114–119; Левченко, О.В. Прокурор как субъект права на выдвижение обвинения и доказывание // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации. Омск, 2022. С. 44–47; Левченко, О. В. Нравственно-идеологический аспект частно-публичной правовой организации обвинения по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Союз криминалистов и криминологов. 2021. № 4. С. 60–64; Левченко, О. В. Прокурор как субъект доказывания по уголовному делу // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. Ч. 1. С. 190–196; Левченко, О. В. «Следственная власть», «прокурорская власть» и «обвинительная власть»: соотношение понятий // Актуальные вопросы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства. Москва, 2021. С. 240–244; Левченко, О. В. Обвинительная власть и обвинение в российском уголовном процессе // Частноправовые и публично-правовые проблемы современной юриспруденции. Ульяновск: УлГУ, 2021. С. 267–270 и др.

Глава 2. УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ (ДОСУДЕБНОМ) ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

2.1 Участие прокурора в досудебном уголовном производстве западноевропейских государств с «романской» уголовно-процессуальной системой

На европейском континенте, по нашему мнению, к настоящему времени сложились две модели предварительного расследования и участия в нем прокурора: романская и германская. Наиболее ярким представителем первой является Франция. Именно эта страна в свое время – в 19 веке – стала образцом для всей континентальной Европы в организации прокуратуры и уголовного процесса, включая институт предварительного следствия. И Российская империя была не исключением в этом отношении.

Франция упорно модернизирует данную модель, хотя она уже утратила былую привлекательность, как в самой Франции, так и в глазах остальных европейцев¹. Даже государства наиболее близкие по своей правовой системе к Франции, такие как Италия, Испания, существенным образом изменили свое уголовно-процессуальное право, включая процедуру предварительного уголовного расследования и правовое положение прокурора в этой процедуре, его отношения с другими субъектами ее, прежде всего – со следственным судьей и полицией.

Тем не менее, именно с Франции, на наш взгляд, следует начать наш сравнительно-правовой анализ.

2.1.1. Особенности участия прокурора в досудебном производстве уголовного процесса Франции

¹ В бывших африканских колониях Франции эта модель вполне сохраняется.

Во Франции в силу целой серии реформ законодательства на протяжении более чем 20-ти последних лет произошли многочисленные изменения в правовой организации предварительного – досудебного производства в уголовном процессе, впрочем пока не изменившие его основы.

В свое время Н.В. Муравьев писал: «Французская прокуратура тип наиболее сложный и богатый содержанием. Французский институт имеет не только судебный и судебно-административный, но и общегосударственный и отчасти, политический характер. Это могучий деятель обвинительно-следственного преследования, необходимый участник всех отправлений правосудия и власти и орган правительственного надзора за судебным ведомством»¹.

Согласно французской доктрине, прокуратура (*ministère public*) относится к магистратам, как и органы судебной власти. Эта классика романской уголовно-процессуальной системы. Как член судебной иерархии, прокурор должен осуществлять политику правительства в области уголовного правосудия. Между тем, к судебной власти относится и следственный судья. Это принципиальное положение, характеризующее единство государственной власти, отправляемой в сфере уголовного судопроизводства, по нашему мнению, составляет одно из главных черт французской правовой традиции².

10 июля 2008 г. Европейский суд по правам человека постановил, что «прокурор не относится к судебной власти в значении прецедентных норм Европейского Суда, поскольку не наделен необходимой независимостью от исполнительной власти»³.

Это решение поставило под сомнение французскую доктрину организации предварительного следствия и процессуального положения прокурора. Однако, с правовой позицией Европейского Суда по правам человека, отраженной в его

¹ Муравьев, Н.В. Указ. соч. С. 22.

² Как отмечает Л.В. Головкин, следственный судья сочетает одновременно полномочия следственно-обвинительные и судебно-юрисдикционные.

См.: Головкин, Л. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. Москва : Фирма "Спарк", 1995. С. 117.

³ Постановление ЕСПЧ от 10 июля 2008 г. по делу «Медведев и другие против Франции» [Medvedyev and Others v. France] (№ 3394/03). - Текст : электронный // ЕСПЧ : [сайт]. - URL : <http://www.echr.ru/documents/doc/2467606/2467606-002.htm> (дата обращения: 22.07.2022).

постановлении от 10 июля 2008 года, о том, что прокурор во Франции не относится к судебной власти, не согласился Конституционный совет Франции, указав, что тот факт, что руководство деятельностью прокуратуры осуществляет Министр юстиции, не является препятствием к рассмотрению прокуроров в качестве независимых должностных лиц, относящихся к судебной власти, по смыслу статьи 64 Конституции Франции¹.

В серии своих постановлений, принятых в 2019 году, Суд Европейского Союза постулировал, что прокурор, в частности, во Франции, может рассматриваться в качестве судебного органа, уполномоченного выдавать европейский ордер на арест, поскольку обладает достаточной независимостью от органов исполнительной власти².

По мнению французских авторов³, наличие у следственного судьи судьейского статуса обусловлено не уголовно-процессуальной логикой⁴, а логикой судоустройственной: должностное лицо, устанавливающее истину, должно быть максимально независимым – а максимальными гарантиями независимости в отсутствие иерархической подчиненности обладает судебная власть. Очевидно, то же самое можно говорить и о французской прокуратуре.

Таким образом, концептуально французская модель предварительного расследования, в которой ведущим органом является следственный судья, а прокурор выступает стороной обвинения, при том, что оба они формально относятся к судебной власти⁵, сохраняется. Тем не менее, реформирование ее началось и оно продолжается в контексте конвергенции уголовно-процессуальных систем стран Евросоюза. Полагаем, что французская модель

¹ Cons. const., 8 déc. 2017, n° 2017-680 QPC : JO 9 déc. 2017.

² CJUE, 12 déc. 2019, n° C-625/19 PPU, C-566/19 PPU, C-626/19 PPU.

³ См.: Jourdain, N. Le service public de la justice judiciaire: Essai sur l'émergence du droit judiciaire public. Ecole doctorale : Droit. Université Lumière - Lyon II, 2023. P. 87; Leroy, J. Procédure pénale. 8e éd. Paris: Manuel, LGDJ un savoir faire de Lextenso, 2023. P. 54.

⁴ Трактовка следственного судьи как органа «судебного контроля» в том смысле, который ему придается современной российской уголовно-процессуальной наукой, здесь не вполне уместна.

⁵ Clochet, C. Quelle équipe autour du magistrat ? / Les cahiers de la justice. Vol.3. №. 3. 2021, P. 503.

участия прокурора в досудебном производстве отличается от общеевропейской¹, которая проводит общеевропейскими структурами и которая является образцом для новых и потенциальных членов Евросоюза.

Французский прокурор является субъектом публичного уголовного иска, которым он распоряжается в публичных интересах, которые состоят в поддержании законности через привлечение к уголовной ответственности лиц, которые совершают преступления – наиболее тяжкие отступления от законности².

Согласно статье 31 УПК Франции (в ред. 25 июля 2013 г.) прокурор осуществляет публичное действие (*exerce l'action publique*)³ и требует применения уголовного закона, соблюдая при этом принцип беспристрастности.

Вместе с тем прокурор руководствуется *принципом целесообразности* при осуществлении публичного уголовного преследования. Он является единственным правоприменителем, отвечающим за последующие процессуальные действия в связи с выявленным преступлением. Прокурор определяет судьбу обвинения, в том числе и через принятие решения о реализации мер, альтернативных уголовному преследованию («*mesures alternatives aux poursuites*»), полномочия на применение которых у прокурора в последние годы сильно возросли, о чем будет сказано далее.

Согласно статьи 40-1 УПК Франции, когда прокурор приходит к выводу, что факты, которые были доведены до его сведения в соответствии с положениями статьи 40, указывают на наличие признаков преступления, совершенного лицом, личность и местожительство которого известны, и отсутствуют какие-либо законные препятствия для возбуждения дела, то в пределах своей территориальной компетентности он решает, является ли целесообразным:

– возбуждение дела;

¹ Council of Europe: Committee of Ministers, Recommendation Rec(2000)19 on the Role of Public Prosecution in the Criminal Justice System, Adopted at the 718th meeting of the Ministers' Deputies, 6 October 2000.

² Le rôle du ministère public. Bureau du Directeur des poursuites pénales. 2015. P. 27.

³ На наш взгляд, под этим публичным актом надо понимать публичный уголовный иск – требование к суду о привлечении к уголовной ответственности виновника преступления.

- проведение альтернативной судебному преследованию процедуры в соответствии с положениями статей 41-1, 41-1-2 или 41-2;
- прекращение производства, как только конкретные обстоятельства, связанные с совершенным деянием, это подтвердят¹.

В соответствии со ст. 40 УПК Франции (в ред. Закона № 2004-204 от 9 марта 2004 г.) прокурор уведомляет истцов и потерпевших, если они установлены, а также лиц или органы, упомянутые во втором абзаце статьи 40, о судебном преследовании или об «альтернативных мерах судебного преследования», которые были приняты по их жалобе. Когда он решает прекратить процедуру, он также уведомляет их о своем решении, указывая правовые или целесообразные причины, которые его оправдывают.

Согласно ст. 40-2 (в ред. Закона № 2004-204 от 9 марта 2004 г.) прокурор принимает жалобы и заявления и оценивает последующие меры, которые будут приняты по ним в соответствии с положениями статьи 40-1. Любой официальный орган, любое государственное должностное лицо или государственный служащий, которым при исполнении своих функций стало известно о преступлении или правонарушении, обязан незамедлительно уведомить об этом прокурору и предоставить этому магистрату всю информацию, протоколы и документы, относящиеся к этому событию².

Положение прокурора различно в двух различных частях досудебного уголовного расследования, а именно: (а) в дознании и (б) в предварительном следствии.

Прокурор имеет различные полномочия по участию в дознании и в предварительном следствии. Его положение в том и другом определяется отношением с другим ведущим участником досудебного производства – следственным судьей, который ведет предварительное следствие.

¹ Ambroise-Castérot, C., Beauvais, P., Léna, M. Code de procédure pénale 2024, annoté. 65e édition. P.: DALLOZ, 2023. P. 96.

² Ambroise-Castérot, C., Beauvais, P., Léna, M. Code de procédure pénale 2024, annoté. 65e édition. P.: DALLOZ, 2023. P. 48.

К этому надо добавить отношения с «судьей по вопросам ограничения свобод и заключения под стражу» (*Le juge des libertés et de la détention*, сокращенно: «JLD»), выполняющим функцию во многом напоминающую функцию судебного контроля по вопросам применения мер уголовно-процессуального пресечения в ходе досудебного производства, которая есть у российских судей¹, а также еще одним представителем судебной власти – «палаты по вопросам предварительного следствия» или «следственной палаты» (*La chambre de l'instruction*), рассматривающей в порядке апелляции жалобы на решения и действия следственных судей и судей по вопросам ограничения свобод и заключения под стражу. В числе прочего они рассматривают и жалобы на постановления следственного судьи о направлении дела в суд, которые имеют право подавать как стороны защиты, так и прокурор, что свидетельствует о том, что на стадии предварительного следствия прокурор является стороной обвинения уголовного процесса².

Особое значение для правовой организации предварительного следствия имело введение судьи по вопросам ограничения свобод и заключения под стражу (*juge des libertés et de la détention*), которое было осуществлено Законом от 15 июня 2000 г. о презумпции невиновности³. Эти судьи не слушают дела по существу, а реализуют функцию судебного контроля в досудебном уголовном расследовании. О том, какое важное институциональное значение имело образование этого участника процесса, говорит следующее высказывание: «судья по вопросам ограничения свобод и заключения под стражу находится в сердце уголовного правосудия, будучи на передовой столкновения публичных и частных

¹ Это судья, который несет особую ответственность за вынесение решений о задержании лица, находящегося под следствием, и о его возможных просьбах об освобождении.

См.: Leroy, J. *Procédure pénale*. 8e éd. Paris: Manuel, LGDJ un savoir faire de Lextenso, 2023. P. 93.

² Jourdain, N. *Le service public de la justice judiciaire: Essai sur l'émergence du droit judiciaire public*. Ecole doctorale : Droit. Université Lumière - Lyon II, 2023. P. 126.

³ См.: Jourdain, N. *Le service public de la justice judiciaire: Essai sur l'émergence du droit judiciaire public*. Ecole doctorale : Droit. Université Lumière - Lyon II, 2023. P. 128.

интересов»¹. Данный судебный орган, разделив судебные полномочия со следственным судьей, фактически лишил последнего тех судебских полномочий, что связаны с применением мер процессуально-правового принуждения, превратив того в «просто орган предварительного расследования», который по прежнему уполномочен собирать уголовно-судебные доказательства. Так, произошла «деконструкция» правового статуса классического следственного судьи. Деконструкция частичная, поскольку не затронула полномочия следственного судьи на формирование «судебных доказательств» и отношения с полицией.

На наш взгляд, теперь нельзя категорично утверждать, что французское предварительное следствие имеет судебную природу, и что следственный судья выступает судьей, наделенным всей полнотой власти. Теперь к нему применим «внешний» судебный контроль².

Одновременно прокурорский надзор неприемлем к следственному судье. Ситуация очень похожа на российскую, где следователь (бывший судебный следователь) процессуально независим от прокурора, но находится под судебным контролем и прокурорским надзором.

Разумеется, правовое положение в прокурора в различных формах и стадиях досудебного расследования детерминировано правовой организацией каждой из них.

Вначале проанализируем роль прокурора в современном французском дознании. Французская доктрина определяет дознание (по-французски –

¹ См.: Botton, A. Le renforcement du rôle du procureur de la République / Actualité Juridique Pénal 2016. № 12.<http://publications.ut-capitole.fr/23821/>

² Разумеется мы признаем, что любая аналогия хромает и потому применение российской категории «судебный контроль» за предварительным следствием не вполне корректен применительно к тому, что осуществляет в отношении следственного судьи судья по вопросам ограничения свобод и заключения под стражу. Тем не менее, полагаем, что сущность отношений между этими двумя субъектами предварительного расследования одинаковая, что в российском, что во французском уголовном процессе.

«enquête»¹) начальной стадией досудебной части уголовного процесса и полагает, что формой предварительного расследования его считать нельзя².

Между тем, если брать «дознание» в более широком контексте то, конечно, это есть известная и в других государствах особая «деятельность полиции» по выявлению и раскрытию преступления. Мы бы назвали ее «полицейское дознание»³.

Задачами дознания является установление факта преступления, сбор доказательств, а также розыск виновного (ст. 13 УПК Франции). Ведет дознание во Франции судебная полиция, в качестве которой выступают жандармерия или национальная полиция. Согласно статьям 12 и 13 УПК Франции судебная полиция действует под руководством прокурора Республики и под надзором Генерального прокурора⁴.

В соответствии со статьей 38 УПК Франции офицеры и агенты судебной полиции находятся под надзором Генерального прокурора. Он может поручить им собрать любую информацию, которую он сочтет полезной для надлежащего отправления правосудия.

Французская правовая доктрина делит функции прокуратуры в дознании на: (1) квази-иерархическую и (2) уголовно-процессуальные.

Суть первой (квази-иерархической) функций определяется в статье 16 УПК Франции, в соответствии с которой офицер судебной полиции не может

¹ Дознание исторически произошло от инквизиционного процесса с его делением на общее и специальное расследование. Общее расследование (*inquisitio generalis* или *information*) являлось в то время первоначальной стадией процесса, задачей которой было установление события преступления и совершение первичных следственных действий, чтобы собрать максимальное число доказательств, необходимых на последующих стадиях.

См.: Leroy, J. *Procédure pénale*. 8e éd. Paris: Manuel, LGDJ un savoir faire de Lextenso, 2023. P. 35.

² См.: *Police et justice pénale*. Archives de politique criminelle 2011/1 (№. 33). Éditions Pédone. P. 272 [<https://www.cairn.info/revue-archives-de-politique-criminelle-2011-1.htm>].

³ В России оно охватывает (1) всю оперативно-розыскную деятельность, (2) доследственную проверку повода в стадии возбуждения уголовного дела и (3) все три разновидности дознания, как процессуальные формы досудебного производства по уголовному делу.

⁴ См.: Leroy, J. *Procédure pénale*. 8e éd. Paris: Manuel, LGDJ un savoir faire de Lextenso, 2023. P. 107, 108; Ambroise-Castérot, C., Beauvais, P., Léna, M. *Code de procédure pénale 2024*, annoté. 65e édition. Paris : DALLOZ, 2023. P. 98.

выполнять своих обязанностей до тех пор, пока он не будет уполномочен на это постановлением Генерального прокурора при апелляционном суде, в котором указывается срок и объем полномочий¹.

Что касается уголовно-процессуальных функций прокуратуры в дознания, то они выражены в деятельности прокурора республики. Его руководящая роль по отношению к офицерам полиции определяется согласно французской правовой доктрины двумя принципами: 1) наличием прямых взаимоотношений между прокурором и офицерами судебной полиции; 2) правом свободного выбора прокурором должностных лиц судебной полиции, которые будут проводить дознание².

В соответствии со ст. 68 УПК Франции прокурор Республики наделен всеми правами по ведению дознания очевидных преступлений (проступков), которыми наделена судебная полиция.

Если дознание осуществляется полицией, то прокурор имеет права на (1) информацию и (2) на действие. Право на информацию заключается в том, что судебная полиция обязана сообщать прокурору не только о результатах следственных действий, проведенных по его поручению, но и о результатах дознания, проводимого ею *ex officio* (статьи 19, 27 и 29 УПК Франции). Право на действие заключается в том, что прокурор санкционирует проведение ряда процессуальных актов действий полиции, в том числе привод подозреваемого и его допрос³.

Согласно части первой статьи 54 УПК Франции офицер судебной полиции, получивший сообщение о преступлении, немедленно информирует об этом

¹ См.: Leroy, J. Procédure pénale. 8e éd. Paris: Manuel, LGDJ un savoir faire de Lextenso, 2023. P. 128.

² См.: Leroy, J. Procédure pénale. 8e éd. Paris: Manuel, LGDJ un savoir faire de Lextenso, 2023. P. 152, 153.

³ Итогом следственного действия во Франции является формирование судебного доказательства, в то время как по итогам актов дознания появляются т.н. «полицейские доказательства», сами по себе не имеющие доказательственной силы и которым впоследствии необходимо придавать судебный характер, в т. ч. в предварительном следствии.

См.: de Gouville, L. M. P. La juridictionnalisation de l'enquête pénale / Les Cahiers de la Justice. Paris: Cujas, 2015. Vol. 1. №. 1. P. 131-139.

прокурора и выезжает на место совершения преступления, совершает все необходимые действия для его раскрытия.

При этом «прибытие на место происшествия» самого прокурора автоматически лишает судебную полицию всех процессуальных полномочий. Она их может получить только по специальному указанию прокурора Республики.

Впрочем, «прибытие на место» следственного судьи лишает полномочий не только судебную полицию, но и прокурора. Процессуальные функции следственного судьи почти полностью дублируют функции прокурора.

Отмечая указанные обстоятельства, французские ученые делают выводы о том, что, с одной стороны, функции полиции становятся все более «судебными», а, с другой, они почти в полном объеме охватываются надзором и управлением прокурора¹; прокурор Республики «представляет синтез, итог и атмосферу дознания»².

Так, согласно статьи 56 (в ред. Закона 2020-1672 от 24 декабря 2020 г.) если характер преступления таков, что доказательства могут быть получены путем изъятия бумаг, документов, компьютерных данных или других предметов, которыми владеют лица, которые, как представляется, использовались в преступлении, или хранят документы, информацию или предметы, относящиеся к инкриминируемым фактам офицер судебной полиции без промедления прибывает к жилищу последнего для проведения в нем обыска, по итогам которого составляет протокол.

Кроме того, согласно указанной статье офицер полиции вправе также посетить любое место, где может быть обнаружено имущество, конфискация которого предусмотрена статьями 131-21 Уголовного кодекса, для проведения там обыска с целью изъятия этих предметов. Если обыск проводится с единственной целью поиска и изъятия имущества, конфискация которого

¹ См.: Leroy, J. Procédure pénale. 8e éd. Paris: Manuel, LGDJ un savoir faire de Lextenso, 2023. P. 128-153.

² См.: Botton, A. Le renforcement du rôle du procureur de la République. Texte électronique // Actualité Juridique Pénal 2016. № 12. URL : <http://publications.ut-capitole.fr/23821/> (дата обращения: 17.01.2024).

предусмотрена абзацами пятым и шестым этой же статьи, он должен быть *предварительно санкционирован прокурором*. Когда расследование касается насильственных преступлений, сотрудник судебной полиции может *ex officio* или по *указанию прокурора* изъять оружие, находящееся в распоряжении подозреваемого лица или которым последний может свободно распоряжаться, независимо от расположения этого оружия.

С санкции прокурора офицер судебной полиции накладывает арест и изымает предметы, документы и компьютерные данные, полезные для установления истины, а также имущество, конфискация которого предусмотрена в статье 131-21 Уголовного кодекса.

Прокурор может также, когда арест касается наличных денег, слитков, имущества или ценных бумаг, сохранение которых в натуре не является необходимым для установления истины или защиты прав заинтересованных лиц, *разрешить их депонирование*. В Caisse des Dépôts et Consignations или в Banque de France, или на счет, открытый в банковском учреждении Агентством для управления и возврата арестованных и конфискованных активов.

Согласно статьи 60-1 УПК Франции прокурор Республики или офицер, агент судебной полиции под его надзором может любыми способами запросить у частного лица или у государственного учреждения, или органа, предположительно располагающими относящейся к делу информацией, включая информацию из компьютерной системы или обработки персональных данных, для предоставления этой информации, в том числе, в цифровой форме, где это применимо в соответствии со стандартами, установленными нормативным путем. При этом запрошенное лицо или орган не могут противодействовать выполнению этого запроса без наличия законной причины, вытекающей из обязанности сохранения профессиональной секретности.

Согласно части второй статьи 60-2 УПК Франции офицер судебной полиции или, под его надзором агент судебной полиции, вмешиваясь по указанию прокурора, ранее уполномоченного распоряжением судьи по вопросам свобод и задержания, может запросить операторов связи, и в частности тех, которые

упомянуты в 1. части I статьи 6 Закона 2004-575 от 21 июня 2004 г. о доверии к цифровой экономике, незамедлительно принять все меры для обеспечения сохранения в течение не более одного года содержания информации, с которой ознакомился пользователь услуг, предоставляемых операторами.

В соответствии со ст. 60-3 УПК Франции когда объекты, являющиеся компьютерным носителем данных, были опечатаны, прокурор или офицер судебной полиции, агент полиции под его надзором может любым способом потребовать от любого квалифицированного лица, зарегистрированного в одном из представленных списков, на которые делается ссылка в статье 157 или приняв клятву, предусмотренную статьей 60, в письменной форме, вскрыть печати, чтобы сделать одну или несколько копий этих данных, чтобы позволить их работу без ущерба для их целостности. Запрашиваемое лицо должно указать проведенные операции в отчете, составленном в соответствии со статьями 163 и 166 УПК Франции.

Таким образом, как отмечают современные авторы¹, роль прокурора в получении судебной полицией в ходе полицейского расследования электронной информации, имеющей доказательственное значение, усиливается в связи «наступлением цифрового уголовного процесса».

Согласно части 3 статьи 61-3 назначенный адвокат может по окончании работы представить письменные замечания, которые прилагаются к протоколу, составленному офицером полиции. Он может напрямую направить эти замечания или их копию прокурору.

Наконец, в соответствии с частью 1 ст. 63 УПК Франции офицер судебной полиции вправе *ex officio* или по указанию прокурора задержать лицо по подозрению в совершении преступления.

С начала задержания офицер судебной полиции любым способом информирует прокурора о задержании. Он информирует его о причинах

¹ См.: Scherer T. La police judiciaire et l'avènement de la procédure pénale numérique // Cahiers de la recherche sur les droits fondamentaux. Caen : Presses universitaires de Caen, 2023. № 21. P. 125-131; Scherer T. La police judiciaire et l'avènement de la procédure pénale numérique // Cahiers de la recherche sur les droits fondamentaux. 2023. № 21. P. 125-131.

задержания, и информирует его о квалификации фактов, о которых он сообщил задержанному в порядке применения пункта 2 статьи 63-1. Прокурор может изменить эту квалификацию, в таком случае лицо, в отношении которого ведется расследование, уведомляется о новой квалификации на условиях, предусмотренных в той же статье 63-1.

Согласно части второй этой статьи задержание может быть продлено не более чем на 24 часа с письменного и мотивированного разрешения прокурора, если преступление, в совершении или попытке совершения которого подозревается лицо, является уголовным преступлением или проступком и наказывается лишением свободы на срок более одного года, и если продление срока является единственным способом достижения хотя бы одной из целей, упомянутых в пунктах 1-6 статьи 62-2, или разрешить, в случаях, когда отсутствуют помещения, подпадающие под действие статьи 803-3 в суде, представление лица в судебный орган.

Прокурор может дать свое разрешение на представление перед ним задержанного. Такое представление может быть достигнуто с помощью аудиовизуальных средств связи¹.

В соответствии со ст. 62-3 УПК Франции содержание под стражей в полиции осуществляется под надзором прокурора без ущемления прерогативы судьи по вопросам ограничения свобод и заключения под стражу (*le juge des libertes et la detention*), предусмотренной статьями 63-4-2 и с 706-88 по 706-88-2 в вопросах продления срока сверх сорока восьмого часа и отсрочки вмешательства адвоката.

Прокурор оценивает, необходимо ли содержание лица под стражей в полиции и, если применимо, продление срока действия этой меры, для расследования и соразмерны ли действия, в совершении или попытке совершения которых подозревается данное лицо (ст. 62-3 УПК Франции). Он обеспечивает защиту признанных законом прав лицам, содержащимся под стражей в полиции

¹ Ambroise-Castérot C., Beauvais P., Léna M. Code de procédure pénale 2024, annoté. 65-e édition. Paris: DALLOZ, 2023. P. 124.

(указ. ст.). Прокурор может в любой момент приказать доставить задержанного в полицию или освободить (указ. ст.)¹.

По итогам дознания прокурор Республики принимает решение либо о возбуждении, либо о прекращении уголовного преследования. Помимо этого, прокурор уполномочен на квалификацию деяния как преступления, предусмотренного уголовным кодексом. Все эти решения принимаются на основании итогового рапорта судебной полиции².

Таким образом, французское дознание можно квалифицировать как «прокурорское дознание». И в таком виде оно могло бы быть общей формой всего досудебного производства, при отказе от института предварительного следствия.

Однако, есть еще предварительное следствие – «instruction preparatoire». Несмотря на то, что оно проводится (после дознания) по небольшой части уголовных дел, его институциональное значение для всего уголовного судопроизводства трудно переоценить.

Оно признается французской правовой доктриной в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса, причем *стадией, являющейся наиболее важной частью уголовного процесса* (выделено нами – О.В. Левченко), даже в сравнении с судебным разбирательством³. Идеологическое же значение данной процедуры еще более велико. Институт предварительного следствия – это квинтэссенция уголовного процесса Франции, гордость французского правотворческого гения, символ французской уголовно-процессуальной системы, бывшей примером подражания для всей континентальной и ставшей основой

¹ Ambroise-Castérot, C., Beauvais, P., Léna, M. Code de procédure pénale 2024, annoté. 65-e édition. Paris: DALLOZ, 2023. P. 126.

² См.: Leroy, J. Procédure pénale. 8e éd. Paris: Manuel, LGDJ un savoir faire de Lextenso, 2023. P. 112.

³ Это институт французского происхождения. Отсюда столь высокая оценка его значения юристами этой страны, предопределенная как историческими традициями, так и пониманием того, что именно наличие или отсутствие предварительного следствия создает специфику уголовного процесса во Франции по отношению к другим странам, прежде всего, странам общего права.

См.: Leroy J. Procédure pénale. 8e éd. Paris: Manuel, LGDJ un savoir faire de Lextenso, 2023. P. 66.

уголовно-процессуальной формы, которую, называют «смешанной»¹. В этом плане французский идеал разделяется и современной российской официальной уголовно-процессуальной, правовой доктриной, особенно рьяно поддерживаемой идеологами СК РФ².

Предварительное следствие делится на производство: по первой инстанции, и по второй. Положение прокурора в каждой из них различно. Более значимо оно в производстве предварительного следствия по первой инстанции, которое может быть сравнимо с российском аналогом.

Сущность предварительного следствия выражают три принципа: независимость органов предварительного следствия³, уважение прав сторон, письменность и секретность.

Следственный судья (*juge d'instruction*), выступающий органом предварительного следствия по первой инстанции, является представителем судебной власти. Французский следственный судья обладает двойным статусом: магистрата и собственно органа, ведущего уголовное расследование с целью изобличения обвиняемого⁴. Фактически налицо совмещение судебной и обвинительной функции. Однако, это маскируется, как и в России, понятием «предварительное следствие», у которого отрицается наличие «обвинительности», напротив оно презюмируется объективным, полным и всесторонним.

В этом плане современный российский следователь, орган предварительного следствия может быть признан его модифицированным аналогом: но без прилагательного «судебный» и без принадлежности у судебной

¹ См.: Leroy, J. Procédure pénale. 8e éd. Paris: Manuel, LGDJ un savoir faire de Lextenso, 2023. P. 125-153.

² И что характерно, аргументация у них схожая, а именно: ссылки на суверенную национальную модель досудебного производства, национальные традиции, базовые национальные интересы, самобытную историю. (См., напр.: Багмет, А. М., Цветков Ю. А. Кому мешает следственная власть? // Российский следователь. 2016. № 23. С. 3-9).

³ По процессуальной самостоятельности следователя российский следователь вполне может конкурировать со своим французским собратом – следственным судьей, хотя в отличие от него судебным органом (магистратом) не является. Ему хватает его собственной следственной сущности и того, что стал независимым от прокурора по ключевым параметрам: доказыванию и выдвижению обвинения.

⁴ Jourdain, N. Le service public de la justice judiciaire: Essai sur l'émergence du droit judiciaire public. Ecole doctorale : Droit. Université Lumière - Lyon II, 2023. P. 261.

власти, он фактически обладает сходными процессуальными полномочиями в сфере доказывания – посредством проведения следственных и иных процессуальных действий¹.

Французской доктриной отрицается наличие у следственного судьи функции уголовного преследования; ею, напротив, постулируется разделение функции обвинения (уголовного преследования) и судебной функции. Следственный судья как представитель судебной власти (в большей степени, чем прокурор) пассивен в части отправления функции уголовного преследования. Напротив, прокурор является органом уголовного преследования и активен во всем, что связано с доказыванием и выдвижением обвинения, осуществлением уголовного преследования. Прокурор выступает перед следственным судьей с инициативой получения доказательств обвинения. Однако, это не мешает самому следственному судье такие доказательства получить по своей инициативе – в целях достижения материальной истины.

Такова правовая сущность следственного судьи. Появление новой фигуры досудебного уголовного расследования – судьи по вопросам ограничения свобод и заключения под стражу (*le juge des libertes et la detention*) делает следственного судью более чистым органом следствия и менее судебным. Но в том и дело, что несмотря на все реформы, он таковым и не стал, как это произошло в других странах. Французский следственный судья принципиально остается органом предварительного следствия с сохранением судебного статуса.

Как отмечают французские ученые, одним из принципиальных положений французской теории уголовного процесса является разграничение полномочий следственного судьи на следственные, доказательственные и юрисдикционные (судебные)².

¹ См.: de Gouville, L. M. P. La juridictionnalisation de l'enquête pénale // Les Cahiers de la Justice. Paris: Cujas, 2015. Vol. 1. №. 1. P. 131–139.

² См.: Jourdain, N. Le service public de la justice judiciaire: Essai sur l'émergence du droit judiciaire public : Ecole doctorale. Droit. Université Lumière - Lyon II, 2023. yon II, 2023. P. 267; de Gouville L. M. P. La juridictionnalisation de l'enquête pénale // Les Cahiers de la Justice. Paris: Cujas, 2015. Vol. 1. №. 1. P. 139.

Все процессуальные действия и соответствующие им процессуальные акты следственного судьи подразделяются на административные и юрисдикционные. Так что, как минимум, при вынесении процессуальных актов следственный судья осуществляет правоприменение. Такое положение имеет место и в России: следователь (орган предварительного следствия) является субъектом применения норм уголовно-процессуального права, но также и уголовно-правовых норм. В этом заключается одно из принципиальных отличий «следственной модели» досудебного расследования от «прокурорской», где субъектом правоприменения является **исключительно прокурор**, а «следователь» таких полномочий не имеет, и в данном, процессуальном отношении полностью подчинен прокурору, являющимся исключительным носителем обвинительно-процессуальной власти на обвинение и формирование обвинительных доказательств.

Ведущий предварительное следствие следственный судья наделен полномочиями по производству необходимых следственных действий, формированию судебных уголовно-процессуальных доказательств. Он определяет судьбу уголовного дела: прекращает его или направляет в суд для проведения судебного разбирательства, а в классической модели (как в России по УУС или во Франции до 2000 г.) следственный судья (судебный следователь) применял и все предусмотренные законом меры уголовно-процессуального принуждения, следственные действия, связанные с ограничением основных прав и свобод личности.

Отношения прокурора со следственным судьей и другими судьями определяется общими принципами взаимоотношений прокуроров с судебной властью: к судебной власти можно только обращаться с ходатайствами.

Сущность отношений между следственным судьей и прокурором определяет принцип отделения функции уголовного преследования от функции предварительного следствия. В соответствии с этим принципом, следственный судья не уполномочен начинать следствие *ex officio* по своей инициативе. Только прокурор вправе возбудить публичный иск и направить следственному судье

требование о производстве предварительного следствия. Только после этого следственный судья может начать предварительное следствие.

В рамках досудебной юрисдикции прокурор республики дает общие или частные указания сотрудникам судебной полиции, надзирает за законностью применяемых ею методов расследования и пропорциональностью их использования (ст. 39-3 УПК Франции), принимает решение по сообщениям о преступлении (ст. 40-1 УПК Франции).

Итак, следственный судья вправе принимать дело к производству и открывать предварительное следствие только в двух случаях: по инициативе прокурора республики (речь идет о прокурорах при трибуналах (*tribunaux judiciaires*) или жалобе потерпевшего (статья 51 УПК Франции)¹.

Это дает повод французским ученым-процессуалистам расценивать начало предварительного следствия как состязательное, но не инквизиционное, ведь следственный судья действует не по собственной инициативе, а по требованию одной из сторон² - прежде всего прокурора. При этом в силу статьи 80 УПК Франции следственный судья связан фактами, изложенными в указании прокурора. Если выяснятся обстоятельства совершения иных деяний, то необходимо получить новое требование прокурора о производстве следствия. Хотя следственный судья не связан указанием прокурора по поводу конкретного лица и вправе привлекать к ответственности того, кого считает необходимым³.

Хотя следствие осуществляет судебный следователь, и он же проводит следственные действия, прокурор влияет на предварительное следствие. Это происходит опять же в силу активного, обвинительного начала, которое двигает прокурором.

Согласно ст. 82 УПК Франции на любой стадии следствия прокурор Республики вправе требовать от следственного судьи проведения всех действий,

¹ См.: Ambroise-Castérot, C., Beauvais, P., Léna, M. Code de procédure pénale 2024, annoté. 65e édition. Paris : DALLOZ, 2023. P. 232.

² См.: Jourdain, N. Le service public de la justice judiciaire: Essai sur l'émergence du droit judiciaire public. Ecole doctorale. Paris: Université Lumière - Lyon II, 2023.

³ См.: Leroy, J. Procédure pénale. 8e éd. Paris: Manuel, LGDJ un savoir faire de Lextenso, 2023. P. 171.

которые он считает полезными или необходимыми для установления истины. В том числе прокурор может требовать производства следственным судьей дополнительных следственных действий (ч. 1 ст. 82 УПК Франции). Прокурор имеет право присутствовать при следственных действиях (ст. 92 УПК Франции).

Кроме того, согласно ст. 119 раздела V УПК Франции прокуроры Республики имеют право присутствовать при допросах обвиняемого и гражданского истца, а также на очных ставках обвиняемого. Однако присутствие на допросе само по себе не дает прокурору право его проводить самостоятельно. Это относится к юрисдикции следственного судьи. Прокурор Республики может получить у следственного судьи разрешение ставить допрашиваемому вопросы, однако судья может отказать ему в этом. В подобном случае следственный судья обязан внести предложенные прокурором вопросы в протокол следственного действия (ст. 119 УПК Франции).

Завершая анализ первой стадии предварительного следствия, отметим то, что во французской уголовно-процессуальной литературе отмечается, что эволюция процессуального статуса прокурора характеризуется тем, что прокурор все более приобретает роль стороны (обвинения) в данной стадии уголовного процесса¹.

В полномочия следственного судьи входит предъявление обвинения². Подчеркнем, что, как и в России, не прокурор предъявляет обвинение на первой стадии предварительного следствия, хотя во Франции, он является субъектом уголовного иска, стороной обвинения, распоряжающейся преследованием.

¹ См.: Leroy, J. Procédure pénale. 8e éd. Paris: Manuel, LGDJ un savoir faire de Lextenso, 2023. P. 26; Scherer, T. La police judiciaire et l'avènement de la procédure pénale numérique // Cahiers de la recherche sur les droits fondamentaux. 2023. № 21. P. 125-131.

² Предъявление обвинения – это процессуальное действие следственного судьи, направленное на объявление подозреваемому лицу, что против него ведется следствие по факту совершения им того или иного деяния, содержащего признаки преступления, предусмотренного уголовным законом. Вторая инстанция предварительного следствия, содержит «предание суду», что и является «настоящим» выдвижением обвинения в судебном порядке перед следственной палатой.

Порядок окончания предварительного следствия по первой инстанции весьма показателен в плане сохранения базового отношения между прокурором и следственным судьей, как представителями обвинительной и судебной властями.

Идея разделения властей (функций) доминирует в изменениях процедуры окончания предварительного следствия, где усилилось влияние палаты по вопросам предварительного следствия (*La chambre de l'instruction*) как гаранта процессуальных прав участников процесса, заинтересованных в исходе следствия и получивших дополнительные права по защите своих интересов¹.

Надо согласиться с тем, что современная модель предания суду во Франции – это предание суду непосредственно следственным судьей².

После получения требования прокурора следственный судья принимает решение об окончании предварительного следствия, за исключением случая, когда прокурор потребовал его продолжить, а следственный судья с этим согласился.

В соответствии со статьями 192-194 УПК Франции функции прокурора в следственной палате (*La chambre de l'instruction*) осуществляют генеральный прокурор или его заместители. Генеральный прокурор готовит дело в течение сорока восьми часов со дня получения документов по вопросам предварительного заключения и в течение десяти дней по всем остальным вопросам он передает его вместе с обвинительным заключением в следственную палату. Следственная палата должна вынести постановление в течение двух месяцев со дня передачи председателем следственной палаты дела генеральному прокурору. По вопросам предварительного заключения следственная палата должна вынести решение как можно быстрее и не позднее десяти дней со дня подачи апелляции, если речь идет о постановлении о заключении под стражу, и в течение пятнадцати дней в других случаях.

¹ Jourdain N. *Le service public de la justice judiciaire: Essai sur l'émergence du droit judiciaire public*. Ecole doctorale : Droit. Université Lumière - Lyon II, 2023. P.

² Carpentier Y., Giudicelli A. *La simplification de la procédure pénale / Aix-en-Provence, Presses universitaires d'Aix-Marseille, 2019. P. 214.*

Во французской научной литературе отмечается, что правило о передаче дела прокурору и получении его требования о направлении дела в следственную палату является гарантией качества следствия, ибо материалы попадают к профессионалу, который может указать на имеющиеся недостатки. Кроме того, прокурору предстоит поддерживать обвинение в суде, поэтому доскональное изучение дела ему необходимо¹.

Таким образом, прокуратура выступает в этом производстве как сторона обвинения становится и субъектом обвинения, которое выдвигает и поддерживает его перед судебной властью. Современная правоотношений между прокурором и органами судебной власти – следственным судьей и следственной палатой является развитием, а не отрицанием принципиальной модели отношений судебной и обвинительной властей, заложенной в УПК Франции 1958 года². Она, на наш взгляд, смягчает издержки предварительного следствия и делает досудебное уголовное расследование Франции отчасти обвинительным именно в этой стадии и что особенно важно – на окончательном этапе выдвижения обвинения, которое происходит перед судом.

Можно сказать, что прокурор контролирует предварительное следствие, *как представитель стороны обвинения*³, в части доказывания, производства следственных действий, и выдвижения обвинения, которое происходит во второй стадии предварительного следствия.

Вместе с тем, верно и то, что как только французский прокурор уполномочивает следственного судью произвести предварительное следствие по определенному кругу деяний, он утрачивает всякие властные полномочия по таковым. В этот момент прокурор превращается лишь в представителя стороны обвинения, который, конечно, вправе требовать от следственного судьи

¹ См.: Leroy, J. Procédure pénale. 8e éd. Paris : Manuel, LGDJ un savoir faire de Lextenso, 2023.

² Botton, A. Le renforcement du rôle du procureur de la République. Texte électronique// Actualité Juridique Pénal 2016. № 12. URL:<http://publications.ut-capitole.fr/23821/>

³ Но не как орган надзора, способный вмешиваться в ход и направление предварительного следствия.

производства тех или иных следственных действий, однако следственный судья волен отказать в удовлетворении такого рода требований.

Французское предварительное следствие является объектом критики со стороны авторов, придерживающихся различных идеологических позиций. Причем, в наибольшей степени критике подвергается следственный судья¹. В последнее время критика уголовно-процессуальной модели досудебного производства усилилась², основные пункты ее сводятся к следующему.

1. Упрек в секретности предварительного следствия и дознания, которая ограничивает права обвиняемого, стороны защиты, делает невозможной состязательность. Секретность предварительного следствия лишает обвиняемого возможности эффективно осуществлять свои права на защиту, подозреваемое лицо не имеет доступа к процедуре и, следовательно, не может ни получить доступ к собранным доказательствам, ни обоснованно подтвердить свои аргументы, ни потребовать совершения следственных действий с целью получения оправдательных доказательств. В результате его судят на основании односторонней или даже ложной информации.

2. Отсутствие предельного срока предварительного следствия чревато угрозой правам лиц, заинтересованных в исходе процесса. Несмотря на положения статьи 75-1 УПК Франции, в соответствии с которыми «прокурор устанавливает срок, в течение которого должно быть проведено следствие», нередко оно продлевается на несколько лет, прежде чем обвиняемый будет проинформирован о его окончании. Предварительное следствие может длиться

¹ См.: Leroy, J. Procédure pénale. 8e éd. Paris: Manuel, LGDJ un savoir faire de Lextenso, 2023. P. 121; Jourdain, N. Le service public de la justice judiciaire: Essai sur l'émergence du droit judiciaire public. Ecole doctorale : Droit. Université Lumière - Lyon II, 2023. P. 532.

² См., напр.: Bougartchev, K., Moyne, E., Janaszewicz L. L'enquête préliminaire: canard boiteux de la procédure pénale française. URL: <https://www.magazine-decideurs.com/news/l-enquete-preliminaire-canard-boiteux-de-la-procedure-penale-francaise&prev=search&pto=aue>; Bollé A. L'inégalité des armes dans l'enquête préliminaire. // Village de la justice. 2021. № 6. HYPERLINK "<https://www.village-justice.com/articles/inegalite-des-armes-dans-enquete-preliminaire,38704.html>" \o "<https://www.village-justice.com/articles/inegalite-des-armes-dans-enquete-preliminaire,38704.html>" URL: <https://www.village-justice.com/articles/inegalite-des-armes-dans-enquete-preliminaire,38704>. ; Botton A. Le renforcement du rôle du procureur de la République / Actualité Juridique Pénal 2016. № 12. <http://publications.ut-capitole.fr/23821/>

несколько месяцев или даже несколько лет. Адвокат имеет доступ только в начале расследования и снова к нескольким действиям, а затем в конце расследования, когда дело передается в суд. После этого может пройти очень долгое время, а потерпевший, подозреваемый, обвиняемый не курсе о ходе дела. «Я сделаю так, чтобы предварительное расследование оставалось предварительным и не длилось вечно», - заявил в 2020 году министр юстиции Эрик Дюпон-Моретти.

3. Необходимое обеспечение участия обвиняемого в предварительном следствии. По мнению многих комментаторов, следует обеспечить состязательный характер процедуры следствия. Для этого надо предусмотреть в законе обязанность следственного судьи допросить обвиняемого с участием его адвоката, которому сначала следует предоставить доступ к материалам дела в разумные сроки. Обвиняемый и его защитник, оба обязаны хранить тайну следствия. Таким образом, они будут иметь возможность представить свои аргументы и замечания в отношении доказательств, собранных на этом этапе, и потребовать проведения следственных действий или даже оспорить правильность некоторых из них. Соответственно у обвиняемого будет шанс быть освобожденным от судебного уголовного преследования до того, как состоится длительный, иногда бесплодный, но дорогостоящий судебный процесс¹.

Введение статьи 77-2 УПК Франции внесло новшество: отныне любое лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления, может через год после того, как его допросили, запросить у прокурора доступ к материалам уголовного дела для формулирования своей позиции. Указанная статья допускает в рамках предварительного следствия возможность обвиняемому, потерпевшему лично или через адвокатов запрашивать и получать доступ к уголовному делу и формулировать, как прокурор, в течение одного месяца замечания или запросы к следственному судье о действиях, полезных для установления истины.

По общему правилу прокурор должен предоставить материалы дела обвиняемому, когда расследование завершено, и если он рассматривает возможность уголовного преследования. Это не противоречит возможности

¹ Российский опыт показывает иллюзорность подобных предложений.

предоставления прокурором материалов дела подозреваемому досрочно, как это допускает статья 77-2 УПК Франции.

4. Разбалансировка прав лиц, подвергаемых уголовному преследованию, в рамках дознания и предварительного следствия, и потерпевшего. Это проявляется в дифференциации прав на информацию, как обвиняемого, так и потерпевшего, права на помощь со стороны адвоката и пр. Особенно это касается участия в доказывании. Обвиняемый и потерпевший могут внести свой вклад в поиск истины, к тому же не подчиняясь принципу объективности доказывания, которому обязаны следовать только государственные органы.

5. Принцип состязательности должен применяться на всех этапах досудебного расследования. Применение принципа конфронтации (*confrontation principle*) в рамках предварительного расследования неотделимо от гарантии равенства сторон. Между тем, процедуры предварительного следствия ускользают от действия этого принципа. Правовой режим досудебного уголовного расследования непоследователен в контексте естественного права гражданина на самозащиту, принципов состязательности и конфронтации.

5. Недопустимость смешения обвинения и суда: как на уровне института предварительного следствия, так и его главных персонажей: следственного судьи и прокурора. Четкое разделение функций обвинения и правосудия – главное требование реформаторов, в принципе отвергающих следственную традицию¹.

Главный тезис французских реформаторов: «Предварительное следствие, как воплощение несбалансированности французского уголовного судопроизводства, заслуживает реформирования». И главное средство изменения ситуации видится многим теоретикам и практикам в усилении роли прокурора в досудебном уголовном расследовании. Так, эта идея (о замене следственного судьи прокурором) является ключевой во многих проектах реформирования уголовного процесса².

¹ Rassat, M.-L. The Public Ministry, between its past and its future. Thèse Paris : LGDJ, 1967. P. 39.

² См.: La mise en état des affaires pénales, rapport de la commission justice pénale et droits de l'homme présidée par M. Delmas-Marty, 1991 ; Rapport relatif à la réforme de la procédure pénale,

Так, один из проектов будущего уголовно-процессуального кодекса предусматривает, чтобы прокурор заменил окончательно следственного судью в качестве органа ведущего предварительное следствие. При том, что некоторые решения, принятые прокурором, в частности, в отношении запросов о действиях сторон или о передаче дела в суд, равно как и решение об ином исходе следствия, подлежат обжалованию следственному судье¹.

Однако, несмотря на попытки реформирования, базовая уголовно-процессуальная модель отношений основных участников досудебного уголовного расследования почти не изменилась, что вызывает уважение к французским правовым традициям, но делают ее фактически исключением в европейском правовом пространстве, сравнимым, пожалуй, лишь с белорусской и российской уголовно-процессуальными правовыми системами.

Укажем на появление еще ряда новелл² во французском законодательстве, касающихся прокурорской власти в уголовном процессе, его досудебных стадиях. Одним из главных таких новшеств стало создание специализированной - антитеррористической прокуратуры, которая находится при Верховном суде Парижа. Умножение органов прокуратуры характерная примета новейшего времени. Она проявляется в законодательстве многих государств, которые еще будут предметом нашего анализа.

Кроме того, изменились некоторые полномочия прокуроров, но опять же в рамках базовой уголовно-процессуальной формы досудебного производства.

remis par M.- L. Rassat au Garde des Sceaux, 1995 ; Rapport de la commission de la réflexion sur la justice présidée par P. Truche, 1997 ; Refonder le ministère public, rapport de la commission de modernisation de l'action publique présidée par J.-L. Nadal, 2013 ; Rapport sur la procédure pénale, rapport de la commission présidée par J. Beaume, 2014.

¹ Avant-projet du futur code de procédure pénale, version du 1er mars 2010.

² Имеется в виду Закон от 23 марта 2019 года о программировании 2018-2022 и реформе правосудия (Loi du 23 mars 2019 de programmation 2018-2022 et de réforme pour la justice), а также Решение Сената № 2019-778 DC от 21 марта 2019 «Закон о программировании 2018-2022 и реформе правосудия» (Décision n° 2019-778 DC du 21 mars 2019 – Loi de programmation 2018-2022 et de réforme pour la justice); См.: Loi du 23 mars 2019 de programmation 2018-2022 et de réforme pour la justice ; Conseil constitutionnel (LOI n° 2019-222 du 23 mars 2019 de programmation 2018-2022 et de réforme pour la justice. Texte électronique. ELI: <https://www.legifrance.gouv.fr/eli/loi/2019/3/23/JUST1806695L/jo/texte> ; Alias : <https://www.legifrance.gouv.fr/eli/loi/2019/3/23/2019-222/jo/texte>.

Так, согласно статьи 39-3 УПК Франции, введенной Законом 2019-222 от 23 марта 2019 года, в рамках своих полномочий по руководству судебной полицией прокурор может направлять офицерам полиции общие или конкретные инструкции. Он проверяет законность средств, применяемых последними, соразмерность предпринимаемых ими действий с точки зрения характера и серьезности фактов, направленность расследования, а также его качество. Он следит за тем, чтобы полицейские расследования были направлены на установление истины, и чтобы они проводились по обвинению, с соблюдением прав потерпевшего, заявителя и подозреваемого.

Согласно статье 41 УПК Франции (в ред. Закона 2019-222 от 23 марта 2019 года) прокурор осуществляет или выполнил все действия, необходимые для расследования и судебного преследования преступлений против уголовного права. С этой целью он руководит деятельностью сотрудников и агентов судебной полиции в пределах юрисдикции своего суда. Когда дело доходит до следственных действий, которые должны проводиться в юрисдикции, отличной от юрисдикции трибунала, он может попросить районного прокурора с территориальной юрисдикцией провести их или поручить их провести сотруднику судебной полиции. Однако он также может напрямую потребовать от любого сотрудника судебной полиции на всей территории страны совершить эти действия.

Прокурор также наделен следующими полномочиями:

– посещать места содержания под стражей всякий раз, когда считает это необходимым, но не реже одного раза в год; для этого он ведет регистр, в котором перечисляются количество и частота проверок, проводимых в этих различных помещениях;

– направлять Генеральному прокурору отчет о мерах содержания под стражей и состоянии помещений под стражей, находящихся под его юрисдикцией;

– выезжать на территорию иностранного государства с целью проведения слушаний в рамках запроса о взаимопомощи, адресованного иностранному государству, и с согласия компетентных органов соответствующего государства.

Прокурор может также потребовать у тюремной службы интеграции и пробации или службы судебной защиты молодежи для проверки материалы, данные о семейном и социальном положении подсудимого, чтобы проверить материальную осуществимость определенных приговоров или корректировок приговоров, которые могут быть вынесены, и проинформировать о мерах по содействию социальной интеграции заинтересованной стороны.

Эти реквизиции также могут быть сделаны после направления лица в уголовный суд следственным судьей, когда последний находится в предварительном заключении. Эти процедуры должны быть предписаны перед любым ходатайством о помещении под стражу до суда, если наказание не превышает пяти лет лишения свободы, а также в случае судебного преследования в соответствии с процедурой немедленной явки, предусмотренной в статьях 395–397-6 УПК или в соответствии с производством по делу о предварительном признании вины, предусмотренном статьями 495-7 и 495-13 УПК Франции.

Прокурор вправе также прибегнуть к помощи ассоциации помощи потерпевшим, утвержденной министром юстиции, на условиях, определенных указом, для оказания помощи жертве преступления.

Согласно новой статье 60-4 УПК Франции, если этого требует необходимость расследования уголовного проступка, наказуемого лишением свободы на срок до трех лет, то судья по вопросам ограничения свобод и заключения под стражу (*le juge des libertes et la detention*) может по запросу прокурора разрешить перехват, запись и расшифровку электронной корреспонденции. В экстренных случаях такое разрешение может дать прокурор и позволит проводить такие действия без вмешательства со стороны магистрата в течение двадцати четырех часов. В течение не более суток оно должен быть подтверждено мотивированным постановлением судьи по вопросам свободы и содержания под стражей. Эти положения также применяются в случае

предварительного следствия или дознания для целей поиска причин смерти или телесных повреждений или поиска причин исчезновения.

Законодатель расширил полномочия прокурора по применению мер, альтернативных уголовному преследованию («*mesures alternatives aux poursuites*»), вводя статьи 41-1-2, 41-1-3, 41-2 и 41-3 в УПК Франции, и изменив редакцию ряда других статей. В связи с этим комментаторы отмечают усиление роли прокурора в подобный исход дела в досудебном производстве¹.

Так, согласно статьи 41-1 УПК (в ред. Закона 2021-401 от 8 апреля 2021 года) если прокурору Республики представляется, что такая мера может обеспечить компенсацию за ущерб, причиненный потерпевшему, положить конец конфликту, возникшему в результате правонарушения, или способствовать реклассификации правонарушителя, прокурор Республики может своим решением о публичных действиях, прямо или через посредство сотрудника судебной полиции, представителя или посредника прокурора:

– напомнить нарушителю уголовного закона об обязательствах, вытекающих из закона;

– направить нарушителя уголовного закона в медицинскую, социальную или профессиональную структуру; эта мера может заключаться в прохождении правонарушителем за его счет стажировки или обучения в медицинской, социальной или профессиональной службе или организации, и, в частности, стажировки по гражданству, курса по родительской ответственности, ознакомительного курса по вопросам борьбы с проституцией, курса расширения прав и возможностей для предотвращения и борьбы с насилием внутри пары и сексизма, учебного курса по борьбе с сексизмом и повышению осведомленности о равенстве между женщинами и мужчинами или учебного курса по повышению осведомленности об опасностях употребления наркотических средств;

¹ См.: Carpentier, Y., Giudicelli A. La simplification de la procédure pénale. Marseille : Aix-en-Provence, Presses universitaires d'Aix-Marseille, 2019; Botton, A. Le renforcement du rôle du procureur de la République // Actualité Juridique Pénal. 2016. № 12. P. 63–71.

– требовать от нарушителя уголовного закона урегулировать конфликтную ситуацию с его участием в соответствии с законом или другими правовыми постановлениями. Эта регуляризация может, в частности, состоять в отказе в пользу государства от вещи, которая использовалась или предназначалась для совершения правонарушения или являлась его результатом. Отказ от права также может быть сделан в пользу некоммерческого юридического лица, определенного прокурором, когда речь идет о том, какой правонарушитель является владельцем и на которое никакая третья сторона, скорее всего, не будет иметь прав;

– предложить правонарушителю возместить причиненный им ущерб. Эта компенсация может, в частности, состоять из реституции, восстановления помещений или поврежденных вещей или денежной выплаты в пользу потерпевшего или любого физического или юридического лица, которым пришлось понести расходы на восстановление помещений или разрушенных вещей;

– по просьбе или с согласия жертвы приступить к посреднической миссии между виновником уголовного проступка и жертвой. Если медиация прошла успешно, прокурор или медиатор государственного обвинителя составляет протокол, который подписывается им самим и сторонами и им передается копия; если преступник обязался возместить ущерб потерпевшему, последний может, с учетом этого отчета, потребовать возмещения ущерба в соответствии с порядком проведения процедуры выплаты в соответствии с правилами, установленными Гражданским процессуальным кодексом. В случае насилия в супружеской паре, подпадающего под действие статей 132-80 Уголовного кодекса, посредническая миссия не может быть осуществлена;

– в случае правонарушения, совершенного против его супруги, его сожителя или партнера, связанного актом гражданской солидарности, или против его детей или детей его супруги, сожителя или партнера, предложить правонарушителю проживать вне дома или места жительства пары и, если применимо, воздерживаться от появления в этом месте жительства или резиденции или в непосредственной близости от них, а также, при

необходимости, подвергаться медицинскому, социальному или психологическому обвинению¹;

– предложить правонарушителю не появляться в течение периода, который не может превышать шести месяцев, в одном или нескольких конкретных местах, где преступление было совершено или где проживает жертва;

– предложить правонарушителю не встречаться и не принимать в течение периода, который не может превышать шести месяцев, жертву (жертв) правонарушения, указанную прокурором, напрямую или через посредство лиц, упомянутых в законе, или не вступать в контакт с той или иной жертвой (жертвами);

– предложить правонарушителю не встречаться и не принимать в течение периода, который не может превышать шести месяцев, соучастника(ов) или возможных сообщников, указанных прокурором напрямую или через лиц, упомянутых в законе, или вступать с ними в контакт;

– предложить виновному в совершении уголовного проступка уплатить взнос гражданина ассоциации помощи жертвам, упомянутой в статьях 10-2 и 41 УПК, в пределах юрисдикции судебного суда или, в противном случае, апелляционного суда. Размер этого взноса, который не может превышать сумму, предусмотренную в первом абзаце статьи 131-13 Уголовного кодекса, устанавливается прокурором в зависимости от серьезности фактов, а также ресурсов и затрат на автор фактов;

¹ Положения настоящего пункта 6 также применимы, когда преступление совершено бывшим супругом или партнером жертвы или лицом, связанным с ним актом гражданской солидарности, при этом место жительства в этом случае является место проживания жертвы. Для применения этого правового предписания прокурор собирает или получает, как можно скорее и любыми способами, мнение жертвы о целесообразности просить правонарушителя проживать вне дома пары. За исключением особых обстоятельств, эта мера принимается в случае вероятности повторения актов насилия и по просьбе жертвы. Прокурор может определить сроки и условия для покрытия расходов, связанных с этим помещением, на период, который он устанавливает и который не может превышать шести месяцев; эта мера принимается в случае вероятности повторения актов насилия и по просьбе жертвы. Прокурор может определить сроки и условия покрытия расходов, связанных с этим помещением, на период, который он устанавливает и который не может превышать шести месяцев; эта мера принимается в случае вероятности повторения актов насилия и по просьбе жертвы. Прокурор может определить сроки и условия покрытия расходов, связанных с этим помещением, на период, который он устанавливает и который не может превышать шести месяцев.

– в случаях, предусмотренных статьей 44-1 УПК, и после получения заключения мэра предложить виновному ответить на повестку от мэра с целью заключения сделки. Если виновный не явился по вызову или если не было достигнуто соглашение, мэр сообщает об этом прокурору.

Порядок, предусмотренный указанной статьей, приостанавливает срок давности публичного иска. В случае неисполнения меры из-за поведения правонарушителя, прокурор, если нет нового элемента, применяет наказание или возбуждает дело.

Последние изменения законодательства направлены на усиление роли прокурора в разрешении уголовно-правовых конфликтов посредством процедур медиации или трансакции. Принципиально модели досудебного расследования эти процедуры не меняют. Но поскольку прокурор в них играет решающую роль, можно говорить о том, что и в целом на досудебных стадиях его процессуальная роль повысилась. Способствует повышению роли прокурора в получении судебной полицией, следственным судьей доказательств, а также обеспечении прав лиц, в отношении которых проводятся следственные действия, цифровизация уголовного процесса.

Таким образом, изучение формы участия прокурора в предварительном следствии позволяет сделать вывод, что ему присущи две основные характерные черты. Во-первых, сохранение до настоящего времени следственной модели организации предварительного следствия, которая проявляется в наличии следственного судьи, совмещающего в своем статусе следственные и судебские элементы (остаточные)¹. Во-вторых, развитие состязательных начал, которые оставляя следственную модель досудебного производства, как бы обрамляют ее, делая приспособленной к современным условиям и вполне отвечающей концепции правового государства. Состязательность проявляется в широком участии защитника, в процедуре предварительного следствия II инстанции, в

¹ См.: Leroy J. Procédure pénale. 8e éd. Paris: Manuel, LGDJ un savoir faire de Lextenso, 2023.

возможности обжалования действий и решений государственных органов¹, появление нового участника в лице судьи по контролю за применением мер пресечения и пр.

Наконец, усиление посреднической роли прокурора видится в процедурах медиации и трансакции. В общем, власть следственного судьи постепенно уменьшается, а власть прокурора увеличивается.

Согласимся с заключением, что предварительное следствие характерно для стран с бывшей инквизиционной, а ныне смешанной моделью уголовного процесса. Сам факт наличия или отсутствия института предварительного следствия предопределяет тип судопроизводства того или иного государства. Укрепление состязательных начал в современных условиях просто неизбежно для государств демократической ориентации. Эта тенденция необратима, и она давно нашла отражение в уголовном процессе Франции текущего столетия. Отсюда появляется кризис доктрины и позитивно-правовой модели классического предварительного следствия, который порождает идеи о его преобразования, спектр которых очень широк: от реконструкции предварительного следствия или его отдельных институтов до его упразднения².

Сохраняют актуальность слова Н.В. Муравьева: «Долго под влиянием французских институтов, главною задачей прокуратуры признавалось и отчасти признается донныне – охранение законов, а ее функцией – надзор за соблюдением их во всевозможных проявлениях, преимущественно впрочем в судебном ведомстве, над которым прокуратура и ставилась в качестве блюстителя законности судебных действий и контролера правильного хода правосудия. Отсюда надзор за судьями и судебными чинами. ... Новейшая наука решительно отвергает все это положение, доказывая, что оно излишне, вредно и для прокуратуры без надобности обременительно. Суд сам призван охранять закон и

¹ См.: Leroy J. Procédure pénale. 8e éd. Paris: Manuel, LGDJ un savoir faire de Lextenso, 2023. P. 221.

² См. Leroy J. Procédure pénale. 8e éd. Paris: Manuel, LGDJ un savoir faire de Lextenso, 2023. P. 223.

надзор за ним возможен лишь в иерархическом порядке судебных инстанций ... Прокуратура должна быть только органом публичного преследования»¹.

Отсутствие предварительного следствия в законодательстве многих стран, причем не только англосаксонских, но уже и континентальных, заставляет задумываться французских юристов о значении данной стадии. Вопрос ставится достаточно радикально: нужна ли она вообще? Кроме того, предварительное следствие связывалось и, видимо, всегда будет связываться с инквизиционной формой процесса, ибо переход к полной состязательности досудебного производства означает не что иное, как отказ от предварительного следствия в его континентальном понимании. С другой стороны, укрепление состязательных начал в современных условиях просто неизбежно для государств демократической ориентации. Эта тенденция необратима, и она давно нашла отражение в уголовном процессе Франции текущего столетия. Отсюда появляется кризис классического предварительного следствия, что приводит к различного рода идеям его преобразования. Спектр этих идей, часть из которых нашла воплощение в законодательстве, очень широк: от полной реконструкции предварительного следствия и даже его упразднения до реформ в рамках отдельных институтов.

Последние изменения уголовно-процессуального кодекса Франции направлены на усиление роли прокурора в разрешении уголовно-правовых конфликтов посредством процедур медиации или трансакции. Принципиально модели досудебного расследования эти процедуры не меняют². Но поскольку

¹ Муравьев, Н.В. Указ. соч. С. 28.

² Что касается процедуры предания суду, то участие прокурора в ней несопоставимо с другими магистратами – следственным судьей и следственной палатой. Но самое главное в том, что в России от этой процедуры давно отказались и предварительным следствием в российском понимании эту процессуальную деятельность признать нельзя. Хотя, на наш взгляд, для правовой организации выдвижения обвинения, то есть для института обвинения, она имеет принципиальное значение. А институт обвинения, в свою очередь, определяет в основном тип уголовного судопроизводства (См. об этом, напр.: Полянский, Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса. Москва, 1927. С. 46 и след.). И по этому критерию (отсутствию у нас судебной процедуры выдвижения обвинения) можно говорить, что наше предварительное следствие является усеченной копией французского предварительного следствия.

прокурор в них играет решающую роль, можно говорить о том, что и в целом на досудебных стадиях его процессуальная роль повысилась.

2.1.2. Итальянская модель правовой организации досудебного уголовного производства и процессуальное положение в нем прокурора

Итальянская модель правовой организации досудебного уголовного производства и процессуальное положение в нем прокурора является ярким подтверждением слов Н. В. Муравьева относительно общей тенденции модернизации прокурорской деятельности в досудебном уголовном расследовании.

Понятие «судебная система» Италии включает в себя как суды, так и прокуратуру. Это следует из статьи 107 Конституции Италии, согласно которой прокуратура пользуется гарантиями, установленными для нее законом о судоустройстве.

Между тем, как следует из статей 109, 111-112 Конституции и Уголовно-процессуального кодекса уголовно-процессуальная система Италии может быть квалифицирована как преимущественно обвинительная. В ней имеет место разделение процессуальных ролей, обособление процессуальных фаз и действует презумпция невиновности. Ее обвинительный характер смягчен признанием прав доказательственной инициативы у судьи в случаях, строго предусмотренных законом¹.

Итальянская правовая доктрина исходит из того, что прокурор является представителем закона в уголовном процессе. Как отмечают итальянские авторы, прокурор как магистрат обладает гарантиями независимости, сходными с теми, что у судьи. Такое положение важно для Италии, поскольку в ее правовой

¹ См.: Dominioni O., Corso P., Gaito A., Spangher G., Dean G., Garuti G., Mazza O. *Procedura penale*. Torino: Giappichelli, 2018. P. 18, 19; Cordero, F. *Procedura Penale*. Milano: Giuffrè, 2000. P. 4-5, 11; Lozzi, G. *Lezioni di Procedura Penale*. Edizione XV. Torino: Giappichelli, 2020. P. 6, 8-11.

системе не завершено полное разделение между законодательной властью и исполнительной властью и потому не хватает действенного контроля первой над второй¹.

Прокурор в Италии, как независимый магистрат отличается от судьи лишь тем, что работает в прокуратуре, а не в суде. Качество «публичного участника» отделяет его от участников, которые преследуют личный интерес. Государственный интерес предписывает прокурору обязанность процессуальной честности (ст. 358 УПК Италии), то есть обязанность воздержаться от участия в процессе, когда для этого есть весома причина – через самоотвод, а также обязанность при доказывании не ограничиваться только собиранием обвинительных доказательств, но и получать доказательства благоприятные защите; все результаты расследования должны быть предоставлены прокурором для ознакомления участникам после окончания расследования (ст. 366, 415-bis УПК Италии).

Согласно статье 112 Конституции Италии прокуратура обязана осуществлять уголовное преследование, что позволяет говорить о конституционном закреплении принципа обвинения². Это знаковый показатель определенной уголовно-процессуальной системы и положения в ней прокурора. Прокурор является субъектом уголовного иска и публичного уголовного преследования. Нет суда без уголовного иска, а значит судебская функция отделена от обвинительной³.

Конституция требует независимости каждого магистрата прокуратуры, у которого есть обязанность обеспечивать соблюдение закона. Следующее

¹ См.: Caringella, F., Salerno, A., Francola, M. *Procuratore dello Stato* 2021. Napoli: Dike Giuridica, 2021.

² Категоричность этого принципа подвергается сомнению некоторыми учеными, но необходимость его в целом общепризнана.

См.: Fabri, M. *Criminal Procedure and Public Prosecution Reform in Italy: A Flash Back*. Testo elettronico // *International Journal For Court Administration*. January. 2008. URL: https://www.researchgate.net/publication/285752953_Criminal_Procedure_and_Public_Prosecution_Reform_in_Italy_A_Flash_Back/link/57f7a26508ae886b898348f0/download

³ См.: Salvi, G. *Discrezionalità, responsabilità, legittimazione democratica del Pubblico Ministero*. Testo elettronico // *Rivista trimestrale*. 2021. № 2. www.questionegiustizia.it/data/rivista/articoli/934/2-2021_qg_salvi.pdf.

требование – обеспечение надлежащей организации органа публичного обвинения, у которого есть обязанность инициативы в уголовном процессе. Для этого нужно, чтобы указания, даваемые судебной полицией, были едиными¹.

Прокурор Республики вправе как сам осуществлять публичное уголовное преследование, так или назначить одного, несколько лиц, работающих в должности магистрата, для его проведения. В этом состоит принцип единства и безличности прокуратуры, который находит развитие в новейшем законодательстве².

Отметим наличие нескольких прокуратур в Италии. Согласно § 3 ст. 51 УПК Италии каждой прокуратуре следует выполнять свои функции исключительно при судебном органе, при котором она создана. При этом действует принцип единства прокуратуры, что позволяет вышестоящему прокурору заменять прокуроров в процессе и передавать дела из одной прокуратуры в другую.

Надо отметить, что понятие «уголовное преследование» (*azione penale*) фактически коррелирует по времени «процессу», поскольку последний инициируется актом об уголовном преследовании, а именно: направленным судьей ходатайстве прокуратуры о принятии решения об обвинении.

В соответствии с § 1 статьи 405 УПК Италии в ординарном процессе прокурор осуществляет уголовное преследование, ходатайствуя о передаче в суд дела в отношении обвиняемого. При этом направленное судьей ходатайство

¹ См.: Panizza, S. Se l'esercizio dell'azione penale diventa obbligatorio... nell'ambito dei criteri generali indicati dal Parlamento con legge. Testo elettronico// *Questione giustizia online*. 5 gennaio 2022. URL: www.questionegiustizia.it/articolo/se-l-esercizio-dell-azione-penale.

² Spataro, A. La selezione delle priorità nell'esercizio dell'azione penale: la criticabile scelta adottata con la Legge 27 settembre 2021, n.134. Testo elettronico// *Questione giustizia online*, 20 dicembre 2021. URL: www.questionegiustizia.it/articolo/la-selezione-delle-priorita; Di Vizio, F. L'obbligatorietà dell'azione penale efficiente ai tempi del PNRR. Testo elettronico // *Questione giustizia online*, 13 ottobre 2021. URL: www.questionegiustizia.it/articolo/l-obbligatorieta-dell-azione-penale-efficiente-ai-tempi-del-pnrr; Daniele, M. Il Vaglio Preliminare Dell'accusa Secondo La L. n. 134/2021 / *Giurisprudenza Italiana: Con Repertorio Generale Annuale Di Giurisprudenza, Dottrina e Legislazione*. 2022. vol. 4. P. 1012 ss.

содержит изложение обвинения¹. В специальных процессах, что устраняют подготовительное судебное заседание, уголовное преследование начинается, когда прокурор формулирует обвинение путем определенного действия, специально предусмотренного для соответствующей процедуры (например, при непосредственном судебном разбирательстве (*giudizio direttissimo*) прокурор объявляет обвинение обвиняемому, который доставлен, в судебном заседании (§ 1 статьи 417 УПК Италии). Начало уголовного преследования определяет два последствия. В первую очередь у судьи возникает обязанность решать относительно события, указанного в обвинении. Во-вторых, сформулированное прокурором обвинение фиксирует предмет процесса, то есть запрещает судье принятие решения о событии, отличающемся от того, что в обвинении (кроме исключений, предусмотренных в статьях 516–521 УПК Италии)².

Необходимо сказать о доктрине доказывания Италии, чтобы выявить роль прокурора в досудебном доказывании. По мнению итальянских авторов следственная и обвинительная уголовно-процессуальные системы имеют каждая свое доказательственное право. Следственное доказательственное право построено на принципе объективной (материальной истины), согласно которому любое доказательство допустимо с целью дать возможность следователю установить материальную истину. Следовательно, сконцентрировав все процессуальные функции, наделяется максимальными полномочиями по поиску, проверке и оценке доказательств. Напротив, обвинительная система опирается на противоположный принцип – состязательности доказывания. Истина лучше выясняется, если процессуальные функции распределены между участниками, между которыми есть противостоящие интересы. Судье, независимому и беспристрастному, надлежит только принять решение на основе доказательств, которые получили и представили обвинение и защита. Когда используется состязательный принцип, то полномочиями по поиску, допуску, принятию и

¹ См.: Alibrandi, L., Corso, P. (a cura di). *Codice penale e di procedura penale e leggi complementari*. 44^a edizione // La Tribuna, 2016. P. 133.

² См.: Alibrandi, L., Corso, P. (a cura di). *Codice penale e di procedura penale e leggi complementari*. 44^a edizione // La Tribuna, 2016. P. 134.

оценке доказательств не может наделяться единственный участник – они должны быть распределены между судьей, обвинением и защитой с тем, чтобы никто из них не имел возможности ими злоупотреблять¹.

На прокуроре лежит обязанность доказывания виновности обвиняемого, то есть убеждения судьи в правоте этого утверждения. Бремя доказывания прокурор несет при предварительном формулировании обвинения (§ 1 ст. 65 УПК Италии) и окончательном (ст. 405 УПК Италии).

Право расследования, направленного на убеждение судьи в правоте своего тезиса, разрешено в Италии обеим сторонам в ходе всей процедуры, досудебной и судебной, и представляет собой подготовку к реализации субъектом доказывания права на перекрёстную проверку перед судом представленных сторонами сведений и материалов (§ 2 ст. 24 и § 2 ст. 111 Конституции Италии).

Согласно статье 109 Конституции Италии судебная власть непосредственно распоряжается судебной полицией. Это означает, что прокуратура, как магистрат, руководит судебной полицией. Это подтверждается статьей 327 УПК Италии. Это традиционное для стран с романской правовой системой положение, которое сильно модифицировалось.

Судебная полиция, как и во Франции, противодействует преступности путем раскрытия и расследования преступлений, получения доказательств для установления факта преступления и возможного развития уголовной процедуры для применения уголовного закона. При появлении информации о совершении преступления судебная полиция уполномочена на применение принудительных полномочий. Согласно статье 56 УПК Италии функция судебной полиции выполняется под руководством прокурора. Подразделения судебной полиции функционируют при прокуратурах первой инстанции².

Досудебное производство или предварительное расследование (*indagini preliminary*) квалифицируется итальянцами, как первая фаза или первая инстанция

¹ См.: Caringella, F., Salerno, A., Francola, M. *Procuratore dello Stato* 2021. Napoli: Dike Giuridica, 2021. P. 66.

² См.: Pretti, D., Alvino, F. *Le indagini preliminary*. Torino: Giappichelli, 2017. P. 15.

уголовной процедуры. Она начинается с момента, как информация о преступлении доходит до уголовной полиции или прокурора, а заканчивается или началом уголовного преследования, или получением от судьи согласия на прекращение производства¹.

Основными участниками досудебного производства являются: 1) прокурор, 2) судебная полиция, 3) судья, который именуется «судьей по досудебному производству» (*giudice per indagini preliminari*², осуществляющий судебный контроль. Им может выступать в процессе судья суда общей юрисдикции или суда по делам несовершеннолетних, на которого возлагаются судебные полномочия в стадии досудебного производства³.

Этот судья отличается от следственного судьи, так как не обладает правом доказательственной инициативы: у него нет задачи «расследовать» - он только рассматривает ходатайства сторон⁴. Можно сказать, что это аналог современного французского судьи – *juge des libertes et la detention*, о котором говорилось выше.

Итальянская доктрина подчеркивает незаинтересованность контроля, осуществляемого этим судьей, то есть не связность его с расследованием, следствием по инициативе самого судебного органа. Это не следственный судья, как субъект, ведущий предварительное следствие. Отсюда два ограничителя в его деятельности: 1) свою функцию он выполняет только в случаях, предусмотренных законом и 2) по ходатайству стороны (ст. 328 УПК Италии). В полномочия судьи по досудебному производству входят: утверждение ареста или задержания, принятие решений относительно предупредительных мер и разрешения на перехваты информации, а также депонирование доказательств в неотложных случаях (ст. 392 УПК Италии).

Значит, прокуратура, полиция и судья, как государственные органы ведут досудебное производство, осуществляя судебскую и обвинительную функции, и

¹ См.: Pretti, D., Alvino, F. *Le indagini preliminari*. Torino: Giappichelli, 2017.

² Судья по досудебному производству – судья суда общей юрисдикции, на которого возложены судебные полномочия в досудебном производстве по уголовному делу.

См.: Cordero, F. *Procedura Penale*. Milano: Giuffrè, 2000. P. 97, 99.

³ Cordero, F. *Procedura Penale*. Milano: Giuffrè, 2000. P. 98.

⁴ См.: Cordero, F. *Procedura Penale*. Milano: Giuffrè, 2000. P. 99.

определяют исход процедуры. При этом прокуратура и полиция активны, а судья пассивен. Остальные участники процесса, включая представителей стороны защиты, не имеют решающего влияния на ее исход, и потому вне пределов нашего анализа.

Досудебное/предварительное расследование представляет собой первую фазу уголовного процесса¹. Досудебное производство состоит из расследований, проводимых прокурором и судебной полицией вместе или в некоторых случаях параллельно. Принцип руководства прокурора досудебным производством является определяющим для него.

Главная цель досудебного производства согласно статьи 326 УПК Италии заключается в том, чтобы дать прокурору возможность сделать обоснованный выбор решения относительно обвинения: выдвигать или не выдвигать его²; также целями предварительных расследований могут считаться (а) содействие прокурору обосновать свои ходатайства перед судьей по досудебному производству о применении мер процессуального принуждения, (б) использование полученных фактических данных как доказательств (средств доказывания) в первых двух фазах (стадиях) процесса: предварительного расследования и подготовительного судебного заседания, (в) формирование доказательств, которые допускается использовать без подтверждения (повторного получения) в судебном заседании, а именно: в случаях, предусмотренных § 5 ст. 111 УПК Италии, то есть, или с согласия обвиняемого или в силу объективной неповторяемости, или при незаконном воздействии в отношении лица, сообщившего информацию. В то же время нельзя считать целью предварительного уголовного преследования формирование доказательственной базы непосредственно доступной для убеждения суда в стадии судебного разбирательства³.

¹ См.: Cordero, F. *Procedura Penale*. Milano: Giuffrè, 2000. P. 100.

² См.: Alibrandi, L., Corso, P. (a cura di). *Codice penale e di procedura penale e leggi complementari*. 44^a edizione // La Tribuna, 2016. P. 230.

³ Этот вывод вытекает из современной итальянской доктрины уголовного процесса.

Досудебное производство начинается в момент, когда информация о преступлении доходит до судебной полиции или прокурора, а заканчивается началом уголовного преследования в судебном порядке или получением от судьи согласия на прекращение производства по делу.

Как только судебная полиция получает информацию о преступлении она обязана информировать об этом прокурора (ст. 347 УПК Италии), что в свою очередь, порождает у прокурора обязанность принять необходимые меры о немедленной записи информации в «реестре сообщений о преступлениях» (ст. 355 УПК Италии).

Судебная полиция может действовать как по своей инициативе, так и под руководством прокурора. Действия по инициативе судебной полиции состоят в собирании фактических данных для проверки факта и индивидуализации виновного (§ 1 ст. 348 УПК Италии), в целом эти действия характеризуются меньшей принудительностью и соблюдением права на защиту, чем действия прокурора или по указанию прокурора, например: краткий опрос лиц (350, 351 УПК Италии), действия или операция, которая не требует специальной подготовки (§ 4 ст. 348 УПК Италии), идентификация лица (ст. 349 УПК Италии), срочные проверки и изъятия (ст. 354 УПК Италии) и др. Они осуществляются полицией с момента получения информации о преступлении и завершаются, когда прокурор дает указания – с этого момента судебная полиция реализует так называемую ведомую деятельность.

В соответствии с § 1 ст. 405 УПК Италии прокурор осуществляет уголовное преследование, формулируя обвинение и руководя публичным уголовным преследованием в ходе досудебного производства и выдвигая обвинение в суде и поддерживая его.

Принцип обязательности уголовного преследования означает, что прокурор должен оценивать обоснованность каждой информации о преступлении, доводить

См.: Cordero, F. *Procedura Penale*. Milano: Giuffrè, 2000. P. 211 ss; Concas, A. *Le indagini preliminari e la relativa chiusura*. // *Diritto.it*. Ultimo accesso il 7 dicembre 2023. URL: <https://www.diritto.it/le-indagini-preliminari-e-la-relativa-chiusura/>.

до конца необходимое расследование, чтобы принять решение формулировать обвинение или просить суд о прекращении производства.

В фазисе досудебного производства прокурор осуществляет расследование, которое состоит из поиска будущих «средств доказывания». Этот поиск осуществляется им непосредственно через производство следственных действий или через судебную полицию, которая проводит следственные действия по указанию прокурора или по своей инициативе, но уже с рядом ограничений. Прокуроры осуществляют надзор за органами предварительного следствия (судебной полицией) и процессуальное руководство расследованием, проводимым судебной полицией.

Поступление сообщения от судебной полиции (ст. 347 УПК Италии) влечет для прокурора обязанность регистрировать информацию о преступлении (ст. 355 УПК Италии) в том или ином виде реестра, исходя из характера сообщения и преступления.

Прокурор вправе совершить лично или может поручить судебной полиции производство следственных действия (ст. 370 УПК Италии).

Прокурор вправе распоряжаться о проведении обысков, изъятий, технических проверок и у него есть право приказывать задержать подозреваемого в тяжком преступлении (до 48 часов). Все другие принудительные меры в отношении к подследственному (содержание под стражей, домашний арест, обязательные меры или запрет) могут быть предписаны по ходатайству прокурора только судьей по досудебному производству.

Прокурор вправе давать полиции указания, касающиеся общего направления расследования, внутри которого полиция уполномочена действовать самостоятельно.

Некоторые следственные действия, вроде осмотра или обыска в офисе адвоката, могут проводиться только прокурором с разрешения судьи по досудебному производству.

В целом можно сказать, что круг действий, которые могут быть осуществлены по инициативе судебной полиции (ст. 347 УПК Италии) и

прокурором (ст. 358 УПК Италии) различаются главным образом в части допустимости использования принудительных полномочий при проведении следственных, процессуальных действий.

Важно иметь в виду, что офицер полиции, равно как и прокурор не могут сформировать уголовно-процессуальное доказательство в смысле средства доказывания для суда путем совершения следственных действий (проводимых тайно, односторонне). Это ярко проявляется в запрете оглашать протоколы следственных действий при судебном разбирательстве дела (ст. 514 УПК Италии).

Таким образом, тайно собранные в ходе досудебного производства сведения оцениваются в первую очередь прокурором, чтобы решить осуществлять ли уголовное преследование; во-вторых, они используются как доказательства судьей досудебного производства, когда он реализует свою компетенцию при решении поставленных перед ним вопросов; в-третьих, они применимы, в исключительных случаях, предусмотренных кодексом, председательствующим судьей при вынесении процессуальных решений по делу. Однако, по общему правилу они не применимы для доказывания при рассмотрении уголовного дела по существу.

Добавим также, что применение обеспечительных мер, включая предупредительные меры запреты и меры безопасности, которые влекут ограничение некоторых фундаментальных прав и свобод лиц, но являются необходимым средством нейтрализации обстоятельств, способных воспрепятствовать достижению целей процесса, относится к исключительной юрисдикции судьи по уголовным делам. У прокурора и судебной полиции нет права распоряжаться ими. В начале процедуры решение этого вопроса находится в компетенции судьи по досудебному производству (ст. 279 УПК Италии). Вместе с тем итальянское законодательство допускает, чтобы временные решения принимались прокурором и судебной полицией, например, задержание подозреваемого в совершении преступления (ст. 384 УПК Италии). Однако, это решения предупредительные и должны быть утверждены судьей по досудебному производству в пределах определённого процессуального срока.

Поскольку судья по досудебному производству должен мотивировать свое решение, постольку у прокурора есть обязанность убедить его в том, что есть основания для применения требуемой меры процессуального обеспечения. Это достигается прокурором посредством представления полученных доказательств.

Не является в Италии обвинением (с процессуальной точки зрения) то предварительное обвинение, что сформулировано в ходе предварительного расследования: оно сводится к уведомлению прокурором подследственного о факте вменения последнему совершения определенного преступления (§ 1 ст. 65 УПК Италии). Такое процессуальное действие совершается единственно для того, чтобы «подследственный» мог реализовать свое право на защиту¹. Лицо становится «подследственным» с момента регистрации в реестре сообщений о преступлениях

В ординарном процессе обвинение включается в постановление о привлечении в качестве обвиняемого (§ 1 ст. 417 УПК Италии), а в специальных процедурах – в акт, который устанавливает соответствующее производство. Обвинение состоит во вменении факта преступления определенному лицу. Правовой доктриной Италии в уголовном преследовании выделяется четыре свойства: обязательность, монополия прокуратуры, бесповоротность и преследование по долгу службы².

По окончании расследования, прокурор должен сделать выбор: или просить судью о передаче дела в суд или о прекращении производства в силу необоснованности информации о преступлении. Прокурор в Италии не может самостоятельно решать о прекращении дела (передаче его в архив); он должен обязательно направить судье о том соответствующее ходатайство³.

В случае, когда прокурор после расследования намеревается просить о передаче дела на рассмотрение суда, то он обязан передать и собранные

¹ См.: Leopizzi, A. *Indagini Preliminari*. Milano: Giuffrè, 2017. P. 33.

² См.: *ibid.* P. 36.

³ Это представляет собой практическую реализацию принципа обязательности уголовного преследования (ст. 112 Конституции Италии).

См.: Cordero, F. *Procedura Penale*. Milano: Giuffrè, 2000. P. 51.

материалы уголовного дела, ставя об этом подследственного и его защитника в известность посредством «извещения об окончании расследования» (ст. 415-бис УПК Италии). Такой акт содержит описание самого преступления, изложение обвинения и разъяснение подследственному его прав и возможности их осуществления¹.

Обвинение контролируется судом в стадии подготовительного судебного заседания, где судья изучает собранные прокурором материалы и решает передавать ли дело для судебного разбирательства или вынести постановление о прекращении производства². Обязательным участником этой процедуры является защита, которая может аргументировать против предания обвиняемого суду по данному обвинению – в связи с его недоказанностью.

Таким образом, в Италии, как и во всех странах с развитыми уголовно-процессуальными системами, обвинение выдвигается прокурором, как единственным публичным обвинителем в **судебном порядке**. Это совершенно необходимое условие для признания процесса, если не обвинительным, то таким в котором как, например, во Франции, судебная власть в форме состязательной процедуре является надежным гарантом от необоснованного обвинения и начала судебного процесса.

Для завершения характеристики положения прокурора в современном досудебном производстве уголовного процесса Италии надо сказать о начатой Законом от 10 октября 2022³ реформе: «Riforma Cartabia». Целью реформы является повышение эффективности повышения эффективности итальянской системы правосудия за счет упрощения процедур и цифровизации процессов, в том числе путем введения новых особых порядков разрешения судом уголовных дел при согласии подсудимого с обвинением, сокращение сроков судебных разбирательств, усиление защиты прав обвиняемых и потерпевших,

¹ См.: Leopizzi, A. *Indagini Preliminari*. Milano: Giuffrè, 2017. P. 34.

² См.: *Ibid* P. 36.

³ Decreto legislativo 10 ottobre 2022, n.150 «Attuazione della legge 27 settembre 2021, n. 134, recante delega al Governo per l'efficienza del processo penale, nonché in materia di giustizia riparativa e disposizioni per la celere definizione dei procedimenti giudiziari» // *Gazzetta Ufficiale*. 2022. n. 243. del 17 ottobre Supplemento Ordinario.

использование альтернативных методов разрешения споров, таких как посредничество, замены наказаний альтернативными мерами ответственности (коммунальные работы, денежные выплаты) ¹. И хотя данная реформа затрагивает досудебное производство по уголовным делам, показательным является то, что одним из главных ее направлений является развитие итальянской разновидности упрощенно-договорного производства : «l'oblazione», в которой ведущую роль играет прокурор.

«Oblazione», т.е. букв. «пожертвование», и определяется, как добровольная уплата штрафа как основание для прекращения уголовного дела. Она предусмотрена ст.ст. 162 и 162 бис УК Италии, а также ст. 141 УПК Италии.

Так же, как и во Франции, в Италии прокурор в подобной процедуре альтернативного разрешения уголовно-правового спора как в суде, так и в ходе досудебного производства имеет решающее значение.

Как современная французская модель разрешения уголовно-правовых споров в ходе досудебного производства итальянская модель имеет две разновидности: обязательную и необязательную (дискреционную). При этом и та, и другая является процессуальным, договорным способом декриминализации-аннулирования преступления (утраты им общественной опасности) путем «добровольной» выплаты денежной суммы правонарушителем. Принцип «oblazione» (Ratio Legis) заключается в удобстве оперативного завершения производства по делам о преступлениях минимальной общественной опасности, что позволяет избежать траты процессуальной энергии и обеспечить доступность собранных сумм до начала судебного разбирательства или до вынесения приговора².

¹ См.: Negri, M. Riforma Cartabia: Indagini Preliminari e Processo Penale. Milano: Il Sole 24 Ore Libri. 2023; Gatta, G.L. Riforma della giustizia penale: contesto, obiettivi e linee di fondo della 'legge Cartabia'. Testo elettronico // Sistema Penale, 15 ottobre 2021. URL : <https://www.sistemapenale.it/it/scheda/gatta-legge-2021-134-delega-riforma-giustizia-penale-cartabia>

² Borasi, I. Oblazione. Testo elettronico // URL : <https://www.altalex.com/documents/altalexpedia/2013/08/30/oblazione> (дата обращения: 20.08.2023).

Объективная предпосылка для «*oblazione obbligatoria*» (обязательного облационе), предусмотренного ст. 162 УК Италии, образуется совершением уголовного проступка, наказуемым единственной мерой наказания в виде штрафа. В этом случае обвиняемый имеет субъективное право требовать и добиваться согласительной декриминализации *de qua*¹.

Согласно пункту 1 ст. 162 Уголовного кодекса Италии в случае правонарушений, за которые закон устанавливает наказание только в виде штрафа, правонарушителю разрешается заплатить до начала слушания дела в суде или до вынесения приговора, сумму, соответствующую одной трети максимального штрафа, установленного законом за совершенное правонарушение, плюс судебные издержки. Выплата «погашает» преступление (пункт 2 указ. статьи). В данном случае судья не имеет дискреционного усмотрения и оценки, а просто проводит формальную проверку соблюдения установленных законом условий заключения сделки².

Мы усматриваем полную аналогию французской «*La transaction pénale*» с данной разновидностью итальянской «*l'oblazione*» – обязательного прекращения уголовного преследования в виду выполнения подследственным определенных в законе требований. Гипотеза так называемого *oblazione facoltativa* (дискреционного, факультативного облационе), регулируемого ст. 162 бис Уголовного кодекса, включает любое правонарушение, наказуемое альтернативным лишению свободы наказанием, например, арестом, штрафом.

В статье 162 бис Уголовного кодекса Италии говорится о том, что при совершении правонарушений (1), за которые закон устанавливает альтернативное

¹ «*Riforma Cartabia*» внесла некоторые новшества в отношении облационе, предусмотренного статьей 162-бис Уголовного кодекса, при производстве по уголовному делу в суде. Обязательство заключается в уплате в штрафной фонд денежной суммы, равной половине размера штрафа, установленного за преступление. Ходатайство об *oblazione* может быть заявлено самим обвиняемым или прокурором в его интересах до начала судебного разбирательства при обвинении в совершении преступления, наказуемые только штрафом или тюремным заключением на срок до двух лет. Жертвоприношение влечет за собой прекращение дела и исключение данных о преступлении из судебных реестров.

² См.: Padovani T. sub art. 162, in *Commentario sistematico al codice penale*. Artt. 150-240 (Vol. 3)/ a cura di Romano M., Grasso G., Padovani T. Milano, 2011, III. P. 122.

наказание в виде ареста или штрафа, правонарушителю может быть разрешено уплатить до начала судебного разбирательства или до вынесения приговора сумму, соответствующую половине максимальной суммы штрафа, установленный законом за совершенное правонарушение, помимо судебных издержек. При этом предварительно до обращения с просьбой о прекращении обвинения правонарушитель должен внести сумму, соответствующую половине максимального штрафа, предусмотренного за преступление, в котором он подозревается.

Одновременно с расширением материально-правовой составляющей изменения произошли в содержании уголовно-процессуального отношения между государством в лице суда и обвиняемым. Суд не обязан, а вправе прекратить производство по уголовному делу в случае достижения соглашения между прокурором и предполагаемым правонарушителем. Согласно пункту 3 ст. 162 бис УК Италии *l'oblazione facoltativa* не может быть применено, при рецидиве преступления, если имеет место факт «обычности» штрафов для данного индивидуума или профессионализм в противоправном поведении, или если судья находит что совершено серьезное преступление, или если стоит вопрос о сохранении вредных последствий преступления. Вопрос о прекращении уголовного дела в связи с выплатой может быть предложен повторно до начала окончательного обсуждения слушаний в первой инстанции¹.

Процедура *l'oblazione* регулируется статьей 141 УПК Италии. Ходатайство об *oblazione* (обязательном или необязательном) может быть предложено подозреваемым лично или через защитника. Прокурор может уведомить заинтересованную сторону о том, что она имеет право просить о допуске к *oblazione*, и что оплата *oblazione* аннулирует преступление. В противном случае уведомление должно содержаться в постановлении об уголовном преследовании, изданном Судьей по предварительному следствию (*giudice per le indagini preliminari* или GIP).

¹ См.: Padovani T. sub art. 162 bis, in *Commentario sistematico al codice penale*. Artt. 150-240 (Vol. 3/ a cura di Romano M., Grasso G., Padovani T. Milano, 2011, III. P. 142.

Заявление может быть подано во время предварительного расследования прокурору (*pubblico ministero*), который отправляет его вместе с материалами дела и своим заключением Судье по предварительному следствию. Если ходатайство о возмещении подается во время предварительного следствия (1), прокурор передает его вместе с процессуальными документами судье по предварительному следствию (пункт 1 ст. 141 УПК Италии). Если ходатайство подается защитой непосредственно Судье по предварительному следствию, последний запрашивает документы и заключение по данному вопросу у прокурора. Мнение прокурора не является обязательным, так как это не консенсус, но оно должно быть специально рассмотрено судьей в мотивации, особенно если судья не соглашается прекратить дело¹.

Прежде чем проводить оценку *oblazione*, Судья по предварительному следствию должен в любом случае проверить в соответствии со ст. 129 УПК Италии отсутствие основания для оправдания подозреваемого, которое является очевидным в виду наличия соответствующих доказательств.

Согласно пункту 4. ст. 141 УПК Италии Судья по предварительному следствию, получив заключение прокурора, вправе или отклонить ходатайство об утверждении *oblazione*, вынося постановление, которым материалы возвращаются прокурору; или судья признает своим постановлением *oblazione* и устанавливает сумму, подлежащую выплате, уведомляя об этом заинтересованное лицо. После выплаты суммы судья, если запрос был сделан в ходе предварительного расследования, передает документы прокурору для принятия решения; в любом другом случае он объявляет решение о прекращении дела и аннулировании преступления.

Сумма, подлежащая выплате, в случае, указанном в ст. 162 Уголовного кодекса, составляет одну треть максимального установленного законом штрафа за оспариваемое правонарушение, в дополнение к оплате судебных издержек, тогда как в случае, указанном в ст. 162-бис Уголовного кодекса, составляет половину

¹ См.: Padovani T. sub art. 162 bis, in *Commentario sistematico al codice penale*. Artt. 150-240 (Vol. 3) / a cura di Romano M., Grasso G., Padovani T. Milano, 2011, III. P. 148.

максимального установленного законом штрафа за преступление, в дополнение к оплате судебных издержек. Выплачиваемая сумма не может быть выплачена частями. Аннулирование правонарушения завершается выплатой суммы, установленной судьей, в указанный срок.

Таким образом, общее для указанных европейских стран в институте транзакции состоит в том, что оно распространяется на преступления небольшой тяжести, не отягченных какими-то другими обстоятельствами, повышающими общественную опасность содеянного. Решение о прекращении дела принимается судебным органом с подачи прокурора.

Основные выводы, которые мы можем извлечь из проведенного анализа итальянской уголовно-процессуальной модели таковы.

Досудебное производство в итальянском уголовном процессе исполняется прокурором. Он несет ответственность за его проведения и руководит им.

Предварительное расследование служит прокурору, и его результаты не используются в судебном разбирательстве. Доказательство, полученное до судебного заседания, непригодно.

Главное отличие от французской модели состоит в отсутствии института следственного судьи (*juge d'instruction*), который уполномочен вести предварительное следствие. Такого участника процесса в итальянской уголовно-процессуальной модели нет. Итальянский вариант «судьи по досудебному производству» является аналогом современного французского судьи *juge des libertes et la detention* – органа судебного контроля. В отличие от следственного судьи он не обладает правом доказательственной инициативы, у него нет задачи «расследовать» - он только рассматривает ходатайства сторон.

Судья контролирует обоснованность обвинения, сформулированного прокурором, при проверке возможности передачи дела для судебного разбирательства.

В фазе досудебного производства прокурор выполняет вместе с судебной полицией функцию раскрытия преступления, которая состоит из поиска источников средств доказывания и идентификации лица, причастного к

преступлению. В судебных стадиях прокурор поддерживает государственное обвинение и осуществляет судебное доказывание. Такова обвинительная модель уголовного процесса по-итальянски, где прокурор выступает обвинителем и организатором уголовного преследования в досудебном производстве и субъектом судебного обвинения и его доказывания.

Надо сказать, что итальянская доктрина и ее позитивно-правовая постановка нам импонирует более всего из числа романских правовых моделей. Именно такая модель нам видится в качестве цели реформирования предварительного расследования в России.

Обратимся теперь еще к одной уголовно-процессуальной модели государства, которое также можно отнести к романской правовой семье, а именно: к Испании.

2.1.3. Испанская модель участия прокурора в досудебном уголовном производстве

Об испанском досудебном производстве можно сказать, что оно сохранило в классическую романскую уголовно-процессуальную модель, образцом для которой послужила старофранцузская. В сравнении с Францией Испания сейчас обладает более французской уголовно-процессуальной моделью, чем сама прародительница. Поэтому из трех разновидностей романской уголовно-процессуальной системы испанская является самой отсталой, реформа предварительного следствия в ней не проводилась, а классический следственный судья по-прежнему выступает в качестве органа предварительного следствия и суда одновременно. Соответственно и расстановка ключевых субъектов предварительного следствия (прокурора, полиции) остается таким же, каким оно было во Франции до реформ, проведенных в 21 веке. Правовое положение прокурора в испанской уголовно-процессуальной системе можно было бы считать наименее отвечающим научным представлениям о том, какой должна быть обвинительная система, если бы не одно «но».

В испанской обвинительной системе есть то, чего нет ни в одной другой стране континентальной Европы, а именно: институт народного обвинения - «**actio popularis**», по-испански: «la acci3n popular» или «la **acusaci3n popular**»¹, буквально: «народное/общественное обвинение» или «народный уголовный иск».

Это прямо таки воспроизведение античных образцов народовластия в уголовном процессе, о которых Н.В. Муравьев писал, что здесь «идеальным субъектом обвинения является общество ... во имя отвлеченного блага и общественных (публичных) интересов, страдающих от преступления»², «каждый гражданин как таковой пользуется правом и несет нравственную обязанность преследовать в общем интересе преступление, не имеющее никакого личного отношения к нему»³.

Институт народного обвинения характерен для государств с общей системой права, вроде Англии, США и пр., где он имеет основообразующее значение для организации обвинения⁴.

Появление его в Испании, совпавшее с переходом от франкистской диктатуры к конституционной монархии и принятием Конституции 1978 года, стало, очевидно, отрицанием дискредитировавшей себя к тому времени прокуратуры, отрицанием инквизиционной системы, и вместе с тем - решительным шагом в сторону демократии, к обвинительной уголовно-процессуальной системе.

Согласно ст. 125 Конституции Испании граждане могут осуществлять народное обвинение (la acci3n popular) и участвовать в отправлении правосудия как в суде присяжных, так и в других формах, которые определяются законом.

Это формулировка перекликается с тем, что писал Н.В. Муравьев: «Народное преследование неразлучно с широкими формами народного суда,

¹ Иногда пишут «la tambi3n denominada acci3n popular».

² Муравьев Н.В. Указ. соч. С. 11.

³ Там же. С. 11–12.

⁴ См.: Гущев, В. Е., Александров А.С. Народное обвинение в уголовном суде: Уч. пособие. Нижний Новгород : Нижегородский юридический институт МВД России, 1998. С. 4, 5.

решающего кто прав, кто виноват в уголовном состязании гражданина-обвинителя с гражданином-обвиняемым»¹.

Положение о народном обвинении подтверждается статей 19 Органического закона о судебной власти, статьями 101, 125, 270 УПЗ Испании (La Ley de Enjuiciamiento Criminal (LECrim)). Так, статья 101 Уголовно-процессуального закона (LECrim) устанавливает, что уголовный иск² (*acción penal*) является публичным. Все граждане Испании могут пользоваться им в соответствии с положениями Закона.

Институт народного обвинения – это необычное для континентальной Европы явление. И вот в Испании, стране с одной из самых консервативных систем досудебного производства и предварительным следствием, ведомым следственным судьей, сосуществует самое радикальное правовое средство демократизации обвинения, а вместе с тем и всей уголовно-процессуальной системы, которая, как никакая другая, отягощена *инквизиционным прошлым*³ и опытом тоталитарного государства.

Доктриной наличие этого института объясняется тем, что общественный или народный обвинитель (*acusador popular*) происходит от публичного характера уголовного иска и потому в случае совершения преступления вся социальная группа в ее совокупности воспринимается как пострадавшая сторона и потому любой из ее членов вправе начинать уголовный процесс. Это процессуальная фигура, позволяющая общественности участвовать в отправлении правосудия. При том, что на государстве лежит обязанность бороться с преступностью и не уклоняться от уголовного преследования, допускается к поддержанию обвинения любой гражданин как член общества, что создает некую взаимную ответственность между людьми⁴.

¹ Муравьев Н.В. Указ. соч. С. 13.

² Иное значение этого термина – «уголовное преследование».

³ Как отмечает испанский ученый Д. Фенолл, на самом деле инквизиционная система не была изменена.

Цит. по: Барабанов, П.К. Уголовный процесс Испании. Москва : Изд-во «Спутник+», 2021. С. 134.

⁴ Барабанов, П.К. Уголовный процесс Испании. С. 84.

Верховный трибунал Испании неоднократно подчеркивал, что участие граждан в обеспечении правосудия посредством общественного уголовного иска – проявление принципа демократии и средства, чтобы гарантировать участие граждан в уголовном процессе¹. Благодаря институту народного обвинения граждане не отстраняются от реализации государственных интересов в уголовного преследования, а способствуют этому.

Одновременно, институт народного обвинения служит полезным контролем над исполнением обязанности уголовного преследования государством в лице прокуратуры. У прокуратуры нет монополии уголовного иска (обвинения). Институт должностного обвинения не исключает граждан из числа субъектов права на уголовный иск или препятствует их активному участию в уголовном процессе, даже если преступление не касается человека непосредственно. Он выступает как конкурент прокурорскому обвинению, публичному уголовному преследованию, осуществляемому государственными органами правопорядка.

Такова важная специфика правового положения прокурора в уголовном процессе Испании в целом, и по отношению к публичному обвинению, в том числе.

Впрочем, на организацию досудебного производства институт народного обвинения мало влияет, так осуществляется оно следственным судьей (*el Juez de Instrucción*) в следственной форме, сохранившей во многом влияние инквизиционных традиций². Хотя, конечно, чистой инквизиционной формы нет. В 1988 году Конституционный Суд Испании признал неконституционным совмещение следствия и рассмотрения дела по существу следственными судьями³. Тем не менее предварительное расследование в целом имеет ту следственную форму, которая является классической для государств с романской уголовно-процессуальной системой. И в доктрине сохраняются пережитки следственной идеологии, традиции.

¹ Барабанов, П. К. Указ. соч. С. 84.

² В Испании традиционно предварительное следствие возлагается на судебную власть в лице следственного судьи.

³ Барабанов, П. К. Указ. соч. С. 101.

Фаза расследования, в ординарном производстве — это следствие, а в сокращенном производстве - предварительное следствие, является частью уголовного процесса Испании. Относительно юридической природы предварительной процедуры в испанской правовой доктрине нет единства: одни ученые полагают, что эта деятельность является административной и должна осуществляться полицией под руководством прокурором, другие – считают ее судебной деятельностью¹. Напрашивается параллель с отечественной наукой, где ведется бесконечная дискуссия между учеными, поддерживающие консерваторские или либеральные идеи.

Основные характеристики фазы предварительного следствия таковы: оно подчинено судебному руководству² в лице следственного судьи. Далее испанская доктрина признает принцип официальности, в силу которого следственный судья, действуя в публичном интересе, начинает производство по делу, расследует и обвиняет (ст. 777 и 779 УПЗ). Способ начать следствие состоит в принятии следственным судьей решения по своей инициативе начать расследование публичного преступления. Это решение должно быть принято беспристрастно. В этой связи в Испанской доктрине признается принцип объективности, согласно которому все представители государства обязаны объективно, всесторонне излагать и оценивать обстоятельства, как против, так и в пользу обвиняемого, тем самым, устанавливая равновесие между его правами и целями расследования, проводимого следственным судьей³.

Вместе с тем, так как и у нас система принципов, проникнутых следственной идеологией, размешана принципами иной идеологии, отражая тем самым процесс перестройки уголовно-процессуальной системы. Наиболее ярким проявлением этой новой идеологии, проникшей в правовую организацию

¹ Барабанов, П.К. Указ. соч. С. 120.

² При этом, как будет сказано ниже, обсуждается вопрос о передаче в прокуратуру руководства следствием.

³ Эта концепция очень похожая на учение о предварительном следствии, поддерживаемым до сих пор многими российскими учеными.

предварительного расследования, является обвинительный принцип. Суть его, так же как в Италии, понимается как разделение функций обвинения и суда.

По определению испанских ученых, обвинительный принцип основывается на необходимости существования отдельного и независимого от судьи обвинителя, выдвинувшего уголовный иск, а также требует признания и соблюдения прав обвиняемого на защиту при равных с обвинителем средствах и процессуальных возможностях; он также гарантирует существование независимого и беспристрастного судебного органа¹. У обвинительного принципа есть функция гарантии беспристрастности трибунала, поскольку разграничение задач обвинения и рассмотрения дела по существу препятствует тому, чтобы трибунал превратился в обвинителя, так как его функция состоит в том, чтобы применять закон².

Верховный Трибунал Испанской Республики заявил, что обвинительный принцип интегрирован в испанскую уголовно-процессуальную систему в качестве основной предпосылки уголовного преследования и квалифицирует его как руководство к осуществлению уголовного преследования на всех этапах и случаях уголовного судопроизводства³.

Обвинительный принцип идеологически противонаправлен принципу официальности. Общее влияние обвинительной системы на модель предварительного расследования состоит в том, что выводам расследования не позволяется обуславливать решение суда⁴, о чем будет сказано позже. Здесь имеется в виду то, что результаты досудебного доказывания, осуществляемого в ходе предварительного расследования, не имеют статуса судебного средства доказывания.

Кроме того, влияние обвинительной системы отразилось на изменении (с 2007 года) порядка возбуждения следственным судьей следствия по своей инициативе: теперь об этом сразу сообщается прокурору, чтобы тот смог

¹ Цит. по: Барабанов, П.К. Указ. соч. С. 22.

² См.: Барабанов, П.К. Указ. соч. С. 71.

³ См.: Там же. С. 23.

⁴ Цит. по: Барабанов, П.К. Указ. соч. С. 25.

выполнить функцию обвинения посредством совершения обвинительных действий (направления жалобы и пр.). Установлен порядок, при котором без формального обвинения прокуратуры или любого имеющего право на обвинение гражданина, судебный орган хотя и вправе начинать производство по делу, но не может продолжать его, так как для этого требуется обвинение¹.

Таким образом, без прокуратуры следственный судья не может проводить следствие. Требуется инициатива прокурора, как представителя обвинения, при решении всех ключевых вопросов. При этом прокурор не надзирает за следственным судьей, не инспектирует его работу, поскольку тот является не его подчиненным, а совершенно самостоятельным участником процесса. Кроме того, ограничения официальности, понимаемой в следственном смысле, «обвинительностью» состоят в том, что следственный судья не вправе применять меры пресечения личного характера, если нет ходатайства со стороны обвинителя или прокуратуры.

Относительно состязательности, пропорциональности и защиты, взаимосвязанных с обвинительностью, как условиях предварительного расследования, в испанской доктрине по понятным причинам существует неопределенность²: несмотря на декларируемое право подследственного на защиту и получение юридической помощи оно не может быть реализовано по причине тайности расследования и зависит от решения прокурора предоставить условие для этого подследственному: сделать соответствующее заявление.

Таким образом, можно сказать, что это следственная конструкция предварительного расследования хотя, она и подверглась существенным изменениям в сторону обвинительности (состязательности).

Однако, сложно согласиться с тем, что испанская модель производства предварительного следствия по наиболее серьезным делам, подсудным суду присяжных, «получила полностью состязательный порядок» с участием

¹ См.: Барабанов, П.К. Указ. соч. С. 127.

² См.: Барабанов, П.К. Указ. соч. С. 128.

следственного судьи¹. Эту состязательность А.В. Смирнов усматривает в том, что сначала стороны обвинения и защиты ходатайствуют о выполнении судьей следственных действий для получения доказательств и таким образом получают доказательства в свою пользу².

Между тем, испанское досудебное производство осталось следственным. Это более всего проявляется в процессуальной фигуре следственного судьи. Следственный судья является ведущим участником и процессуальным руководителем в этой фазе производства. Следственный судья непосредственно сам осуществляет те действия, которые необходимы для достижения целей расследования. Он также принимает решение о выполнении тех действий следственных и процессуальных действий, относительно которых со стороны обвинения (прокурора) или подследственного заявлено ходатайство (ст. ст. 311, 776, 777 УПЗ). Когда начато следствие, то все действия по расследованию должны предписываться судьей, хотя иногда их осуществление поручается полиции³

В предварительной фазе уголовной процедуры следственным судьей выполняются все действия, направленные на то, чтобы подготовить судебное разбирательство, то есть выяснить и зафиксировать обстоятельства преступления, данные о лицах, его совершивших. Для этого следственным судьей выполняются следственные действия, запрашиваемые сторонами (ст. 311 УПЗ) или же они проводятся по инициативе следственного судьи (ст. 312 УПЗ).

С момента, когда из материалов следствия усматриваются признаки совершения преступления определенным лицом, следственным судьей принимается соответствующее решение относительно его обвинения (ст. 384 УПЗ), которое является процессуальным судебным актом, направленным на

¹ См.: Смирнов, А. В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель / Аппарат власти следственной / под ред. Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2016. С. 283-284.

² См. там же.

³ При этом в доктрине подчеркивается, что полиция действует под контролем следственного судьи.

См.: Барабанов П.К. Указ.соч. С. 135.

ознакомление подследственного с расследуемым в отношении него деянием. Решение о завершении расследования с направлением материалов дела в суд следственный судья принимает или по своей инициативе, когда приходит к выводу, что материалов достаточно, срок следствия истек, или по просьбе прокуратуры (ст. 622 УПЗ). Предварительное следствие может быть прекращено по решению опять же следственного судьи.

Вторым по значимости участником предварительного расследования принято считать прокурора. В самом названии испанской прокуратуры (Ministerio Fiscal) содержится указание на старую модель континентальной прокуратуры, как общенадзорного органа, то есть старого доброго «прокурора-фискала»¹ – органа «правительственного надзора в его *первобытном проявлении* (выделено нами – О.В. Левченко)»².

Данная модель прокурорского надзора в принципиальном виде определена в Конституции Испании. Так, согласно части 1 ст. 124 Конституции Испании прокуратура независимо от функций, осуществляемых другими органами, имеет своей задачей способствовать отправлению правосудия в целях защиты законности, прав граждан и охраняемых законом публичных интересов в силу своих обязанностей или по ходатайству заинтересованных лиц, а также наблюдение за независимостью судов и защиты в них общественных интересов.

По сравнению с конституционно-правовым определением прокуратуры и ее деятельности в Органическом законе об организации прокуратуры 50/1981 от 30 декабря 1981 г., в УПЗ содержится эволюция в части функций прокуратуры: рядом с основным – судебным назначением появились некоторые следственные функции прокуратуры и даже указание на принцип целесообразности в ее

¹ Сохранение этого термина весьма показательно для понимания испанской уголовно-процессуальной модели участия прокурора в досудебном производстве. Ведь, как писал Н.В. Муравьев, в истории учреждения прокуратуры надзор за соблюдением интересов казны (фиска) характеризует первоначальный этап его становления и предшествует формированию обвинительной модели, в которой главной и даже единственной функцией прокуратуры становится уголовное преследование.

См.: Муравьев, Н.В. Указ. соч. С. 15.

² Муравьев, Н.В. Указ. соч. С. 289.

деятельности¹. Это говорит об усилении обвинительной идеологии в позитивном праве Испании, однако не имеющей надлежащих юридико-технических средств для своего воплощения.

На современную роль прокуратуры в предварительном расследовании сильно влияет принцип обвинения. Прокуратура теперь трактуется доктриной как «искусственное образование»², специально созданное, чтобы сделать возможный обвинительный процесс деятельностью, не зависящей от усмотрения отдельных лиц, но в соответствии с принципом законности и исходя из того, что преступление затрагивает общественный интерес. Прокуратура выступает как публичный участник в интересах всего общества, ее действия должны основываться на принципе законности³.

В фазе следствия в ординарном производстве для тяжких преступлений на прокуратуру возложена функция непосредственного контроля компетентного трибунала (ст. 306 УПЗ). С этой целью прокурор вправе представить замечания и формулировать просьбы об издании приказов (ст. 306 УПЗ). Кроме того, ему вменяется предлагать проведение следственных действий, которые он расценивает как имеющие значение и участвовать в них (ст. 311 УПЗ), ходатайствовать о мерах пресечения личного характера (ст. 505 УПЗ). Когда он будет полагать, что существуют достаточные данные, чтобы квалифицировать деяние, то вправе просить о завершении следствия (ст. 622 УПЗ). Схожее регулирование предусматривается в отношении участия прокурора в сокращенной процедуре (ст. 773 УПЗ)⁴.

Предварительная судебная процедура находится в руках следственного судьи и так называемый «контроль» сводится к тому, что прокурор как участник формулирует заявления и ходатайствует о проведении расследования, которые полагает уместными. Это гарантируется тем, что следственный судья должен

¹ См.: Барабанов, П.К. Указ. соч. С. 73.

² Публичное обвинение по должности гарантирует организованное публичное уголовное преследование для защиты общественного интереса в отличие от «неорганизованного» народного обвинения.

³ См.: Барабанов, П.К. Указ. соч. С. 23.

⁴ См.: Барабанов, П.К. Указ. соч. С. 75.

сообщать прокурору о начале следствия (ст. 308 УПЗ) а также тем, что для прокурора материалы следствия не могут составлять тайну.

Как только завершается фаза следствия, роль прокурора возрастает значительно, поскольку по большинству дел прокурор является единственным участником, который фактически поддерживает обвинение. Таким образом, его участие концентрируется на том, чтобы решить запрашивать ли о рассмотрении дела (или о выполнении дополнительных действий следственным судьей), он должен сформулировать обвинение. С некоторыми отличиями сходная схема имеет место и в сокращенной процедуре (ст.ст. 780–782 УПЗ)¹.

Прокуратура вправе непосредственно принять заявление о преступлении и полицейские протоколы о деяниях, содержащих признаки преступления, и самостоятельно проводить расследование и следственные действия, что и следственный судья, за исключение производства тех следственных действий, на которые нужно судебное разрешение.

Выполненные прокуратурой или под ее руководством меры обладают «презумпцией достоверности»². Однако, она распространяет свое действие только в пределах предварительного расследования.

О соотношении следственного судьи и прокурора более всего говорит статья 773 УПЗ, которая обязывает прокурора прекращать собственное расследование, как только следственный судья начинает свое следствие³. В то же время на практике прокурор способен в максимальной степени исполнять главную роль в ходе следствия, что обеспечивается его непосредственным контактом с материалами расследования, который на том же уровне невозможен для адвоката защиты; помимо этого у других участников нет такой возможности получать информацию от судебной полиции, которой обладает прокурор⁴.

Та же практика свидетельствует и о том, что расследование преступления и установление лица его совершившего осуществляется главным образом *судебной*

¹ См.: Барабанов, П. К. Указ. соч. . С. 76.

² См.: Там же. С. 127, 128.

³ См.: Там же. С. 77.

⁴ Цит. по: Барабанов, П.К. Указ. соч. С. 119.

*полицией*¹. Общее назначение судебной полиции состоит в том, чтобы быть вспомогательным ресурсом для судебных органов и прокуратуры при расследовании преступлений (статья 126 Конституции Испании, ст. 282 УПЗ). Так, согласно статье 126 Конституции Испании судебная полиция в своих действиях по расследованию преступлений, обнаружению правонарушителей и доказательству их виновности подотчетна судьям, членам судов и прокуратуре.

В соответствии с испанским законодательством, в том числе согласно статьям 569, 767, 770, 771, 772, 777, 796 УПЗ, в задачи судебной полиции входит: 1) установление исполнителей и соучастников преступления и, в зависимости от обстоятельств, задержание их и доставление в распоряжение суда, 2) выяснение обстоятельств совершения преступления, 3) оказание помощи судье и прокурору во всех действиях по ведению расследования².

Роль судебной полиции усиливается: на нее возложено расследование преступления до формальной регистрации (начала) уголовного процесса³. В соответствии со статьями 770, 771 и 796 УПЗ полиция должна подготовить надлежащее расследование деяния и установить его исполнителя⁴.

Деятельность судебной полиции может быть инициирована трояким образом, во-первых, она сама начинает расследование, когда к ней поступает информация о признаках преступления публичного обвинения и у нее возникает обязанность по его пресечению (ст. 284 УПЗ), во-вторых, она приступает к расследованию, исполняя приказы следственного судьи или прокурора, наконец, действуя по заявлению лица, в том числе, «народного обвинителя» (ст. 287 УПЗ)⁵.

До начала следствия (в обычной процедуре) и/или предварительного следствия (в сокращенной процедуре) руководителем судебной полиции является прокурор, которому та должна передавать отчеты о выполненном расследовании.

¹ См.: Барабанов, П.К. Указ. соч. С. 121.

² См.: Барабанов, П.К. Указ. соч. С. 129–130.

³ Эта фаза уголовного процесса напоминает российскую стадию возбуждения уголовного дела.

⁴ Напрашивается аналогия с формулировками «выявить и раскрыть преступление», «изобличить», которые есть в российском законодательстве.

⁵ См.: Барабанов, П.К. Указ. соч. С. 128–129.

Что касается видов действий, которые полиция уполномочена проводить в ходе предварительного расследования, то их набор зависит от конкретного преступления ввиду того, что статья 131 УПК оставляет открытым их перечень, то есть полицией могут проводиться любые следственные действия, необходимые для раскрытия уголовного дела, кроме тех, которые относятся к исключительной компетенции следственного судьи или прокурора по причине сопряжения с ограничением конституционных прав граждан¹.

Важно сделать следующее замечание относительно доказательственного значения результатов деятельности полиции, как впрочем, и предварительного расследования вообще: следственные действия прокуратуры (равно как и полиции), проводимые в ходе предварительного расследования дают не точные, а вероятные результаты, они не создают заранее готовое для суда доказательство, то есть значение этих, досудебных доказательств исчерпывается инструментальным характером, а именно они используются при принятии решения прокурором о том прекратить дело или передать судебному органу, для обоснования обращений к судебному органу и пр. Не полицейский протокол превращается в средство доказывания в судебном разбирательстве, а зафиксированное в нем представляется перед судом посредством устных показаний полицейского, допрашиваемого в качестве свидетеля². Как отмечают испанские ученые, судебная полиция фактически заменила бы судей, если бы было придано неоспоримое доверие к ее протоколу, то есть это вело бы к риску превращения правового государства в полицейское, т.е. исходя из требований фундаментального права на презумпцию невиновности, следует отказаться от мысли придания полицейскому протоколу предположения правдивости³.

Интерес представляет и еще одно доктринальное положение, которому руководствуются и на практике, а именно: критерий прагматической реальности⁴,

¹ См.: Барабанов, П.К. Указ. соч. С. 130.

² См.: Барабанов, П.К. Указ. соч. С. 130–131.

³ Цит. по: Барабанов, П. К. Указ. соч. С. 133.

⁴ Его можно противопоставить стандарту формальной (следственной) допустимости, который господствует в нашей доктрине.

который близок доктрине о «свободе доказывания»¹, согласно которому необходим только минимум правил процедуры, то есть закон должен регулировать только действия по расследованию, которые допускают вмешательство в фундаментальные права обвиняемого, и те, что будут доказательством при устном судебном слушании по делу².

В этом уголовно-процессуальное доказательственное право Испании имеет принципиальное сходство с итальянским, в котором этот стандарт доказывания регламентирован более детально. Данное положение мы считаем принципиальным и для нашего доказательственного права. Отечественная научная доктрина еще предстоит это осознать, следуя примеру западноевропейских коллег.

Отмечая сходство наших уголовно-процессуальных доктрин и проблематики, стоящей перед ними, нельзя не отметить следующие характерные суждения испанских коллег относительно должного устройства досудебного производства и роли прокурора в нем.

1. Нельзя утверждать о принадлежности прокуратуры к судебной организации, она более относится к исполнительной власти. Про существование прокурор есть рука исполнительной власти в трибуналах³. Прокурор есть представитель исполнительной власти, которая по закону осуществляет функцию управления, в широком смысле – обеспечения социального мира – через публичное уголовное преследование⁴.

2. По мнению ряда испанских ученых, все следы судебного обвинения должны исчезнуть из предварительного следствия⁵. В качестве средства достижения этой цели они видят усиление роли прокурора как субъекта права на

¹ См. об этом, напр.: Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней /Александров, А.С. и др. Москва: Юрлитинформ, 2015. С. 7–20.

² Барабанов, П.К. Указ. соч. С. 135.

³ Такое положение можно считать соответствующим классической доктрине. См., напр.: Муравьев, Н.В. Указ. соч. С. 9-10.

⁴ Данное положение соответствует классической доктрине. См., напр.: Муравьев, Н.В. Указ. соч. С. 9-10.

⁵ См.: Барабанов, П. К. Указ. соч. С. 25.

публичный уголовный иск – обвинение. Для установления обвинительной системы в следствии требуется орган, который мог бы самостоятельно донести обвинение до судьи: им следует признать прокуратуру¹.

3. Все решения об ограничении прав лиц должен принимать судья по требованию прокуратуры².

4. И наконец, поучителен общий вывод о том, что внесение изменений в модель следствия потребует глобальной перестройки нынешней системы испанского уголовного судопроизводства, которая должна включать (1) осуществление уголовного иска исключительно прокурором, (2) допустимость принципа диспозитивности или, по крайней мере, его регламентированного варианта, (3) гарантирование статуса независимости прокуратуры и отчётности ее перед населением (выборности). Все эти меры должны быть приняты в Испании, чтобы системы имела минимальную внутреннюю согласованность³.

Из анализа испанского процессуально-правового опыта можно вывести следующие заключения.

Для уголовно-процессуальной системы Испании характерна исключительная особенность, а именно наличие общественного – народного обвинения. Однако, это не меняет следственной формы предварительного расследования и доминирования в нем следственного судьи, который по традиции совмещает следственную, а значит обвинительно-розыскную функцию с судебной. Крайности этой инквизиционно-следственной модели в значительной мере смягчены в последние годы. Однако, так же, как и во Франции, главные преобразования уголовно-процессуальной организации досудебного производства там еще впереди. В этом мы все очень похожи. В России сложилась аналогичная ситуация – необходимость системной реформы уголовного процесса по обвинительной модели.

¹ См.: Барабанов. П.К. Указ. соч. С. 25.

² Цит. по: Барабанов. П.К. Указ. соч. С. 24.

³ Цит. по: Барабанов, П.К. Указ. соч. С. 27.

Сделаем общие выводы по романской уголовно-процессуальной системе досудебного производства, ставшей предметом анализа в настоящем параграфе.

Главный вывод состоит в том, что классической модели предварительного следствия, ведущегося следственным судьей, не осталось. Даже в самой отсталой в процессуальном отношении стране Испании произошел кардинальный сдвиг следственной системы в сторону обвинительной. Следственный судья – это не орган расследования, а все более орган судебного контроля. Функция же расследования и досудебного доказывания обстоятельств преступления перешла прокурору и судебной полиции. При этом прокурор является единственным субъектом обвинения, распоряжающимся этим публичным уголовным иском.

Если судья обвиняет, то процесс инквизиционный, если суд не обвиняет, а нуждается в обвинителе для сохранения своей беспристрастности, то это обвинительная уголовно-процессуальная модель, в которой прокурор находит надлежащее процессуальное положение по отношению к (1) суду, так и к (2) уголовной (судебной) полиции.

Общая закономерность правового развития всех стран состоит в переходе от следственной модели к обвинительной (согласительной), где прокурор является субъектом обвинения и главным двигателем процесса. Обвинение же выдвигается в суде.

Под влиянием центробежных сил следственный судья лишился своих судебных функций полностью, как в Италии, или в значительной мере, во Франции – больше, в Испании – меньше. Но это уже не тот классический следственный судья, осуществлявший по словам Н. Муравьева активный «розыск над обвиняемым»¹. Он раскололся на орган судебного контроля и следственный орган, который по инерции сохраняет статус органа следствия, формально сохраняющего главенствующую роль по отношению к полиции. Хотя судебная полиция по факту является основным субъектом расследования, который выявляет, раскрывает и расследует большую часть преступлений и проводит наибольший объем следственных действий.

¹ См.: Муравьев, Н.В. Указ. соч. С. 13.

Обратная тенденция наблюдается относительно прокурора – его руководящие и следственные полномочия расширяются. Прокурор из стороны обвинения на предварительном следствии, взаимодействующего со следственным судьей по вопросам ведения последним следствия, превращается в центр обвинительного процессуального механизма, который выявляет

Реальность такова, что несмотря на инквизиционные традиции, которые сильны как нигде в государствах с романской правовой системой¹, прокурор заменил следственного судью в качестве главного субъекта предварительного расследования. Судебная полиция же превратилась в процессуального помощника прокурора, проводящего по своей инициативе или по его указаниям следственные или иные действия, направленные на подготовку к выдвижению обвинения.

При этом доказательства, полученные полицией, прокурором в ходе досудебного производства не имеют силы судебного доказательства. Они становятся таковым только после перекрестной проверки в судебном заседании. Следственный судья перестал быть субъектом доказывания, уполномоченным формировать судебные доказательства.

Это и есть первая разновидность «прокурорской модели предварительного следствия» — когда предварительное следствие ведется «следователем», не относящимся к судебной власти, но не утративший вполне своей судебной сущности, с деятельным участием прокуратуры².

В настоящее время похожая «прокурорская модель» предварительного следствия существует в уголовном процессе Швейцарии, с тем существенным отличием, что и следователь, и прокурор находятся под контролем независимого «следственного судьи» по образцу германского «судьи за следствием». По УПК Швейцарии (2007 г.) прокурорское предварительное следствие представляет

¹ С ними можно сравнить еще Россию и некоторые страны СНГ, о которых пойдет речь далее.

² К ней надо отнести советскую модель предварительного следствия, которая изначально была заложена в УПК РФ, где прокурор санкционировал процессуальные решения и действия следователя, сопряженные с ограничениями прав личности. Советскими учеными была разработана соответствующая теория, которая долгое время составляла неотъемлемую часть официальной уголовно-процессуальной доктрины, которую мы уже охарактеризовали в первой главе.

собой досудебную стадию уголовного судопроизводства, в которой прокуратура, являясь независимым органом, ведущим производство по делу во взаимодействии с полицией и иными субъектами, в целях установления истины, исследует обстоятельства, на основе которых возможно: а) последующее направление дела в суд первой инстанции; б) отказ от его передачи в данный орган, влекущий прекращение дела. В ходе всего досудебного производства швейцарской прокуратуре принадлежит ведущая роль в собирании доказательств, избрании мер принуждения (в ряде случаев – с санкции суда) и принятии решения о дальнейшем направлении уголовного дела¹.

Таким образом, наблюдается, во-первых, разительное сходство романской модели предварительного расследования и участия в ней прокурора с российской, во-вторых, ярко выраженной тенденцией к переходу на обвинительную модель и отказу от следственных элементов правовой организации досудебного производства и превращению прокурора в хозяина предварительного расследования и публичного уголовного преследования, в-третьих, удивительную прозорливость Н.В. Муравьева, который еще в конце 19 века изложил программу правового развития прокурорского надзора в досудебном производстве. Весьма вероятно, что это тот путь, по которому и нам предстоит пройти, когда придет время. Но не в *современную эпоху*.

2.2 Участие прокурора в досудебном уголовном производстве: германская уголовно-процессуальная подсистема

Западноевропейские государства, отнесящиеся к германской правовой системе², гораздо дальше ушли в реформировании предварительного

¹ См.: Трефилов, А.А. Организация досудебного производства по УПК Швейцарии: монография. Москва: Юрлитинформ, 2015. С. 9–11.

² Мы выбрали для анализа уголовно-процессуальные системы Австрии и Германии, как самые известные, но к этой группе государств относятся Нидерланды, Швейцария, Дания, Норвегия и др.

расследования, которое у них изначально было той же формы, что и у соседей по континенту, чью уголовно-процессуальную модель мы охарактеризовали выше. Несмотря на различия общее у них в том, что на протяжении двух столетий они последовательно модернизировали свои правовые системы в сторону обвинительной модели и теперь стали образцами для всей объединенной Европы. При том при всем законодательство этих стран сохраняет самобытность, которая заслуживает анализа.

2.2.1. Прокурор в досудебном уголовном производстве Австрии

Как писал Н.В. Муравьев: «Обязанность надзора вовсе не представляет необходимой принадлежности прокуратуры в теории, последнее слово которой даже и заключается в освобождении ее от этой функции и в сосредоточении всех сил ее на одном публичном преследовании. Новейшее законодательство (напр., австрийское) делает опыты именно в этом направлении»¹. Слова эти сохраняют актуальность и по сей день: австрийская модель стала в 1873 году одной из самых передовых в Европе и продолжает совершенствоваться, что подтвердила реформа 2008 года.

Австрийский Уголовно-процессуальный кодекс 1873 года ввел современное, то есть публичное, в устной форме, с разделением на обвинителя и судью уголовное производство, пришедшее на смену инквизиционному процессу.

В этом плане напрашивается аналогия с Уставом уголовного судопроизводства России. Этот УПК Австрии просуществовал 135 лет до реформы 2008 года. Однако, австрийская модель досудебного производства была ближе к стандарту обвинительной системы, чем российская, на которой сказалось влияние французской модели.

УПК 1873 года отвел прокуратуре конкретную, очень ограниченную роль, а именно: «задача прокуратуры – уголовное преследование в обвинительном

¹ Муравьев, Н. В. Указ соч. С. 16.

процессе, чем и исчерпываются обязанности австрийских прокуроров»¹. Отделенная от судебной власти и независимая от нее австрийская прокуратура была наделена функцией публичного обвинения. Чины полиции обязаны исполнять распоряжения прокуратуры². Такова суть обвинительной уголовно-процессуальной системы согласно австрийской доктрине.

«Принцип обвинения» (Anklagegrincip) закреплен в ч. 2 ст. 90, 90а Конституции Австрии, а также в §§ 2, 90, 105, 259 УПК Австрии.

Сущность его, по мнению австрийских ученых, состоит в том, что функция уголовного преследования и судебная функция разделены между различными органами, суд рассматривает дело только пределах обвинения, поддерживаемого прокурором, тем самым обеспечивается объективность судей, а защите облегчается решение задачи по свободной критике и опровержению обвинения³.

Обвинитель имеет диспозитивное право по свободному распоряжению обвинением, так называемое «право распоряжение делом», вплоть до отказа от уголовного преследования. Проявлением этого стало развитие института диверсии, о которой пойдет речь ниже.

Согласно обвинительному принципу, производство по уголовному делу не может быть начато либо продолжено без предъявления прокуратурой обвинения. Обвинению придается значение двигателя процесса. Отсюда выводится и процессуальное значение субъекта публичного обвинения – прокурора, его правового положения.

Наряду с принципом обвинения австрийская процессуальная доктрина оперирует принципами (1) официальности или публичности (Officialmaxime), (2) законности (Legalitätsprinzip), которым придается аналогичное значение тому, что практикуется в нашей уголовно-процессуальной доктрине⁴. В этом плане

¹ Муравьев, Н. В. Указ соч. С. 176.

² Муравьев, Н.В. Указ соч. С. 177.

³ Цит. по: Бутов, В. Н. Уголовный процесс Австрии. Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1988. С. 10, 11.

⁴ Это то, что примиряет следственную и обвинительную процессуальные идеологии. Хотя официальность и законность могут истолковываться в следственном смысле.

правовое положение прокурора определяется как органа надзора за законностью, обязанного принимать все законные меры для противодействия преступникам.

Так, принцип *Legalitätsprinzip* воплощает обязанность прокуратуры возбудить уголовное преследование при наличии достаточных оснований для подозрения¹.

В то же время австрийская доктрина, в отличие от нашей, включает принцип целесообразности (*Opportunitätsprinzip*) в набор руководящих нормативно-правовых предписаний прокурору как субъекту обвинения. Об этом принципе как необходимой составляющей правовой конструкции участия прокурора в уголовном процессе писал еще Н.В. Муравьев (основываясь на современной ему австрийской уголовно-процессуальной правовой доктрине и работах ее главного идеолога – Ю.А. Глазера)². Прокурор производит уголовное преследование постольку, поскольку это отвечает государственным интересам и государственный интерес иногда может состоять в том, чтобы отказаться от обвинения, несмотря на факт совершения преступления³.

В современной интерпретации принцип целесообразности в деятельности прокуратуры, как главы обвинительной власти, состоит в допущении возможности отказа от уголовного преследования (при наличии формальных оснований для этого), по причине процессуальной экономии или возможности прибегнуть к альтернативной мере уголовной ответственности. Наиболее ярко это проявляется в применении диверсии.

Таким образом, принцип обвинения и целесообразности определяют прокурора как субъекта уголовного иска, обладающего диспозитивными правами по его использованию, хотя и в пределах, определяемых принципами законности и публичности. Такова принципиальная основа положения прокурора в досудебном производстве уголовного процесса Австрии.

¹ См.: Терехов, Е. В. Дискреционные полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства России и Австрии : диссертация ... кандидата юридических наук. Москва: Акад. Генер. прокуратуры РФ, 2009. С. 159–161.

² См.: Муравьев, Н.В. Указ соч. С. 18-19, 170–174.

³ См.: Муравьев, Н.В. Указ соч. С. 178.

Итак, в своей основе обвинительная система сложилась в этой стране еще в конце 19 века. Содержание обвинительной деятельности прокуратуры распределялось по четырем главным направлениям: дознание, предварительное следствие, предание суду и судебное разбирательство¹.

Согласно австрийской доктрине, прокуратура занимает промежуточное положение между исполнительной и судебной властью. Она является самостоятельным, независимым от суда органом юстиции, задача которого состоит преимущественно в предъявлении публичного обвинения². Н.В. Муравьев писал, что «задача прокуратуры – уголовное преследование в обвинительном процессе, чем и исчерпываются обязанности австрийских прокуроров»³.

Изменения в австрийском законодательстве последних десятилетий: усиление, по сравнению с первоначальной концепцией УПК 1873 года, полномочий прокурора в рамках предварительного расследования, расширение круга задач органов прокуратуры. Однако, базовая модель предварительного следствия, осуществляемого судебным органом, сохранялась вплоть до последнего времени.

Дореформенная система предварительного производства включала две части: (1) предварительное расследование и (2) привлечение в качестве обвиняемого. Предварительное расследование подразделялось на: а) дознание (Voverhebungen), то есть упрощенное или первоначальное расследование⁴, и б) предварительное следствие (Voruntersushung), а также (в) смешанную форму предварительного расследования, включающего дознание в качестве первоначального этапа, а затем – предварительное следствие.

¹ См.: Муравьев, Н.В. Указ соч. С. 179.

² См.: Терехов, Е.В. Указ. соч. С. 155.

³ Муравьев, Н.В. Указ соч. С. 176.

⁴ Дознание – это еще не уголовное преследование. Цель дознания состояла в том, чтобы добыть необходимый материал, необходимый для выяснения вопроса о том, должно ли быть возбуждено судебное уголовное преследование против определенного лица. Все материалы о совершившемся преступлении сосредотачиваются у прокурора, от которого они и получают дальнейшее развитие. Руководя дознанием, прокурор дает ему общее направление.

См.: Муравьев, Н.В. Указ соч. С. 179, 180.

В качестве органа расследования мог выступать суд первой инстанции: функцию расследования выполнял специально назначенный для этого профессиональный судья. Это был следственный судья суда первой инстанции. В этом качестве он обязан был возбуждать уголовное преследование и проводить предварительное расследование по всем преступлениям¹.

В качестве совещательной комнаты суд первой инстанции, состоящий из трех профессиональных судей, осуществлял надзор за своевременным и правильным возбуждением уголовного преследования и проведением предварительного расследования; принимал решения по жалобам на постановления и распоряжения судьи, проводящего расследование, проверку обоснованности арестов².

Надзор за дознанием, равно как и всем предварительным расследованием, включая следствие, осуществляла совещательная палата судей первой инстанции. Все иные организации и лица обязаны были содействовать расследованию и немедленно передавать все поступившие к ним материалы соответствующему прокурору или суду³.

Судья, производящий расследование, и районный судья при производстве дознания, имеют те же полномочия, что и следственный судья на предварительном следствии.

Дознание проводилось для того, чтобы выяснить имеются ли поводы и достаточные основания для уголовного преследования лица, подозреваемого в совершении преступления. Дознание имело две разновидности: 1) обычное, руководителем которого являлся прокурор и судебное – оно проводилось судьей⁴.

Судебное дознание следственный судья и районный суд могли осуществлять и без предложения прокурора. Но при этом они полномочны были проводить только неотложные следственные действия. Протоколы о таком дознании немедленно пересылались прокурору, который мог или прекратить

¹ См.: Бутов, В.Н. Указ. соч. С. 31.

² См.: Бутов, В.Н. Указ. соч. С. 32.

³ См.: Бутов, В.Н. Указ. соч. С. 88.

⁴ См.: Бутов, В.Н. Указ. соч. С. 88, 89.

преследование или внести предложение в отношении преследуемого лица и дальнейшего хода процесса судье, производящему расследование. Во всех случаях о проведении неотложных следственных действий прокурор извещался немедленно.

Прокурор вправе был поручить следственному судье, проводившему расследование, районному суду или органам общественной безопасности провести дознание, чтобы собрать необходимые данные для решения вопроса о возбуждении уголовного преследования в отношении определенного лица или для отклонения заявления об этом.

Прокурор должен был исследовать все полученные им заявления и материалы и принимать меры к розыску и установлению преступников. В случае нетерпящих отлагательства, в отсутствие компетентного судьи прокурор с помощью органов общественной безопасности вправе был проводить некоторые следственные действия¹.

Исход дела в форме дознания зависел только от прокурора: он или сразу выдвигал обвинение, или ходатайствовал перед судом о проведении предварительного следствия, или о прекращении производства или о его приостановлении².

Предварительное следствие являлось предварительным судебным производством, проводимым с целью проверки обвинения прокурора и выяснения с достаточной полнотой обстоятельств дела или прекращения процесса, если обвинение не подтвердится³.

Предварительное следствие производилось лично и непосредственно следственным судьей суда первой инстанции, он же являлся руководителем предварительного следствия⁴. Это была чисто судебная деятельность, которая могла быть начата только по инициативе полномочного обвинителя (прокурора) и производилась только в отношении известных лиц.

¹ См.: Бутов, В.Н. Указ. соч. С. 89, 90.

² См.: там же. С. 90.

³ См.: там же. С. 91.

⁴ См.: там же. С. 92.

Судебный характер предварительного следствия, обеспечиваемый тем, что оно проводилось следственным судьей, гарантировал, как считалось, его объективность и исключал необоснованное преследование лиц¹.

Иными словами, долгое время в австрийской доктрине так же как и в нашей господствовало убеждение в том, что институт следствия обеспечивает всестороннее, полное и объективное расследование. Но у австрийцев, как и у всех, у кого имелся институт следственного судьи, имелось для этого тот довод, что орган предварительного следствия является судебным органом.

Предварительное следствие проводилось, как правило, по ходатайству прокурора. Судья, производивший расследование, должен был проверить поступившие ему материалы, как по форме, так и по содержанию, и только после этого вынести решение. Если у него возникало сомнение в проведении предварительного следствия, он мог испросить решение совещательной палаты.

Во время предварительного следствия судья производил все следственные действия. При этом ни защитник, ни прокурор не вправе были участвовать в допросах, но могли быть допущены к участию в обыске, выемке и некоторых других следственных действиях².

Стороны, включая прокурора, имели право ходатайствовать о производстве следственных действий. Такие ходатайства рассматривались следственным судьей, а в случае сомнения, он мог обратиться в совещательную комнату за разрешением возникшего вопроса. В заседании совещательной палаты участвовал прокурор, ее решение исполнялось следственным судьей³.

Предварительное следствие заканчивалось в одной из двух форм: (1) прекращение предварительного следствия, (2) окончание предварительного следствия при наличии оснований для привлечения лица в качестве обвиняемого. Последнее решение принималось следственным судьей при выводе о том, что

¹ См.: Бутов, В.Н. Указ. соч. С. 92.

² См.: Там же. С. 93.

³ См.: Там же. С. 94.

расследование проведено полно, имеются основания для привлечения лица в качестве обвиняемого и назначения судебного разбирательства¹.

Выдвижение обвинения при предварительном следствии, равно как и при дознании, происходило и происходит ныне в судебном порядке. Такая процедура изначально была заложена в классическую романо-германскую уголовно-процессуальную систему досудебного производства.

Таковой была постановка предварительного расследования в Австрии до недавнего времени, когда произошла реформа предварительного расследования 2008 года. Этому предшествовали изменения австрийского уголовно-процессуального законодательства в русле тенденции на усиление обвинительной системы досудебного производства и роли в ней прокурора. Так, для применения все большего количества мер процессуального принуждения требовалось согласие прокуратуры².

Наконец, историческое развитие австрийской обвинительной модели досудебного производства вполне переросло модель следственного судьи.

Реформа 2008 года вывела на новый уровень оптимизации обвинительную систему, возглавляемую прокурором, основы которой были заложены кодексом 1873 года. В частности, 1 января 2008 года в Австрии вступил в силу новый порядок правового регулирования досудебного производства по уголовным делам.

Важность перемен подтверждена изменениями Конституции Австрии, произошедшими в 2009 году. Так, в соответствии с нововведенной статьей 90а Федерального закона о Конституции Австрии прокуроры — это органы судебной власти. Они выполняют следственные и обвинительные функции в делах, связанных с действиями, за совершение которых угрожает судебное наказание³.

Основными задачами этой реформы стало: во-первых, создание дознания под руководством прокурора и упразднение предварительного следствия,

¹ См.: Бутов, В.Н. Указ. соч. С. 93.

² См.: Терехов, Е.В. Указ. соч. С. 155.

³ Bundes-Verfassungsgesetz. // URL : <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10000138> (дата обращения: 06.05.2022).

проводившегося следственным судьей; во-вторых, более подробное государственно-правовое регулирование «дознательских» действий, производимых полицией; в-третьих, укрепление прав обвиняемого и потерпевшего¹.

В результате реформы была полностью трансформировано досудебное производство, институт предварительного следствия ликвидирован. Процедура дознания, то есть производства по уголовному делу до готового обвинения (§1-250 УПК) стало единственной формой досудебного расследования.

Как пишет К. Шмоллер: «В сегодняшнем Уголовно-процессуальном кодексе процедура дознания приобрела четкое и современное оформление»².

Следственный судья утратил роль органа предварительного расследования. Его функции сведены к санкционированию процессуальных действий, затрагивающих основные права и свободы человека, а также депонированию личных доказательств в неотложных случаях, то есть судебному контролю.

В отличие от прежнего «следователя» при новом порядке производства предварительного расследования в форме дознания суду остались лишь ограниченные полномочия³, а именно: во-первых, суд рассматривает «протесты» против действия прокуратуры (§ 106 УПК); во-вторых, суд обязан принять решение по вопросу об ограничении фундаментальных прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовный процесс (проведение обыска, взятие под стражу и пр.), который ставит перед ним прокурор – только с согласия суда прокурор вправе применять меры правового принуждения⁴; в-третьих, задачей суда при производстве суда остаются особые случаи, когда по ходатайству прокурора он выборочно осуществляет следственные действия, с целью получения и

¹ См.: Шмоллер, К. Реформа уголовного судопроизводства Австрии (предварительные выводы). Статья 1. От реформы к реформе // Уголовное судопроизводство. 2016. № 4. С. 45–48. С. 46, 47.

² Шмоллер, К. Указ. соч. С. 47.

³ См.: Шмоллер, К. Указ. соч. С. 37–42. С. 38–39.

⁴ Только в случаях нетерпящих отлагательство, специально оговоренных в законе, такое вмешательство допустимо без согласия суда, но с последующей судебной проверкой.

исследования доказательств, в виду реальной угрозы утраты этих доказательств в последующем¹.

Сделано наконец-то то, на что никак не могут решиться страны с романской правовой уголовно-процессуальной системой. Института следственного судьи, как органа предварительного расследования, не стало. В этом суть реформы предварительного расследования: в ликвидации следственной власти на обвинение и доказывание.

Прежние полномочия следственного судьи переданы прокурору. Прокурору поручено руководство и осуществление в сотрудничестве с криминальной полицией предварительного расследования. Тем самым прокурор стал органом, направляющим производство предварительного расследования².

В совместной работе с криминальной полицией прокурор, хотя и лишен служебного верховенства по отношению к ней, однако обладает полномочиями по руководству и контролю за полицейским расследованием. Это и есть модель прокурорского дознания, о которой говорят некоторые российские ученые³.

По мнению К. Шмоллера, прокурор в роли руководителя дознания предпочтительнее, чем ранее следственный судья в роли органа предварительного следствия по следующим соображениям: во-первых, представляется разумным, что орган, принимающий позже решение об обвинении, с самого начала может определить, какие именно обстоятельства дела подлежат дознанию. Тем самым гарантируется то, что исследоваться будут именно те обстоятельства, которые имеют отношение либо для предъявления обвинения, либо для прекращения судебного производства⁴. Во-вторых, становится возможным при наличии сложных преступлений создание «прокурорских команд» с участием прокуроров-специалистов. Прежний следователь был, напротив, всегда предоставлен сам

¹ Тем самым реализуется досрочное судебное доказывание или депонирование доказательств. Так, например, может быть осуществлен судебный допрос свидетеля в судебном заседании с участием сторон и состязательным путем сформировано личное доказательство.

² См.: Терехов, Е.В. Указ. соч. С. 166.

³ См.: Александров, А.С. Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. 2001. № 9. С. 54–62.

⁴ См.: Шмоллер, К. Указ. соч. С. 38.

себе¹. В-третьих, «существенно облегчается международное сотрудничество, поскольку за прошедшие годы в большинстве европейских стран процедура дознания уже поставлена под контроль прокурора. Тем самым сотрудничество может осуществляться на одинаковом уровне – уровне прокуроров².

Таким образом, австрийская прокуратура является самостоятельным, независимым от суда органом юстиции, задача которого состоит преимущественно в предъявлении публичного обвинения³. Впрочем, по-прежнему недостаток прокурорской модели видят в недостаточной независимости прокурора по сравнению с судейской, которой ранее обладал следственный судья⁴.

Функционально прокуратура превратилась в орган, надзирающий и санкционирующий, наделенный дискреционными полномочиями, координирующий и контролирующий полицию, которая и осуществляет выявление и раскрытие преступлений, производя необходимые для этого следственные и иные процессуальные действия⁵.

Прокурор обязан осуществлять преследование всех уголовно наказуемых деяний, о совершении которых ему становится известно. Уголовное преследование, как правило, осуществляют органы полиции, но на проведение целого ряда следственных действий они должны получить разрешение прокурора⁶.

С введением новой модели дознания прогресс произошел в правовом регулировании досудебного доказывания, это проявилось в подчинении действий полиции определенным правилам в целях уголовного судопроизводства. Особенно это касается следственных действий, сопряженных с наиболее существенными ограничениями прав личности, таких как «наблюдение» (слежка), «скрытое дознание», «проверочная закупка» и пр., которые теперь

¹ См.: Шмоллер, К. Указ. соч. С. 38.

² См.: Там же. С. 38.

³ См.: Терехов Е.В. Указ. соч. С. 166.

⁴ См.: Шмоллер К. Указ. соч. С. 38, 39.

⁵ См.: Терехов Е.В. Указ. соч. С. 166.

⁶ См.: Там же. С. 167–168.

регламентированы в УПК. Если прежде полиции предоставлялось широкое пространство для действий, то теперь ее полномочия четко сформулированы и тем самым ограничены¹ – в пользу гарантий прав личности.

По завершении полицией сбора информации и доказательств совершения противоправного деяния, она передает дело прокурору, решающему: поручить ли полиции проведение дополнительного расследования, провести ли судебное следствие, прекратить ли производство по делу или же принять решение о возбуждении публичного обвинения в отношении виновного лица.

Наконец, прокуратура выступает гарантом законности производства руководимого им полицейского дознания. Реформа дознания создала возможность в случае противоправных действий полиции обращаться заинтересованным лицам непосредственно в уголовный суд (§ 106 УПК)².

Фактически прокуратура функционально превратилась из сортирующего и заявляющего органа в орган надзирающий и санкционирующий, наделенный дискреционными полномочиями, координирующий и контролирующий полицию³.

Новая форма предварительного расследования в виде дознания, по мнению австрийских комментаторов, более соответствует правовому государству, чем прежняя⁴, с чем нельзя не согласиться.

Возрастающее влияние прокуратуры нашло свое выражение в создании «диверсии» с обвиняемым⁵. Этот институт австрийского уголовно-процессуального права является подтверждением факта усиления роли прокуратуры в уголовно-процессуальной системе досудебного производства. В рамках диверсионного производства происходит реализация прокурором дискреционных полномочий по распоряжению обвинением.

¹ См.: Шмоллер, К. Указ. соч. С. 39.

² См.: Там же. С. 40.

³ См.: Терехов, Е.В. Указ. соч. С. 166.

⁴ См.: Шмоллер, К. Указ. соч. № 2. С. 45.

⁵ См.: Там же. С. 38.

Если раньше прокурор был своего рода «фильтром» между полицией и судом, то сегодня его работа все больше напоминает работу судьи, прежде всего, что касается диверсионного производства. Диверсионное производство означает, что при определенных обстоятельствах прокурор или судья могут отказаться от судебного преследования виновного лица, разрешив дело за рамками уголовной юстиции.

Диверсия (Diversio) трактуется как альтернативная уголовному преследованию реакция государства на преступление. Этим понятием охватываются все те формы окончания уголовного судопроизводства, при которых отказ от уголовного преследования поставлен в зависимость от исполнения подозреваемым тех или иных обязательств¹. Как самостоятельная мера в рамках института Diversio рассматривается в Австрии и медиация (примирение) обвиняемого с потерпевшим (§ 204 УПК Австрии)².

При диверсии не предъявляется обвинение, не выносится приговор, не наступает судимость. Вместо этого прокурор делает подозреваемому предложение о диверсии, которое тот принимает, отказываясь тем самым от формального уголовного судопроизводства, либо отклоняет, рискуя быть осужденным³.

Обязательная предпосылка диверсионного производства согласно абз. 2 § 198 УПК Австрии — нетяжкая вина подозреваемого лица. При этом речь идет не столько о вине как об элементе субъективной стороны состава преступления, сколько о вине как основании уголовной ответственности (абз. 1 § 32 УК Австрии). Для деяний с тяжкой виной диверсия полностью исключена.

Как правило, предложение о применении диверсии при производстве предварительного расследования исходит от прокуратуры, которой предоставляются полномочия принимать решение о прекращении производства

¹ См.: Терехов, Е. В. Полномочия прокурора по разрешению уголовного дела в Австрийской Республике // Законность. 2011. № 3. С. 65–69.

² См.: Ильютченко, Н. В. Оптимизация уголовного процесса: опыт Австрии // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 178–182. С. 180.

³ См.: Терехов, Е.В. Полномочия прокурора по разрешению уголовного дела в Австрийской Республике // Законность. 2011. № 3. С. 65–69.

по делу. Именно прокурора, как субъекта обвинения, можно считать центральной фигурой в диверсионном механизме.

В отличие, к примеру, от Германии, возможность диверсионного производства в рамках гл. XI УПК Австрийской Республики констатируется прокурором самостоятельно, т. е. без предварительного согласования с судебными органами. Это приводит к тому, что прокуратура при реализации дискреционных полномочий в рамках диверсионной процедуры берет на себя функцию разрешения уголовного дела.

Учитывая то, что в рамках определения прокурором конкретных предложений о диверсии возможны различные условия осуществления этого производства (денежное взыскание, исправительные работы, испытательный срок и др.), подозреваемые не должны терять в своем процессуальном положении из-за изменения статуса и роли органов прокуратуры. Так, в случае, если подозреваемый не согласен с условиями диверсии либо выступает в принципе против ее осуществления, он имеет право обжаловать действия прокурора в суд (§ 207 УПК Австрии), и с момента подачи соответствующей жалобы суд в рамках диверсионной процедуры наделяется определенными субсидиарными полномочиями (§ 199 УПК Австрии): при констатации судом невозможности применения диверсионной процедуры и отсутствии оснований для обжалования подобного решения (абз. 1 Z 10a § 281 и абз. 1 Z 12a § 345 УПК Австрии) соответствующие должностные лица должны его исполнить¹.

Подобная законодательная конструкция обусловлена в том числе стандартами Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., п. 1 ст. 6 которой предусматривает обязательность доступа к судебному обжалованию решений должностных лиц, затрагивающих права и свободы человека.

При получении согласия подозреваемого на предложение прокурора о диверсии дальнейшее производство по делу контролю не подлежит. Потерпевший в рамках диверсионной процедуры лишен полномочий по обжалованию принимаемых решений (абз. 2 § 48 УПК Австрии).

¹ См.: Терехов, Е.В. Указ. соч. С. 67, 68.

Сделаем выводы по проведенному анализу австрийской уголовно-процессуальной модели.

Австрийскую систему досудебного производства уголовного процесса со встроенной в нее моделью прокуратуры можно считать одной из самых прогрессивных в Европе. Она весьма схожа с итальянской и может считаться образцом для подражания для других стран, что они и делают.

Главные достижения австрийского правового строительства, поучительные и для нас, состоят в следующем:

- полный отказ от института следственных судей, как органа предварительного расследования;
- окончательное преобразование досудебного производства по типу прокурорского дознания;
- последовательное воплощение обвинительной системы в позитивном праве;
- превращение прокурора в субъекта, наделенного дискреционными полномочиями по распоряжению публичным обвинением, включая отказ от него ввиду нецелесообразности;
- закрепление в доказательственном праве положения о свободе досудебного доказывания и преобразование его результатов, включая материала полицейского дознания, в уголовно-судебные доказательства только после их перекрестной проверки в ходе устного, состязательного, непосредственного судебного следствия.

2.2.2. Особенности правового статуса прокурора в досудебной части уголовного процесса ФРГ

Еще Н.В. Муравьев отмечал, что германский законодатель создал наиболее продуманную, основанную на научной основе уголовно-процессуальную модель – предварительного производства и прокурора. Он писал: «В Германии и Австрии новейшие судебные преобразования ввели прокуратуру, реформированную и

построенную на научных основаниях, с характером только судебным и с признанием единственно обвинительным. Часть судебной магистратуры, подчиненная правительству, поставлена во главе судебной полиции, она является исключительным органом государственного уголовного преследования и, по возможности, строго проводит состязательный принцип в процессе, откуда полная независимость обвинения от судебной власти и равноправность его с защитой»¹.

Время подтвердило правильность этой характеристики. В Германии было проведено много реформ, которые довели изначально следственную модель досудебного производства к обвинительной, которая стало во многих отношениях образцовой для всех стран Европы.

Остановимся более подробно на современной правовой организации досудебного производства по уголовным делам о преступлениях и участии в нем прокурора в ФРГ.

Относительно определения места прокуратуры в государственно-правовом механизме отсутствует единое мнение, есть сторонники трактовки прокуратуры со ссылками на нормы позитивного права как органа исполнительной власти, как органа правосудия, но также есть точка зрения о том, что прокуратура занимает промежуточное положение между исполнительной и органом, осуществляющим правосудие².

Приведем принципы, определяющие положение прокурора в уголовно-процессуальной системе вообще, и системе досудебного производства, в частности.

Германская правовая доктрина³ оперирует принципами, общими для всех стран с романо-германской правовой системой, хотя придает им иногда свою специфику. Укажем принципы, относящиеся к нашей теме исследования.

¹ Муравьев, Н.В. Указ. соч. С. 23.

² См.: Бойльке, В. Уголовно-процессуальное право ФРГ: учебник / пер. с нем. Я.М. Плошкиной ; под ред. Л.В. Майоровой. 6 –е изд. с доп. и изм. Красноярск : РУМЦ ЮО, 2004. С. 68.

³ См.: Бойльке, В. Указ. соч. С. 32, 33.

На первое место в германской правовой системе ставятся четыре принципа, которые позволяют определять германскую правовую уголовно-процессуальную систему как обвинительную.

1. Принцип официальности расследования (§ 152 I УПК), согласно которому осуществление публичного уголовного преследования, как исходящего от материального права государства на наказание, должно осуществляться прокуратурой по долгу службы, независимо от воли частных лиц. Отсюда следует положение о том, что прокуратура обязана предъявлять государственное обвинение.

2. Неразрывно связан с первым принципом принцип монополии прокуратуры возбуждать уголовное преследование и предъявлять обвинение (§ 152 II, 170 I УПК ФРГ). Согласно этому принципу, прокуратура при наличии начального подозрения обязана возбудить уголовное преследование, а при подтверждении подозрения – предъявить обвинение.

Противоположностью этому принципу является принцип целесообразности, в соответствии с которым органы уголовного преследования свободны в принятии решения относительно того, надо ли осуществлять уголовное преследование или отказаться от него. Этот принцип придает необходимую гибкость уголовному преследованию со стороны прокуратуры.

3. Принцип обвинения (§ 151 УПК ФРГ) означает, что судебное разбирательство может быть начато только на основе предъявленного обвинения и осуществляется в его пределах. Для предъявления обвинения существует независимый от суда орган государства – прокуратура (§ 152 УПК ФРГ), которая осуществляет предварительное расследование фактических обстоятельств дела (§ 160 I УПК ФРГ). Если при производстве расследования выявляются обстоятельства, дающие основание для выдвижения обвинения, прокуратура обязана это сделать, а затем направить дело в суд по подсудности § 170 I УПК ФРГ). Принцип обвинения немецкая доктрина противопоставляет принципу инквизиционности, состоящего в совмещении функций дознания, обвинения и

суда в одном лице¹.

4. Принцип расследования (§ 244 II УПК ФРГ) означает опять же обязанность органов публичного уголовного преследования исследовать по долгу службы все фактические обстоятельства и расследовать уголовное дело (§§ 155 II, 160 II, 244 II УПК ФРГ). Поэтому его юридической литературе еще называют принципом дознания.

В отличие от розыскного принципа (как единства дознавателя и судьи) принцип расследования означает то, что прокуратуры и полиция обязана расследовать все обстоятельства дела, а после направления дела в суд последний должен в свою очередь также провести расследование в полном объеме. Отличие данного принципа от принципа состязательности (при котором каждая из сторон сама решает какие факты представить суду и какие утверждения доказывать), в том, что в уголовном процессе должно быть доказано то, что было на самом деле (принцип материальной истины), что означает активность как прокурора, так и суда в доказывании всех фактов, имеющих отношение к делу.

Мы видим вполне сложившуюся обвинительную систему, с акцентом на публичность и материальную истину, что является отличительной чертой немецкой доктрины. Она сдержанно относится к состязательности, предпочитая называть тип германского уголовного процесса как следственно-обвинительный. Прокуратура занимает центральное положение в этой уголовно-процессуальной системе.

Досудебное производство проводится только в виде дознания. Германия отказалась от предварительного следствия, а вместе с тем и от такой фигуры как следственный судья, ведущий предварительное судебное следствие, еще в ходе реформы 1974 года (законом от 09.12.74 г. «О реформе уголовно-процессуального права»), сделав это одной из первых стран на континенте². Следственный судья выступает в досудебном производстве только органом судебного контроля или

¹ См.: Бойльке, В. Указ. соч. С. 36.

² См.: Филимонов, Б. А. Основы уголовного процесса Германии. Москва : Изд-во Моск. Ун-та, 1994. С. 8.

может проводить следственные действия (допрос) для депонирования личного доказательства. Инициативой в проведении расследования он не обладает. Поэтому, например, в случае обнаружения признаков преступления в ходе допроса при дознании, он обязан передать эту информацию прокурора для реализации уголовного преследования (§ 167 УПК ФРГ). Только в случаях нетерпящих отлагательств он может выступать как представитель прокуратуры, т.е. действовать как лицо, представляющее прокуратуру (§ 165 УПК ФРГ)¹, но не как орган судебно-следственной власти.

Таким образом, немецкий «следственный судья» вовлекается в дознание в двух случаях: при вынесении постановления о применении мер принуждения и в случаях обеспечения доказательств². Надо констатировать, что институт следственного судьи, институт предварительного следствия полностью переродился в Германии.

На прокуратуру возложены три функции: она является «госпожой дознания» («госпожой предварительного расследования»), поддерживает государственное обвинение в суде и органом исполнения наказания³.

Такая триада логично вытекает из обвинительной концепции, по которой прокурор является субъектом права на уголовный иск о признании за государством права на наказание лица, совершившего преступление. Прокурор выдвигает, доказывает обвинение – публичный уголовный иск, а в случае удовлетворения, реализует признанное судом право государства на наказание преступника.

Обладая исключительным полномочием на предъявление государственного обвинения, прокуратура обязана, если иное специально не оговорено в законе, расследовать любые уголовные дела, если для этого существует достаточные фактические данные (§ 155 II УПК ФРГ).

Информацию о признаках преступления прокурор получает по следующим

¹ См.: Бойльке, В. Указ. соч. С. 181.

² См.: Там же. С. 185.

³ См.: Там же. С. 62, 68.

каналам: заявление, жалоба потерпевшего, полицейские сводки, а также другие источники.

В Германии прокуроры осуществляют альтернативные с полицией полномочия по регистрации заявления о преступлениях.

Прокуратура должна установить и доказать подозрение в совершении преступления.

Материальным основанием для проведения предварительного расследования в отношении конкретного «обвиняемого»¹ в форме дознания является начальное подозрение. Начальное подозрение – это наличие достаточных фактических данных, позволяющих сделать обоснованное предположение о совершении лица преступления. Вопрос о достаточности этих данных решается прокурором по собственному усмотрению².

Для принятия решения о выдвижении обвинения прокуратура должна собрать и объективно исследовать все обстоятельства уголовного дела – непосредственно или с помощью полиции (§§ 160 I, 163 УПК ФРГ).

Прокуратура несет ответственность за сбор доказательств в ходе предварительного расследования (§ 160 II УПК ФРГ). Если прокурор приходит к выводу о необходимости производства судебного следственного действия (для депонирования доказательств, если его источнику угрожает опасность исчезновения), то он обращается с ходатайством к участковому районному суду в округе, где следует провести данное следственное действие (§ 162 I 1 УПК ФРГ). Решение данного вопроса относится к компетенции следственного судьи.

Прокуратура проводит расследование непосредственно сама, она вправе проводить все следственные действия, предусмотренные законом. Одним из таких следственных действий является допрос обвиняемого, который должен быть проведен прокурором в ходе дознания (§ 163 I 1 УПК ФРГ). Перед предъявлением обвинения прокуратура должна допросить лицо в качестве обвиняемого (§ 163a

¹ Термин «обвиняемый» здесь используется в широком смысле для обозначения лица, в отношении которого обвинение еще не выдвинуто, но есть подозрение; иными словами, здесь имеет место аналог российского «подозреваемого».

² См.: Бойльке, В. Указ. соч. С. 182, 183.

УПК ФРГ). Обвиняемый должен быть незамедлительно подвергнут допросу следственным судьей после взятия под стражу или задержания, а также прокурором – перед направлением обвинительного заключения в суд¹. Однако, чаще она привлекает сотрудников полиции для производства определенных процессуальных действий, если иное не закреплено в законе (§ 161 II УПК ФРГ), давая своего рода «карт-бланш» на проведение предварительного расследования².

Отдельная категория полицейских официально называются «помощниками прокуратуры»: они наделены особыми полномочиями и обязаны выполнять все постановления, следственные поручения прокуратуры (§ 161 I 2 УПК ФРГ). Прокуратура вправе давать указания сотрудникам полиции, которые обязаны эти указания выполнять (§ 161, 161 I УПК ФРГ).

Согласно § 163 I 1 УПК ФРГ перед полицией стоит задача обнаружения и исследования всех обстоятельств дела, имеющих отношение к преступлению. К полномочиям полиции относятся: регистрация заявления о преступлениях, проведение по поручению прокурора следственных действий, включая выемку, осмотр документов, допросы, назначение экспертизы, прослушивания и т.д. В последнее время к ним добавились такие высоко технологичные следственные действия, как контроль телекоммуникаций (§ 99 УПК ФРГ), компьютерный поиск возможных преступников на основании общих признаков (§ 98a и 98b УПК ФРГ) (так называемый «онлайн-поиск»), в том числе, с использованием специальных полицейских компьютерных вирусов.

Полиция обладает правом и вместе с тем обязанностью совершения первых, неотложных действий по реагированию, а затем она немедленно сообщает в прокуратуру, которая приступает к руководству расследованием. Уголовная полиция может расследовать преступления не только по требованию прокуратуры, но и по своей инициативе, проводя различные тайные и гласные следственные действия, в том числе такие комплексные мероприятия, как

¹ См.: Головенков, П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия - Strafprozessordnung (StPO). Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2012. С. 111.

² См. : Бойльке, В. Указ. соч. С. 62.

«всеобщую полицейско-розыскную проверку» (§163d УПК ФРГ), систематический розыск преступников с использованием электронной системы обработки данных (§§ 98a-98b УПК ФРГ). Однако, общее руководство расследованием и определение его исхода входит в исключительные полномочия прокуратуры.

Полиция по поручению прокуратуры проводит «тайные» следственные действия, которые санкционируются судом. Если в ходе предварительного расследования у прокурора возникнет необходимость в проведении процессуального действия, санкционируемого судьей (это в основном принудительные действия, сопряженные с ограничением фундаментальных прав личности), он обращается с ходатайством к следственному судье, который находится в участковом суде (§ 162 УПК ФРГ). При опасности промедления прокуратура сама может санкционировать некоторые процессуальные меры принудительного характера, например, выемку.

Если в ходе предварительного расследования собрано достаточно доказательств для предъявления обвинения, то прокуратура должна направить уголовное дело с обвинительным заключением в компетентный суд (§ 170 I УПК ФРГ) или прекратить уголовное дело. При наличии доказанного подозрения в совершении преступления прокуратура обязана предъявить государственное обвинение (§ 170 I УПК ФРГ). Если прокуратура решила предъявить обвинение она делает отметку в деле об окончании дознания (§ 169 a УПК ФРГ), после чего у обвиняемого и его защитника появляется неограниченная возможность знакомиться с материалами уголовного дела.

После предъявления обвинения – направления уголовного дела с обвинительным заключением в суд – судья обязан открыть судебное разбирательство и начинается предание суду.

При установлении временного обстоятельства, препятствующего ведению процесса в ходе дознания, прокурор временно приостанавливает процесс (§ 205 УПК ФРГ). Если же прокурор убеждается в наличии обстоятельства, окончательно препятствующего процессу, то дело прекращается (§ 170 УПК

ФРГ). Прокуратура может прекратить уголовный процесс по соображениям нецелесообразности (§ 153ff УПК ФРГ). В любом случае только прокурор определяет судьбу уголовного дела в ходе досудебного производства.

Как и в некоторых других странах, дискреционные полномочия прокурора в отношении обвинения и уголовного преследования ярко проявляются в механизме прекращения уголовного дела (преследования) при наличии соответствующего подозрения и с учетом принципа целесообразности. В германском уголовно-процессуальном праве предусмотрены две ситуации, связанные с подобным исходом процесса: (1) прекращение процесса без отягчающих мероприятий и (2) прекращение процесса, при котором имеет место отягчающие правовые последствия для обвиняемого.

В первом случае прокуратура прекращает уголовный процесс, предметом которого является уголовный проступок, в соответствии с § 153 УПК ФРГ, ввиду отсутствия публичного интереса к осуществлению уголовного преследования. Материально-правовыми предпосылками для подобного исхода дела являются (а) малозначительность деяния – уголовный проступок, (б) незначительность вины правонарушителя. Если при наличии этих материально-правовых составляющих прокурор приходит к выводу об отсутствии публичного интереса к реализации уголовного преследования обвиняемого, он прекращает дело. Делает он это по своему усмотрению, с учетом всех обстоятельств дела. По общему правилу данное решение требует согласия суда (§ 153 I 2 УПК ФРГ).

Во второй ситуации прокурор прекращает уголовный процесс в стадии дознания согласно § 153 а I УПК ФРГ при наличии следующих обстоятельства: (а) совершен уголовный проступок или преступление средней тяжести, (б) степень вины обвиняемого не должна препятствовать такому решению, (в) возложение на обвиняемого обязанности и обременения должны компенсировать достижение публичного интереса через уголовное преследование в общем порядке.

Для достижения третьей составляющей прокурор вправе возложить на обвиняемого обязанности следующего рода: возместить вред, причиненный его деянием; внести определенную сумму в государственную казну или фонд какой-

либо полезной общественной организации; выполнить общественную работу и пр. Перечень обязанностей, которые могут быть возложены прокурором на обвиняемого законом не ограничен¹. По общему правилу это решение прокурора требует согласия суда².

Итак, только прокуроры обращаются в суд для получения санкций на следственные действия и меры пресечения, временно прекращают расследование (прерывают), прекращают, выделяют и соединяют уголовные дела, с согласия суда налагают штрафы, назначают общественные работы, составляют обвинительное заключение, которое направляют в суд.

Наконец, важным для понимания предварительного расследования будет несколько положений из доказательственного права Германии. Прежде всего надо сказать о свободном порядке представления доказательств, который имеет место в этой стадии. Имеется в виду так называемая концепция «свободного доказывания» в ходе предварительного расследования. Прокурор, офицер полиции может получать материалы, информацию любыми незапрещенными законом способами, использовать их для решения процессуальных вопросов в стадии, а также представлять суду при направлении ему дела для рассмотрения по существу. Так, все документы, составляемые полицией в ходе производства тех или иных следственных действий, имеют одинаковое значение со всеми прочими документами, представляемыми сторонами суду и суд сам определяет их допустимость. Объем и необходимость привлечения документов как вида доказательств определяется судом ввиду необходимости установления истины по делу (§ 244 II УПК ФРГ).

Сделаем выводы из вышесказанного относительно германского уголовно-процессуального опыта устройства и деятельности прокуратуры в досудебном производстве по уголовному делу.

¹ См.: Бойльке, В. Указ. соч. С. 199–200.

² См.: Там же. С. 199–200.

1. Отказ от следственного судьи как органа совмещающего функции обвинения, следствия и правосудия. Судебный орган выполняет только функции судебного контроля и обеспечения личных доказательств в ходе дознания.

2. Отказ от института предварительного (судебного) следствия. Прокурорское (полицейское) дознание является единственной формой предварительного расследования.

3. Прокуратура ведет предварительное расследование и реализует уголовное преследование в виде дознания. Прокурор является процессуальным руководителем дознания и действиями уголовной полиции.

В число функций прокуратуры Германии входят: расследование уголовных дел, уголовное преследование и поддержание государственного обвинения; участие в процессе как объективная сторона; принятие мер по реализации решений суда и контроль за исполнением приговоров. В Германии досудебное расследование проводят прокуроры, но при этом обращаются за помощью в полицию. В процессе расследования прокуратура имеет широкие полномочия: задерживать подозреваемого в преступлении, принимать решения о розыске подследственных, предъявлять обвинения и прекращать производство по делу.

4. Уголовная полиция занимается раскрытием преступлений и сбором доказательств под процессуальным руководством прокуратуры.

5. Выдвижение прокурором обвинения происходит в суде.

6. Свобода распоряжения прокурором обвинением (уголовным преследованием) с учетом принципа целесообразности. Наличие развитого уголовно-процессуального механизма разрешения уголовно-правовых споров в стадии дознания по усмотрению прокурора, сочетающего медиацию и диверсию.

7. Формирование уголовно-судебных доказательств только в суде, в том числе при депонировании личных доказательств путем судебных допросов.

Это и есть третья модель досудебного производства – «полицейско-прокурорская» («германская модель»)¹. Эту модель еще называют «прокурорским

¹ См.: Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. 3-е изд., испр. Москва : Статут, 2021. С. 191.

дознанием», ибо деятельность полиции не только под надзором, но и руководством прокурора.

Полиция собирает доказательства, а прокурор на их основании принимает процессуальные решения. Ограничения конституционных прав граждан осуществляется полицией и прокурором под внешним – судебным контролем, осуществляемым ординарными судьями, которые при его осуществлении в процессуальном смысле именуется «следственными» (Ermittlungsrichter) В результате полиция проводит расследование под надзором прокурора, будучи обязана в соответствующих случаях обращаться в суд за разрешением на ограничение конституционных прав личности¹.

В австрийской, итальянской, германской модели досудебного производства прокуратура обладает всей полнотой власти над уголовным преследованием и выдвижением обвинения. Ни о какой процессуальной самостоятельности следователя, как субъекта уголовного преследования не идет и речи. Подобная наследственная правовая организация досудебного производства, первоначально сформировавшаяся в Австрии и ФРГ, стала ориентиром для многих западно- и восточно-европейских государств: Польши, а также стран Балтии, Молдовы, Украины и даже неевропейских: вроде Казахстана, Киргизии. Отдельно стоит грузинская модель правовой организации досудебного производства, более всего близкая к англо-американской модели, «при которой уголовное преследование инициируется либо потерпевшим, либо полицией в рамках состязательной системы»².

¹ См.: Хегер, М. Состязательные и инквизиционные элементы в системах уголовного правосудия европейских государств как вызов европеизации уголовного процесса // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве : материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 9-12 ноября 2017 г. / БГУ, юридический факультет, кафедра уголовного процесса и прокурорского надзора; Берлинский университет им. Гумбольдта; редкол. : В. И. Самарин (отв. ред.), М. Хегер, О. В. Мороз. Минск: Изд. центр БГУ, 2017. С. 200-202.

² См.: Совет Европы: Комитет министров, Рекомендация Rec(2000)19 Комитета министров государствам-членам о роли прокуратуры в системе уголовного правосудия, 6 октября 2000, Rec(2000)19. Текст : электронный // Комитет министров СЕ : [сайт]. <https://www.refworld.org.ru/docid/55c46b574.html> (дата обращения: 25.11.2021).

Германская модель правовой организации досудебного производства может считаться переходной между «инквизиционной» и «состязательной» моделями. И в этом причина ее притягательности для государств, ставших на путь коренного реформирования своих уголовно-процессуальных систем.

Во многом справедлив вывод о том, что прокурор в развитых демократических странах Европы предстает в двух ипостасях - как доминирующий субъект уголовного судопроизводства (проводит, руководит, следит за расследованием) и как участник гражданского судопроизводства. При этом, обращают на себя внимание и функции, которые на Западе наиболее четко ассоциируются с институтом прокуратуры, в частности, если отойти от особенностей конкретных национальных правовых систем, то многочисленные функции, присущие прокуратурам различных стран мира, можно разделить на следующие основные блоки: 1) функция уголовного преследования и связанные с ней функции; 2) надзор за деятельностью правоохранительных и пенитенциарных органов, а также предупреждение преступлений, устранение их причин и условий; 3) участие в гражданском судопроизводстве¹. При этом осуществление уголовного преследования — это фактически единственная универсальная функция прокуратуры многих государств, при том, что полномочия прокуроров относительно уголовного преследования в разных странах не одинаковы².

Итак, основными функциями для континентально-европейской модели является осуществление уголовного преследования, поддержание государственного обвинения и участие в других судебных делах, кроме того, эти прокуратуры осуществляют представительство интересов государства и реализуют некоторые надзорные полномочия.

Несмотря на процессуальную самостоятельность следственного судьи по отношению к прокурору, европейская процессуальная доктрина исходила из того,

¹ См.: Шульган, І.І. Прокурор в кримінальному процесі: дисертація ... кандидата юридических наук. Львів: Національний університет «Львівська політехніка», 2020. С. 147.

² См.: Новосад, Ю. О. Кримінально-доктора юридических. наук. Київ: НАН України, Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького, 2019. С. 102, 103.

что именно прокурор является главой обвинительной власти и субъектом публичного права на уголовный иск.

Не следственный судья, а прокурор рассматривается субъектом обвинения, которым и развивается уголовное судопроизводство. Было выработано немало категорий, выражающих эту концепцию, нашедших закрепление в позитивном праве отдельных европейских стран.

Как уже отмечалось, классиками русской уголовно-процессуальной мысли в контексте правовой реальности, образованной Уставом уголовного судопроизводства, для обозначения роли прокуратуры в подобной модели правовой организации досудебного производства было выработана концепция «обвинительной власти», носителем которой во всех стадиях уголовного процесса рассматривалась прокуратура¹. Данная концепция в контексте прокурорской модели предварительного следствия или прокурорского дознания приобретает еще большее значение².

2.3. Участие прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса государств, входящих в СНГ

В данном параграфе речь пойдет об уголовно-процессуальных системах государств, которые сохранили определенную преемственность и связь с российской и советской уголовно-процессуальной моделью, включая ту ее часть, которую мы анализируем. У нас общие корни в следственной уголовно-процессуальной идеологии, доставшейся по наследству из общей истории проживания в одном государстве.

Данные государства неоднородны в своем правовом развитии и направлениях этого развития. Есть среди них государства, такие как

¹ См.: Муравьев, Н. В. Общие основания устройства и уголовной деятельности прокурорского надзора (1891-1892 г.). С. 532–534; Щегловитов, И. Г. Основные начала современного уголовного судопроизводства // Журнал министерства юстиции. 1903. № 9. С. 63–101.

² Во второй главе нашего исследования мы подробно остановимся на этой теме.

Казахстан и Киргизия, которые достаточно сильно ориентированы на переход к «обвинительной» уголовно-процессуальной системе во главе с прокуратурой. Эти две страны провели серьезную реформу предварительного расследования и во многом следуют универсальному «западному» примеру, как в отношении реорганизации правовой формы предварительного расследования, так и модели участия прокурора в этом расследовании. Если быть точнее, то в указанных, как и некоторых других постсоветских государствах, германская модель досудебного производства, при которой прокурор фактически руководит расследованием и принимает основные процессуальные решения, формирует обвинение, принята за образец¹.

Есть государства, в чьем современном уголовно-процессуальном праве воспроизведена с некоторыми непринципиальными переделками советская модель, с которой они получили государственную самостоятельность. Повторив опыт России в 2000 году, они приняли новые кодексы, по существу ничего не меняя в части правовой организации досудебного производства, следственной формы выдвижения обвинения и формирования уголовно-процессуальных доказательств. Иными словами, концептуально эти государства находятся с нами в одной правовой группе. К ним можно отнести Азербайджан, Белоруссию, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан и другие.

В эту правовую организацию встроена *советская модель* прокурорского надзора – общенадзорная модель. Хотя при этом руководящая роль прокурора в досудебных стадиях сомнению не подвергается, что было характерно для советской уголовно-процессуальной доктрины.

Подчеркнем, что именно советской, а не современной российской с ее перекосом в пользу доминирования органа предварительного следствия и

¹ См.: Коновалов, С.Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств: диссертация. ... кандидата юридических наук. Москва, 2018. С. 9; Ларина, А.В. Дискреционные полномочия прокурора в досудебном производстве России и других стран СНГ (сравнительно-правовое исследование) : диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2019. 186 с.

ограничения полномочий прокурора в пользу первого. Как будет показано далее, везде руководящая роль прокурора в предварительном следствии сохранена.

Характерно, что в Белоруссии, где была реализована *идея о создании единого следственного органа* в лице Следственного комитета Республики Беларусь, прокурор в полной мере сохранил процессуальные полномочия как по ведению предварительного следствия, так и по процессуальному руководству следствием, включая санкционирование мер пресечения и иных процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы человека (статья 34 УПК РБ)¹.

На доктринальном уровне у указанных государств есть общее понимание принципов уголовного процесса, которые имеют непосредственное отношение к организации прокурорского надзора в досудебном производстве по уголовным делам, как-то: публичность, законность, уважение прав личности, независимость суда и пр.

Уголовно-процессуальная наука постсоветских государств, как и российская, не знает принципа обвинения и не прониклась еще западной уголовно-процессуальной правовой культурой. Почти все они оперирует понятием «состязательность» в весьма близком принципе обвинения значении. Хотя при этом все же теряются некоторые важные для понимания обвинительной уголовно-процессуальной системы моменты. В частности, тезис о руководящей роли прокурора как главы обвинительной власти по отношению к полиции и другим субъектам публичного уголовного преследования.

Можно констатировать глубинное единство в понимании уголовно-процессуальных явлений, которые имеется в уголовно-процессуальных доктринах этих государств. Если говорить точнее они все базируются на русской-советской-российской доктрине. Пока все мы оперируем одинаковым понятийным аппаратом и мыслим сходно об одних и тех же процессуально-правовых

¹ Единственное изъятие из полномочия прокурора на дачу санкции на применение меры уголовно-процессуального принуждения – для Председателя Следственного комитета Республики Беларусь предусмотрено частью пятой статьи 35 УПК РБ.

явлениях. Пока сохраняется единое мысленное, теоретико-правовое пространство и притяжение к русской правовой культуре.

Показателем этого идейно-культурного единства является приверженность представителей этих государств Модельному уголовно-процессуальному кодексу стран - членов СНГ. Эту модель прокуратуры и участия ее в досудебном производстве мы рассмотрим на примере таких государств, как Азербайджан, Кыргызстан и Казахстан.

2.3.1. Правовое положение прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса Республики Азербайджан

Прежде всего, надо отметить, что на концептуальном, доктринальном уровне существует много общего в понимании сущности, формы и содержания прокурорского надзора в досудебном производстве. Как отмечается в азербайджанских источниках, органы прокуратуры Российской Федерации и Азербайджанской Республики развивались на основе единых исторических предпосылок, включая и последний этап, определяемый принятием Модельного Уголовно-процессуального кодекса СНГ¹.

Азербайджанское досудебное производство по уголовным делам унаследовало двухстадийную структуру: первая стадия – возбуждение уголовного дела, вторая стадия – предварительное расследование.

Механизм выдвижения обвинения такой же, как в России – следственный. Есть и принципиальное сходство доказательственного права Азербайджана и России, его отличает, прежде всего, письменная форма доказательств, которые формируются в досудебных стадиях органами предварительного расследования и пр.

¹ См.: Аббасов, Ф. Н. Досудебное производство в уголовном процессе России и Азербайджана (сравнительно-правовое исследование в рамках государств СНГ): диссертация ... доктора юридических наук. Санкт-Петербург, 2006. С. 8; Годжаев, К. Э. Прокурор в досудебном производстве по уголовным делам: сравнительно-правовое исследование законодательства Российской Федерации и Азербайджанской Республики : диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2006. С. 9.

По мнению ряда исследователей, Азербайджан отказался от общенадзорной модели деятельности прокуратуры и на уровне конституции признал прокуратуру прежде всего органом уголовного преследования и обвинения¹.

Согласно части первой статьи 133 Конституции Азербайджанской Республики² прокуратура осуществляет в предусмотренном законом порядке и случаях надзор за исполнением и применением законов; в предусмотренных законом случаях возбуждает уголовные дела и ведет следствие; поддерживает в суде государственное обвинение; возбуждает в суде иск; приносит протесты на решения суда.

Как отмечают азербайджанские ученые, конституционные полномочия прокуратуры к сфере уголовного судопроизводства можно условно подразделить на две группы: 1) полностью посвященные данной деятельности; 2) более широкие, чем участие прокурора в уголовном судопроизводстве. К первой группе полномочий относятся: возбуждение уголовных дел и производство следствия; поддержание в суде государственного обвинения. Вторую группу полномочий составляют: надзор за единообразным и точным исполнением и применением законов; принесение протестов на решения суда³.

Наверное, о полном разрыве с традицией считать прокуратуру общенадзорным органом здесь говорить нельзя. Прокуратура позиционируется как орган надзора за исполнением законов, включая сферу уголовного судопроизводства и его досудебную часть. Признается сочетание функций по осуществлению надзора за исполнением законов органами предварительного следствия, дознания и уголовного преследования⁴. Таким образом, сохраняется много общего между азербайджанской и российской моделями прокурорского надзора.

¹См.: Щерба, С. П., Решетникова Т. А., Зайцев О.А. Прокуратура в странах СНГ: правовой статус, функции, полномочия. Москва: Изд-во «Экзамен», 2007. С. 47.

² Конституция Азербайджанской Республики. С дополнениями и изменениями, принятыми на всенародном голосовании (референдуме) 26 сентября 2016 года. Текст : электронный // Президент Азербайджанской Республики : [сайт]. URL : <https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution> (дата обращения: 16.05.2023).

³ Годжаев, К.Э. Указ. соч. С. 35.

⁴ См.: Аббасов, Ф. Н. Указ. соч. С. 29.

При этом нельзя не отметить, что азербайджанская уголовно-процессуальная модель ближе к советской или послесоветской дореформенной, чем к современной российской уголовно-процессуальной модели. И руководящая роль прокурора в досудебной уголовно-процессуальной системе под сомнение не ставилась никогда.

В азербайджанской юридической литературе общепризнано, что уголовном процессе Азербайджана прокуратура играет активную роль. Ее трактуют как представителя государства, реализующего полномочия по осуществлению надзора в сфере уголовного судопроизводства, и вместе с тем - стороной в *состязательном процессе*, на которую возложена функция обвинения¹.

В полной мере активная роль прокуратуры проявляется в досудебном производстве по уголовным делам, где прокурор реализует имеющиеся у него властные полномочия путем осуществления уголовного преследования, а также надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования².

Есть большое различие между правовым положением прокурора в досудебном производстве по уголовным делам Азербайджана и в России. Эти отличия обусловлены тем, что в России в 2007–2009 годах была проведена реформа досудебного производства в направлении укрепления процессуальной самостоятельности органов предварительного следствия от прокуратуры. В Азербайджане ничего подобного не было, и его уголовно-процессуальное законодательство сохранило сходство с первоначальной редакцией УПК РФ и с той моделью, что заложена в Модельный кодекс стран СНГ (1996 г.).

В законодательстве Азербайджана четко проведена концепция процессуального руководства прокурора в отношении всех органов предварительного расследования, включая следователя, органа предварительного

¹ См.: Велиев, И. В. Организация процессуальной деятельности прокуратуры Азербайджанской Республики // Право и жизнь. 2005. № 81 (4). С. 34–42.

² См.: Годжаев, К. Э. Указ. соч. С. 5.

следствия. Так, в статье 17 Закона АР «О прокуратуре»¹, указано, что «в целях обеспечения ведения уголовного преследования прокуратура осуществляет процессуальное руководство предварительным следствием, надзор за исполнением и применением законов, изучает и обобщает состояние исполнения законодательных актов в этой области».

Прокурор имеет право участвовать в следственных действиях, требовать для проверки материалы уголовного дела или отдельные документы, принимать процессуальные решения по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя.

В соответствии со ст. 38.1. УПК АР прокурор трактуется как *субъект уголовного преследования*, определяемого в статье 7.0.4 УПК АР как уголовно-процессуальная деятельность².

В азербайджанской уголовно-процессуальной литературе развиваются сходные с нашими идеи относительно понятия «уголовное преследование». Применительно к досудебному производству его трактуют как деятельность уполномоченных государственных органов и должностных лиц, осуществляемая в досудебном производстве по уголовному делу, независимо от того, установлено ли лицо, которое подлежит привлечению в качестве обвиняемого, или нет. При этом прокурор трактуется как субъект уголовного преследования, полномочный его непосредственно осуществлять, так орган, руководящий другими субъектами уголовного преследования³.

Согласно ст. 38.1. УПК АР прокурор наряду с дознавателем и следователем, получив сообщение о преступлении, либо непосредственно обнаружив его

¹ Закон Азербайджанской республики от 7 декабря 1999 года №767-IQ «О прокуратуре». Текст: электронный // Законодательство стран СНГ: [сайт]. URL : https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2800&ysclid=lgdblhbmcn73089562(дата обращения: 16.05.2023).

² Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года (в ред. 0.12.2022 г. №784-VIQD). Текст: электронный // Законодательство стран СНГ: [сайт]. - URL : https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=11597&ysclid=lgdbf5f64a285822268(дата обращения: 16.05.2023).

³ См.: Аббасов, Ф. Н. Указ. соч. С. 123.

признаки, обязан немедленно произвести дознание или следствие в пределах своих полномочий.

Самое важное значение для понимания прокуратуры в уголовном процессе имеет статья 84 «Прокурор» УПК АР. По смыслу статьи 84.1. УПК АР прокурор осуществляет уголовное преследование, основываясь на результатах исследования всех обстоятельств дела и руководствуясь только требованиями закона и своим внутренним убеждением. Иными словами, именно прокурор отвечает за реализацию уголовного преследования и управляет им в ходе досудебного производства. Это прямо вытекает из статьи 84.3. УПК АР.

Таким образом, азербайджанский прокурор может как непосредственно, так и через надзор за деятельностью органов предварительного расследования осуществлять публичное уголовное преследование.

В стадии возбуждения уголовного дела прокурор в соответствии со ст. 84.2.1. УПК АР обязан рассматривать поступившие заявления и иные материалы по совершенным или готовящимся преступлениям, при наличии достаточных оснований возбудить уголовное дело и после этого или принять дело к своему производству либо поручить его расследование дознавателю, следователю.

Согласно статье 84.5.1. УПК АР прокурор обязан сам соблюдать надлежащий порядок оформления поводов, которые поступили непосредственно к нему. В этом случае на него в полной мере распространяются требования гл. XXV УПК АР. Вместе с тем, прокурор осуществляет надзор за деятельностью следователей и дознавателей, к которым поступили поводы: согласно правилам, содержащимся в ст. 84.5.2 УПК АР.

В ст. 208.0.4 УПК АР говорится о получении непосредственно прокурором сведений о преступлении при исполнении им своих полномочий в ходе предварительного расследования или судебного производства по другому уголовному делу в соответствии со ст. 84 УПК АР, а также при осуществлении

своих полномочий, вытекающих в том числе из Закона АР от 7 декабря 1999 г. «О прокуратуре»¹.

В целом, прокурора вполне можно называть процессуальным руководителем стадии возбуждения уголовного дела, поскольку он уполномочен принимать все процессуальные решения в этой стадии, отменять решения следователя, дознавателя, непосредственно сам выявлять признаки преступления всеми предусмотренными законом способами, руководить доследственной проверкой, реализовывать другие полномочия в связи с осуществлением уголовного преследования.

В стадии предварительного расследования руководящее положение прокурора в полной мере сохраняется. Статья 84.2.2. УПК АР предусматривает, что прокурор осуществляет процессуальное руководство предварительным расследованием. Руководящее процессуальное положение прокурора в стадии предварительного расследования закреплено в статье 84.5 УПК АР, предусматривающая следующие права надзирающего прокурора:

– истребовать от дознавателя или следователя материалы, документы уголовного дела, сведения о ходе предварительного расследования, знакомится на месте с состоянием хода предварительного расследования (ст. 84.5.2.);

– изымать уголовное дело из производства дознавателя или следователя и передает его в производство другого дознавателя или следователя обеспечения всестороннего, полного и объективного проведения и ускорения производства следствия (84.5.3.);

– передавать дело от одной следственной структуры органа, в другую, за исключением случаев передачи уголовного дела из одного соответствующего органа исполнительной власти, производящего предварительное следствие, в другой (84.5.3.);

– поручать следственной группе предварительное расследование по уголовному делу и определять состав этой группы (84.5.4.);

¹ См. об этом подробнее: Годжаев, К.Э. Указ. соч. С. 77 и след.

- при установлении обстоятельств, исключающих участие адвоката в уголовном процессе, отстранять адвоката от производства по уголовному делу (84.5.5.);
- рассматривать отводы дознавателю или следователю, а также их самоотводы (84.5.6.);
- давать письменные указания дознавателю или следователю о расследовании происшествия, избрании, изменении или отмене меры пресечения, о квалификации деяния, розыске совершившего преступление лица, содержании обвинительного акта, вынесении постановлений, а также о производстве следственных или иных процессуальных действий (84.5.7.);
- отменять незаконные и необоснованные постановления дознавателя или следователя (84.5.8.);
- рассматривать жалобы на постановления и действия дознавателя или следователя (84.5.9.);
- при возникновении необходимости в уголовном преследовании лица, пользующегося правом неприкосновенности, обращаться к Генеральному прокурору Азербайджанской Республики за ходатайством перед соответствующим органом о даче согласия на лишение этого лица права неприкосновенности (84.5.9.);
- обращаться к суду или вышестоящему прокурору для подачи соответствующего представления с представлением об избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде ареста, для рассмотрения вопроса об продлении срока его пребывания под стражей, а также в случаях, предусмотренных статьями 177.3 и 444 УПК АР (84.5.9.);
- представлять перед судом орган, осуществляющий уголовный процесс (84.5.12.);
- в случаях, предусмотренных статьями 39, 40 УПК АР, прекращать уголовное преследование и отказываться от уголовного преследования в отношении обвиняемого (84.5.13.);

– утверждает обвинительный акт, а в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, — также постановления дознавателя или следователя либо отказывается от этого и возвращает уголовное дело со своими обязательными для исполнения указаниями следователю (84.5.14.);

– направлять уголовные дела или иные связанные с уголовным преследованием материалы в суд для рассмотрения по существу (84.5.15.);

– лично принимать соответствующие постановления по уголовному делу, производить отдельные следственные или иные процессуальные действия (84.5.16.);

– поручать проведение оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию преступления, розыску пропавшего лица или поиску пропавшего имущества и получает сообщения о принятых мерах (84.5.17.);

– истребовать документы и материалы о происшествиях и связанных с ними лицах (84.5.18.);

– осуществлять надзор за законностью осуществления дознавателем или следователем задержания, принудительного доставления или иных мер процессуального принуждения, а также поручать проведение процессуальных действий органу дознания (84.5.19.);

– обеспечивать принятие мер к безопасности потерпевшего, свидетеля и иных лиц, участвующих в уголовном процессе (84.5.20.);

– освобождать подозреваемого или обвиняемого, соответственно задержанного или содержащегося под стражей без законных на то оснований или сверх сроков, установленных статьями 148.4, 148.6, 148.7, 150.3, 151.5., 158, 159 настоящего Кодекса (84.5.21.).

Как *странность* можно отметить положение о том, что в соответствии со ст. 84.4 УПК АР прокурор, проводивший предварительное следствие или осуществлявший процессуальное руководство предварительным расследованием, не может участвовать в судебном разбирательстве в качестве государственного обвинителя, т. е. обязан самоустраниться или подлежит отводу. Должно бы быть

совсем наоборот¹. Впрочем, это единственное проявление влияния концепции невовлеченности прокурора в деятельность поднадзорных органов предварительного следствия, которая оказалась реализована в России.

В остальном можно признать логичность и последовательность правовых предписаний относительно правового положения прокурора как руководителя публичного уголовного преследования, полномочного распоряжаться уголовным преследованием и разрешать исход досудебного производства по уголовному делу.

Особенно показательны различия в полномочиях прокурора по УПК РФ и УПК АР обнаруживается при сравнении норм, закрепленных, соответственно: в ст.ст. 84.5.12., 84.5.13., 84.5.15- 84.5.16. УПК АР, и в части второй статьи 37 УПК РФ. Азербайджанский прокурор представляет в суде орган предварительного расследования, он вправе отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего прокурора, следователя, дознавателя, вправе лично принимать соответствующие постановления по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя, дознавателя или нижестоящего прокурора. Законодатель в Азербайджане последовательно проводит линию на то, что прокурор, будучи представителем стороны обвинения, должен сам иметь возможность выносить постановления по уголовному делу, по которому он впоследствии будет утверждать обвинительное заключение.

В рамках общего руководства досудебным уголовным преследованием прокурор руководит оперативно-розыскной деятельностью (ст. 84.5.17 УПК АР). Это также принципиально важно для понимания положения прокурора в досудебном производстве азербайджанского уголовного процесса.

Таким образом, прокурор как участник досудебного уголовного производства в Азербайджанской Республике характеризуется тем, что осуществляет надзор за исполнением законов в досудебных стадиях, уголовное

¹ Этому «наоборот» соответствует казахстанская концепция «процессуального прокурора», о которой будет сказано далее подробнее, если же говорить коротко, то ее суть выражается схемой «одно дело – один прокурор».

преследование, процессуальное руководство органами публичного уголовного преследования, включая органы, уполномоченные осуществлять оперативно-розыскные мероприятия.

Правозащитный аспект деятельности прокурора в досудебном производстве признается азербайджанской правовой доктриной так же, как и нашей: прокурор должен надзирать за соблюдением органами предварительного расследования прав и свобод лиц, вовлеченных в досудебное уголовное судопроизводство¹. Впрочем, это обстоятельство влияния на общую организацию процессуальной деятельности прокурора в досудебных стадиях не оказывает.

Из системного толкования уголовно-процессуальных норм азербайджанского законодательства следует следующее: во-первых, общее направление уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве состоит в уголовном преследовании, во-вторых, все остальные направления деятельности прокурор осуществляет в русле данного вида деятельности; в-третьих, процессуальное руководство предварительным расследованием служит общей формой, в которой прокурор реализует свои полномочия относительно следователя и дознавателя, в-четвертых, содержанием процессуального руководства является надзор прокурора за проводимым по уголовному делу дознанием и предварительным следствием².

Наиболее важно для понимания процессуальной роли прокурора в досудебном производстве то, что он определяет исход дела: или прекращает дело, или направляет его в суд, или же возвращает на дополнительное расследование.

В статьях 289, 290.3 УПК АР регламентируются полномочия прокурора по проверке материалов уголовного дела и обвинительного заключения и принятию решений по результатам такой проверки. Анализ этих полномочий позволяет сделать вывод о решающей роли прокурора при переходе процесса в судебную стадию³, так же как это имеет место и в российском уголовном судопроизводстве.

¹ См.: Аббасов, Ф.Н. Указ. соч. С. 71.

² См.: Годжаев, К.Э. Указ. соч. С. 52.

³ См.: Годжаев, К.Э. Указ. соч. С. 149, 150.

Прекращение уголовного дела, согласно азербайджанской правовой доктрине, является таким же нормальным результатом предварительного расследования, как и направление уголовного дела в суд с обвинением.

В соответствии со ст. 41.1. УПК АР дознаватель, следователь или прокурор, выявив в ходе предварительного расследования обстоятельства, указанные в статье 39 УПК АР, выносит постановление о прекращении уголовного преследования (уголовного дела). Прокурор, осуществляя уголовное преследование и одновременно надзор за процессуальной деятельностью, не должен стремиться во что бы то ни стало, вопреки имеющимся в уголовном деле оправдательным доказательствам (или при отсутствии обвинительных доказательств), отменять законные и обоснованные постановления следователей о прекращении уголовных дел¹.

Весьма показательным является сравнительно правовой анализ азербайджанского диспозитивного уголовно-процессуальный механизма прекращения уголовно-правового спора в стадии предварительного расследования с его западноевропейскими аналогами.

Соответствующие нормы о нем сосредоточены в статье 40 УПК АР, которая предусматривает «Обстоятельства, позволяющие не осуществлять уголовное преследование».

Согласно ст. 40.1. УПК АР наличие предусмотренных уголовным законом обстоятельств для освобождения от уголовной ответственности и от наказания позволяет не осуществлять уголовное преследование. В соответствии со ст. 40.2. УПК АР уголовное преследование может быть возбуждено либо прекращено на основании согласованного с прокурором постановления дознавателя или следователя в случаях освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных статьями 72.1, 73.1, 73-1.3 и 74 Уголовного Кодекса Азербайджанской Республики.

При установлении обстоятельств освобождения лица от уголовной ответственности, предусмотренных статьями 72.2, 73.2, 73.3, 73-1.1 и 73-1.2, а

¹ См.: Годжаев, К.Э. Указ. соч. С. 136.

также Особенной частью Уголовного кодекса Азербайджанской Республики, на основании согласованного с прокурором постановления дознавателя или следователя уголовное преследование не возбуждается или прекращается (ст. 40.3. УПК АР).

В соответствии со ст. 40.4. УПК АР при установлении предусмотренных статьей 73-2 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики обстоятельств освобождения лица от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, на основании согласованного с прокурором постановления дознавателя или следователя уголовное преследование не возбуждается или прекращается. Эта нормативная конструкция близка к статье 28.1 УПК РФ и говорит о наличии общих тенденций в развитии законодательства наших стран.

Согласно ст. 40.5 УПК АР при совершении в соучастии преступных деяний, предусмотренных статьями 72–73-2 УК АР, возмещение вреда, причиненного потерпевшему, и осуществление выплаты в государственный бюджет каждым из участников соразмерно доле согласно пункту 2 части «Примечание» статьи 72 указанного Кодекса, во время досудебного производства решается согласованным с прокурором постановлением дознавателя или следователя, а во время судебного производства – решением суда.

Данные положения близки моделям транзакции, диверсии, которые были нами рассмотрены. Принципиально общее в них то, что главную роль в них играет прокурор.

Сделаем выводы по азербайджанской уголовно-процессуальной системе участия прокурора в досудебном производстве. Это производство сохранило следственную форму, во многом близкую российской. Однако несмотря на принципиальное, идеологическое сходство наших уголовно-процессуальных моделей правовое положение прокурора и его уголовно-процессуальная деятельность в досудебном производстве по уголовным делам различаются в Азербайджане и России.

Через весь текст УПК АР проходит идея о том, что прокурор «осуществляет процессуальное руководство предварительным расследованием». Принципиальное нормативно-правовое положение о руководящей процессуальной роли прокурора в досудебном производстве по отношению как к дознавателю, так и следователю, является отличительной чертой официальной правовой доктрины Азербайджана. В целом процессуальные полномочия прокурора по осуществлению функций обвинения и доказывания в азербайджанском досудебном производстве по уголовному делу значительно шире, чем полномочия российского прокурора. Азербайджанский прокурор является подлинным руководителем досудебным уголовным преследованием и определяет исход досудебного производства.

Следует согласиться с выводом, что в ходе досудебного производства в наибольшей степени проявляется роль прокурора как должностного лица, осуществляющего уголовное преследование и одновременно надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия¹. Такова принципиальная характеристика участия прокурора в досудебном производстве по уголовным делам по законодательству Азербайджана.

2.3.2. Особенности участия прокурора в досудебном производстве Кыргызской Республики

Для правового развития этого государства характерна частная смена курсов от российской к прозападной модели. Это отразилось и на анализируемом нами правовом феномене.

¹ Годжаев, К.Э. Указ. соч. С. С. 85.

22 декабря 2016 года Президентом Киргизии был подписан закон¹, направленный на принятие ряда основополагающих нормативных актов в сфере уголовной юстиции. С января 2019 года ожидалось введение в действие в числе Уголовного кодекса КР, Кодекса КР о проступках, Уголовно-процессуального кодекса КР. Новый уголовно-процессуальный кодекс предполагал довольно серьезные изменения в устройстве досудебного производства. Однако, позднее после многочисленных изменений был подготовлен другой закон: Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской республики от 28 октября 2021 года № 129², где оказался довольно умеренный вариант оптимизации следственной формы досудебного производства.

Выделим самые характерные результаты реформирования досудебного производства этой страны.

1. Крупнейшим изменением, произошедшим в структуре досудебного производства, стал отказ от стадии возбуждения уголовного дела.

Как пишет М.В. Лапатников, киргизский законодатель в своем стремлении модернизировать досудебное производство ориентируется на «модную» среди ряда постсоветских стран схему, имеющей, судя по всему, европейские корни, предполагающую соединение стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования в единое досудебное производство³.

В результате получилось единое «досудебное производство», состоящее из регистрации заявления, сообщения о преступлении в Едином реестре

¹ См.: О введении в действие Уголовного кодекса Кыргызской Республики, Кодекса Кыргызской Республики о проступках, Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызской Республики, Закона Кыргызской Республики «Об основах амнистии и порядке ее применения». Текст : электронный //Закон-онлайн : [сайт]. URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_ =37444652#pos=0;210. (дата обращения: 16.05.2023).

² Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129 (В редакции Закона КР от 18 января 2022 года № 4, 15 февраля 2023 года N 28). – Текст : электронный // Министерство юстиции Кыргызской Республики : [сайт]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112308?ysclid=lgdb29xb1h445345302> (Дата обращения : 22.05.2023)

³ См.: Лапатников, М. В. УПК Кыргызской Республики как качественно новый этап развития уголовно-процессуального законодательства // Государство и право. 2020. № 2. С. 143–150.

преступлений, доследственной проверки, следствия и направления прокурором материалов дела в суд для рассмотрения по существу» (пункт 50 ст. 6 УПК КР).

2. Другой значительной новеллой в русле «прозападной» тенденции является отказ от формального разделения на уголовно-процессуальную и оперативно-розыскную деятельность, которое досталось в наследство всем государствам СНГ от Советского союза¹.

Процессуализация оперативно-розыскных мероприятий характерна для многих стран бывшего СССР (Грузия, Украина), вставших на путь реформирования своего уголовно-процессуального права. То, что ранее обозначалось как оперативно-розыскные мероприятия переведено в статус следственных действий, как их негласная разновидность. Это позволяет решить ряд извечных проблем, которые характерны для уголовно-процессуальных систем, аналогичных российской, а именно: 1) снять проблему допустимости данных, полученных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий; 2) устранить ряд формальных препятствий и процедур, связанных с представлением результатов оперативно-розыскной деятельности и их процессуальной проверкой². На такой шаг решился и кыргызский законодатель. Однако, получилось не вполне удачно, что стало одной из причин отказа от первоначального варианта кодекса.

Как следует из части первой статья 228 «Использование результатов специальных следственных действий в доказывании» УПК КР, протоколы специальных следственных действий, видео- и аудиозапись, фотосъемка, другие зафиксированные с помощью технических средств результаты, изъятые предметы и документы или их копии используются в доказывании на тех же основаниях, как и результаты других следственных действий.

При этом оперативно-розыскная деятельность сохранилась как отдельный вид деятельности правоохранительных органов и как объект прокурорского надзора и руководства.

¹ См.: Там же. С 144, 145.

² См.: Лапатников, М. В. Указ. соч. С. 148.

3. Досудебное производство осуществляется в единой следственной форме – предварительного следствия. Таким образом, после некоторых колебаний кыргызский законодатель продолжил путь унификации, а не дифференциации форм досудебного производства, что следует признать уникальной чертой именно кыргызской уголовно-процессуальной модели.

Введение единой формы досудебного производства в виде предварительного следствия, в рамках которого свободное доказывание – путем производства гласных и негласных следственных действий.

Из смысла статьи 39 УПК КР вытекает, что орган дознания самостоятельным субъектом досудебного производства не является и не уполномочен решать судьбу обвинения и исход уголовного дела. Субъектами уголовно-процессуального отношения внутри системы публичного обвинения являются следователь и прокурор.

Нельзя не согласиться с тем, что киргизские законодатели рискуют превратить следователя, эту, по идее, основную фигуру предварительного расследования, в еще одного чиновника громоздкой бюрократической машины уголовной юстиции, в «процессуального раба письменного способа предварительного расследования»¹.

4. Сохранение следственной технологии формирования доказательств. Это самый главный недостаток следственного предварительного расследования, оставшийся не устранённым в новом УПК КР.

Согласимся с М.В. Лапатниковым в том, что все новации ставятся под угрозу сохраняющей прежний уровень формализацией досудебного производства² и следственной технологией формирования доказательств в ходе досудебного производства, суть которой состоит в производстве следственных действий следователем и составлении им протоколов следственных действий, которые служат источниками доказательств для суда.

¹ См.: Лапатников, М. В. Указ. соч. С. 144.

² См.: Там же. С. 144.

Впрочем, важный позитивный шаг все был сделан в части второй статьи 228 УПК КР, регламентирующей использование результатов специальных следственных действий в доказывании. Она предусматривает, что лица, которые производили специальные следственные действия или были привлечены к их проведению, могут быть допрошены в качестве свидетелей.

Однако, самой главной меры, а именно: введения запрета на проведение следственного допроса, не было осуществлено. Остался институт оглашения следственных показаний (статья 330 УПК РФ) - самый яркий показатель следственной технологии формирования личных доказательств – следователем, где прокурору уготовлена роль представителя производных доказательств.

Следственная форма выдвижения обвинения предусмотрена главой 32 «Привлечение в качестве обвиняемого. Предъявление обвинения» УПК КР, которая является полной копией главы 23 УПК РФ и, в свою очередь, воспроизводит советскую модель предъявления обвинения в ходе предварительного следствия (без участия прокурора).

Примечательно то, что первоначально намечался отказ от подобной формы и переход, если не к судебной, то близкой к ней форме. М.В. Лапатников, комментируя эту новеллу нового УПК КР в отношении обвинения, которая была предусмотрена, статьей 46 УПК КР, писал, что киргизский законодатель совершенно обоснованно, на наш взгляд, отказался от следственного порядка выдвижения обвинения как не соответствующего состязательному характеру правосудия. И хотя состязательное начало здесь так и не нашло своего логического завершения, так как обвинение предъявляется не в судебном порядке, тем не менее, оно полностью соответствует роли прокурора как процессуального руководителя публичного уголовного преследования¹.

5. Несмотря на сохранение следственного обвинения, центральное положение прокурора в досудебном производстве было и остается непоколебимым. Поскольку это центральный вопрос нашей темы, постольку в далее мы сконцентрируемся именно на нем.

¹ См.: Лапатников, М. В. Указ. соч. С. 146.

б. Введение института следственного судьи в досудебное производство, как органа судебного контроля, уполномоченного санкционировать меры уголовно-процессуального принуждения и депонирования личных доказательств. Характерно, что субъектом уголовно-процессуальных отношений со следственным судьей выступает именно прокурор.

Коротко надо сказать о принципах процесса, выделенных в УПК КР, которые имеют прямое отношение к избранной нами теме исследования.

Кыргызский законодатель не знает принципа обвинения, следуя общей для наших стран традиции, он оперирует принципом состязательности, в рамках которого констатирует необходимость разделения обвинения и правосудия. Недостаточность такой позиции в плане формирования более правильного взгляда на устройство досудебного производства и выдвижения обвинения прокурором нами уже неоднократно здесь упоминалась.

В УПК КР, как и в УПК РФ, не упоминается принцип официальности, который, между тем, имеет фундирующее значение для все уголовно-процессуальных систем досудебного производства государств континентальной Европы.

Кыргызский законодатель повторяет ход российского законодателя (ст. 20 УПК РФ) в определении принципа публичности применительно к уголовному преследованию: прямо не называя этот принцип, он тем не менее, проводит его в положениях, закрепляющих обязанность осуществления уголовного преследования (ст. 25 УПК КР), включая в круг субъектов уголовного преследования и следователя, и прокурора. Согласно части первой статьи 25 уголовное преследование от имени государства по делам частного-публичного и публичного обвинения осуществляют следователь, прокурор.. Принципиально то, что прокурор указан в числе субъектов уголовного преследования, хотя прямо не уточнена его руководящая роль в проведении публичного уголовного преследования.

Отметим еще, как кыргызскую специфику, наличие в одном ряду принципов различной идеологической направленности: принцип верховенства

права и законности (статья 7 УПК КР), а также принцип «осуществления уголовного судопроизводства на основе равноправия и состязательности сторон» (статья 18 УПК КР). Согласно части первой ст. 7 УПК КР уголовное судопроизводство в Кыргызской Республике осуществляется с соблюдением *принципа верховенства права* (выделено нами – О.В. Левченко), в соответствии с которым человек, его права и свободы признаются высшими ценностями. Здесь явно прослеживается западноевропейская правовая риторика и можно усмотреть знак ее влияния. Однако этот похвальный позыв оказался не подкреплён юридико-техническими средствами. Как представляется, показателем смятения ума кыргызского законодателя (а может быть и влияния российских консультантов) является присутствие принципа «всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела» (ст. 19 УПК КР), который является носителем следственной идеологии, а именно ее принципа «материальной (объективной) истины».

Остановимся теперь на киргизской модели прокурорского надзора.

Был период, когда Киргизия взяла более прозападный курс, именно в тот период принята Конституция Кыргызской Республики от 21 октября 2007 года, в статье 77 которой, были указаны следующие конституционные функции прокуратуры: 1) надзор за точным и единообразным исполнением законов и иных правовых актов Кыргызской Республики; 2) уголовное преследование; 3) участие в судебном разбирательстве дел. Выделение в модели прокурорского надзора уголовного преследования в качестве отдельного направления (функции) свидетельствовало о частичном переходе от общенадзорной модели прокуратуры к обвинительной.

В новой Конституции Кыргызской Республики прокуратура определяется как орган государственной власти, осуществляющий надзор за точным и единообразным исполнением законов государственными органами (статья 104). Это положение конкретизируется в других законодательных актах, в том числе, и применительно к сфере уголовного судопроизводства.

Следовательно, можно сделать вывод том, что прокуратура представляет собой орган надзора за соблюдением законодательных актов и ее основной государственно-правовой функцией является надзор за исполнением законов в Кыргызской Республике. Такая трактовка прокуратуры и ее деятельности близка современной российской доктрине и далеко от рисуемого Н.В. Муравьевым идеала.

Применительно к сфере противодействия преступности общенадзорная модель прокурорского надзора проявляется в виде надзора прокурора за законностью оперативно-розыскной деятельности и процессуальной деятельностью органов следствия и дознания, что весьма напоминает российскую модель.

Согласно статье второй Закона Кыргызской Республики от 13 июля 2017 года № 124 «Об отдельных полномочиях прокуратуры, установленных Конституцией Кыргызской Республики», прокурор уполномочен осуществлять надзор за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, следствие. В соответствии с частью второй этой же статьи прокурор, в случае выявления преступления при осуществлении надзора за следствием и оперативно-розыскной деятельностью, в том числе при наличии по нему решения об отказе в возбуждении уголовного дела, возбуждает уголовное дело вне зависимости от подследственности с передачей его уполномоченному органу расследования.

Генеральный прокурор Кыргызской Республики, уполномоченные им прокуроры Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики, а также прокуроры не ниже статуса прокуроров районов осуществляют надзор за соблюдением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (часть 3 статьи второй Закона Кыргызской Республики от 13 июля 2017 года № 124).

В дальнейшем нормы, закрепляющее руководящее положение прокурора в досудебном производстве по уголовному делу и в отношениях со следователем и органом дознания, получили развитие в других нормативно-правовых актах.

Так, согласно пункту второму части первой статьи 2 Закона Кыргызской Республики о Прокуратуре Кыргызской Республики от 24 августа 2020 г. № 143 (в редакции Закона КР от 22 января 2021 года № 11)¹, на прокуратуру возлагается надзор за соблюдением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, следствие. Кроме того, согласно положениям указанной статьи на прокурора возлагается обязанность возбуждения уголовных дел в отношении должностных лиц государственных органов, перечень которых определяется конституционным Законом Кыргызской Республики «Об отдельных полномочиях прокуратуры, установленных Конституцией Кыргызской Республики», с передачей дел на расследование в соответствующие органы, а также уголовное преследование лиц, имеющих статус военнослужащих.

Аналогичные полномочия возлагаются на прокурора статьями 33, 34 Закона Кыргызской Республики о Прокуратуре Кыргызской Республики.

В соответствии со статьей 35 Закона Кыргызской Республики о Прокуратуре Кыргызской Республики, прокурор осуществляет надзор за законностью актов и деятельностью органов следствия и дознания, соблюдением установленного законодательством порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных преступлениях, проступках и проведения расследования.

Статья 36 «Полномочия прокурора по обеспечению законности следствия и дознания» Закона содержит следующие нормы, предусматривающие права прокурора при осуществлении надзора за законностью следствия и дознания: 1) в любое время суток посещать органы следствия и дознания, осматривать их помещения и находящиеся в них объекты, знакомиться с материалами дел, находящихся в их производстве; освобождать своим постановлением незаконно задержанных лиц; 2) получать для проверки от органов следствия и дознания уголовные дела и (или) дела о проступках, документы, материалы и иные сведения о совершенных или готовящихся преступлениях или проступках, о ходе

¹ Закон Кыргызской Республики о Прокуратуре Кыргызской Республики от 24 августа 2020 г. № 143 (в редакции Закона КР от 22 января 2021 года № 11) . Текст : электронный // <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112108> (дата обращения: 15.05.2023).

оперативно-розыскных мероприятий; 3) проверять соблюдение законности при приеме, регистрации, разрешении заявлений и сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях или проступках; 4) ставить вопрос об ответственности виновных лиц, если в ходе следствия и производства по делам о проступках были допущены нарушения прав участников процесса и других граждан, незаконные методы следствия и производства по делам о проступках; 5) требовать при необходимости от руководителей следственных подразделений и органов дознания проведения проверок в подчиненных им органах в целях устранения нарушений закона, обеспечения полного раскрытия уголовных правонарушений; 6) проверять соблюдение установленного законодательством порядка и условий содержания под стражей лиц, в отношении которых мерой пресечения применено заключение под стражей; 7) выполнять иные полномочия, установленные уголовно-процессуальным законодательством Кыргызской Республики и иными нормативными правовыми актами Кыргызской Республики.

Как следует из части второй статьи 35 Закона Кыргызской Республики о Прокуратуре Кыргызской Республики указания прокурора в пределах его компетенции обязательны для лица, осуществляющего следствие, производство по делам о проступках и нарушениях.

Таким образом в законодательстве о прокуратуре вполне явно и недвусмысленно вырисовывается руководящая роль прокурора в досудебном производстве по уголовным делам в отношении органов предварительного следствия и дознания.

Как отмечается в научных исследованиях кыргызских авторов, предоставление законодателем статуса самостоятельных отраслей надзору за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, а также надзору за исполнением законов в уголовно-процессуальной деятельности органов дознания и следствия обуславливается настоятельной необходимостью обеспечения методами указанных отраслей надзора прав и свобод человека и гражданина, вовлекаемых в сферы,

соответственно, оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, а также охраняемых законом интересов общества и государства¹.

Дальнейшую конкретизацию руководящего положения прокурора в досудебном производстве по уголовным делам мы находим в нормах УПК КР.

Прежде всего, на это указывает статья 34 «Прокурор» УПК КР. Согласно части второй ст. 34 УПК КР прокурор уполномочен осуществлять:

- надзор за исполнением законов в сфере государственной правовой статистики и учетов;
- надзор за соблюдением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, досудебное производство;
- *досудебное производство* (выделено нами – О.В. Левченко);
- поддержание государственного обвинения в суде;
- представительство интересов гражданина или государства в суде.

Согласно части третьей указанной статьи в уголовном судопроизводстве прокурор независим и подчиняется только закону.

Перечень полномочий прокурора в досудебном производстве по уголовному делу приведен в статье 35 УПК КР. Согласно части первой ст. 35 УПК КР прокурор в ходе уголовного судопроизводства уполномочен:

- 1) проверять законность исполнения приема, регистрации и разрешения сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях, полноту и достоверность данных, внесенных в Единый реестр преступлений;
- 2) иметь полный доступ к материалам, документам и иным сведениям, касающимся досудебного производства;
- 3) осуществлять надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность и дознание;

¹ См.: Калдыбай уулу, М. Прокурорский надзор за исполнением законов в уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного следствия Кыргызстана : диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2014. С. 111.

4) *начинать и (или) вести досудебное производство, пользуясь полномочиями следователя, предусмотренными настоящим Кодексом* (выделено нами – О.В. Левченко);

5) *возбуждать уголовное дело, поручать, передавать для расследования следователю или группе следователей, нижестоящему прокурору уголовные дела в соответствии с подследственностью, в исключительных случаях¹ – независимо от подследственности*(выделено нами – О.В. Левченко);

б) проверять законность задержания и выносить постановление об освобождении лиц, задержанных с нарушением требований настоящего Кодекса;

7) *осуществлять надзор за исполнением законов органами, осуществляющими досудебное производство* (выделено нами – О.В. Левченко);

8) *давать органу дознания, следователю письменные указания о производстве тех или иных процессуальных действий* (выделено нами – О.В. Левченко);

9) *выносить постановления о проведении ревизии, инвентаризации и (или) назначении экспертиз;*

10) *рассматривать возражения следователя, не согласного с указаниями прокурора, осуществляющего надзор;*

11) *отменять незаконные и необоснованные решения следователя, руководителя следственного подразделения, нижестоящего прокурора, выносить постановления о приостановлении, прекращении производства по делу* (выделено нами – О.В. Левченко);

12) *требовать от органа дознания, следователя устранения нарушений законодательства, допущенных в ходе досудебного производства;*

13) *давать согласие либо отказать следователю в возбуждении перед судом ходатайства* (выделено нами – О.В. Левченко) о применении, изменении

¹ Исключительными случаями являются: необъективное ведение следователем расследования дела; оказание давления на следователя со стороны должностных лиц, в подчинении которых он находится, с целью принятия того или иного решения; общественная значимость дела; целесообразность проведения следствия по делу органом, выявившим преступление по данному делу.

меры пресечения в виде залога, домашнего ареста, заключения под стражу, о продлении срока содержания под стражей обвиняемого, которые допускаются на основании судебного решения, а также на экстрадиционный арест;

14) *давать согласие либо отказать в даче согласия следователю на возбуждение перед судом ходатайства о проведении специальных следственных действий* (выделено нами – О.В. Левченко);

15) утверждать постановление и договор о выведении ребенка из системы уголовного судопроизводства;

16) *продлевать сроки досудебного производства либо отказывать в их продлении* (выделено нами – О.В. Левченко);

17) *разрешать жалобы на решения и действия (бездействие) органа дознания, следователя* (выделено нами – О.В. Левченко), нижестоящего прокурора;

18) *разрешать отвод, заявленный следователю, а также его самоотвод* (выделено нами – О.В. Левченко);

19) *выносить постановления об отстранении следователя* (выделено нами – О.В. Левченко) и нижестоящего прокурора от дальнейшего участия в осуществлении досудебного производства по данному делу, если ими допущено нарушение закона;

20) обращаться в соответствующие органы с представлениями о лишении иммунитета от уголовного преследования лиц, пользующихся им, если эти лица подлежат привлечению в качестве обвиняемого;

21) удовлетворить или отказать в удовлетворении ходатайства о заключении соглашения о признании вины;

22) давать поручения о применении мер защиты потерпевшего, свидетеля и других лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве;

23) *утверждать обвинительный акт, постановление о применении принудительных мер медицинского характера по уголовному делу либо вернуть дело следователю со своими письменными указаниями для производства дополнительных следственных действий, исключать своим*

постановлением отдельные пункты обвинительного акта или переквалифицировать действия обвиняемого в сторону смягчения либо прекращать уголовное дело или прекращать уголовное дело в части(выделено нами – О.В. Левченко);

24) поддерживать обвинение в суде;

25) *отказаться от уголовного преследования и (или) изменять предъявленное обвинение* (выделено нами – О.В. Левченко).

Согласно части второй статьи 35 УПК КР письменные указания прокурора органам следствия и дознания в связи с проведением досудебного производства, данные в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, являются для этих органов обязательными. Обжалование полученных указаний вышестоящему прокурору не приостанавливает их исполнение.

Из содержания статей 34–35 УПК РФ следует однозначный вывод о руководящем положении прокурора в досудебном производстве уголовного процесса Кыргызской Республики. Именно такая модель была заложена в первоначальную редакцию УПК РФ и в Модельный УПК СНГ. При этом надо четко понимать, что это **следственная модель**.

Завершая обрисовку положения прокурора в досудебном производстве по уголовным делам по законодательству Кыргызстана надо сказать о его роли в механизме досудебного прекращения уголовного дела. Из общих нормативно-правовых положений, и особенно пунктов 7, 11, 23 части 1 ст. 35 УПК КР, уже очевидна его ведущая роль в этом механизме.

Нормы, регулирующие общий порядок прекращения уголовных дел, содержатся в статье 258 УПК КР. Согласно части первой ст. 258 УПК КР уголовное дело прекращается по постановлению следователя. В соответствии с частью третьей ст. 258 УПК КР копию постановления о прекращении дела следователь направляет прокурору. Согласно части пятой указанной статьи после прекращения уголовного дела следователь в течение 5 суток направляет дело прокурору для проверки законности принятого решения. И прокурор в течение 10 суток с момента получения уголовного дела выносит заключение о признании

законным и обоснованным решения о его прекращении либо выносит постановление об отмене постановления о прекращении уголовного дела с указанием обоснования принятого им решения (часть 6 ст. 258 УПК КР). Таким образом, руководящее положение прокурора в процедуре прекращения уголовных дел вполне очевидно.

Между тем, для новейшего уголовно-процессуального законодательства характерно ведение института медиации. Он урегулирован статьями 467 «Выведение ребенка из системы уголовного судопроизводства», 468 «Порядок выведения ребенка из системы уголовного судопроизводства», также нормами главы 58 «Процессуальное соглашение о примирении сторон».

Удивительно, что роль прокурора в этих процедурах не прописана.

Так, согласно части первой статьи 468 УПК КР следователь выносит постановление о выведении ребенка из уголовного судопроизводства. А согласно части 1 ст. 507 УПК КР по делам небольшой тяжести и по менее тяжким преступлениям, а также по преступлениям, предусмотренным частью 1 статьи 154 и частью 1 статьи 155 Уголовного кодекса, следователь, суд на основании примирения сторон прекращают дела, о чем выносят мотивированное постановление.

Подобный – «безпрокурорский» вариант медиации является чисто киргизской национальной особенностью уголовного процесса.

Подведем итоги анализа прокурорского участия в досудебного производстве уголовного процесса Кыргызской Республики.

В кыргызском уголовном процессе есть единое «досудебное производство», проводимое органом предварительного следствия во главе с прокурором.

Прокурор является субъектом досудебного доказывания, обладающего всем кругом процессуальных полномочий по собиранию, проверке доказательств путем производства следственных действий, представления их следственному судье.

2.3.3. Специфика правового статуса прокурора в досудебном производстве уголовного процесса Республики Казахстан

Эта страна прошла путь метаний от опыта создания в 1999 году аналога следственного комитета¹ до признания в качестве наиболее приемлемой модели для Казахстана германской уголовно-процессуальной системы, в которой прокурор руководит уголовным преследованием².

Как признают сами казахстанские авторы, германская модель выбрана в качестве платформы для внедрения трехзвенной модели уголовного процесса³. При этом прямо указывается, что на концепцию построения прокуратуры Казахстана, как и других стран постсоветского пространства, в значительной степени оказала влияние советская модель⁴.

Иными словами, Казахстан намерен следовать примеру Украины, Грузии, стран Балтии и других государств, ориентирующихся на европейскую уголовно-процессуальную модель⁵.

В настоящее время в официальных документах ориентиром провозглашена уголовно-процессуальная модель, которая распространена среди стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), (англ. Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD).

Процесс перехода на международно-правовые стандарты одновременно является постепенным выдавливанием следственной, советской традиции и возвратом к классической модели прокурорского надзора в досудебном производстве (по Н.В. Муравьеву).

¹ В 1995 года в Казахстане был создан Государственный следственный комитет (ГСК), который через несколько лет был ликвидирован.

² См.: Модернизация уголовной системы: что изменит трёхзвенная модель правосудия? 16.09.2020 год. Текст : электронный //Информбюро : [сайт]. URL : Режим доступа: <https://informburo.kz/stati/modernizaciya-ugolovnoysistemy-chto-izmenit-tryohzvennaya-model-pravosudiya.ht> (16.05.2022).

³ См.: Абдул-Кадыров, Ш.М. Осуществление прокурором уголовного преследования и надзора за исполнением законов в досудебном производстве: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2015. С. 9.

⁴ См.: Раисов, А. А. Проблемы и перспективы развития органов прокуратуры Республики Казахстан в досудебной стадии уголовного процесса: диссертация ... магистра юридических наук. Косшы: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2020. С. 33. URL : <http://185.107.174.154:8080/handle/7171/575?show=full>. Текст : электронный (дата обращения: 16.05.2023).

⁵ И очевидно, даже события 2022 года не свернут его с этого курса.

Первым решительным шагом по созданию нового уголовного судопроизводства стало принятие УПК РК, введенного Законом РК от 29.09.14 г. № 239-V¹. Новый кодекс ознаменовал следующие главные перемены.

1. Структурные изменения досудебного производства: ликвидация стадии возбуждения уголовного дела.

В Казахстане проявилась общая тенденция: «на постсоветском правовом пространстве идет постепенный отказ от стадии возбуждения уголовного дела»².

С 2014 года вместо института возбуждения уголовного дела, введена глава 23 «Начало досудебного расследования», с которой также начинается раздел б «Досудебное производство по делу» Особенной части УПК РК.

Начало досудебного расследования признается самостоятельной стадией досудебного производства и предваряет досудебное расследование по делу.

В соответствии со ст. 179 УПК РК, началом досудебного расследования является факт регистрации заявления, сообщения об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований (ЕРДР) или первое неотложное следственное действие.

Стадия начала досудебного расследования является правовым основанием для осуществления процессуальной деятельности и предопределяет дальнейшую форму деятельности органов следствия и прокурора – уголовное преследование. Эта стадия имеет важное процессуальное значение, так как определяет наличие признаков уголовного правонарушения и предварительную квалификацию деяния, обуславливает законность начала уголовного преследования, форму расследования и подследственность дела. Особенности первой стадии существенным образом предопределяют и полномочия прокурора в уголовном процессе.

2. Произошло определенное соединение оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования.

¹ Вступил в действие с 1 января 2015 г.

² См.: Деришев, Ю. В., Нурмагамбетов А. . Реформа досудебного производства по новейшему уголовно-процессуальному законодательству Республики Казахстан // Научный вестник Омской академии МВД России. Серия «Право». 2015. № 3 (58). С. 26–29.

Появились две разновидности следственных действий, гласные и негласные, под последние попали бывшие оперативно-розыскные мероприятия. Результаты и тех и других могут иметь доказательственное значение, в случае оформления их надлежащим образом следователем.

3. Реформирован порядок выдвижения обвинения. Хотя новый порядок, предусмотренный главой 38 УПК РК, нельзя назвать вполне судебным, но это уже и не вполне следственный, неподконтрольный суду и прокурорскому надзору, порядок, а тот, который существует у нас при производстве дознания.

Многозначительным в этой связи является появление стадии предания суду как элемента процедуры выдвижения обвинения.

4. Введен институт следственного судьи в досудебное производство, по той же модели, что и во всех постсоветских государствах, вставших на путь вестернизации своего уголовно-процессуального права.

5. Самые трудное, что предстоит сделать казахстанцам, касается доказательственного права. Пока технология формирования доказательств остается в казахстанском уголовно-процессуальном праве следственной. Главное препятствие к изменению доказательственного права состоит в неразвитости теории уголовно-процессуальных доказательств и зависимости уголовно-процессуальной мысли от российской официальной доктрины, а другой они по сути не знают, судя по используемым источникам.

О том, что на уровне доктрины есть серьезные заблуждения свидетельствует статья 24 «Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела» УПК РК, воспроизводящая советскую концепцию «объективной истины». Это свидетельство влияния следственной – советской еще идеологии на казахстанскую уголовно-процессуальную доктрину.

В общем, в идеологии пока не сложилось четкого понимания «обвинительной модели» уголовного процесса. Показательно, скажем, что законодатель на уровне принципов оперирует концептами одинаковыми с российскими. Наиболее наглядно это проявляется в трактовке состязательности как принципа уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 23 УПК РК). При этом

согласно части 2 указанной статьи уголовное преследование, защита и разрешение дела судом отделены друг от друга и осуществляются различными органами и должностными лицами.

Здесь мы встречаемся с видением одной и той же ценности – разделение властей и функций – в свете различных доктрин. Германская доктрина трактует это разделение в свете концепта «принцип обвинения», российская общая уголовно-процессуальная доктрина – в свете «состязательности».

В Казахстане есть четкое стремление доведения до логического конца концепции процессуального руководства прокурором досудебным производством. Этот стратегический курс был взят уже давно. Согласно Концепции правовой политики РК на период с 2010 по 2020 годы уже было запланировано развитие прокурорского расследования уголовных дел, как важнейшего элемента уголовного преследования, осуществляемого прокурором от имени государства¹.

Руководство Казахстана на настоящий момент твердо намерено осуществить модернизацию уголовного процесса, которую поручено проводить по опыту передовых стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), отвечающим международным стандартам.

В 2020 г. Президентом РК К. Токаевым в рамках послания народу Казахстана озвучены концептуальные поручения по переходу к трехзвенной модели уголовного процесса, предполагающей значительную трансформацию процессуальной роли и полномочий прокурора по осуществлению уголовного преследования и надзора на досудебном расследовании².

Трехзвенная модель определяется место и роль прокурорского надзора в уголовном процессе, прокурор выступает как полноправный руководитель уголовного преследования. Также из Послания Президента следует, что

¹ Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года». Текст : электронный // Адилет : [сайт]. URL : <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U090000858>. (дата обращения: 16.08.2023).

² Послание Главы государства народу Казахстана от 1 сентября 2020 года «Казахстан в новой реальности: время действий». Текст : электронный // Адилет : [сайт]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000002020>. (дата обращения: 16.08.2023).

одновременно с этой функцией прокурор обязан принимать все меры по недопущению нарушений прав участников процесса, вовлечения законопослушных граждан в орбиту преследования¹.

Суть трехзвенной модели состоит в том, что каждый орган должен заниматься своим делом, исполнением четко разграниченных обязанностей и отвечать исключительно за свою «зону ответственности», исполняя закрепленную только за ним процессуальную функцию. Особая роль отводится в трехзвенной модели уголовного процесса прокуратуре. Прокурор фактически становится основным элементом такой системы, связующим звеном между следствием, осуществляющим сбор доказательств, и судом, осуществляющим правосудие и определяющим меру ответственности. Фактически это и есть обвинительная уголовно-процессуальная модель.

Таким образом, трехзвенная модель уголовного процесса, предполагает функцию органа досудебного расследования, который обеспечивает пресечение и раскрытие преступления, только объективный сбор и закрепление доказательств. В ходе такого «дознания» орган лишен полномочий принимать ключевые процессуальные решения, определяющие дальнейший ход расследования, пределы и квалификацию обвинения. Орган не выносит постановлений о выдвижении подозрения, квалификации деяния, не составляет обвинительный акт, т.е. не формирует обвинение и не дает правовую оценку деянию. На следующей стадии прокурор будет давать оценку (на относимость, допустимость, достоверность, полноту и т.д.) собранным органом доказательствам. Эта оценка не связана с предварительной позицией самого органа, поэтому является независимой. Эти задачи будут реализовываться прокурором путем осуществления надзора на досудебном расследовании и осуществлении уголовного преследования путем начала досудебного расследования по факту преступления, дачи указаний относительно хода следствия, квалификации деяния

¹ Послание Главы государства народу Казахстана от 1 сентября 2020 года «Казахстан в новой реальности: время действий». Текст : электронный // Адилет : [сайт]. URL : <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000002020>. (дата обращения: 18.05.2023).

и формирования пределов государственного обвинения. Для чего прокурор в ходе сбора доказательств органом следствия (стадия досудебного расследования) на основе исследования и оценки собранных доказательств, наделяется полномочиями по самостоятельному принятию основных процессуальных решений, связанных с выдвижением подозрения против конкретного лица (начало досудебного расследования, признание подозреваемым), квалификации его действий (постановление об определении квалификации деяния) и формирование обвинения.

Прокурор предъявляет обвинение в соответствии с такой моделью процесса путем вынесения соответствующего постановления и составления итогового обвинительного документа (обвинительное заключение, обвинительный акт). Учитывая правозащитный потенциал трехзвенной модели и статуса прокурора, последний дает объективную оценку обстоятельствам и доказательствам (как уличающим, так и оправдывающим), при отсутствии доказательств вины или состава преступления, прокурор принимает решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (отказ от уголовного преследования). В случае, если прокурор приходит к выводам о наличии состава преступления в деянии и доказанности вины конкретного лица, он формирует обвинение¹. Цель внедрения указанной модели – усиление гарантий соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе. Затем – оптимизация уголовного судопроизводства, дальнейшая его модернизация и реформирование правоохранительной деятельности.

Верность курсу на полное внедрение трехзвенной модели уголовного процесса (по типу систем стран ОЭСР) подтверждена руководителем государства в 2021 году: «С внедрением трехзвенной модели усилилась защита участников

¹ См.: Модернизация уголовной системы: что изменит трёхзвенная модель правосудия? 16.09.2020 год. Текст : электронный //Инфорбюро : [сайт]. URL : <https://informburo.kz/stati/modernizaciya-ugolovnoysistemy-chto-izmenit-tryohzvennaya-model-pravosudiya.html> . (дата обращения: 17.05.2023); Концепция к проекту Закона РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам внедрения трехзвенной модели с разграничением полномочий и зон ответственности между правоохранительными органами, прокуратурой и судом». Текст : электронный // Адилет : [сайт]. - URL : <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000088> (дата обращения: 17.05.2023).

уголовного процесса. С начала текущего года предотвращено необоснованное вовлечение в уголовную орбиту более двух тысяч граждан. Повысилась оперативность прокурорского надзора - 98% безосновательных решений отменены в течение трех суток. Необходимо поэтапно расширять компетенции прокуроров по подготовке обвинительных актов. Это повысит их ответственность и усилит механизмы правовой оценки результатов расследования»¹.

Особую актуальность приобретает тенденция дальнейшего расширения полномочий прокурора при одновременном повышении его ответственности. Полноценное внедрение трехзвенной модели подразумевает уже самостоятельное принятие основных процессуальных решений прокурором, а не просто их согласование. Ограничения конституционных прав и свобод участников судопроизводства будут соответствовать международным стандартам².

19 декабря 2020 года был принят Закон, которым внесены изменения в законодательные акты по вопросам усиления защиты прав граждан в уголовном процессе и противодействия коррупции³. Этим законодательным актом был введен новый механизм реализации полномочий прокурора по обеспечению упреждающего надзора. Все ключевые процессуальные решения органов уголовного преследования теперь подлежат согласованию и утверждению прокурором.

С 31 декабря 2020 года введен в действие новый процессуальный механизм осуществления прокурором функции уголовного преследования, руководства досудебным расследованием и повышения эффективности надзорной функции.

¹ См.: Послание Главы государства народу Казахстана от 1 сентября 2021 года «Единство народа и системные реформы – прочная основа процветания страны». Текст : электронный // Закон-онлайн : [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33082373. (дата обращения: 17.05.2023).

² Концепция к проекту Закона РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам внедрения трехзвенной модели с разграничением полномочий и зон ответственности между правоохранительными органами, прокуратурой и судом». Текст : электронный // Адилет : [сайт]. URL : <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000088> (дата обращения: 17.05.2023).

³ Закон РК от 19.12.2020 года № 384-VI ЗПК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам усиления защиты прав граждан в уголовном процессе и противодействия коррупции». Текст : электронный // Адилет : [сайт]. - URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000384>. (дата обращения: 21.05.2023).

Это проявилось прежде всего в расширении полномочий прокурора на согласование и утверждение им основных процессуальных решений по делу¹.

В общем все идет к созданию судебной модели выдвижения обвинения и установлению полной власти прокурора над досудебным производством, включая уголовное преследование и доказывание. Это решающие шаги по реформе досудебного производства и по переходу к обвинительной («трехзвенной») уголовно-процессуальной системе.

Такой вывод поддерживают авторитетные правоведы: «обвинительный акт должен являться процессуальным документом решения прокурора по уголовному делу, поступившему к нему для предания лица суду» и «Решение вопроса об обвинении лица в причастности к совершению уголовного правонарушения необходимо передать в исключительные полномочия прокурора, то есть обвинительный акт или иное решение о необходимости направления дела в суд, будет составляться прокурором»².

Высказывается даже такая мысль, как полный отказ от институт предварительного следствия³, опять же в контексте придания завершеного вида прокурорской модели досудебного производства. Как пишут казахстанские коллеги, в результате первого этапа реформирования досудебного производства прослеживается планомерный и целенаправленный отказ от предварительного следствия как самостоятельной формы досудебного расследования, с передачей основных полномочий следователя по принятию решений и определению хода расследования в компетенцию прокурора, реализующего возложенные на него функции посредством сотрудников органа дознания. Тем самым вместо множественности органов досудебного расследования наблюдается постепенная концентрация властных полномочий в одном ведомстве – прокуратуре с их одновременной регламентации в нормах уголовно-процессуального закона. Тогда

¹ Там же.

² Мерзадинов, Е. С., Секишев А. А., Абайдельдинов Е. М. Вопросы законодательного обеспечения полномочий прокурора по уголовному преследованию // Вестник Академии правоохранительных органов. 2020. № 2 (16). С. 82–89.

³ См.: Ахпанов, А., Адилов С., Хан А. Есть ли перспектива у предварительного следствия? //Юридическая газета. 2021. 16 марта № 21 (3520).

как для полного соответствия международным стандартам и принципам уголовного судопроизводства (власть – сила – ответственность) не достает последнего, главного звена: предусмотренной законом ответственности конкретного должностного лица за принимаемые процессуальные решения (согласование, утверждение, санкция) и возможное наступление негативных последствий в результате подобных действий¹.

На данном этапе признается особая роль прокурорского надзора в досудебном производстве; неотделимость функций прокурора по осуществлению надзора и уголовного преследования². Это констатация современного уровня развития позитивного уголовно-процессуального права.

Согласно части первой статьи 58 УПК РК прокурор – должностное лицо, осуществляющее в пределах своей компетенции надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности, дознания, следствия и судебных решений, уголовного преследования на всех стадиях уголовного процесса, а также полномочия в соответствии со статьей 83 Конституции Республики Казахстан и с настоящим Кодексом.

В соответствии с пунктом 1 статьи 83 Конституции Республики Казахстан прокуратура от имени государства осуществляет в установленных законом пределах и формах высший надзор за соблюдением законности на территории Республики Казахстан, представляет интересы государства в суде и от имени государства осуществляет уголовное преследование.

Действующая редакция правовой нормы стала возможна в результате конституционных реформ 2017 года. Законом РК от 10 марта 2017 г. внесены поправки по совершенствованию правовой надстройки системы прокуратуры, пересмотрена форма реализации функций с точки зрения дальнейшей

¹ См.: там же.

² См.: Ешназаров А. А. К вопросу об уголовном преследовании в свете поправок в Основной закон страны // Вестник Академии правоохранительных органов. 2017. № 4 (6). С. 13–18; Абдул-Кадыров, Ш. М. Осуществление прокурором уголовного преследования и надзора за исполнением законов в досудебном производстве. С. 29.

модернизации правоохранительной деятельности¹. В отличие от ранее действовавшей редакции статьи 83 Конституции, новая редакция конституционной нормы теперь уполномочивает и даже обязывает прокуратуру осуществлять уголовное преследование исключительно «от имени государства». Этим подчеркивается особая роль и назначение прокуратуры в уголовном процессе, «в данном контексте наиболее ярко выражается сущность прокурорской деятельности по обеспечению законности, ее правозащитный потенциал»².

Тем не менее, общенадзорная модель прокурорского надзора сохраняется и превращение прокуратуры в исключительно в орган обвинительной власти не состоялось.

Закон «О прокуратуре» от 30 июня 2017 года³ указывает на назначение прокуратуры (статья 1), которая от имени государства, в пределах и формах, установленных законом, осуществляет высший надзор за соблюдением законности и уголовное преследование, а также представляет интересы государства в суде. В соответствии со статьей 5 этого Закона, прокуратура в определенных пределах и порядке осуществляет высший надзор за законностью деятельности правоохранительных органов в сфере досудебного расследования. Статья 11 Закона содержит отсылку в части осуществления надзора за соблюдением законности досудебного расследования к уголовно-процессуальному законодательству. Статья 19 Закона содержит норму об уголовном преследовании, которое прокуратура осуществляет от имени государства, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. В статье 44 Закона нашло закрепление положение о том, что прокурор в соответствии со своей компетенцией вправе осуществлять действия и принимать

¹ Закон Республики Казахстан от 10.03.2017 года № 51-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан». Текст : электронный // Адилет : [сайт]. – URL : <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000051>. (дата обращения : 22.09.23).

² Научно-практический комментарий к Конституции Республики Казахстан / Фонд Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы. Конституционный совет Республики Казахстан. Министерство юстиции Республики Казахстан. Астана, 2018. С. 545–547.

³ Закон РК от 30.06.2017 года № 81-VI «О прокуратуре». Текст : электронный // Адилет : [сайт]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000081>. (дата обращения: 14.05.2023).

процессуальные решения на основаниях и в порядке, установленных уголовно-процессуальным законом.

Казахстанский УПК уголовное преследование (обвинение) определяет как процессуальную деятельность, которую осуществляет сторона обвинения. Цель этой деятельности – установление деяния, запрещенного уголовным законом; совершившего его лица; виновности его в совершении уголовного правонарушения; обеспечение применения к лицу наказания либо других мер уголовно-правового воздействия (п. 22 ст. 7 УПК).

Из содержания статьи 34 «Общие условия осуществления уголовного преследования» УПК невозможно сделать какие-либо конкретные выводы о руководящей роли прокурора. Такой же вывод вытекает и из других статей главы третьей «Уголовное преследование», весьма схожей с аналогичной главой УПК РФ.

Детализация прокурорского надзора за уголовным преследованием дается в Инструкции по организации надзора за законностью уголовного преследования, утвержденной приказом Генерального Прокурора РК от 30.12.2020 г. №165¹.

В целом же можно заключить, что через уголовно-процессуальное законодательство и подзаконные нормативные акты проходит идея о процессуальном руководстве прокурором деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование. Сказанное в полной мере относится к стадии начала досудебного расследования.

В статье 193 «Полномочия прокурора в ходе досудебного расследования» УПК РК содержится перечень полномочий прокурора в ходе надзора за законностью досудебного расследования и осуществления уголовного преследования. Согласно части первой указанной статьи прокурор, осуществляя надзор за законностью досудебного расследования, а также уголовное преследование:

¹ Инструкция по организации надзора за законностью уголовного преследования. Утверждена приказом Генерального прокурора РК от 30.12.2020 года №165. Текст : электронный // Закон-онлайн : [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37654658#pos=4;-108 (дата обращения: 21.05.2023).

1) регистрирует заявление об уголовном правонарушении и передает его в орган уголовного преследования либо принимает в свое производство и *осуществляет досудебное расследование* (выделено нами – О.В. Левченко);

2) передает заявление и имеющиеся материалы об уголовном правонарушении, поступившие от одного органа уголовного преследования, по подследственности и подсудности;

3) проверяет соблюдение законности при приеме и регистрации заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях;

3-1) по результатам проверки соблюдения законности досудебного расследования вправе *установить разумные сроки досудебного расследования* (выделено нами – О.В. Левченко);

4) *вправе участвовать в осмотре места происшествия, а также осуществляет другие действия в рамках своих полномочий, предусмотренных настоящим Кодексом* (выделено нами – О.В. Левченко);

5) *дает письменные указания о производстве тех или иных следственных действий* (выделено нами – О.В. Левченко);

б) в предусмотренных настоящим Кодексом случаях *согласовывает, утверждает действия и (или) решения лица, осуществляющего досудебное расследование*¹ (выделено нами – О.В. Левченко);

7) в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом, *дает письменные указания о приобщении к материалам досудебного расследования результатов негласных следственных действий* (выделено нами – О.В. Левченко);

8) вносит представление для получения согласия на лишение неприкосновенности и привлечение к уголовной ответственности лиц, обладающих иммунитетом и привилегиями от уголовного преследования;

¹ Согласование и утверждение прокурором осуществляются путем удостоверения постановления электронной цифровой подписью, а по процессуальным решениям и действиям, оформленным в бумажном виде, в том числе требующим сохранения конфиденциальности, путем проставления на постановлении лица, осуществляющего досудебное расследование, отметок «Согласовываю», «Утверждаю», заверяемых его подписью.

9) получает для проверки от органов уголовного преследования уголовные дела, документы, материалы, в том числе результаты оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятий и негласных следственных действий, направляет уголовные дела, по которым прерваны сроки для производства дальнейшего расследования;

9-1) *прекращает незаконные негласные следственные действия* (выделено нами – О.В. Левченко), предусмотренные пунктами 7) и 9) статьи 231 настоящего Кодекса;

10) *отменяет незаконные постановления следователя, дознавателя, органа дознания* (выделено нами – О.В. Левченко), а также постановления и указания начальников следственного отдела и органа дознания, нижестоящего прокурора;

11) возвращает уголовное дело для производства дополнительного расследования либо прекращает досудебное расследование в полном объеме или в отношении конкретных лиц;

12) изымает дела у органа, осуществляющего досудебное расследование, и передает другому органу досудебного расследования в соответствии с установленной настоящим Кодексом подследственностью; в исключительных случаях, связанных с необходимостью обеспечения объективности и достаточности расследования, по письменному ходатайству органа уголовного преследования либо участника уголовного процесса передает дела от одного органа другому либо принимает в свое производство и расследует их независимо от установленной настоящим Кодексом подследственности;

12-1) вправе осуществлять досудебное расследование по делам о пытках, уголовных правонарушениях, предусмотренных главой 17 Уголовного кодекса Республики Казахстан.

Генеральный Прокурор вправе в исключительных случаях по собственной инициативе поручить производство досудебного расследования прокурору независимо от установленной настоящим Кодексом подследственности;

13) в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом, продлевает сроки досудебного расследования, а также в случаях, предусмотренных частями

седьмой и восьмой статьи 192 настоящего Кодекса, *устанавливает срок расследования* (выделено нами – О.В. Левченко);

14) при рассмотрении вопросов, отнесенных настоящим Кодексом к компетенции следственного судьи, участвует в судебных заседаниях;

15) проверяет соблюдение установленного законодательством порядка и условий содержания находящихся под стражей лиц;

16) утверждает обвинительный акт, протокол об уголовном проступке, постановление о применении приказного производства, передает обвиняемого суду и направляет уголовное дело в суд для рассмотрения по существу;

17) утверждает постановление лица, осуществляющего досудебное расследование, о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования в полном объеме или в части;

18) по постановлению суда организывает проведение следственных действий, результаты которых суд приобщает к материалам дела по ходатайству прокурора;

19) инициирует и заключает процессуальное соглашение.

Из анализа норм статьи 193 УПК¹ вытекают следующие выводы относительно полномочий прокурора на *начальной стадии досудебного расследования*: 1) прокурор обладает руководящими полномочиями в этой стадии по отношению к субъектам, уполномоченным на регистрацию уголовного правонарушения в ЕРДР и проведения неотложных следственных действий, (2) прокурор непосредственно вправе принимать все решения в этой стадии, включая решение об определении подсудственности дела, (3) прокурор вправе сам

¹ См. также: Положения уголовно-процессуального института в части приема, регистрации заявлений, сообщений и иной информации об уголовных правонарушениях, порядка и сроков их рассмотрения, принятия по ним решений детально регламентированы в Правилах приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения ЕРДР, утвержденных приказом Генерального Прокурора РК от 19 сентября 2014 года № 89 «Об утверждении Правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований». Текст : электронный // Адилет : [сайт]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744>. (дата обращения: 21.03.2024).

осуществлять следственные и иные проверочные действия в этой стадии, то есть выступать самостоятельным субъектом досудебного доказывания. Иными словами, его вполне можно назвать процессуальным хозяином этой стадии, который решает ее исход в целом и решение всех вопросов, возникающих в ходе ее развития.

Как отмечают казахстанские авторы, прокурор в этой стадии обладает рядом процессуальных полномочий, как надзорных, так и в рамках осуществления уголовного преследования¹.

Если говорить в целом о правовом положении прокурора в досудебном расследовании, то надо отметить следующие ключевые моменты.

Во-первых, надо подчеркнуть, что в соответствии с законодательными нововведениями² прокурор обязан проверить законность и правомочен согласовать ряд ключевых решений, принимаемых в ходе уголовного преследования в отношении лиц и затрагивающих их права. Без одобрения прокурора ключевые процессуальные решения органа уголовного преследования в этой стадии не имеют юридической силы.

К таким процессуальным решениям относятся следующие: 1. Объявление о признании лица подозреваемым (ст. 202 УПК); 2. Определение квалификации деяния подозреваемого (ст. 203 УПК); 3. Изменение или дополнение квалификации деяния подозреваемого, квалификации уголовного правонарушения (переквалификация) (ст. 207 УПК); 4. Прерывание сроков досудебного расследования (ст. 45 ч. 8-1 УПК).

Только после «одобрения» прокурором законности и обоснованности решения органа в формах «согласования» и «утверждения» процессуальный документ, содержащий такое решение, приобретает законную силу и вызывает юридические последствия для участников процесса. Установив нарушение

¹ См.: Раисов, А.А. Указ. соч. С. 25.

² Закон РК от 19.12.2020 года № 384-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам усиления защиты прав граждан в уголовном процессе и противодействия коррупции». Текст : электронный // Адилет : [сайт]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000384>. (дата обращения: 21.03.2024).

законности и прав участника процесса, прокурор вправе отказать в согласовании или утверждении решения. Тем самым реализуется основная цель нового формата проверки законности. В случае такого отказа процессуальное решение органа не приобретает законную силу, считается «непринятым», не влечет правовые последствия. Органу уголовного преследования предоставляется время для приведения проекта решения в соответствие с нормами УПК. Затем оно вновь проходит проверку у прокурора. С момента согласования процессуальное решение фактически приобретает законную силу и способно оказывать влияние на права и обязанности участников процесса. «Процессуальным тандемом» следователя и прокурора обеспечивается гарантия прав лиц, затрагиваемых решением¹. Если надзирающий прокурор согласовал или утвердил незаконное решение, оно отменяется вышестоящим прокурором. Порядок применения полномочий по отмене, после принятия поправок в УПК и наделения прокуроров полномочиями по согласованию решений, теперь исключителен и является следующей ступенью обеспечения гарантий прав участников процесса, исключения их необоснованного уголовного преследования. Такой механизм надзорной защиты конкретизирован в отраслевой Инструкции по организации надзора за законностью уголовного преследования (Инструкция)².

Во-вторых, особой формой осуществления надзора можно считать полномочия прокурора по участию в следственных действиях, проводимых следователем. Особенности обусловлены статусом прокурора, как участника следственного действия, так как уголовное дело не находится в его производстве. Следственное действие проводит уполномоченное лицо, которое составляет протокол соответствующего содержания с указанием отметки об участии прокурора и иных лиц, их замечания по общему правилу также вносятся в данный

¹ См.: Кыдыралин, Т.К. Полномочия прокурора на досудебной стадии уголовного процесса: проблемы теории и практики: магистерская диссертация на соискание академической степени. Косшы: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2021. С. 28.

² Инструкция по организации надзора за законностью уголовного преследования. Утверждена приказом Генерального прокурора РК от 30.12.2020 года №165. – Текст : электронный // Закон-онлайн : [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37654658#pos=4;-108 . (дата обращения: 21.05.2023).

протокол. Таким образом, прокурор при участии в следственном действии не создает отдельный процессуальный документ¹.

В ряде случаев, в порядок производства следственных действий законодателем прямо включено обязательное участие прокурора. Так, прокурор правомочен участвовать практически во всех видах допросов любого участника процесса. Это может иметь место в процедурах решения вопросов о даче согласия на возбуждение перед следственным судьей ходатайства о санкционировании меры пресечения (ч.2 ст. 147 УПК). Прокурор вправе принять участие в допросе, проводимом следственным судьей в рамках процедуры депонирования личных доказательств (ст. 217 УПК).

В-третьих, подтверждают руководящий процессуальный статус прокурора в досудебном производстве его полномочия на дачу письменных указаний, предусмотренного пунктом 5 статьи 193 УПК. Большинство авторов относят дачу письменных указаний прокурора в ходе досудебного расследования к правовым средствам «распорядительного характера»².

Таким образом, прокурор фактически имеет полномочия по даче указаний о принятии определенных процессуальных решений (о признании подозреваемым конкретного лица, квалификации деяния, объеме подозрения, избрании меры пресечения, о прекращении уголовного преследования и т.д.).

И наконец, окончательно формируют правовой статус прокурора в досудебном расследовании его полномочия на утверждение заключительных процессуальных решений досудебного производства, о которых говорится в пункте 6 части 1 статьи 193 УПК РК. УПК РК предусматривает полномочия прокурора по утверждению следующих основных процессуальных решений: (а) прекращение уголовного дела (п. 1 ч. 1 ст. 290 УПК РК); (б) применение приказного производства (ст. 629-3 УПК РК); (в) протокол об уголовном проступке (ст. 528 УПК РК).

¹ См.: Кыдыралин, Т.К. Указ. соч. С. 36.

² См.: Райсов, А.А. Указ. соч. С. 25.

Согласно части 1 статья 302 УПК РК по результатам изучения материалов уголовного дела прокурор производит одно из следующих действий:

- 1) утверждает обвинительный акт;
- 2) составляет новый обвинительный акт;
- 3) направляет уголовное дело лицу, осуществляющему досудебное расследование, для производства дополнительного расследования;
- 4) прекращает уголовное дело в полном объеме или в его части по основаниям, предусмотренным статьями 35 и 36 настоящего Кодекса;
- 5) по своему усмотрению или ходатайству стороны защиты решает вопрос о заключении процессуального соглашения;
- б) дополняет или сокращает список лиц, подлежащих вызову в суд, за исключением списка свидетелей защиты.

Данная уголовно-процессуальная модель напоминает первоначальную редакцию статьи 221 УПК РФ, пока ее не изменила реформа 2007 года.

Полномочия по утверждению основных процессуальных решений предполагают выражение позиции прокурора по сформированному обвинению лица, на основе изучения и оценки собранных органом доказательств. Это одна из форм уголовного преследования. Соответственно, законодательно закреплено решающее значение прокурора для определения судьбы досудебного расследования¹.

Утверждение прокурором решения органа о прекращении уголовного преследования в отношении конкретного лица может быть принято и в ходе досудебного расследования в отношении лица, независимо от окончательного решения по самому уголовному делу. Полномочия прокурора по утверждению постановлений следователя о прекращении уголовного дела закреплены в п.п. б и 17 ч. 1 ст. 193 УПК. Порядок действий прокурора по уголовному делу, поступившему с постановлением о прекращении уголовного дела, регулируется статьей 290 УПК РК. По итогам изучения материалов уголовного дела, поступившего с постановлением о его прекращении, прокурор правомочен

¹ См.: Кыдыралин, Т.К. Указ. соч. 40, 41, 42.

принять только одно из трех предлагаемых решений. Во-первых, прокурор может утвердить постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (п. 1 ч. 1 ст. 290 УПК РК). Во-вторых, прокурор, изучив материалы уголовного дела и не согласившись с процессуальным решением следователя, правомочен отказать в его утверждении (п. 2 ч. 1 ст. 290 УПК РК). В-третьих, прокурору предоставлено право прекратить уголовное дело либо уголовное преследование по другим основаниям, которые предусмотрены ст. ст. 35, 36 УПК РК (п. 3 ч. 1 ст. 290 УПК РК).

Решающее значение для исхода процесса имеют процессуальные полномочия прокурора в стадии предания суду, регулируемой статьей 305 УПК РК. Как признается в казахстанской уголовно-процессуальной литературе, это одни из важнейших прокурорских полномочий в ходе осуществления им функции уголовного преследования на досудебной стадии уголовного процесса. Фактически она является итоговой оценкой собранных следователем доказательств и обоснованности подозрения, выражающейся в утверждении обвинительного акта и направления дела в суд. Эта самостоятельная стадии выражается в вынесении прокурором отдельного постановления о предании обвиняемого суду и означает переход уголовного процесса от досудебного производства к судебному разбирательству¹.

Относительно сущности и значимости стадии предания суду казахстанскими авторами высказано следующее суждение: «Процессуальная деятельность прокурора по принятию решения по уголовному делу, поступившему к нему с обвинительным актом, является самостоятельным этапом стадии досудебного производства и не является какой-либо составляющей частью досудебного расследования... На этом этапе следственные действия не производятся, решения принимает прокурор самостоятельно. «Обвинительный акт по самой природе не является документом следственного действия. Он не

¹ См.: Мерзадинов, Е. С., Секишев А. А., Абайдельдинов Е. М. Вопросы законодательного обеспечения полномочий прокурора по уголовному преследованию // Вестник Академии правоохранительных органов. 2020. № 2 (16). С. 87.

имеет отношения к предмету доказывания. Обвинительный акт с момента составления и подписания его следователем не приобретает юридической силы... Непосредственно вопрос о признании лица обвиняемым в соответствии ... решается только прокурором»¹.

Современные казахстанские исследователи, учитывая тенденцию перехода к трехзвенной модели уголовного процесса (на основе германского опыта), теоретически допускают переход в дальнейшем прерогативы составления обвинительного акта (обвинительного заключения), как заключительной оценки всему досудебному расследованию и элемента уголовного преследования, от следователя к прокурору. Будут исключены предусмотренные ст. 302 УПК два взаимоисключающих действия прокурора (утверждение обвинительного акта следователя и составление нового обвинительного акта), а также – изменение списка лиц, подлежащих вызову в суд. Вместо них будет производиться всего одно – составление прокурором обвинительного акта (обвинительного заключения). Это также соответствует избранному Казахстаном пути развития уголовного процесса. Таким образом, продолжая дальнейшее реформирование, законодатель с 2021 года предоставил прокурору полномочия, наравне с согласованием, и по утверждению основных процессуальных решений, принятых по итогам проведенного досудебного расследования. Полномочия также являются переходными к дальнейшему внедрению трехзвенной модели уголовного процесса. *Прокурор на основе независимой оценки собранных следствием доказательств, будет самостоятельно принимать ключевые решения. Следователь и дознаватели будут лишены такой компетенции* (выделено нами – О.В. Левченко)².

Завершая характеристику доктринальных и позитивно-правовых аспектов правовой организации участия прокурора в досудебном производстве, надо сказать о концепции «процессуальный прокурор».

¹ См.: там же. С. 88.

² Кыдыралин, Т.К. Указ. соч. С. 76.

Казахстанский законодатель ввел в уголовный процесс фигуру процессуального прокурора – это «прокурор, на которого в соответствии с настоящим Кодексом руководителем прокуратуры возложен надзор за применением законов по уголовному делу» (пункт 35 ст. 7 УПК РК). О назначении процессуального прокурора говорится в части 3 ст.193 УПК РК. В соответствии с ней, руководитель органа прокуратуры правомочен по конкретному уголовному делу определить прокурора, который будет осуществлять надзор. Уже об «уполномоченном прокуроре» упоминается в статьях 58, 234, 559, 598 УПК РК: его также можно считать «процессуальным прокурором».

По мнению казахстанских авторов, создание указанного процессуального института признается одним из значительных прорывов в отечественной модели уголовного судопроизводства, направленных на совершенствование уголовного преследования, при одновременном усилении надзорных гарантий прав участников процесса, защиты интересов государства. Статус процессуального прокурора рассматривается (по аналогии с украинской моделью) в качестве формы слияния в одной фигуре двух сфер прокурорского надзора (надзор за законностью досудебного расследования и поддержания государственного обвинения в суде, включает и элементы уголовного преследования). Этот концепт объясняет процессуальное предназначение прокурора по принципу «одно дело - единый прокурор»¹. Данное понятие призвано воплотить идею процессуального руководства прокурора досудебным расследованием, суть которой состоит в непосредственном участии прокурора в том или ином объеме в расследовании, несении им ответственности за результаты расследования, прокурор – «хозяин» конкретного уголовного дела. Процессуальное руководство прокурора в одинаковой мере и правовой форме распространяется на все поднадзорные

¹ См.: Джумабеков, А. М. Институт процессуального прокурора в свете новых требований уголовно-процессуального законодательства: магистерская диссертация на соискание академической степени. Косшы : Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2019. С. 25.

органы досудебного расследования, вне зависимости от ведомственной принадлежности¹.

Институт процессуального прокурора – фактически «продукт» исторического развития уголовного процесса Казахстана, дальнейшей трансформации роли и полномочий прокуратуры. Этот институт, как полагают казахстанские ученые, есть, в сущности, более совершенная форма прокурорского надзора за законностью досудебного расследования и осуществления уголовного преследования (путем личного участия в следственных действиях, формирования основных процессуальных решений и обвинения, самостоятельного придания суду и поддержания государственного обвинения и привлечения лица к уголовной ответственности). Он законодательно обладает особыми полномочиями, которые можно расценивать, как более широкие, чем у надзирающего прокурора².

Таким образом, введение в уголовный процесс фигуры процессуального прокурора – результат реформирования уголовного процесса и модернизации деятельности прокуратуры. Процессуальный прокурор фактически является связующим звеном в процессуальной деятельности прокуратуры по надзору за законностью в досудебном производстве и представительству интересов государства в суде. Это особая форма процессуальной деятельности, сочетающая в себе надзорную функцию и уголовное преследование, путем осуществления процессуального руководства досудебным расследованием, поддержания обвинения в суде³.

Итак, можно сделать следующие выводы о настоящем и будущем казахстанского прокурора в досудебном расследовании.

Ю.В. Деришев, А.С. Нурмагамбетов отмечали, что реформа уголовно-процессуального законодательства в Казахстане изменила баланс властных полномочий в досудебном производстве, «изменился процессуальный статус

¹ См.: Джумабеков, А. М. Указ. соч. С. 30.

² См.: Кыдыралин, Т. К. Указ. соч. С. 76.

³ См.: там же. С. 76–77.

прокурора и руководителя органа расследования в пользу усиления полномочий первого... законодатель пошел по российскому пути администрирования досудебного производства. Выбрана европейская модель прокурорского расследования, которая предусматривает процессуальное руководство досудебным производством»¹. Это верный диагноз.

Казахстан находится на пути к цели построения обвинительной уголовно-процессуальной системе во главе с прокуратурой и уже достаточно далеко продвинулся к ней. Очевидно, поправки и изменения кодекса будут продолжаться пока в полной мере в нем не закрепится модель прокурорского надзора в досудебном производстве, которая принята во всех развитых уголовно-процессуальных порядках, которые мы проследили на примере Австрии, Германии, Италии.

Казахстан переживает эпоху перемен в своем уголовно-процессуальном праве и трудное изживание следственных предрассудков и традиций в доктрине. Налицо постепенный отход от российской модели прокурорского надзора, предварительного расследования, уголовного процесса. Переход к общепринятой во всех развитых уголовно-процессуальных порядках – обвинительной системе, в которой, как уже многократно указывалось, прокурор занимает руководящее положение по отношению к полиции, производящей дознание. Дознание же в свою очередь представляет собой конгломерат гласных и негласных следственных действий, посредством которых осуществляется выявление и раскрытие преступления и закрепление его следов в материалах, которые через прокурора представляются суду для использования в доказывании. Руководящая роль прокурора в выдвижении обвинения и досудебном доказывании постепенно выкристаллизовывается все больше и больше. На очереди формирование судебной процедуры выдвижения прокурором обвинения и переход на свободное

¹ См.: Деришев, Ю. В., Нурмагамбетов А. С. Реформа досудебного производства по новейшему уголовно-процессуальному законодательству Республики Казахстан // Научный вестник Омской академии МВД России. Серия «Право». 2015. № 3 (58). С. 26–29.

досудебное доказывание, где прокурор должен также играть ведущую роль со стороны обвинения.

Общие выводы по параграфу можно сделать такие.

Первый вывод состоит в том, что, несмотря на наличие различий в уголовно-процессуальных моделях досудебного производства и участия в нем прокурора у этих трех государств, входящих вместе с Россией в СНГ, есть общая тенденция их модернизация. Данная тенденция проявляется в попытках проведения реформы предварительного расследования, деформализации досудебного доказывания. Наиболее ярко это тенденция проявилась в новейшем уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызстана и Казахстана.

Второй вывод состоит в том, что при всем многообразии уголовно-процессуальных моделей есть в них одно общее: руководящее положение прокурора в досудебном производстве. Он не только и не столько орган надзора за исполнением законов органами предварительного расследования, сколько процессуальный руководитель, субъект обвинения и доказывания, наделенный для этого надлежащим объемом полномочий. Нигде аксиома о прокуроре как главе правовой организации противодействия преступности в государствах с континентальной правовой системой, ранее входивших в состав СССР, не поставлена под сомнение. Россия в этом плане оказалась единственным исключением.

Подводя итоги сравнительно-правового исследования уголовно-процессуального законодательства ряда стран, регулирующего сходные с российским кодексом институты, можно сказать следующее

За последние 10 лет в некоторых странах нашего ближнего зарубежья произошли кардинальные судебные реформы, приведшие к качественному изменению института прокуратуры и правовой формы ее деятельности. Знаковым стал отказ от советской «общенадзорной» модели прокурорской деятельности, признанной порочной нашими классиками более ста лет назад.

На наш взгляд, у наших бывших соседей по общесоюзному государству преобразование института прокуратуры и ее роли в уголовном процессе

происходят примерно по той модели, которая была уже апробирована в ряде европейских стран в 1980-90- годах (Италии, Испании), еще ранее – в Австрии, ФРГ.

Подчеркнем, несмотря на все многообразие, различия в частности уголовно-процессуальных моделей правовой организации досудебного производства, для всех них характерна одна общая черта – ведущее положение прокуратуры в досудебном производстве.

В Евросоюзе центристские силы ведут к унификации правового пространства, в том числе в правовых стандартах деятельности органов уголовной юстиции, прокуратуры, полиции.

Под воздействием интеграции даже во Франции назревают серьезные перемены в правовой организации предварительного расследования и изменения отношений между прокурором и следственным судьей.

Но конечно, наибольшую злободневность имеет тема перехода государств восточной Европы, которые ранее имели советскую модель прокурорского надзора за предварительным расследованием, на новую - общеевропейскую¹.

На территории ближнего зарубежья России выделились несколько путей преобразования института прокуратуры. Очевидно, их можно классифицировать по мере разрыва с советской/российской моделью прокурорского надзора, той которую Н.В. Муравьев назвал бы «отсталой».

Есть, во-первых, постсоветские государства, где провели радикальную реформу уголовного процесса и полностью отказались от советской модели прокурорского надзора за процессуальной деятельностью субъектов предварительного расследования.

Подобная, противоположная российской модель прокурорского надзора в уголовном процессе утвердилась в государствах, разорвавших с советской/российской правовой традицией и пошедших на радикальное сближение с Западом в поисках новой исторической судьбы. Это Грузия,

¹ В современной российской уголовно-процессуальной терминологии: «прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания».

Украина, страны Балтии. Все ключевые параметры нормальной (с позиции Н.В. Муравьева) модели стали правовой реальностью в указанных государствах и не только в этих, а во всех европейских государствах, законодательство которых здесь анализировалось.

Это вызов для российской уголовно-процессуальной доктрины и причина глубоких размышлений почему так, получилось, что фактически реализовали на практике то, что зафиксировали в своих теоретических построениях старательно «забытые» русские мыслители.

Есть второй – некий средний вариант преобразования прокуратуры и уголовно-процессуального образа ее деятельности, который реализовался в Казахстане, Киргизстане. Причем в Республике Казахстан происходит по нарастающей все ближе к стандарту, который выбрала первая группа постсоветских государств, настроенных, к сожалению, враждебно к России.

Третий путь устройства и деятельности прокуратуры выбрали несколько среднеазиатских государств (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан), кавказских (Азербайджан, Армения), также Белоруссия, который в принципиальных чертах воспроизводит российскую (преобразованную советскую) прокурорского надзора.

Можно констатировать, что у большей части государств СНГ сложилась иная, чем у нас правовая организация участия прокурора в досудебном производстве процесса, на основе которой осуществляется противодействие преступности.

В связи с этим можно сказать цивилизационным вызовом особую актуальность приобретает суждение Н.Н. Муравьева: «Если же решительно ограничить ее функцию одним государственным обвинением, то есть представительством публичных интересов в уголовном суде, то она может служить органом преследования и в *обвинительном процессе самого чистого вида*. В новейшей конструкции уголовной юстиции судебная власть в обширном смысле расчленяется и выделяя органы, ведающие уголовно-судебные функции,

распадается на суд или судебную власть в тесном смысле, следователя или власть следственную, и прокурора или власть обвинительную»¹.

Данное высказывание находит отклик у многих современных ученых². По их мнению, теория рекомендует видеть в прокуратуре исключительно специальный орган публичного преследования, строго замкнутый в этой сфере и изменяющий своему назначению, как только он из нее выходит³. Об этом, например, пишет известный российский ученый А.В. Смирнов⁴, другие авторы⁵.

К проведенному сравнительно-правовому анализу, подтверждающему нашу позицию о необходимости изменения правового положения прокурора в досудебном производстве, можно добавить еще аргумент основанный на закреплённом в международно-правовых нормах, но также и в нормах национальных законодательств, положении о ведущей роли прокуратуры в международном сотрудничестве по уголовным делам⁶, а также в международном уголовном правосудии⁷. Этим обширным темам посвящены многочисленные

¹ Муравьев, Н.В. Указ. соч. С. 13.

² См.: Терехов, Е. В. Полномочия прокурора по разрешению уголовного дела в Австрийской Республике // Законность. 2011. № 3. С. 21.

³ См.: там же. С. 21.

⁴ Смирнов, А. В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель // Аппарат власти следственной / под ред. Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2016. С. 190–197.

⁵ См.: Александров, А. С., Андреева О. И., Зайцев О. А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 448. С. 199–207.

⁶ См., напр.: Волеводз, А. Г., Шатайлюк Е. Е. Взаимная правовая помощь по уголовным делам: сотрудничество с государствами офшорных юрисдикций англо-американской правовой семьи (системы общего права) // Российский следователь. 2019. № 9. С. 70-74; Волеводз, А. Г., Копылова Е. А. О системе осуществления российского и иностранного уголовного права и его процессуального применения на переходный период в Крыму и Севастополе // Евразийский юридический журнал. 2014. № 4. С. 150-158; Волеводз, А. Г. Совместные (международные) расследования наркопреступлений: международный опыт и российские перспективы // Наркоконтроль. 2015. № 4. С. 37-45; Зайцев, А. О. Реализация международно-правовых стандартов при принятии решений о заключении под стражу в российском уголовном судопроизводстве : диссертация ... кандидата юридических наук. Москва: Моск. акад. экономики и права, 2017. С. 8 и след.; Малиновский, А. А. Система международного уголовного права // Московский журнал международного права. 2004. № 4. С. 246-255.

⁷ Как показывают исследования ряда авторов, на сегодня правовое регулирование деятельности всех без исключения органов международной уголовной юстиции (начиная с Международного трибунала по бывшей Югославии, учрежденного еще в 1993 г.), имеющих весьма серьезный опыт осуществления уголовного преследования за самые тяжкие международные преступления, предусматривает, что единственное лицо, которое должно

исследования, и мы не стали разрабатывать их в виду очевидности того, что прокуратура является ведущим участником этих процедур и отсутствия необходимости доказывать это.

Имея в виду результаты проведенного сравнительно-правового исследования и доктринальную позицию, сформировавшуюся в отечественной уголовно-процессуальной науке, беремся предложить своей проект оптимизации российской модели досудебного производства и прокурорского надзора, который изложим в следующей главе¹.

возбуждать разбирательство, это Обвинитель или заместитель Обвинителя, действующий в его отсутствие, или когда ему это поручено в ясно выраженной форме. Разбирательство в международных судах (трибуналах) не может возбуждаться потерпевшими или их представителями, или какой-либо неправительственной организацией, или правительством, а также любыми должностными лицами таких судов (трибуналов), даже если они входят в состав Канцелярии Обвинителя. Иными словами, лишение отечественных прокуроров полномочий возбуждать уголовные дела прямо противоречит международным стандартам уголовного правосудия.

См.: Волеводз, А. Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2(5). С. 55-67.

¹ В представленной главе диссертации получили отражение материалы научных работ, подготовленных соискателем в целях опубликования основных результатов исследования. См.: Левченко, О.В. Прокурорский надзор в досудебных стадиях уголовного процесса Республики Азербайджан // Международное уголовное право и уголовная юстиция. 2022. № 5. С. 18-22; Левченко, О.В. Прокурорский надзор в досудебном производстве уголовного процесса Республики Казахстан // *Ex jure*. 2022. № 4. С. 145-162; Левченко, О.В. Прокурор в досудебном производстве по уголовному делу (сравнительно-правовой анализ законодательства европейских государств и законодательства России) // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. № 1. С. 239-243; Левченко, О.В. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу (опыт сравнительно-правового исследования): монография – Москва: Издательство «Юрлитинформ». 2022; Левченко, О.В. Дискреционные полномочия прокурора по разрешению уголовно-правового спора в досудебном производстве Франции // Частноправовые и публично-правовые проблемы современной юриспруденции: монография / ответ. ред. С.Ю. Морозов, О.А. Зайцев. Москва: Проспект, 2022. С. 529-533; Левченко, О.В. Осуществление прокурором процессуального руководства досудебным расследованием в криминальном процессе Украины // Дискуссионные аспекты развития уголовно-процессуального законодательства и его применения : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции (Н. Новгород, 12 ноября 2020 года) под ред. М.П. Полякова, Н.В. Летелкина, Ю.В. Царевой: Нижегородская научная школа процессуалистов: Альманах № 4. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2021. С. 159–164; Левченко, О. В. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: опыт сравнительно-правового исследования в рамках континентально-европейской правовой системы // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17, № 1. С. 239-243. и др.

ГЛАВА 3. ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В СТАДИЯХ И ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУРАХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

3.1. Оптимизация участия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела

Оптимизация правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела видится через усиление прокурорского присутствия в ней, преобразование в этом направлении прокурорского надзора. Актуальность и острота этой темы очевидна в связи с ведущимися в науке спорами относительно судьбы данной стадии – вплоть до ее ликвидации или полного исключения прокурора из этой стадии¹. С другой стороны, есть большое число предложений по совершенствованию сложившейся системы прокурорского надзора в данной стадии, о чем скажем в ходе дальнейшего изложения материала.

Исходим из того, что без стадии возбуждения, равно как и участия в ней прокурора не обойтись. Это подтверждается, прежде всего, результатом анализа правоприменительной практики.

Так, в 2021 г. на территории Москвы правоохранительными органами зарегистрировано 1 552 647 сообщений о преступлениях, что на 8,5 % превышает количество таких сообщений в предыдущем периоде (1 431 092). По результатам их рассмотрения принято 133 930 решений о возбуждении уголовного дела (135

¹ Далее об этом будет сказано более подробно.

268; -1,0 %), 995 239 - об отказе в возбуждении уголовного дела (884 694; + 12,5 %)¹.

В последние два года в Москве продолжает наблюдаться рост числа выявленных прокурорами нарушений, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (с 314 264 до 321 584, +2,3 %). Данная тенденция свойственна всем правоохранительным органам. С целью их устранения в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ внесено 2 826 требований (2 457; +15,0 %), а также 4741 представление и информация (4 370; +8,5 %). По результатам рассмотрения актов прокурорского реагирования к дисциплинарной ответственности привлечено 8 293 должностных лица (8 093; +2,5 %) правоохранительных органов города².

Представители правоохранительных органов в своем большинстве убеждены в важности этой стадии и необходимости ее сохранения³.

Между тем, как показал опыт правового строительства последних лет, нельзя исключать самых неожиданных решений законодателя. Содержание, правовой режим стадии сильно изменились по сравнению с первоначальной моделью, на что оказывает влияние появление новых видов уголовно-процессуальных производства, прежде всего сокращенного дознания (глава 32.1 УПК РФ). Одновременно радикально поменялись место и образ действий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела; система его отношений с ведущими участниками этой стадии⁴.

¹ Постановление Координационного совещания руководителей правоохранительных органов города Москвы «Об организации и состоянии работы правоохранительных органов по приему, регистрации и разрешению сообщений о преступлениях в 2020–2021 гг.» от 31 марта 2022 года. Текст 6 электронный // Управление Генеральной Прокуратуры РФ по Центральному федеральному округу : [сайт]. URL :https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_cfo/mass-media/news/news-regional?item=72759736 (Дата обращения : 11.01.2024).

² Там же.

³ См.: Приложение № 1, ответы на вопрос № 35; Приложение № 2, ответы на вопрос № 23; Приложение № 3, ответы на вопрос № 23.

⁴ См.: Миллер, В. Ю. Оптимизация правовой организации стадии возбуждения уголовного дела: доктрина, практика, техника : монография. Москва : Юрлитинформ, 2021, С. 16–17.

Несмотря на перемены, ценностно-сущностное ядро концепции прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела сохранилось: оно состоит в том, что прокуроры должны «добиваться» соблюдения законности в этой стадии¹ и тем самым создавать законную основу для уголовного преследования, проведения предварительного расследования. Необходимость прокурорского надзора в том, что беззаконие, допущенное в этой стадии, изначально искажает процесс и делает невозможным достижение его назначения. Прокурор обязан исключить нарушение закона, которое искажает сущность правосудия и превращает противодействие преступности в свою противоположность – произвол². Значит в стадии возбуждения уголовного дела активное участие прокурора более, чем необходимо.

Как представляется, особая роль стадии возбуждения уголовного дела, как правовой организации, через которую прокурор может реализовать свои полномочия по приданию правового (законного, справедливого) характера противодействию преступности обусловлена местом стадии в структуре процесса, ее сущностью и задачами.

Стадия возбуждения уголовного дела является структурным элементом современного досудебного производства и в силу этого в полной мере несет на себе отпечаток следственной формы, а вместе с тем она является одним из наиболее ярких проявлений самобытной правовой природы отечественного уголовного процесса. Без этой стадии немислима современная уголовно-процессуально-правовая организация противодействия преступности.

Бесспорно то, что правомерное и своевременное возбуждение уголовного дела обеспечивает достижение целей и решение задач как предварительного

¹ См.: пункты 1.1.-1.3 Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» //Законность. 2021. № 12. С. 3–8; Приказ Генпрокуратуры России от 05.09.2011 № 277 (ред. от 19.08.2021) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия» //Законность. 2011. № 12.

² С нашей точки зрения ничто так не искажает судопроизводство чем незаконное возбуждение уголовного дела, с одной стороны, и незаконный отказ в возбуждении уголовного дела, с другой стороны.

расследования, так и уголовного судопроизводства в целом¹ и прокурорский надзор является гарантией этого².

Помимо вышеприведенных общих мест современной теории уголовной процессуальной литературе бытуют представления, согласно которым стадия возбуждения уголовного дела была, остается обязательной стадией российского уголовного процесса³, то есть следственного (смешанного) типа уголовного процесса⁴; она есть продукт долгого исторического развития отечественного уголовно-процессуального права⁵. На образование и дальнейшее развитие института возбуждения уголовного дела оказали определяющее влияние принцип публичности, следственно-розыскная идеология⁶. В частности, Ю.В. Миллер характеризует ее как плод русского уголовно-процессуального гения, продукт самобытного развития русской разновидности романо-германской правовой системы⁷.

Можно констатировать, что идеология, общая модель прокурорского надзора, круг задач, решаемых прокурором в стадии возбуждения уголовного дела сохраняются, как и назначение и сущность стадии возбуждения уголовного

¹ См.: Воскобитова, Л. А. Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 3–6; Даровских, О. И., Даровских С. М. Прокурор в уголовном судопроизводстве: монография. Челябинск, 2020. С. 59.

² Такое мнение является господствующим в современной доктрине.

См., напр.: Чубыкин, А. В. Процессуальный статус прокурора в стадии возбуждения уголовного дела: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2014. С. 5, 7–8 и след.

³ См., напр.: Григорьев, В. Н. О концепции возбуждения уголовного дела // Актуальные вопросы предварительного расследования: Межвузовский сборник научных трудов. Волгоград, 1997. С. 24–26; Копылова, О. П. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях: диссертация ... кандидата юридических наук. Санкт-Петербург, 1999. С. 12.

⁴ См.: Гаджиев, Я. А. Стадия возбуждения уголовного дела в системе российского уголовного судопроизводства: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2015. С. 56.

⁵ См.: Тушев, А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. Санкт-Петербург, 2005. С. 4, 7–8, 32 и след.; Артемова, В. В. Возбуждение уголовного дела как уголовно-процессуальный институт: диссертация... кандидата юридических наук. Москва, 2006. С. 23–24.

⁶ См.: Бандурин, С. Г. Публичность как принцип уголовного судопроизводства и его действие в стадии возбуждения уголовного дела: диссертация... кандидата юридических наук. Саратов, 2004. С. 7–8 и след.; Кузьменко, Е.С. Система поводов к возбуждению уголовного дела: теоретический и прикладной аспекты: диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород. 2007. С. 9.

⁷ См.: Миллер, В.Ю. Указ. соч. С. 6.

дела¹. Между тем, полномочия прокурора, арсенал средств прокурорского реагирования на нарушения законов и содержание правовых отношений прокурора с субъектами уголовного процесса в этой стадии находятся в перманентном преобразовании, которые отошли довольно далеко от первоначальной – классической модели прокурорского надзора в этой стадии.

По мнению многих исследователей это негативно сказалось на качестве работы правоохранителей в стадии возбуждения уголовного дела, привело к снижению гарантий прав лиц, вовлеченных в «изобличительную деятельность»². Таково же мнение и многих практиков, поддерживающих усиление полномочий прокуроров в этой стадии³

Следует согласиться с мнением о том, что в генезисе стадии можно усмотреть сущность, направление ее оптимизации – в неразрывной связи с участием прокурора в ней. Причем на большей части истории данной стадии прокурор занимал в ней ведущее положение.

Так, В.Ю. Миллер развивает аргумент об органичности вхождения стадии возбуждения уголовного дела в отечественную уголовно-процессуальную ткань. При этом он подчеркивает то, что «открытие уголовного дела» исторически неразрывно связано с активным вовлечением прокурора в него⁴.

Правильно отмечают то, что данная стадия закономерно образовалась на определенном этапе развития национального уголовно-процессуального

¹ Так, до реформы 2007 года, А.А. Тушев констатировал наличие у надзирающего в досудебных стадиях прокурора функций (а) руководства процессуальной деятельностью следователя, дознавателя и органов дознания, (б) координация деятельности правоохранительных органов по возбуждению уголовных дел и расследованию преступлений; правозащитной функции (См.: Тушев, А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий: диссертация ... доктора юридических наук. Краснодар, 2006. С. 16). В принципе можно согласиться с такой квалификацией прокурора в стадии возбуждения уголовного дела.

² См.: Николаева, Т. А. Теоретические и правовые проблемы определения статуса лица, в отношении которого осуществляется досудебное уголовное преследование: диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2021. С. 125.

³ См.: Приложение № 1, ответы на вопрос № 31.2; Приложение № 2, ответы на вопрос № 19; Приложение № 3, ответы на вопрос № 20.2.

⁴ См.: Миллер, В.Ю. Указ. соч. С. 23–28.

законодательства¹. Ее основы были заложены еще во время действия Устава Уголовного Судопроизводства, когда прокурор был в числе субъектов, «открывающих уголовное дело»². Законодательно данная стадия отечественного процесса, как процессуальная гарантия законности и прав человека сложилась с принятием УПК РСФСР 1961 года³. И именно в советское время было создано цельное учение об этой стадии, неотъемлемой частью которого было обоснование активного, руководящего участия в ней прокурора; сформировалось отдельное направление прокурорского надзора в составе соответствующей отрасли⁴.

Можно сказать, что современная модель стадии возбуждения уголовного дела основана на советской доктрине, подвергнутой, правда, переосмыслению в духе процессуальной самостоятельности следователя⁵. Во многом это касается модели прокурорского надзора в данной стадии, также неразрывно связанной с обеспечением режима законности на данном этапе уголовно-процессуальной, правоохранительной деятельности по противодействию преступности.

¹ См.: там же. С. 61.

² См.: Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий (ст. 249–594) / под ред. М.Н. Гернета. Москва, 1914. Вып. 3. С. 604.

³ Советские авторы надеялись, что новая стадия – возбуждение уголовного дела, станет своего рода стеной, разделяющей «неправовой» – негласный уголовный розыск («оперативно-розыскную деятельность») и гласный, детально регламентированный законом уголовный процесс в виде предварительного расследования. В усложнении структуры досудебного производства, разделении видов правоохранительной деятельности выделась одна из гарантий «социалистической законности».

См.: Бородин, С. В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела – стадия советского уголовного процесса // Тр. Всесоюзн. науч.-исследоват. ин-та МВД СССР. 1972. № 23. С. 67; Жогин, Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Возбуждение уголовного дела. Москва : Госюриздат, 1961. С. 41; Карев, Д. С., Савгирова Н. М. Возбуждение и расследование уголовных дел. Москва : Госюриздат, 1967. С. 14.

⁴ См.: Жогин, Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч. С. 21, 22; Рахунов, Р. Д. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. Москва : Госюриздат, 1954. С. 18–20, 31; Михайленко, А. Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. Саратов, 1975. С. 5, 7, 23 и след.; Савицкий, В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. С. 7, 13 и след.

⁵ См.: Григорьев, В. Н. Проблемы развития средств обнаружения признаков преступления // Пути совершенствования деятельности следственных аппаратов органов внутренних дел : сборник научных трудов. Ташкент, 1987. С. 43–44.

В настоящее время стадию возбуждения уголовного дела трактуют как (1) начало уголовного судопроизводства¹, (2) вход в уголовно-процессуальную систему²; (3) предпосылку/подготовку к проведению предварительного расследования³; (4) процессуальный фильтр⁴; (5) особую, урегулированную законом деятельность участников, систему отношений между ними⁵.

Приметой времени является перманентное внесение изменений в стадию. Существуют различные оценки трендов правового развития стадии. Есть скажем так критическая позиция, представители которой полагают, что произошла деформация исходной (классической) модели стадии, изменился прокурорский надзор⁶. Но есть и те, кто считает сложившийся формат стадии и положение в ней прокурора оптимальными⁷.

Характерные черты сложившейся на данный момент процессуально-правовой модели стадии, в которых реализуется прокурорский надзор, таковы:

¹ См.: Бобров, В. К. Стадия возбуждения уголовного дела. Москва : МЮИ, 1997. С. 22; Ларин, А. М., Мельникова, Э. Б., Савицкий, В. М. Уголовный процесс России: Лекции-очерки / Под ред. В.М. Савицкого. Москва, 1997. С. 137–140; Усачев, А. А. Возбуждение уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве: диссертация... кандидата юридических наук. Иркутск, 2003. С. 16.

² См.: Багаутдинов, Ф. Возбуждение уголовного дела по УПК РФ // Законность. 2002. № 7. С. 27–29; Вицин, С. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 55; Григорьев, В.Н. Возбуждение уголовного дела по новому УПК: Уч. пособие для вузов МВД России. Москва, 2002. С. 6–7.

³ См.: Власова, Н.А. Теоретические и правовые основы стадии возбуждения уголовного дела. Москва : Гос. учреждение "Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД России", 2001. С. 98, 99; Даровских, О.И., Даровских С.М. Прокурор в уголовном судопроизводстве: монография. С. 59, 60; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ ред. В.М. Лебедева. Москва : Юрайт, 2012. С. 291.

⁴ См.: Жогин, Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч. С. 8; Михайленко, А. Р. Указ. соч. С. 135–136.

⁵ См.: Амирбеков, К. И. Баланс полномочий прокурора и руководителя следственного органа: концептуальный подход // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 1 (33). С. 28–35; Баев, О. Я. Следователь как адресант прокурора; прокурор как адресат следователя и адресант суда // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 2 (31). С. 67. Яшин, Н. В., Победкин А. В. Возбуждение уголовного дела. Теория, практика, перспективы. Учебное пособие для вузов. Москва : ЮНИТИ : Закон и право, 2009. С. 7.

⁶ Далее об этом будет сказано подробнее.

⁷ См., напр.: Ленихин, А. А. Полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Отечественная юриспруденция. 2017. № 6 (20).

– ослабела роль прокурора в стадии, сократились его возможности по оперативному реальному вмешательству в деятельность правоохранителей по выявлению, раскрытию преступлений¹;

– изменилась система поводов для возбуждения уголовного дела;

– происходит перманентная дифференциация правового режима проверки новообразованных поводов, что делает различной реакцию государства на сигналы о тех или иных преступлениях, а потому и дифференциацию уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступлениям: налоговым, экономическим²;

– увеличился круг следственных, иных проверочных, процессуальных действий в стадии возбуждения уголовного дела;

– установлены новые предельные сроки проверки сообщения о преступном деянии и механизм их продления;

– имеет место дифференциация правовых режимов взаимодействия прокурора при решении основных вопросов в стадии возбуждении уголовного дела с представителями органов дознания и органов предварительного следствия.

Специалистами³ отмечается в качестве отличительной особенности современной правовой организации участия прокурора в стадии то, что прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов дознания, с одной стороны, и органов предварительного следствия, с другой, реализуется различными средствами⁴. Согласимся с тем, что главное противоречие правового устройства стадии, как и в досудебном производстве вообще, состоит в отношениях между прокурором и следователем, руководителем следственного

¹ Негативная оценка этой перемены является преобладающей и далее будем приводить ее примеры применительно к тем или иным аспектам правовой организации стадии.

² Наиболее яркий пример метаний законодателя связан с урегулированием порядка возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях, что проявилось в пунктах 1.1 и 1.3 части первой статьи 140 УПК РФ.

³ См.: Александров, А. С., Поспелова Ю. С., Сивин И. А. Дифференциация форм прокурорского реагирования на неправомерные решения органа предварительного следствия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 116.

⁴ См.: Даровских, О.И., Даровских С. М. Указ. соч. С. 56.

органа, что стало результатом перехода руководящей, контрольно-надзорной функций от прокурора к руководителю следственного органа и соответственно, стремлению прокуратуры к восполнению недостаточности процессуальных полномочий организационными¹.

Общепринято обращать внимание на конкуренцию процессуальных и надзорных полномочий прокурора с полномочиями руководителя следственного органа – как правило в негативном ключе². При этом признается снижение меры участия прокурора в стадии, уменьшение возможности по оперативному разрешению прокурором вопросов, возникающих здесь³. А это, в свою очередь, ведет к нарастанию формализма в прокурорском надзоре и противопоставлению ведомственного интереса публичному: погоня прокуроров за показателями принятых мер прокурорского реагирования.

Указанные явления нашли подтверждение и в ходе проведенных нами социологических исследований⁴ и изучения правоприменительной практики⁵.

Из системного толкования статьи 37 и других статей УПК РФ, статьи 29 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»⁶ во взаимосвязи с нормативно-

¹ См.: Приложение № 1, ответы на вопросы №№ 9, 29–29.1; Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 8, 16–16.1; Приложение № 3, ответы на вопросы №№ 8.

² См.: Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2014. С. 376–380.

³ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2014. С. 56–57.

⁴ См.: Приложение № 1, ответы на вопросы № 19.

⁵ См.: Приложение № 4, пункты 1.7–1.10.

В том числе, например, по следующим уголовным делам: уголовное дело № 11901450007000582 по обвинению В.А.С, В.Р.С. по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ /СЧ СУ УВД по ЗАО ГУ МВД России по г. Москве; уголовное дело № 11902450031000073 по обвинению М.А.С, С.М.Е. по п. «в» ч. 3 ст. 146 УК РФ /СЧ СУ УВД по ЮВАО ГУ МВД России по г. Москве; уголовное дело № 41901170021020900 по обвинению Т.П.Н., С.И.Н. и других по ч. 4 ст. 159 УК РФ /СЧ СУ УМВД России по Владимирской области; уголовное дело № 12001220089000004 возбуждено 10.01.2020 по ст. 159 ч. 3 УК РФ /СЧ ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области; уголовное дело № 12001890016000036 возбуждено 14.02.2020 по ст. 159 ч. 4 УК РФ /Следственная часть Следственного управления МВД по республике Мордовия.

⁶ Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.03.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472 ; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 12.12.2023.

правовыми актами Генеральной прокуратуры РФ следует, что прокурор обязан добиваться того, чтобы органы предварительного расследования и другие правоохранительные органы эффективно выявляли, раскрывали законными средствами преступления, действовали в строгом соответствии с законодательством, защищали права и свободы человека и гражданина¹.

В общем перечне процессуальных полномочий прокурора, реализуемых им в стадии возбуждения уголовного дела, можно выделить универсальные и только те, что применимы к органам дознания или предварительного следствия.

К числу универсальных уголовно-процессуальных средств прокурорского реагирования, имеющих распространение на все органы предварительного расследования, задействованных в стадии возбуждения уголовного дела надо отнести:

– проверка прокурорами исполнения законодательства при приеме, регистрации и проверке уполномоченными должностными лицами государственных органов сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях и предъявления требования к органу предварительного расследования об устранении допущенных нарушений законодательства (пункты 1, 3 части второй ст. 37 УПК РФ) ;

– направление прокурором материалов по факту выявления признаков преступления, в орган предварительного расследования для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, привлечении в качестве обвиняемого лиц, причастного к совершению выявленного преступления (пункт 2 части второй ст. 37, п. 4 части 1 ст. 140 УПК РФ);

– проверка прокурором законности, обоснованности постановления органа

¹ См.: Винокуров, А. Ю., Винокуров Ю. Е. Прокурорский надзор: учебник для прикладного бакалавриата / под общей ред. А.Ю. Винокурова. 2-е изд. перераб. и доп. Москва, 2015. С. 27; Григорьева, Н. В. Прокурорский надзор: Прокурорский надзор: учебное пособие. 6-е изд. Москва : РИОР, 2020. С. 33; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2014. С. 65–66; Смирнов, А. Ф. Прокурорский надзор: учебник и практикум для академического бакалавриата // Прокурорский надзор: учебник и практикум для академического бакалавриата / под редакцией А. Ф. Смирнова, А. А. Усачева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2021. С. 89, 90.

предварительного расследования о возбуждении уголовного дела и принятие по нему решения согласно уголовно-процессуальному кодексу (п. 5¹ части второй ст. 37, ч. 6 ст. 148 УПК РФ);

– проверка прокурором правомерности вынесенного органом предварительного расследования постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и принятие по нему решения согласно кодексу (пункт 5¹ части второй ст. 37, часть 6 статьи 148 УПК РФ)¹;

– истребование и проверка законности и обоснованности решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела и принятие по ним решений в соответствии с УПК РФ (пункт 5.1 части второй ст. 37 УПК РФ);

– участие в судебных заседаниях при рассмотрении жалоб на действия и решения сотрудников правоохранительных органов, поданных участниками стадии в порядке, установленном статьей 125 УПК РФ (пункт 8 части второй статьи 37 УПК РФ);

– передача прокурором материалов проверки повода от одного органа предварительного расследования другому, в том числе изъятие любых материалов проверки сообщения о преступлении у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передача его (их) следователю Следственного комитета России (пункты 11, 12 части второй статьи 37, части восьмой статьи 151 УПК РФ).

По отношению к органам дознания у прокурора есть дополнительные полномочия по надзору за исполнением законодательства, федерального и ведомственного, в стадии возбуждения уголовного дела:

– давать дознавателю письменные указания о производстве процессуальных действий в этой стадии (пункт четвертый части второй ст. 37 УПК РФ);

¹ Из трех процессуальных решений, принимаемых руководителем следственного органа или следователем в стадии (ч. 1 ст. 145 УПК РФ), прокурор уполномочен отменять два, но зато самых значимых: постановление о возбуждении уголовного дела и постановление об отказе в возбуждении уголовного дела

– отменять вынесенные в стадии возбуждения уголовного дела незаконные или необоснованные постановления органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя (пункт шестой части второй ст. 37 УПК РФ);

– разрешать отводы, заявленные дознавателю, а также его самоотводы (пункт девятый части второй ст. 37 УПК РФ);

– отстранять дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований настоящего Кодекса (пункт 10 части 2 ст. 37 УПК РФ).

Наконец, надо сказать и о специальном полномочии прокурора по отношению к органу предварительного следствия, которое он реализует в стадии возбуждения уголовного дела в связи с использованием так называемого «прокурорского повода», а именно: рассматривать представленную руководителем следственного органа информацию следователя о несогласии с требованиями прокурора и принимать по ней решение (пункт 7 части 2 ст. 37 УПК РФ).

Применительно к стадии возбуждения уголовного дела уместно говорить и о реализации прокурором «иных полномочий», о которых упоминается в пункте шестнадцатом части второй статьи 37 УПК РФ¹.

Нельзя не отметить еще одно обстоятельство, которое характеризует правовую ситуацию в стадии возбуждения уголовного дела. Имеется в виду возложение на прокуратуру обязанности ведения всей уголовной статистики и придания ей соответствующих полномочий. Тем самым прокуратура получила сильный организационный рычаг для управления правоохранительными

¹ К таким полномочиям относятся права прокурора рассматривать и разрешать заявления, жалобы, сообщения граждан о нарушениях их прав и законных интересов в стадии возбуждения уголовного дела; вызов должностных лиц, допустивших нарушения закона в этой стадии для получения объяснений.

См.: Даровских, О. И., Даровских, С. М. Указ. соч. С. 64.

органами, включая органы предварительного следствия¹, в стадии возбуждения уголовного дела, которым она не замедлила воспользоваться².

Таковы исходные правовые положения относительно участия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела в их освещении уголовно-процессуальной наукой. Разовьем их, применительно к отдельным из указанных выше участков прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела. Некоторые из них надо, на наш взгляд, оптимизировать.

Надзор за соблюдением регистрационной дисциплиной, исключение фактов укрывательства преступлений составляет важнейший участок уголовно-процессуальной деятельности прокурора в стадии возбуждения уголовного дела³.

Предметом прокурорского надзора здесь является соблюдение требований п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, ст. 29 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», а также целого ряда ведомственных нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность сотрудников дежурных частей, других подразделений правоохранительных органов приема, регистрации заявлений и сообщений о преступлениях. Задачи прокуроров – обеспечить прием, проверки всех без исключения заявлений (сообщений) о преступлениях, обеспечение прав и законных интересов лиц. В нормативных актах Генеральной прокуратуры Российской Федерации усилен акцент на этом важнейшем участке деятельности прокуроров⁴.

Наше предложение заключается в том, чтобы в случае необходимости прокурор мог самостоятельно принять решение в стадии, не ограничиваясь только

¹ См.: Потапов, Д. В. Указ. соч. С. 98.

² См.: Миллер, В. Ю. Указ. соч. С. 72-75, Потапов, Д. В. Указ. соч. С. 101.

³ См.: Власова, Н. А. Досудебное производство в уголовном процессе. Москва : ЮРМИС, 2000. С. 68.

⁴ См.: Приказ Генпрокуратуры России от 27.11.2007 № 189 (ред. от 19.08.2021) «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве» //Законность. 2008. № 2; Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» //Законность. 2021. № 12. С. 3–8; Приказ Генпрокуратуры России от 05.09.2011 № 277 (ред. от 19.08.2021) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия» //Законность. 2011. № 12.

требованиями к органам предварительного расследования устранить нарушения законности.

Отличительной чертой оптимизации законодателем правового формата стадии является изменение поводов, многие из которых быстро отпадают, а «налоговый повод» уже дважды менял способ своего существования в статье 140 УПК РФ. Само собой это отражается на прокурорском надзоре за их регистрацией и проверкой, о чем будет сказано отдельно. Но особо в свете нашей темы надо сказать о таком поводе, как «постановление прокурора»¹ (ст. 140 ч. 1 п. 4 УПК РФ), введенном в кодекс в 2010 году Федеральным законом от 28 декабря 2010 года № 404-ФЗ. В научной литературе это событие квалифицировали как возмещение (частичное) прокурору утраченного права на возбуждение уголовного дела² или следствие трансформации классической модели стадии и прокурорского надзора.

Некоторые ученые положительно оценили его как шаг в сторону усиления роли прокурора в стадии возбуждения уголовного дела³. Впрочем, большинство деятелей науки сходится к мнению, что имеющееся у прокурора правовое средство является паллиативом, мерой временной⁴, но не полноценным средством обеспечения в стадии режима законности⁵, которое не обеспечивает надлежащий

¹ Или «прокурорский повод», как его еще называют в уголовно-процессуальной науке. См.: Миллер, В.Ю. Указ. соч. С. 17.

² См.: Кругликов, А. П. Проблемы процессуальных отношений прокурора со следователем и руководителем следственного органа // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 29; Реализация уголовной политики: современные проблемы уголовного и уголовно-процессуального правотворчества, правоприменения и кадрового обеспечения / под общ. ред. проф. А.А. Тарасова: монография. Москва : Юстиция, 2015. С. 159–162; Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции: учебник для бакалавриата и магистратуры / под. ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2024. С. 351, 352.

³ См.: Григорьев, В. Постановление прокурора – новый повод для возбуждения уголовного дела? // Законность. 2011. № 8. С. 47; Гриненко, А. Постановление прокурора как повод к возбуждению уголовного дела // Законность. 2012. № 11. С. 22–24.

⁴ См.: Миллер, В.Ю. Указ. соч. С. 94.

⁵ См.: Аширбекова, М. Поводы к возбуждению уголовного дела // Законность. 2012. № 10. С. 19; Ленинин, А.А. Полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Отечественная юриспруденция. 2017. №6 (20). С.

уровень участия прокурора в стадии, соответствующий его роли в выполнении функций обвинения и доказывания¹.

Об уникальности правовой природы данного повода много писалось². В частности, указывалось на то, что постановление прокурора не может быть расценено как «классический повод», который всегда трактовался как источник информации о признаках преступления: постановление прокурора нагружено дополнительным требованием к следователю, точнее даже к органу предварительного следствия о возбуждении уголовного дела, поскольку предполагает уже наличие основания для этого³. Так что непризнание органом предварительного следствия установленного прокурором основания, которое изложено в постановлении и отказ возбудить уголовное дело порождает противоречие, исход которого разрешается опять-таки через специально изобретенную процедуру, предусмотренную частью 1¹ статьи 148 УПК РФ⁴, которая оставляет последнее слово в споре за прокурорской властью.

Однако, возникает вопрос зачем все эти изобретения юридической техники, когда в свете классической теории прокурор должен быть главным субъектом стадии возбуждения уголовного дела, наделенным исключительными полномочиями по определению ее исхода?

Ответ напрашивается такой: это инородное образование, противоречащее правовой природе стадии возбуждения уголовного дела, в которой прокурор призван играть роль не просителя, ходатая перед органом предварительного следствия, а органом, которому принадлежит решающее слово в определении судьбы процесса. Надо согласиться с выводами о том, что данная законодательная инновация разрушает традиционные представления как о стадии, так и о поводе,

¹ См.: Ережипалиев, Д. Полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. 2011. № 4. С. 84–86.

² См.: Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела: монография / отв. ред. И.С. Дикарев. Москва : Юрлитинформ, 2012. С. 199.

³ См.: Соловьев, А.Б., Токарева, М.Е. Необходимо восстановить властно-распорядительные полномочия прокурора в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2011. № 4. С. 101.

⁴ См.: Миллер, В.Ю. Указ. соч. С. 39.

основании, классической процессуальной технологии стадии¹. Как пишет В.Ю. Миллер : «Сама идея отобрать у прокурора важнейший элемент функции уголовного обвинения в виде полномочия возбуждать уголовные дела была порочной»². Формулировка же «решение вопроса об уголовном преследовании», используемая в законе, ведет к бесплодным и вредным дискуссиям среди правоприменителей и ученых³.

Относительно дальнейшей судьбы «прокурорского повода», высказываются различные оценки⁴, однако их нельзя вполне признать удовлетворительными, поскольку они не имеют четкого идеолого-методологического подхода.

Мы же четко исходим из приоритета об исключительности полномочий прокурора на ведение публичного уголовного преследования по отношению к иным правоохранительным органам, относящимся к стороне обвинения (пункт 47 статьи 5 УПК РФ)⁵ во всех стадиях, включая стадии досудебного производства, то есть и стадию возбуждения уголовного дела. Постулат о власти прокурора над досудебным производством по уголовным делам – это альфа и омега понимания норм и институтов уголовно-процессуального права. В свете этого постулата, разделяемого рядом исследователей стадии возбуждения уголовного дела⁶, выступаем за возвращение прокурору полномочий, которых он был лишен Федеральным законом от 5 июня 2007 года № 87-ФЗ. Прокурор должен властвовать в стадии, где решается вопрос о возбуждении уголовного дела, а не выступать с просьбой, пусть и оформленной в виде постановления, перед

¹ См.: Гриненко, А.В. Постановление прокурора как повод к возбуждению уголовного дела. С. 23.

² См.: Миллер, В.Ю. Указ. соч. С. 163.

³ См.: там же. С. 171.

⁴ См.: Александров, А.С., Поспелова, Ю.С., Сивин, И.А. Указ. соч. С. 116, 117; Сильнов, М.А. О некоторых направлениях совершенствования уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации // Тезисы докладов научно-практической конференции «Современные проблемы развития уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности». Москва, 2011. С. 23.

⁵ В их число входит и орган дознания, уполномоченный на осуществление оперативно-розыскной деятельности, а значит и все субъекты таковой, то есть оперуполномоченные.

См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 7-е изд., перераб. и доп. МОсква : Юрайт, 2014. С. 52–53.

⁶ См.: Миллер, В.Ю. Указ. соч. С. 172; Потапов, Д.В. Указ. соч. С. 97 и след.

следователем, органом предварительного следствия. Если будет так, то отпадет необходимость и в специальном – прокурорском поводе. Поэтому предлагаем отказаться от этого инородного нововведения и вернуться к положению, при котором прокурор уполномочен возбуждать уголовное дело, равно как и выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, то есть возвращение к нормальному правовому режиму первой стадии процесса, полномочным вершителем которой должен быть прокурор.

Руководящее положение прокурора в решении вопроса о возбуждении уголовного дела тем более очевидно, когда постановление выносится в отношении конкретного подозреваемого и тем самым осуществляется акт привлечения к уголовному преследованию, а вместе с тем и начальный этап привлечения к уголовной ответственности. Кому как не прокурору как главному субъекту обвинения выносить такое постановление непосредственно или делегировать принятие такого решения органу предварительного расследования под условием оперативного вмешательства в его принятие.

По мнению многих ведущих ученых, лишение прокурора данного права входит в противоречие с дискреционными полномочиями прокурора при его взаимоотношении с органами дознания и предварительного следствия. Выступая как орган надзора, прокурор не вправе самостоятельно принять решение о возбуждении уголовного дела, а должен обращаться в орган, за которым он же и осуществляет надзор. Такое положение противоречит самой природе прокурорско-надзорной деятельности. Ученые неоднократно высказывали свое негативное отношение к такому решению вопроса законодателем, связывая это с лишением потерпевших гарантии реализации своих прав¹.

Принятые законодателем меры по заполнению пробела: пополнение полномочий прокурора новыми (пункт 2 части 2 статьи 37 УПК РФ), включая введение нового – «прокурорского повода» с утяжеленным материально-правовым значением (части 1¹ , 6 ст.148 УПК РФ) не могут быть признаны

¹ См.: Даровских, О. И., Даровских, С. М. Указ. соч. С. 86.

достаточными, в том числе, и в части обеспечения законных прав и интересов потерпевшего (заявителя)¹, лица в отношении которого проводится проверка².

Итак, мы выявили основную несообразность в правовой организации не только стадии. То, что прокурор не уполномочен возбудить уголовное дело, а только косвенно, как бы со стороны настаивает на том, чтобы это сделал тот или иной участник, который указан в статье 147 УПК РФ, есть не только один из главных недостатков стадии возбуждения уголовного дела и прокурорского надзора, но уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности.

Разделяем мнение тех ученых, которые предлагают вернуть это право прокурору³. Высказывалась и компромиссная точка зрения, в частности: соавторы одной из монографий, выступая против наделения дискреционными полномочиями прокурора в стадии возбуждения уголовного дела, а предлагают для разрешения ситуации, в которой следователь вторично выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, после того как прокурор уже отменял таковое, наделить прокурора правом на возбуждение уголовного дела⁴. Такое предложение является ограниченным и не решит проблему. Выступаем за то, чтобы прокурор, во-первых, как процессуальный руководитель мог давать указания любому органу предварительного расследования на возбуждение уголовного дела (привлечение к уголовному преследованию), во-вторых, сам возбуждал уголовное дело и или принимал его к своему производству

¹ См.: Лазарева, В. А. Защита прав личности в уголовном процессе России. Москва : Юрайт, 2011. С. 86.

² См.: Николаева, Т. А. Теоретические и правовые проблемы определения статуса лица, в отношении которого осуществляется досудебное уголовное преследование: диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2021.

³ См.: Абдул-Кадыров, Ш. Функции и полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2012. № 9. С. 13; Соловьев, А. Б., Токарева, М. Е. Необходимо восстановить властно-распорядительные полномочия прокурора в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2011. № 4. С. 101; Спирин, А. В. О необходимости наделения прокурора правом возбуждения уголовного дела // Юридические исследования. 2016. № 8. С. 9–16; Химичева, Г. П. О реализации процессуальных функций прокурора на досудебном производстве по уголовному делу // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 12. С. 220–224.

⁴ См.: Даровских, О. И., Даровских С. М. Указ. соч. С. 87, 88.

или передавал для производства следствия или дознания по подследственности, но также и по своему дискреционному усмотрению¹.

Отсюда наш подход к ответам на остальные вопросы, связанных с реагированием прокурора на неправомерный исход стадии возбуждения уголовного дела. Закон (статьи 146, 148 УПК РФ) упоминает только о двух постановлениях, подлежащих немедленному направлению прокурору под надзор и реагирование. Между тем, прокурор вправе отменить своим решением постановление о направлении материалов проверки по подследственности или подсудности, что на практике и происходит². Тем не менее, полагаем необходимым восполнить этот пробел в законе. Кроме того, прокурор уполномочен отменить постановление о возбуждении уголовного дела в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 146 и ч. 6 ст. 148 УПК РФ, чем говорится в нормативных актах Генеральной прокуратуры России³. Соответственно предлагаем предусмотреть в Кодексе право прокурора отменить своим постановлением любое окончательное или промежуточное решение, принимаемое в стадии возбуждения уголовного дела любым органом предварительного расследования.

Именно в рамках данной процедуры прокурор может, во-первых, обозначить и обосновать свою позицию по делу и, во-вторых, изложить свои требования относительно как доказывания, так и уголовного преследования, в-

¹ Позиция правоприменителей по данному вопросу отражена в приложениях к диссертации.

См.: Приложение № 1, ответы на вопросы №№ 26, 31.2.

² См.: Приложение № 4, пункты 2.2.5–2.2.6.

В том числе по уголовным делам: уголовное дело № 12002890014000040 возбуждено 05.06.2020 по ст. 159 ч. 4 УК РФ / Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Мордовия; уголовное дело № 12001220036000782 возбуждено 15.04.2020 по ст. 159 ч. 4 УК РФ / СУ УМВД России по г. Н. Новгороду; уголовное дело № 11901450003000375 по обвинению С.М.И. по ч. 2 ст. 162 УК РФ / СЧ СУ УВД по ВАО ГУ МВД России по г. Москве; уголовное дело № 11901450006000215 по обвинению А.В.Л. по ч. 4 ст. 159 УК РФ / СЧ СУ УВД по ЮЗАО ГУ МВД России по г. Москве.

³ См.: пункты 1.2–1.5 Приказа Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»; пункты 1–11 Приказа Генпрокуратуры России от 19.01.2022 № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» //Законность. 2022. № 4. СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.07.2022).

третьих, определить конкретные параметры дополнительной проверки повода (срок проведения проверки, круг следственных, проверочных действий и пр.)¹.

Достаточно распространена практика неоднократных отмен прокурором постановлений о возбуждении уголовных дел², что создает ситуацию правовой неопределенности и затягивания принятия окончательного решения, что уже неоднократно было предметом критических высказываний в науке³.

Разделяем точку зрения тех авторов, которые предлагают, чтобы вопрос об отмене прокурором постановления о возбуждении уголовного дела решался прокурором окончательно и в случае, в котором прокурор находит основание для отказа в возбуждении уголовного дела⁴. В том числе, и в ситуации, когда прокурор берет на себя урегулирование уголовно-правового спора альтернативным путем и допускает формирование сторонами основания для такого решения⁵.

Надо иметь в виду, что все эти ситуации должны разрешаться в контексте дискреционных полномочий прокурора в этой стадии, включая ключевое полномочие на возбуждение уголовного дела по тому основанию, которое он усмотрит в материалах проведенной проверки повода, но также и дополнительно

¹ Об этом свидетельствуют данные изучения уголовных дел.

См.: Приложение № 4, пункты 2.2.2–2.2.3, 2.2.6–2.2.7.

В том числе по уголовным делам: уголовное дело № 12001220073000328 возбуждено 14.02.2020 по ст. 173.2 ч. 1 УК РФ /СО по расследованию преступлений на территории Ленинского района СУ УМВД России по г.Н.Новгороду; уголовное дело № 12001220089000097 возбуждено 30.01.2020 по ст. 180 ч. 4 УК РФ /СЧ ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области; уголовное дело № 11902170003021437, возбужденное 30 сентября 2019 г. по части 3 ст. 159 УК РФ в отношении К.В.П, Ж.С.М. и других / СЧ СУ УМВД России по Владимирской области; уголовное дело № 11901170009080094, возбужденное 07 марта 2020 г. по ч. 5 ст. 171.1 УК РФ / 30.09.2019 / СУ СК РФ по Владимирской области; уголовное дело № 11901450147001524 , возбужденное в по ч. 2 ст. 160 УК РФ /ГСУ ГУ МВД России по г. Москве.

² Приложение № 4, пункты 2.2.4.

³ См.: Миллер, В.Ю. Указ. соч. С. 123; Потапов, Д.В. Указ. соч. С. 78; Шадрин, В.С. Проблемы прокурорского надзора за законностью отказа в возбуждении уголовного дела // Криминалист. 2014. № 1. С. 24–28.

⁴ См.: Гаджиев, Я.А. Указ. соч. С. 8–9, 12 и др.

⁵ См.: Агеев, А.Н. Организация прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2009. С. 7.

полученных им самих сведений¹.

Парной выше рассмотренной ситуации является ситуация с осуществлением прокурорского надзора за отказом в возбуждении уголовного дела. Подобный исход стадии исключает дальнейшее производство по делу и соответственно отмена прокурором незаконных и необоснованных решений такого рода позволяет привлечь к уголовной ответственности виновников преступлений, тем самым обеспечивая неотвратимость уголовной ответственности².

Эмпирические данные дают повод для критики данной процедуры как способа укрытия от учета заявлений, сообщений, содержащих признаки преступления и предложений вообще отказаться от него³. Предвосхищая дискуссию по данному вопросу, скажем, что мы исходим из необходимости сохранения процедуры отказа в возбуждении уголовного дела по той простой - прагматической причине: нужен фильтр для защиты уголовно-процессуально-правовой организации от ложной информации о якобы совершенных или готовящихся преступлениях. Гарантией же от злоупотреблений правоохранительными органами правом на отказ в возбуждении уголовного дела служит как раз прокурорский надзор.

Важность этой процедуры и участие в ней прокурора не подлежит

¹ См.: Кругликов, А. П. Проблемы процессуальных отношений прокурора со следователем и руководителем следственного органа // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 29; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2014. С. 118–119.

² В Москве последние два года наблюдается рост числа отмен решений об отказе в возбуждении уголовного дела по жалобам при условии снижения инициативных отмен таких решений. Вместе с тем факты инициативных ходатайств комиссий об отмене принятых решений об отказе в возбуждении уголовного дела носят эпизодический характер, активизация деятельности, как правило, связана с запросами прокуроров конкретного материала. В 2021 г. прокуратурой г. Москвы выявлено более 100 таких фактов.

См.: Постановление Координационного совещания руководителей правоохранительных органов города Москвы «Об организации и состоянии работы правоохранительных органов по приему, регистрации и разрешению сообщений о преступлениях в 2020–2021 гг.» от 31 марта 2022 года.

³ См.: Гаврилов, Б. Я. Институт возбуждения уголовного дела: пора расставить все точки // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 марта 2014 года): в 2 ч. Ч. 1. М., 2014. С. 115–120.

сомнению, что отмечается в целом ряде специальных исследований¹, в том числе проведенных в последнее время².

Процедура отказа в возбуждении уголовного дела регулируется статьей 148, статьями глав 19 и 23 кодекса, предусматривающими условия, основания, порядок, правовые последствия отказа в возбуждении дела³.

Сосредоточимся на наиболее острых проблемах правового урегулирования процедуры принятия решения об отказе в возбуждении дела и осуществления надлежащего процессуального контроля и прокурорского надзора.

В силу правовых предписаний, содержащихся в п. 5¹ ч. 2 ст. 37 и статье 148 УПК РФ, условием вступления в законную силу постановления об отказе в возбуждении уголовного дела является прохождение в течение пяти суток через прокурорский надзор. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела вступает в законную силу, если прокурор его не отменил в течение пяти суток после получения. Считаем такой срок слишком коротким ввиду большого числа отказных материалов, которые вынуждены проверять прокуроры⁴.

Отмена постановления об отказе в возбуждении уголовного дела может состояться и вне пятисуточного срока, то есть позднее, если оно будет

¹ См., напр.: Манова, Н. С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм : монография. Саратов, 2003. С. 22; Францифоров, Ю. В. Противоречия между возбуждением и прекращением уголовного дела, отказом в возбуждении уголовного дела // Следователь. 2003. № 12. С. 81.

² См.: Брусницын, Л. В. Какую задачу решают следователь, прокурор и судья применительно к стадии возбуждения уголовного дела? // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 марта 2014 года): в 2 ч. Ч. 1. Москва, 2014. С. 60–63; Мартынова, Д. С. Проблемы и перспективы организации прокурорского надзора за предварительным следствием // Наука и просвещение. 2018. С. 159–161; Петров, А. В. Надзор за законностью отказа в возбуждении уголовного дела // Законность. 2013. № 7. С. 21; Панкратов, Д. Е. О сущности оснований для отказа в возбуждении уголовного дела // Российский следователь. 2008. № 15. С. 13; Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела: монография / отв. ред. И. С. Дикарев. Москва : Юрлитинформ, 2012. С. 125–126; Шадрин, В.С., Чубыкин А.В. Проблемы прокурорского надзора за законностью отказа в возбуждении уголовного дела // Криминалист. 2014. № 1 (14). С. 28–34.

³ Кроме того, в субинститут отказа в возбуждении уголовного дела входят и другие уголовно-процессуальные нормы, входящие как в уголовный и уголовно-процессуальные кодексы, иные федеральные законы, ведомственные нормативно-правовые акты, включая приказы Генерального прокурора России.

⁴ Мнение практиков по данному вопросу см.: Приложение № 1, ответы на вопросы №№ 14–15.1.

обжаловано заинтересованным лицом в порядке, предусмотренном статьей 124, частью 5 статьи 148 УПК РФ¹.

Предлагаем установить в законе 30 суточный срок для принятия прокурором мер реагирования на неправомерный отказ в возбуждении уголовного дела. Кроме того, предлагаем предусмотреть в законе годичный ограничительный срок для отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела частного обвинения или постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении подозреваемого. И ввести по аналогии с процедурой, предусмотренной частью 1.1 ст. 214 и ст. 214.1 УПК РФ, судебный порядок отмены таких постановлений по истечении 1 года.

Прокурор вправе использовать все принадлежащие ему полномочия, предусмотренные статьей 37 УПК РФ, в том числе получать объяснения от заявителя, запрашивать сведения у организаций. Таким образом, у него есть возможность сформировать свою позицию по делу. Однако, настаивать на ней он может различным образом в зависимости от субъекта предварительного расследования. Разделяем мнение о порочности такой дифференциации².

Решение прокурора является обязательным для органа дознания и не может быть поставлено им под сомнение и обжаловано. В то же время это постановление может быть предметом обжалования вышестоящему прокурору со стороны руководителя следственного органа. В последнем случае включается процессуальный механизм, предусмотренный ч. 6 ст. 37, ч. 3 ст. 38, ч. 4 ст. 39, ч. 1¹ ст. 148 и ч. 4 ст. 221 УПК РФ. Полагаем, такого быть не должно – со стороны представителей органов предварительного расследования обжалование

¹ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова. Москва : Проспект, 2009. С. 180–182; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; научн. ред. В.П. Божьев. Москва : Юрайт, 2002. С. 303.

² См.: Шадрин, В. С., Чубыкин, А. В. Проблемы прокурорского надзора за законностью отказа в возбуждении уголовного дела // Криминалист. 2014. № 1 (14). С. 28–34; Швифель, Д. И. Прокурорский надзор в стадии возбуждения уголовного дела: современное состояние и перспективы развития // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2019. № 3 (48). С. 71–83; Химичева, Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: монография. Москва : Экзамен, 2003. С. 160.

постановления прокурора как в суд, так и вышестоящему прокурору должно быть исключено. Решение прокурора может быть предметом (а) судебного обжалования со стороны частных лиц, заинтересованных в исходе стадии или (б) обжалования ими же вышестоящему прокурору.

Субинститут отказа в возбуждении уголовного дела подвергся вместе со всей стадией и моделью прокурорского надзору изменениям, суть которых уже была объяснена выше: снижение в ней меры уголовно-процессуальной активности прокурора.

Разделяем позицию тех авторов, которые считают сложившуюся правовую модель непоследовательной, не говоря уже о низком уровне законодательной техники, в которой она нашла свое воплощение¹. Поэтому мы выступаем в поддержку единообразия средств прокурорского реагирования на решения об отказе от возбуждения уголовного дела, как дознавателей, органов дознания, так и следователей, руководителей следственных органов².

Таким образом, выступаем за возвращение прокурору не просто надзора, а полного процессуального контроля за отказами в возбуждении уголовного дела. Это означает не только возвращение к прежней модели, в которой прокурор имел положение решающего субъекта, который обладал всей полнотой процессуальной власти над производством в стадии, на чем настаивает значительная часть научного сообщества³, но и наделение прокурора новыми, дискреционными полномочиями в этой стадии, о чем скажем далее.

Вполне солидарны в том, что без восстановления прав прокурора на дачу письменных, обязательных для исполнения указаний следователю относительно проведения доследственной проверки, нельзя вполне обеспечить оперативную

¹ См., напр.: Миллер, В. Ю. Указ. соч. С.14–15, С.238–240.

² См.: Багаутдинов, Ф.Н. Отказ в возбуждении уголовного дела - с согласия прокурора? // Законность. 2005. № 3. С. 7–9.

³ См.: Колобкова, Л. Эффективность норм уголовно-процессуального законодательства // Законность. 2007. № 6. С. 38; Мыщыков, А.Я. Проблемы совершенствования правоприменительной деятельности прокуратуры // Юридический мир. 2011. № 12. С. 31.

защиту прав лиц, участвующих в этой стадии¹. Но и противодействие преступности также без этого невозможно в полной мере гарантировать.

В связи с затронутой проблематикой отказа от начала уголовного процесса (что можно трактовать, например, по делам частного-публичного обвинения и как отказ от привлечения к публичному уголовному преследованию по требованию потерпевшего) надо коснуться и тематики прекращения уголовно-процессуальной деятельности в связи с установлением в стадии возбуждения уголовного дела некоторых из обстоятельств, с которыми кодекс связывает возможность прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию, в частности, предусмотренному статьями 25, 28, 28.1 УПК РФ. Речь идет о разрешении уголовно-правового спора в стадии возбуждения уголовного дела по существу.

Особый интерес, в связи с этим представляет концепция о досудебном разрешении уголовного дела в досудебных стадиях уголовного процесса под руководством прокурора². Сторонники такого нововведения указывают на то, что некоторые из обстоятельств, указанных законом в качестве оснований отказа в возбуждении уголовного дела, являются одновременно и дискреционными или как их называют еще – «согласительно-компенсаторными» основаниями прекращения уголовного дела³. Среди них называют обстоятельства, указанные в статье 25, пункте 3 ч. 1 ст. 27, ст. 28, ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ и другие⁴.

¹ См.: Абдул-Кадыров, Ш. Функции и полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2012. № 9. С. 13.

² См., напр.: Шерстнев, В. Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации: диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2022. С. 18.

³ См.: Горюнов, В. Ю. Частно-публичное обвинение как уголовно-процессуальная основа применения уголовного закона в сфере экономической деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1. С. 43–48; Смирнова, И. Г. Трансакция – действенное средство устранения вредных последствий совершенных преступлений: быть ли ей в российском уголовном процессе? // Российский судья. 2011. № 10. С. 14–16; Шерстнев, В. Б. Прекращение уголовного преследования в связи с полным возмещением ущерба // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 136–143.

⁴ Так по мнению В. Б. Шерстнева, к ним надо относить основания, предусмотренные ст. 20 (ч. 2), 28¹, 27 (п. 3 ч. 1) УПК РФ.

См.: Шерстнев, В. Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации : диссертация ... кандидата юридических наук. С. 52–53.

Ввиду очевидности и малозначительности преступления¹, а также возможности немедленного разрешения конфликта мирным путем допускается целесообразным в стадии возбуждения уголовного дела принимать решения о применении альтернативных мер уголовно-правового воздействия. Надо признать, что такого рода процедура была одно время распространена в практике Следственного комитета по делам о налоговых преступлениях².

В свете очередных изменений, внесенных в порядок возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях Федеральным законом от 09.03.2022 № 51-ФЗ, вполне возможно возобновление такой практики.

Допускаем возможность прекращения уголовного преследования лица, согласившегося возместить причиненный вред от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела при соблюдении условий, предусмотренных законом³.

Тем более, что практика уже идет по такому пути, поскольку он весьма эффективен в плане достижения цели возмещения преступного ущерба. Так, по данным отчета федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений» за январь-май 2022 года, причиненный ущерб по оконченным уголовным делам составил 24 млрд 267 млн 102 тыс. рублей (АППГ – 21 млрд 554 млн 573 тыс. рублей, +12,6 %)⁴; по материалам об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям – 277 млн 22 тыс. рублей (АППГ – 230 млн 588 тыс. рублей, +20,1 %); по приостановленным уголовным

¹ Модным стало называть эту категорию преступлений «уголовными проступками». См.: Шерстнев, В.Б. Указ соч. С. 10, 29 и след.

² См. об этом: Бажанов, С. Особенности отказа в возбуждении (прекращения) уголовного дела (преследования) в ходе процессуальных проверок и расследования налоговых преступлений // Российский следователь. 2011. № 14. С. 10–12; Шерстнев, В. Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации. С. 240.

³ См.: Варяник, А. А. Прекращение публичного уголовного преследования (дела) по нереабилитирующим основаниям: проблемы нормативного регулирования и правоприменения: диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2005. С. 102–104; Гаджиев, Я. А. Указ. соч. С. 66.

⁴ Справка об анализе основных показателей о материальном ущербе и результатах его возмещения. Управление правовой статистики прокуратуры г. Москвы. Москва, 2022.

делам – 13 млрд 326 млн 975 тыс. рублей (АППГ – 14 млрд 215 млн 274 тыс. рублей, – 6,2 %). Общая сумма возмещения¹ по уголовным делам, направленным в суд и прекращенным по нереабилитирующим основаниям, достигла 16 млрд 268 млн 190 тыс. рублей (АППГ – 7 млрд 152 млн 375 тыс. рублей, +127,5 %), по материалам об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям – 133 млн 191 тыс. рублей (АППГ – 55 млн 178 тыс. рублей, +141,4 %), процент возмещения причиненного преступлением материального ущерба по оконченным уголовным делам составил 123,8 % (АППГ – 94,6 %) – включая обеспечительные меры; 67 % (АППГ – 33,2 %) – без ареста имущества, по материалам об отказе в возбуждении уголовных дел – 48,1 % (АППГ – 23,9 %) – включая обеспечительные меры; 48,1 % (АППГ – 23,9 %) – без ареста имущества.

Решающим условием должно быть согласие прокурора на такое решение или вынесение самим прокурором постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с урегулированием уголовно-правового конфликта ввиду возмещения ущерба от преступления в полном объеме, например, в сфере исполнения налогового законодательства или в сфере предпринимательской деятельности.

Как пишет В.Б. Шерстнев, прокурору должно принадлежать центральное место в уголовно-процессуальном механизме компенсаторно-согласительного разрешения уголовного дела в досудебном производстве, включая первую стадию процесса, входящую в его состав².

На наш взгляд, прокурор должен утверждать постановление об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду урегулирования уголовно-правового конфликта альтернативным способом, то есть при освобождении от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 20 часть 2, статьи 25, 28, 28¹, ст. 27 ч. 1 п. 3 УПК РФ.

¹ Приводится сумма статистических показателей о добровольном погашении материального ущерба и сумме изъятых материальных ценностей.

² См.: Шерстнев, В. Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации. С. 14, 229.

Наконец, нельзя не остановиться на дискуссии по такому принципиальному вопросу, как сохранение в составе стадии возбуждения уголовного дела самой такой процедуры, как отказ в возбуждении уголовного дела. В современной уголовно-процессуальной науке многие ученые предлагают данную процедуру ликвидировать, то есть исключить статью 148 из уголовно-процессуального кодекса. Им представляется, что это единственный выход из ситуаций на практике, которые представляются неискоренимыми¹.

Такого рода инициатива была реализована МВД России. Был проведен правовой эксперимент, в ходе которого отказные материалы направлялись исключительно в органы дознания, прежде всего службу участковых², следователей по максимуму освободили от принятия решений об отказе в возбуждении уголовных дел³.

Выступаем за сохранение стадии возбуждения уголовного дела в том формате, который был ей изначально присущ, то есть с включением в нее альтернативного исхода, ибо считаем, как многие другие наши коллеги⁴, что без

¹ См.: Володина, Л. М. Проблемы и противоречия стадии возбуждения уголовного дела // Вестник криминалистики. 2010. № 3 (35). С. 16; Гаврилов, Б. Я. Процессуальный порядок возбуждения уголовного дела – соответствует ли он правовым реалиям и правоприменительной практике? // Российская юстиция. 2006. № 8. С. 48–51; Его же. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 9; Его же. Совершенствование досудебного производства в свете реализации основных положений УПК РФ // Уголовный процесс. 2005. № 1. С. 20; Гаврилов, Б. Я., Божьев В. П. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 74–81.

² См., напр.: Приказ МВД России от 1 апреля 2013 № 180 «О проведении эксперимента по апробации порядка разрешения заявлений (сообщений) о преступлениях, предусматривающего принятие по ним процессуальных решений только следователями и дознавателями» // СТРАС «Юрист».

³ См.: Приказ Следственного Департамента МВД России от 26 октября 2011 г. № 55 «Об организации ведомственного контроля при рассмотрении материалов доследственной проверки в порядке ст.ст. 140–145 УПК РФ о преступлениях экономической и коррупционной направленности».

⁴ См.: Митькова, Ю. С. Проблемы института возбуждения уголовного дела в условиях реформирования органов внутренних дел // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 марта 2014 года): в 2 ч. Ч. 1. Москва, 2014. С. 216–218; Валькова, Т. В. О реформировании стадии возбуждения уголовного дела // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 марта 2014 года): в 2 ч. Ч. 1. Москва, 2014. С. 86–89.

подобного – альтернативного исхода стадия не будет выполнять свое назначение в структуре уголовного процесса, и это снизит эффективность работы уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности. Как пишет В.Ю. Миллер, процедура формирования основания отказа в возбуждении уголовного дела и вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела является необходимой компонентой стадии возбуждения уголовного дела; данная компонента¹ отсекает всю ненужную с точки зрения реагирования правовой системы на преступления уголовно-процессуальную деятельность².

Таким образом, по нашему мнению, в концептуальном плане предложение о ликвидации процедуры отказа в возбуждении уголовного дела неконструктивно. Не ликвидация, а напротив – оптимизация данной процедура является совершенно необходимым условием для повышения эффективности уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности. Оптимизация этой процедуры видится нам через наделение прокурором права после повторного отказа следователя или другого органа предварительного расследования возбудить уголовное дело самостоятельно возбудить уголовное дело и принять его к своему производству или направить для проведения предварительного расследования в той или иной форме в орган дознания или орган предварительного следствия.

Указываемые противниками этой процедуры негативные явления порождают недобросовестные сотрудники правоохранительных органов, а не есть присущие ей качества. Гарантией от такого рода злоупотреблений является, в первую очередь, прокурорский надзор³.

¹ Она образно названа В. Ю. Миллером «секирой отсечения» пустого, а иногда и «токсичного» информационного материала, который использует уголовно-процессуальная система. Для того, чтобы не засорялась уголовно-процессуально правовая организация противодействия преступности.

См.: Миллер, В. Ю. Указ. соч. С. 125.

² См.: там же. С. 125.

³ Такой вывод вытекает, как из результатов опросов практиков, так и результатов изучения уголовных дел.

См.: Приложение № 1, ответы на вопросы №№ 31–31.2; Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 18–19; Приложение № 3, ответы на вопросы №№ 20–20.2; Приложение № 4, пункты 2.2.1.–2.2.10.

В связи с затронутым вопросом относительно совершенствования механизма судебного контроля в стадии возбуждения уголовного дела, включая вопрос о введении следственного судьи в этот механизм, нельзя не обозначить тему взаимодействия прокурора с органом предварительного расследования при работе этого механизма.

Солидарны с мнением¹ о необходимости активного участия прокурора в работе судебного контроля за правомерностью действий и решений органов предварительного расследования в стадии возбуждения уголовного дела. Именно прокурор, а не представитель органа предварительного расследования (следствия) должен представлять в судебном заседании сторону исполнительной – обвинительной власти государства в уголовно-процессуальном споре², который теоретически может быть отнесен к подсудности специализированных органов судебной власти – следственных судей³.

Такого рода примеры встречались нами при изучении следственно-прокурорской практики⁴.

Характеристика уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела была бы неполной без указания на ее правозащитную составляющую.

Правозащитный потенциал и целевая направленность прокурорского надзора общепризнан. Он, в первую очередь, заложен в полномочиях прокурора по рассмотрению и разрешению подаваемые ему в порядке статей 124, 148 УПК РФ жалоб на решения, действия или бездействие должностных лиц

¹ См.: Потапов, Д. В. Указ. соч. С. 118.

² См.: Миллер, В. Ю. Указ. соч. С. 123.

³ Не будем вдаваться в споры относительно целесообразности введения в наш процесс следственных судей, поскольку, полагаем, непосредственно к теме нашего исследования это не относится.

⁴ Уголовное дело № 11902450023000062 в отношении С.М.И., В.А.В. и других по п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ /СУ по СВАО ГСУ СК России по г. Москве; уголовное дело № 11902450006000075 в отношении Б.И.С. и других по ч. 3 ст. 159.3 УК РФ /СЧ СУ УВД по ЗАО ГУ МВД России по г. Москве; уголовное дело № 12002890016000045 возбуждено 12.03.2020 по ст. 159 ч. 4 УК РФ / Следственная часть Следственного управления МВД по Республике Мордовия; уголовное дело № 11901460030000021 в отношении М.А.Е. по ч. 1 ст. 187 УК РФ / СУ УМВД России по г.о. Подольск; уголовное дело № 11902610004040005 в отношении Н.М.И по ч. 1 ст. 292 УК РФ /Касимовский /МСО СУ СК России по Рязанской области.

правоохранительных органов в стадии возбуждения уголовного дела. Рассматривая и разрешая жалобы, прокурор использует свои полномочия, предусмотренные статьей 37 УПК РФ. И тем самым обеспечивает не только защиту прав личности, законных интересов юридических лиц, но публично-правовые интересы¹.

Такого рода примеры встретились в ряде изученных нами уголовных дел².

Если в жалобе наряду с другими доводами содержатся ходатайства о производстве следственных и иных процессуальных действий, то в постановлении о разрешении жалобы прокурору надо отражать свое мнение об обоснованности данных ходатайств. Заявитель должен быть незамедлительно уведомлен о решении, принятом по жалобе, и дальнейшем порядке его обжалования в порядке, установленном статьями 119, 120 УПК РФ.

Подводя предварительные итоги вышесказанному, согласимся с тем, что сложившееся положение прокурора в стадии возбуждения уголовного дела не вполне оптимально, поскольку оно не соответствует общему назначению и роли прокурора в правоохранительном механизме противодействия преступности. В двух главных деталях правового механизма стадии возбуждения уголовного дела, без которых его существование немыслимо, мера уголовно-процессуального участия прокурора должна быть повышена качественно. Роль прокурора в определении исхода стадии должна быть руководящей.

¹ См.: Тутикова, И.А. Внесудебный порядок рассмотрения жалоб участников уголовного судопроизводства (в порядке ст.124 УПК РФ): диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2016. С. 10.

² Уголовное дело № 11902450016000036 по обвинению Е.И.К., Л.Л.М. и других по ч. 2 ст. 165 УК РФ / СЧ СУ УВД по ЮАО ГУ МВД России по г. Москве; уголовное дело № 11901007754000143 в отношении В.С.В, Р.А.Л и других по ч. 3 ст. 159.2 / ГСУ ГУ МВД России по г. Москве; уголовное дело № 11901450002000782 в отношении В.Р.О по ч. 2 ст. 159.1 УК РФ /СЧ СУ УВД по СВАО ГУ МВД России по г. Москве; уголовное дело № 12002220088000095 возбуждено 30.01.2020 по ст. 180 ч. 4 УК РФ /СЧ ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области; уголовное дело № 12001220089000120 возбуждено 18.02.2020 по ст. 180 ч. 3 УК РФ /СЧ ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области; уголовное дело № 12002890012000020 возбуждено 13.05.2020 по ст. 159 ч. 3 УК РФ /Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Мордовия; уголовное дело № 11901610018276015СЧ в отношении В.Г.Н по ч. 2 ст. 165 УК РФ /СУ УМВД России по Рязанской области.

Обратимся в теме участия прокурор в доказывании, которое имеет место в стадии возбуждения уголовного дела.

Традиционно принято считать, с советских времен, что в стадии возбуждения уголовного дела имеет место доказывание, причем не только в виде его первого элемента – собирания, но и, при соблюдении ряда условий, формирование доказательств¹. Как указывается в современных исследованиях, в стадию возбуждения уголовного дела заложена следственная технология «раскрытия-расследования» преступления, уголовно-процессуального доказывания². При этом доказательственный потенциал стадии значительно вырос в последнее время в связи с изменением редакции статьи 144 УПК РФ. В известной степени изменился количественно набор познавательных средств, включая следственные действия, хотя ограничитель на их производство сохранился, что указывает на принципиальную позицию законодателя на сохранение качественного различия доказывания в первой и во второй стадиях процесса.

Сохраняется и еще более важное различие между способами доказывания: следственными действиями, иными проверочными процессуальными действиями, оперативно-розыскными мероприятиями; двое последних составляют значительную часть технологии доказывания в стадии. Хотя суждения некоторых авторов³ о якобы произошедшем перерождении стадии возбуждения уголовного дела в этом – доказательственном, «факто-образующем» плане, мы считаем преувеличенными⁴.

¹ См.: Ряполова, Я. П. Процессуальные действия, проводимые в стадии возбуждения уголовного дела: правовые, теоретические и организационные основы: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2012. С. 10.

² См.: Миллер, В. Ю. Указ. соч. С. 85.

³ См.: Каретников, А., Коретников, С. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела // Законность. 2015. № 1. С. 41–46; Александров, А. С., Грачев, С. А. Актуальные проблемы возбуждения уголовного дела. С. 348–391.

⁴ Подробнее об этом будет сказано в следующем параграфе.

Феномен расширения круга следственных действий, допустимых в этой стадии¹, придание правового – доказательственного значения результатам проверочных действий, осуществляемых в стадии возбуждения уголовного дела, в том числе в ходе, так называемой доследственной проверки, не может не затронуть анализируемую нами тематику.

Предупреждая наш последующий анализ в следующем параграфе, скажем, что усиление доказательственного потенциала этой стадии через умножение следственных действий, разнообразие набора проверочных средств, не имеет каких-то особых последствий для такого участника процесса, как прокурор.

В целом, мы за эту тенденцию, но только в той мере, в какой она не разрушает стадию, а укрепляет ее потенциал, подтверждает изначальное назначение². Главный критерий здесь – недопустимость проведения в стадии возбуждения уголовного дела следственных действий, сопряженных с ограничением конституционных прав граждан³. Усиление роли прокурора в

¹ См.: Багмет, А. М. К вопросу о совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1 (12). С. 74; Гриненко, А. В. Обеспечение прав личности и концепция стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1 (12). С. 28; Коршунова, О. Н. Теоретические и прикладные проблемы уголовного преследования: монография. 2-е изд. Москва, 2009. С. 56, 57; Мишенина, А. А. Стадия возбуждения уголовного дела: за и против // Уголовный процесс: от прошлого к будущему. С. 219–221.

² См., напр.: Шурухнов, Н. Г. Предварительная проверка заявлений и сообщений о преступлениях. Москва : МФЮЗО 1985. С. 21; Актуальные проблемы возбуждения уголовного дела: учебное пособие / В. Г. Григорьев, А. В. Новиков, Е. А. Прохорова, Д. Н. Слабкая. Москва, 2016. С. 4–5; Бычков, В. В. Стадия возбуждения уголовного дела – нарушение конституционных прав граждан // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1 (12). С. 41–51; Гайдышева, М. Г., Воскобойник И. О. Актуальные проблемы реализации некоторых новых положений УПК РФ в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Калининградского филиала СПбУ МВД России. 2013. № 2 (32) С. 14–18; Мишенина, А. А. Стадия возбуждения уголовного дела: за и против // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 марта 2014 года) : в 2-х частях. Часть 1. М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 221; Халиков, А. Н. Новое понимание доказательств и системы доказывания в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 2014. № 9. С. 45–52; Сычев, Д.А. Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса : диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2016; Борозенец, Н. Н. Правообеспечительная деятельность прокурора в стадии возбуждения уголовного дела : диссертация ... кандидата юридических наук. Краснодар, 2017.

³ В частности, разделяем точку зрения о допустимости проведения допросов в этой стадии.

стадии должно, на наш взгляд, сопровождать тенденцию на расширение возможностей участников стадии по выяснению фактических обстоятельств.

Необходимость соблюдения требований статей 75 и ст. 89 УПК РФ, о чем указывается в анализируемой норме, не оставляет сомнений в подлинной позиции законодателя, настаивающего на необходимости следственной формы получения доказательственной информации, в том числе и в стадии возбуждения уголовного дела. По этому вопросу мы солидарны с другими авторами¹.

Исключения, сделанные для дознания в сокращенной форме, во-первых, являются исключительными, а во-вторых, подвержены нейтрализации – позиция прокуратуры и руководства органов дознания внутренних дел в некоторых регионах сводится к тому, чтобы и в форме сокращенного дознания проводился весь набор следственных действий, включая допросы свидетелей.

В контексте усиления прокурорского надзора как гарантии допустимости получаемых в этой стадии доказательств следует расценивать любые предложения, направленные на расширение возможностей органов предварительного расследования по доказыванию в стадии возбуждения уголовного дела².

Поэтому в русле идеи о повышении роли прокурора как субъекта доказывания надо относиться и к обсуждаемой в уголовно-процессуальной науке проблематике относительно «доследственной проверки», которая в настоящее время привлекает к себе повышенное внимание исследователей во всех государствах, где сходные правовые организации противодействия преступности³.

¹ См.: Уголовный процесс современной России: проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2024. С. 391 и след.

² Реформа МВД : переделать полицейских планируют за 5 шагов. Текст : электронный //РБК : [сайт]/ – URL:<http://top.rbc.ru/politics/31/08/2012/667281.shtml> (Дата обращения : 22.02.2024).

³ См.: напр.: Абдул-Кадыров, Ш. Доказательства, полученные при производстве доследственной проверки // Уголовное право. 2014. № 2. С. 96–99; Гриненко, А. В. Механизм возбуждения уголовного дела. Москва : Юрлитинформ, 2016. С. 78, 81; Зорин, Р. Г., Клишин В. В. Актуальные проблемы правового регулирования доследственной проверки // Законность и правопорядок. 2013. № 2. С. 56–60; Новиков, С. А. Материалы доследственной проверки в доказывании по уголовным делам: Актуальные проблемы и новые подходы // Вестник Санкт-

Именно эта деятельность органов предварительного расследования и других правоохранителей представляет для нас интерес в свете той или иной меры и формы вовлеченности в нее прокурора.

С определенными оговорками можно констатировать, что прокурор не только не является ее субъектом, но и ограничен оказать на нее сколько-нибудь систематическое, оперативное воздействие для достижения юридически публично значимых целей. Самое главное изъятие в полномочиях прокурора – это лишение его права самому проводить следственные действия и участвовать в производстве следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела. Самый знаковый пример в указанном отношении – осмотр места происшествия и других видов следственных осмотров. Ранее участие в этих первоначальных следственных действиях, имеющих иногда решающее значение для дальнейшего предварительного расследования, было обязательным для прокуроров. Случаи такого участия прокурора законом не урегулированы, поэтому включение прокурора в круг органов, уполномоченных согласно части 1 ст. 144 УПК РФ на проведение, участие в следственных действиях представляется более чем назревшим¹.

Превращение прокурора в полноценного участника стадии – субъекта доказывания является, на наш взгляд, необходимым. Этот пункт нашей позиции имеет своим продолжением положение о том, что прокурор должен быть непосредственным субъектом доследственной проверки, проводимой в стадии возбуждения уголовного дела. На наш взгляд, недостатком правового регулирования доследственной проверки является – слабое участие прокурора.

Между тем, ввиду изменений правового режима доследственной проверки, все настойчивее звучат высказывания о превращении ее в разновидность правовой досудебной формы доказывания. Этот вывод особенно заметен в

Петербургского университета МВД России. 2013. №3 (59). С. 69–75; Шереметьев, И. И. Доказательственное значение материалов доследственной проверки // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. №2 (42). С. 139–147.

¹ Его поддерживает большинство опрошенных нами практических работников.

См.: Приложение № 1, ответы на вопрос №31.2; Приложение № 2, ответы на вопрос № 20; Приложение № 3, ответы на вопрос № 20.2.

научных исследованиях, посвященных особенностям выявления, раскрытия и расследования уголовных дел о преступлениях экономической направленности¹.

Ученые не только отмечают тенденцию по сближению правовых форматов «доследственной проверки» в стадии возбуждения уголовного дела и настоящего предварительного расследования², но и выступают за то, чтобы узаконить это явление³. Зачастую фактически предлагается использовать институт доследственной проверки подобно троянскому коню, то есть протаскивают под его видом аналог расследования с последствиями в виде доказательственного материала⁴. На наш взгляд, такое смешение различных видов правовой деятельности методологически неверно, ибо сводит на нет изначальное вкладываемое назначение в институт возбуждения уголовного дела – быть барьером между непроцессуальной и процессуальной – следственной деятельностью по установлению фактов по делу. А ведь именно на этом разделении во многом построена стадия возбуждения уголовного дела⁵ и

¹ См., напр.: Ураков, Д. И. Уголовное преследование по уголовным делам о мошенничестве в сфере экономической деятельности. С. 124; Власова, С. В. Теоретическая концепция правовой (уголовно-процессуальной) организации противодействия преступности в сфере экономики. С. 240.

² См.: Абдул-Кадыров, Ш. Функции и полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2012. № 9. С. 12–15; Бажанов, С. Оправдана ли так называемая доследственная проверка // Законность. 1995. № 1. С. 53; Газетдинов, Н. И. Некоторые вопросы, связанные с принятием решения о возбуждении уголовного дела // Российский следователь. 2009. № 7. С. 6–8; Манова, Н.С., Францифоров, Ю. В. Проблемные аспекты стадии возбуждения уголовного дела по новому УПК РФ // Российский судья. 2003. № 5. С. 21–24; Химичева, Г. П. Уточнить процедуру доследственной проверки // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. С. 23–26.

³ См.: Гаврилов, Б. Я. Стадия возбуждения уголовного дела: мнение практиков и ученых // Вестник Московского университета МВД России. 2016. №4. С. 33–40; Ляхов, Ю. Л. Правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела. Москва : ООО "Приор-издат", 2005. С. 10–11; Смирнов, А. В. Почему России нужен новый Уголовно-процессуальный кодекс // Уголовный процесс. 2014. 9. С. 81.

⁴ См.: Александров, А. С., Грачев, С. А. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 101–107; Обидина, Л. Б. Участники проверки сообщения о преступлении: проблемы правового статуса // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 5. С. 128–131.

⁵ См.: Зажицкий, В. И. Дополнения к ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ: плюсы и минусы // Российская юстиция. 2013. № 11. С. 29; Доля, Е. Результаты оперативно-разыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе // Государство и право. 2013. № 5. С. 24–39; Петрухин, И. Л. Возбуждение уголовного дела по действующему УПК РФ // Государство и право. 2005. № 1. С. 66–67; Бажанов, С. Оправдана ли

прокурорский надзор является одной из процессуальных гарантий этого принципиального различия, а потому и самости этой стадии, а потому по большому счету и всего устройства уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности¹.

Не надо забывать и о том, что актуальной причиной превращения доследственной проверки в следствие является перестраховка сотрудников органов предварительного следствия, опасения в упреках (которые звучат постоянно с самых высоких трибун²) что необоснованно возбужденное уголовное дело придется прекратить³. С нашей стороны, опять же решением проблемы необоснованного привлечения к уголовному преследованию предпринимателей через возбуждение в отношении них уголовных дел подлежит решению через укрепление прокурорского надзора. Одним из решений такой проблемы может быть введение прокурорского санкционирования таких постановлений⁴.

В то же время неконструктивно критиковать тенденцию на расширение использования следственных действий, увеличение круга различных проверочных действий в этой стадии, использование материалов доследственной проверки для обоснования итогового решения в стадии как первичного акта по привлечению к

так называемая доследственная проверка? // Законность. 1995. № 1. С. 53; Реализация уголовной политики: современные проблемы уголовного и уголовно-процессуального правотворчества, правоприменения и кадрового обеспечения : монография / под общ. ред. проф. А. А. Тарасова С. 154.

¹ См. об этом, напр.: Власов, В. И. Предварительное следствие: проблемы качества. Саратов, 1988. С. 27; Николук, В. В., Деришев, Ю. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России : монография. Красноярск, 2003. С. 26.

² Значительное число прекращенных дел по делам об экономических преступлениях расценивается как проявление неправомерного давления на бизнес, даже коррумпированности. Как отметил В.В. Путин, почти половина уголовных дел в отношении предпринимателей прекращаются, а это значит, что «дела возбуждали кое-как и по непонятным соображениям».

См.: Путин, В. В. Послание Президента Федеральному Собранию от 20 февраля 2019. Текст : электронный // Президент РФ : [сайт] <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 22.07.2023).

³ Аппарат власти следственной / под общей ред. Н.А. Колоколова. Москва : Юрайт, 2016. С. 204–205.

⁴ В соответствующем параграфе мы обсудим и разовьем это предложение.

уголовному преследованию – в качестве подозреваемого¹. Однако, полагаем, что эта тенденция должна быть сопряжена с усилением роли прокурора в доказывании, в том числе с непосредственным участием в проведении доследственной проверки². Тем более недопустимо ограничение роли прокурора³.

Аналогичным будет наш подход и к решению иных хронических проблем стадии, на которые указывают исследователи. Так, одна из таких острых проблема заключается в нарушении предельного срока дополнительной проверки сообщения о преступлении, в результате многократных отмен прокурором постановлений, принимаемых органами предварительного расследования в данной стадии⁴.

Как известно, в правоприменительной практике случаи затягивания принятия окончательного решения в стадии достаточно распространены⁵. Полагаем, что отмеченная волокита, сопровождающая нарушением прав лиц, участвующих в стадии, есть следствие отсутствия у прокурора достаточности полномочий, чтобы своим решением изменить ход проверки, решить исход стадии. Выступая в роли ходатая перед органом предварительного следствия, имея в распоряжении средства не оперативного, а последующего прокурорского реагирования на решения и действия органов предварительного расследования,

¹ См.: Гайдышева, М. Г., Воскобойник, И. О. Актуальные проблемы реализации некоторых новых положений УПК РФ в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Калининградского филиала СПбУ МВД России. 2013. № 2 (32) С. 15.

² См.: Миллер, В.Ю. Указ. соч. С. 111.

³ См.: Багмет, А.М. К вопросу о совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1 (12). С. 32.

⁴ См.: Володина, Л.М. Стадия возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы расследования преступлений: материалы международной научно-практической конференции : в 2 частях. Часть 1. Москва: Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации. 2013. С. 212–217.

⁵ Такого рода примеры встречались в изученных нами уголовных делах.

См.: Приложение № 4, пункты 1.7–1.9, 2.1.4, 2.2.4.

В том числе в уголовных по следующим уголовным делам: уголовное дело № 11901450008000550 / СЧ СУ УВД по СЗАО ГУ МВД России по г. Москве; уголовное дело № 11901450004000471 ч. 4 ст. 160 УК РФ / ГСУ ГУ МВД России по г. Москве; уголовное дело № 12001220089000152 в отношении М.И.К. по ст. 260 ч. 3 УК РФ /СЧ ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области.

прокурор не может в полной мере задействовать прокурорский надзор в качестве средства обеспечения достижения целей стадии возбуждения уголовного дела.

Итак, мы последовательно поддерживаем позицию в пользу усиления прокурорского надзора¹, как гарантии прав личности в стадии, и одновременно – гарантии, обеспечивающей защиту публичного интереса.

При обсуждении вопросов о содержании стадии возбуждения уголовного дела и места в ней прокурора, нельзя не сказать и о таком моменте, имеющим иногда решающее влияние на исход стадии и установление истины, как проведение оперативно-розыскной деятельности. Эту деятельность обоснованно считают одним из методов стадии². Прокурорский надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности концептуально не претерпел изменений, в отличие от прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, и потому может служить моделью для общей правовой организации всех правоохранительных органов по выявлению, раскрытию преступлений и изобличению преступников в стадии возбуждения уголовного дела.

Официальная доктрина, основанная на разделении оперативно-розыскной деятельности и уголовно-процессуальной деятельности³ (ст. 89 УПК РФ) исходит

¹ В целом, выступаем за усиление процессуальных полномочий прокурора в решении вопросов, связанных с получением доказательственного материала в рамках доследственной проверки сообщения о признаках преступления. Об этом мы еще скажем далее.

² См.: Гущин, А. Н., Францифоров Ю. В., Громов Н. А. Использование оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном доказывании // Российский следователь. 2000. № 4. 15–21; Боруленков, Ю. П. Принципы оперативно-розыскной деятельности как методологическая основа специфической юридической деятельности // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 2. С. 14–20.

³ См.: Бедняков, Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений: монография. Москва : Юрид. лит., 1991; Вагин, О. А., Исиченко, А. П., Шабанов, Г. Х. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов: Учеб.-практ. пособие. Москва : Изд. дом Шумиловой, 2006; Доля, Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. Москва : Проспект, 2011; Поляков, М.П. Результаты ОРД как альтернатива уголовно-процессуальным доказательствам // Уголовный процесс. 2005. № 8. С. 24–27; Семенцов, В. А., Сафонов, В. Ю. Правовые предпосылки и этапы реализации оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве: монография. Екатеринбург, 2006. С. 7–8, 12 и др.; Громов, Н. А., Гущин, А. Н., Заряев, В. А. О сущности, понятии и задачах оперативно-розыскной деятельности в свете нового уголовно-процессуального законодательства // Следователь. 2015. № 7. С. 43–47.

из того, что результаты оперативно-розыскной деятельности самостоятельного доказательственного значения не имеют и нуждаются в так называемой «легализации».

Такова господствующая доктрина, в ее позитивно-правовом закреплении¹, несмотря на попытки ее подрыва². Мы придерживаемся традиционной точки зрения, согласно которой результаты любых оперативно-розыскных мероприятий подлежат проверке в уголовно-процессуальном порядке, прежде чем стать доказательствами³.

Основа правовой доктрины по вопросу о разделении следственной, процессуальной и оперативно-розыскной деятельности пересмотру не подлежит. Это разделение, как уже неоднократно нами подчеркивалась, составляет один из устоев как стадии возбуждения уголовного дела, так и всей уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности, в которую встроен и прокурорский надзор. Институт прокурорского надзора должен поддерживать эту конструкцию и обеспечивать эффективность, законность, справедливость ее функционирования.

Стадия изначально создавалась для отделения «процессуального» от «непроцессуального», в качестве гарантии того, что результаты доследственной, непроцессуальной деятельности органов, уполномоченных на проведение оперативно-розыскной деятельности, по раскрытию преступления, изобличению лица его совершившего, полученные до возбуждения уголовного дела, проверялись бы во второй стадии досудебного производства – предварительного расследования, предварительного следствия. В этой связи логично думать, что

¹ См., напр.: Чупилкин, Ю. Б. Уголовно-процессуальные требования, предъявляемые к оперативно-розыскной форме результатов ОРД // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 41.

² См.: Александров, А. С., Терехин, В. В., Кухта, А. А. О правовом значении результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий для уголовного дела и реформы досудебного уголовного процесса // Уголовное право. 2009. № 6. С. 77–8; Александров А. С., Грачев С. А. Проект нового порядка открытия уголовного расследования по сообщению о преступлении // Уголовный процесс. 2015. № 6. С. 22.

³ См.: Доля, Е. А. Правовое значение результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий для уголовного дела и реформы уголовного процесса // Законность. 2011. № 4. С. 16–22; Маркушин, А. Г. Оперативно-розыскная деятельность в раскрытии и расследовании преступлений. Нижний Новгород, 2018. С. 9–10 и след.

результаты любых оперативно-розыскных мероприятий, проводимых как в стадии возбуждения уголовного дела, так и до регистрации повода, не могут оцениваться в качестве доказательств без процессуальной проверки органа предварительного расследования под прокурорским надзором. Прокурорский надзор является одной из ведущих составляющей данной технологии формирования доказательств из результатов оперативно-розыскной деятельности¹, наряду с результатами иных проверочных действий, реализуемых до возбуждения уголовного дела.

Подчеркнем еще раз то, что прокурорский надзор может расцениваться как нравственно-правовая скрепа сложившего уникального правового механизма: разделения оперативно-розыскной деятельности и следственной уголовно-процессуальной деятельности, использование следственной формы для образования уголовно-процессуального доказательства. На наш взгляд, именно прокурорский надзор может обеспечить законность превращения информации и материалов, полученных до возбуждения уголовного дела в уголовно-процессуальные доказательства при проведении предварительного расследования.

Недаром это превращение называют «легализацией». Прокурорский надзор, под которым проводится данная легализация - в форме предварительного расследования, вполне заслуживает определения «высшего». Прокурорский надзор есть высшая форма надзора за законностью преобразования органом предварительного расследования результатов оперативно-розыскной деятельности, других проверочных действий в доказательства по уголовному делу. В этой связи тем более странно выглядит решение ведомственного нормотворца² не указать прокурора в числе участников процесса, которым

¹ Прокурорский надзор должен быть одной из гарантий данного институционального разделения видов познавательной деятельности, осуществляемой правоохранительными органами в различных правовых режимах. И вместе с тем, прокурор как межведомственный и межотраслевой координатор, должен играть решающую роль во взаимодействия сотрудников оперативных подразделений и органов предварительного расследования. Как показывает практика, наиболее остро эта проблема стоит именно на начальном этапе раскрытия преступления, который имеет в место в стадии возбуждения уголовного дела.

² Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, МО России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России,

представляются результаты оперативно-розыскной деятельности. Полагаем, что этот пробел должен быть восполнен, ибо надзор за оперативно-розыскной деятельностью и сопутствующий ему обмен информацией является одним из направлений прокурорского надзора, который имеет соответствующую нормативно-правовую базу.

Итак, мы выступаем за то, чтобы надзирающий прокурор координировал деятельность всех сотрудников правоохранительных органов, участвующих в деятельности по проверке повода, выявлении, раскрытии преступления, получения допустимых доказательств в стадии возбуждения уголовного дела. Все средства и способы установления фактических обстоятельств должны быть задействованы правоохранителями под руководящим и координирующим надзором прокурора для достижения объективной истины и принятия правильного решения. Надзирающий прокурор должен быть процессуально ответственным за достижение этого результата и правомерного исхода стадии.

Только через усиление координирующей, руководящей роли прокурора во всех видах активности правоохранителей в стадии возбуждения уголовного дела можно поднять на качественно новый уровень законности в этой стадии. Ограничение полномочий прокурора для участия в этой стадии негативно сказалось на ее правовой организации и правовом режиме.

Поэтому наше предложение заключается в том, чтобы восстановить в прежнем виде руководящую роль прокурора в организации выявления, раскрытия преступления в стадии возбуждения уголовного дела, сделать прокурора субъектом доследственной проверки, который может участвовать в доследственной проверке с задействованием средств общего надзора: получать объяснения, затребовать документы, поручать производство проверок и ревизий и прочих проверочных действий. Предлагаем наделить прокурора на уровне УПК РФ полномочием давать указания, обязательные для выполнения, всем участникам стадии со стороны государства.

Потребность в едином руководяще-надзирающем органе возрастает ввиду усложнения и дифференциации процедур стадии возбуждения уголовного дела. Наряду с традиционно существовавшими порядками частно, частно-публичного и публичного возбуждения уголовного дела появились новые.

Во-первых, надо выделить особый порядок возбуждения уголовного дела в отношении так называемых «спецсубъектов», перечисленных в статье 447 УПК РФ¹. Во-вторых, имеется повод говорить о формировании особого порядка возбуждения уголовных дел в отношении субъектов предпринимательской деятельности в связи с заявлением потерпевшего о совершении преступления, предусмотренного в части 3 ст. 20 УПК РФ.

Что касается процедуры снятия иммунитета от уголовного преследования со спецсубъектов, то наша позиция заключается в том, чтобы вернуться к прежней редакции статьи 448 УПК РФ, иными словами, мы выступаем за возвращение прокуратуре главной роли в этом механизме.

Если говорить о частно-публичном процессуальном механизме привлечения к уголовному преследованию субъектов предпринимательской деятельности, то мы присоединяемся к мнению, что постановление о возбуждении уголовного дела в отношении подозреваемых имеющих правовой статус предпринимателя должен выносить или сам прокурор или прокурор должен быть уполномочен санкционировать данное решение органа предварительного расследования².

Конкретно руководящая роль прокурора в уголовном преследовании предпринимателей могла бы проявиться в следующем:

1. Санкционирование прокурором постановления следователя о возбуждении уголовного дела частно-публичного обвинения в отношении субъекта предпринимательской деятельности

2. Расширение процессуального присутствия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела, в том числе: (а) наделение прокурора правом на

¹ В данном механизме господствует СК РФ в отличие от прежней модели, где решающее место занимал прокурор и суд. Прежняя модель лучше была.

² См. об этом: Власова, С. В. Указ. соч. С. 246–250.

урегулирование правового спора до возбуждения уголовного дела, с участием омбудсмена по правам предпринимателей при условии возмещения ущерба в полном объеме или ином заглаживании вреда; (б) наделение прокурора дискреционными полномочиями на разрешении вопроса о переводе правового спора из гражданско-правовой сферы в уголовную, в частности, включая вопрос о гражданско-правовой преюдиции.

Если говорить о сотрудниках Следственного комитета России и следователях в целом, то они, на наш взгляд, вообще не должны входить в круг «спецсубъектов». В целом вся современная конструкция главы 52 УПК РФ построена на ошибочной концепции о главенстве Следственного комитета РФ в правовой организации противодействия преступности и в досудебном производстве по уголовным делам.

Мы же придерживаемся противоположной точки зрения, которая состоит в том, что решение вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении спецсубъекта, организация процедуры по лишению его уголовной неприкосновенности, должно приниматься или самим прокурором или по его инициативе в специальном порядке, в котором прокурор выполняет перед соответствующим юрисдикционным органом функцию обвинения, модифицированную под решение предварительной задачи по привлечению к уголовному преследованию виновника преступления в виде снятия с него иммунитета¹.

В заключение определимся окончательно² по вопросу быть или не быть этой стадии как инстанции, в которой прокурору надлежит проявлять свою уголовно-процессуальную активность. Как отмечалось ранее, по этому поводу в науке идут споры что подталкивает и нас высказаться по данному вопросу в свете темы исследования.

¹ Миллер, В. Ю. Указ. соч. С. 19.

² Предварительно – потому, что окончательный ответ в заключении по результатам всего анализа.

В отечественной науке существует позиция принципиальных противников стадии возбуждения уголовного дела, которые выступают за ее ликвидацию¹. Зачастую эта позиция включает и призыв к радикальной реформе досудебного производства², а фактически отказу от исторически сложившейся структурной части отечественного уголовного судопроизводства³ и переходу на «германскую»⁴ или «романскую»⁵ модель, полицейского/прокурорского дознания⁶.

Наш ответ будет дан в русле общей неоконсервативной позиции: сохранение этой стадии в составе исторически сложившейся российской модели уголовного процесса, оптимизация прокурорского надзора в этой стадии являются необходимыми. Мнение практиков совпадают с авторским⁷.

¹ См.: Деришев, Ю. Стадия возбуждения уголовного дела – реликт «социалистической законности» // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 34–36; Александров, А. С., Грачев С. А. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить// Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 101–107; Гаврилов, Б. Я. Стадия возбуждения уголовного дела: мнение практиков и ученых // Вестник Московского университета МВД России. 2016. №4. С. 33–40; Карякин, Е. А. Стадия возбуждения уголовного дела: «за» и «против» // Современное право. 2004. № 12. С. 55–57; Колоколов, Н. А. Стадия возбуждения уголовного дела: сохранить, трансформировать, упразднить? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1 (12). С. 108; Володина, Л. М. Проблема регламентации возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. Научный журнал, 2013. № 4. С. 10–11.

² См.: Александров, А. С., Поздняков М. Л. Путь институциональной реформы предварительного расследования // Вестник Нижегородской академии МВД РФ. 2014. № 1(25). С. 78–82.

³ См., напр.: Гаврилов, Б. Я. Процессуальный порядок возбуждения уголовного дела – соответствует ли он правовым реалиям и правоприменительной практике? //Российская юстиция. 2006. № 8. С. 48–51; Эсаулов, С. В. Реализация принципа презумпции невиновности в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2014. С. 221.

⁴ См., напр.: Александров, А. С. Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. 2001. № 9. С. 54–62.

⁵ См.: Головкин, Л. В. Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в российском уголовном процессе Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 года / Сост. А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. Москва, 2012. С. 24–31; Смирнов, А. В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель. - Текст : электронный // Международная ассоциация содействия правосудию : [сайт]. URL : http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html(дата обращения: 19.06.2023).

⁶ См.: Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права /Александров А. С. и другие. С. 55 и след.

⁷ См.: Приложение № 1, ответы на вопросы № 31.2, 35; Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 20, 20.2, 23; Приложение № 3, ответы на вопросы № 20.2, 23.

Как верно было подмечено В. Ю. Миллером, функционалы следователя, прокурора или обобщенно говоря - функционал «субъекта, ведущего досудебное производство» - остаются стабильными, несмотря на все постоянно происходящие реформы. Это следственный функционал встроен в структуру следственного досудебного производства и являются органичной частью российского типа процесса. Следственно-правовая организация досудебного производства функционирует во взаимодействии органа предварительного расследования и прокуратуры¹.

Прокурорский надзор, следственная стадия возбуждения уголовного дела, следственная форма доказывания и привлечения к уголовному преследованию составляют элементы «институционального или следственного изоморфизма»². Прокурорский надзор встроен в эту сложившуюся у нас правовую систему организации власти государства обвинять и доказывать обвинение³.

На наш взгляд, российская модель прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания, равно как следственная форма деятельности органов предварительного расследования (в стадии возбуждения уголовного дела, в том числе) – одного корня – следственного. И их оптимизация возможна только в общей взаимосвязи, на следственной уголовно-процессуальной основе, идеологии.

Поскольку прокуратуру принято считать воплощением законности, постольку закономерно прокурорской надзор в стадии возбуждения уголовного

¹ О понятии «институционального – следственного изоморфизма» говорится в ряде современных работ. На наш взгляд, в этом понятии схвачена объективная закономерность – следственная природа русского уголовного процесса, которой должны подчиняться логика реформирования институтов нашего уголовно-процессуального права.

См.: Титаев, К., Шкляр М. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. Москва : Юрид. лит., 2016. С. 41.

² Институциональное значение феномена «следственного изоморфизма» состоит в самоограничении следственной формы следственными же процессуальными средствами. В их число входит, на наш взгляд, и прокурорский надзор, ибо последний носит внутрисистемный характер. Впрочем, есть и элементы внешнего ограничения следственной власти: права на защиту и процессуальная форма их реализации, а самое главное - судебный контроль.

³ См.: Миллер, В. Ю. Оптимизация правовой организации стадии возбуждения уголовного дела: доктрина, практика, техника: монография. Москва : Юрлитинформ, 2021. С. 83-84.

дела расценивать в качестве основной гарантии исполнения законов органами предварительного расследования, а вместе с тем и формой координации и управления их деятельности. Как правильно было отмечено, прокурорский надзор должен быть не декларативным, а реальным инструментом поддержания законности в стадии возбуждения уголовного дела¹.

С нашей точки зрения, именно в составе стадии возбуждения уголовного дела возможно раскрытие потенциала прокурорского надзора и оптимизация форм уголовно-процессуальной деятельности прокурора.

Исторически сложившая модель прокурорского надзора, как гарантия законности противодействия преступности уместна или, если угодно, удобна именно в форме стадии возбуждения уголовного дела. Оптимизация уголовно-процессуальной модели деятельности прокурора, на наш взгляд, более всего уместна в контексте совершенствования правового регулирования этой стадии уголовного процесса².

Как пишет В.Ю. Миллер, стадия возбуждения уголовного дела определяет проведение определенной уголовной политики в стране³. Возможно в таком суждении есть преувеличение, но нельзя не согласиться с тем, что тот орган, который принимает решения в стадии, управляет деятельностью, происходящей в ней, тот и управляет правоприменением в уголовно-правовой сфере. Именно таким органом должна выступать прокуратура. Поскольку этого нет, постольку прокурору надо вернуть роль процессуального руководителя деятельности всех правоохранителей в стадии возбуждения уголовного дела⁴.

¹ См.: Роль и место органов прокуратуры в системе государственных институтов Российской Федерации: материалы парламентских слушаний. Текст : электронный // Совет Федерации : [сайт]: URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f243916ba807020.pdf> (дата обращения : 22.05.2023).

² См.: Григорьев, В.Н. О моделях возбуждения уголовного дела и основаниях выбора вариантов начала уголовного преследования // Уголовный процесс современной России: проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2014. С. 392.

³ См.: Миллер, В.Ю. Указ. соч. С. 16–17.

⁴ См.: там же. С. 18, 19.

Итак, мы выступаем за оптимизацию прокурорского надзора в составе стадии. Это не исключает обсуждение иных вариантов, которые предлагаются учеными.

Большинство ученых даже критически настроенных к следственной модели, выступают за сохранение стадии возбуждения уголовного дела, хотя выдвигаются те или иные предложения по модернизации этой стадии, главным образом, касающиеся расширения потенциала доследственной проверки¹.

Главным доводом в пользу сохранения этой стадии выдвигается опасение дезорганизации деятельности правоприменительных органов; отсутствие реальной правовой альтернативы сложившемуся за многие годы правовому стандарту реагирования правоприменительной системы на поступившую информацию о совершенном преступлении².

Некоторые ученые выступают за воссоздание модели открытия процесса, существовавшей по Уставу уголовного судопроизводства, когда возбуждения уголовного дела как структурного образования в виде стадии не было³. Мы в принципе не против такого проекта, однако при обязательном условии, чтобы прокурор играл ведущую роль в решении всех вопросов, возникающих при открытии уголовного дела.

Сторонники концепции «полицейского дознания» выступают за слияние обеих стадии досудебного производства. Полицейское дознание должно начинаться с момента поступления сообщения о преступлении. Фактически речь идет о восстановлении правовой организации досудебного производства, которая

¹ См.: Гриненко, А. В. Механизм возбуждения уголовного дела. Москва : Юрлитинформ, 2016. С. 59; Розовский, Б. Г. Когда проблему ищут не там, где она действительно есть (замечки всем недовольного человека) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1 (12). С. 152–167; Усачев, А. А. Некоторые вопросы оптимизации начального этапа уголовного судопроизводства // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 4. С. 72–77.

² См.: Гриненко, А. В. Обеспечение прав личности и концепция стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1 (12). С. 71–75.

³ См.: Руновский, А. В. Дифференциация уголовно–процессуальных форм досудебного производства по делам публичного обвинения: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2012. С. 9–11.

существовала по Уставу уголовного судопроизводства, и которая сохранилась во Франции и некоторых других странах с континентальной правовой системой.

Опять же при сохранении главенствующей роли прокурора такая трансформация досудебного производства нами не исключается. Однако, поскольку его реализация сопряжена со структурными изменениями досудебного производства и процесса в целом¹, постольку такой вариант для нас менее привлекателен.

Другие варианты, связанные не только с ликвидацией стадии возбуждения уголовного дела², но и деформализацией досудебного производства, лишение его следственной формы, на наш взгляд, в условиях нашей страны неприемлемы³. Наибольшую же неприятие у нас вызывает тенденция на вытеснение прокурора из стадии и ограничение его полномочий по оперативному вмешательству в ход следственной проверки и принятию неотложных мер по раскрытию преступления, организации изобличения лица, причастного к совершению преступления, получение и закреплению обвинительных доказательств. Нельзя не согласиться с выводом о том, что реформа прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия нанесла удар по традиционной архитектонике стадии возбуждения уголовного дела и открыла своего рода ящик Пандоры с непредсказуемыми последствиями⁴.

Поэтому главное, с нашей точки зрения, это восстановление руководящей роли возрождение ослабленного механизма прокурорского надзора, в

¹ См. об этом: Розовский, Б. Г., Зинченко, И. А. К дискуссии о Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права. Текст : электронный // Международная ассоциация содействия правосудию : [сайт]. URL: <http://www.iauaj.net/node/2005>.

² См.: Александров, А. С., Грачев, С. А. Проект нового порядка открытия уголовного расследования по сообщению о преступлении // Уголовный процесс. 2015. № 6. С. 21.

³ См.: Александров А. С., Поздняков М. Л. Путь институциональной реформы предварительного расследования // Вестник Нижегородской академии МВД РФ. 2014. № 1(25). С. 78–82.

⁴ См.: Халиулин, А. Г. Уголовно-процессуальное законодательство России о деятельности прокурора // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 3 (82). С. 84–96; Трухачев, В. В., Ахмедов У. Н. Функции и полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве и их отражение в процессуальном статусе прокурора // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 1. С. 195–202.

значительной мере лишено возможности пресекать произвол следствия¹, возвращение прокурору ранее принадлежавших полномочий в стадии, но также и предоставление ему новых полномочий для надлежащего обеспечения законности в стадии возбуждения уголовного дела вызывается объективной необходимостью².

Сделаем выводы по параграфу.

Будучи сторонниками учения о прокуроре как главе обвинительной власти в уголовном процессе, мы последовательно выступаем и на то, чтобы прокурор был не просто органом надзора за исполнением законов в стадии, но чтобы он был наделен руководящими, исключительными полномочиями в отношении всех органов предварительного расследования, осуществляющих деятельность в данной стадии. Образно говоря, прокурор должен быть полновластным процессуальным «хозяином» стадии возбуждения уголовного дела. В отношении следователей, органов предварительного следствия полномочия прокурора должны быть решающими, как и в отношении органов дознания.

Через оптимизацию правового регулирования этой стадии надлежит одновременно оптимизировать и модель прокурорского надзора за деятельностью правоохранительных органов и иных лиц в этой стадии.

С учетом уже выдвинутых в уголовно-процессуальной литературе предложений можно сформулировать следующие меры по оптимизации правового регулирования участия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела.

В связи с выше сказанным, прокурор должен быть наделен следующими правами в стадии возбуждения уголовного дела:

– возбудить уголовное дело при наличии к тому основания, а затем или передать его для расследования в тот или иной орган предварительного расследования, руководствуясь или правилами о подследственности, или делая

¹ См.: Мыцыков, А. Я. Проблемы совершенствования правоприменительной деятельности прокуратуры // Юридический мир. 2011. № 12. С. 31.

² Миллер, В. Ю. Указ. соч. С. 18.

это ввиду особых обстоятельств по своему усмотрению, а также может принять его к своему производству;

- давать органам предварительного расследования и другим правоохранительным органам, участвующим в стадии возбуждения уголовного дела, обязательные для исполнения письменные указания;

- выявив самостоятельно признаки преступления прокурор может или сам возбудить уголовное дело, или направить материалы проверки в орган предварительного расследования для принятия решения по существу;

- проверять любой повод и самому устанавливать основание для возбуждения уголовного дела всеми предусмотренными законом средствами;

- проводить следственные, процессуальные, прочие проверочные действия, допустимые законом, для проверки повода и установления основания возбуждения уголовного дела;

- непосредственно участвовать в следственных, процессуальных, проверочных действиях, проводимых органами предварительного расследования;

- принимать на себя руководство проведением осмотра места происшествия, другого следственного и проверочного действия, как и в целом доследственной проверкой;

- координировать деятельность всех правоохранительных органов, но также иных государственных органов и частных лиц, по раскрытию преступления по горячим следам;

- в случаях нетерпящих отлагательств разрешать изъятие предметов, материалов, документов, предположительно имеющих доказательственное значение;

- изымать материалы проверки и передавать их другому органу предварительного расследования для проведения проверки и принятия окончательного решения;

- изымать материалы проверки и направлять их мировому судье - если в них усматривается основание для выдвижения частного обвинения;

- определять в случае необходимости подследственность уголовного дела,

разрешать споры о подследственности;

– продлевать сроки стадии, устанавливать предельные сроки предварительной проверки¹;

– отменять любые процессуальные решения, принимаемые в стадии возбуждения уголовного дела органом предварительного расследования или нижестоящим прокурором²;

– инициировать уголовно-процессуальные решения в стадии, в случаях, специально предусмотренных законом (в отношении «спецсубъекта», указанного в ст. 447 УПК РФ или субъекта предпринимательской деятельности и других случаях, предусмотренных законом);

– давать разрешение на отказ в возбуждении уголовного дела по причине урегулирования уголовно-правового конфликта альтернативным способом, то есть допустить применение оснований, предусмотренных, в том числе, статьями 25, 28, 28¹ УПК РФ)³;

– выносить постановление о возбуждении уголовного дела одновременно с принятием решения о проведении досудебного производства в упрощенном порядке при согласии подозреваемого и потерпевшего;

– выносить постановление о возбуждении уголовного дела в отношении подозреваемого или давать согласие на возбуждение уголовного дела следователем, органом дознания, дознавателем в отношении конкретного подозреваемого;

– отменить постановление о возбуждении уголовного дела, постановление

¹ Только прокурор должен быть уполномочен на установление предельного срока дополнительной проверки сообщения о преступлении, проводимой после отмены прокурором постановления и возвращения материалов доследственной предварительной проверки органу предварительного расследования.

² Прокурор вправе, отменив постановление органа предварительного расследования, своим решением определить исход стадии, в том числе возбудить уголовное дело по другой статье УК, в отношении иного подозреваемого, принять дело к своему производству.

³ Поддерживаем предложение о допущении с согласия прокурора урегулирования уголовно-правового спора в стадии возбуждения уголовного дела через вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по таким основаниям, как предусмотренными ст. 25, п. 3 ч. 1 ст. 27, частями 1 и 2 ст. 28.1 УПК РФ.

См. об этом: Миллер, В. Ю. Указ. соч. С. 8, 128-129.

об отказе в возбуждении уголовного дела и одновременным принятием окончательного решения в стадии, подлежащим исполнению органом предварительного расследования, которому оно направляется;

– отменить своим постановлением постановление о направлении материалов проверки по подследственности или подсудности;

– отменить любое промежуточное решение, принимаемое любым органом предварительного расследования или нижестоящим прокурором;

– выносить постановление о возбуждении уголовного дела одновременно с принятием решения проведения досудебного производства в упрощенном порядке при согласии подозреваемого и потерпевшего (в том числе, в связи с согласием подозреваемого на замену уголовного наказания штрафом)¹;

– разрешать жалобы лиц на действия и решения органов предварительного расследования в стадии возбуждения уголовного дела;

– обязательно принимать участие в судебном заседании при рассмотрении жалобы, поданной участником процесса или лицом, чьи права и интересы были затронуты решениями, деятельностью (бездействием) правоохранительных органов, и давать свое **заключение** о законности действия, решения органа предварительного расследования.

Предусмотреть в законе годичный ограничительный срок для отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела частного обвинения или постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении подозреваемого. И ввести по аналогии с процедурой, предусмотренной частью 1.1 ст. 214 и ст. 214.1 УПК РФ, порядок отмены таких постановлений в отношении конкретных лиц по истечении 1 года.

¹ Склонны поддержать предложение о немедленном возбуждении уголовного дела при совершении лицами очевидных преступлений небольшой или средней тяжести, когда их причастность к этим преступлениям не вызывает разумных сомнений, прежде всего в ситуации, когда событие преступления было зафиксировано техническими средствами объективного контроля (См.: Миллер В. Ю. Указ. соч. С. 17). Подробнее об этом будет сказано в следующем параграфе.

Кроме того, в Кодексе надлежит закрепить положение о том, что результаты оперативно-розыскной деятельности должны представляться прокурору, в том числе в стадии возбуждения уголовного дела.

Таким образом, именно в стадии возбуждения уголовного дела заложены возможности для раскрытия потенциала прокурорского надзора и оптимизация форм уголовно-процессуальной деятельности прокурора в свете идеи о руководящей роли прокурора в осуществлении уголовного преследования и досудебном доказывании обвинения.

Надзирающий прокурор должен быть процессуально ответственным за правомерный исход начальной стадии уголовного процесса. Только через усиление координирующей, руководящей роли прокурора можно поднять на качественно новый уровень правовое регулирование этой стадии и обеспечить достижение ее назначения.

3.2. Совершенствование правового регулирования участия прокурора в публичном уголовном преследовании на стадии предварительного расследования

Предметом исследования в данном параграфе станет та уголовно-процессуальная деятельность прокурора в стадии предварительного расследования, которую можно отнести к обвинению. Ее принято называть уголовным преследованием, а еще точнее: досудебным, публичным уголовным преследованием.

Поскольку нас интересуют не понятия сами по себе¹, а тем более не схоластические споры о формулировках понятий, постольку будем избегать такого рода описательства, а основное внимание уделим исследованию проблемных аспектов участия прокурора в тех или иных элементах уголовного преследования, осуществляемого в стадии предварительного расследования.

¹ Вроде понятий «уголовное преследование», «функция уголовного преследования», «функция обвинения» и пр.

Во-первых, будем исходить из того, что прокурор является субъектом обвинения и его деятельность в стадии предварительного расследования главным образом сводится к выполнению функции обвинения или уголовному преследованию. Поэтому в центре нашего внимания вопросы о том, как оптимизировать (а) непосредственное осуществление прокурором уголовного преследования в стадии предварительного расследования (б) его отношения с другими участниками этой деятельности, прежде всего – со следователем, руководителем следственного органа.

Во-вторых, будем исследовать уголовно-процессуальную деятельность прокурора в стадии предварительного расследования не через понятие «прокурорский надзор» несмотря на то, что оно является официальным и закреплено в позитивном праве, а через «обвинение».

В принципиальном плане мы обозначили свою позицию к этому понятию и обозначаемой им доктрине с самого начала исследования: в первом параграфе. Здесь нам придется обращаться к нему, поскольку большинство исследований написано в свете идеологии «общего надзора» прокурора за исполнением законов участниками стадии предварительного расследования. Такой подход, на наш взгляд, искажает перспективу оптимизации правового положения прокурора в стадии предварительного расследования – как главного субъекта уголовного преследования.

В-третьих, на нормы действующего законодательства и явления в сфере правоприменения будем смотреть в свете обвинительной концепции уголовно-процессуальной деятельности прокурора в стадии предварительного расследования и развивать проект новой модели уголовно-процессуальной деятельности прокурора в следственной стадии предварительного расследования.

В отличие от стадии возбуждения уголовного дела правовая организация стадии предварительного расследования в центре которой находится порядок выдвижения обвинения, остается стабильной. Появление новых, сокращенных форм досудебного производства, многочисленные изменения отдельных элементов не затрагивают правовую основу этой стадии.

Мыслим перспективу развития этой стадии только в составе уголовного процесса и в следственной форме. Поэтому отвергаем возможность перехода на новую модель выдвижения обвинения и другую форму предварительного расследования, о чем уже не раз заявляли. Поэтому суть проекта оптимизации сводится к изменению роли прокурора в составе классической следственной формы предварительного расследования.

Коротко обозначим наше отношение к господствующей доктрине «прокурорского надзора» применительно к стадии предварительного расследования.

Современный концепт «прокурорского надзора», на первый взгляд, неразрывно связан с этой стадией досудебного производства и следственной формой уголовно-процессуальной деятельности, проводимой в ней. Так, формулировка части 1 статьи 37 УПК РФ, как и наименование главы 3 Федерального закона «О прокуратуре РФ», исходят из схемы «общего надзора прокуратуры за исполнением законов»: надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Это официальное название совпадает с официозным пониманием современной модели уголовно-процессуальной деятельности прокурора в этой стадии. Оно, между прочим, вполне допускает, оправдывает сложившееся ныне правовое положение прокурора в стадии и его отношение к главному инструменту развития досудебного процесса – обвинению. В том числе сложившийся баланс следственной и прокурорской власти. Точнее надо говорить и о дисбалансе, если не о бессилии прокурора, его зависимости от власти следственной, что в символически воплотилось в пункте втором части первой статьи 448 УПК РФ¹.

Примером «общенадзорной» трактовки прокурорской деятельности в стадии предварительного расследования, подтверждающей нашу мысль, может быть следующее определение его предмета: «В стадии предварительного

¹ Следственный комитет России, его следователи и руководители следственных органов, уполномочены привлекать к уголовному преследованию прокуроров, в том числе, Генерального прокурора РФ.

расследования задачи прокурора заключаются в следующем: ни одно преступление не должно быть не раскрытым и ни одно лицо, совершившее преступление не должно избежать ответственности; никто не должен подвергаться незаконному необоснованному привлечению к уголовной ответственности или иному незаконному ограничению в правах и свободах; никто не может подвергаться аресту без судебного решения; должны соблюдаться установленные законом порядок расследования, сроки расследования, права участников уголовного судопроизводства и иных лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства; должны выявляться и пресекаться незаконные действия (бездействия) и решения должностных лиц, препятствующие доступу пострадавших от преступлений к уголовному судопроизводству»¹.

Несмотря на то, что многие из перечисленных здесь задач верны, однако, не понятно как, например, первые две самые важные задачи реально прокурор может решать, если он только надзирает за органами предварительного расследования. Но что еще непонятней, так это сочетание перечисленных задач – она оставляет в недоумении читателя относительно того, как посредством «надзора» прокурор их может разрешать.

Мыслящие положение и деятельность прокурора в свете понятия «надзор» именно его и полагают главным индикатором, отличительной чертой того и другого: «надзорная деятельность» отличает прокурора от иных участников предварительного расследования, и их деятельности². Получается, что сущность уголовно-процессуальной деятельности прокурора в стадии предварительного расследования состоит в надзоре за исполнением законов в этой стадии.

¹ Даровских О. И., Даровских С. М. Прокурор в уголовном судопроизводстве. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУС, 2020. 64.

² См.: Даровских, О. И. Актуальные проблемы уголовного процесса. Челябинск : Цицеро, 2012. С. 91–92.

В.А. Лазарева утверждает, что в досудебном производстве прокурор осуществляет уголовное преследование «в форме надзора (выделено нами – О.В. Левченко) за соблюдением законов органами предварительного расследования»¹.

Другой ученый придерживается мнения о том, что формой реализации прокурором функции уголовного преследования в досудебном производстве является процессуальное руководство предварительным расследованием преступлений².

Наш подход состоит в том, что прокурор должен быть руководителем – субъектом уголовного преследования, надзор выступает формой или способом (1) руководства, (2) опосредованного осуществления уголовного преследования. Однако, при необходимости прокурор сам непосредственно должен иметь право проводить уголовное преследование для того, чтобы обеспечить справедливость и эффективность применяемого в процессе уголовно-правового воздействия.

Позицию о том, что надзор есть способ, форма, не прямого, а опосредованного участия в досудебном уголовном преследовании разделяют многие современные ученые, занимающиеся сходной тематикой. Так, в одном из недавно проведенных исследований был сделан вывод о том, что государственное уголовное преследование³ – это вид деятельности, осуществляемый прокурором как *непосредственно*, то есть путем производства следственных и иных процессуальных действий⁴, направленных на изобличение лица, предположительно совершившего уголовно-наказуемое деяние, так и

¹ Лазарева, В. А. Прокурор в уголовном процессе: учебное пособие. Москва : Юрайт, 2011. С. 57.

² См.: Королев, Г. Н. О возможностях влияния прокурора на формирование государственного обвинения в ходе досудебного производства // Вестник ННГУ. 2018. № 4. С. 127.

³ Почему-то автор цитируемого определения отождествил «функцию уголовного преследования» с самой деятельностью что, на наш взгляд, не вполне верно. Функция – это направление деятельности. Выполнять функцию, значит действовать, осуществлять деятельность. В данном случае имелось в виду уголовное преследование как определяемая автором деятельность.

⁴ Здесь автор выдает скорее желаемое за действительное. И относительно этого желаемого у нас с ним полное совпадение взглядов.

опосредованно, то есть путем надзора за соблюдением уголовно-процессуального закона и руководства расследованием¹.

Следует оговориться, что автор данного определения, следуя своей концепции, несколько усложнил или даже исказил классическую трактовку уголовного преследования. Это проявилось в том, что на первое место в определении этого понятия он поставил формулировку «направленный на обеспечение справедливости в случаях нарушения прав и законных интересов личности, общества и государства в уголовно-правовой сфере», которую мы специально опустили, ибо в таком случае получается, что уголовное преследование направлено на обеспечение справедливости. Это суждение, мягко скажем, уводит в сторону от правильного понимания сущности анализируемой уголовно-процессуальной деятельности. Хотя желание автора в целом похвальное: он стремится показать, что уголовное преследование находится в ряду других процессуальных явлений, с которыми связывается, наряду с «функцией защиты», «функцией правосудия», справедливость судопроизводства.

Особо подчеркнем еще один момент в данном определении, а именно: надзор трактуется как «опосредованный путь» осуществления прокурором уголовного преследования, так и «руководства расследованием». Данная мысль весьма близка нашей позиции: надзор за исполнением законов есть для прокурора способ осуществления уголовного преследования в стадии предварительного расследования и процессуального руководства органами предварительного расследования.

Высказывания других ученых, придерживающихся «общенадзорных» трактовок деятельности прокурора в стадии предварительного расследования страдают тем же недостатком: размытости, неконкретности, иными словами – «широта без глубины». Логика рассуждений их такова: прокурор осуществляет надзор за исполнением законов «поднадзорными объектами», то есть органами

¹ См.: Чурикова, А. Ю. Правовая модель деятельности прокурора в российском и зарубежном уголовном процессе / Под. ред. Н.С. Мановой. Москва : ООО "Издательство ТРИУМФ", 2022. С. 39.

предварительного расследования и благодаря этому достигается решение задач процесса.

Подтверждением сказанному являются трактовки «предмета прокурорского надзора» за исполнением законов при осуществлении дознания и предварительного следствия. Его определяют обычно, как определенного рода деятельность прокуроров¹ в пределах их компетенции с использованием предоставленных им законом полномочий по обеспечению законности при расследовании преступлений²; как комплекс правомерных правовых действий (бездействия) прокурора³; и даже как регулируемые правом общественные отношения, складывающиеся при реализации прокурором своих полномочий в сфере предварительного расследования⁴.

Таким образом, за, в общем-то, правильными словами ускользает главное, что мы должны иметь в виду, мысля положение и деятельность прокурора в стадии предварительного расследования, которая в нашем типе уголовного судопроизводства имеет во многом решающее значение для разрешения основных вопросов уголовного дела⁵. Без активного участия прокурора в стадии предварительного расследования невозможно эффективное поддержание им обвинения в суде. Для понимания, а тем более открытого признания этой, в общем-то очевидной истины, которая в большинстве государств с развитыми уголовно-процессуальными системами никогда не ставилась под сомнение, нашим коллегам не хватает, как нам кажется, мужества – пойти вопреки официальной доктрины.

¹ См.: Актуальные проблемы прокурорской деятельности: курс лекций /В. Г. Бессарабов и др.; подред. О. С. Капинус; рук. авт. кол. Б. В. Коробейников. Москва : Проспект, 2016. С. 57.

² Настольная книга прокурора / под ред. С.И. Герасимова. Москва : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка : Экслит, 2017. С. 64, 397.

³ Кожевников, О.А. Участие прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : монография Екатеринбург : Уральская гос. юридическая акад., 2007.

⁴ См.: Даровских, О. И., Даровских С. М. Прокурор в уголовном судопроизводстве. С. 60.

⁵ Решающее по двум показателям: (1) установление предполагаемого виновника преступления - обвиняемого, (2) нахождение доказательств его виновности. Суды как показывает практика склонны разделить эти выводы следственно-обвинительной власти.

Между тем надо бы сузить представление о деятельностной модели прокурора в анализируемой стадии, сузить «предмет» этой деятельности. А главное выделить тот стержень, вокруг которого объединяются и из которого вытекают все остальные содержательные моменты деятельности прокурора: и правозащитный, и надзорный, и уголовно-правовой, и профилактической и др.

В научной литературе обращается внимание на то, что законодатель включает в предмет надзора неоднородные сферы прокурорской деятельности, которые осуществляются им различными правовыми средствами, а главное – полномочия и средства прокурорского реагирования на нарушения законов в стадии предварительного расследования различны¹.

Это подтверждает нашу оценку о привнесении категорией «надзор» эклектичности, неопределенности в понимание того, чем и как должен заниматься в стадии предварительного расследования прокурор: не просто надзирать за исполнением законов всеми² участниками стадии, а определиться в главном – выдвигать или не выдвигать обвинение против обвиняемого.

Отсутствие последовательности, четкого понимания сущности в деятельности «надзирающего прокурора», приводит в тому, что надзор за исполнением законов для прокурора вроде самоцели, тогда как это средство достижения основной цели – через выдвижение и поддержание обвинения в суде добиваться применения уголовного закона к преступникам.

Разделяем точки зрения, согласно которым прокурор, осуществляя так называемые надзорные полномочия, направляет ход расследования и уголовного преследования к правильному применению уголовного закона, обеспечивая их законность и обоснованность. Ведь суть уголовного преследования заключается в том, чтобы изобличить истинно виновное лицо и привлечь его, используя исключительно законные средства и методы, с должным обоснованием. В

¹ См.: Даровских, О. И., Даровских С. М. Указ. соч. С. 65; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2014. С. 85.

² Как это полагают некоторые авторы, о чем уже отмечалось в первом параграфе первой главы.

уголовно-процессуальной деятельности прокурора надзор носит вспомогательный характер, обеспечивая реализацию законного и обоснованного уголовного преследования. *«Надзор действительно является неотъемлемой частью деятельности прокурора в уголовном процессе, но не как представителя надзорного органа, а как представителя государства, отвечающего за законность и обоснованность уголовного преследования, осуществляемого от имени государства»* (выделено нами – О.В. Левченко)¹.

Наша концепция исходит из аксиомы, согласно которой прокурор является участником уголовного преследования², а уголовное преследование, в свою очередь, родственно обвинению; если угодно представителям теории «функционализма», связано с «функцией обвинения»³.

Остановимся на понятии «уголовное преследование», коль скоро ему придается институциональное значение, которому посвящено целое учение, созданное поколениями выдающихся российских ученых-процессуалистов⁴.

¹ См.: Чурикова, А.Ю. Указ. соч. С. 175.

² Причем всем своим положением в уголовном процессе как представителя стороны обвинения он объективно предназначен для выполнения руководящей роли в уголовном преследовании, проводимом в стадии предварительного расследования.

³ На наш взгляд, учение о процессуальном функционализме ничего нового не привнесло к классическое учение обвинению и уголовном преследовании. Впрочем, и вреда особого не было, поскольку свелось к описанию через категорию «функция» позитивно-правовой модели деятельности прокурора. В данном случае констатируем, что понятия «функция обвинения», «функция уголовного преследования» позволяют утверждать, что прокурор является субъектом как того, так и другого, причем есть все причины о приоритетной, ведущей роли прокурора ко всем проявлениям «обвинительности».

См. об этом, напр.: Тушев, А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. С. 15–16, 17 и др.; Халиулин, А. Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России. С. 3 и след.; Чурикова, А.Ю. Указ. соч. С. 171, 172; Ковтун, Н. Н., Кузнецов, А. П. Сущность и содержание функции уголовного преследования в уголовной процессе России // Российский судья. 2004. № 6. С. 29–31.

⁴ См.: Викторский, С. И. Русский уголовный процесс. Москва : А. А. Карцев, 1911. С. 17–19; Квачевский, А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: Теоретическое и практическое руководство. Ч. 3. Вып. 1–2. Санкт-Петербург : тип. Ф.С. Сущинского, 1869. С. 5 и след.; Муравьев, Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. Москва, 1899. Т. 1. С. 10–20; Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х томах. Т. 2. Санкт-Петербург : Тип. М. Стасюлевича, 1912. С. 85, 87; Случевский, В. Учебник русского уголовного процесса. Судопроизводство-судоустройство. 3-е изд. Санкт-Петербург : Тип. М. Стасюлевича, 1910. С. 98; Полянский Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса. Москва : Кооп. изд-ское т-во "Право и жизнь", 1927. С. 80–120;

Как уже неоднократно подчеркивалось, мы приняли в качестве центрального пункта нашей позиции положение, сформулированное Н.В. Муравьевым о том, что: (1) осуществление публичного уголовного преследования составляет главную обязанность прокуратуры, которая возглавляет обвинительную власть государства; (2) публичное уголовное преследование – это деятельность, которая осуществляется с целью подвергнуть лицо, виновное в совершении преступления, назначенному в законе наказанию и направлена на изобличение такого лица (3) в смешанном уголовном процессе прокуратура посредством ведения досудебного публичного уголовного преследования примиряет «обвинительное начало» с началом «официального розыска»¹. Для нас самое главное заключается в определении содержания уголовного преследования.

Общим для отечественной науки является понимание уголовного преследования как процессуальной деятельности, которая заключается в необходимости сформулировать и обосновать вывод о совершении определенным лицом преступления². Для советской теории, как, впрочем, и некоторых представителей современной науки, характерно усматривать уголовный материально-правовой аспект как в обвинении, так и в уголовном преследовании:

Строгович, М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. С. 6, 29 и др.; Чельцов-Бебутов, М.А. Советский уголовный процесс. Москва : Госюриздат, 1951. С. 88–89; Элькин, П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. С. 63; Ларин, А.М. Указ. соч. С. 24–25; Халиулин, А.Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России. Кемерово, 1997. С. 11 и след.

¹ См.: Муравьев, Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. С. 15–16.

² См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 3-е изд., пререраб. и доп. Москва : Проспект, 2013. С. 48, 49; Халиулин, А. Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России. Кемерово, 1997; Еникеев, З. Д. Уголовное преследование: учебное пособие. Уфа, 2000; Козубенко, Ю.В. Уголовное преследование: монография. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2006; Савицкий, В.М. Стержневая функция прокуратуры – осуществление уголовного преследования // Российская юстиция. 1994. № 10. С. 15–17; Соловьев, А. Б., Якубович, Н. А. К вопросу о концепции правового обеспечения уголовного преследования // Современные процессы уголовного права, процесса и криминалистики. Москва–Кемерово, 1996; Баранов, А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: диссертация ... доктора юридических наук. Омск, 2006. С. 19, 51–52, 61–63.

последнее отождествлялось с привлечением к уголовной ответственности¹. С этим категорически не согласны. Кроме того, для советской доктрины было типичным включение суда в число субъектов, которые наделены полномочиями осуществления уголовного преследования. Что также неприемлемо для нашей позиции.

В понятие уголовное преследования включали доказывание, осуществляемое органами, ведущими уголовный процесс, из чего вытекает, что само уголовное преследование состоит в изобличении, расследовании, выявлении, раскрытии преступления².

Бесспорно то, что уголовное преследование неразрывно связано с доказыванием и потому в целом они образуют единую – обвинительную модель уголовно-процессуальной деятельности прокурора в стадии предварительного расследования. А это, в свою очередь, подводит некоторых авторов к выводу о нехватке участия прокурора в следственных и процессуальных действиях при проведении предварительного следствия³, о чем скажем в следующем параграфе.

Целью и назначением уголовного преследования, осуществляемого в стадии предварительного расследования, является противодействие преступности – через привлечение к уголовному преследованию лиц, чья вина в совершении преступления презюмируется обвинителем⁴.

В качестве субъектов уголовного преследования в стадии предварительного расследования называют органы предварительного расследования и прокурора; причем ведущая роль в публичном уголовном преследовании отводилась прокурору⁵.

¹ См.: Ларин, А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. С. 25, 38; Деришев, Ю. В. Досудебное уголовное преследование по УПК РФ // Государство и право. 2004. № 12. С. 39; Муравьев, Н. В. Указ. соч. С. 28.

² Мы выделим доказывание в отдельную компоненту уголовно-процессуальной деятельности прокурора.

³ См.: Даровских, О. И., Даровских С. М. Указ. соч. С. 84.

⁴ См.: Васильева, Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование: монография. Москва : Юрлитинформ, 2013. С. 162 и след.

⁵ Особо подчеркнем то, что и дореволюционные и советские теоретики сходились во мнении о прокурорском лидерстве в публичного уголовного преследования, которое

Так, А.Ю. Чурикова, следуя логике системного толкования п. п. 47, 55 ст. 5, ч.ч. 1 и 2 ст. 21, части 1 ст. 37 УПК РФ, приходит к выводу о том, что прокурор по-прежнему остается ключевым субъектом, осуществляющим функцию государственного уголовного преследования. Уголовное преследование – это то, на чем основано все уголовное судопроизводство и именно поэтому вопросы, связанные с порядком его осуществления и субъектами, его осуществляющими, являются ключевыми в уголовно-процессуальной науке¹.

Отождествление уголовного преследования с надзором за исполнением законов как таковым характерно для некоторых современных авторов: по их мнению, уголовное преследование является разновидностью надзорной деятельности прокурора, но осуществляемой в других формах². Впрочем, такая точка зрения скорее исключение в сравнении с господствующим представлением, согласно которому уголовное преследование является одним из направлений деятельности прокурора в составе «общего надзора за исполнением законов»³ или наряду с ним, но в системе общего процессуального функционала прокурора⁴.

В современных источниках отмечается, что сторона обвинения, проводя уголовное преследование, приводит в действие уголовно-процессуальный

неразрывно отождествлялось с прокурорской деятельностью вообще. Стержневое значение для развития публичного уголовного преследования на всех этапах производства по уголовному делу признавалось за прокурором. Поэтому эту «функцию» прокурора иногда относили к широко понимаемому прокурорскому надзору: прокурорский надзор=уголовное преследование (публичное).

См., напр.: Вышинский, А.Я. Вопросы теории государства и права. 2-е изд. Москва : Гос. изд-во юрид. лит., 1949. С. 112; Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. Москва : Юридлит., 1970. Т. 2. С. 78; Савицкий, В.М. Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием. Москва : Госюриздат, 1959. С. 39, 65 и др.; Мотовиловкер, Я.О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976. С. 52.

¹ См.: Чурикова, А.Ю. Правовая модель деятельности прокурора в российском и зарубежном уголовном процессе. С. 172.

² См., напр.: Чекмачева, Н.В. Правовое положение и проблемы участия прокурора в кассационной инстанции // Прокурор в уголовном судопроизводстве и проблемы обеспечения законности и обоснованности приговоров в новых условиях действия УПК РФ. Сборник выступлений на научно-практической конференции 5 мая 2008 г. Н. Новгород, 2008. С. 52.

³ О чем мы уже говорили выше.

⁴ Эта позиция наиболее ярко выражена в концепции о полифункциональности прокурора в досудебном производстве.

См., напр. об этом: Тушев, А. А. Указ. соч. С. 9 и след.; Соловьев, А. Б. Функция уголовного преследования в досудебных стадиях процесса // Прокуратура и правосудие в условиях судебно-правовой реформы. Москва, 1997. С. 144.

механизм. Уголовное дело делается благодаря воле закона, живым воплощением которой является прокурор – «публичный обвинитель» и *главный субъект публичного, частно-публичного уголовного преследования*¹. Следуя этой логике, надлежит заключить, что уголовное преследование² представляет собой деятельность, осуществляемую прокурором, другими органами «обвинительной власти», «прокурорско-следственной власти» или «следственно-обвинительной власти».

Неразрывна связь уголовного преследования с обвинением, хотя это и разные понятия: обвинение – это утверждение³ обвинителя о совершении преступления обвиняемым, подлежащее доказыванию, а уголовное преследование (досудебное) есть деятельность по подготовке обвинения и его поддержанию обвинителем в суде. Такой вывод вытекает из большинства исследований, посвященных данной теме⁴.

Следуя букве действующего закона, надо сделать вывод, что обвинение сводится по содержанию к «утверждению» о виновности обвиняемого, основанному на доказательствах. Это требование о привлечении к уголовной ответственности. Но сама деятельность, связанная с реализацией обвинения, есть нечто другое, чем собственно обвинение. Эта формулировка позволяет утверждать, что понятие «обвинение» является более узким в сравнении с понятием «уголовное преследование»: последнее включает в себя всю уголовно-

¹ См.: Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции в 2 т. Том 1. Общие положения уголовного судопроизводства: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. 2-е изд., пер. и доп. Москва : Юрайт, 2024. С. 249 и след.

² См. там же. С. 250.

³ При нормативно-правовой дефиниции обвинения законодатель использует термин «утверждение» (п. 22 ст. 5 УПК РФ).

⁴ См.: Полянский, Н. Н. К вопросу о юридической природе обвинения перед судом // Правоведение. 1960. № 1. С. 114; Элькинд, П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Ленинград, 1963. С. 60–61; Карев, Д. С. Советский уголовный процесс. Москва : Гос. изд-во юрид. лит., 1968. С. 25; Якубович, Н. А. Окончание предварительного следствия. Москва : Госюриздат, 1962. С. 25; Соловьев, А. Б., Якубович, Н. А. К вопросу о концепции правового обеспечения функции уголовного преследования // Современные проблемы уголовного права, процесса и криминалистики. Москва – Кемерово, 1996. С. 79, 80; Халиулин, А. Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России. С. 29.

процессуальную деятельность, связанную с выполнением стороной обвинения своей процессуальной функции – обвинения¹.

Из родства обвинения и уголовного преследования следует вывод о том, что субъект у них также должен быть общий. Прокурор является главным субъектом обвинения, функции обвинения, потому он должен быть признан и главным участником уголовного преследования.

Во многих трудах об уголовном преследовании обоснованно акцент делается на доказывании: как содержательном элементе этой уголовно-процессуальной деятельности². Доказывание составляет важную содержательно-информационную компоненту уголовного преследования, но, с нашей точки зрения, представляет самостоятельное направление уголовно-процессуальной деятельности прокурора, которое заслуживает отдельного анализа.

Научная доктрина выделяет следующие элементы уголовного преследования: возбуждение уголовного дела в отношении подозреваемого, задержание подозреваемого и его допрос, формулирование и предъявление обвинения³; утверждение обвинительного заключения и направление уголовного дела в суд⁴; принятие решений по привлечению к делу лица в качестве

¹ См.: Уголовный процесс России : учебник / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Сереброва; научн. ред. В. Т. Томин. С. 23, 24; Круглов И. В. Осуществление функции уголовного преследования // Следователь. 2004. № 4. С. 19.

² См., напр.: Коршунова, О. Н. Указ. соч. С. 15; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 3-е изд., пререраб. и доп. Москва : Проспект, 2013. С. 48.

³ См., напр.: Баев, О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: научно-практическое пособие. Москва, 2003; Деришев, Ю.В. Досудебное уголовное преследование по УПК РФ // Государство и право. 2004. № 12. С. 43–50; Жук, О. Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования в уголовном процессе России // Законодательство. 2004. № 2. С. 78–81; Дикарев, И. С. Уголовное преследование: уточнение понятия // Российская юстиция. 2013. № 9. С. 23–25.

⁴ См., напр.: Деришев, Ю. В. Досудебное уголовное преследование по УПК РФ // Государство и право. 2004. № 12. С. 43–50; Жук, О. Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования в уголовном процессе России // Законодательство. 2004. № 2. С. 78–81; Козубенко, Ю. В. Уголовное преследование : монография. Санкт-Петербург, 2006. С. 5 и др.; Королев Г. Н. Учение об уголовно-процессуальной деятельности прокурора. Книга первая. Н. Новгород, 2004; Дикарев, И. С. Уголовное преследование: уточнение понятия // Российская юстиция. 2013. № 9. С. 24; Уголовное судопроизводство в 3 т. Том 3. 2-е изд., пер. и доп. / под ред. Н.А. Колоколова. Москва : Юрайт, 2019. С. 88; Уголовный процесс: учебник для

подозреваемого, обвиняемого, гражданского ответчика¹; действия, принудительного (право-ограничительного) характера, которые применяются к предполагаемому субъекту преступления, с целью его изобличения и привлечения к уголовной ответственности²; весь институт мер уголовно-процессуального принуждения для пресечения и предупреждения с его стороны новых преступлений³, применение мер по возмещению вреда, причиненного преступлением (розыск и изъятие имущества, полученного преступным путем, наложение на него ареста и пр.)⁴; раскрытие и расследование преступления (совершение следственных, процессуальных действий), получение доказательств⁵; принятие мер по обеспечению судебного разбирательства и исполнения возможного решения суда о применении уголовного закона⁶; обеспечение безопасности участников процесса, являющихся источником информации, изобличающей обвиняемого в совершении преступления⁷.

В УПК РФ «уголовному преследованию» отведена отдельная глава. В главе

академического бакалавриата / под ред. В.П. Божьева, Б.Я. Гаврилова / изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2017. С. 101–102.

¹ См.: Кучин, А. Ф. Правовой механизм публичного уголовного преследования: монография. Саранск, 2005. С. 15, 23 и след.; Ковтун, Н. Н., Кузнецов А. П. Сущность и содержание функции уголовного преследования в уголовном процессе России // Российская юстиция. 2004. № 6. С. 29–31.

² См.: Муравьев, К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск : ОМА МВД России, 2017. С. 63–65; он же. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона. Омск, 2017. С. 12–19.

³ См.: Рудич, В.В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе. Москва : Юрлитинформ, 2018. С. 44 и след.; Никаноров, С.А. Прокурорский надзор в России: современное состояние и перспективы развития // Проблемы права. 2014. № 4(47). С. 169–174.

⁴ См.: Коршунова, О.Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы уголовного преследования: диссертация ... доктора юридических наук. Москва, 2006. С. 134; Дикарев, И.С. Уголовное преследование: уточнение понятия. С. 23–25; Потапов, Д.В. Указ. соч. С. 75–76.

⁵ См.: Ларин, А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. С. 37–39; Королев, Г.Н. Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе. С. 10–15, 70–74 и др.

⁶ См.: Уголовный процесс России: учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; науч. ред. В.Т. Томин. С. 20–25.

⁷ См.: Потапов, Д.В. Указ. соч. С. 75–76; Мельникова, Е.Ф. Особенности доказывания по уголовным делам, по которым принимаются меры безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства: диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2020. С. 16.

третьей «Уголовное преследование» нашло свое место официальное (нормативно определенное) понятие уголовного преследования¹. Из текста УПК вытекает, что уголовное преследование – процессуальная деятельность, соответственно этому, надо думать, что из схемы надзора прокурора за уголовным преследованием, осуществляемым органами предварительного расследования, выпадает оперативно-розыскная деятельность, и другие виды активности правоохранителей в этой стадии, которые не обладают признаком процессуальности.

Между тем, среди нетрадиционных подходов толкования данного вида процессуальной деятельности можно выделить расширительное его толкование, которое заключается в том, что уголовное преследование включает в себя те же аспекты, что и оперативно-розыскная деятельность, а именно: «выявление», «раскрытие» преступления, «изобличение» подозреваемого, обвиняемого².

Считаем убедительными доводы сторонников расширительного подхода. Тем более, что они основываются на позициях Конституционного Суда России, суть которых в том, что уголовное преследование имеет место независимо от процессуального статуса там и тогда, где и когда в отношении субъекта государство реализует по факту функцию обвинения, то есть правоохранительные органы осуществляют действия, направленные, в итоге, на привлечение к уголовной ответственности виновника преступления. Примерно таков ход рассуждений наших единомышленников и коллег по разработке данного вопроса³.

¹ В пункте 55 статьи 5 УПК РФ определяется, что уголовное преследование – это процессуальная деятельность.

² См.: Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции. В 2 т. Том 1. Общие положения уголовного судопроизводства: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2024. С. 121; Круглов, И. В. Осуществление функции уголовного преследования // Следователь. 2004. № 4. С. 19–20; Миллер, В. Ю. «Раскрытие преступления» и «расследование преступления»: соотношение понятий в контексте современного уголовного процесса // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1 (36). С. 72–79.

³ См.: Боруленков, Ю. П. Место прокуратуры в системе органов уголовного преследования // Уголовное судопроизводство. 2013. № 2. С. 20–23; Уголовный процесс. Общая часть: учебник / под общ. ред. М. П. Полякова. Нижний Новгород, 2013. С. 56; Ураков, И. Д. Уголовное преследование по уголовным делам о мошенничестве в сфере экономической деятельности: диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2017. С. 12–13.

Из вышеизложенного полагаем возможным выделить следующие темы, на которых надо особо сосредоточиться:

– участие прокурора в выдвижении обвинения на стадии предварительного расследования;

– участие прокурора в применении органами предварительного расследования всего спектра процессуальных мер принуждения, имеющих различную целевую направленность, но сопряженных с ограничением конституционных прав лиц, участвующих в предварительном расследовании уголовного дела;

– участие прокурора в определении сроков предварительного расследования по уголовному делу;

– участие прокурора в разрешении уголовного дела в досудебном производстве по существу.

Кроме того, как применительно к анализируемой стадии, так и для стадии возбуждения уголовного дела, особую актуальность приобрела тема об участии прокурора в уголовно-процессуально-правовой организации противодействия экономической преступности в стадии предварительного расследования.

Таковы основные проблемные блоки, требующие комплексного осмысления и разработки проекта оптимизации. Но вначале надо разобраться с общим контуром, который закреплен в действующем законе.

Мы проводим идею, исходя из общего смысла нашего закона (п. 47 ст. 5, ч. 1 ст. 37 УПК РФ), о ведущей роли прокурора и его полномочиях на ведение публичного уголовного преследования. В свете этого постулата прокомментируем нормы, в которых закреплен круг полномочий прокурора. Тем самым, наметим предметное поле для направленного исследования, а именно: тот круг полномочий, над которыми поработать, чтобы предложить свой проект правового статуса прокурора в предварительном расследовании.

Заметим, в очередной раз, что перечень полномочий прокурора, приведенный в статье 37 УПК РФ, позволяет определить общий контур его правового положения в стадии предварительного расследования и наметить

главные шаги к его оптимизации в свете нашей концепции о руководящей роли прокурора в досудебном производстве.

В качестве первого шага к намеченной цели прибегнем к приему классификации процессуальных прав прокурора в стадии предварительного расследования, которые изложены в статье 37 УПК РФ.

На наш взгляд, здесь имеет место три вида такого рода процессуальных правомочий: (1) универсальные права, которые прокурор использует по отношению ко всем органам предварительного расследования, (2) только те процессуальные права, что применимы к органам дознания и (3) специальные уголовно-процессуальные полномочия, что применимы к органам предварительного следствия.

К числу универсальных уголовно-процессуальных средств прокурорского реагирования на нарушения уголовно-процессуального законодательства, имеющих равное распространение на все органы предварительного расследования относятся:

– проверять законность и обоснованность решений органа предварительного расследования о приостановлении или прекращении уголовного дела и в случае необходимости отменять их своим постановлением (пункты 5.1 и 6 части первой статьи 37 УПК РФ);

– истребовать посредством запроса уголовное дело у поднадзорного органа предварительного расследования для ознакомления с ним¹ (часть 2.1 ст. 37 УПК

¹ Формулировка нормы, содержащейся в части 2.1 статьи 37 УПК РФ, неоднократно подвергалась критике со стороны ученых-процессуалистов, справедливо указывающих на появление определенной зависимости прокурора от мнения и желания следователя относительно предоставления материалов уголовного дела. Кроме того, Кодекс не урегулировал вопрос о порядке исполнения требования прокурора органом предварительного следствия, порядка ознакомления прокурора с затребованными материалами уголовного дела и пр. (См.: Лазарева, В. А. Прокурор в уголовном процессе. Москва, 2011. С. 86; Даровских О.И., Даровских С. М. Указ. соч. С. 80, 81). Полностью согласны с изложенным мнением и считаем, что правовая неопределенность, связанная с реализацией прокурором данного полномочия (прежде всего в отношении следователя, чревата ненадлежащим исполнением следователем требования прокурора и ухода от ответственности, и даже допущение злоупотреблений.

Как показывает изучение практики, истребование прокурором уголовного дела проводит к затягиванию сроков предварительного следствия.

См.: Приложение № 4, пункты 4.4, 4.4.1.

РФ);

– решать весь комплекс вопросов, связанных с заключением, реализацией и досрочным прекращением досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым (пункт 5.2 части первой статьи 37 УПК РФ)¹;

– участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении вопросов о применении мер пресечения, а также при рассмотрении ходатайств о производстве иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения, и при рассмотрении жалоб в порядке, установленном статьей 125 УПК РФ (пункт 8 части первой статьи 37 УПК РФ)²;

– возбуждать перед судом ходатайство о продлении срока запрета определенных действий, срока домашнего ареста или срока содержания под стражей по уголовному делу, поступившему или направляемому в суд с обвинительным заключением или постановлением о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера, а также ходатайство о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в случае, предусмотренном частью первой.1 статьи 214 УПК РФ (пункт 8.1 части первой статьи 37 УПК РФ);

В частности, примеры такого рода встретились в ряде уголовных дел: уголовное дело № 11902450029000028, возбужденное по пункту «а» части 3 ст. 171.2 УК РФ по ЦАО ГСУ СК России по г. Москве, уголовное дело № 11902450011000050, возбужденное 03 сентября 2019 г. по пункту «б» части 2 ст. 199 УК РФ, СУ по САО ГСУ СК России по г. Москве, уголовное дело № 11902450039000123, возбужденное 26 марта 2021 по части 4 ст. 159 УК РФ СЧ СУ УВД по ЮАО ГУ МВД России по г. Москве, уголовное дело № 11902890002000070, возбужденное 25 июля 2020 г. по пункту «в» части 5 ст. 290 УК РФ СУ Следственного комитета Российской Федерации по Республике Мордовия.

¹ Институт досудебного соглашения находится в полном распоряжении прокурора. Несмотря на многочисленные попытки идеологов следственной власти переподчинить этот правовой механизм органу предварительного следствия. Что подтверждено решениями Конституционного Суда России.

См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2017 № 2897-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лобова Павла Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 317.2, частью первой статьи 317.5 и пунктом 1 части второй статьи 317.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» //СПС КонсультантПлюс (дата обращения – 22.07.2022).

² Данная форма уголовно-процессуальной деятельности прокуроров находит широкое проявление в изученной практике.

См.: Приложение № 4, пункты 2.2.10, 3.6. В том числе, по уголовному делу № 11901170021021005 по обвинению К.Л.М., М.С.Д. по части 3 ст. 159 УК РФ / СЧ СУ УМВД России по Владимирской области.

– передавать уголовное дело от одного органа предварительного расследования другому в соответствии с статьей 151 УПК РФ, изымать любое уголовное дело у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передавать его (их) следователю Следственного комитета Российской Федерации с обязательным указанием оснований такой передачи (пункт 12 части первой статьи 37 УПК РФ);

– утверждать обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу (пункт 14 части первой статьи 37 УПК РФ);

– возвращать уголовное дело органу предварительного расследования для производства дополнительного дознания, следствия (пункт 14 части первой статьи 37, п. 2 ч. 1 ст. 221, п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК РФ)¹;

– реализовывать иные полномочия (пункт 16 части первой статьи 37 УПК РФ), в том числе: ведение статистики, принятие мер по профилактике нарушений процессуального законодательства, принятие мер по привлечению к ответственности должностных лиц правоохранительных органов, участвовавших в стадии предварительного расследования и допустивших нарушения закона и пр.².

¹ Данный механизм является одним из наиболее активно используемых прокурором, что можно расценить и средством компенсации нехватки у прокурора полномочий на управление уголовным преследованием на всем протяжении стадии. Достаточно определенное представление об институте возвращения уголовного дела прокурором органу предварительного расследования дают результаты изучения уголовных дел.

См.: Приложение № 4, пункты 5.1–5.6.1.

В том числе, такие случаи были отмечены по следующим уголовным делам: уголовное дело № 11901170021020995 по обвинению Б.Р.В, Ч.Н.А. по ч. 3 ст. 159 УК РФ / СЧ СУ УМВД России по Владимирской области, уголовное дело № 12001220089000156, возбужденное 12.03.2020 по ст. 159 ч. 3 УК РФ /СЧ ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области; уголовное дело № 11901450009000875 по обвинению М.С.В. и других по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ /СЧ СУ УВД по САО ГУ МВД России по г. Москве; уголовное дело № 11902450016000050 по обвинению Ш.В.Б., А.Р.Р. и др. по ч. 2 ст. 159.1, ч. 2 ст. 210 УК РФ /ГСУ ГУ МВД России по г. Москве.

² Даровских, О.И., Даровских С. М. Указ. соч. С. 64.

Наконец, в соответствии со статьей 124 УПК РФ уполномочен рассматривать и разрешать жалобы участников предварительного расследования на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования.

Прокурор в соответствии с действующим законодательством может в достаточно большой мере проявить свою позицию и настоять на ней. Полученные в ходе изучения правоприменительной практики данные позволяют судить об основных направлениях и формах участия прокурора стадии предварительного расследования¹. Проблема в том, что надзирающий прокурор не обязан в большинстве случаев их реализовывать, поскольку не отвечает за ход и результаты расследования.

Наша позиция относительно оптимизации статуса прокурора в этой части его процессуальных полномочий заключается в следующем.

Во-первых, считаем возможным оставить в принципиальном виде полномочия прокурора относительно:

- проверки и отмены постановлений органов предварительного расследования о приостановлении или прекращении уголовного дела (пункты 5.1 и 6 части первой статьи 37 УПК РФ);
- заключения, прекращения досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым (пункт 5.2 части первой статьи 37 УПК РФ);
- участия в судебных заседаниях при рассмотрении вопросов, связанных с осуществлением предварительного и последующего судебного контроля в стадии предварительного расследования (пункт 8 части первой статьи 37 УПК РФ);
- решения вопросов, связанных с продлением срока избранной органом

¹ См.: Приложение № 4, пункты №№ 3.1–3.3.1.

В том числе: уголовное дело № 12002890014000040 возбуждено 05.06.2020 по ст. 159 ч. 4 УК РФ / Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Мордовия, уголовное дело № 12001220089000156 возбуждено 12.03.2020 по ст. 159 ч. 3 УК РФ /СЧ ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области; уголовное дело № 11901170021020416 по обвинению А.А.М., М.А.Н., В.С.С. по ч. 4 ст. 159 УК РФ /СЧ СУ УМВД России по Владимирской области; уголовное дело № 11902450024000063 по обвинению М.С.В. и других по ч. 4 ст. 159 УК РФ /Замоскворецкий МСО СУ по ЦАО ГСУ СК России по г. Москве; уголовное дело № 11901450147001542 по обвинению Х.А.Р. и др. по п. «в» ч. 3 ст. 146 УК РФ /ГСУ ГУ МВД России по г. Москве.

предварительного расследования меры пресечения по поступившему для направления в суд уголовному делу, а также ходатайством о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в случае, предусмотренном частью первой.1 статьи 214 УПК РФ (пункт 8.1 части первой статьи 37 УПК РФ);

– передачи уголовного дела от одного органа предварительного расследования другому в соответствии с статьей 151 УПК РФ, изымать любое уголовное дело у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передавать его (их) следователю Следственного комитета Российской Федерации с обязательным указанием оснований такой передачи (пункт 12 части первой статьи 37 УПК РФ);

– утверждения обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления по уголовному делу (пункт 14 части первой статьи 37 УПК РФ);

– возвращения уголовного дела органу предварительного расследования для производства дополнительного дознания, следствия (пункт 14 части первой статьи 37, п. 2 ч. 1 ст. 221, п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК РФ).

В подтверждении нашей позиции можно сослаться на мнение практиков¹.

По поводу полномочий прокурора, связанных с рассмотрением и разрешением жалоб в порядке статьи 124 УПК РФ, наша позиция состоит в том, что прокурор и далее должен оставаться таковым субъектом, главное дополнение к этому состоит в наделении его общими мерами реагирования на выявленные при проверке жалобы факты нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона.

В связи с этим отметим, что в 2021 году органами прокуратуры по вопросам следствия и дознания разрешено 235,9 тыс. жалоб, из них удовлетворено 26,7 тыс. Больше половины жалоб обусловлено недовольством работой органов следствия

¹ См.: Приложение № 1, ответы на вопросы №№ 20, 32–33, 36; Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 20–22, 24, Приложение № 1, ответы на вопросы №№ 20.3, 24.

и дознания МВД России. Максимальное количество нарушений при расследовании уголовных дел следователями МВД России сохраняется в Дальневосточном федеральном округе (17,9 %). В два раза и более выше среднероссийского показателя число удовлетворенных обращений по вопросам работы Следственного комитета Российской Федерации в Чеченской Республике, Камчатском крае, Белгородской, Новгородской, Псковской областях, Ненецком автономном округе¹.

Высказываемые в науке предложения о специальном указании в Кодексе того, что проверку законности процессуальной деятельности органов предварительного расследования прокурор осуществляет не только при наличии жалоб, заявлений граждан либо информации, поступившей из любых источников, но и по своей инициативе² мы считаем излишним, так как это полномочие вытекает из общего смысла действующего закона и предполагается самой руководящей процессуальной ролью прокурора в стадии предварительного расследования.

Наше предложение по изменению данного круга полномочий касается прежде всего полномочия, предусмотренного частью 2.1 ст. 37 УПК РФ. Поддерживаем в целом предлагаемую нашими коллегами новую формулировку этой нормы, а именно: «по письменному запросу прокурора в течение 24 часов, с момента получения запроса, ему должны быть представлены материалы уголовного дела, находящегося в производстве следователя, дознавателя»³.

В целом формулировки вышеуказанных полномочий прокурора должны быть изменены в общем императивно-правовом смысле исключительности руководящего процессуального положения прокурора в стадии предварительного расследования, обязательности всех его решений для органов предварительного расследования⁴.

¹ См.: Обзор состояния работы по рассмотрению обращения в органах прокуратуры Российской Федерации в 2021 году. Генеральная прокуратура России. 2022.

² См.: Даровских, О. И., Даровских С. М. Указ. соч. С. 82.

³ См.: Там же. С. 81.

⁴ Авторская редакция статьи 37 УПК РФ предложена в приложении № 4.

Обратимся ко второму кругу прокурорских прав во второй стадии процесса, определенных в статье 37 УПК РФ. В отношении органов дознания у прокурора имеются полномочия, которые остались от прежней модели, в принципе обеспечивающие его надлежащее – руководящее положение, в том числе:

– давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий (пункт 4 части первой статьи 37 УПК РФ);

– давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения (пункт 5 части первой статьи 37 УПК РФ);

– отменять незаконные или необоснованные постановления органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя в порядке, установленном настоящим Кодексом (пункт 6 части первой статьи 37 УПК РФ);

– разрешать отводы, заявленные дознавателю, а также его самоотводы (пункт 9 части первой статьи 37 УПК РФ);

– отстранять дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований настоящего Кодекса (пункт 10 части первой статьи 37 УПК РФ);

– изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи (пункт 11 части первой статьи 37 УПК РФ);

– утверждать постановление дознавателя о прекращении производства по уголовному делу (пункт 13 части первой статьи 37 УПК РФ);

– возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения, обвинительного акта или

обвинительного постановления и устранения выявленных недостатков (пункт 15 части первой статьи 37, п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК РФ);

– прекращать уголовное дело по тому или иному из оснований, предусмотренных статьями 24–28 УПК РФ (пункт 15 части первой статьи 37, п. 3 ч. 1 ст. 226, п. 4 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ).

В целом наша позиция по данному кругу полномочий прокурора состоит в том, что они должны стать ядром будущего процессуального статуса прокурора и иметь своим адресатом все органы уголовного преследования, действующие в стадии предварительного расследования.

В отношении следователя, руководителя следственного органа – органа предварительного следствия у прокурора есть следующие исключительные полномочия:

– истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа о приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с настоящим Кодексом (пункт 5.1 части первой статьи 37 УПК РФ);

– рассматривать представленную руководителем следственного органа информацию следователя о несогласии с требованиями прокурора и принимать по ней решение (пункт 7 части первой статьи 37 УПК РФ).

Оба приведенных полномочия прокурора являются средством восполнения¹ нехватки полномочий прокурора при осуществлении надзора в отношении следователей, руководителей следственных органов. Такого мнения придерживаются многие исследователи².

¹ О недостаточности этих средств, неспособных нейтрализовать негативные последствия, проистекающие из конструктивных недостатков существующей правовой организации прокурорского надзора в стадии предварительного расследования, в досудебном производстве в целом, мы уже неоднократно высказывались.

² См.: Аппарат власти следственной / под общей ред. Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2016. С. 204–205; Байрамов, Ш. Ш. Проблемные аспекты надзора за исполнением законов как основная функция прокурора в досудебной стадии уголовного процесса // Российский Следователь. 2014. № 6. С. 11–15; Штадлер, Г. В. Актуальные вопросы осуществления прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания: научно-практический семинар, Санкт-Петербург, 10 февраля 2016 года: материалы / под общ. ред. Г. В. Штадлера. Санкт-Петербург, 2016. С. 3–7.

Совершенно справедливо отмечается то, что уголовно-процессуальный закон не содержит даже упоминаний о мерах, которые может предпринять прокурор в случае невыполнения должностными лицами его требований по устранению нарушений закона. Нет в УПК РФ и упоминания об обязательности выполнения указанных требований следователем¹.

Много нареканий вызывает механизм разрешения спора между прокуратурой и органом предварительного следствия, который предусмотрен частью четвертой статьи 221 УПК РФ². Изучение практики позволяет сделать выводы о достаточно редком его использовании³.

Наше мнение по этому вопросу совпадает с мнением коллег, согласно которому решение прокурора как надзирающего органа должно безоговорочно выполняться следователями и руководителями следственных органов. Это связано в первую очередь с тем, что иное решение по данному вопросу затрагивает, а часто и нарушает, права и законные интересы граждан⁴.

Главное противоречие правовой организации стадии и уголовного преследования состоит именно в том, что прокурор не вправе вмешиваться в предварительное следствие. Данное обстоятельство отмечается ведущими специалистами⁵. Ученые отмечают в качестве конструктивных недостатков современной правовой организации предварительного расследования, как сам факт дифференциации полномочий прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, так и отсутствие у прокурора прав самому осуществлять уголовное преследование.

¹ См.: Даровских, О. И., Даровских С. М. Указ. соч. С. 84.

² См.: Там же. С. 84.

³ См.: Приложение № 4, пункты 5.6, 5.6.1.

В том числе по уголовным делам: уголовное дело № 12001220036001396 возбуждено 16.07. 2019 по ст. 173.2 ч. 1 УК РФ /отдел по расследованию преступлений на территории Нижегородского района СУ УМВД России по г.Н.Новгороду; уголовное дело № 11901170021021008 по обвинению М.В.А по ч. 3 ст. 159 УК РФ /СЧ СУ УМВД России по Владимирской области; уголовное дело № 11901450005000099 по обвинению Г.С.П., Л.А.Ф и других по п. «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ / СЧ СУ УВД по ЮАО ГУ МВД России по г. Москве; уголовное дело № 11901450002001255 по обвинению К.С.В. по ч. 4 с. 159 УК РФ, ч. 1 ст. 167 УК РФ /СЧ СУ УВД по СВАО ГУ МВД России по г. Москве.

⁴ См.: Даровских, О. И., Даровских С. М. Указ. соч. С. 85, 86.

⁵ См.: там же. С. 56–59 и др.

Критически настроенные к современной правовой организации уголовно-процессуальной деятельности прокурора в стадии предварительного расследования приводят прежде всего общие замечания, которые затрагивают концептуальную модель уголовного преследования (предварительного расследования), в том числе, то, что прокурор не может участвовать в производстве предварительного расследования; не может лично производить отдельные следственные или процессуальные действия¹.

Главным объектом критики является то, что прокурор утратил ряд своих самых существенных прав по надзору за предварительным следствием. Эта утрата проявляется в следующем:

– прокурор не имеет права давать письменные указания следователю о направлении расследования, производстве следственных либо процессуальных действий;

– прокурор отстранен от решения следователем вопросов, связанных с избранием, продлением, изменением или отменой меры пресечения в отношении подозреваемых, обвиняемых;

– прокурор не дает своего согласия на прекращение уголовного дела органом предварительного следствия по основаниям, предусмотренным статьями 25, 25, 28, 28.1, 327 УПК РФ и не утверждает постановления следователя о прекращении производства по уголовному делу;

– прокурор утратил такое полномочие как прекращение уголовного дела или уголовного преследования в отношении отдельных обвиняемых полностью либо частично;

– прокурор не разрешает отводы, заявленные следователю;

– прокурор не может отстранять следователя от дальнейшего производства расследования;

– прокурор не может отменять незаконные и необоснованные постановления руководителя следственного органа;

¹ См.: Даровских, О. И. Актуальные проблемы уголовного процесса. С. 91–92.

– прокурор не может продлевать срок предварительного следствия¹.

Полагаем возможным согласиться со следующими выводами, сделанными нашими коллегами: в настоящее время прокурор лишен реальных и действенных мер прокурорского реагирования в случае выявления нарушений². Он фактически превратился в такую процессуальную фигуру, которая в значительной степени утратила свое процессуальное влияние на ход и результаты проводимого предварительного следствия по уголовному делу, хотя по смыслу его надзорных функций должен иметь право отменять все незаконные и необоснованные решения всех сотрудников правоохранительных органов, задействованных в уголовно-процессуальной деятельности³.

Как указывается нашими коллегами, законодатель, отказавшись от ранее действовавшей правовой модели деятельности прокурора, не смог сформировать новую эффективную правовую модель. Существующая на настоящий момент схема правового регулирования деятельности прокурора в досудебных стадиях имеет ряд существенных недостатков⁴.

Следуя нашей генеральной линии рассуждений о центральном положении прокурора в отечественной модели уголовно-процессуально-правового противодействия преступности, мы полагаем, что и в стадии предварительного расследования эта концепция должна быть последовательно воплощена. Отсюда главным объектом нашей критики являются те уголовно-процессуальные нормы, которые противоречат этой идее.

Подчеркнем то, что подобного подхода придерживаются и некоторые наши коллеги. Так вполне в русле наших рассуждений находится следующее высказывание А.Ю. Чуриковой: «Вся ответственность за качество осуществляемого уголовного преследования фактически лежит на прокуроре, который всегда обязан учитывать в своей деятельности, в том числе в досудебном

¹ См.: Даровских, О. И., Даровских С. М. Указ. соч. С. 64.

² См.: там же. С. 66.

³ Даровских, О. И. Актуальные проблемы уголовного процесса. С. 92.

⁴ См.: Чурикова, А. Ю. Правовая модель деятельности прокурора в российском и зарубежном уголовном процессе. С. 164.

производстве, что реализация назначения уголовного процесса невозможна без осуществления органами предварительного расследования только законного и обоснованного уголовного преследования»¹.

Таково общее состояние правового положения прокурора в стадии предварительного расследования как субъекта публичного уголовного преследования.

Остановимся теперь на выделанных ранее блоках из комплекса подлежащих решению прокурором вопросов посредством использования имеющихся у него процессуальных полномочий.

Начнем с центрального элемента публичного уголовного преследования: участие прокурора в выдвижении обвинения на стадии предварительного расследования.

Поскольку общая схема выдвижения обвинения нами не ставится под сомнение, постольку мы ограничимся только предложениями по ее оптимизацию через призму усиления в ней прокурорского присутствия.

По действующему законодательству прокурор участвует только на завершающем, но зато самом важном этапе выдвижения обвинения перед судом: им осуществляется утверждение обвинительного заключения или иного итогового процессуального акта органа предварительного расследования.

По мнению некоторых ученых², господствующая позиция прокурора в процедуре выдвижения обвинения перед судом даже усилилась в виду ряда изменений и дополнений статьи 221 УПК РФ, которые внес законодатель.

В уголовно-процессуальной науке существуют достаточно широкий спектр предложений по оптимизации процедуры направления прокурором уголовного дела в суд и придания предъявленного органом предварительного расследования обвинения юридической силы правопритязания обвинительной власти перед судом на применение уголовного закона к обвиняемому³.

¹ Чурикова, А. Ю. Указ. соч. С. 175.

² См.: Потапов, Д. В. Указ. соч. С. 43, 44.

³ Полагаем, что правовая суть утверждения прокурором состоит в том, что (1) адресатом становится судебная власть и (2) предмет уголовного спора в виде основных вопросов

Так, некоторые авторы высказывают несогласие с позицией законодателя, ограничивающей дискреционные полномочия прокурора при утверждении обвинительного заключения, а именно то, что прокурор лишен возможности самостоятельно корректировать обвинение¹.

Согласны с ними в том, что тот вариант, который ранее присутствовал в УПК РФ и позволял прокурору самому корректировать, вносить изменения, редактировать обвинительное заключение более отвечает сущности процедуры утверждения обвинительного заключения².

Относительно составления обвинительного заключения высказывалось предложение о целесообразности по сложным делам поручать составление обвинительного заключения прокурору либо прокурору совместно со следователем³.

Есть ученые, предлагающие изменить процессуальный порядок подготовки и выдвижения обвинения в досудебном производстве, через реализацию следующих идей: 1) придание лидирующей роли прокурора в этой процедуре; 2) устранение раскола в системе обвинительной власти; 3) расширение возможностей прокурора по распоряжению уголовным иском на завершающем этапе досудебного производства⁴.

Эти идеи являются ограниченным вариантом более радикального предложения о передаче прокурору полномочия на формулировку обвинения и самостоятельного выдвижения его в судебном порядке⁵. Что, в свою очередь, связаны с переходом на принципиально новую модель выдвижения обвинения.

уголовного дела, подлежащих разрешению судом. Прокурор конкретизирует, придает юридическую силу требованию о привлечении к уголовной ответственности обвиняемого.

¹ См.: Даровских, О. И., Даровских С. М. Указ. соч. С. 87, 88.

² См.: там же. С. 87, 88.

³ См.: Назаров, А.Д., Шагинян А. С. Роль прокурора в устранении следственных ошибок // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 121–128.

⁴ См.: Королев, Г. Н. О возможностях влияния прокурора на формирование государственного обвинения в ходе досудебного производства // Вестник ННГУ. 2018. № 4. С. 129.

⁵ См.: Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней. С. 62.

Наши предложения относительно оптимизации существующей – следственной модели выдвижения обвинения через усиления в ней роли прокурора заключаются в том, чтобы наделить прокурора следующими правами:

- давать указание следователю, дознавателю, иному лицу относительно предмета обвинения, в том числе квалификации, круга обстоятельств, подлежащих включению в описательно-мотивировочную часть постановления;
- разрешать жалобы обвиняемого, его защитника на постановление о привлечении в качестве обвиняемого и процедуру предъявления обвинения;
- отменять постановление о привлечении в качестве обвиняемого¹;
- самому составлять постановление о привлечении и предъявлять обвинение по уголовному делу, которое находится в его производстве;
- исключительно прокуратуре должно принадлежать право на снятие иммунитета от уголовного преследования со спецсубъектов в ходе предварительного расследования;
- требовать от органа предварительного следствия, органа дознания представления проекта постановления о привлечении в качестве обвиняемого²;
- при утверждении обвинительного заключения самому изменять обвинение в сторону улучшения положения обвиняемого, частично или полностью прекращать уголовное преследование обвиняемого или одного из обвиняемых.

По нашему мнению, оптимизация процессуального механизма, предусмотренного статьей 221 УПК РФ должна происходить в направлении

¹ Этому праву прокурора должна корреспондировать обязанность следователя немедленно, и во всяком случае не позднее 24 часов, направлять копию постановления о привлечении в качестве обвиняемого прокурору. Прокурор не позднее 48 часов должен поставить в известность следователя любым способом об отсутствии у него принципиальных возражений против предъявления обвинения. Таким образом, предъявление обвинения должно состояться, как и по ныне действующему порядку не позднее 3 суток со времени вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

² Таким полномочием прокурор, по нашему мнению, может воспользоваться, если ход и направление расследования уже были предметом вмешательства прокурора ввиду существенных нарушений уголовно-процессуального закона, грубых ошибок, допущенных следователем, подтвердившихся фактов нарушения законных прав и интересов участников предварительного расследования, а также по ходатайству обвиняемого, его защитника. Кроме того, это должно быть обязательным элементом выдвижения обвинения против спецсубъектов, перечисленных в статье 447 УПК РФ.

превращения прокурора в субъекта обвинения, который может распоряжаться им в публичных интересах и принимая во внимание соображения целесообразности. В этой связи мы предлагаем расширить круг полномочий прокурора и изложить часть первую статьи 221 УПК РФ в следующем виде: «1. Прокурор рассматривает поступившее от следователя уголовное дело с обвинительным заключением и в течение 10 суток принимает по нему одно из следующих решений:

1) об утверждении обвинительного заключения и о направлении уголовного дела в суд;

2) о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями;

3) о направлении уголовного дела вышестоящему прокурору для утверждения обвинительного заключения, если оно подсудно вышестоящему суду.

4) о прекращении уголовного дела в полном объеме или в его части по основаниям, предусмотренным настоящим Кодексом;

5) о поддержании ходатайства стороны защиты о рассмотрении уголовного дела в особом порядке, предусмотренном главой 40 Настоящего Кодекса;

б) о дополнении или сокращении списка лиц, подлежащих вызову в суд, за исключением списка свидетелей защиты».

Отношение практиков к этому кругу предложений изложено в обобщениях результатах их соцопросов¹.

Следующий проблемный блок, подлежащий нашему анализу, связан с участием прокурора в разрешении уголовного дела в досудебном производстве по существу.

В уголовно-процессуальной литературе достаточно освещена проблематика

¹ См.: Приложение № 1, ответы на вопросы №№ 32–33; Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 20–21; Приложение № 3, ответы на вопросы №№ 20–21.

участия прокурора в процедуре прекращения уголовных дел. Нет недостатка в критике существующей модели прокурорского надзора за правомерностью постановлений о прекращении уголовного дела, в том числе прекращения уголовных дел по некоторым нереабилитирующим основаниям. Так, по мнению некоторых критиков этой уголовно-процессуальной модели схема «следователь – прокурор – следователь», позволяет превращать постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по реабилитирующим основаниям в постановления о прекращении по нереабилитирующим основаниям¹, то есть является источником злоупотреблений и нарушения прав личности.

Основа нашей позиции состоит в том, чтобы порядок вступления в силу решений органов предварительного расследования о прекращении уголовных дел был общим. Общей должна быть и процедура получения согласия, вернее даже сказать, санкционирования прокурором постановлений как органа дознания, так и органа предварительного следствия о прекращении уголовного дела.

Безусловно, поддерживаем мнение² о том, что прокурор должен утверждать постановление о прекращении уголовного дела и направлении его в суд для принятия окончательного решения: а) в процедуре замены уголовного наказания штрафом; б) в процедуре назначения принудительных мер воспитательного воздействия³.

Между тем, наибольшую остроту и актуальность имеет один аспект темы об участии прокурора в процедуре прекращения уголовных дел в стадии предварительного расследования.

Прокурор как сторона обвинения в уголовно-правовом споре, который в полной мере разворачивается в стадии предварительного расследования, является одним из главных персонажей, вокруг которых строятся современные теории о

¹ См.: Чурикова, А. Ю. Правовая модель деятельности прокурора в российском и зарубежном уголовном процессе. С. 189.

² См., напр.: Потапов, Д. В. Указ. соч. С. 176.

³ См.: Шерстнев, В. Б. Указ. соч. С. 16.

так называемом договорном, согласительном разрешении уголовно-правового спора¹.

Суть этих теорий состоит в обоснование необходимости упрощения уголовно-процессуальных производств по бесспорным уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, где стороны мирно договорились по основным вопросам, прежде всего по вопросу о возмещении преступного вреда и восстановлении нарушенных преступлением правоотношений.

Согласно воззрениям представителей этого учения, в современном уголовно-процессуальном праве уже имеются конструктивные элементы такой модели в виде оснований прекращения уголовного дела (преследования), закрепленных в ст. 20 часть ч. 2, 25, 28, 28¹, 27 ч. 1 п. 3 УПК РФ. Особое значение, как образца такой модели, придается основаниям и процедурам прекращения дел, предусмотренным статьей 28.1 УПК РФ и статьей 76.1 УПК РФ².

Главное, чем обосновывается данная концепция – это соображения целесообразности и гуманизма, эффективности достижения целей уголовного процесса³.

¹ См.: Абшилава, Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Москва : Юрлитинформ, 2012; Александров, А. С., Зайцев О. А. Перспективы развития договорных механизмов в «экономическом уголовном судопроизводстве» // Устойчивый экономический рост и право: сборник материалов к XVI Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / ред. кол.: В. М. Жуйков, О. В. Гутников, С. А. Сеницын, М. Л. Шелютто; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва, 2021. С. 236–245; Власова С.В. Теоретическая концепция правовой (уголовно-процессуальной) организации противодействия преступности в сфере экономики. С. 330 и след.

² См.: Александров, А.С., Александрова И. А. Особый (частно-публичный) организационно-правовой механизм применения уголовного закона в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Журнал российского права. 2018. № 2 (254). С. 80–93; Власова, С. В. Теоретическая концепция правовой (уголовно-процессуальной) организации противодействия преступности в сфере экономики. С. 198–202.

³ См., напр.: Апостолова, Н. Н. О соотношении законности и целесообразности в российском уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2011. № 1. С. 43–45; Александров, А. С., Варяник, А. А. О факторе экономической целесообразности, подлежащем учету при прекращении публичного уголовного преследования по некоторым нереабилитирующим основаниям // Вестник Нижегородской академии МВД России. Нижний Новгород. 2004. № 4. С. 48–50; Буфетова, М. Ш., Литвинцева, Н. Ю. К вопросу о принципе целесообразности в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского

Важная роль в данной согласительной концепции отводится прокурору¹.

Прокурор в уголовно-правовом споре по делу публичного или частно-публичного обвинения видится ключевой фигурой. Именно прокурор выступает от стороны обвинения и государства одной из договаривающихся сторон. Остальные соучастники спора со стороны обвинения должны оцениваться как субсидиарные, вспомогательные участники данной процедуры, к таковыми могут быть отнесены, как потерпевший, гражданский истец их представители, так и публичные – следователь, дознаватель и другие представители органов предварительного расследования. Все они могут выступать только как просители, ходатаи перед прокурором с тем, чтобы тот в свою очередь представил общую позицию обвинения² перед судом по вопросу об урегулировании уголовно-правового спора по одному из компенсаторно-штрафных оснований, предполагающих замену наказания иной, альтернативной мерой уголовно-правового воздействия.

Создатели концепции о договорном урегулировании уголовно-правового спора предлагают несколько способов ее правовой организации. Они сводятся, во-первых, к «прокурорской модели», наиболее простой, поскольку не предполагается внесудебное разрешение всех вопросов, в рамках существующей процедуры прекращения уголовного дела в стадии предварительного расследования³.

Так, в предлагаемой В.Б. Шерстневым «прокурорской модели» прокурор берет на себя роль субъекта, принимающего решение (в виде «прокурорского приказа») о прекращении уголовного дела (преследования)⁴ при установлении им,

института МВД России. 2021. № 3. С. 167–177; Самарин, В.И. Принцип целесообразности против принципа публичности в современном уголовном процессе // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. И. Самарин. Минск, 2017. С. 73–84.

¹ Позиция практиков по данному вопросу см.: Приложение № 1, ответы на вопрос № 32; Приложение № 2, ответы на вопрос № 20; Приложение № 3, ответы на вопрос № 20.3.

² Прокурор обязан представить интересы потерпевшего, гражданского истца и обеспечить их защиту, в равной степени, как и защитить публичный правовой интерес.

³ См.: Шерстнев, В. Б. Указ. соч. С. 17–18.

⁴ Если быть более точным, то в концепции В.Б. Шерстнева речь идет об отказе прокурора от выдвижения обвинения, отказе от уголовного преследования до обращения в суд.

во-первых, обоснованности подозрения (согласие подозреваемого со своей причастностью к совершению преступления, которое ему инкриминируют) и, во-вторых, добровольном и в полном объеме возмещении подозреваемым причиненного им ущерба потерпевшему¹. Здесь прокурор, таким образом, действует одновременно и как субъект уголовного преследования и как субъект, руководящий органами предварительного расследования.

Вторая упрощенная модель разрешения уголовно-правового спора предполагает участие суда, в качестве такового в последнее время многим ученым видится «следственный судья», по аналогии с зарубежными моделями. В такой, судебной модели центральной фигурой, естественно, выступает именно судебный орган. Так, в соответствии с позицией В.Б. Шерстнева уголовное дело может быть прекращено следственным судьей при соблюдении следующих принципиальных условий (условий первой очереди), а именно: (1) обоснованности выдвинутого прокурором в судебном заседании обвинения и согласия обвиняемого с обвинением, (2) возмещение к моменту принятия судом решения обвиняемым преступного ущерба в полном объеме, (3) выплата обвиняемым назначенного судьей штрафа².

Следует подчеркнуть то, что и в судебной модели договорного способа разрешения уголовно-правового спора именно прокурор-обвинитель выступает инициатором и единственным процессуальным представителем стороны обвинения при разрешении основных вопросов уголовного дела.

Таким образом, в обеих обсуждаемых ныне концепциях согласительного/договорного урегулирования уголовно-правовых споров прокурор, но не орган предварительного расследования (предварительного следствия) выступает главным действующим процессуальным деятелем и соучастником процессуального правоприменения.

Этот автор, как и другие представители нижегородской школы процессуалистов является сторонником судебной формы выдвижения обвинения. Так далеко мы не можем зайти. Хотя общий ход рассуждений нам импонирует.

¹ См.: Шерстнев, В. Б. Указ. соч. С. 17–18.

² См.: Шерстнев, В. Б. Указ. соч. С. 17–18.

Неслучайно поэтому один наиболее ярких представителей концепции о договорном способе разрешения уголовно-правовых споров в досудебном производстве выдвигает в качестве одного из актуальных предложений возвращение прокурору главенствующего положения в досудебном урегулировании уголовно-правового спора¹. Причем справедливо связывает это предложение с возвращением прокурору лидирующего положения в досудебном производстве².

Полностью разделяя подобные взгляды, хотелось бы одновременно обозначить и наше отличие от некоторых идей сторонников концепции договорного способа урегулирования уголовно-правовых споров в ходе досудебного производства.

Так, В.Б. Шерстнев, как и другие представители этой концепции, видит предлагаемую уголовно-процессуальную модель в свете состязательной идеологии. Отсюда его тезис о диспозитивном характере полномочий прокурора на (а) *распоряжение* публичным обвинением, в том числе его *предметом*, но также и доказательствами, его поддерживающих; (б) на заключение соглашения со стороной защиты об условиях урегулирования уголовно-правового спора³. Разумеется, с такой трактовкой правового статуса прокурора и его прав по распоряжению обвинением мы не можем согласиться.

Придерживаемся классического представления о том, что прокурор руководствуется принципами публичности и законности в процедуре прекращения уголовного дела (преследования) в стадии предварительного расследования. Ни о каком распоряжении предметом обвинения, равно как и о распоряжении обвинением не может быть и речи. Утверждать обратное, как это делают представители договорного учения, значит отрицать основы основ отечественной правовой школы: обвинение должно соответствовать тому преступлению, которое действительно совершил обвиняемый. Утверждение о

¹ См.: Там же. С. 16–17.

² См.: Там же. С. 17.

³ См.: там же. С. 17, 18.

совершении преступления должно основываться на истинном знании, объективной истине. Прокурор обязан убедиться в том, что обвинение, которое предъявлено обвиняемому доказано и соответствует тому, что в реальности было совершено лицом, обвиняемым в совершении преступления. Никакого торга, соглашения между прокурором и стороной защиты относительно предмета обвинения, его доказательств, относительно основания прекращения уголовного дела не может быть.

Особенно сильно влияние диспозитивно-договорной идеологии на правовое положение прокурора в стадии предварительного расследования проявляется со стороны представителей либерального течения уголовно-процессуальной науки. Именно среди них распространена идея о том, что инициатива привлечения к уголовному преследованию нарушителя законодательства в сфере экономики, равно как и освобождения от уголовной ответственности, должна принадлежать тому субъекту, которому причинен материальный ущерб. Этот субъект должен быть наделен диспозитивным правом использования наиболее удобного (выгодного) для него правового средства защиты своего интереса¹.

Однако, если в качестве субъекта диспозитивности вполне может быть помыслен потерпевший, гражданский истец, то применительно к прокурору, равно как и другому представителю публичной следственно-обвинительной власти такой статус неприемлем. Попытки же проводить отождествление процессуально-правового статуса прокурора и частного (сообвинителя) обвинителя мы считаем неправильными.

Таким образом, наш окончательный общий вывод относительно оптимизации процедуры прекращения уголовных дел в стадии предварительного расследования состоит в следующем:

прокурор должен быть уполномочен отменить постановление о прекращении уголовного дела вынесенное органом предварительного

¹ См.: Власова, С. В. Теоретическая концепция правовой (уголовно-процессуальной) организации противодействия преступности в сфере экономики. С. 211; Шерстнев, В. Б. Указ. соч. С. 32, 33.

расследования по любому из реабилитирующих оснований¹;

прокурора надлежит наделить полномочием на санкционирование постановления о прекращении уголовного дела по любому из нереабилитирующих оснований;

прокурор должен утверждать постановление органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела и направлении дела в суд для наложения на обвиняемого штрафа вместо назначения наказания и применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительных мер воспитательного воздействия.

Перейдем к теме об участии прокурора в применении органами предварительного расследования всего спектра процессуальных мер принуждения, имеющих различную целевую направленность, но сопряженных с ограничением конституционных прав лиц, участвующих в предварительном расследовании уголовного дела.

Наша позиция здесь не будет оригинальной, мы вполне разделяем мнение ученых-исследователей о том, что участие прокурора во всех судебных процедурах, связанных с осуществлением судебного контроля в стадии предварительного расследования является обязательным². Также согласны с позицией сторонников возвращения прокурору полномочий при решении вопроса об избрании меры пресечения: встретиться с обвиняемым, выслушать его позицию, позицию его защитника и с учетом уже всей информации, принимать обоснованное решение. Эти полномочия должны реализовываться прокурором не только по делам, находящимся в производстве дознавателей, но и по делам, по которым ведется предварительное следствие³.

В отношениях стороны обвинения с судом и со стороной защиты, иным оппонировавшим органам публичного уголовного преследования участникам

¹ Порядок направления копий таких постановлений прокурору и реагирования на это прокурора следует сохранить в том виде, который существует ныне в отношениях между прокурором и органом дознания.

² См.: Приложение № 1, ответы на вопрос № 32; Приложение № 2, ответы на вопрос № 20; Приложение № 3, ответы на вопрос № 20.3.

³ См.: Даровских, О.И., Даровских С. М. Указ. соч. С. 87–88.

предварительного расследования, прокурор обязан выступать официальным представителем государства. Следователь, дознаватель, другой субъект уголовного преследования может участвовать в судебном заседании только в качестве свидетельствующего по вопросам, ставших предметом судебного рассмотрения. Никаких конкуренции, несогласованности в позиции прокурора и органа предварительного расследования перед судом не должно быть¹. Позиция в суде у стороны публичного обвинения может быть только одна – прокурорская.

Полностью разделяем вывод, сделанный Д.В. Потаповым о том, что полномочия по решению вопросов взаимодействия органа предварительного следствия или дознания с судебными органами должны принадлежать прокурору. Только прокурор должен представлять сторону обвинения в суде². При этом должно быть исключена передача в суд споров между прокурором и органом предварительного расследования.

Вместе с тем прокурор должен быть уполномочен на делегирование своих полномочий органу дознания или органу предварительного следствия для представления солидарной позиции стороны обвинения в суде. После предварительного согласования этой позиции.

Скажем подробнее об этом институте, поддерживаемом и развиваемом нами³. Идея делегирования прокурором полномочий государственного обвинителя органу дознания была заложена в проект УПК РФ, который в 2000 году поступил в Государственную Думу РФ для обсуждения. Согласно п. 6 ст. 5 Проекта УПК РФ «государственный обвинитель» - это должностное лицо прокуратуры, а также органа дознания - по поручению прокурора, поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу». Впрочем, механизм наделения прокурором орган дознания полномочиями

¹ Все разногласия между прокурором и должностными лицами органа предварительного расследования должны быть предварительно сняты в организационном, а не процессуальном порядке. Прокурор может выслушать позицию и доводы представителя органа предварительного расследования и принять ее во внимание. Но решение принимает самостоятельно.

² См.: Потапов, Д. В. Указ. соч. С. 45.

³ Его проект в виде конкретных уголовно-процессуальных норм предложен нами в Приложении № 5.

гособвинителя не был предусмотрен. И потому в процессе последующей доработки текста кодекса, данная норма бесследно ушла в небытие.

Между тем данный институт был известен отечественному уголовно-процессуальному праву в прошлом. Он предусматривался ст.ст. 47–49, 64 Устава уголовного судопроизводства, согласно которым перед местным судом помимо чинов прокурорского надзора обвинителями по уголовным делам, по которым расследование проводилось в форме полицейского дознания, могли выступать органы общегосударственной полиции, т.е. столичной, губернской, земской и городской¹.

В соответствии со ст.ст. 50, 97 УПК РСФСР (в ред. 1923г.) «непрокурорское государственное обвинение» допускалось в лице рабоче-крестьянской, технической, продовольственной, санитарной и иной инспекции². Это конечно, уже несколько иной вариант публичного обвинения, но сама идея уполномочивания прокуратурой иного государственного органа на поддержание обвинения в суде здесь также присутствует.

А.С. Александров и С.Д. Белов, проводившие исследование данного феномена, сделали вывод о том, что полномочия органа дознания на поддержание государственного обвинения производны от полномочия прокурора на осуществление функции уголовного преследования. Надзирающий прокурор «поручает», т.е. наделяет конкретными полномочиями на поддержание государственного обвинения по уголовному делу у мирового судьи орган дознания, чей дознаватель проводил расследование³.

С учетом появления дознания в сокращенной форме, можно по аналогии предложить то, что и в этой ситуации прокурор вправе уполномочить орган дознания на поддержание государственного обвинения в суде.

¹ См.: Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий (ст.ст. 1–84) / под ред. проф. М. Н. Гернета. Выпуск 1. М., 1914. С. 90 и след.

² См.: Полянский, Н. Н. Сравнительный очерк старой и новой редакции УПК РСФСР. Москва : Право и жизнь, 1923. С. 13.

³ См.: Александров, А. С., Белов, С. Д. Поддержание государственного обвинения в суде: новая роль дознавателя // Российская юстиция. 2002. № 12. С. 43–45.

Разделяем позицию ученых относительно следующих параметров анализируемого процессуального механизма.

Во-первых, дискреционным правом на предоставление полномочия государственного обвинителя органу дознания можно наделить райгорпрокурора – руководителя прокуратуры, который утверждает обвинительный акт, обвинительное постановление.

Принимая такое решение по мотиву целесообразности, прокурор должен учитывать обстоятельства дела, его общественное значение и пр. За прокурором остается право на поручение поддержания гособвинения сотруднику руководимой им прокуратуры в тех случаях, когда это необходимо для наилучшего обеспечения публичного интереса.

Во-вторых, решение о предоставлении такого рода полномочия органу дознанию принимается при утверждении обвинительного акта, обвинительного постановления.

В-третьих, решение об этом прокурор принимает, убедившись в совершении обвиняемым инкриминируемого преступления и добровольности согласия на рассмотрение дела в особом порядке.

В-четвертых, решение об этом должно быть оформлено письменным поручением, которое выдается представителю органа дознания после утверждения обвинительного заключения.

Полагаем возможным распространить действие данного механизма не только на уголовные дела о преступлениях, относящихся к подсудности мирового судьи, но и районного (городского) суда.

Что касается категории уголовных дел, по которым, с нашей точки зрения, надзирающий прокурор вправе уполномочить орган дознания на поддержание гособвинения в суде, то это могут быть все уголовные дела, подследственные органам дознания, по которым обвиняемым заявлено ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

Позиция практиков по данному вопросу изложена в приложениях¹.

Полагаем возможным, в связи с этим дополнить статью 226 УПК РФ следующими нормами:

Часть 2.2. При наличии по уголовному делу ходатайства обвиняемого о рассмотрении уголовного дела в особом порядке, прокурор вправе поддержать его при утверждении обвинительного акта.

Решение об этом оформляется в виде письменного согласия на ходатайстве обвиняемого.

Прокурор вправе лично убедиться в виновности обвиняемого по предъявленному обвинению, согласии его с обвинением, и добровольности его решения о разрешении уголовного в особом порядке путем его допроса.

Часть 2.3. При согласии прокурора на рассмотрение судом уголовного дела в особом порядке поддержание государственного обвинения по данному делу может быть поручено органу дознания, о чем прокурором составляется постановление.

Часть 2.4. Поручение на поддержание государственного обвинения вручается прокурором представителю органа дознания вместе с утвержденным обвинительным актом.

Делегирование органу дознания полномочия на поддержание государственного обвинения в суде по бесспорному уголовному делу об очевидном преступлении небольшой или средней тяжести, что подразумевает упрощенный порядок его рассмотрения судом и деятельности обвинителя.

Такого рода поручение может давать прокурором органу дознания в трех случаях.

1. При направлении уголовного дела в суд с обвинительным актом для рассмотрения в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

2. При направлении прокурором уголовного дела с обвинительным постановлением.

¹ См.: Приложение № 1, ответы на вопрос № 33; Приложение № 2, ответы на вопрос № 21; Приложение № 3, ответы на вопрос № 21.

3. При направлении прокурором утвержденного им постановления следователя, дознавателя¹ о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Нормы, аналогичные вышеприведенным, полагаем возможным внести и в статьи 226.8, 446.2. УПК РФ.

С учетом третьей категории дел целесообразно уполномочить прокурора давать поручение на поддержание государственного обвинения не только органу дознания, но и предварительного следствия. Впрочем, это надо считать единственным случаем.

Прокурор может дать письменные указания органу дознания (органу предварительного следствия), в которых изложит свою позицию относительно вида и размера наказания, подлежащего назначению, штрафа, размера возмещения ущерба и т.п.².

Очевидно, должна быть юридически регламентирована форма такого представительства со стороны органа дознания (органа предварительного следствия). Полномочия государственного обвинителя в лице представителя органа дознания (органа предварительного следствия) должны быть удостоверены специальным процессуальным документом³.

Обвинение в суде должен поддерживать или начальник органа дознания или, по его письменному указанию, один из работников органа дознания, за исключением того, кто непосредственно проводил дознание, ибо не исключена возможность, что суду понадобится допросить последнего в качестве свидетеля⁴. Полагаем, что то же самое надо сказать и о представителе органа предварительного следствия.

¹ Предлагаем изменить существующий порядок направления в суд уголовных дел данной категории, вернув решающее полномочие прокурору.

² См.: Александров, А.С., Белов, С.Д. Указ. соч. С. 43–45.

³ См.: там же. С. 45.

⁴ См.: там же. С. 43–45.

Смена обвинителя из числа сотрудников органа дознания (органа предварительного следствия) не может происходить без согласия надзирающего прокурора, даваемого в письменной форме, в ответ на запрос уполномоченного органа.

Согласимся с тем, что на представителя органа дознания (органа предварительного следствия), уполномоченного на поддержание государственного обвинения в суде, распространяются нормы, содержащиеся в ст. 244, ч. 5 ст. 246 УПК РФ, то есть он пользуется всеми процессуальными правами государственного обвинителя как стороны в деле. В то же время самостоятельно распоряжаться обвинением, в форме отказа от поддержания обвинения или смягчения обвинения (часть 7 ст. 246 УПК РФ) он не может.

Обозначим свою позицию относительно участия прокурора в определении сроков предварительного расследования по уголовному делу. Отстранение прокурора от решения вопросов о продлении сроков предварительного следствия было, на наш взгляд, плохим решением.

Наша позиция, солидарная с позицией других ученых¹, практиков², состоит в том, чтобы вернуться к прежнему состоянию, когда только прокурор был уполномочен продлевать сроки как дознания, так и предварительного следствия.

Если говорить о более частных вопросах, примыкающих к рассматриваемой проблематике, то надо сказать о таком аспекте привлечения к публичному уголовному преследованию в стадии предварительного расследования как лишение иммунитета спецсубъектов, перечисленных в статье 447 УПК РФ.

Как уже указывалось выше, мы являемся сторонниками возвращения к прежней схеме лишения иммунитета от уголовного преследования «спецсубъектов», перечисленных в статье 447 УПК РФ, и предъявления им обвинения в случаях если уголовное дело было возбуждено по факту или в отношении иного лица, где ключевой фигурой является прокурор.

¹ См.: Даровских, О.И., Даровских С.М. Указ. соч. С. 87–88; Чурикова, А. Ю. Указ. соч. С. 154.

² См.: Приложение № 1, ответы на вопрос № 32; Приложение № 2, ответы на вопрос № 20; Приложение № 3, ответы на вопрос № 20.3.

И наконец, отдельного анализа заслуживает тема об участии прокурора в уголовно-процессуально-правовой организации противодействия экономической преступности в стадии предварительного расследования.

Создание особого уголовно-процессуального порядка применения уголовного закона к субъектам предпринимательской деятельности, как уже многократно отмечалось нами, составляет одну из самых актуальных задач современной уголовной политики. Ее решение имеет жизненно важное значение, ибо от ее решения зависит экономическая безопасность России, развитие экономики, а значит всего общества. Она находится в центре внимания руководства страны, всех ветвей власти российского государства, правоохранительных органов.

Защита, с одной стороны, бизнеса и населения от предпринимательских преступлений, а с другой стороны – ограждение хозяйствующих субъектов от избыточного, а тем более незаконного вмешательства органов публичного уголовного преследования в ходе досудебного производства, представляет собой сложную проблему.

Приходится решать эту проблему имеющимися в наличии правовыми средствами: уголовным и уголовно-процессуальным правом. Поддерживаем мнение о том, что ключ к решению этой проблемы лежит в уголовно-процессуальном праве, а не в материальном, то есть не в гуманизации уголовного закона, декриминализации предпринимательских преступлений, умножении и усложнении составов преступлений экономической направленности, что делалось законодателем последние 10–12 лет.

Трудно согласиться с идеей о переводе большей части «предпринимательских преступлений» в разряд «уголовных проступков», с которой до недавнего времени выступал председатель Верховного Суда России В. Лебедев¹. Данная идея была заложена в законопроект «О внесении изменений в

¹ См.: Лебедев предложил расширить сферу применения института уголовного проступка института уголовного проступка : публикация от 11 февраля 2020 года. Текст : электронный //Верховного Суд РФ : [сайт]. URL : http://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/28755/ (Дата обращения : 12.03.2023).

Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»¹, ныне отозванный самим субъектом законотворческой инициативы.

При некоторых плюсах перевода предпринимательских преступлений в уголовные проступки: меньшая общественная опасность, отсутствие судимости, возможность досудебного разрешения альтернативным путем (статьи 76.1 УК РФ, 28.1 УПК РФ), такое решение имеет и минусы. Производство по уголовным делам об уголовных проступках должно быть в «суммарном производстве»: такова модель уголовного преследования за уголовные проступки в тех странах, где они предусмотрены. В России это «суммарное производство», соответственно – дознание. Тем самым, отпадает возможность проведения по предпринимательским уголовным проступкам предварительного следствия. Но учитывая их сложность, проведение предварительного расследования такого рода дел в форме дознания вряд ли будет возможно. Еще одно противоречие, порождаемое инициативой об «уголовных проступках», состоит в том, что «суммарное производство» исключает проведение судебного процесса с участием присяжных заседателей, что одновременно предлагают реформаторы². Так что инициаторы предложений введения принципиально новых для отечественной уголовно-правовой доктрины институтов вроде уголовных проступков не вполне осознают их процессуальные последствия.

В конструировании особого порядка уголовного преследования предпринимателей мы должны опираться на возможности существующей уголовно-процессуальной системы, со всеми ее плюсами и минусами.

Надо принять как данность, что досудебное производство, предварительное расследование имеет следственную форму. И только в этой форме возможно

¹ См.: Проект № 1112019-7 федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». Текст : электронный // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7>(Дата обращения : 12.03.2023).

² См.: Лебедев, поддержал идею рассматривать экономические дела судом присяжных : публикация от 27 октября 2020. Текст : электронный // Право.ру : [сайт]. URL : <https://pravo.ru/news/226996/>(Дата обращения : 12.01.2023)

решение вопросов о привлечении к уголовной ответственности субъектов предпринимательской деятельности за преступления.

Поэтому законодатель вплоть до настоящего времени использует элементы следственной уголовно-процессуальной модели для формирования особого порядка досудебного уголовного преследования представителей бизнеса. Основу этой особой уголовно-процессуальной формы составляет модель частного-публичного обвинения (часть 3 статьи 20 УПК РФ), к которой примыкают ряд правил, представляющих изъятия из общего порядка следственного, публичного уголовного преследования (применения мер процессуального принуждения, доказывания), производимого после возбуждения уголовного дела.

Созданная на настоящий момент модель такого особого уголовного преследования лиц, совершивших преступления в сфере экономической деятельности, представляет собой, конечно, уникальное явление. Как известно оно нравится не всем и есть достаточно острая критика его¹, которая конструктивна в той мере, в какой не приводит к отрицанию самой идеи создания особого, прямо скажем льготного, режима уголовного преследования субъектов предпринимательской деятельности в досудебных стадиях.

Поскольку другого позитивного права у нас нет, постольку и совершенствовать надо то, что есть. И предлагать, для его совершенствования надо реалистичные меры. Поэтому, отвергаем проект некоторых специалистов², предлагающих фактически приватизировать сферу противодействия экономической преступности – через введение института частного обвинения по делам о предпринимательских преступлениях, где обеими сторонами конфликта выступают коммерческие организации.

Поддерживая в целом такой подход, должны, вместе с тем, принципиально высказаться против изменения процедуры выдвижения обвинения по уголовным

¹ См.: Александров, А.С., Александрова И. А. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики : монография. Москва : Юрлитинформ, 2017. С. 7–9, 19, 23, 280–289 и др.

² См.: Власова, С. В. Теоретическая концепция правовой (уголовно-процессуальной) организации противодействия преступности в сфере экономики. С. 359–360.

делам данной категории и отказ от существующей – следственной модели привлечения лица в качестве обвиняемого и предъявления обвинения, которая регулируется главой 23 УПК РФ¹, к так называемой *судебной*². Хотя это предложение преподносится под лозунгом повышения роли в этой процедуре прокурора³. Такая модель выдвижения обвинения, по мнению ее авторов, состоит в том, чтобы не постановление следователя, а процессуальный акт, утверждаемый или даже составляемый самим прокурором, выступал актом выдвижения обвинения перед следственным судьей и служил основанием для предания обвиняемого суду первой инстанции⁴.

Выступаем за сохранение существующей – следственной модели выдвижения обвинения и потому считаем уместным только ее оптимизацию в том числе и через увеличения в ней участия прокурора.

В этом плане считаем оптимальным предоставить прокурору полномочия на санкционирование постановления о привлечении в качестве обвиняемого, о чем уже говорилось выше. Санкционирование же в свою очередь подразумевает проверку и оценку прокурором доказательств, которыми следователь обосновывает постановление о привлечении в качестве обвиняемого субъекта предпринимательской деятельности.

Разумеется, введение этой процедуры не умаляет значения процедуры, предусмотренной статьями 221, 222 УПК РФ, где прокурор в окончательном виде решает вопрос о выдвижении обвинения перед судом, в который дело направляется для разрешения по существу.

Необходимость вовлечения прокурора в процедуру выдвижения обвинения на начальном этапе, на наш взгляд, стало назревшей необходимостью. Если не по всем делам, то по отдельным категориям уголовных дел. К ним мы отнесли бы, во-первых, уголовные дела о преступлениях в отношении предпринимателей,

¹ См.: Там же. С. 350–370.

² См.: Там же. С. 369, 370.

³ См.: Там же. С. 370.

⁴ См.: Александров, А. С., Александрова И. А., Власова С. В. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в 21 веке // Государство и право. 2019. № 9. С. 75–86.

обвиняемых в преступлениях экономической направленности и налоговых преступлениях. Во-вторых, уголовные дела в отношении «спецсубъектов», перечисленных в статье 447 УПК РФ. И наконец, уголовные дела в отношении несовершеннолетних, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. По указанным трем категориям уголовных дел, с нашей точки зрения, прокурор должен санкционировать привлечение лица в качестве обвиняемого и предъявление ему обвинения. В этой связи предлагаем дополнить статью 171 УПК РФ двумя нормами, предусматривающими наделение надзирающего прокурора соответствующими полномочиями, а именно:

частью пятой следующего содержания: «5. Надзирающий, процессуальный прокурор вправе потребовать от следователя направления копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого для получения санкции на предъявление обвинения»;

частью шестой: «6. Санкционирование надзирающим, процессуальным прокурором постановления о привлечении в качестве обвиняемого является обязательным по уголовным делам в отношении следующих лиц:

(а) лиц, указанных в статье 447 УПК РФ,

(б) субъектов предпринимательских преступлений, обвиняемых в совершении налоговых преступлений и преступлений экономической направленности,

(в) несовершеннолетних лиц, обвиняемых в совершении тяжких или особо тяжких преступлений».

Статью 172 УПК РФ предлагаем дополнить нормой, конкретизирующей порядок предъявления обвинения, которое было санкционировано прокурором, следующего содержания: «Обвинение должно быть предъявлено лицу не позднее 3 суток со дня санкционирования прокурором постановления о привлечении его в качестве обвиняемого в присутствии защитника, если он участвует в уголовном деле».

Основные выводы по параграфу.

Главным средством усиления законности или даже – укрепления правовой определенности в главной, решающей стадии досудебного производства мы видим повышение роли надзирающего прокурора, которую предлагаем пересмотреть в свете концепции «процессуальный прокурор».

Понятию же «прокурорский надзор» в виду его изначальной нагруженности общенадзорной идеологией, к которой к тому же добавлена изрядная доля самодостаточности, мы склонны придавать вторичное – инструментальное значение. А не центральное надзор как таковой, как это имеет место сейчас в господствующей доктрине. «Общенадзорная» трактовка «прокурорского надзора» в стадии предварительного расследования искажает перспективу оптимизации правового положения прокурора в стадии предварительного расследования – как главного субъекта уголовного преследования. Надзор за исполнением законов поднадзорными объектами для прокурора есть форма, способ руководства ими и обеспечения надлежащего уголовного преследования (и одновременно – установления объективной истины, что подразумевает всесторонность, объективность и полноту предварительного расследования)

В системном ослаблении полномочий прокурора в стадии предварительного расследования, в искажении классической модели прокурорского надзора в стадии предварительного расследования, в переориентации активности прокурора с оперативного, вовлеченного, совместного предварительного уголовного преследования/расследования, в превращении прокурора в отстраненного надзирателя за исполнением законов поднадзорными объектами, в формализации отношений между прокурором и органами предварительного расследования, мы видим одну из фундаментальных причин деградации института предварительного следствия и предварительного расследования в целом.

Без активного прокурора, непосредственно вовлеченного в предварительное расследование и лично отвечающего за его результат, ослабела одна из фундаментальных скреп законности и справедливости предварительного расследования.

Из родства обвинения и уголовного преследования следует вывод о том, что субъект у них также должен быть общий. Прокурор является главным субъектом обвинения, функции обвинения, потому он должен быть признан и главным участником уголовного преследования. Отсюда вытекает, что прокурор есть процессуальный глава стадии предварительного расследования.

Оптимизация порядка предварительного расследования, а вместе с ним и всего досудебного производства видится нами только в контексте усиления роли прокурора, преобразования его процессуальной роли из общенадзорной, внешней по отношению к процессуальной деятельности органов следствия и дознания, в руководящую: обвинительную и объективизирующую одновременно. Без активного участия прокурора в стадии предварительного расследования невозможно эффективное поддержание им обвинения в суде. Поэтому мы являемся сторонниками казахстанской концепции «процессуального прокурора» или «одно дело – один и тот прокурор».

Суть авторского подхода в том, что прокурор должен быть руководителем – субъектом уголовного преследования в досудебном производстве и прежде всего – в стадии предварительного расследования. Надзор выступает для прокурора формой или способом (1) руководства, (2) опосредованного осуществления уголовного преследования. Однако, при необходимости прокурор сам непосредственно должен иметь право проводить уголовное преследование для того, чтобы обеспечить справедливость и эффективность применяемого в процессе уголовно-правового воздействия.

Обвинительно-следственная власть, в лице участников процесса со стороны обвинения в лице представителей государства: органов прокуратуры, следствия, должна быть единой и неделимой – перед лицом защиты и суда. Потому исключительно через прокурора должны решаться все вопросы, которые ставятся перед судом органом предварительного следствия или дознания, а именно: (1) применение мер процессуально-правового принуждения, то есть меры пресечения, применяемые с разрешения суда; (2) следственные действия, сопряженные с ограничением конституционных прав лиц, проведение которых

требует разрешения суда; (3) применение обеспечительных мер, связанных с возмещением вреда, причиненного преступлением, и возможной конфискацией (наложение ареста на имущество и(или) ценные бумаги).

Судебное заседание, проводимое в связи с осуществлением как превентивного, так и последующего судебного контроля в стадии предварительного расследования, проводится с обязательным участием прокурора, который выражает солидарную позицию стороны обвинения по делу. При этом должно быть исключена передача в суд споров между прокурором и органом предварительного расследования.

В «главной» досудебной стадии, где решаются основные вопросы: выдвижения обвинения и формирования обвинительных, уголовно-процессуальных доказательств, не должно быть раскола внутри системы субъектов публичного уголовного преследования.

Процессуальная обвинительная власть должна быть сосредоточена у прокурора, который призван законом не только и не столько надзирать, сколько руководить предварительным следствием и дознанием, а в случае необходимости, определяемой самим прокурором, изымать дело из производства следователя и принимать его к своему производству или передавать в другой орган предварительного расследования

Одно из главных противоречий в современной правовой организации предварительного расследования, подлежащее, с нашей точки зрения, устранению состоит в конкуренции между прокурорской и следственной властями, которое ослабляет обвинительную власть и негативно отражается на уголовном преследовании¹.

Должно произойти уравнивание всех органов предварительного расследования перед прокурором. Тезис о процессуальной самостоятельности следователя от прокурора должен быть признан как концептуально так и

¹ Результаты изучения проблем, возникающих в отношениях между прокурором и органом предварительного следствия в следственной практике, отражены в пунктах 4.1–4.4.5 Приложения № 4. Они демонстрируют как широкий круг вопросов, по которым они возникают, так и достаточно большую распространенность.

практически несостоятельным. Существующая дифференциация мер прокурорского реагирования в отношении органов дознания и предварительного следствия подлежит ликвидации. В отношении органов дознания и органов предварительного следствия у прокурора должны быть одинаковые процессуальные полномочия в стадии предварительного расследования.

Подмена прокурора и прокурорского надзора другими механизмами, прежде всего механизмом ведомственного процессуального контроля со стороны руководителя следственного органа должна исчезнуть.

Настаивая на сохранении в прежнем виде следственного порядка предъявления обвинения, мы выступаем за качественное повышение участия в нем прокурора. В качестве теоретической подпорки авторского проекта в этой части выступает понятие «выдвижение обвинения». Прокурор призван законом в стадию предварительного расследования не просто надзирать (с высоты «независимой» прокурорской власти) за исполнением законов «всеми» участниками стадии, а определиться в главном – выдвигать или не выдвигать обвинение против обвиняемого.

Наши предложения относительно оптимизации существующей – следственной модели выдвижения обвинения через усиления в ней роли прокурора заключаются в том, чтобы наделить прокурора следующими правами:

- давать указание следователю, дознавателю, иному лицу относительно предмета обвинения, в том числе квалификации, круга обстоятельств, подлежащих включению в описательно-мотивировочную часть постановления;
- разрешать жалобы обвиняемого, его защитника на постановление о привлечении в качестве обвиняемого и процедуру предъявления обвинения;
- отменять постановление о привлечении в качестве обвиняемого;
- самому составлять постановление о привлечении и предъявлять обвинение по уголовному делу, которое находится в его производстве;
- исключительно прокуратуре должно принадлежать право на снятие иммунитета от уголовного преследования со спецсубъектов в ходе предварительного расследования;

- требовать от органа предварительного следствия, органа дознания представления проекта постановления о привлечении в качестве обвиняемого;
- санкционировать постановление о привлечении в качестве обвиняемого в случаях, предусмотренных законом;
- при утверждении обвинительного заключения самому изменять обвинение в сторону улучшения положения обвиняемого частично или полностью прекращать уголовное преследование обвиняемого или одного из обвиняемых.

Процедура прекращения уголовных дел в стадии предварительного расследования по нереабилитирующим основаниям должна быть оптимизирована по «прокурорской модели», что означает введение сплошного санкционирования прокурором соответствующих постановлений органов предварительного расследования.

В основу согласительно-отказной процедуры разрешения уголовных дел в стадии предварительного расследования должна быть положена принципиальная норма о решающем значении участия прокурора, что должно быть закреплено в следующих предлагаемых нормативно-правовых предписаниях:

- прокурор должен быть уполномочен отменить постановление о прекращении уголовного дела вынесенного органом предварительного расследования по любому из реабилитирующих оснований;
- прокурора надлежит наделить полномочием на санкционирование постановления о прекращении уголовного дела по любому из нереабилитирующих оснований;
- прокурор должен утверждать постановление органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела и направлении дела в суд для наложения на обвиняемого штрафа вместо назначения наказания и применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительных мер воспитательного воздействия.

В целом наша позиция по возвращению прокурора праворазрешительных, руководящих полномочий прокурора в стадии предварительного расследования по ключевым вопросам уголовного дела нашла воплощение в предложениях по

изменению редакции статьи 37 УПК РФ, а также нормах регулирующих порядок продления процессуальных сроков, следствия и дознания, приостановления производства по делу и направлению дела в суд, которые представлены в виде соответствующего проекта в Приложении № 5.

3.3. Прокурор как субъект уголовно-процессуального доказывания в стадии предварительного расследования: проблемы правового регулирования и его оптимизации

В заключительном параграфе исследования обратимся к теме участия прокурора в доказывании, проводимом в стадии предварительного расследования. Важность этого обусловлена тем, что именно в данной стадии происходит большая и самая главная часть доказывания по делу и достижения цели доказывания. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора в главной досудебной стадии неразрывно связана с доказыванием.

В виду генеральной линии наших рассуждений очевиден главный тезис, подлежащий обоснованию здесь: прокурор – субъект доказывания. Но субъект особенный. Он всем отечественным уголовно-процессуальным строем, назначением стадии предварительного расследования, технологией формирования доказательств предрасположен к тому, чтобы играть ведущую роль в оценке доказательств, обосновывающих обвинение, которое им выдвигается перед судом, или в постановлении о прекращении уголовного дела. Участие прокурора в доказывании не ограничивается оценкой или проверкой, но распространяется на все элементы доказывания в силу уже того, что прокурор осуществляет над ним надзор. Соответственно, предметом нашей критики будет все то, что противоречит этой теоретико-идеологической модели.

Следуя уже отработанной познавательной схеме, будем сочетать анализ норм действующего законодательства с подходом доктринальным¹ и в свете

¹ В данном случае под доктриной будет пониматься специальная отрасль процессуального знания – теория уголовно-процессуальных доказательств.

фактов правоприменительной практики, что позволит нам обнажать проблемы и намечать способы их решения.

Вначале остановимся на тех базовых категориях теории уголовно-процессуальных доказательств, которые позволят нам составить представление об участии прокурора в доказывании на стадии предварительного расследования: каково оно в реальности и каким ему надлежит быть в согласии с положениями теории.

Разделяем мнение о том, что именно в теории доказательств заключена душа отечественного процесса. Отсюда наше отношение к ее исторически сложившимся основам¹, через следование которым единственно возможно выстраивание современных концепций участия прокурора в доказывании, в том числе – на стадии предварительного расследования.

Рассуждая таким образом, закономерно приходим к осознанию необходимости обсуждения проблемы об участии прокурора в доказывании на стадии предварительного расследования в контексте осуществления уголовного преследования и с точки зрения достижения цели доказывания.

Считаем, что концепция объективной истины, как цели уголовно-процессуального доказывания, будучи вариантом концепции «материальной истины», является базовой теоретико-методологической конструкцией, от которой отходят другие принципиальные доктринально-правовые положения.

Положения, которые традиционно составляли и составляют каркас теории уголовно-процессуальных доказательств таковы:

- уголовно-процессуальное доказывание осуществляется компетентными государственными органами² в стадии предварительного расследования;
- в ходе уголовно-процессуального доказывания компетентные государственные – правоохранительные органы устанавливают объективную истину;

¹ Не слепое, а осознанное убежденное следование им предполагает развитие вытекающих из них положений, не входя в противоречие с истоками.

² Компетентными в смысле уполномоченными государством на применение закона путем установления оснований этого правоприменения.

– доказательства собираются, фиксируются, проверяются, оцениваются (можно сказать «формируются»¹) в ходе предварительного расследования, то есть в этой стадии происходят все этапы доказывания;

– уголовно-процессуальные доказательства имеют следственную форму², которую они приобретают в результате проведения следственных или иных процессуальных действий в стадии предварительного расследования³.

Ко всем этим положениям имеет (должен иметь) отношение прокурор как участник стадии предварительного расследования, как государственный орган, компетентный устанавливать объективную истину в стадии предварительного расследования.

Центральной частью идеологии, в свете которой должны объясняться все явления, связанные с доказыванием, все его институты, включая институт прокуратуры и ее деятельности при производстве предварительного расследования по уголовному делу, является объективная истина.

Учение об объективной истине – это и есть концентрированное выражение неоконсервативной идеологии современной российской уголовно-процессуальной науки⁴. Только в свете этой идеологии, учения об объективной истине корректно мыслить о модели участия прокурора в доказывании на стадии предварительного расследования, в досудебном производстве.

¹ О «формировании доказательств» нами будет сказано далее.

² Содержание протокола, документа, составляемых следователем, образует основной контент уголовно-процессуальной формы правоприменения. поддержание этой следственной формы, как воплощения законности, направлен прокурорский надзор. Так что прокурорский надзор призван поддерживать закрепленную в законе следственную модель имеющимися средствами и способами, установленными Кодексом.

См. об этом: Потапов, Д. В. Указ соч. С. 119-120.

³ Исключения из этого положения могут быть, но они только подтверждают силу общего правила о следственной форме как главном критерии допустимости доказательства.

⁴ Имеются в виду бурные дискуссии, спровоцированные законопроектом СК РФ о введении в УПК РФ понятия «объективная истина» и принципа «всестороннее, полное, объективное расследование».

См.: Александров, А. С. Состязательность и объективная истина // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3. С. 142–157.

Советская доктрина уголовно-процессуального доказывания¹, а вслед за ней и большая часть современных исследователей признают постулат о том, что установление объективной истины является обязанностью субъектов доказывания, в число которых входят, во-первых, те участники процесса, в чьем производстве находится уголовное дело², а во-вторых, надзирающий за их процессуальной деятельностью прокурор, в-третьих – суд, осуществляющий судебный контроль³.

Не будет преувеличением сказать, что концепция объективной истины стоит на том, что компетенцией по ее установлению обладает государство (в лице его правоохранительных органов), то есть она неразрывно связана с принципом публичности, возлагающим на компетентные государственные органы обязанность по ее доказыванию, гарантией же ее установления является «всесторонность, полнота и объективность» расследования, причем расследования предварительного⁴. Ранее мы уже ссылались на позицию относительно объективной истины как цели доказывания прокурора и органов предварительного расследования, которая объединяет их⁵.

Специально надо сказать об этой гарантии, которую можно трактовать как своего рода стандарт⁶ установления объективной истины. Доктринально-правовая

¹ См.: Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Воронеж, 1978. С. 198; Курс советского уголовного процесса. Общая часть: монография / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. Москва :Юрид. Лит., 1989. С. 143.

² См.: Костенко, Р. О соотношении уголовно-процессуального познания и уголовно-процессуального доказывания // Уголовное право. 2004. № 3. С. 90–92; Орлов, Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе: монография. Москва : Юристъ, 2009. С. 72–73.

³ См., напр.: Гришин, С. П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспекты). Москва : Юрлитинформ, 2008. С. 56–61.

⁴ См.: Лузгин, И. М. Расследование как процесс познания. Москва : Науч.-исслед. и ред.-издат. отд., 1969. С. 10–21; Николайчик, Н. И., Матвиенко Е. А. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования. Минск : Изд-во БГУ, 1969. С. 2–7.

⁵ См.: Приложение № 1, ответы на вопросы №№ 22–25; Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 10–13; Приложение № 3, ответы на вопросы №№ 12–15.

⁶ Сейчас в научной моде понятие «правовой стандарт», которое используется и в теории уголовно-процессуальных доказательств для нового объяснения существующих уголовно-процессуальных явлений в сфере доказывания.

формулировка о всестороннем, полном и объективном расследовании изначально включала в себя положение о том, что на его проведение уполномочены наряду с органами предварительного расследования прокурор и суд. Все эти органы государства трактовались как компетентные государственные органы¹. Это доктринальное положение сохраняет силу и в наше время в силу того, что уголовно-процессуальная система, по существу, не изменилась². Поэтому надо признать вполне логичным то, что многие ученые предлагают признать и законодательно закрепить условие объективного, полного и всестороннего расследования³, которое предлагается сочетать с функцией уголовного преследования в парадигме неосостязательного процесса⁴.

Впрочем, предлагаются и различные варианты замены ему. В том числе справедливость – как имеющий международно-правовое происхождение критерий оценки результатов предварительного расследования и правомерности процессуальных решений в стадии: доказывания – установления истины (объективной)⁵.

На наш взгляд, справедливость может дополнить стандарт «всесторонности, полноты и объективности» расследования, предварительного, но и судебного. И хотя справедливость более уместна для характеристики процедур с участием суда и сторон, мы можем говорить об уместности ее применения и к процедурам досудебного согласительно-восстановительного урегулирования уголовно-

См.: Шарипова, А. Р. Стандарты доказанности как основания различий в регулировании сходных институтов уголовного, гражданского, арбитражного и административного процесса // Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 1. С. 130–136.

¹ См.: Ларин, А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. Москва : Юрид. Лит., 1986; Николайчик, Н. И., Матвиенко Е. А. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования. Минск, 1969. С. 2–7.

² См.: Гармаев, Ю. Всесторонность и полнота расследования // Законность. 2002. № 9. С. 6–9; Романов, С. В. Требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как необходимое условие предварительного расследования // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2008. №1. С. 18–37.

³ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2014. С. 89.

⁴ См.: Романов, С. В. Требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как необходимое условие предварительного расследования. С. 37.

⁵ См.: Чурикова, А. Ю. Указ. соч. С. 162.

правовых споров в стадии предварительного расследования. Опять же тут можно усмотреть довод в пользу того, что именно участие прокурора обеспечивает справедливость разрешения уголовного дела подробным образом¹.

Советское учение о прокурорском надзоре включало положение о руководящей роли прокурора в доказывании объективной истины. Всеми указанными выше критериями «компетентного государственного органа» он обладает и потому не может не обладать компетентностью не только устанавливать объективную истину, но и надзирать за тем, как устанавливают ее поднадзорные ему органы предварительного расследования, то есть проверяет, оценивает результаты их деятельности. Именно такой смысл вытекает из суждений современных авторов на данном вопросу: прокурор надзирает за тем, как следователь, дознаватель устанавливает объективную истину в порядке, предусмотренном законом².

Как и некоторые современные ученые, разделяем это положение. Прокурор и орган предварительного расследования (следователь) обязаны установить объективную истину: и в стадии предварительного расследования, и в досудебном производстве в целом.

Единство прокурора и органов предварительного расследования в достижении общей цели доказывания, на наш взгляд, вполне оправданно и правомерно в контексте нашего современного уголовно-процессуального строя. Что касается судебной власти, то наша позиция по обсуждаемой проблеме требует отдельного пояснения. В стадии предварительного расследования суд в отличие от прокурора не полномочен высказывать свою оценку доказанности совершения обвиняемым преступления. Его цель проверки полученных органами предварительного расследования доказательств ограничена частными вопроса

¹ Законность, с которой принято ассоциировать прокурора, возводится в более высокий ценностный ранг – не просто формальной правильности решения, но справедливости его.

² См.: Соловьев, А. Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса. Москва, 2002. С. 7, 8 и след.; Боруленко, Ю.П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты). Москва : Юрлитинформ, 2014. С. 8–13 и след.; Макарова, З.В. Специальное назначение и роль следователя в уголовном процессе / Актуальные проблемы уголовного процесса в трудах профессора А.А. Чувилева : сб. ст. / Отв. за вып. В.В. Кальницкий. Омск: Омская академия МВД России, 2011. С. 68.

уголовно-процессуального правоприменения. Поэтому мы не склонны включать суд в состав субъектов стадии предварительного расследования, которые обязаны обеспечить всестороннее, объективное и полное установление фактических обстоятельств дела и внутренне убедиться в достижении объективной истины¹.

Это центральный постулат нашей концепции, который, как мы полагаем, отражает и актуальное состояние современной российской уголовно-процессуальной культуры и правового регулирования в сфере предварительного расследования. Именно в свете этого принципиального положения удобнее всего (а значит и правильно) обосновывать доминирование прокурора в уголовно-процессуальном доказывании («объективной истины») в досудебном производстве и соучастие с судом/судьей в ее подтверждении.

В связи с этим заметим, что влияние принципа состязательности на доказывание в стадии предварительного расследования и установление объективной истины, если и имеет место, то влияние это ограниченное, и во всяком случае не колеблющее положения об исключительности полномочий и компетенции органов предварительного расследования и прокурора устанавливать объективную истину и выдвигать обвинение против обвиняемого. Это находит наиболее наглядное проявление в правах адвоката-защитника, других участников стадии, не являющихся правоохранительными органами и не способными претендовать на установление объективной истины.

Важно исходить из того, что объективная истина устанавливается государством в предварительном расследовании. Обязанностью прокурора как представителя государства, уполномоченного на противодействие преступности в уголовном процессе, является принятие всех мер для достижения этой цели. Это не означает окончания процесса доказывания и не исключает возможности иного исхода доказывания в суде. Однако, в стадии предварительного расследования, с нашей точки зрения, именно прокурор как глава обвинительной власти

¹ Такая цель стоит перед судьей в стадии судебного разбирательства, а также и в иных судебных стадиях.

государства несет ответственность за то, что объективное, полное и всестороннее расследование было проведено и доказывание объективной истины состоялось.

Прокурор подтверждает ее установление поднадзорным органом предварительного расследования. Но также он участвует и в ее установлении всеми имеющими в его обладании правовыми средствами. Главными из которых являются следственные действия, доступность к которым и характеризует реальную дееспособность субъекта доказывания. Здесь и выявляется важная проблемная ситуация, которая подлежит разрешению, а именно: насколько доступно прокурору главное средство установления истины по делу.

Определившись с исходным принципиальным отношением прокурора и объективной истины, являющейся целью познавательных усилий государственных органов в стадии предварительного расследования, перейдем к следующему кругу понятий.

Начнем с понятия уголовно-процессуального доказывания каким оно сложилось в современной науке, в именно: доказывание есть (1) познание в (2) правовой форме, то есть ретроспективное познание, осуществляемое в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом¹.

Если брать эти два критерия, то оба они применимы к доказыванию и в досудебном производстве, и в самом судопроизводстве.

Вместе с тем есть и важное различие в правовой форме. По нашему законодательству доказательства должны быть облечены в следственную форму, которая воплощена в стандарте протокола следственного действия, предусмотренного статьями 166–167 УПК РФ. Отсюда вытекает следующее: тот участник, который уполномочен облекать в следственную форму сведения, тот и формирует уголовно-процессуальное доказательство.

¹ См.: Боруленков, Ю. П. Юридическое познание, доказательство и доказывание (методология, теория, практика): монография / под науч. ред. проф. В. Н. Карташова. Москва : Юрлитинформ, 2016. С. 7–9, 18, 23 и след.; Новицкий, В. А., Новицкая, Л. Ю. Проблемы доказательственного права: теория, законодательство, судебная практика. Санкт-Петербург, 2017. С. 7–10, 19 и след.

В стадии предварительного расследования, в любой его форме, доказывание происходит в следственной форме и преимущественное положение в нем имеют органы, уполномоченные посредством следственных действий и составления протоколов формировать доказательства. Только такой участник процесса и может в принципе называться субъектом доказывания объективной истины по делу на стадии предварительного расследования.

В связи с этим возникает вопрос о различии¹ между досудебным и судебным доказыванием именно по критерию сформированности, готовности доказательства выступать средством доказывания – установления основания для принятия решений по делу.

Разделяем мнение о единстве доказывании во всем процессе. Отличиям процедуры предварительного и судебного следствия мы не придаем того значения, которое мешало бы это единство признавать. А отсюда и центральная идея классической доктрины относительно ведущего участия прокурора во всех уголовно-процессуальных стадиях доказывания и прежде всего – в доказывании на стадии предварительного расследования.

Уголовно-процессуальное доказывание включает в себя несколько элементов. В доктрине нет единства относительно их множества и конкретики. Но если следовать букве закона, то прокурор является участником собирания доказательств (ст. 86 УПК РФ), проверки доказательств (ст. 87 УПК РФ). И наконец, из общего смысла закона вытекает, что прокурор является субъектом оценки доказательств. При этом оценка прокурор доказательств имеет решающее значение для перехода дела в судебную стадию.

Самый очевидный вывод из вышесказанного состоит в том, что у прокурора должен быть такой круг полномочий, который позволял бы ему надлежащим образом выполнять функцию доказывания², в том числе:

¹ Данному различию сторонники либерально-состязательной идеологии придают принципиальный, институциональный характер, настаивая на своего рода неполноценности досудебного доказывания и выпячивании исключительности доказывания в суде.

² Даже если допустить, что для надзирающего прокурора непосредственное выполнение этой функции не является прямой обязанностью, как для органа предварительного

- проводить следственные действия;
- давать указания всем органам предварительного расследования на производство следственных действий;
- участвовать в следственных действиях, проводимых следователем, дознавателем, в том числе с целями проверить доказательство, собранное органом предварительного расследования, восполнить неполноту суммы доказательств, требуемых для принятия решения по делу;
- участвовать во всех судебных процедурах, где происходит доказывание, в стадии предварительного расследования.

Эти положения входили в классическую отечественную теорию уголовно-процессуальных доказательств и доказывания¹. Но они противоречат позитивно-правовой модели участия прокурора в доказывании на стадии предварительного расследования.

Следующей основополагающей категорией, необходимой нам для освещения роли прокурора в доказывании на стадии предварительного расследования, является понятие «доказательство».

В целом официальная доктрина и позитивное право унаследовали ядро представлений об этом понятии из советского уголовно-процессуального опыта. Не вдаваясь в нюансы научного толкования этого понятия, выделим главное, что нам нужно для достижения нашей цели. К этому главному отнесем прежде всего

расследования, ведущего уголовное дело, то в силу своего ведущего положения среди субъектов доказывания, действующих в стадии предварительного расследования, прокурор, на наш взгляд, должен считаться ответственным за результаты доказывания. В главное различие двух моделей участия прокурора в доказывании. В первой, «общенадзорной» модели прокурор позиционируется внешнее, постороннее лицо по отношению к поднадзорным объектам – субъектам доказывания. Во второй (обвинительной) модели прокурор вместе с поднадзорными органами предварительного расследования доказывает объективную истину и подготавливает основания обвинения.

¹ См., напр.: Савицкий, В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. Москва : Наука, 1975; Королев, Г. Н. Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе. Москва : Юрлитинформ, 2006; Жогин, Н. В. Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел. Москва : Юрид. Лит., 1968; Скареев, Г. И. Участие прокурора в следственных действиях. Москва : Юрид. Лит., 1987; Тушев, А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. Санкт-Петербург : Изд-во Р. Асланова : "Юрид. центр Пресс", 2005; Чеканов, В. Я. Прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1972. 188 с.

отождествление процессуальной формы доказательства со следственной формой. Вышесказанное о следственном стандарте доказывания полностью уместно и к понятию доказательства¹. Доказательства во всей полноте своих четырех базовых свойств (относимости, допустимости, достоверности, достаточности) используется органами предварительного расследования и прокурором для принятия решений по уголовному делу.

Отсюда можно вывести теоретико-доктринальный вывод о том, что прокурор в стадии предварительного расследования и при принятии решения об утверждении обвинительного заключения (иного итогового процессуального решения досудебного производства) обязан оценить доказательства: каждое и в их совокупности.

В случае необходимости прокурор должен принять участие в проверке тех или иных доказательств, как по своей инициативе, так и по заявлению иных участников стадии, в том числе - в судебном заседании при осуществлении судом судебного контроля за действиями, связанными с доказыванием.

По результатам проверки и оценки доказательства, полученного в ходе предварительного расследования, прокурор должен быть вправе вынести решение и об исключении его из дела по причине: недопустимости, неотносимости или недостоверности².

В этой связи предлагаем законодательно уполномочить прокурора на вынесение постановлений не только о признании недопустимым, но не

¹ В этой плане проявляя последовательность, отказываем в конструктивности идее о разделении доказательств на судебные, то есть как бы настоящие доказательства, и досудебные, то есть как бы «заготовки настоящих доказательств». Такую склонность проявили целый ряд исследователей, в чем мы усматриваем угрозу для отечественной доктрины уголовно-процессуальных доказательств, которая всегда стояла на постулате о единстве понятия уголовно-процессуального доказывания.

См., напр.: Кухта, А. А. Доказывание истины в уголовном процессе: монография. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2010. 122 с.

² Изучение практики убеждает в том, что такие решения принимаются прокурорами исключительно редко.

См.: Приложение № 4, пункт 4.4.5.

Примерами могут служить уголовные дела: уголовное дело № 11901450005000322 в отношении С.И.М. и других по ч. 3 ст. 159.6 УК РФ / СЧ по РОПД СУ УВД по ЮАО ГУ МВД России по г. Москве; уголовное дело № 11901450147001554 / ГСУ ГУ МВД России по г. Москве.

относящимся к делу или недостоверным, вызывающим разумные сомнения, доказательства.

Эта должно быть сделано, чтобы ни у защиты, ни у других субъектов доказывания не было сомнений и споров относительно судьбы тех или иных сведений, их источников, в том числе результатов оперативно-розыскной деятельности, которые не были включены в обвинительное заключение, иной резолютивный уголовно-процессуальный акт этой стадии.

Особую роль, наш взгляд, прокурор должен иметь в процедуре формирования личных доказательств, которые кладутся в основу решения о проведения сокращенных процедур. Речь идет об удостоверении факта совершения преступления признательными показаниями обвиняемого. В виду исключительности подобной технологии доказывания, которую, кстати, нельзя признать классической и соответствующей учению об объективной истине, роль прокурора в ней особенно возрастает. В этой связи мы считаем необходимым усилить существующую правовую конструкцию процедуры, предусмотренной главой 40 УПК РФ, нормами, усиливающими участие в ней прокурора¹.

Вышесказанное во многом предопределяет выводы относительно примерки на прокурора роли субъекта доказывания

Остановимся более подробно на понятии субъекта доказывания (в стадии предварительного расследования) и круге таковых. В советской уголовно-процессуальной науке и криминалистике в первую очередь следователь неизменно трактовался как субъект, который уполномочен законом на проведение всестороннего, полного, объективного расследования, которое отождествлялось с доказыванием объективной истины², но равно и с «раскрытием преступления»³,

¹ Далее вернемся к данному вопросу и рассмотрим его подробнее.

² См.: Дубивный, В. А. Деятельность следователя по расследованию преступлений. Общая характеристика. Цели. Действия. Саратов, 1987. С. 26; Михеенко, М. М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве. Киев : Вища шк : Изд-во при Киев. ун-те, 1984. С. 16–17.

³ См.: Руководство для следователей / под ред. Н. В. Жогина. Москва : Юрид. лит., 1971. С. 22, 28; Якубович, Н. А. Процессуальные функции следователя. Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве. Москва : Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1980. С. 18.

выполняет функцию розыска и доказывания-установления (объективной истины). Так, согласно разработанному в советское время криминалистическому учению¹ в обязательный набор профессиональных умений следователя входили криминалистические навыки выявлять следы преступления, фиксировать их, тем самым раскрывать преступление². Прокурор не всегда упоминался наряду со следователем в числе лиц, компетентных надлежащим образом осуществлять доказывание, однако это подразумевалось, поскольку по закону прокурор мог принимать дело к своему производству.

При этом подчеркивалось то, что быстрое и полное раскрытие каждого преступления требует умелого процессуального руководства и активного надзора со стороны прокурора³. Прокурор при осуществлении надзора за исполнением законов в стадии предварительного расследования выполняет руководящую, организующую функцию по отношению ко всем субъектам доказывания в лице правоохранительных органов⁴.

В теории прокурорского надзора содержались сходные формулировки о том, что задачи советской прокуратуры как органа надзора за законностью находятся в гармоническом сочетании с целью установления объективной истины, которая обеспечивает неотвратимость уголовной ответственности для каждого лица, совершившего преступление⁵.

Нельзя отказать в логичности позиции, развиваемой в советской теории прокурорского надзора, согласно которой для того, чтобы обладать уверенностью при доказывании государственного обвинения, прокурор не может ограничиться

¹ См.: Ларин, А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. Москва : Юрид. лит., 1986. С. 60.

² В этом плане осталось и современные представления о следователе.

См.: Безлепкина, Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя. Москва : Проспект, 2009. С. 92.

³ См.: Жогин, Н.В. Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел. С. 5–7, 33; Савицкий, В.М. Прокурорский надзор за соблюдением законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия. С. 6, 10–11 и след.

⁴ См.: Гуляев, А. П. Указ. соч. С. 18; Жогин, Н. В. Указ. соч. С. 38.

⁵ См.: Савицкий, В. М. Указ. соч. С. 78.

позицией постороннего надзирателя за деятельностью органов предварительного следствия, но должен быть вовлечен в нее¹.

Мы опять возвращаемся к генеральной идее классической научной доктрины о том, что прокурор обязан систематически, конкретно и оперативно руководить доказыванием в ходе предварительного расследования, направлять и координировать эту деятельность, принимать непосредственное участие в производстве важнейших следственных действий, оперативно исправляя ошибки, допущенные при расследовании уголовного дела.

Важно помнить о том, что классики неизменно подчеркивали то, что не только следователь, орган предварительного расследования, но все правоохранительные органы в стадии предварительного расследования участвуют в быстром и вместе с тем всестороннем, полном и объективном расследовании, установлении фактических обстоятельств и раскрытии преступления². Таким образом, речь надо вести не только об органах предварительного расследования, но и об органах, уполномоченных на производство оперативно-розыскной деятельности.

Оставаясь в русле классической концепции дифференциации оперативно-розыскной деятельности и доказывания, как уголовно-процессуальной деятельности, мы должны подчеркнуть особую роль прокурора в организации взаимодействия между субъектами их проводящих.

Нельзя не признать важное, а иногда и решающее значение оперативно-розыскной деятельности при раскрытии преступления в стадии предварительного расследования. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при достижении конечной цели доказывания в стадии также мыслится при активном участии прокурора как организатора межведомственного правового взаимодействия. Далее мы разовьем эту мысль.

Итак, согласно классической доктрине, прокурор не просто активный субъект доказывания в стадии предварительного расследования, но субъект, чей

¹ См.: Ларин, А. М. Указ. соч. С. 82.

² См.: Савицкий, В. М. Указ. соч. С. 109.

вклад в формирование основания для итогового процессуального решения досудебного производства имеет решающее значение для перехода дела в судебную стадию. А значит прокурор был и есть главный субъект доказывания в стадии предварительного расследования как с точки зрения выдвижения обвинения, так и в плане достижения объективной истины, не как итогового процедурного знания, а «процедурного знания» достаточного для завершения стадии и досудебного производства в целом¹.

С этим идеальным образом «прокурора – субъекта доказывания» контрастирует его современное правовое положение в стадии предварительного расследования как субъекта доказывания².

В первую очередь бросается в глаза то, что прокурор лишен возможности реально самостоятельно собирать и проверять доказательства. Путем проведения следственных действий. Статья 37 УПК РФ не предусматривает у прокурора права на производство следственных действий. Отсутствует указание на прокурора как субъекта их проведения и в других уголовно-процессуальных нормах.

Ввиду решающего значения института следственных действий в современной – следственной технологии доказывания объективной истины, сразу очевидна процессуальная несостоятельность, если угодно некомпетентность, прокурора объективную истину устанавливать.

Находясь в системе современной модели предварительного расследования, и вообще – в контексте современной уголовно-процессуальной системы, мы не можем не признать правоты суждения: не уполномочен на проведение следственных действий – значит не субъект доказывания. Объективной истины.

¹ Это утверждение совпадает с мнением практиков.

См.: Приложение № 1, ответы на вопросы №№ 24–26; Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 12-13; Приложение № 3, ответы на вопросы №№ 13-15.

² Данные изучения прокурорско-следственной практики вполне подтверждают это.

См.: Приложение № 4, пункты 3.2, 3.4, 3.5, 4.1, 5.1. Примеры такого рода имеются в уголовных делах: уголовное дело № 11901450147001683 в отношении Б.В.А. и других по ч. 2 ст. 159.5 УК РФ /ГСУ ГУ МВД России по г. Москве; уголовное дело № 11901450002000735 в отношении С.М.Г., И.Р.Л., Г.М.И. по ч. 3 ст. 159.6 УК РФ /СУ УВД по СВАО ГУ МВД России по г. Москве.

Прокурор «выпадает» из позитивно-правовой системы компетентных государственных органов – субъектов доказывания в стадии предварительного расследования. Подрыв этого центрального элемента классической доктрины уголовно-процессуальных доказательств является фактом современной правовой реальности. На это указывают многие исследователи¹.

При этом некоторые из них указывают на то, что уголовно-процессуальный закон не содержит прямого запрета участвовать прокурору в следственных действиях. Такая возможность предполагается пунктом 16 статьи 37, статьей 86 УПК РФ. Отсюда вытекает, что прокурору не запрещено участвовать в следственных действиях, проводимых следователем либо дознавателем². Однако, это скорее предположения. Следуя общему смыслу действующего законодательства, и сложившейся практики, можно действительно утверждать: прокурор на стадии предварительного расследования в полном смысле субъектом доказывания не является.

В пользу такого вывода работают две причины. Во-первых, самим прокурорам выгоднее занимать такую позицию, при которой они не несут ответственности за недостатки доказывания, а выступают исключительно надзорным органом. Во-вторых, в силу общего положения «что законом не разрешено, то запрещено», надо исходить, что проводить следственные действия прокурор не может.

Даже если не соглашаться полностью со столь категорическим утверждением, приходится констатировать *правовую неопределенность* по вопросу о том, участвует ли прокурор в доказывании при проведении предварительного следствия, и если участвует, то как надо квалифицировать это участие: как соучастие в доказывании, или надзор за исполнением законов

¹ См.: Малиненко, М. К. Обеспечение прокурором надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: проблемы правоприменения // Следственная практика. 2015. № 196. С. 64–73; Гальченко, А. И. Функции прокуратуры Российской Федерации: спорные вопросы // «Lex russica». 2014. № 11. С. 7–11; Лазарева, В. А. Прокурор в уголовном процессе: учеб. пособие. Москва, 2011. С. 73; Спирин, А. В. Прокурор как субъект доказывания в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 21–37.

² См.: Даровских, О.И., Даровских С. М. Указ. соч. С. 87.

субъектами доказывания, или процессуальное (организационное) руководство доказыванием, проводимым в стадии предварительного расследования.

Аналогичный вывод (относительно сложившейся правовой и доктринальной неопределенности) мы уже сделали и в отношении других видов познавательной деятельности, примыкающих к доказыванию. Так, ранее нами уже было констатировано, что прокурор не является субъектом, непосредственно проводящим доследственную проверку (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), и не является он субъектом доказывания в стадии возбуждения уголовного дела. Хотя, используя имеющиеся у него полномочия по проведению общенадзорных проверок (предусмотренные ст.ст. 22, 27 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 он вполне мог бы это делать. Однако, такого рода практика не принята¹.

Значит, как в стадии возбуждения, так и в стадии предварительного расследования прокурор не может считаться субъектом доказывания в том значении, что следователь, дознаватель. Что касается такого важнейшего аспекта доказывания в стадии предварительного расследования, как использование результатов ОРД, их легализация органом предварительного расследования путем проверки в ходе проведения следственных и иных процессуальных действий, то здесь опять же по причине недоступности для прокурора проведения следственных действий, он может только номинально

Хотя, судя по всему, прокурор должен быть организатором и руководителем взаимодействия между органом предварительного расследования и органом дознания, уполномоченным осуществлять ОРД, однако, современным законом прокурор ограничен в возможности надлежащим образом это осуществлять.

В этой связи введение «Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд»²

¹ Это подтверждает результаты изучения уголовных дел и опросов правоприменителей.

² Приказ МВД России N 776, Минобороны России N 703, ФСБ России N 509, ФСО России N 507, ФТС России N 1820, СВР России N 42, ФСИН России N 535, ФСКН России N 398, СК России N 68 от 27.09.2013 "Об утверждении Инструкции о порядке представления

стало знаковым событием в вытеснении прокурора с места координатора и диспетчера взаимодействия следователя и оперативного аппарата¹. Ее новшество состояло в том, что прокурор оказался исключен из числа уполномоченных субъектов, которым представляются результаты оперативно-розыскной деятельности. Кроме того, исчезло такое основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий и соответственно представления их результатов инициатору проведения таковых, как «выполнение указания прокурора о проведении оперативно-розыскных мероприятий». Произведенное в Инструкции исключение прокурора из числа субъектов, которые могут получать результаты оперативно-розыскной деятельности, является ошибочным. Оно противоречит действующему законодательству и, несомненно, послужит причиной конфликтов между прокурором и поднадзорными органами, обострению ведомственной конкуренции.

Многие современные ученые критикуют закрепленное правом положение, при котором поставлено под сомнение руководящее положение прокурора в организации взаимодействия между субъектами уголовно-процессуального доказывания и оперативно-розыскной деятельности².

Так, предлагается введение прокурорского санкционирования гласных обследований объектов, вовлеченных в предпринимательскую деятельность, предполагающие изъятие предметов и документов, которые проводятся оперуполномоченным до регистрации сообщения о преступлении в КУСП³.

Но пока это все на уровне научных дискуссий. Правовая же реальность другая. Можно сделать следующий вывод: о том, что в современном предварительном расследовании прокурор не обладает надлежащим доступом ни к одному из трех важнейших информационных ресурсов, которые формируются в

результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд" (Зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2013 N 30544) //Российская газета. 2013. № 282.

¹ Такую оценку содержания этого ведомственного нормативного акта дают многие ученые. См., напр.: Потапов, Д. В. Указ. соч. С. 177–179, 183.

² См.: Потапов, Д. В. Указ. соч. С. 240–243.

³ См.: Муравьев, М.В. Использование в уголовно-процессуальном доказывании информации, полученной в ходе гласных оперативно-розыскных мероприятий: диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2022. С. 17.

стадии предварительного расследования: доследственная проверка в стадии возбуждения уголовного дела, предварительное следствие, оперативно-розыскная деятельность.

При производстве дознания полномочия прокурора по участию в доказывании шире, чем при производстве предварительного следствия. Не будучи способным выступить субъектом дознания, приняв уголовное дело к своему производству, прокурор вправе оказывать влияние на доказывание, проводимое в форме дознания, косвенно:

давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий (пункт 4 части 2 ст. 37 УПК РФ);

давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения (пункт 5 части 2 ст. 37 УПК РФ).

Однако, и при проведении дознания непосредственное участие прокурора в доказывании опять же ограничено отсутствием у него возможности (или даже запретом) на проведение следственных действий и участие в них.

И это не все. За годы, что прошли после изменений законодательства в 2007 году, радикально изменивших роль прокурора в доказывании на стадии предварительного расследования произошли изменения и на доктринальном уровне¹.

В отличие от классической доктрины, из которой выросло все современное учение о предварительном расследовании, в котором прокурор признавался ведущим субъектом доказывания, организатором и руководителем, обеспечивающим полноту, всесторонность, объективность расследования и достижение объективной истины, в современных трудах теоретиков прокурор

¹ Современная доктрина послушно последовала за законодателем и усвоила новую систему координат.

таковым уже не признается. Вместо прокурора на аналогичную роль ставится руководитель следственного органа¹.

В свете ряда новых концептуально-теоретических построений следователь оказывается вполне способным совершить акт познания «объективной истины», взаимодействуя с руководителем следственного органа, следователем-криминалистом, органом дознания². Прокурор в этом взаимодействии выступает не субъектом доказывания, а органом надзора за исполнением законов субъектами доказывания.

Показательны по этому вопросу высказывания некоторых современных авторов. Так, Н.В. Азаренок предлагает разграничить полномочия органов, участвующих в стадии предварительного расследования по принципу «один субъект — одна функция». По его мнению, «органы следствия и дознания самостоятельно, всесторонне, полно и объективно устанавливают обстоятельства преступления и привлекают к ответственности совершивших его лиц, исполняя функцию предварительного расследования. Прокурор осуществляет функцию надзора за соблюдением законности органами предварительного следствия и дознания, не вторгаясь в их деятельность по уголовному преследованию»³ и очевидно (следуя логике рассуждений этого ученого) – предварительного расследования. Подмена предварительного расследования уголовным преследованием, в данной цитате, весьма показательна: она произошла, чтобы объяснить и оправдать положение прокурора, который только надзирает, но не

¹ См.: Олейник, П.М. Правовое положение руководителя следственного органа в уголовном судопроизводстве // Образование. Наука. Научные кадры. 2013. № 7. С. 99–101; Цветков, Ю. А. Российский следователь: от инквизитора к сверхчеловеку. Этюды по философии уголовного процесса // Уголовное судопроизводство. 2019. № 1. С. 16–23; Шабунин, В. А. Руководитель следственного органа: нормативное регулирование и практика осуществления процессуальных функций и полномочий: диссертация ... кандидата юридических наук. Саратов, 2013; Садиокова, У. В. Процессуальные полномочия руководителя следственного органа: теория и практика реализации: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2020.

² См.: Костенко, Р. В. Проблемные вопросы определения сущности, понятия и элементов процесса доказывания по уголовным делам // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2011. № 1. С. 81–89; Барабаш, А. С. Основной, вспомогательные и дополнительные процессы доказывания в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства. Москва : Юрлитинформ, 2017. С. 8.

³ Азаренок, Н.В. Указ. соч. С. 16–17.

преследует и не расследует. Н.В. Азаренка это, судя по всему, вполне устраивает. Хотя он много рассуждает об объективной истине и необходимости ее установления, пытаясь опять же обходить вопрос о том, участвует ли прокурор в установлении объективной истины.

Другой представитель нового поколения исследователей – К.В. Муравьев, выступая за сохранение сложившей следственной модели уголовно-процессуального доказывания, и за всестороннее, полное и объективное установление фактических обстоятельств дела органом предварительного расследования, прокурора опять же оставляет вне круга этих субъектов¹.

В новых разработках по теории доказательств если об объективной истине и говорится², то делается это не вполне по классическим канонам. Современное учение об объективной истине, с нашей точки зрения, страдает неполнотой, ибо не учитывает все полноту взаимосвязи категории объективной истины с государством.

Объективная истина неразрывно связана с понятием государства, с публичной властью. Это две взаимосвязанные категории. Они составляют необходимую часть представления о полномочии компетентного государственного органа на применение уголовного закона и привлечение к уголовной ответственности. Государство мыслится тем субъектом, который применяет уголовный закон, привлекает к уголовной ответственности, и одновременно - устанавливает объективную истину³. В свете таких представлений государство в лице его компетентных – правоохранительных органов уполномочено и на освобождение от уголовной ответственности – через прекращение уголовного дела. Опять же и при таком исходе уголовного дела

¹ См.: Муравьев, К. В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона. С. 12.

² См.: Белкин, А. Р. Доказательства и доказывание. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрид. лит., 2016. С. 22.

³ Подобный ход рассуждений присущ классикам, посвятившим свои труды данной проблематике.

См.: Якубович, Н. А. Процессуальные функции следователя. Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве. Москва : Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1980. С. 19.

постулируется необходимость или установления объективной истины (при установлении нереабилитирующего основания) или констатации невозможности установления таковой при прекращении по основаниям не реабилитирующим.

В числе таких уполномоченных на установление фактических обстоятельств дела (установителей фактов), то есть «компетентных государственных органов», наряду со следователем, всегда мыслился прокурор. Теперь такое мышление нарушено.

Государство-центричное понимание уголовно-процессуально-правового мира вполне органично для отечественной правовой культуры. Не менее органичным для нее было и то, что прокурор является столпом, одной из базовых опор всей правовой системы и без его участия не мыслилось ни одно юридически значимое явление. Тем более, если идет речь о таких явлениях и процессах, как установление объективной истины, реализация уголовной ответственности – при неуклонном соблюдении законности. Исчезла связь этих фундирующих правовую реальность категорий.

А, между тем, современные теоретики-процессуалисты, следуя за законодателем, исключили прокурора из числа субъектов доказывания в форме предварительного следствия и даже шире – предварительного расследования. Формально они правы, но, по существу, с таким признанием «падает» вся парадигма уголовно-процессуального доказывания, закрепленная действующим кодексом. Ведь она всегда стояла на постулировании прокурора полноценным, без всяких оговорок субъектом доказывания, субъектом уполномоченным законом и обязанным устанавливать объективную истину. Без прокурорского вклада гарантия всесторонности, полноты, объективности предварительного расследования по доказыванию объективной истины является неполной, ущербной. Таким образом, именно на уровне глубинных структурных элементов современной уголовно-процессуальной парадигмы мы усматриваем порочность процессуального статуса прокурора в части его вовлеченности в уголовно-процессуальное доказывание на стадии предварительного расследования.

Считаем, что такая тенденция имеет разрушительные последствия для нашей правовой культуры и уголовно-процессуального строя. Мы являемся сторонниками возвращения к классической для нашей правовой культуры уголовно-процессуальной парадигме доказывания основанной на власти компетентных государственных органов устанавливать объективную истину. Для наших условий этатизм – это вполне естественное мировоззрение¹.

Вместе с тем, как уже ранее неоднократно отмечалось, современной реальностью стало разделение обвинительной и судебной властей. Соответственно, необходимо, как минимум, признать, что суд не в меньшей, а учетом его положения в уголовно-процессуальной системе, так и большей мере претендует на роль субъекта окончательной оценки доказательств. И прокурор в судебной ситуации выступает как сторона в деле, чья оценка доказательств является для суда мнением, но не истиной в конечной инстанции. Оценка прокурором доказательств не является обязательной для суда не только в судебных стадиях, но в любых судебных процедурах, которые имеют место в досудебном производстве.

Решение прокурора об утверждении резолютивного обвинительного акта органа предварительного расследования означает оценку им доказательств как достаточных – в сумме, и каждое в отдельности – критериям допустимости, относимости, достоверности, чтобы обосновать обвинение перед судом.

На проблему вовлеченности прокурора в уголовно-процессуальное доказывание можно посмотреть в свете новшеств, произошедших в отечественной теории уголовно-процессуальных доказательств. Речь, в частности, идет о таких вошедших в моду темах, как «формирование доказательств» или «генезис доказательств», структура, циклы, стандарты доказывания (доказанности), сила

¹ Представления о сильном государстве, которое является центром правовой, в том числе уголовно-процессуальной деятельности, противодействия преступности и способном на достижение объективной истины развиваются в работах многих современных ученых-процессуалистов.

См.: Головкин, Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. Москва : Городец, 2022. С. 7, 24 и след.; Россинский, С. Б. Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10. С. 93–100.

доказательства. Эти темы, ранее не бывшие предметом внимания отечественной уголовно-процессуальной теории, в новейших научных исследованиях стали определять модус теоретического развития.

Так, представляет определенный интерес рассмотрение участие прокурора в так называемом формировании уголовно-процессуальных доказательств¹. Если смотреть на доказывание как процесс формирования доказательств, то можно ставить вопрос о той мере, в которой тот или иной участник предварительного расследования вовлечен в формирование доказательств.

В науке распространено мнение о формировании доказательств в стадии предварительного расследования как совместной деятельности органов предварительного расследования, надзирающего прокурора, преследующих общие цели и решающие одинаковые задачи².

Большинство авторов рассуждающих в таком ключе признают прокурора в качестве участника формирования доказательств³. Прокурор через прокурорский надзор, косвенно, опосредованным путем формирует уголовно-процессуальные доказательства в стадии предварительного расследования⁴. При этом некоторыми учеными подчеркивается специфика прокурорского вклада в формирование доказательств, ввиду отсутствия у него прав на производство следственных

¹ Учение о «формировании доказательств», которое теперь развивают как представители следственной (консервативной), так и сторонники состязательной (либеральной) идеологии, было создано С.А. Шейфером с целью выделения динамического и относительного аспектов в доказывании. Доказательство – это не статическое, а динамическое явление, переживающее на отдельных стадиях относительную сформированность.

См.: Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. Москва : Норма, Инфра-М, 2014. С. 22; он же. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. Москва : Норма, 2013. С. 42 и след.

² См.: Давлетов, А. А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 17; Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. Москва, 2013. С. 12.

³ См.: Доля, Е. А. О собирании и формировании доказательств по УПК РФ // Новый уголовно-процессуальный кодекс России в действии. Материалы круглого стола. 13 ноября 2003 года. Москва, 2004 С. 125.

⁴ См.: Соловьев, А. Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России. Научно-практическое пособие. Москва : Юрлитинформ, 2002. С. 18; Костенко, Р. В. Новое понимание сущности доказательств в науке российского уголовного процесса // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4. С. 177.

действий и составление протоколов следственных действий, с которыми связывается формирование доказательства¹. Однако, при всем при том следователь – основной субъект формирования доказательств благодаря своим «исключительным» полномочиям и компетенциям, которые выступают ресурсом в коммуникации с другими участниками процесса формирования доказательств².

Как отмечает Д.В. Потапов, убежденность в том, что следственная процедура формирования уголовно-процессуальных доказательств, содержание которой составляют производство следственных действий, ход и результаты которых оформляются в протоколах и приложениях к ним составляет суть следственной модели формирования доказательства, технологии производства «процедурного знания», имеет глубокие корни в нашей правовой идеологии и в позитивно-правовой модели³. Значит, и с позиции учения о формировании доказательств, прокурор уступает следователю в способности доказательство (совокупность доказательств) сформировать.

К аналогичному выводу приходят и те ученые, которые работают с концептом «стандарт доказывания» (стандарт формирования доказательств. В этом плане показателен уже сам термин «следственный стандарт доказывания», к которому прибегают многие из них⁴. Исходя из констатации следственной природы стандарта, логично приходят к тому, что «следователь» единственно тот «субъект», который наделен полномочием этот стандарт использовать и таким образом производить формирование уголовно-процессуальных доказательств⁵ в стадии предварительного расследования. Решение прокурора об утверждении

¹ См.: Семенцов, В. А. Концептуальные основы системы следственных действий в досудебном производстве: диссертация ... доктора юридических наук. Екатеринбург, 2006. С. 9–11 и след.

² См.: Титаев, К., Шклярчук, М. Указ. соч. С. 9, 17, 26.

³ См.: Потапов, Д. В. Указ. соч. С. 117.

⁴ См., напр.: Лапатников, М. В., Шараева Я. А. К вопросу о месте и роли института публичного обвинения в состязательном уголовном процессе // ЮП. 2020. №1 (92). С. 111–115; Воскобойник, И. О., Гайдышева М. Г. К вопросу о доказательствах и доказывании в уголовном процессе // Юридический вестник Самарского университета. 2021. № 2. С. 70–71.

⁵ См.: Лапатников, М. В. Институт публичного обвинения в уголовном процессе России: к вопросу о постановке проблемы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. №1 (49). С. 129–134; Цветков, Ю.А. Аппарат власти следственной / под общей ред. Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2016. С. 198–199.

обвинительного заключения доводит доказательства, сформированные следователем, до степени готовности быть средством обоснования обвинения перед судом. Таким образом, обосновываются два стандарта доказанности: следственный стандарт обоснованности привлечения в качестве обвиняемого и следственно-прокурорский стандарт обоснованности выдвижения обвинения перед судом¹.

Обратимся к иным аспектам уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве, связанной с доказыванием.

Заслуживает внимания тема о роли прокурора в процедурах установления фактов по делу договорным путем. В отечественной уголовно-процессуальной литературе впервые эту тему поднял Г.В. Абшилава². Продолжателями ее стал целый ряд авторов, изучавших институты, предусмотренные главами 40, 40.1 УПК РФ³. Не вполне разделяем их взгляды, прежде всего в том, что расходится с концепцией объективной истины. Тем не менее не можем не признать того, что при условии соблюдения требования о соответствии действительности процедурное знание может быть получено договорным путем. Это может иметь место прежде всего в рамках реализации досудебного соглашения о сотрудничестве, о чем пишут многие исследователи⁴.

¹ См.: Лапатников, М. В., Шараева Я. А. Указ. соч. С. 129–134.

² См.: Абшилава, Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. С. 5, 6 и след.

³ См., напр.: Александрова, И. А., Круглов, И. В., Кучин А. Ф., Смолин А. Г. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска: монография. Нижний Новгород, 2007; Александрова, И. А. Договорной способ разрешения уголовно-правовых споров, возникающих в сфере предпринимательской деятельности // Уголовный процесс. 2012. № 9. С. 10–17; Каретников, А. С. Сделки в российском уголовном процессе // Законность. 2013. № 3. С. 36–41; Шерстнев, В. Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации. С. 7–9.

⁴ См.: Колесник, В. В. Природа досудебного соглашения о сотрудничестве с позиции договорной концепции «Сделка о признании обвинения и сотрудничестве» // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2015. № 10. С.36-57 ; Васяев, А. А. Сделка с правосудием или сделка с обвинением? // Современное право. 2010. № 2. С. 88–89.; Никаноров, С. А. Процессуальное положение прокурора в сокращенных процедурах уголовного судопроизводства : диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2017.

Кроме того, аналогичный результат, то есть установление объективной истины согласительным путем, может быть достигнут в рамках процедур о прекращении уголовных дел по ряду нереабилитирующих оснований, предусмотренных ст.ст. 25, 25.1, 28, 28.1 и др. статьями УПК РФ, которые ученые называют согласительно-компромиссными¹, диспозитивными².

К сожалению, в рассуждениях о медиации, трансакции, как моделях досудебного разрешения уголовно-правовых споров, зачастую проскальзывают мысли о допустимости попрания истины и справедливости, замены из целесообразностью, достижения материального результата любой ценой.

С такой трактовкой назначения нововведенных в наше уголовно-процессуальное право согласительно-примирительных, компенсаторных процедур мы категорически не согласны. Установление объективной истины является одним из условий прекращения уголовных дел по любым нереабилитирующим основаниям. И именно прокурор является гарантом установления объективной истины, не разрешение уголовно-правового спора любой ценой, то есть и ценой искажения правды, но только при неуклонном следовании ей, возможен компромисс – в части определения разумной и справедливой компенсации потерпевшему.

Аналогичной будет наша позиция и по еще одной категории согласительных процедур: согласие с подозрением/обвинением – сокращенное производство дознания³. Здесь также достижение соглашения с подозреваемым о проведении дознания в сокращенной форме допустимо только при установлении объективной истины. При наличии же разумных сомнений в совершении деяния

¹ См.: Гуськова, А. П., Маткина Д. В. Медиация в уголовном процессе // Российский судья. 2009. № 2. С. 34–37.

² См.: Белоковильский, М. С. Конфликт и консенсус: некоторые проблемы реализации диспозитивных начал в российском уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2014. № 7. С. 15.

³ См.: Алимерзаев, А. А. Договорный способ установления фактов в сокращенных формах производства по уголовному делу // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2012. № 5. С. 119–121.

лицом, подозреваемым в совершении преступления, необходимо проведение предварительного следствия или дознания¹.

Наше предложение заключается в том, чтобы установление факта совершения лицом преступления и добровольность заявления ходатайства подозреваемым о проведении дознания в сокращенной форме удостоверялось исключительно прокурором. Именно прокурор должен исключить возможность отступления от истины при установлении предмета обвинения и его оснований, других фактических обстоятельств и их квалификации². Ни о каких отступлениях от этого не может быть и речи³.

Прокурор оценивает с позиции объективной истины все доказательства и выводы, следующие из них, которые были получены в результате сотрудничества органа предварительного расследования с обвиняемым, стороной защиты⁴, в том числе при получении показаний от него. Признательные показания обвиняемого – это не самоцель, и не средство установления так называемой «формальной истины», «договорной истины», которая может не соответствовать объективной реальности, но, напротив.

В этом, на наш взгляд, и заключается роль прокурора как субъекта доказывания. И прокурор должен аннулировать, поставить под сомнение результаты такого «доказывания», которое придает видимость отходу из действительности и тем более, когда она делается, чтобы исказить ее, заменить «процессуальной»⁵.

¹ По данному вопросу вполне разделяем точку зрения, которой придерживаются многие ученые.

См.: Ярыгина, Л. А. Доказывание при производстве дознания в сокращенной форме: диссертация ... кандидата юридических наук. Самара, 2017.

² См.: Веницкий, Л., Кубрикова М. Возможно ли изменение категории преступления при рассмотрении уголовных дел в порядке главы 40.1 УПК РФ // Законность. 2013. № 8. С. 45.

³ См.: Вдовцев, П. В., Каркошко Ю. С. К вопросу о предмете досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский следователь. 2015. № 11. С. 24.

⁴ См.: Буланова, Н. В. Дискреционные полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве: содержание и реализация // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 1. С. 32.

⁵ Такие рассуждения, к сожалению, имеют место в отечественной процессуальной науке новейшего времени.

Именно в данном направлении был сделан разворот в использовании прокуратурой института особого порядка судебного разбирательства. В связи с вышесказанным нельзя не упомянуть еще об одном субинституте, имеющим межотраслевую природу и составляющем ядро всех согласительных процедур. В широком смысле это признательные показания обвиняемого, а в узком – это «явка с повинной»¹.

В некоторых современных работах дается правильная оценка этого субинститута и места в нем уголовно-процессуальной активности – доказывания прокурора. Так, М.В. Муравьев признает явку с повинной элементом общего соглашения лица, совершившего преступление, со стороны обвинения с тем, что факт совершения им данного преступления имел место в действительности². Из первоначального признания данного факта эвентуально предполагается и последующее согласие с подозрением/обвинением и, наконец, привлечение к уголовной ответственности по приговору суда³.

Далее, М.В. Муравьев, рассуждая о явке с повинной как о заявлении лица о совершении им преступления, делаемом им в ходе оперативно-розыскной деятельности то есть при производстве таких мероприятий, как опрос, оперативный эксперимент, проверочная закупка и другие, делает вывод о том, что все эти заявления могут стать элементами личного доказательства – признательных показаний обвиняемого в ходе предварительного расследования⁴. Такое рассуждение весьма характерно для современных исследований по сходной проблематики⁵.

См., напр.: Александров, А. С., Александрова И. А. Язык и судебная истина // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово; Барнаул, 2008. С. 36–73.

¹ Алещенко, С. В. К вопросу о соотношении понятий «явка с повинной» и «добровольное сообщение о совершении преступления» // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2006. № 8. С. 137–142.

² См.: Муравьев, М. В. Указ. соч. С. 17.

³ См.: Муравьев, М. В. Указ. соч. С. 17.

⁴ См.: Там же. С. 17.

⁵ См., напр.: Уткин, В.В. Указ. соч. С. 8–9.

Однако, настаиваем на принципиальном изменении такой технологии формирования признательных показаний обвиняемого. Новшество, предлагаемое нами, состоит во введении нормативно-правового требования относительно обязательного участия прокурора в формировании признательных показаний обвиняемого, равно как и других заявлений подозреваемого-обвиняемого, которым законом придается юридическое значения основания для проведения упрощенной процедуры производства по уголовному делу.

Прокурору надлежит удостоверить факт явки с повинной (на его имя) и согласие с обвинением, что должно сопровождать переход на особый порядок и заключение досудебного соглашения.

Полагаем, что надзирающему прокурору надлежит лично проверить – допросить обвиняемого, который признал себя виновным в совершении преступления и ходатайствует о рассмотрении уголовного в особом порядке.

Завершим исследование как обычно выходом на злободневную проблематику противодействия преступлениям, совершаемым в сфере экономической деятельности. В свете темы настоящего параграфа, она может быть сформулирована как участие прокурора в доказывании по уголовным делам о преступлениях экономической направленности. Начнем с обсуждения вопроса о повышении роли прокурора в получении сведений об этих преступлениях оперативно-розыскным путем¹.

Учитывая озабоченность предпринимательского сообщества и руководства страны в соблюдении прав и законных интересов предпринимателей, весьма остро стоит вопрос о повышении гарантий законности и обоснованности действий оперуполномоченных в отношении хозяйствующих субъектов.

¹ Сразу отвергнем как неприемлемую идею об ограничении использования ОРД для раскрытия преступлений, совершаемых субъектами предпринимательской деятельности, с которыми выступают некоторые политические активисты.

См. об этом, напр.: Хартия защиты бизнеса, составленная по итогам уголовного форума в г. Ростов-на-Дону 13 февраля 2017 г. Текст : электронный // Закон.ру : [сайт]. URL: https://www.facebook.com/Хартия-Защиты-Бизнеса-2078206409077582/?modal=admin_todo_tour&pnref=story). Мы исходим из того, что ОРД является, наряду с другими методами познания, допустимым инструментом выявления и раскрытия этих преступлений.

Повышение роли прокурора является одним из эффективным инструментом разрешения этой проблемы. В исследованиях последнего времени этому уделяется особое внимание и сделаны заслуживающие внимания предложения. Идея о повышении роли прокуратуры в делах в отношении субъектов предпринимательской деятельности, обвиняемых в совершении преступлений экономической направленности, поддерживается многими учеными¹, а также политиками и бизнесменами². Почти во всех них проводится идея о необходимости повышения роли прокуратуры в правовой системе противодействия экономической преступности и незаконному давлению на бизнес, включая организацию уголовного преследования бизнесменов, обвиняемых в совершении преступлений против правомерного ведения бизнеса³.

Разумеется, проблема обеспечения правомерности уголовного преследования предпринимателей мерами прокурорского надзора глубже, чем

¹ См., напр.: Александров, А.С., Андреева О. И., Зайцев О. А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Том. гос. ун-та. 2019. № 448. С. 199-207.

² См., напр.: Предвыборная программа Партии Роста. URL: <https://rost.ru/policy> (дата обращения: 20.02.2023); Реформа уголовного экономического законодательства. Февраль 2017 г. Приложение к Среднесрочной программе социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста» (Программа разработана в рамках поручения Президента Российской Федерации от 14 июля 2016 г. № Пр-1347). Приложение № 14 из 19. Текст : электронный // Институт экономики роста : [сайт]. URL: <http://институтроста.рф/upload/iblock/a4d/14.-reforma-ugolovno-ekonomicheskogo-zakonodatelstva.pdf> (дата обращения: 25.08.2023); Хартия российского бизнеса о недопустимости использования мер уголовно-правового характера для силового давления на бизнеса. Текст : электронный // Закон.ру : [сайт]. URL: https://www.facebook.com/Хартия-Защиты-Бизнеса-2078206409077582/?modal=admin_todo_tour&pnref=story (дата обращения: 10.07.2023).

³ См., напр.: Реформа уголовного экономического законодательства. Февраль 2017 г. Приложение к Среднесрочной программе социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста» (Программа разработана в рамках поручения Президента Российской Федерации от 14 июля 2016 г. № Пр-1347) / Приложение № 14 из 19. Текст : электронный // Росконгресс : [сайт]. URL: <https://roscongress.org/materials/srednesrochnaya-programma-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-strany-do-2025-goda-strategiya-rosta/> (дата обращения: 25.12.2023); Избыточная криминализация экономической деятельности в России: как это происходит и с чем с этим делать. Текст : электронный // Центр стратегических разработок : [сайт]. URL: <https://www.csr.ru/news/izbytochnaya-kriminalizatsiya-ekonomicheskoy-deyatelnosti-v-rossii-kak-eto-proishodit-i-cto-s-etim-delat/> (дата обращения: 25.12.2023); Концепция комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов РФ. Текст : электронный // Институт проблем правоприменения : [сайт]. URL: <https://enforce.spb.ru/products/other-publications/6263-6143-kontseptsiya-kompleksnoj-organizatsionno-upravlencheskoj-reformy-pravookhranitelnykh-organov-rf> (дата обращения: 25.12.2023).

расширение процессуальных прав у прокурора при ведении уголовных дел данной категории. Все упирается в общую конструкцию прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и участия прокурора в уголовном преследовании на досудебном производстве.

Полностью поддерживаем тезис о том, что прокурор, как никакой другой орган, в том числе следователь, заинтересован в качестве предварительного расследования, в подготовке оснований будущего государственного обвинения в суде¹, а потому именно прокурор должен иметь достаточные рычаги влияния на проведение предварительного расследования² и доказывания. Прежде всего по уголовным делам в отношении субъектов предпринимательской деятельности, предметом которых является обвинение в совершении преступления экономической направленности.

В связи с этим можно было бы в первоочередном порядке именно по данной категории уголовных дел, учитывая особую остроту проблемы, ее политическую составляющую, возратить руководящую процессуальную роль прокурора при ведении предварительного следствия и в первую очередь в области доказывания³.

Так, на наш взгляд, вполне оправданно ставится вопрос о расширении надзорных полномочий прокурора в сфере проведения гласных оперативно-розыскных мероприятий в отношении субъектов предпринимательской деятельности⁴.

В частности, предлагается следующий круг мер, направленных на повышение меры участия прокурора в проведении некоторых гласных оперативно-розыскных мероприятий, а именно: во-первых, санкционировании прокурором любых обследований помещений субъектов предпринимательской деятельности; во-вторых, при предполагаемом проведении поисковых действий с

¹ См.: Королев, Г. Н. О возможностях влияния прокурора на формирование государственного обвинения в ходе досудебного производства // Вестник ННГУ. 2018. № 4. С. 126.

² См.: Королев, Г. Н. Указ. соч. С. 126, 127.

³ Наверное, здесь уместно было бы говорить о правовом эксперименте. Будет вполне разумным реализовать этот проект вначале по данной категории уголовных дел, распространив затем его и на все остальные дела.

⁴ См.: Муравьев, М. В. Указ. соч. С. 17.

преодолением преград требуется предварительное судебное разрешение или уведомление суда в течение 24 часов после проведения данного мероприятия; в-третьих, допущение Уполномоченного по правам предпринимателей и его сотрудников к участию в проведении гласного обследования помещения предприятия, а также и других объектов предпринимательской деятельности¹.

В этой связи, как и другие исследователи, выступаем за следующие меры по совершенствованию закона.

1. Прокурору необходимо вернуть полномочия на производство и на участие в производстве следственных и иных проверочных действий по установлению признаков предпринимательского преступления.

2. Прокурор должен быть официально признан главным субъектом оценки достаточности данных, указывающих на признаки состава предпринимательского преступления. Отсюда его праворазрешительное полномочие на возбуждение уголовного дела как единственного средства выхода из конфликтной ситуации, возникшей между хозяйствующими субъектами.

3. Прокурора следует признать субъектом права на возбуждение уголовного дела и проведение предварительного следствия по возбужденному им уголовному делу в отношении субъекта предпринимательской деятельности.

4. Все меры уголовно-процессуального принуждения в отношении субъектов предпринимательской деятельности, сопряженных с ограничением конституционных прав личности и законных интересов предприятий, должны санкционироваться прокурором. Прокурор должен давать согласие на возбуждение следователем ходатайства перед судом (следственным судьей) об избрании мер пресечения, мер обеспечения гражданского иска, проведения следственных действий.

5. За прокурором на законодательном уровне должна быть закреплена процессуальная роль координатора и организатора всей деятельности по выявлению и раскрытию преступления, совершенного в сфере экономической деятельности.

¹ См.: там же. С. 18-19.

6. Прокурора следует наделить правами на санкционирование гласных оперативно-разыскных мероприятий, вроде обследования помещений, в котором осуществляется предпринимательская деятельность, транспортных средств коммерческих организаций.

7. Прокурор должен быть уполномочен на принятие решение об организации оперативного сопровождения по уголовному делу и проведение ОРД, необходимой для раскрытия преступления и изобличения подозреваемого, обвиняемого.

8. Прокурор должен быть уполномочен законом на дачу обязательных для исполнения указаний на проведение следственных действий, создание следственно-оперативной группы, проведение совместных с оперуполномоченными следственных действий.

Заслуживает внимания еще одна мысль, тесно связанная с проблематикой участия прокурора в уголовно-процессуальном доказывании по уголовным делам в отношении субъектов предпринимательской деятельности. Имеется в виду внедрение цифровых технологий в доказывание¹.

Это может стать причиной реорганизации следственной модели взаимодействия прокуратуры и органов предварительного расследования. Наметился тренд в сторону глобального мониторинга прокуратурой информационного пространства в сфере уголовного процесса и выстраивание новых технологий управления поднадзорными объектами, то есть централизация системы досудебного производства.

Считаем, что информационная система досудебного производства должна быть ориентирована на прокуратуру, играющую роль управляющей подсистемы в системе обвинения².

Вместе с тем, не можем поддержать вывод, который делают некоторые ученые относительно реорганизации предварительного расследования и порядка

¹ См: Сергеев, М. С. Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве : диссертация ... кандидата юридических наук. Екатеринбург, 2018.

² См.: Потапов, Д. В. Указ. соч. С. 117.

доказывания в этой стадии – через введение судебных процедур депонирования, проверки доказательств сторон перед следственным судьей¹.

В целом по участию в формировании уголовно-процессуальных доказательств роль прокурора должна измениться качественно: он обязан быть официально признан ответственным за формирование обвинительных доказательств, с получением соответствующих полномочий по выполнению данной обязанности. Участие прокурора в досудебном доказывании, раскрытии и расследовании преступлений должно быть восстановлено.

Сделаем выводы по параграфу.

Объективная истина составляет цель доказывания, проводимого в стадии предварительного расследования компетентными государственными органами, в круг которых с необходимостью входит и прокурор.

Правовой стандарт объективной истины стабилизирует, уравнивает обвинительный уклон, присутствующий в уголовном преследовании, которое прокурор проводит и организует в стадии предварительного расследования.

Компетентность прокурора в установлении объективной истины обусловлена его правовым статусом главы обвинительной власти государства, которая через выдвижение обвинения добивается привлечения к уголовной ответственности виновников преступлений. Прокурор несет ответственность за то, чтобы было проведено объективное, полное и всестороннее предварительное расследование и установлена объективная истина.

Номинально прокурор был и есть главный субъект доказывания в стадии предварительного расследования как с точки зрения выдвижения обвинения, так и достижения объективной истины, не как итогового процедурного знания, а «процедурного знания» достаточного для завершения стадии и досудебного производства.

Прокурор обязан сам обязан стремиться к достижению объективной истины и обязан обеспечить, чтобы органы предварительного расследования добивались достижения этой цели, используя необходимые для этого средства,

¹ См.: там же. С. 198, 199.

предоставленные ему законом. Прокурор руководит другими субъектами, обязанными осуществлять доказывание в стадии предварительного расследования, чтобы были приняты все меры для достижения этой цели. Прокурор гарантирует ее достижение при выдвижении обвинения – перед судом и при завершении спора относительно его правомерности и доказанности основания применения уголовного закона.

Прокурор выступает субъектом окончательной оценки уголовно-процессуальных доказательств, полученных органами предварительного расследования, которая имеет решающее значение для их квалификации в качестве основания обвинения, выдвигаемого против обвиняемого – средства доказывания. Оценка прокурор доказательств имеет решающее значение для перехода дела в судебную стадию.

Из разделения властей, также функций обвинения и суда, вытекает то, что власть или компетенция прокурора устанавливать объективную истину и оценивать доказательства ограничена досудебным производством. В том числе при окончании (прекращении) дела в стадии предварительного расследования. С переходом дела в судебную стадию роль субъекта с полномочием решающей оценки доказательств переходит суду, а позиция прокурора и его оценка доказательств становится мнением стороны обвинения, конкурирующим с позицией стороны защиты. Но такая же перемена происходит каждый раз как спор сторон об оценке доказательств становится предметом судебного контроля в стадии предварительного расследования.

Компетенция прокурора выше компетенции следователя в оценке собранных доказательств, ибо она не ограничена досудебных производством, но имеет судебную перспективу: поддержание государственного обвинения и судебное доказывание.

При принятии решения об утверждении обвинительного заключения (иного итогового процессуального решения досудебного производства) прокурор обязан оценить доказательства в их совокупности. По результатам проверки и оценки доказательства, полученного в ходе предварительного расследования, прокурор

должен быть вправе вынести решение и об исключении его из дела по причине: недопустимости, неотносимости или недостоверности. В этой связи предлагается законодательно уполномочить прокурора на вынесение постановлений не только о признании недопустимым, но не относящимся к делу или недостоверным, вызывающим разумные сомнения, доказательства.

При оценке недостаточности доказательств для принятия решения по делу, в том числе для (1) направления дела в суд для поддержания государственного обвинения, (2) утверждения постановления о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию, прокурор должен быть уполномочен на принятие решения, обязывающего орган предварительного расследования (следствия) восполнить неполноту или сам сделать это посредством личного проведения или участия в проведении следственных действий, на необходимость которых указал следователю, дознавателю.

Прокурор является субъектом императивно-правовых полномочий по проверке доказательств, что неотделимо от проводимой им оценки доказательств.

Между тем, исключительное – руководящее значение участия прокурора в доказывании на стадии предварительного расследования, которое обусловлено всем строем современного уголовного судопроизводства и местом, занимаемой прокурором в современной правовой организации досудебного производства и уголовного процесса, не подкрепляется соответствующим позитивно-правовым обеспечением.

Прокурор не вправе непосредственно собирать и закреплять доказательства в стадии предварительного расследования. Прокурор не уполномочен облекать в следственную форму доказательственную информацию и ее источники. Хотя только тот, кто это делает, и может вполне считаться субъектом доказывания. Прокурор же вправе только косвенно, опосредованно участвовать в проведении следственных действий, в том числе, для проверки доказательств, получения новых доказательств.

Обладание полномочиями на проведение следственных действий характеризует реальную дееспособность субъекта доказывания. В нехватке у

прокурора таковых, то есть в отсутствии у него ключевых процессуальных полномочий (а) самому проводить следственные действия, (б) участвовать в их проведении, состоит основное противоречие современной уголовно-процессуальной парадигмы доказывания, подлежащее разрешению.

В современной модели уголовно-процессуального доказывания в стадии предварительного расследования лидирующие роли поменялись: орган следствия заменил прокурора. Роль прокурорской деятельности скорее вспомогательная, критическая, проверочно-оценивающая. Формально прокурор прямо не участвует в предварительном следствии, в уголовно-процессуальном доказывании, формировании доказательств (по крайней мере, регулярно и руководяще).

В предварительном расследовании прокурор не обладает надлежащим доступом ни к одному из трех важнейших информационных ресурсов, которые формируются в стадии предварительного расследования: доследственная проверка в стадии возбуждения уголовного дела, предварительное следствие, оперативно-розыскная деятельность, сопровождающая расследование.

Восполнение нехватки процессуальных полномочий по участию в доказывании происходит за счет использования прокурорами организационно-правовых и квази-правовых инструментариев, в том числе – через реализацию полномочий по ведению криминальной статистики.

Однако настоящим разрешением существующего противоречия будет возвращение прокурору уголовно-процессуальной дееспособности по осуществлению доказывания в стадии предварительного расследования, в том числе:

- проводить следственные действия;
- давать указания всем органам предварительного расследования на производство следственных действий;
- участвовать в следственных действиях, проводимых следователем, дознавателем, в том числе с целью проверить доказательство, собранное органом предварительного расследования, восполнить неполноту суммы доказательств, требуемых для принятия решения по делу;

– участвовать во всех судебных процедурах, где происходит доказывание, в стадии предварительного расследования.

Тезис о ведущей роли следователя (следственного органа) в доказывании на стадии предварительного расследования требует дополнения: эта ведущая роль должна выполняться им под процессуальным руководством главы обвинительной власти – прокурора. Следователь ведет дело и доказывает самостоятельно, но в той мере, в какой устанавливает закон, а за исполнением закона в свою очередь надзирает прокурор.

Установление объективной истины является одним из условий прекращения уголовных дел по любым нереабилитирующим основаниям. И именно прокурор является гарантом установления объективной истины, не разрешение уголовно-правового спора любой ценой, то есть и ценой искажения правды, но только при неуклонном следовании ей возможен компромисс – в части определения разумной и справедливой компенсации потерпевшему. Аналогичной является наша позиция и по еще одной категории согласительных процедур: согласие с подозрением/обвинением – сокращенное производство дознания. Поэтому мы предлагаем законодательно закрепить положение о том, чтобы установление факта совершения лицом преступления и добровольность заявления ходатайства подозреваемым о проведении дознания в сокращенной форме удостоверяется исключительно прокурором.

Предлагаем включить в статью 226.4 УПК РФ следующее положение: «Постановление об удовлетворении заявленного ходатайства и о производстве дознания в сокращенной форме санкционируется прокурором».

Прокурор обязан убедиться в наличии оснований и соблюдении дознавателем условий, предусмотренных статьей 226.1 УПК РФ, и вправе лично допросить подозреваемого, ознакомиться с материалами уголовного дела, подтверждающими обоснованность подозрения.

Предлагаем введение обязательного участия прокурора в формировании признательных показаний обвиняемого, равно как и других заявлений подозреваемого-обвиняемого, которым законом придается юридическое значения

основания для проведения упрощенной процедуры производства по уголовному делу.

Прокурору надлежит удостоверить факт явки с повинной (на его имя) и согласие с обвинением, что должно сопровождать переход на особый порядок и заключение досудебного соглашения. Надзирающему прокурору надлежит лично проверить – допросить обвиняемого, который признал себя виновным в совершении преступления и ходатайствует о рассмотрении уголовного в особом порядке.

В развитие концепции предлагается делегирование прокурором по бесспорным уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести обвинительных полномочий органу предварительного расследования

Главной мерой по повышению эффективности противодействия экономической преступности может стать изменение отношений между прокурором и органом предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. Прокурору должна принадлежать руководящая процессуальная роль прокурора при ведении предварительного следствия, что должно проявляться в уполномочивании прокурора на санкционирование: (1) возбуждения уголовного дела частного-публичного или публичного обвинения в отношении субъекта предпринимательской деятельности; (2) проведения гласных обследований помещений, транспортных средств, территорий, которые связаны с ведением предпринимательской деятельности; (3) любых процессуальных действий допускаемых в части 1 статьи 144 УПК РФ в доследственной проверки (изъятие образцов для сравнительного исследования и пр.), которые сопряжены с ограничением законных прав и интересов предпринимателей; (4) следственных действий с субъектами предпринимательской деятельности и в отношении принадлежащих им на праве частной собственности объектах предпринимательской деятельности¹.

¹ В представленной главе диссертации получили отражение материалы научных работ, подготовленных соискателем в целях опубликования основных результатов исследования. См.:

Левченко, О. В. Прокурор как субъект досудебного производства по уголовному делу // Вестник. Государство и право. 2020. № 27. С. 43–45; Левченко, О. В. Правовое положение и уголовно-процессуальная деятельность прокурора в современном досудебном производстве по уголовным делам // Власть закона. 2023. № 1. С. 268–279; Левченко, О.В. К вопросу о совершенствовании процессуально-правового статуса прокурора в предварительном уголовном расследовании // Власть закона. 2022. № 4. С. 106–123; Левченко, О.В. О делегировании прокурором органу предварительного расследования полномочий на поддержание государственного обвинения в суде // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5. С. 204–211; Левченко, О.В. Оптимизация уголовно-процессуальной модели деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовному делу // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 4. С. 82–88; Левченко, О.В. Современное правовое положение прокурора в предварительном следствии по уголовному делу и направления его совершенствования // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 189–191; Левченко, О.В. Правовое положение прокурора в Российском предварительном следствии: современность и будущее // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, 7 апреля 2022 года. Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 159–161; Левченко, О.В. Прокурор в уголовно-процессуальной цифровой экосреде // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: сборник статей XIX Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае», посвященной памяти Вениамина Константиновича Гавло. – Вып. XVII. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2021. С. 335–340; Левченко, О.В. Процессуально-правовая форма взаимодействия прокуратуры и органов предварительного расследования при противодействии преступности в условиях цифровизации // Технологии XXI века в юриспруденции: материалы Третьей международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 21 мая 2021 года) / отв. ред. Д. В. Бахтеев. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет. 2021. С. 336–344; Левченко, О.В. Правовой стандарт привлечения к уголовному преследованию лиц в связи с предполагаемым совершением ими преступлений в сфере экономической деятельности // Мониторинг правоприменения. 2021. № 3 (40). С. 34–39; Левченко, О.В. Прокурорский надзор за уголовным преследованием предпринимателей в ходе досудебного производства // Уголовно-правовое воздействие на бизнес: монография / под общ. и науч. ред. Э.Л. Сидоренко, А.Г. Волеводза, К.К. Клепцова, О. И. Семькиной. Москва: Проспект, 2021. С. 100–108; Левченко, О.В. Роль прокуратуры в сфере обеспечения безопасности предпринимательства уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными средствами // Университетские правовые диалоги «Право и предпринимательство»: материалы Международной научно-практической конференции, 24–25 марта 2022 г. / под ред. В.В. Кваниной. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2022. Ч. II. С. 253–257; Левченко, О. В. К вопросу о возможных преобразованиях уголовно-процессуальной системы противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 50-летию образования кафедры уголовного процесса: в 2 ч. / отв. ред. В.А. Семенов, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. Ч. 1. С. 251–256; Левченко, О. В. Роль прокурора в уголовно-процессуальной организации противодействия преступности в сфере экономической деятельности // Уголовная политика в области обеспечения экономической безопасности: вызовы и угрозы: сборник материалов Международного круглого стола (Москва, 30 ноября 2021 г.) Москва: ИД «Юриспруденция», 2021. С. 133–139; Левченко, О.В. Участие прокурора в обеспечении безопасности лиц, подлежащих государственной защите, при производстве по уголовному делу // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав

и свобод человека и гражданина: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 72-й годовщине со дня принятия Всеобщей декларации прав человека. Уфа, 10–11 декабря 2020 года. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2020. С. 208-212; Левченко, О.В. Прокурор как ключевой участник компромиссной процедуры окончания уголовного дела // Вторые Чебоксарские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения, посвященные применению технологий компромисса в системе средств обеспечения правоприменительной деятельности правоохранительных органов: сб. материалов Междунар.науч.-практ. видео-конф. (Чебоксары, 10 ноября 2020 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. С. 242-245 и др

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Есть глубокая связь между государственно-правовым устройством, уголовной политикой, правовой организацией досудебного производства в уголовном процессе. Существует предопределенная исторической судьбой российская национальная модель уголовного процесса, которая предопределяет уголовно-процессуально-правовую организацию противодействия преступности.

В России исторически сложившееся в следственной форме досудебное производство представляет собой одно из институциональных слагаемых процессуальной основы правовой организации противодействия преступности.

При этом важно, какой именно государственный орган принимает решение о привлечении к уголовной ответственности или иное решение, констатирующее совершение лицом преступления; «формирует» основание для применения нормы уголовного закона. Это может быть один и тот же орган или полномочия на это решение могут быть разделены между органами различных властей государства. Отделение обвинения от суда – это главный критерий, по которому делятся два типа уголовно-процессуально-правовой организации. Данный показатель включает два первичных признака типа процесса, который определяет уголовно-процессуально-правовую организацию противодействия преступности: порядок выдвижения обвинения и порядок его доказывания.

В отечественный уголовно-процессуальный архетип заложено разделение обвинения и суда и потому его надо считать смешанным. И в смешанном уголовном процессе возможны различные комбинации обвинительного начала, носителем которого является прокурор и следственного начала, выразителем которого является следователь (орган предварительного следствия).

Как показывает опыт сравнительно-правового исследования Россия – практически единственная страна в мире, где прокурор оттеснен следственной властью от решения ключевых вопросов осуществления уголовного

преследования и доказывания в досудебном производстве и конкурирует с ней даже в суде.

Классическая русская доктрина обвинительной власти требует сосредоточения всей полноты власти прокурора над досудебным производством. В современных условиях видится необходимость в воплощении этой доктрины в правовую реальность и отказ от мифов о следственной власти и ее процессуальной самостоятельности.

Резерв совершенствования существующей – следственной модели уголовного преследования, заложенной в действующий Уголовно-процессуальный кодекс, усматривается усилении роли прокуратуры.

В настоящее время существует феномен нехватки прокурорской власти над досудебным производством, без надлежащего проведения которого невозможно, в свою очередь, эффективное поддержание государственного обвинения в суде. Эта «нехватка» проявляется в отсутствии у прокурора: статуса быть субъектом доказывания ни в стадии возбуждения уголовного дела, ни в стадии предварительного расследования; полноты полномочий на выдвижение обвинения и осуществления уголовного преследования. Она восполняется организационными, квази-правовыми инструментами используемыми прокурорами на практике, что чревато нарастанием правовой неопределенности и нарастанием беспорядка. Эта одна из самых острых проблем современной правовой организации досудебного производства и уголовно-процессуально-правовой организации в целом.

Оптимизация порядка предварительного расследования, а вместе с ним и всего досудебного производства видится нами, прежде всего, в контексте усиления роли прокурора, преобразования его процессуальной роли из общенадзорной, внешней по отношению к процессуальной деятельности органов следствия и дознания, в руководящую: одновременно в обвинительную и объективизирующую.

Суть позиции по изменению сложившейся на настоящий момент модели участия прокурора в выдвижении обвинения заключается в восстановлении

руководящего положения в следственной процедуре выдвижения обвинения и должно включать два момента: (1) вовлечение прокурора во все этапы выдвижения обвинения, (2) наделение прокурора исключительным правом по распоряжению предметом обвинения – при соблюдении следственного стандарта «объективной истины».

Требуемая объективность, полнота предварительного расследования могут быть достигаемы только через совместное выполнение этой функции органом предварительного расследования и прокурором. Прокурорский надзор придает предварительному расследованию объективность, достаточную для выдвижения обвинения.

Прокурор должен полностью контролировать процесс выдвижения обвинения и иметь все полномочия по управлению им и оперативному вмешательству. Особенно это важно для решения вопросов о привлечении к уголовному преследованию отдельных субъектов, включая субъектов предпринимательской деятельности. Исключительно прокуратуре должно принадлежать право на инициативу о снятии иммунитета от уголовного преследования со спецсубъектов в ходе предварительного расследования.

В плане расширения полномочий прокурора по участию в выдвижении обвинения актуальным представляется наделение прокурора следующими правами: (а) требовать от органа предварительного следствия, органа дознания представления проекта постановления о привлечении в качестве обвиняемого; (б) давать указание следователю, дознавателю, иному лицу относительно предмета обвинения, в том числе квалификации, круга обстоятельств, подлежащих включению в описательно-мотивировочную часть постановления; (в) разрешать жалобы обвиняемого, его защитника на постановление о привлечении в качестве обвиняемого и процедуру предъявления обвинения; (г) отменять постановление о привлечении в качестве обвиняемого; (д) самому составлять постановление о привлечении и предъявлять обвинение по уголовному делу, которое находится в его производстве; (е) при утверждении обвинительного заключения самому изменять обвинение в сторону улучшения положения обвиняемого, частично или

полностью прекращать уголовное преследование обвиняемого или одного из обвиняемых.

В досудебном производстве инсталлирован первый, а вместе с тем и главный этап познания – формирования «процедурного знания», установления объективной истины. В той мере, в какой оно определяет формулу обвинения, оно определяет и предмет и пределы судебного расследования, а в значительной мере – и самый его результат: средство уголовно-правового воздействия или разрешения уголовно-правового спора альтернативным путем.

Прокурор, будучи формально субъектом доказывания на досудебных стадиях уголовного процесса, в полной мере таковым не является. Он не обладает надлежащим доступом ни к одному из трех важнейших информационных ресурсов, которые формируются в досудебном производстве: доследственная проверка в стадии возбуждения уголовного дела, предварительное следствие, оперативно-розыскная деятельность, сопровождающая расследование. Отсутствие полномочия на проведение следственных действий еще более подчеркивает неспособность прокурора участвовать в установлении фактических обстоятельств по делу. Он вправе осуществлять в ограниченном виде проверку доказательств и только их оценку (относительно досудебного производства) он проводит окончательно. Между тем, для полноценного участия в судебном доказывании прокурору необходимо владение всей полнотой процедурного знания об уголовном деле. В этой связи предлагается вернуть прокурору статус полноценного субъекта доказывания в обеих досудебных стадиях. Прокурор обязан сам стремиться к достижению объективной истины и обязан обеспечить, чтобы органы предварительного расследования добивались достижения этой цели.

Что касается оптимизации участия прокурора в каждой из двух досудебных стадий, то базовым тезисом является сохранение этих стадий. Оптимизацию правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела надлежит проводить одновременно с возвращением прокурору полномочий процессуального руководителя этой стадии. Прокурор подлежит превращению в

полноценного субъекта уголовно-процессуальной деятельности в обеих ее главных составляющих : принимать решения в стадии возбуждения уголовного дела, определять ее исход и судьбу уголовного дела, быть полноценным субъектом доказывания, следственных, процессуальных проверочных действий, проводимых в этой стадии.

Что касается оптимизации участия прокурора в стадии предварительного расследования, то постулат остается тот же: возвращение прокурору статуса субъекта предварительного расследования и процессуального руководителя всех органов уголовного преследования. Надзор за исполнением законов выступает для прокурора формой или способом (1) руководства, (2) опосредованного осуществления уголовного преследования и доказывания в этой стадии.

Обвинительно-следственная власть, в лице участников процесса со стороны обвинения в лице представителей государства: органов прокуратуры, следствия, должна быть единой и неделимой – перед лицом защиты и суда. Систему отношений между следственной-обвинительной-судебной властями необходимо строить через прокурора. Потому исключительно через данного субъекта процесса должны решаться все вопросы, которые ставятся перед судом органом предварительного следствия или дознания.

В основу согласительно-отказной процедуры разрешения уголовных дел в стадии предварительного расследования должна быть положена принципиальная норма о решающем значении участия прокурора, что целесообразно закрепить в следующих предлагаемых нормативно-правовых предписаниях: (1) прокурор должен быть уполномочен отменить постановление о прекращении уголовного дела вынесенного органом предварительного расследования по любому из реабилитирующих оснований; (2) прокурора надлежит наделить полномочием на санкционирование постановления о прекращении уголовного дела по любому из нереабилитирующих оснований; (3) прокурор должен утверждать постановление органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела и направлении дела в суд для наложения на обвиняемого штрафа вместо назначения

наказания и применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительных мер воспитательного воздействия.

Установление объективной истины является одним из условий прекращения уголовных дел по любым нереабилитирующим основаниям. И именно прокурор является гарантом установления объективной истины; только при неуклонном следовании ей возможен компромисс – в части определения разумной и справедливой компенсации потерпевшему.

Аналогичной является наша позиция и по еще одной категории согласительных процедур: согласие с подозрением(обвинением) при сокращенном производстве дознания. Предлагаем законодательно закрепить положение о том, чтобы установление факта совершения лицом преступления и добровольность заявления ходатайства подозреваемым о проведении дознания в сокращенной форме удостоверяется исключительно прокурором.

Считаем, что именно прокуратура должна играть главную роль в сфере противодействие экономической преступности и управлять механизмом привлечения к уголовному преследованию субъектов предпринимательской деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) : принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 22.11.2001 : одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 05.12.2001 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ч. I. – Ст. 4921; 2024. - № 18. - Ст. 2398.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) : принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 24.05.1996 : одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 05.07.1996 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954 ; 2024. - № 15. - Ст. 1972.

4. Федеральный закон от 27.12.2018 N 533-ФЗ "О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" : принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 18.12.2018 : одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 21.12.2018 //Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 53(Ч. I.). – Ст. 8459.

5. Федеральный закон Российской Федерации от 15.10.2020 № 336-ФЗ «О внесении изменения в статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» : принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 29.09.2020 : одобрен Советом Федерации

Федерального Собрания Российской Федерации 07.10.2020 //Собрание законодательства РФ. - 2020. - N 42 (часть II). - Ст. 6523.

6. Федеральный закон Российской Федерации от 08.06.2015 № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 09.03.2022) : принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 22.05.2015 : одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 03.06.2015 // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 24. – Ст. 3367 ; 2022. – № 11. – Ст. 1598.

7. Федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 04.08.2023)(с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024) : принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 28.11.2011 : одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 02.02.2011 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900 ; 2023. - № 18. - Ст. 3249.

8. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.03.2024) "О прокуратуре Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472 ; 2023. - № 51. - Ст. 9167.

9. Фееральный закон от 28.12.2010 N 403-ФЗ (ред. от 12.12.2023) "О Следственном комитете Российской Федерации" : принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 22.12.2010 : одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 24.12.2010 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 15 ; 2023. - № 51. - Ст. 9167.

10. Федеральный закон от 15.07.1995 N 103-ФЗ (ред. от 25.12.2023) "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" : принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 21.06.1995 : одобрен Советом Федерации Федерального

Собрания Российской Федерации 23.06.1995 // Собрание законодательства РФ. - 1995. - № 29. - Ст. 2759 ; 2024. - № 1 (часть I). - Ст. 45.

11. Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (ред. от 26.07.2019) : принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 07.07.2010 : одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 14.07.2010 // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162 ; 2019. – № 30. – Ст. 4099.

12. Федеральный закон Российской Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 28.12.2022) : принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 05.07.1995 : одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. - 1995. - № 33. - Ст. 3349 ; 2023. - № 1 (часть I). - Ст. 85.

13. Федеральный закон от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» (ред. от 28.02.2023): принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 09.11.2007 : одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 16.11.2007 // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 49. – Ст. 6043 ; 2023. – № 10. – Ст. 1578.

14. Указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») (ред. от 31.12.2019) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1958 ; 2020. – № 1 (часть I). – Ст. 7

15. Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 14 «О некоторых вопросах Генеральной прокуратуры Российской» // Собрание законодательства РФ. - 2017. - № 4. - Ст. 638.

Проекты, концепции и другие документы программного характера

16. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием структуры органов предварительного следствия : Законопроект № 431374-5. – Текст : электронный // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. - URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/431374-5> (дата обращения: 22.02.2024).

17. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу : Законопроект № 440058-6. – Текст : электронный // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. - URL:[http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent &RN=440058-6&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=440058-6&02) (Дата обращения: 22.02.2024).

18. Предвыборная программа Партии Роста. – Текст : электронный // Партия Роста : [сайт]. - URL: <https://rost.ru/policy> (дата обращения: 20.02.2024).

Книги (учебники, учебные пособия, монографии, сборники)

19. Абшилава, Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : монография / Г. В. Абшилава ; под ред. О. А. Зайцева. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 452 с. – Текст : непосредственный.

20. Адаменко, И. Е. Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты : монография / И. Е. Адаменко; под науч. ред. В. Н. Григорьева. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 377 с. – Текст : непосредственный.

21. Актуальные проблемы возбуждения уголовного дела: учебное пособие / В. Г. Григорьев, А. В. Новиков, Е. А. Прохорова, Д. Н. Слабкая. – Москва: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. – 113 с. – Текст : непосредственный.

22. Актуальные проблемы прокурорской деятельности: курс лекций / В. Г. Бессарабов и др.; под ред. О. С. Капинус; рук. авт. кол. Б. В. Коробейников; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Москва: Проспект, 2016. – 223 с. – Текст : непосредственный.

23. Александров, А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / А. И. Александров; под ред. В.З. Лукашевича; предисл. В.Н. Кудрявцева. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. – 562 с. – Текст : непосредственный.

24. Александров, А. И. Философия зла и философия преступности / А. И. Александров. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2013. – 484 с. – Текст : непосредственный.

25. Александров, А. С. Диспозитивность в уголовном процессе : монография / А. С. Александров. – Нижний Новгород : НЮИ МВД РФ, 1997. – 243 с. – Текст : непосредственный.

26. Александров, А. С. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики : монография / А. С. Александров, И. А. Александрова. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 608 с. – Текст : непосредственный.

27. Александров, А. С. Уголовный процесс России : учебник / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Сереброва ; науч. ред. В. Т. Томин. – Москва : Юрайт, 2003. – 821 с. – Текст : непосредственный.

28. Александров, С. А. Правовые гарантии возмещения ущерба в уголовном процессе / С. А. Александров. – Горький : [б. и.], 1976. – 124 с. – Текст : непосредственный.

29. Александрова, И. А. Современная правовая политики противодействия преступлениям в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : монография /И. А. Александрова, А. С. Александров. - Нижний Новгород, 2017. - 206 с. – Текст : непосредственный.

30. Александрова, И. А. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска : монография / И. А. Александрова, И. В. Круглов, А. Ф. Кучин, А. Г. Смолин. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2007. – 224 с. – Текст : непосредственный.

31. Алексеев, Н. С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 252 с. – Текст : непосредственный.

32. Алексеев, Н. С. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве. Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование / Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич. – Ленинград : [б. и.], 1970. – 192 с. – Текст : непосредственный.

33. Алексеев, С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Свердлов. юрид. ин-т. - Свердловск : [б. и.], 1972. - Т. 1: Основные вопросы общей теории социалистического права. - 396 с. - Текст : непосредственный.

34. Алексеев, С. С. Философия права : история и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы / С. С. Алексеев. - Москва : НОРМА, 1999. - 329 с. – Текст : непосредственный.

35. Алексеева, Л. Б. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / [М.С. Строгович, Л.Б. Алексеева, А.М. Ларин]; АН СССР, Ин-т государства и права. - Москва : Наука, 1979. - 319 с. - Текст : непосредственный.

36. Анашкин, Г. З. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам / Г. З. Анашкин, И. Д. Перлов – Москва : Юридическая литература, 1982. – 80 с. – Текст : непосредственный.

37. Андреева, О. И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве : монография / О. И. Андреева. – Томск : Изд-во Томский университет, 2000. – 133 с. – Текст : непосредственный.

38. Аппарат власти следственной / под общей ред. Н.А. Колоколова. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 378 с. – Текст : непосредственный.

39. Ахмадуллин, Р. И. Всесторонность, полнота и объективность в досудебных стадиях российского уголовного процесса / Р. И. Ахмадуллин. – Москва: Юрлитинформ, 2006. – 128 с. – Текст : непосредственный.

40. Аширбекова, М. Т. Принцип публичности в судебном производстве по уголовным делам : монография / М. Т. Аширбекова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. – 240 с. – Текст : непосредственный.

41. Бабаев, М. М. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа : монография / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. – Москва : Юрлитинформ 2017. – 693 с. – (Уголовное право). – Текст : непосредственный.

42. Бавсун, М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : монография / М. В. Бавсун. – Омск : Омская академия МВД России, 2014. – 248 с. – Текст : непосредственный.

43. Багаутдинов, Ф. Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений / Ф. Н. Багаутдинов. – Москва : Юрлитинформ, 2004. – 544 с. – Текст : непосредственный.

44. Баев, О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него : Следств. тактика : Науч.-практ. пособие / О. Я. Баев. - Москва : Экзамен, 2003. - 430 с. – Текст : непосредственный.

45. Балакшин, В. С. Допустимость доказательств: понятие, правовая природа, значение, алгоритм оценки: науч.-практ. пособие / В. С. Балакшин. – Екатеринбург : [б/и], 2013. – 316 с. – Текст : непосредственный.

46. Барабанов, П. К. Уголовный процесс Испании / П. К. Барабанов. – Москва : Издательство «Спутник+», 2021. – 382 с. – Текст : непосредственный.

47. Барабанов, П. К. Уголовный процесс Италии / П. К. Барабанов. – Москва : Издательство «Спутник+», 2019. – 461 с. – Текст : непосредственный.

48. Барабаш, А. С. Основной, дополнительные и вспомогательные процессы доказывания в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства / А. С. Барабаш. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 227 с. – Текст : непосредственный.

49. Барабаш, А. С. Отечественный уголовный процесс в свете национального менталитета / А. С. Барабаш. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 176 с. – Текст : непосредственный.

50. Барабаш, А. С. Публичное начало российского уголовного процесса / А. С. Барабаш. – Санкт-Петербург : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. – 420 с. – Текст : непосредственный.

51. Барабаш, А. С. Метод российского уголовного процесса: монография / А. С. Барабаш, А. А. Брестер. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2013. – 224 с. – Текст : непосредственный.

52. Барабаш, А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. — Санкт-Петербург : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 257 с. – Текст : непосредственный.

53. Баранов, А. М. Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России / А. М. Баранов, К. А. Наумов. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 160 с. – Текст : непосредственный

54. Баршев, Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я. И. Баршев. – Москва : ЛексЭст, 2001. – 240 с. – Текст : непосредственный.

55. Басков, В. И. Деятельность прокурора по рассмотрению уголовных дел в порядке надзора / В. И. Басков – Москва: Юридическая литература, 1975. – 200 с. – Текст : непосредственный.

56. Бедняков, Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений: монография / Д. И. Бедняков. – Москва : Юрид. лит., 1991. – 208 с. – Текст : непосредственный.

57. Безлепкин, Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя / Б. Т. Безлепкин. – Москва : Проспект, 2009. – 368 с. – Текст : непосредственный.

58. Белкин, А. Р. Доказательства и доказывание. 3-е изд., перераб. и доп / А. Р. Белкин. – Москва : МГУ (МГУПИ), 2016. – 72 с. – Текст : непосредственный.

59. Белозеров, Ю. Н. Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела / Ю. Н. Белозеров, П. Г. Марфицин. – Москва : Изд-во УМЦ при ГУК МВД РФ, 1994. – 76 с. – Текст : непосредственный.
60. Беляев, Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации: монография / Н. А. Беляев. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1986. – 176 с. – Текст : непосредственный.
61. Бессарабов, В. Г. Прокуратура в системе государственного контроля Российской Федерации / В. Г. Бессарабов. – Москва , 2001. – 483 с. – Текст : непосредственный.
62. Благов, Е. В. Применение уголовного права (теория и практика) / Е. В. Благов. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. – 505 с. – Текст : непосредственный.
63. Бобров, В. К. Стадия возбуждения уголовного дела / В. К. Бобров. – Москва : МЮИ МВД России, 1997. – 69 с. – Текст : непосредственный.
64. Божьев, В. П. Уголовно–процессуальные правоотношения / В. П. Божьев. – Москва : Юрид. лит., 1975. – 176 с. – Текст : непосредственный.
65. Бойльке, В. Уголовно-процессуальное право ФРГ : учебник / В. Бойльке; пер. с нем. Я. М. Плошкиной, под ред. Л. В. Майоровой. - 6-е изд. с доп. и изм. - Красноярск : РУМЦ ЮО, 2004. – 352 с. – Текст : непосредственный.
66. Бородин, С. В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела / С. В. Бородин. – Москва : Труды Всесоюзного научно-исследовательского института МВД СССР, 1970. – 120 с. – Текст : непосредственный.
67. Боруленко, Ю. П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты) / Ю. П. Боруленко. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 392 с. – Текст : непосредственный.
68. Боруленков, Ю. П. Юридическое познание, доказательство и доказывание (методология, теория, практика) : монография / Ю. П. Боруленков ; под науч. ред. В. Н. Карташова. - Москва : Юрлитинформ, 2016. – 536 с. – Текст : непосредственный.

69. Буланова, Н. В. Деятельность прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: организационный, процессуальный и криминалистический аспекты : пособие / Н. В. Буланова, Д. И. Ережипалиев, О. А. Яловой ; Руководитель авторского коллектива Н.В. Буланова. – Москва : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования "Университет прокуратуры Российской Федерации", 2013. – 108 с. – Текст : непосредственный.

70. Бутов, В. Н. Уголовный процесс Австрии / В. Н. Бутов. – Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1988. – 199 с. – Текст : непосредственный.

71. Буцковский, Н. А. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной / Н. А. Буцковский. – Санкт-Петербург : Тип. 2 отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1867. – 80 с. – Текст : непосредственный.

72. Вагин, О. А. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов : учеб.-практ. пособие / О. А. Вагин, А. П. Исиченко, Г. Х. Шабанов. – Москва : Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. – 119 с. – Текст : непосредственный.

73. Вандышев, В. В. Уголовный процесс : курс лекций / В. В. Вандышев. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 528 с. – Текст : непосредственный.

74. Васильева, Е. Г. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях конституционного суда РФ : в 2 частях : практическое пособие / Е. Г. Васильева, Е. В. Ежова, Р. М. Шагеева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2016. – Ч. 1. – 228 с. – (Профессиональные комментарии). – Текст : непосредственный.

75. Васильева, Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование : монография / Е. Г. Васильева. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 584 с. – Текст : непосредственный.

76. Вершинина, С. И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения / С. И. Вершинина. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 368 с. – Текст : непосредственный.

77. Викторский, С. И. Русский уголовный процесс / С. И. Викторский. – Москва : Изд. А.А. Карцева, 1912. – 442 с. – Текст : непосредственный.

78. Винокуров, А. Ю. Прокурорский надзор: учебник для прикладного бакалавриата / А. Ю. Винокуров, Ю. Е. Винокуров ; под общей ред. А.Ю. Винокурова. - 2-е изд. перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2015. – 556 с. – Текст : непосредственный.

79. Власов, В. И. Предварительное следствие: проблемы качества / В. И. Власов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1988. – 137 с. – Текст : непосредственный.

80. Власова, Н. А. Досудебное производство в уголовном процессе / Н. А. Власова. – Москва : ВНИИ МВД России, 2000. – 144 с. – Текст : непосредственный.

81. Власова, Н. А. Теоретические и правовые основы стадии возбуждения уголовного дела / Н. А. Власова. – Москва : ВНИИ МВД России, 2001. – 142 с. – Текст : непосредственный.

82. Власова, С. В. Теоретическая концепция правовой (уголовно-процессуальной) организации противодействия преступности в сфере экономики : монография / С. В. Власова. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – 125 с. – Текст : непосредственный.

83. Власова, С. В. Уголовно-право-процессуальная организация противодействия экономической преступности в новую эпоху : монография / С. В. Власова. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 592 с. – Текст : непосредственный.

84. Володина, Л. М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика / Л. М. Володина. – Москва : Издательская группа «Юрист», 2006. – 352 с. – Текст : непосредственный.

85. Воронин, О. В. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учеб.-метод. Комплекс / О. В. Воронин. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2021. – 266 с. – Текст : непосредственный.

86. Выдря, М. М. Уголовно-процессуальные гарантии в суде: учебное пособие / М. М. Выдря. – Краснодар : Изд-во Кубан. ун-та, 1980. - 94 с. – Текст : непосредственный.

87. Вышинский, А. Я. Вопросы теории государства и права / А. Я. Вышинский. – 2-е изд. - Москва: Госюриздат, 1949. – 424 с. – Текст : непосредственный.

88. Вышинский, А. Я. Курс уголовного процесса / А. Я. Вышинский. – Москва : Юрич. изд-во Наркомюста РСФСР, 1927. – 222 с. – Текст : непосредственный.

89. Галкин, Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон / Б. А. Галкин. – Москва : Госюриздат, 1962. – 255 с. – Текст : непосредственный.

90. Гаухман, Л. Д. Понятие советской уголовной политики и ее основные направления / Л. Д. Гаухман, Ю. И. Ляпунов. – Москва : [б/и], 1980. – 175 с. – Текст : непосредственный.

91. Герцензон, А. А. Уголовное право и социология. Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики / А. А. Герцензон. – Москва : Юрид. лит., 1970. – 286 с. – Текст : непосредственный.

92. Гимазетдинов, Д. Р. Уголовно-процессуальная форма / Д. Р. Гимазетдинов, З. З. Зинатуллин. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 184 с. – Текст : непосредственный.

93. Головенков, П. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия - Strafprozessordnung (StPO) : научно-практический комментарий и перевод текста закона / П. Головенков, Н. Спица. – Potsdam : Universitätsverlag Potsdam, 2012. – 408 с. – Текст : непосредственный.

94. Головкин, Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л. В. Головкин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. – 542 с. – (Труды и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоц. Юрид. центр). – Текст : непосредственный.

95. Головкин, Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография / Л. В. Головкин. - Москва : Издательский Дом «Городец», 2022. – 464 с. – Текст : непосредственный.

96. Головкин, Л. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции / Л. В. Головкин. – Москва : Спарк, 1995. – 130 с. – Текст : непосредственный.

97. Григорьев, В. Н. Возбуждение уголовного дела по новому УПК: учеб. пособие для вузов МВД России / В. Н. Григорьев. – Москва : ГУК МВД России, 2002. – 51 с. – Текст : непосредственный.

98. Григорьев, В. Н. Предварительное расследование (понятие, задачи и формы) : лекция / В. Н. Григорьев. – Москва : ЮИ МВД РФ, 1998. – 30 с. – Текст : непосредственный.

99. Григорьев, В. Н. Прокурорский надзор: учебное пособие. / В. Н. Григорьев. – 6-е изд. - Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2020. – 215 с. – Текст : непосредственный.

100. Гриненко, А. В. Механизм возбуждения уголовного дела / А. В. Гриненко. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 216 с. – Текст : непосредственный.

101. Гриненко, А. В. Досудебное производство по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и иных государств-членов СНГ / А. В. Гриненко, Г. А. Гуджабидзе, И. В. Макеева, Е. В. Цветкова – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 192 с. – Текст : непосредственный.

102. Гриненко, А. К. Конституционные основы досудебного уголовного процесса в Российской Федерации / А. К. Гриненко. – Москва : Компания Спутник+, 2000. – 258 с. – Текст : непосредственный.

103. Гришанин, П. Ф. Современные проблемы уголовной политики и уголовно-правовой практики / П. Ф. Гришанин. – Москва : Акад. МВД СССР, 1994. – 62 с. – Текст : непосредственный.

104. Гришин, С. П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспекты) / С. П. Гришин. – Москва : Юрлитинформ, 2008. – 470 с. – Текст : непосредственный.

105. Громов, Н. А. Санкции в уголовно-процессуальном праве России / Н. А. Громов, С. А. Полунин. – Москва : Городец, 1998. – 151 с. – Текст : непосредственный.

106. Громов, Н. А. Институт привлечения к уголовной ответственности / Н. А. Громов. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1991. – 184 с. – Текст : непосредственный.

107. Громов, Н. А. Уголовный процесс России : учебное пособие / Н. А. Громов. – Москва : Юристъ, 1998. – 552 с. – Текст : непосредственный.

108. Громов, Н.А. Правоприменительная деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и судов. Основные начала: учебное пособие для вузов / Н. А. Громов, Ю. В. Францифоров. – Москва : "Издательство ПРИОР", 2000. – 160 с. – Текст : непосредственный.

109. Грэхэм, Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе : пер. с англ. / Л. Р. Грэхэм. – Москва : Политиздат, 1991. – 480 с. – Текст : непосредственный.

110. Гуляев, А. П. Истина... и только истина! Пять бесед о судебно-правовой реформе / А. П. Гуляев. – Москва : Юрид. лит., 1990. – 432 с. – Текст : непосредственный.

111. Гуляев, А. П. Процессуальные функции следователя: учебное пособие / А. П. Гуляев. – Москва : Изд-во Акад. МВД СССР, 1981. – 61 с. – Текст : непосредственный.

112. Гуляев, А. П. Следователь в уголовном процессе / А. П. Гуляев. – Москва : Изд-во Акад. МВД СССР, 1981. – 192 с. – Текст : непосредственный.

113. Давлетов, А. А. Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности : монография / А. А. Давлетов; под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. В.М. Егорова. – Москва, 2016. – С. 288-298. – Текст : непосредственный.

114. Давлетов, А. А. Основы уголовно-процессуального познания / А. А. Давлетов. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 152 с. – Текст : непосредственный.

115. Давыдов, П. М. Обвинение в советском уголовном процессе / П. М. Давыдов. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1974. – 136 с. – Текст : непосредственный.

116. Дагель, П. С. Проблемы советской уголовной политики / П. С. Дагель. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1982. – 124 с. – Текст : непосредственный.

117. Даев, В. Г. Основы теории прокурорского надзора / В. Г. Даев, М. Н. Маршунов. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 136 с. – Текст : непосредственный.

118. Даневский, В. Наше предварительное следствие / В. Даневский. – Санкт-Петербург : Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1895. – 89 с. – Текст : непосредственный.

119. Даровских, О. И. Актуальные проблемы уголовного процесса : учебное пособие / Даровских О. И. ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Южно-Уральский государственный университет, Кафедра уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. — Челябинск : ЮУрГУ, 2019. – Ч. 1. – 2019. – 198 с. – Текст : непосредственный.

120. Даровских, О. И. Прокурор в уголовном судопроизводстве: монография / О. И. Даровских, С. М. Даровских. – Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2020. – 160 с. – Текст : непосредственный.

121. Деришев, Ю. В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России / Ю. В. Деришев. – Омск : Омская академия МВД России, 2004. – 340 с. – Текст : непосредственный.

122. Дикарев, И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России : монография / И. С. Дикарев ; под ред. А. П. Кругликова. – Волгоград : ВолГУ, 2005. – 162 с. – Текст : непосредственный.

123. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и комментарии к ней / А. С. Александров [и др.]. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 299 с. – (Уголовный процесс). – Текст : непосредственный.

124. Долгов, Д. Основные формы уголовных следствий, вообще принятых при производстве / В. Долгов. – Санкт-Петербург : тип. Воен.-учеб. заведений, 1846. – 76 с. – Текст : непосредственный.

125. Доля, Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности / Е. А. Доля. – Москва : Проспект, 2011. – 376 с.

126. Дорохов, В. Я. Теория доказательств в советском уголовном процессе / В. Я. Дорохов. – Москва : Юрид. лит., 1973. – 736 с. – Текст : непосредственный.

127. Дубриный, В. А. Деятельность следователя по расследованию преступлений. Общая характеристика. Цели. Действия / В. А. Дубриный. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – 96 с. – Текст : непосредственный.

128. Дуюнов, В. К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика / В. К. Дуюнов. – Москва : Издательство «Научная книга», 2003. – 520 с. – Текст : непосредственный.

129. Еникеев, З. Д. Уголовное преследование: учебное пособие / З. Д. Еникеев. – Уфа : Издательство БашГУ, 2000. – 131 с. – Текст : непосредственный.

130. Жариков, Ю. С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации / Ю. С. Жариков. – Москва : ИД "Юриспруденция", 2009. – 216 с. – Текст : непосредственный.

131. Жогин, Н. В. Возбуждение уголовного дела / Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин. – Москва : Госюриздат, 1961. – 295 с. – Текст : непосредственный.

132. Жогин, Н. В. Предварительное следствие в советском уголовном процессе / Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин. – Москва : Госюриздат, 1965. – 367 с. – Текст : непосредственный.

133. Жогин, Н. В. Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел / Н. В. Жогин. – Москва : Юрид. лит., 1968. – 264 с. – Текст : непосредственный.

134. Загородников, Н. И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел : учебное пособие / Н. И. Загородников. – Москва : МВШМ МВД СССР, 1979. – 100 с. – Текст : непосредственный.

135. Зажицкий, В. И. Доказательства и доказывание по УПК РФ : монография / В. И. Зажицкий. – Санкт-Петербург : Юридический центр-Пресс, 2015. – 439 с. – Текст : непосредственный.

136. Звечаровский, И. Э. Современное уголовное право России / И. Э. Звечаровский. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2001. – 100 с.

137. Зеленецкий, В. С. Функциональная структура прокурорской деятельности : учебное пособие / В. С. Зеленский. – Харьков : Харьковский юридический институт, 1978. – 78 с.

138. Зер, Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / Х. Зер ; пер. с англ. М. М. Стерник, Е. В. Топникова; общ. ред. Л. М. Карнозова. – Москва : Центр «Судебно-правовая реформа», 1998. – 350 с. – Текст : непосредственный.

139. Зинатуллин, З. З. Уголовно-процессуальные функции / З. З. Зинатуллин, Т. З. Зинатуллин. – Ижевск : Детектив-информ, 2002. – 240 с. – Текст : непосредственный.

140. Зусь, Л. Б. Правовое регулирование в сфере уголовного судопроизводства / Л. Б. Зусь. – Владивосток : ДВГУ, 1984. – 148 с. – Текст : непосредственный.

141. Иванов, В. А. Прокурорский надзор в борьбе с преступностью / В. А. Иванов; отв. ред.: В. П. Резепов. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та 1964. – 64 с. – Текст : непосредственный.

142. Иванов, Н. Г. Этюды о российской уголовной политике и ее конкретных воплощениях / Н. Г. Иванов. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 176 с. – Текст : непосредственный.

143. Ильин, А. В. Распределение полномочий между руководителем следственного органа и прокурором по обеспечению надлежащего расследования уголовных дел: метод. указания / А. В. Ильин, Е. А. Богачевская, Е. А. Киреева; под ред. канд. юрид. наук А.В. Ильина; Федер. служба исполнения наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказания, Каф. уголов.-

процессуал. права. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2011. – 50 с. – Текст : непосредственный.

144. Калашникова, Н. Я. Гарантии прав свидетеля, эксперта, переводчика и понятого в советском уголовном процессе / Н. Я. Калашникова. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1966. – 40 с. – Текст : непосредственный.

145. Каминский, Э. С. Обеспечение публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве / Э. С. Каминский. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 144 с. – Текст : непосредственный.

146. Карев, Д. С. Возбуждение и расследование уголовных дел / Д. С. Карев, Н. М. Савгирова. – Москва : Высшая школа, 1967. – 141 с. – Текст : непосредственный.

147. Карев, Д. С. Советский уголовный процесс / Д. С. Карев. – Москва : Гос. изд-во юрид. лит., 1968. – 552 с. – Текст : непосредственный.

148. Карнеева, Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе Л. М. Карнеева. – Волгоград, 1988. – 68 с. – Текст : непосредственный.

149. Карнеева, Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность / Л. М. Карнеева. – Москва : ВСШ, 1971. – 136 с. – Текст : непосредственный.

150. Касаткина, С. А. Публичность и диспозитивность в Российском уголовном процессе : монография / С. А. Касаткина ; науч. ред. И. Л. Петрухин. – Ставрополь : Сервисшкола, 2006. – 188 с. – Текст : непосредственный.

151. Квачевский, А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: Теоретическое и практическое руководство. Ч. 3. Вып. 1–2 / А. Квачевский. – Санкт-Петербург : тип. Ф.С. Сущинского, 1869. – 368 с. – Текст : непосредственный.

152. Кожевников, О. А. Участие прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: монография / О. А. Кожевников. – Москва : Волтерс Клувер, 2011. – 208 с. – Текст : непосредственный.

153. Козубенко, Ю. В. Уголовное преследование : монография / Ю. В. Козубенко. – Санкт-Петербург : Юрид. Центр Пресс, 2006. – 259 с. – Текст : непосредственный.

154. Кокорев, Л. Д. Уголовный процесс: доказательства и доказывание / Л. Д. Кокорев, Н. П. Кузнецов. - Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. - 268 с.

155. Колбая, Г. Н. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства / Г. Н. Колбая. – Москва : Юрид. лит., 1975. – 152 с. – Текст : непосредственный.

156. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова. – 3-е изд., перераб. и доп. - Москва : КноРус, 2007. - 979 с. – Текст : непосредственный.

157. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2012. – 1087 с. – Текст : непосредственный.

158. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Т. Томина, М. П. Полякова. – 4-е изд. – Москва : Юрайт, 2010. – 1291 с. – (Серия Профессиональные комментарии). – Текст : непосредственный.

159. Комментарий к УПК РФ / В. Т. Томин, М. П. Поляков. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2014. – 1087 с. – (Профессиональные комментарии). – Текст : непосредственный.

160. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. А. М. Рекунова и А. К. Орлова. – Москва : Юрид. лит., 1985. – 688 с. – Текст : непосредственный.

161. Комментарий к УПК РФ. Вводный / под ред. проф. В. Т. Томина. – Москва: Юрайт, 2002. – 378 с. – Текст : непосредственный.

162. Комментарий последних изменений Уголовно-процессуального кодекса РФ и ФЗ «О прокуратуре РФ» /В. Т. Томин , М. П. Поляков, Г. Н. Королев. – Москва : Юрайт, 2007. – 479 с. – Текст : непосредственный.

163. Корнев, Г. П. Методологические проблемы познания и доказывания в российском уголовном процессе / Г.П. Корнев. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 200 с. – Текст : непосредственный.

164. Корнуков, В. М. Возбуждение уголовного дела в системе уголовно-процессуальной деятельности / В. М. Корнуков, В. А. Лазарев, В. Д. Холоденко. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2002. – 153 с. – Текст : непосредственный.

165. Королев, Г. Н. Прокуратура РФ в период правовой реформы / Г. Н. Королев. – Ижевск : Изд. «Детектив информ», 1998. – 107 с. – Текст : непосредственный.

166. Королев, Г. Н. Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе / Г. Н. Королев. – Москва : Юрлитинформ, 2006. – 360 с. – Текст : непосредственный.

167. Королев, Г. Н. Учение об уголовно-процессуальной деятельности прокурора. Книга первая / Г. Н. Королев. – Нижний Новгород : Изд-во ФГОУ ВПО ВГАВТ, 2004. – 168 с. – Текст : непосредственный.

168. Коршунова, О. Н. Теоретические и прикладные проблемы уголовного преследования: монография / О. Н. Коршунова. - Москва: Альфа-пресс, 2015. – 232 с. – Текст : непосредственный.

169. Кропачев, Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система / Н. М. Кропачев. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 1999. – 262 с. – Текст : непосредственный.

170. Кропачев, Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Норма, правоотношение, ответственность / Н. М. Кропачев, В. С. Прохоров, А. Н. Тагрбагаев; науч. ред. Н.А. Беляев. – Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1989. – 208 с. – Текст : непосредственный.

171. Крыленко, Н. В. Судостроительство РСФСР (лекции по теории и истории судостроительства) / Н. В. Крыленко. – Москва : [Юрид. изд-во НКЮ], 1923. – 410 с. – Текст : непосредственный.

172. Крылов, И. Ф. Розыск, дознание, следствие / И. Ф. Крылов, А. И. Бастрыкин. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1984. – 217 с. – Текст : непосредственный.

173. Крюков, В. Ф. Прокурор в уголовном судопроизводстве России: (история и современность) / В. Ф. Крюков. – Курск : [б. и.], 2012. – 500 с. – Текст : непосредственный.

174. Кувалдина, Ю. В. Компромисс как способ разрешения уголовно-правовых конфликтов в России : современное состояние и перспективы развития : монография / Ю. В. Кувалдина. – Москва : РУСАЙНС, 2000. – 251 с. – Текст : непосредственный.

175. Курс советского уголовного права: в 5 т. / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. – Текст : непосредственный.

176. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / [Алексеев В. Б., Алексеева Л. Б., Божьев В. П. и др.]; Под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца; ВНИИ пробл. укрепления законности и правопорядка. - Москва : Юрид. лит., 1989. - 638,[1] с. - Текст : непосредственный.

177. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головки. 3-е изд., испр. – Москва : Статут, 2021. – 1328 с. – Текст : непосредственный.

178. Кухта, А. А. Доказывание истины в уголовном процессе : монография / А. А. Кухта. – Нижний Новгород : Нижегородская Академия МВД России, 2009. – 569 с. – Текст : непосредственный.

179. Лазарева, В. А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие / В. А. Лазарева. – Москва : Высш. образование, 2010. – 344 с. – Текст : непосредственный.

180. Лазарева, В. А. Защита прав личности в уголовном процессе России : учебное пособие для магистров : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям и специальностям / В. А. Лазарева, В. В. Иванов, А. К. Утарбаев. - Москва : Юрайт, 2014. - 312 с. - Текст : непосредственный.

181. Лазарева, В. А. Прокурор в уголовном процессе: учебное пособие для магистров / В. А. Лазарева. – Москва : Издательство Юрайт, 2011. – 295 с. – Текст : непосредственный.

182. Ларин, А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А. М. Ларин. – Москва : Юрид. лит., 1986. – 160 с. – Текст : непосредственный.

183. Лебединский, В. Г. Прокурорский надзор в СССР / В. Г. Лебединский, Ю. А. Каленов. – Москва : Госюриздат, 1957. – 331 с. – Текст : непосредственный.

184. Левченко, О.В. Дискреционные полномочия прокурора по разрешению уголовно-правового спора в досудебном производстве Франции / О. В. Левченко. // Частноправовые и публично-правовые проблемы современной юриспруденции: монография / ответ. ред. С.Ю. Морозов, О.А. Зайцев – Москва : Проспект, 2022. - С. 529-533. – Текст : непосредственный.

185. Левченко, О.В. Обвинительная власть государства в ее правовой организации и уголовно-процессуальной деятельности: монография. / О. В. Левченко – Москва : Издательство «Юрлитформ», 2021. – 176 с. – Текст : непосредственный.

186. Левченко, О.В. Прокурорский надзор за уголовным преследованием предпринимателей в ходе досудебного производства / О. В. Левченко // Уголовно-правовое воздействие на бизнес: монография / под общ. и науч. ред. Э.Л. Сидоренко, А.Г. Волеводза, К.К. Клепцова, О. И. Семькиной – Москва : Проспект, 2021. С. 100-108. – Текст : непосредственный.

187. Левченко, О. В. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу (опыт сравнительно-правового исследования): монография / О. В. Левченко – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2022. – 176 с. – Текст : непосредственный.

188. Лесников, Г. Ю. Уголовная политика // Энциклопедия уголовного права / Г. Ю. Лесников, Н. А. Лопашенко. – Санкт-Петербург : Изд. проф. Малинин, 2005. – Т. 1. – 698 с. – Текст : непосредственный.

189. Лобойко, Л. М. Кримінальний процес: підруч / Л. М. Лобойко, О. А. Банчук. – Київ: Істина, 2014. – 280 с. – Текст : непосредственный.

190. Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н. А. Лопашенко. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. – 339 с. – Текст : непосредственный.

191. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика / Н. А. Лопашенко. – Москва : WoltersKluwerRussia, 2009. – 192 с. – Текст : непосредственный.

192. Лузгин, И. М. Расследование как процесс познания / И. М. Лузгин. – Москва : Науч.-исслед. и ред.-издат. отд, 1969. – 178 с. – Текст : непосредственный.

193. Лукашевич, В. З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе / В. З. Лукашевич. – Ленинград : ЛГУ, 1959. – 167 с. – Текст : непосредственный.

194. Лукашевич, В. З. Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду / В. З. Лукашевич. – Ленинград : б/и, 1966. – 147 с. – Текст : непосредственный.

195. Люблинский, П. И. Новая теория уголовного процесса (Оттиск) / П. И. Люблинский. – Петроград : Сенат. тип., 1916. – 44 с. – Текст : непосредственный.

196. Люблинский, П. И. Предварительное следствие : (Общие условия производства предв. следствия. Гл. IX Уг.-проц. кодекса) / Проф. П. И. Люблинский. - Москва : [б. и.], 1923. - 46 с. - Текст : непосредственный.

197. Люблинский, П. И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия / П. И. Люблинский.. – Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1906. – 711 с. – Текст : непосредственный.

198. Ляхов, Ю. Л. Правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела. Законности нет без разумных законов / Ю. Л. Ляхов. – Москва : ООО "Приор-Издат", 2005. – 72 с. – Текст : непосредственный.

199. Макалинский, П. В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах : в 2 частях / П. В. Макалинский. –

4-е изд. – Санкт-Петербург : Тип. Правительствующего Сената, 1894. – Часть 1. – 104 с. – Текст : непосредственный.

200. Малышева, О. А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы : монография / О. А. Малышева ; под науч. ред. Б. Я. Гаврилова. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 307 с. — Текст : непосредственный.

201. Манова, Н. С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм : монография / Н. С. Манова. — Саратов : Сарат. гос. акад. права, 2003. – 228 с. – Текст : непосредственный.

202. Маркушин, А. Г. Оперативно-розыскная деятельность в раскрытии и расследовании преступлений / А. Г. Маркушин. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД РФ, 2018. – 323 с. – Текст : непосредственный.

203. Мартыничик, Е. Г. Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции / Е. Г. Мартыничик ; под ред. канд. юрид. наук П. С. Никитюка ; АН МССР, Отд. философии и права. - Кишинев : Штиинца, 1975. - 219 с. – Текст : непосредственный.

204. Марфицин, П. Г. Усмотрение следователя (Уголовно-процессуальный аспект): монография / П. Г. Марфицин. – Омск : Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2002. – 236 с. – Текст : непосредственный.

205. Маршунов, М. Н. Комментарий к Закону «О прокуратуре Российской Федерации» : науч.-практ. рекомендации / М. Н. Маршунов. – Москва, Санкт-Петербург : Герда, 1998. – 153 с. – Текст : непосредственный.

206. Маршунов, М. Н. Прокурорско-надзорное право. Проблемы правового регулирования / М. Н. Маршунов. – Санкт-Петербург : Изд-во СПб. ун-та., 1991. – 128 с. – Текст : непосредственный.

207. Машовец, А. О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты: монография / А. О. Машовец. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 456 с. – Текст : непосредственный.

208. Миллер, В. Ю. Оптимизация правовой организации стадии возбуждения уголовного дела: доктрина, практика, техника : монография / В. Ю. Миллер. – Москва : Юрлитинорм, 2021. – 232 с. – Текст : непосредственный.

209. Миньковский, Г. М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе / Г. М. Миньковский. – Москва : Госюриздат, 1956. – 115 с. – Текст : непосредственный.

210. Михайленко, А. Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / А. Р. Михайленко. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1975. – 150 с. – Текст : непосредственный.

211. Михайловский, И. В. Основные принципы организации уголовного суда / И. В. Михайловский. – Томск : паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1905. – 342 с. – Текст : непосредственный.

212. Михеенко, М. М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве / М. М. Михеенко. – Киев : Издательство при Киевском Государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1984. – 133 с. – Текст : непосредственный.

213. Мотовиловкер Я. О. Предмет советского уголовного процесса / Я. О. Мотовиловкер. – Ярославль : [б. и.], 1974. – 96 с. – Текст : непосредственный.

214. Мотовиловкер, Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Вопросы факта и права / Я. О. Мотовиловкер. – Воронеж : изд. ВГУ, 1984. – 152 с. – Текст : непосредственный.

215. Мотовиловкер, Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции / М-во высш. и сред. спец. образования. РСФСР. Яросл. гос. ун-т. - Ярославль : [б. и.], 1976. - 93 с. – Текст : непосредственный.

216. Муравьев, К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно- правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация / К. В. Муравьев. – Омск : Омская академия МВД России, 2017. – 228 с. – Текст : непосредственный.

217. Муравьев, К. В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона : монография / К. В. Муравьев. – Москва : Проспект, 2019. – 264 с. – Текст : непосредственный.

218. Муравьев, Н. В. Общие основания устройства и уголовной деятельности прокурорского надзора (1891-1892 г.) / Из прошлой деятельности. Статьи по судебным делам / Н. В. Муравьев. Т. 1. – Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. – С. 372-399. – Текст : непосредственный.

219. Муравьев, Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: Прокуратура на Западе и в России: пособие для прокурорской службы. / Н. В. Муравьев. – Москва : Унив. Тип., 1899. – Т. 1. - 568 с. – Текст : непосредственный.

220. Мухитдинов, А. А. Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (на материалах Республики Таджикистан) : монография / А. А. Мухитдинов; под. общ. ред. Б. Я. Гаврилова. – Душанбе : Таджикский государственный университет, 2015. – 335 с. – Текст : непосредственный.

221. Назначение наказания, его эффективность и освобождение от уголовной ответственности и наказания : учебное пособие / В. И. Арькова [и др.] ; отв. ред. Г. Б. Виттенберг. – Иркутск : Иркутский университет, 1978. – 86 с. – Текст : непосредственный.

222. Настольная книга прокурора / под ред. С. И. Герасимова. – Москва : Экслит, 2002. – 850 с. – Текст : непосредственный.

223. Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1 : практическое пособие / О. С. Капинус [и др.] ; под общей редакцией О. С. Капинус, С. Г. Кехлерова ; под научной редакцией А. Ю. Винокурова. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2021. – 595 с. – Текст : непосредственный.

224. Наумов, А. В. Практика применения Уголовного Кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование / А. В. Наумов ; под ред. Г. М. Резника. – Москва : Волтерс Клувер, 2005. – 926 с. – Текст : непосредственный.

225. Наумов, А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 1: Общая часть / А. В. Наумов. – Москва : Волтерс Клувер, 2011. – 768 с. – Текст : непосредственный.

226. Научно-практический комментарий к Конституции Республики Казахстан / Фонд Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы. Конституционный совет Республики Казахстан. Министерство юстиции Республики Казахстан. - Астана : б/и, 2018. – 640 с. – Текст : непосредственный.

227. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ ред. В.М. Лебедева. – Москва : Юрайт-Издат, 2012. – 851 с. – Текст : непосредственный.

228. Никитин, Е. Л. Прокурорско-надзорное право: курс лекций : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 540400 (050400) - Социал.-экон. образование / Е. Л. Никитин, Л. Н. Никитин, В. И. Рохлин – Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2005 – 242 с. – Текст : непосредственный.

229. Николайчик, Н. И. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования / Н. И. Николайчик, Е. А. Матвиенко. – Минск : Изд-во БГУ, 1969. – 192 с. – Текст : непосредственный.

230. Николук, В. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России: монография / В. В. Николук, Ю. В. Деришев. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2003. – 198 с. – Текст : непосредственный.

231. Новицкий, В. А. Проблемы доказательственного права: теория, законодательство, судебная практика / В. А. Новицкий, Л. Ю. Новицкая. – Санкт-Петербург : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. – 167 с. – Текст : непосредственный.

232. Общая теория советского права / Александров Н. Г., Братусь С. Н., Грацианский П. С., Лейст О. Е., и др.; под ред.: Братусь С. Н., Самощенко И. С. – Москва : Юрид. лит., 1966. – 491 с. – Текст : непосредственный.

233. Овчинников, Ю. Г. Система гарантий уголовного досудебного производства / Ю. Г. Овчинников. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 384 с. – Текст : непосредственный.

234. Орлов, Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе: монография / Ю. К. Орлов. – Москва : Юристь, 2009. – 175 с. – Текст : непосредственный.

235. Основные направления борьбы с преступностью / под ред. И. М. Гальперин, В. И. Курляндский. – Москва : Юрид. Лит., 1975. – 176 с. – Текст : непосредственный.

236. Основы права: учебное пособие для средних специальных учебных заведений / под ред. В.В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Юристь, 2001. – 448 с. – Текст : непосредственный.

237. Панченко, П. Н. Советская уголовная политика / П. Н. Панченко. – Томск: Томский ун-т, 1988. – 200 с. – Текст : непосредственный.

238. Пастухов, П. С. Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества / П. С. Пастухов. – Москва : Издательство "Юрлитинформ", 2015. – 352 с. – (Уголовный процесс). – Текст : непосредственный.

239. Пашкевич, П. Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства / П. Ф. Пашкевич. – Москва : Юридическая литература, 1984. – 175 с. – Текст : непосредственный.

240. Петрухин, И. Л. Теоретические основы эффективного правосудия : монография / И. Л. Петрухин, Г. П. Батуров, Т. Г. Морщакова. – Москва : Наука, 1979. – 392 с. – Текст : непосредственный.

241. Пинкевич, Т. В. Уголовно-правовая характеристика незаконного предпринимательства / Т. В. Пинкевич, А. А. Шевцов. – Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2001. – 91 с. – Текст : непосредственный.

242. Пиюк, А. В. Проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации в свете типологии

современного уголовного процесса / А. В. Пиюк. – Томск : изд. ТГУ, 2011. – 205 с. – Текст : непосредственный.

243. Поляков, А. В. Общая теория права: учебник / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. – Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2015. – 467 с. – Текст : непосредственный.

244. Полянский, Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н. Н. Полянский ; под ред. Д. С. Карева. – Москва : Московский университет, 1956. – 271 с. – Текст : непосредственный.

245. Полянский, Н. Н. Очерки общей теории уголовного процесса / Н. Н. Полянский. – Москва : «Право и жизнь», 1927. – 127 с. – Текст : непосредственный.

246. Постклассическая онтология права: монография / под общ. ред. И.Л. Честнова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. – 688 с. – Текст : непосредственный.

247. Правоохранительные органы и организации России : компетенция и полномочия / под ред. А.П. Гуляева. – Москва : МАЭП, ИИК «Калита», «Собрание», 1999. – 144 с. – Текст : непосредственный.

248. Правоохранительные органы Российской Федерации: учебник. – Москва : Издательство «Спарк», 1996. – 286 с. – Текст : непосредственный.

249. Правоохранительные органы: учебник для вузов / Батюк В. И. [и др.] – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 384 с. – Текст : непосредственный.

250. Практикум по советскому уголовному процессу / Под ред. В.Т. Томина и Г.Н. Козырева. – Горький : Нижегород. высш. шк. МВД РСФСР, 1987. – 95 с. – Текст : непосредственный.

251. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, П. С. Элькинд. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. – 303 с. – Текст : непосредственный.

252. Проблемы эффективности прокурорского надзора / под. ред. К. Ф. Скворцова. – Москва : Юр. лит., 1977. – 159 с. – Текст : непосредственный.

253. Прокурор в уголовном судопроизводстве : монография / О. И. Даровских, С. М. Даровских. – Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2020. – 160 с. – Текст : непосредственный.

254. Прокурорский надзор : учебник / под ред. А.Я. Сухарева. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. – 480 с. – Текст : непосредственный.

255. Прокурорский надзор : учебник и практикум для вузов / А. Ф. Смирнов [и др.] ; под редакцией А. Ф. Смирнова, А. А. Усачева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2021. – 483 с. – Текст : непосредственный.

256. Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы : сборник статей / редкол.: Л. Д. Кокорев (науч. ред.) [и др.]. – Воронеж : Воронежский университет, 1979. – 176 с. – Текст : непосредственный.

257. Рахунов, Р. Д. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / Р. Д. Рахунов. – Москва : Госюриздат, 1954. – 88 с. – Текст : непосредственный.

258. Реализация уголовной политики: современные проблемы уголовного и уголовно-процессуального правотворчества, правоприменения и кадрового обеспечения: монография / под общей ред. проф. А. А. Тарасова. - 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Русайнс, 2020. – 264 с. – Текст : непосредственный.

259. Рогова, Е. В. Уголовный проступок в системе дифференциации уголовной ответственности / Е. В. Рогова. – Иркутск : Репроцентр А1, 2013. – 117 с. – Текст : непосредственный.

260. Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям Н. Н. Розин. – Петроград : Издание Юридического книжного склада «ПРАВО», 1916. – 548 с. – Текст : непосредственный.

261. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 1. Преступление / под ред. А. И. Коробеева. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 590 с. – Текст : непосредственный.

262. Россинский, С. Б. Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве : монография / С. Б. Россинский. – Москва : Проспект, 2015. – 208 с. – Текст : непосредственный.

263. Россинский, С. Б. Следственные действия : монография / С. Б. Россинский. – Москва: Норма, 2018. – 240 с. – Текст : непосредственный.

264. Рудич, В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе : монография / В. В. Рудич. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 416 с. – Текст : непосредственный.

265. Руководство для следователей / под ред. Н.В. Жогина. – Москва : Юрид. лит., 1971. – 752 с. – Текст : непосредственный.

266. Савицкий, В. М. Государственное обвинение в суде / В. М. Савицкий. – Москва : Наука, 1971. – 343 с. – Текст : непосредственный.

267. Савицкий, В. М. Очерк теории прокурорского надзора / В. М. Савицкий. – Москва : Наука, 1975. – 383 с. – Текст : непосредственный.

268. Савицкий, В. М. Прокурорский надзор за соблюдением законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия / В. М. Савицкий. – Москва : Госюриздат, 1959. – 262 с. – Текст : непосредственный.

269. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. – Москва : Госюриздат, 1953. – 463 с. – Текст : непосредственный.

270. Сверчков, В. В. Ответственность и меры уголовно-правового воздействия: наказание, воспитание, лечение, имущественное взыскание : монография / В. В. Сверчков. – Москва : Юрайт, 2021. – 438 с. – (Актуальные монографии). – Текст : непосредственный.

271. Семенцов, В. А. Полномочия прокурора по обеспечению соблюдения процессуальных сроков в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: монография / В. А. Семенцов, И. В. Стуконог. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 169 с. – Текст : непосредственный.

272. Семенцов, В. А. Правовые предпосылки и этапы реализации оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве : монография / В. А. Семенцов, В. Ю. Сафонов. – Екатеринбург : Изд-во Уральской государственной юридической академии, 2006. – 133 с. – Текст : непосредственный.

273. Сергиевский, Н. Д. Русское уголовное право / Н. Д. Сергиевский. – Петроград : тип. М.М. Стасюлевича, 1915. – 314 с. – Текст : непосредственный.

274. Скаредов, Г. И. Участие прокурора в следственных действиях / Г. И. Скаредов. – Москва : Юрид. Лит., 1987. – 156 с. – Текст : непосредственный.

275. Случевский, В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство / В. К. Случевский. – 4-е изд., доп. и испр. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. – 670 с. – Текст : непосредственный.

276. Смирнов, А. В. Модели уголовного процесса: монография / А. В. Смирнов. – Санкт-Петербург : Наука, 2000. – 222 с. – Текст: непосредственный.

277. Смирнов, А. В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель / А. В. Смирнов; под общей ред. Н. А. Колоколова. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 384 с. – Текст : непосредственный.

278. Смирнов, А. В. Состязательный процесс / А. В. Смирнов. – Санкт-Петербург : Альфа, 2001. – 320 с. – Текст : непосредственный.

279. Смирнов, В. Г. Функции советского уголовного права В. Г. Смирнов. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. – 188 с. – Текст : непосредственный.

280. Советский уголовный процесс / под ред. А. С. Кобликова. – Москва : [б. и.], 1972. – 532 с. – Текст : непосредственный.

281. Советский уголовный процесс / под ред. В. М. Савицкого. – Москва : БЕК, 1979. – 319 с. – Текст : непосредственный.

282. Советский уголовный процесс : [Учебник для юрид. ин-тов и фак.] / Б. А. Галкин, Ю. А. Иванов, Н. Я. Калашникова и др. ; Под ред. проф. Д. С. Карева. - Москва : Высш. школа, 1968. - 552 с. – Текст : непосредственный.

283. Советский уголовный процесс / под ред. Л. М. Карнеевой, П. А. Лупинской, И. В. Тыричева. – Москва : ВЮЗИ, 1980. – 568 с. – Текст : непосредственный.

284. Советский уголовный процесс : [Учеб. для юрид. фак. и ин-тов / С. А. Альперт, М. И. Бажанов, Ю. М. Грошевой и др.]; Под общ. ред. М. И. Бажанова, Ю. М. Грошевого. - 2-е изд., доп. - Киев : Вища шк., 1983. - 439 с. – Текст : непосредственный.

285. Советский уголовный процесс: учебник / М. А. Чельцов. – 4-е изд., испр. и перераб., – Москва : Госюриздат, 1962. – 503 с. – Текст : непосредственный.

286. Соловьев, А. Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России: научно-практическое пособие / А. Б. Соловьев. – Москва : Юрлитинформ, 2002. – 264 с. – Текст : непосредственный.

287. Спасович, В. Д. Избранные труды и речи / В. Д. Спасович ; сост. И. В. Потапчук. – Тула : Автограф, 2000. – 494 с. – (Юридическое наследие. XIX век). – Текст : непосредственный.

288. Справочник следователя: в двух выпусках / Авторский коллектив / под ред. Н.А. Селиванова. - Москва : Юридическая литература, 1990. – Вып. 1. – 288 с. – Текст : непосредственный.

289. Справочник следователя: в двух выпусках / Авторский коллектив / под ред. Н.А. Селиванова. - Москва : Юридическая литература, 1990. – Вып. 2. – 592 с. – Текст : непосредственный.

290. Стойко, Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: Сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем / Н. Г. Стойко. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. – 264 с. – Текст : непосредственный.

291. Стояновский, Н. И. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству. Ч. 1-2 / Н. И. Стояновский. - 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Унив. тип., 1858. – Т. 2. – 186 с. – Текст : непосредственный.

292. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. Основные положения науки советского уголовного процесса : в 2 томах. Том. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – Москва : Наука, 1968. – 470 с. – Текст : непосредственный.

293. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. Основные положения науки советского уголовного процесса : в 2 томах. Том. 2 / М. С. Строгович – Москва : Наука, 1970. – 470 с. – Текст : непосредственный.

294. Строгович, М. С. Привлечение к уголовной ответственности / М. С. Строгович. – Москва : Юрид. изд-во, 1942. – 38 с. – Текст : непосредственный.

295. Строгович, М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / М. С. Строгович. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 191 с. – Текст : непосредственный.

296. Строгович, М. С. Уголовный процесс : учебник / М. С. Строгович. – Москва : Юрид. изд-во, 1946. – 511 с. – Текст : непосредственный.

297. Суд и государство / под ред. Л.В. Головки, Б. Матьё. – Москва : Статут, 2018. – 272 с. – Текст : непосредственный.

298. Судебный контроль в уголовном процессе : учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «юриспруденция» / И. А. Давыдов и др., под ред. Н. А. Колоколова. - 2-е издание испр. и доп. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и Право, 2017. – 847 с. – Текст : непосредственный.

299. Сумачев, А. В. Публичность и диспозитивность в уголовном праве: монография / А. В. Сумачев. – Москва : Юрист, 2003. – 331 с. – Текст : непосредственный.

300. Суходубов, Д.В. Координаційна діяльність прокуратури у сфері протидії злочинності : монографія / Д. В. Суходубов. - Харків: Право, 2013. - 145 с.

301. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела : монография / отв. ред. И.С. Дикарев. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 408 с. – Текст : непосредственный.

302. Тадевосян, В. С. Прокурорский надзор в СССР / В. С. Тадевосян. – Москва : Госюриздат, 1956. – 80 с. – Текст : непосредственный.

303. Талинский, Э. Г. Соотношение предварительного и судебного следствия. Торжество ленинского учения о государстве и праве / Э. Г. Талинский. – Львов : б/и, 1971. – 135 с. – Текст : непосредственный.

304. Тальберг, Д. Г. Русское уголовное судопроизводство : пособие к лекциям : в 2 томах / Д. Г. Тальберг. – Киев : Т-во печ. дела и торг. И. Н. Кушнерев и Ко в Москве, Киевское отделение, 1889. – Том 1. – 318 с. – Текст : непосредственный.

305. Тарасов-Родионов, П. И. Предварительное следствие / П. И. Тарасов-Родионов. – Москва : Юрид. изд-во, 1956. – 247 с. – Текст : непосредственный.

306. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юридическая литература, 1973. – 736 с. – Текст : непосредственный.

307. Терехин, В. В. Допустимость доказательств в уголовном процессе / В. В. Терехин. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 392 с. – Текст : непосредственный.

308. Терехин, В. В. Стандарт допустимости уголовно-процессуальных доказательств: монография / В. В. Терехин. – Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2014. – 203 с. – Текст : непосредственный.

309. Титаев, К. Д. Российский следователь. Призвание, профессия, повседневность: монография / К. Д. Титаев, М. С. Шклярчук. – Москва : Норма, 2019. – 192 с. – Текст : непосредственный.

310. Томин, В. Т. Эффективное уголовное судопроизводство: управленческие, социальные и правовые аспекты / В. Т. Томин, А. П. Попов. – Сыктывкар : КРАГСИУ, 2003. – 114 с. – Текст : непосредственный.

311. Трефилов, А. А. Организация досудебного производства по УПК Швейцарии : монография / А. А. Трефилов. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 336 с. – Текст : непосредственный.

312. Тушев, А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации / А. А. Тушев. – Санкт-Петербург : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 323 с. – Текст : непосредственный.

313. Уголовная юстиция: связь времен : избранные материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 года / Сост. К. Б. Калиновский, А. В. Смирнов. – Москва : Акцион-Медиа, 2012. – 140 с. – Текст : непосредственный.

314. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. И. Л. Петрухина. – Москва : Проспект, 2014. – 688 с. – Текст : непосредственный.

315. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. - 3-е изд., пререраб. и доп. – Москва: Норма: Инфра-М., 2013. – 1008 с. – Текст : непосредственный.

316. Уголовное право : учебник для бакалавров : в 2 т. Т. 1 Общая часть / отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 299 с. – Текст : непосредственный.

317. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. Т. 3. Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. Н.А. Лопашенко. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 751 с. – Текст : непосредственный.

318. Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. – Москва : Юриспруденция, 2008. – 752 с. – Текст : непосредственный.

319. Уголовное судопроизводство : в 3 т. Том 3 / под ред. Н. А. Колоколова. – 2-е изд., пер. и доп. - Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 274 с. – Текст : непосредственный.

320. Уголовный процесс : учебник для юридических вузов и факультетов / Г. Н. Агеева [и др.] ; под ред. М. А. Чельцова. – Москва : Юридическая литература, 1969. – 463 с. – Текст : непосредственный.

321. Уголовный процесс : учебник и практикум для среднего профессионального образования / Н. С. Манова, Ю. В. Францифоров. - 4-е изд.,

перераб. и доп. – Москва : Изд-во Юрайт, 2020. – 422 с. – Текст : непосредственный.

322. Уголовный процесс России : Лекции-очерки / Ларин, А. М., Мельникова, Э. Б., Савицкий, В. М.; под ред. В.М. Савицкого. – Москва : БЕК, 1997. – 314 с. – Текст : непосредственный.

323. Уголовный процесс современной России: проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. - 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2019. – 366 с. – Текст : непосредственный.

324. Уголовный процесс : учебник / Алексеев Н.С., Базанова И.Ф., Бородансков А.П., Васильева А.И., и др.; Отв. ред.: Алексеев Н.С., Лукашевич В.З., Элькинц П.С. - Москва : Юрид. лит., 1972. - 584 с.

325. Уголовный процесс: учебник для академического бакалавриата / под ред. В. П. Божьева, Б. Я. Гаврилова. - 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство «Юрайт», 2019. – 490 с. – Текст : непосредственный.

326. Уголовный процесс. Общая часть: учебник / под общ. ред. М. П. Полякова. – Нижний Новгород : НА МВД РФ, 2013. – 305 с. – Текст : непосредственный.

327. Уголовный процесс. Общая часть : учебник / под ред. А. В. Гриненко. – Москва : Норма, 2009. – 496 с. – Текст : непосредственный.

328. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. / [Наумов А. В. и др.] ; под ред. Н. А. Лопашенко. - Москва : Юрлитинформ, 2016-. -Т. 3: Уголовная политика. Уголовная ответственность. Т. 3 / [Александрова И. А. и др.]. - 2016. - 751 с.;

329. Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий (ст.ст. 1-84) / под ред. проф. М. Н. Гернета. Выпуск 1. – Москва :Тип. М.М. Зива, 1914. - 489 с. – Текст : непосредственный.

330. Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий (ст. 249–594) / под ред. М. Н. Гернета. Вып. 3. – Москва :Тип. М.М. Зива, 1914. – 368 с. – Текст : непосредственный.

331. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. Выпуск 4. Статьи 595–764 / П. И. Астров [и др.] ; под ред. М. Н. Гернет – Москва : Тип. М. М. Зива, 1915. – 1277 с. – Текст : непосредственный.

332. Учебник уголовного права : в 2 томах. Том 1. Выпуск 1. Общая часть уголовного права материального / Сост. В. Д. Спасович. – Санкт-Петербург : Тип. И. Огризко, 1863. – 178 с. – Текст : непосредственный.

333. Учебник уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – Москва : Спарк, 1996. – 412 с. – Текст : непосредственный.

334. Фаткуллин, Ф. Н. Обвинение и изменение его в суде / Ф. Н. Фаткуллин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1965. – 171 с. – Текст : непосредственный.

335. Фельдштейн, Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству / Г. С. Фельдштейн. – Москва : Типо-лит. В. Рихтер, 1915. – 433 с. – Текст : непосредственный.

336. Филимонов, Б. А. Основы уголовного процесса Германии / Б. А. Филимонов. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 157 с. – Текст : непосредственный.

337. Фойницкий, И. Я. Курсь уголовного судопроизводства : в 2 томах / И. Я. Фойницкий. – 3-е изд., пересм. и доп.– Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1902–1910. – 577 с. – Текст : непосредственный.

338. Халиулин, А. Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России / А. Г. Халиулин. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. – 223 с. – Текст : непосредственный.

339. Химичева, Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: монография / Г. П. Химичева. – Москва : Экзамен, 2003. – 352 с. – Текст : непосредственный.

340. Цапаева, Т. Ю. Участие прокурора в доказывании на предварительном следствии / Т. Ю. Цапаева. – Самара : Изд-во «Самарский университет, 2004. – 140 с. – Текст : непосредственный.

341. Цветков, Ю. А. Аппарат власти следственной / Ю. А. Цветков; под общей ред. Н.А. Колоколова. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 384 с. – Текст : непосредственный.

342. Чебышев-Дмитриев, А. П. Курс русского уголовного производства / А. П. Чебышев-Дмитриев. – Санкт-Петербург : Тип. В. Кравченко, 1866/7. – 584 с. – Текст : непосредственный.

343. Чеканов, В. Я. Прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве / В. Я. Чеканов; отв. ред.: Акинча Н.А. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1972. – 186 с. – Текст : непосредственный.

344. Чеканов, В. Я. Прокурорский надзор на отдельных этапах предварительного следствия / В. Я. Чеканов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1974. – 93 с. – Текст : непосредственный.

345. Чельцов-Бебутов, М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. / М. А. Чельцов-Бебутов. – 2-е изд. - Санкт-Петербург, 1995. – 846 с. – Текст : непосредственный.

346. Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс : учебник / М. А. Чельцов. – Москва : Госюриздат, 1951. – 511 с. – Текст : непосредственный.

347. Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс. 4-е изд., испр. и перераб. / М. А. Чельцов. – Москва : Государственное изд-во юрид. лит-ры, 1962. – 503 с. – Текст : непосредственный.

348. Честнов, И. Л. Право с позиций социокультурной антропологии / И. Л. Честнов // Социокультурная антропология права: монография / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. – Санкт-Петербург : Издательский Дом «Алеф–Пресс», 2015. – С. 119-201. – Текст : непосредственный.

349. Чурикова, А. Ю. Правовая модель деятельности прокурора в российском и зарубежном уголовном процессе : монография / А. Ю. Чурикова ; под. ред. докт.юрид.наук, проф. Н.С. Мановой. – Москва : Изд-во Триумф, 2022. – 285 с. – Текст : непосредственный.

350. Чучаев, А. И. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация : монография / А. И. Чучаев, А. П. Фирсова. – Москва : РГ-Пресс, 2015. – 320 с. – Текст : непосредственный.

351. Шадрин, В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений / В. С. Шадрин. – Москва : Юрлитинформ, 2000. – 230 с. – Текст : непосредственный.

352. Шадрин, В. С. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора и органов предварительного расследования. Досудебное производство. - 2-е изд., перераб. и доп. / В. С. Шадрин. – Санкт-Петербург : СПб юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2007. – 196 с. – Текст : непосредственный.

353. Шалумов, М. С. Система функций российской прокуратуры / М.С. Шалумов. – Кострома, 2003. – 139 с. – Текст : непосредственный.

354. Шаргородский, М. Д. Наказание, его цели и эффективность / М. Д. Шаргородский. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 160 с. – Текст : непосредственный.

355. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография / С. А. Шейфер. – Москва : Норма, Инфа-М, 2014. – 239 с. – Текст : непосредственный.

356. Шейфер, С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти / С. А. Шейфер. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 192 с. – Текст : непосредственный.

357. Шейфер, С. А. Собираание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики: монография / С. А. Шейфер. – Москва : Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 110 с. – Текст : непосредственный.

358. Шифман, М. Л. Прокурор в уголовном процессе. Стадия судебного разбирательства / Шифман М.Л. ; под ред.: Голяков И.Т. – Москва : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 247 с. – Текст : непосредственный.

359. Шпилев, В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства / В. Н. Шпилев. – Минск : Изд-во БГУ, 1974. – 144 с. – Текст : непосредственный.

360. Шпилев, В. Н. Сущность, содержание и формы советского уголовного судопроизводства / В. Н. Шпилев. – Минск : Изд-во БГУ, 1983. – 370 с. – Текст : непосредственный.
361. Шпилев, В. Н. Участники уголовного процесса / В. Н. Шпилев. – Минск : Изд-во БГУ, 1970. – 176 с. – Текст : непосредственный.
362. Шурухнов, Н. Г. Предварительная проверка заявлений и сообщений о преступлениях / Н. Г. Шурухнов. – Москва : МФЮЗО, 1985. – 68 с. – Текст : непосредственный.
363. Щерба, С. П. Прокуратура в странах СНГ: правовой статус, функции, полномочия / С. П. Щерба, Т. А. Решетникова, О. А. Зайцев. – Москва : Изд-во «Экзамен, 2007. – 560 с. – Текст : непосредственный.
364. Элькинд, П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П. С. Элькинд. – Ленинград : ЛГУ, 1963. – 172 с. – Текст : непосредственный.
365. Элькинд, П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П. С. Элькинд. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 142 с. – Текст : непосредственный.
366. Юридическая процессуальная форма: теория и практика. – Москва : Юрид. лит., 1976. – 279 с. – Текст : непосредственный.
367. Явич, Л. С. Право и общественные отношения / Л. С. Явич. – Москва : Юрид. лит., 1971. – 152 с. – Текст : непосредственный.
368. Якимович, Ю. К. Досудебное производство по УПК Российской Федерации (участники досудебного производства, доказательства и доказывание, возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие) / К. Ю. Якимович, Т. Д. Пан. – Санкт-Петербург: ЮридцентрПресс, 2003. – 297 с. – Текст : непосредственный.
369. Яковлев, В. Ф. Правовое государство : вопросы формирования / В. Ф. Яковлев. – Москва : Статут. 2012. – 488 с. – Текст : непосредственный.
370. Якуб, М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве / М. Л. Якуб. – Москва : Издательство Юридическая литература, 1981. – 144 с. – Текст : непосредственный.

371. Якубович, Н. А. Окончание предварительного следствия / Н. А. Якубович. – Москва : Госюриздат, 1962. – 147 с. – Текст : непосредственный.

372. Якубович, Н. А. Теоретические основы предварительного следствия / Н. А. Якубович. – Москва : [б. и.], 1971. – 142 с. – Текст : непосредственный.

373. Яшин, В. Н. Возбуждение уголовного дела. Теория, практика, перспективы: учеб. пособие для вузов / В. Н. Яшин, А. В. Победкин. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. – 184 с. – Текст : непосредственный.

На итальянском языке

374. Boga V. A. Le indagini preliminari, l'udienza preliminare e la nuova udienza predibattimentale / V. De Luca, M. Moscardini, G. Stampanoni Bassi, R. Crepaldi, N. Meazza. -Torino: Giappichelli, 2023. - 336 p.

375. Caringella, F. Procuratore dello Stato 2021 /F. Caringella, A. Salerno, M. Francola. - Napoli: Dike Giuridica, 2021. - 500 p.

376. Pretti, D. Le indagini preliminari / D. Pretti, F. Alvino. - Torino: Giappichelli, 2017. - 456 p.

377. Dominioni, O. Procedura penale /P. Corso, A. Gaito, G. Spangher, G. Dean, G.Garuti, O. Mazza. - Torino : Giappichelli, 2018. - 1312 p.

378. Negri, M. Riforma Cartabia: Indagini Preliminari e Processo Penale / M. Negr. - Milano: Il Sole 24 Ore Libri, 2023. - 360 p.

379. Natalini, A. Riforma Cartabia: Indagini Preliminari e Processo Penale / A.Natalini. - Milano: Il Sole 24 Ore Libri, 2023. 360 p.

380. Leopizzi, A. Indagini Preliminari /A. Leopizzi. - Milano : Giuffrè, 2017. - 759 p.

381. Lozzi, G. Lezioni di Procedura Penale / G. Lozzi. - Edizione XV. Torino: Giappichelli, 2020. - 1088 p.

382. Cordero, F. Procedura Penale / F. Cordero. - Milano: Giuffrè, 2000. - 424 p.

На французском языке

383. Ambroise-Castérot, C. Code de procédure pénale 2024, annoté. 65e édition / C.Ambroise-Castérot, P. Beauvais, M. Léna. - Paris : DALLOZ, 2023. - 3360 p.

384. Carpentier, Y. La simplification de la procédure pénale /Y. Carpentier, A. Giudicelli. - Marseill : Aix-en-Provence, Presses universitaires d'Aix-Marseille, 2019. - 214 p.

385. Jourdain, N. Le service public de la justice judiciaire: Essai sur l'émergence du droit judiciaire public. Ecole doctorale : Droit. Université Lumière - Lyon II, 2023. - 532 p.

386. Leroy, J. Procédure pénale. 8e éd / J. Leroy. - Paris : Manuel, LGDJ un savoir faire de Lextenso, 2023. - 720 p.

387. Police et justice pénale //Archives de politique criminelle. - 2011/1. - (№. 33). Éditions Pédone. - 272 p.

Статьи из периодической печати и сборников

388. Абдул-Кадыров, Ш. Доказательства, полученные при производстве доследственной проверки / Ш. Абдул-Кадыров – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2014. – № 2. – С. 96–99.

389. Абдул-Кадыров, Ш. Функции и полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела / Ш. Абдул-Кадыров. – Текст : непосредственный // Законность. – 2012. – № 9. – С. 12–15.

390. Авдеев, В. А. Механизм правового регулирования и уголовно-правового воздействия: соотношение доктринальных и практико-реализационных принципов / В. А. Авдеев, О. А. Авдеева. – Текст : непосредственный // Вестник ЮГУ. – 2019. – № 1 (52). – С. 7–14.

391. Авилов, А. В. Процессуальное положение и компетенция прокурора как субъекта обязанности доказывания / А. В. Авилов – Текст : непосредственный // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2010. – № 1. – С. 78-81.

392. Азаров, В. А. Базовые компоненты типологической характеристики уголовного процесса России / В. А. Азаров, И. А. Чердынцева. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2006. – № 6. – С. 64–69.

393. Азаров, В. А. Предварительное и судебное следствие в контексте типологической характеристики уголовного процесса России / В. А. Азаров. – Текст : непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2008. – № 2. – С. 50–51.

394. Азаров, В. А. Соотношение предварительного и судебного следствия по УПК Российской Федерации / В. А. Азаров. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 311. – С. 102–104.

395. Азаров, В. А. Уголовно-процессуальная форма: понятие, свойства, система / В. А. Азаров, А. В. Боярская. – Текст : непосредственный // Вестник Томского университета. – 2020. – № 37. – С. 5–20.

396. Алаев, Р. С. Прекращение уголовного преследования обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных статьями 199, 199.2 УК РФ, в связи с амнистией / Р. С. Алаев. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 1 (25). – С. 182–186.

397. Александров, А. И. Государственная политика в сфере уголовного судопроизводства: состояние, проблемы, решения / А. И. Александров – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2008. – № 15. – С. 8–11.

398. Александров, А. И. Проблемы организации предварительного следствия в Российской Федерации: направление реформирования / А. И. Александров – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2011. – № 1. – С. 33–40.

399. Александров, А. С. Институт следственной власти в России: краткая история возникновения, развития и дегенерации / А. С. Александров. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2 (34). – С. 405–411.

400. Александров, А. С. Каким не быть предварительному следствию / А. С. Александров. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2001. – № 9. – С. 54–62.

401. Александров, А. С. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации / А. С. Александров, О. А. Андреева, О. А. Зайцев. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 448. – С. 199–207.

402. Александров, А. С. О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки / А. С. Александров, И. А. Александрова. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – № 4 (58). – С. 6–19.

403. Александров, А. С. Отказ от следственной модели правовой организации досудебного производства в контексте создания правового государства на цифровой платформе / А. С. Александров. – Текст : непосредственный // Российский правовой журнал. – 2019. – № 1. – С. 89–93.

404. Александров, А. С. Понятие и сущность уголовного иска / А. С. Александров. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2006. – № 2. – С. 35–47.

405. Александров, А. С. Состязательность и объективная истина / А. С. Александров – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. - 2012. - № 3. - С. 142–157.

406. Александров, А. С. Особый (частно–публичный) организационно–правовой механизм применения уголовного закона в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности / А. С. Александров, И. А. Александрова. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2018. – № 2 (254). – С. 80–93.

407. Александров, А. С. Проект нового порядка открытия уголовного расследования по сообщению о преступлении / А. С. Александров, С. А. Грачев. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс. – 2015. – № 7. – С. 14-21.

408. Александров, А. С. Перспективы развития договорных механизмов в «экономическом уголовном судопроизводстве» / А. С. Александров, О. А. Зайцев. – Текст : непосредственный // Устойчивый экономический рост и право: сборник материалов к XVI Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / ред. кол.: В.М. Жуйков, О.В. Гутников, С.А. Сеницын, М.Л. Шелютто; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва : ИД «Юриспруденция», 2021. – С. 236–245.

409. Александров, Г. А. Насущные вопросы предварительного следствия / Г. А. Александров. – Текст : непосредственный // Социалистическая законность. – 1954. – № 4. – С. 22-28.

410. Александров, А.С. Шесть критических эссе о праве и правосудии / А. С. Александров, И. А. Александрова, В. В. Терехин // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И.Л. Честнова. - Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. - С. 572–578.

411. Александрова, И. А. Договорная составляющая в новой уголовной политике по отношению к преступлениям экономической направленности / И. А. Александрова. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 19. – С. 19–22.

412. Александрова, И. А. Договорной способ разрешения уголовно-правовых споров, возникающих в сфере предпринимательской деятельности / И. А. Александрова. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс. – 2012. – № 9. – С. 10–17.

413. Александрова, И. Уголовный процесс как форма образования «уголовного права» на наказание преступника / И. Александрова, А Ляпунова. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2 (34). – С. 414–418.

414. Александрова, О. Ю. Уголовное преследование как одно из основных направлений деятельности органов прокуратуры Российской Федерации, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан / О. Ю. Александрова //

Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2015. – № 1 (18). – С. 107-112.

415. Алексеев, Н. С. Дальнейшее укрепление социалистической законности и охрана прав граждан / Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич. – Текст : непосредственный // Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза СССР. – Москва, 1959. – С. 184-211.

416. Алексеев, Н. С. Современные проблемы уголовно-процессуальной науки / Н. С. Алексеев. – Текст : непосредственный // 26 съезд КПСС и укрепление законности и правопорядка. – 1982. – С. 14–15.

417. Алещенко, С. В. К вопросу о соотношении понятий «явка с повинной» и «добровольное сообщение о совершении преступления» / С. В. Алещенко. – Текст : непосредственный // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. – 2006. – № 8. – С. 137–142.

418. Аликперов, Х. Д. Социальная обусловленность компромисса в концепции уголовной политики / Х. Д. Аликперов. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1991. – № 12. – С. 79–86.

419. Аликперов, Х. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием / Х. Аликперов. – Текст : непосредственный // Законность. – 1999. – № 5. – С. 11–14.

420. Алимерзаев, А. А. Договорный способ установления фактов в сокращенных формах производства по уголовному делу / А. А. Алимерзаев. – Текст : непосредственный // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2012. – № 5. – С. 119–121.

421. Амирбеков, К. И. Баланс полномочий прокурора и руководителя следственного органа: концептуальный подход / К. И. Амирбеков. – Текст : непосредственный // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2013. – № 1 (33). – С. 28–35.

422. Ананьин, А. Проект УПК требует серьезной доработки. (Материалы международной научно-практической конференции) / А. Ананьин. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2000. – № 10. – С. 4-6.

423. Апостолова, Н. Н. О соотношении законности и целесообразности в российском уголовном судопроизводстве / Н. Н. Апостолова. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2011. – № 1. – С. 43–45.

424. Апостолова, Н. Н. Освобождение от уголовной ответственности по дискреционным основаниям / Н. Н. Апостолова. – Текст : непосредственный // Закон и право. – 2010. – № 2. – С. 76 – 78.

425. Арсеньев, В. Д. "Судебная власть" и "уголовный иск" / В. Д. Арсеньев. – Текст : непосредственный // Актуальные правовые вопросы борьбы с преступностью. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. – С. 165–171.

426. Артеменко, Н. В. Практика освобождения от уголовной ответственности по делам о налоговых преступлениях / Н. В. Артеменко, Н. Г. Шимбарева. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2017. – № 5. – С. 4–12.

427. Ахпанов, А. Есть ли перспектива у предварительного следствия? / А. Ахпанов, С. Адиллов, А. Хан //Юридическая газета. - 2021. - № 21 (3520).- С.2.

428. Аширбекова, М. Поводы к возбуждению уголовного дела / М. Аширбекова. – Текст : непосредственный // Законность. – 2012. – № 10. – С. 16-19.

429. Бабаев, В. К. Правовая система общества / В. К. Бабаев // Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева. – Нижний Новгород, 1993. – С. 74-91. – Текст : непосредственный.

430. Бавсун, М. В. Понятие и содержание уголовно-правового воздействия на преступность / М. В. Бавсун. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 336. – С. 99-102.

431. Багаутдинов, Ф. Возбуждение уголовного дела по УПК РФ / Ф. Багаутдинов. – Текст : непосредственный // Законность. – 2002. – № 7. – С. 27–29.

432. Багаутдинов, Ф. Н. Отказ в возбуждении уголовного дела - с согласия прокурора? / Ф. Н. Багаутдинов. – Текст : непосредственный // Законность. – 2005. – № 3. – С. 39-41.

433. Багмет, А. М. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя / А. М. Багмет. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2013. – № 9. – С. 54–56.

434. Багмет, А. М. К вопросу о совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела / А. М. Багмет. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 1 (12). – С. 27–32.

435. Багмет, А. М. Об устранении двоевластия в уголовном преследовании / А. М. Багмет. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2013. – № 12. – С. 57–60.

436. Багмет, А. М. Следователь – судья на досудебной стадии / А. М. Багмет. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2014. – № 14. – С. 8–9.

437. Багмет, А. М. Следственный судья как зеркало процессуальной революции / А. М. Багмет, Ю. А. Цветков. – Текст : непосредственный // Российский судья. – 2015. – № 9. – С. 23–24.

438. Багмет, А. М. Сильное следствие и его противники / А. М. Багмет, Ю. А. Цветков. – Текст : непосредственный // Lex Russica. – 2015. – № 4. – С. 60–70.

439. Багмет, А. М. Кому мешает следственная власть? / А. М. Багмет, Ю. А. Цветков // Российский следователь. – 2016. – № 23. – С. 3–9.

440. Баев, О. Я. Следователь как адресант прокурора; прокурор как адресат следователя и адресант суда / О. Я. Баев. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2017. – № 2 (31). – С. 61–68.

441. Бажанов, С. Оправдана ли так называемая доследственная проверка / С. Бажанов. – Текст : непосредственный // Законность. – 1995. – № 1. – С. 51–54.

442. Бажанов, С. Особенности отказа в возбуждении (прекращения) уголовного дела (преследования) в ходе процессуальных проверок и расследования налоговых преступлений / С. Бажанов. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2011. – № 14. – С. 10–12.

443. Байрамов, Ш. Ш. Правовая природа процессуальных функций / Ш. Ш. Байрамов. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2015. – № 7. – С. 14–19.

444. Байрамов, Ш. Ш. Проблемные аспекты надзора за исполнением законов как основная функция прокурора в досудебной стадии уголовного процесса / Ш. Ш. Байрамов. – Текст : непосредственный // Российский Следователь. – 2014. – № 6. – С. 11–15.

445. Балакшин, В. С. Возбуждение уголовного дела прокурором / В. С. Балакшин. – Текст : непосредственный // Законность. – 2008. – № 8. – С. 22–25.

446. Барабаш, А. С. Начало российского уголовного процесса, определяющее возможность конвергенции уголовно-процессуальной формы и ее границы / А. С. Барабаш. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 5. – С. 54–61.

447. Барабаш, А. С. Прокурорский надзор за предварительным следствием / А. С. Барабаш. – Текст : непосредственный // Законность. – 2011. – № 4. – С. 5–10.

448. Барабаш, А. С. Обвинение как двигатель уголовного процесса / А. С. Барабаш. – Текст : непосредственный // Адвокатская практика. – 2006. – № 5. – С. 44–47.

449. Баранов, А. П. Механизм правового регулирования как процессуальная система / А. П. Баранов. – Текст : непосредственный // Суд и закон: опыт истории. – 2011. – № 8. – С. 41–44.

450. Бастрыкин, А. И. 300 лет российского следствия / А. И. Бастрыкин. – Текст : непосредственный // Следствие в России: три века в поисках концепции : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12 октября 2017 г.) / под общей редакцией А. И. Бастрыкина. – Москва : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. – С. 8–18.

451. Бегиев, Х. Б. Проблемы соотношения процессуальной самостоятельной следователя с процессуальным контролем руководителя следственного органа / Х. Б. Бегиев. – Текст : непосредственный // Вестник

Краснодарского университета МВД России. – Краснодар. – 2011. – № 1. – С. 49-54.

452. Белобородова, Е. С. О полномочиях прокурора на заключительном этапе предварительного следствия / Е. С. Белобородова. – Текст : непосредственный // Новый юридический вестник. – 2018. – № 3 (5). – С. 39–44.

453. Белоковылский, М. С. Конфликт и консенсус: некоторые проблемы реализации диспозитивных начал в российском уголовном судопроизводстве / М. С. Белоковылский. – Текст : непосредственный // Российский судья. – 2014. – № 7. – С. 15.

454. Божьев, В. П. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя: история и современность / В. П. Божьев, А. И. Трусов. – Текст : непосредственный // Проблемы формирования социалистического правового государства. – Москва, 1991. – С. 118–124.

455. Бойко, А. И. Геополитика, идеология, преступность, правоохранительная деятельность / А. И. Бойко. – Текст : непосредственный // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2012. – № 4. – С. 99–100.

456. Боруленков, Ю. П. Доказательство как технологический элемент юридического познания / Ю. П. Боруленков. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2013. – № 4. – С. 2–6.

457. Боруленков, Ю. П. Место прокуратуры в системе органов уголовного преследования // Ю. П. Боруленков. – Текст : непосредственный / Уголовное судопроизводство. – 2013. – № 2. – С. 20–23.

458. Боруленков, Ю. П. Призывы к ликвидации предварительного следствия не основаны на современных российских реалиях / Ю. П. Боруленков. – Текст : непосредственный // Уголовное судопроизводство. – 2016. – № 1. – С. 16–21.

459. Боруленков, Ю. П. Принципы оперативно-розыскной деятельности как методологическая основа специфической юридической деятельности / Ю. П. Боруленков. – Текст : непосредственный // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2013. – № 2. – С. 14–20.

460. Босов, А. Доказывание – коммуникация в суде с участием присяжных заседателей / А. Босов, А. Машовец. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 75–79.

461. Брусницын, Л. В. Какую задачу решают следователь, прокурор и судья применительно к стадии возбуждения уголовного дела? / Л. В. Брусницын. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 марта 2014 года): в 2 ч. Ч. 1. – Москва, 2014. – С. 60–63.

462. Буланова, Н. В. Дискреционные полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве: содержание и реализация / Н. В. Буланова. – Текст : непосредственный // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 1. – С. 22-32.

463. Буфетова, М. Ш. К вопросу о принципе целесообразности в российском уголовном судопроизводстве / М. Ш. Буфетова, Н. Ю. Литвинцева. – Текст : непосредственный // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 3. – С. 167–177.

464. Бызов, Л. Г. «Неоконсервативная волна» в современной России: фаза очередного цикла или стабильное состояние? / Л. Г. Бызов // Мир России. Социология. Этнология. – 2010. – № 1. – С. 3-45.

465. Быков, В. М. Правовое положение прокурора на предварительном следствии / В. М. Быков. – Текст : непосредственный // Следователь. – 2008. – № 6. – С. 31–36.

466. Бызов, Л. Г. «Неоконсервативная волна» в современной России: фаза очередного цикла или стабильное состояние? / Л. Г. Бызов // Мир России. Социология. Этнология. – 2010. – № 1. – С. 3-45.

467. Бычков, В. В. К вопросу о сроках проверки сообщений о преступлениях / В. В. Бычков. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 марта 2014 года): в 2 ч. Ч. 1. – Москва, 2014. – С. 74–77.

468. Бычков, В. В. Стадия возбуждения уголовного дела – нарушение конституционных прав граждан / В. В. Бычков. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 1 (12). – С. 41–51.

469. Валькова, Т. В. О реформировании стадии возбуждения уголовного дела / Т. В. Валькова. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 марта 2014 года): в 2 ч. Ч. 1. – Москва, 2014. – С. 86–89.

470. Васильев, О. Л. Модель построения предварительного расследования по УПК 1922 года как возможный ориентир реформы предварительного следствия / О. Л. Васильев. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 1999. – № 1. – С. 30–33.

471. Васильев, О.Л. Цели и задачи предварительного расследования и его форм / О. Л. Васильев. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 11, право. – 2002. – № 3. – С. 20–43.

472. Васяев, А. А. Сделка с правосудием или сделка с обвинением? / А. А. Васяев. – Текст : непосредственный // Современное право. – 2010. – № 2. – С. 88–89.

473. Вдовцев, П. В. К вопросу о предмете досудебного соглашения о сотрудничестве / П. В. Вдовцев, Ю. С. Каркошко. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2015. – № 11. – С. 16–18.

474. Венгеров, А. Б. "Несущие конструкции" правового государства (разрозненные заметки о политико-правовых инновациях в советском обществе) // Право и власть. Человек, право, государство. Человек, закон и правосудие. - Москва : Прогресс, 1990. - С. 96–112.

475. Веницкий, Л. Возможно ли изменение категории преступления при рассмотрении уголовных дел в порядке главы 40.1 УПК РФ / Л. Веницкий, М. Кубрикова. – Текст : непосредственный // Законность. – 2013. – № 8. – С. 42–45.

476. Вицин, С. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве / С. Вицин. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2003. – № 6. – С. 54–56.

477. Власова, С. В. Некоторые размышления к вопросу о следственной власти / С. В. Власова, Г. Х. Шаутаева. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2 (34). – С. 446–447.

478. Волеводз, А. Г. Взаимная правовая помощь по уголовным делам: сотрудничество с государствами офшорных юрисдикций романо-германской правовой семьи (системы континентального права) / А. Г. Волеводз . – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2019. – № 10. – С. 64–68.

479. Волевод, А. Г. О системе осуществления российского и иностранного уголовного права и его процессуального применения на переходный период в Крыму и Севастополе / А.Г. Волеводз, Е.А. Копылова. – Текст : непосредственный // Евразийский юридический журнал. - 2014. - № 4. - С. 150-158.

480. Волеводз, А. Г. Совместные (международные) расследования наркопреступлений: международный опыт и российские перспективы / А.Г. Волеводз – Текст : непосредственный // Наркоконтроль .- 2015. - № 4. - С. 37–45.

481. Волков, К. А. Совершенствование правосудия по уголовным делам в отношении предпринимателей / К. А. Волков. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2013. – № 18. – С. 36–39.

482. Володина, Л. М. Проблема регламентации возбуждения уголовного дела / Л. М. Володина. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 4. – С. 5-11.

483. Володина, Л. М. Проблемы и противоречия стадии возбуждения уголовного дела / Л. М. Володина. – Текст : непосредственный // Вестник криминалистики. – 2010. – № 3 (35). – С. 16-20.

484. Володина, Л. М. Стадия возбуждения уголовного дела / Л. М. Володина. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы расследования преступлений: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 23.05.2013) : в 2 частях. Часть 1. - Москва : Институт повышения

квалификации Следственного комитета Российской Федерации, 2013. – С. 212–217.

485. Воскобитова, Л. А. Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики / Л. А. Воскобитова. – Текст : непосредственный // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 2. – С. 3–6.

486. Воскобойник, И. О. К вопросу о доказательствах и доказывании в уголовном процессе / И. О. Воскобойник, М. Г. Гайдышева. – Текст : непосредственный // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – № 2. – С. 70–71.

487. Выдря, М. М. Расследование уголовного дела - функция уголовного процесса / М. М. Выдря. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1980. – № 9. – С. 78–82.

488. Вышинский, А. Я. Положение на правовом фронте / А. Я. Вышинский. – Текст : непосредственный // Советское государство. – 1937. – № 3–4. – С. 5–18.

489. Вышинский, А. Я. Положение на фронте правовой теории / А. Я. Вышинский. – Текст : непосредственный // Социалистическая законность. – 1937. – № 5. – С. 7–12.

490. Гаврилов, Б. Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования / Б. Я. Гаврилов. – Текст : непосредственный // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 1. – С. 18–25.

491. Гаврилов, Б. Я. Институт возбуждения уголовного дела: пора расставить все точки / Б. Я. Гаврилов. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 марта 2014 года) : в 2 ч. Ч. 1. – Москва, 2014. – С. 115–120.

492. Гаврилов, Б. Я. Институт предъявления обвинения: правовые реалии и мифы / Б. Я. Гаврилов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвузовский сборник научных

трудов / Под ред. проф. В.А. Лазаревой. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2010. – Вып. 5. – С. 329–335.

493. Гаврилов, Б. Я. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика / Б. Я. Гаврилов, В. П. Божьев. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 2 (38). – С. 74–81.

494. Гаврилов, Б. Я. Перераспределение процессуальных и надзорных полномочий между прокурорами и руководителями следственного органа: объективная необходимость или волюнтаризм в праве / Б. Я. Гаврилов. – Текст : непосредственный // Вестник МВД России. – 2010. – № 1. – С. 81–88.

495. Гаврилов, Б. Я. Процессуальный порядок возбуждения уголовного дела – соответствует ли он правовым реалиям и правоприменительной практике? / Б. Я. Гаврилов. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2006. – № 8. – С. 48–51.

496. Гаврилов, Б. Я. Совершенствование досудебного производства в свете реализации основных положений УПК РФ / Б. Я. Гаврилов. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс. – 2005. – № 1. – С. 20–25.

497. Гаврилов, Б. Я. Стадия возбуждения уголовного дела: мнение практиков и ученых / Б. Я. Гаврилов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 4. – С. 33–40.

498. Газетдинов, Н. И. Некоторые вопросы, связанные с принятием решения о возбуждении уголовного дела / Н. И. Газетдинов. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2009. – № 7. – С. 6–8.

499. Гайдышева, М. Г. Актуальные проблемы реализации некоторых новых положений УПК РФ в стадии возбуждения уголовного дела / М. Г. Гайдышева, И. О. Воскобойник. – Текст : непосредственный // Вестник Калининградского филиала СПбУ МВД России. – 2013. – № 2 (32). – С. 14–18.

500. Гальченко, А. И. Функции прокуратуры Российской Федерации: спорные вопросы / А. И. Гальченко. – Текст : непосредственный // Lex russica. – 2014. – № 11. – С. 7–11.

501. Гарбатович, Д. А. Некоторые проблемы эффективности уголовно-правовых норм, предусматривающих посткриминальное поведение / Д. А. Гарбатович. – Текст : непосредственный // Российский ежегодник уголовного права. – 2014. – № 7. – С. 134–153.

502. Гармаев, Ю. Всесторонность и полнота расследования / Ю. Гармаев. – Текст : непосредственный // Законность. – 2002. – № 9. – С. 6–9.

503. Гладышева, О. В. О понятии процессуальной формы, ее сущности и значении в уголовном судопроизводстве / О. В. Гладышева, В. В. Шипицина. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2017. – № 4 (33). – С. 46–54.

504. Гладышева, О. В. Правила уголовного судопроизводства в отношении предпринимателей: проблемы и пути их решения / О. В. Гладышева. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия : Экономика и право. – 2018. – Т. 28. – № 1. – С. 101–105.

505. Гладышева, О. В. Современная уголовно-правовая политика по обеспечению экономической безопасности уголовно-процессуальными средствами / О. В. Гладышева, В. А. Семенцов. – Текст : непосредственный // Правовая парадигма. – 2018. – Т. 17. – № 2. – С. 17–25.

506. Головкин, Л. В. Судебный прецедент как ненормативный способ легитимации судебных решений / Л. В. Головкин. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского права МГУ. – 2010. – № 6. – С. 6-34.

507. Головкин, Л. В. Мировое соглашение в уголовном процессе и его гражданско-правовая природа / Л. В. Головкин. – Текст : непосредственный // Законодательство. – 1999. – № 10. – С. 28–29.

508. Головкин, Л. В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от "равенства оружия" к реалистичным концепциям / Л. В. Головкин // Государство и право. – 2020. – № 6. – С. 107-118.

509. Головкин, Л. В. Новые основания освобождения от уголовной ответственности и проблемы их процессуального применения / Л. В. Головкин. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 1997. – № 8. – С. 77-83.

510. Головкин, Л. В. Освобождение от уголовной ответственности и освобождение от уголовного преследования: соотношение понятий / Л. В. Головкин. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2000. – № 6. – С. 41–51.

511. Головкин, Л. В. Реформирование следственных органов в России / Л. В. Головкин. – Текст : непосредственный // Вестник московского университета. Сер. 11. – Право. – 2013. – № 3. – С. 43–55.

512. Головкин, Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? / Л. В. Головкин. – Текст : непосредственный // Вестник Академии экономической безопасности. – 2020. – № 1. – С. 15–25.

513. Горюнов, В. Ю. Частно-публичное обвинение как уголовно-процессуальная основа применения уголовного закона в сфере экономической деятельности / В. Ю. Горюнов. – Текст : непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2020. – № 1. – С. 43–48.

514. Грачева, О. А. Организация проведения прокурором проверок на стадии возбуждения уголовного дела / О. А. Грачева. – Текст : непосредственный // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 4. – С. 84–86.

515. Григорьев, В. Н. О концепции возбуждения уголовного дела / В. Н. Григорьев. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы предварительного расследования: Межвузовский сборник научных трудов. – Волгоград : Волгоградский юридический институт МВД России, 1997. – С. 24–26.

516. Григорьев, В. Н. Проблемы развития средств обнаружения признаков преступления / В. Н. Григорьев. – Текст : непосредственный // Пути совершенствования деятельности следственных аппаратов органов внутренних дел: сборник научных трудов. – Ташкент, 1987. – С. 43–44.

517. Григорьев, В. Н. Процессуальная регламентация предварительного расследования в результате реформы 2007 г. / В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Калинин. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2008. – № 6. – С. 48–58.

518. Григорьев, В. Постановление прокурора – новый повод для возбуждения уголовного дела? / В. Н. Григорьев. – Текст : непосредственный // Законность. – 2011. – № 8. – С. 45-47.

519. Гриненко, А. В. Обеспечение прав личности и концепция стадии возбуждения уголовного дела / А. В. Гриненко. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 1 (12). – С. 71–75.

520. Гриненко, А. Постановление прокурора как повод к возбуждению уголовного дела / А. Гриненко. – Текст : непосредственный // Законность. – 2012. – № 11. – С. 22–24.

521. Гриненко, А. В. Основы доказывания в уголовном процессе зарубежных стран: международная практика и актуальные проблемы / А. В. Гриненко, С. Н. Хорьяков – Текст : непосредственный // Международное уголовное право и уголовная юстиция – 2023. – № 2. – С. 2-5.

522. Гриненко, А. В. Возвращение прокурором уголовного дела, поступившего к нему с обвинительным заключением / А. В. Гриненко. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 1 (12). – С. 71–75.

523. Гриненко, А. В. Состояние предварительного следствия в Российской Федерации и перспективы его совершенствования / А. В. Гриненко. – Текст : непосредственный // Право: история, теория, практика: сборник статей и материалов– Брянск, 2020. – С. 21-26.

524. Гриненко, А. В. Привлечение в качестве обвиняемого, предъявление обвинения и допрос обвиняемого по законодательству Российской Федерации и иных государств-членов СНГ / А. В. Гриненко. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета МВД России – 201 – № 1. – С. 34.

525. Гриненко, А. В. Договорные отношения в российском уголовном судопроизводстве / А. В. Гриненко.– Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2019. – № 2. – С. 152-158.

526. Громов, Н. А. О принципе всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела / Н. А. Громов, И. В. Новичков. –

Текст : непосредственный // Следователь. Федеральное издание. – 2005. – № 5. – С. 14–15.

527. Громов, Н. А. О сущности, понятии и задачах оперативно-розыскной деятельности в свете нового уголовно-процессуального законодательства / Н. А. Громов, А. Н. Гушин, В. А. Заряев. – Текст : непосредственный // Следователь. Федеральное издание. – № 7. – С. 43–47.

528. Гуськова А. П. Медиация в уголовном процессе / А. П. Гуськова, Д. В. Маткина. – Текст : непосредственный // Российский судья. – 2009. – № 2. – С. 34–37.

529. Давлетов, А. А. Об оптимальном типе современного российского уголовного процесса / А. А. Давлетов. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2011. – № 2–2. – С. 98–100.

530. Давлетов, А. А. О значении одного термина в судьбе современного уголовного процесса России // В кн. : Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности : монография / Под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. В.М. Егорова. – Москва : Юрлитинформ. – 2016. – С. 287–298.

531. Даев, В. Г. К понятию обвинения в советском уголовном процессе / В. Г. Даев. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 1970. – № 1. – С. 76–86.

532. Даев, В. Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве / В. Г. Даев. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 1974. – №1. – С. 64-73.

533. Даровских, С. М. Прокурор как субъект доказывания в досудебных стадиях процесса: вопросы законодательного регулирования / С. М. Даровских. – Текст : непосредственный // Проблемы права. – 2021. – № 3. – С. 99-103.

534. Даровских, С. М. К вопросу о соотношении принципа состязательности и положения о равноправии сторон в уголовном судопроизводстве / С. М. Даровских, К. А. Сергеев. – Текст : непосредственный // Проблемы права. – 2020 – № 1. – С. 64-69.

535. Даровских, С. М. Определенность уголовно-процессуального закона в стадии предварительного расследования: некоторые проблемы, пути решения / О. И. Даровских, С. М. Даровских. – Текст : непосредственный // Проблемы права. – 2019. – № 4. – С. 96-100.

536. Даровских, С. М. Реализация полномочий прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства в свете положений Конституции Российской Федерации / С.М. Даровских. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – материалы XX Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Конституции Российской Федерации и 75-летию Южно-Уральского государственного университета.– Челябинск, 2018. – С. 209-213.

537. Даровских, С. М. Процессуальные средства и способы выявления и устранения ошибок, допущенных в ходе уголовного судопроизводства / С. М. Даровских. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2018. – № 1. – С. 106-109.

538. Даровских, С. М. Своевременность – как критерий эффективности уголовно-процессуальной деятельности / С. М. Даровских, О. И. Даровских. – Текст : непосредственный // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 61-65.

539. Деришев, Ю. В. Досудебное уголовное преследование по УПК РФ / Ю. В. Деришев. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 43–50.

540. Деришев, Ю. В. О современной отечественной уголовно-процессуальной науке в общем и организации следственного аппарата, в частности / Ю. В. Деришев. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – Право. – 2019. – № 31. – С. 74-91.

541. Деришев, Ю. В. Уголовное досудебное производство: проблемы и пути реформирования / Ю. В. Деришев. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2015. – № 1. – С. 81–84.

542. Деришев, Ю. Стадия возбуждения уголовного дела – реликт «социалистической законности». / Ю. В. Деришев. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2003. – № 8. – С. 34–36.

543. Джамиев, М. Р. Назначение и правовая организация досудебного производства по уголовному делу / М. Р. Джамиев. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 4 (36). – С. 210–214.

544. Джатиев, В. Обвинение и защита / В. Джатиев. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 1995. – № 3. – С. 17–18.

545. Дикарев, И. С. Назначение предварительного расследования в уголовном процессе / И. С. Дикарев. – Текст : непосредственный // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 75–88.

546. Дикарев, И. С. Объективность уголовного преследования как условие реализации назначения уголовного судопроизводства / И. С. Дикарев. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2006. – № 3. – С. 29–31.

547. Дикарев, И. С. Система сдержек и противовесов в досудебном производстве по уголовным делам / И. С. Дикарев. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2018. – № 3. – С. 76–83.

548. Дикарев, И. С. Спорные вопросы организации досудебного производства по уголовным делам / И. С. Дикарев. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2016. – № 5. – С. 27–30.

549. Дикарев, И. С. Уголовное преследование: уточнение понятия / И. С. Дикарев. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2013. – № 9. – С. 23–25.

550. Добровольская, Т. Н. Уголовно-процессуальные формы и производства / Т. Н. Добровольская, П. С. Элькинд // Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / под ред. П.Е. Недбайло и В.М. Горшечевой. – Москва : Юрид. лит., 1976. – С. 251–275. – Текст : непосредственный.

551. Доля, Е. А. О собирании и формировании доказательств по УПК РФ / Е. А. Доля. – Текст : непосредственный // Новый уголовно-процессуальный кодекс России в действии. Материалы круглого стола. 13 ноября 2003 года. – Москва, 2004. – С. 125-129.

552. Доля, Е. Результаты оперативно-разыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе / Е. Доля. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2013. – № 5. – С. 24–39.

553. Дорошков, В.В. Разумное сочетание публичного и частного в уголовном судопроизводстве / В.В. Дорошков. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2023. – № 1. – С. 31-41.

554. Дорошков, В. В. Мироззренческие подходы к состязательности в уголовном судопроизводстве / В.В. Дорошков. – Текст : непосредственный // Мировой судья. – 2019. – № 7. – С. 3-11.

555. Дорошков, В. В. Современный уголовный процесс и основные направления его совершенствования / В.В. Дорошков. – Текст : непосредственный // Мировой судья. – 2019. – № 9. – С. 3-13.

556. Епифанова, Е. В. Концепция современной уголовно-правовой политики России как средство управления процессом противодействия преступности / Е. В. Епифанова. – Текст : непосредственный // Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2009. – № 2 (6). – Серия: Право. – С. 72–76.

557. Ережипалиев, Д. Полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела / Д. Ережипалиев. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 84–86.

558. Ешназаров, А. А. К вопросу об уголовном преследовании в свете поправок в Основной закон страны / А. А. Ешназаров // Вестник Академии правоохранительных органов. - 2017. - № 4 (6). - С. 13–18.

559. Жук, О. Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования в уголовном процессе России / О. Д. Жук. – Текст : непосредственный // Законодательство. – 2004. – № 2. – С. 78–81.

560. Жук, О. Д. Субъекты уголовного преследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации (начало) / О. Д. Жук. – Текст : непосредственный // Законодательство. – 2004. – № 5. – С. 71–76.

561. Жуковский, В. М. Процессуальная независимость следователя и некоторые её гарантии / В. М. Жуковский. – Текст : непосредственный // Предварительное следствие в условиях правовой реформы: сб. науч. трудов. – Волгоград : Изд-во ВСШ МВД СССР, 1991. – С. 35-44.

562. Зажицкий, В. И. Дополнения к ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ: плюсы и минусы / В. И. Зажицкий. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2013. – № 11. – С. 28-31.

563. Зажицкий, В. И. Правовая регламентация деятельности по обнаружению признаков преступления / В. И. Зажицкий. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 1992. – № 4. – С. 100-106.

564. Захарова, В. О. Осуществление уголовного преследования следственной группой / В. О. Захарова. – Текст : непосредственный // Lex Russica. – 2016. – № 2 (111). – С. 110–121.

565. Захарян, А. А. Об участии прокурора в доказывании в зарубежном досудебном производстве по уголовным делам / А. А. Захарян. – Текст : непосредственный // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 4 (78). – С. 123–128.

566. Зинченко, И. А. Проверка сообщения о преступлении: получение объяснений или допрос? / И. А. Зинченко, А. А. Попов. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2017. – № 1 (30). – С. 40-49.

567. Зинченко, И. А. Уголовная политика: понятие, проблемы и перспективы / И. А. Зинченко, А. Ю. Трапицын. – Текст : непосредственный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – № 9. – С. 86-92.

568. Зорин, Р. Г. Актуальные проблемы правового регулирования доследственной проверки / Р. Г. Зорин, В. В. Клишин. – Текст : непосредственный // Законность и правопорядок. – 2013. – № 2. – С. 56–60.

569. Игнатов, С. Д. Статус следователя как субъекта уголовно-процессуального доказывания / С. Д. Игнатов. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. – 2015. – Т. 25. – Вып. 2. – С. 101–106.

570. Ирхин, Ю. В. Теория и методология анализа консерватизма и неоконсерватизма / Ю. В. Ирхин // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 4. – С. 84–103.

571. Исаенко, В. Н. Государственное обвинение в системе уголовно-процессуальных функций / В. Н. Исаенко. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 1. – С. 183–193.

572. Капинус, О. С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве / О. С. Капинус // Прокурор. – 2013. – № 2. – С. 17–19.

573. Капитонов, А. Е. Процессуальная функция следователя / А. В. Капитонов. – Текст : непосредственный // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей ч. 59. – Томск : Издательство Томского университета, 2013. – С. 43–48.

574. Каретников, А. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела / А. Каретников, С. Коретников. – Текст : непосредственный // Законность. – 2015. – № 1. – С. 41–46.

575. Каретников, А. С. Сделки в российском уголовном процессе / А. С. Каретников. – Текст : непосредственный // Законность. – 2013. – № 3. – С. 36–41.

576. Карнеева, Л. М. Где быть следственному аппарату / Л. М. Карнеева. – Текст : непосредственный // Социалистическая законность. – 1991. – № 2. – С. 26–28.

577. Карягина, А. В. Проблемы организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие / А. В. Карягина // Вестник ТИУиЭ. – 2020. – №2 (32). – С. 68–80.

578. Карякин, Е. А. Стадия возбуждения уголовного дела: «за» и «против» / Е. А. Карякин. – Текст : непосредственный // Современное право. – 2004. – № 12. – С. 55–57.

579. Кесаева, М. С. К вопросу о поиске оптимальной формы дознания по уголовным делам / М. С. Кесаева. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 37(1). – С. 112–115.

580. Кобзева, Е. В. К вопросу о понятии и свойствах российской уголовной политики как сложного социально-правового феномена / Е. В. Кобзева // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности : сборник научных трудов. - Саратов : Сателлит, 2006. - С. 57-64.

581. Ковтун, Н. Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России / Н. Н. Ковтун. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 123–137.

582. Ковтун, Н. Н. Институт привлечения в качестве обвиняемого: о «депроцессуализации» и «дематериализации» его сути и содержания в уголовном судопроизводстве России / Н. Н. Ковтун. – Текст : непосредственный // Российский журнал правовых исследований. – 2020. – Т. 7. – № 1. – С. 98–105.

583. Ковтун, Н. Н. Сущность и содержание функции уголовного преследования в уголовной процессе России / Н. Н. Ковтун, А. П. Кузнецов. – Текст : непосредственный // Российский судья. – 2004. – № 6. – С. 29–31.

584. Колоколов, Н. А. Великое противостояние: следователь vs прокурор / Н. А. Колоколов. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 5 (16). – С. 9–29.

585. Колоколов, Н. А. Стадия возбуждения уголовного дела: сохранить, трансформировать, упразднить? / Н. А. Колоколов. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 1 (12). – С. 87-109.

586. Комиссаров, В. С. Уголовная политика / В. С. Комиссаров // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под

ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. – Москва: МГУ, 2012. – 879 с. – Текст : непосредственный.

587. Комментарий к Закону «О прокуратуре» Российской Федерации : (Науч.-практ. рекомендации) / М. Н. Маршунов. – Москва ; Санкт-Петербург : Изд. торговый дом «Герда», 1998. - 152,[1] с.

588. Кондрат, И. Н. Взаимодействие руководителя следственного органа со следователем и прокурором в досудебном уголовном судопроизводстве (некоторые проблемные вопросы) / В. И. Безрядин, А. В. Зверькова, И. Н. Кондрат. – Текст : непосредственный // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 151-156.

589. Кондрат, И. Н. Координация прокурора и руководителя следственного органа при взаимодействии органов дознания и предварительного следствия (некоторые дискуссионные вопросы) / В. И. Безрядин, И. Н. Кондрат. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2019. – № 7. – С. 34-36.

590. Кондрат, И. Н. Модернизация контроля и надзора в современном российском досудебном уголовном судопроизводстве (некоторые проблемы) / В. И. Безрядин, И. Н. Кондрат. – Текст : непосредственный // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 2. – С. 83-92.

591. Кондрашов, Б. В. Следственный комитет России. Кто «за» и «против» / Б. В. Кондрашов, Е. Н. Щербинский. – Текст : непосредственный // Российская газета. – 1991. – 1 апреля.

592. Конев, А. Н. Идеологические основы целеполагания в современном отечественном уголовном процессе / А. Н. Конев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2 (34). - С. 162-166.

593. Корнакова, С. В. Процессуальная самостоятельность следователя: проблемы реализации / С. В. Корнакова. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 1 (43). – С. 113–121.

594. Королев, Г. Н. О возможностях влияния прокурора на формирование государственного обвинения в ходе досудебного производства / Г. Н. Королев. – Текст : непосредственный // Вестник ННГУ. – 2018. – № 4. – С. 126–130.

595. Королев, Г. Н. Прокурорская власть и уголовное судопроизводство / Г. Н. Королев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2003. – № 2. – С. 286-293. – EDN HQLFDR.

596. Королев, Г. Н. О соотношении понятий «уголовное преследование» и «обвинение» в уголовно-процессуальном праве и теории уголовного процесса / Г. Н. Королев. – Текст : непосредственный // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. – 2005. – № 3. – С. 235–239.

597. Костенко, Р. В. Новое понимание сущности доказательств в науке российского уголовного процесса / Р. В. Костенко. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 4. – С. 170-183.

598. Костенко, Р. В. Проблемные вопросы определения сущности, понятия и элементов процесса доказывания по уголовным делам / Р. В. Костенко. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2011. – № 1. – С. 81-89.

599. Костенко, Р. В. Процессуальные действия как способ проверки доказательств в уголовном судопроизводстве / Р. В. Костенко. – Текст : непосредственный // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2020. – № 3. – С. 44–48.

600. Костенко, Р. О соотношении уголовно-процессуального познания и уголовно-процессуального доказывания / Р. Костенко. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2004. – № 3. – С. 90–92.

601. Костерин, В. В. К вопросу о сущности обвинения и уголовно-процессуальном механизме его формулирования и выдвижения / В. В. Костерин // Юридическая наука. – 2021. – № 10. – С. 45-49. – EDN KKHRTD.

602. Кругликов, А. П. Проблемы процессуальных отношений прокурора со следователем и руководителем следственного органа / А. П. Кругликов. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2011. – № 10. – С. 28-31.

603. Кувалдина, Ю. В. Обеспечение конституционных прав потерпевшего в процедуре прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа / Ю. В. Кувалдина. – Текст : непосредственный // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4. – № 3. – С. 113–119.

604. Кудин, Ф. М. Понятие обвинения в науке и законодательстве российского уголовного процесса / Ф. М. Кудин, Е. И. Зубенко. – Текст : непосредственный // Общество и право. – 2010. – № 2 (29). – С. 159–168.

605. Кудинов, Л. Д. Процессуальный подход к определению места следственного аппарата в структуре органов государства / Л. Д. Кудинов. – Текст : непосредственный // Предварительное следствие в условиях правовой реформы: сб. науч. трудов. – Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1991. – С. 22-31.

606. Лапатников, М. В. Институт публичного обвинения в уголовном процессе России: к вопросу о постановке проблемы / М. В. Лапатников. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – №1 (49). – С. 129–134.

607. Лапатников, М. В. К вопросу о месте и роли института публичного обвинения в состязательном уголовном процессе / М. В. Лапатников, Я. А. Шараева. – Текст : непосредственный // Юрист-Правоведь. – 2020. – №1 (92). – С. 111–115.

608. Ларин, А. М. Заметки о предварительном следствии в России / А. М. Ларин. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 1993. – № 3. – С. 72–76.

609. Ларин, А. М. Прокурорский надзор и руководство расследованием / А. М. Ларин. – Текст : непосредственный // Социалистическая законность. – 1978. – № 10. – С. 56–57.

610. Левченко, О. В. Правовое положение и уголовно-процессуальная деятельность прокурора в современном досудебном производстве по уголовным делам / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Власть закона. – 2023. – № 1. – С. 268-279.

611. Левченко, О. В. «Следственная власть», «прокурорская власть» и «обвинительная власть»: соотношение понятий / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства: Всероссийская научно-практическая конференция, 7 апреля 2021 г.: сборник научных трудов / [сост. Д.А. Иванов] – Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. – С. 240-244.

612. Левченко, О. В. Архетип национальной уголовно-процессуальной системы и прокурор как ее доминантный субъект / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Уголовная юстиция. – 2022. – № 20. – С. 49-57.

613. Левченко, О. В. Институт обвинения в правовой организации противодействия преступности / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – № 2. – С. 210-214.

614. Левченко, О. В. К вопросу о возможных преобразованиях уголовно-процессуальной системы противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 50-летию образования кафедры уголовного процесса: в 2 ч. / отв. ред. В.А. Семенцов, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. – Ч. 1. С. 251-256.

615. Левченко, О. В. К вопросу о правовой природе частно-публичного уголовно-процессуального механизма привлечения к уголовной ответственности в сфере экономической деятельности / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Вестник Уфимского юридического института МВД России 2021. – № 4. – С. 90-95.

616. Левченко, О. В. К вопросу о совершенствовании процессуально-правового статуса прокурора в предварительном уголовном расследовании / О. В.

Левченко. – Текст : непосредственный // Власть закона. – 2022. – № 4. – С. 106-123.

617. Левченко, О. В. Нравственно-идеологический аспект частно-публичной правовой организации обвинения по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Союз криминалистов и криминологов. – 2021. № 4. – С. 60-64.

618. Левченко, О. В. О делегировании прокурором органу предварительного расследования полномочий на поддержание государственного обвинения в суде / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 5. – С. 204-211.

619. Левченко, О. В. О сущности обвинения в российском уголовном судопроизводстве / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Вестник. Юридические науки. – 2022. – № 4. – С. 76-80.

620. Левченко, О. В. Обвинительная власть и обвинение в российском уголовном процессе / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Частноправовые и публично-правовые проблемы современной юриспруденции: сборник материалов II Международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию доктора юридических наук, профессора Виктора Николаевича Григорьева (г. Ульяновск, 12 сентября 2020 г.) / отв. ред. С. Ю. Морозов и О. А. Зайцев. – Ульяновск: УлГУ, 2021. – С. 267-270.

621. Левченко, О. В. Обвинительная власть и уголовно-процессуальная форма ее реализации / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Юридическая образование и наука. 2021. – № 11. – С. 34-38.

622. Левченко, О. В. Оптимизация уголовно-процессуальной модели деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовному делу / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2022. – № 4. – С. 82-88.

623. Левченко, О. В. Проблемные аспекты участия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный //

Вестник Балтийского университета имени И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». – 2023. – № 1. – С. 5-14.

624. Левченко, О. В. Верховенство прокурора в уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2023. – № 1. – С. 97-106.

625. Левченко, О. В. Осуществление прокурором процессуального руководства досудебным расследованием в криминальном процессе Украины / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Дискуссионные аспекты развития уголовно-процессуального законодательства и его применения : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции (Н. Новгород, 12 ноября 2020 года) под ред. М.П. Полякова, Н.В. Летелкина, Ю.В. Царевой: Нижегородская научная школа процессуалистов: Альманах № 4. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2021. – С. 159–164.

626. Левченко, О. В. Понятие правовой организации противодействия преступности (теоретико-идеологический аспект) / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – № 3. – С. 248-253.

627. Левченко, О. В. Правовое положение прокурора в Российском предварительном следствии: современность и будущее / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, 7 апреля 2022 г. – Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. – С. 159-161.

628. Левченко, О. В. Правовой стандарт привлечения к уголовному преследованию лиц в связи с предполагаемым совершением ими преступлений в сфере экономической деятельности / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Мониторинг правоприменения. – 2021. – № 3 (40). – С. 34-39.

629. Левченко, О. В. Проблемы повышения эффективности участия прокурора в уголовно-процессуальной системе противодействий преступности / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Проблемы участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судами в условиях судебной реформы (история, теория, практика): к 300-летию российской прокуратуры: сб. материалов науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (Москва, 26 мая 2021 г.) / под общ. ред. А.Г. Халиулина; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – Москва, 2022. – С. 114-119.

630. Левченко, О. В. Прокуратура как центральный элемент уголовно-правовой системы противодействия экономической преступности / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Общество и право. – 2021. – № 3 (77). – С. 54-59.

631. Левченко, О. В. Прокурор в досудебном производстве по уголовному делу (сравнительно-правовой анализ законодательства европейских государств и законодательства России) / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – № 1. – С. 239-243.

632. Левченко, О. В. Прокурор в уголовно-процессуальной цифровой экосреде / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: сборник статей XIX Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае», посвященной памяти Вениамина Константиновича Гавло. – Вып. XVII – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2021. – С. 335-340.

633. Левченко, О. В. Прокурор как ключевой участник компромиссной процедуры окончания уголовного дела / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Вторые Чебоксарские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения, посвященные применению технологий компромисса в системе средств обеспечения правоприменительной деятельности правоохранительных органов: сб. материалов Междунар.науч.-практ. видео-конф. (Чебоксары, 10 ноября 2020 г.). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. – С. 242-245.

634. Левченко, О. В. Прокурор как субъект доказывания по уголовному делу / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч./ отв. ред. В.А. Семенцов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. – Ч. 1. С. 190-196.

635. Левченко, О. В. Прокурор как субъект досудебного производства по уголовному делу / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Вестник. Государство и право. – 2020. – № 27. – С. 43-45.

636. Левченко, О. В. Прокурор как субъект права на выдвижение обвинения и доказывание / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации. Материалы международной научно-практической конференции. Отв. редакторы: И.Г. Рагозина, Ю.В. Деришев. – Омск, 2022. – С. 44-47.

637. Левченко, О. В. Прокурорский надзор в досудебном производстве уголовного процесса Республики Казахстан / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // *Ex jure*. 2022. – № 4. – С. 145-162.

638. Левченко, О. В. Прокурорский надзор в досудебных стадиях уголовного процесса Республики Азербайджан / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Международное уголовное право и уголовная юстиция. – 2022. – № 5. – С. 18-22.

639. Левченко, О. В. Процессуально-правовая форма взаимодействия прокуратуры и органов предварительного расследования при противодействии преступности в условиях цифровизации / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Технологии XXI века в юриспруденции: материалы Третьей международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 21 мая 2021 года) / отв. ред. Д. В. Бахтеев. — Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. – С. 336-344.

640. Левченко, О. В. Роль прокуратуры в сфере обеспечения безопасности предпринимательства уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными средствами / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Университетские правовые диалоги «Право и предпринимательство»: материалы Международной научно-практической конференции, 24–25 марта 2022 г. / под ред. В.В. Кваниной. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2022. – Ч. II. – С. 253-257.

641. Левченко, О. В. Роль прокурора в уголовно-процессуальной организации противодействия преступности в сфере экономической деятельности / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Уголовная политика в области обеспечения экономической безопасности: вызовы и угрозы: сборник материалов Международного круглого стола (Москва, 30 ноября 2021 г.) – Москва: ИД «Юриспруденция», 2021. – С. 133-139.

642. Левченко, О. В. Современное правовое положение прокурора в предварительном следствии по уголовному делу и направления его совершенствования / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 2. – С. 189-191.

643. Левченко, О. В. Согласительно-компенсаторный способ разрешения уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Международное уголовное право и уголовная юстиция. 2021. – № 6. – С. 6-9.

644. Левченко, О. В. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: опыт сравнительно-правового исследования в рамках континентально-европейской правовой системы / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Вестник. Государство и право. – 2021. – № 2. – С. 32-39.

645. Левченко, О. В. Участие прокурора в обеспечении безопасности лиц, подлежащих государственной защите, при производстве по уголовному делу / О. В. Левченко. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 72-й годовщине со дня принятия Всеобщей декларации прав человека. Уфа, 10–11

декабря 2020 года – Электрон. текстовые дан. (3,7 МБ). – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2020. – С. 208-212.

646. Ленихин, А. А. Полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела / А. А. Ленихин. – Текст : электронный // Отечественная юриспруденция. – 2017. – №6 (20). – С. 93-96.

647. Лесников, Г. Ю. Уголовная политика как стратегия и тактика борьбы с преступностью / Г. Ю. Лесников. – Текст : непосредственный // Современные проблемы уголовной политики: материалы IV Международной научно-практической конференции, 27 сентября 2013 г.: в 3 т. Краснодар. – 2013. – Т. 1. – С. 127-133.

648. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика в области преступлений в сфере экономической деятельности: можно ли хуже? / Н. А. Лопашенко. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 4 (5). – С. 288–302.

649. Лукожев, Х. М. Понятие «обвинение» и «уголовное преследование» по УПК РФ / Х. М. Лукожев. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы современной теории и практики уголовного процесса: материалы научно-практической конференции (Воронеж, 16–17 декабря 2005 г.). – Воронеж, 2006. – С. 426–430.

650. Лунеев, В. В. Контроль над преступностью: надежны ли показатели? / В. В. Лунеев. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 1995. – № 7. – С. 89–102.

651. Ляхов, Ю. А. Единство процесса доказывания в досудебном уголовном судопроизводстве России / Ю. А. Ляхов. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2014. – № 11. – С. 109–112.

652. Макаренко, М. А. Правовые связи надзорного типа в уголовно-процессуальных правоотношениях с участием прокурора / М. А. Макаренко. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-петербургского университета МВД России. – 2017. – №1 (73). – С. 90-97.

653. Макарова, З. В. Публичность (официальность) и диспозитивность уголовного судопроизводства / З. В. Макарова. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2003. – Вып. 4. – № 12. – С. 13–16.

654. Макарова, З. В. Специальное назначение и роль следователя в уголовном процессе / З. В. Макарова. – Текст : непосредственный / Актуальные проблемы уголовного процесса в трудах профессора А. А. Чувилева : сб. ст. / Отв. за вып. В. В. Кальницкий. – Омск: Омская академия МВД России, 2011. – С. 62–68.

655. Малиненко, М. К. Обеспечение прокурором надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: проблемы правоприменения / М. К. Малиненко. – Текст : непосредственный // Следственная практика. – 2015. – № 196. – С. 64–73.

656. Малиновский, А. А. Система международного уголовного права / А. А. Малиновский. – Текст : непосредственный // Московский журнал международного права. – 2004. – № 4. – С. 246–255.

657. Малиновский, А.А. Концепт «сильное государство» в политико-правовом измерении / А. А. Малиновский. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2021. – Т. 25. – № 3. – С. 506–526.

658. Малиновский А.А. Критические размышления о концепции уголовного права в "широком" смысле / А. А. Малиновский // Библиотека криминалиста : Научный журнал. – 2013. – № 2(7). – С. 173–178.

659. Малышева, О. А. Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, проводимых с применением системы видео-конференц-связи / О. А. Малышева. – Текст : непосредственный // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – № 6. – С. 74–84.

660. Малышева, О. А. Совершенствование начального этапа досудебного производства в условиях цифровой трансформации / О. А. Малышева. – Текст : непосредственный // Развитие учения о противодействии расследованию

преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. – Москва, 2021. – С. 392-400.

661. Малышева, О. А. Законность и обоснованность наложения ареста на имущество при расследовании уголовного дела / О. А. Малышева. – Текст : непосредственный // Lex Russica (Русский закон). – 2021. – № 6. – С. 118-126.

662. Малышева, О. А. О необходимости отказа от дознания как процессуальной формы расследования / О. А. Малышева. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 9. – С. 80-92.

663. Малышева, О. А. О необходимости отказа от дознания как процессуальной формы расследования / О. А. Малышева. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 9. – С. 80-92.

664. Малышева, О. А. Ретроспективный анализ функции расследования органов полиции (милиции) / О. А. Малышева. – Текст : непосредственный // Российская полиция: три века служения Отечеству: сборник статей Юбилейной международной научной конференции. – Москва, 2019. – С. 487-493.

665. Манова, Н. С. Проблемные аспекты стадии возбуждения уголовного дела по новому УПК РФ / Н. С. Манова, Ю. В. Францифоров. – Текст : непосредственный // Российский судья. – 2003. – № 5. – С. 21–24.

666. Мартынова, Д. С. Проблемы и перспективы организации прокурорского надзора за предварительным следствием / Д. С. Мартынова. – Текст : непосредственный // Наука и просвещение. – 2018. – С. 159–161.

667. Марфицин, П. Г. Основные направления оптимизации процессуальной самостоятельности следователя / П. Г. Марфицин, А. А. Пронин. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 5 (1). – С. 242–245.

668. Мерзадинов, Е. С. Вопросы законодательного обеспечения полномочий прокурора по уголовному преследованию / Е. С. Мерзадинов, А.А.

Секишев, Е.М. Абайдельдинов // Вестник Академии правоохранительных органов. - 2020. - № 2 (16). - С. 82–89.

669. Мешков, М. В. Поводы к возбуждению уголовного дела: процессуально-правовые новеллы / М. В. Мешков, В. В. Гончар. – Текст : непосредственный // Российский судья. – 2012. – № 11. – С. 19–20.

670. Мизулина, Е. Б. О технологической теории уголовного процесса / Е. Б. Мизулина // Уроки реформы уголовного правосудия в России : (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сборник статей и материалов / под ред. Е. Б. Мизулиной и В. Н. Плигина. - Москва : Юристъ, 2006. - 847 с. - Текст : непосредственный.

671. Миллер, В. Ю. «Раскрытие преступления» и «расследование преступления»: соотношение понятий в контексте современного уголовного процесса / В. Ю. Миллер. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2018. – № 1 (36). – С. 72–79.

672. Мирошниченко, И. Я. Прокурор в стадии предварительного расследования уголовных дел / И. Я. Мирошниченко. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. – 1973. – № 2. – С. 39-43.

673. Михайлов, А. А. Правовая природа и сущность обвинения в уголовном процессе России / А. А. Михайлов. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – № 11. – С. 89–92.

674. Мишенина, А. А. Стадия возбуждения уголовного дела: за и против / А. А. Мишенина. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 марта 2014 года). В 2-х частях. Часть 1. – Москва: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. – С. 221-224.

675. Мусейбов, У. А. Процессуальные функции и полномочия прокурора / У. А. Мусейбов. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2016. – № 21. – С. 6–10.

676. Мыцыков, А. Я. Проблемы совершенствования правоприменительной деятельности прокуратуры / А. Я. Мыцыков. – Текст : непосредственный // Юридический мир. – 2011. – № 12. – С. 12-20.

677. Назаров, А. Д. Роль прокурора в устранении следственных ошибок / А. Д. Назаров, А. С. Шагинян. – Текст : непосредственный // Уголовная юстиция. – 2017. – № 10. – С. 121–128.

678. Насонова, И. А. Роль руководителя следственного органа при осуществлении функции руководства процессуальной деятельностью следователя при расследовании преступлений / И. А. Насонова, Н. А. Моругина. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского института МВД России. – 2008. – № 3. – С. 18-20.

679. Никаноров, С. А. Прокурорский надзор в России: современное состояние и перспективы развития / С. А. Никаноров. – Текст : непосредственный // Проблемы права. – 2014. – № 4(47). – С. 169–174.

680. Новиков, С. А. Материалы доследственной проверки в доказывании по уголовным делам: Актуальные проблемы и новые подходы / С. А. Новиков. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 3 (59). – С. 69–75.

681. Обидина, Л. Б. Участники проверки сообщения о преступлении: проблемы правового статуса / Л. Б. Обидина. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородской правовой академии. – 2015. – № 5. – С. 128–131.

682. Олейник, П. М. Правовое положение руководителя следственного органа в уголовном судопроизводстве / П. М. Олейник. – Текст : непосредственный // Образование. Наука. Научные кадры. – 2013. – № 7. – С. 99-101.

683. Петров, А. В. Надзор за законностью отказа в возбуждении уголовного дела / А. В. Петров. – Текст : непосредственный // Законность. – 2013. – № 7. – С. 16-21.

684. Петров, А. В. Обеспечение прокурором законности в стадии возбуждения уголовного дела / А. В. Петров. – Текст : непосредственный // Законность. – 2011. – № 11. – С. 32-37.

685. Петрухин, И. Л. Возбуждение уголовного дела по действующему УПК РФ / И. Л. Петрухин. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2005. – № 1. – С. 66–67.

686. Победкин, А. В. Принципиальная ошибка (почему при принятии уголовно-процессуального кодекса не следовало игнорировать А.С. Пушкина) / А. В. Победкин. – Текст : непосредственный // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2021. – № 1. – С. 58–68.

687. Подольный, Н. Новый УПК новая идеология уголовного процесса / Н. Подольный. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2002. – № 11. – С. 2-3.

688. Поздняков, М. Л. Каким не стать Следственному комитету к 2017 г. / М. Л. Поздняков. – Текст : непосредственный // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 1. – С. 20–24.

689. Поленина, С. В. Правовая политика – генерализующий фактор правотворчества / С. В. Поленина. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2011. – № 1. – С. 94-96.

690. Поляков, М. П. Идеологический подход и уголовно-процессуальная концептология как инструменты познания сущности отечественного уголовного судопроизводства / М. П. Поляков. – Текст : непосредственный // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 1 (45). – С. 43–47.

691. Поляков, М. П. Результаты ОРД как альтернатива уголовно-процессуальным доказательствам / М. П. Поляков. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс. – 2005. – № 8. – С. 24–27.

692. Полянский, Н. Н. К вопросу о юридической природе обвинения перед судом / Н. Н. Полянский. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 1960. – № 1. – С. 105–115.

693. Понкратов, Д. Е. О сущности оснований для отказа в возбуждении уголовного дела / Д. Е. Понкратов. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2008. – № 15. – С. 13-15.

694. Попова, Е. А. Уголовное преследование как одно из основных направлений деятельности прокуратуры / Е. А. Попова. – Текст : непосредственный // Власть и право : сборник научных трудов по материалам Общероссийской научно-практической конференции. 12–14 октября 2012 г. / Редкол. : О. В. Белянская [и др.]. – Тамбов: ТГУ, 2013. – С. 212–217.

695. Потапов, В.Д. К вопросу об уголовно-процессуальной форме досудебного производства по уголовному делу / В.Д. Потапов – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. – Москва, 2020. – С. 191–193.

696. Рарог, А. И. Репрессивный крен российской уголовной политики / А. И. Рарог. – Текст : непосредственный // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 3. – С. 88-95.

697. Решетников, В. Следователь не должен обвинять / В. Решетников. – Текст : непосредственный // Социалистическая законность. – 1988. – № 6. – С. 52-53.

698. Ривлин, А. Л. Понятие обвинения, его место в советском уголовном судопроизводстве / А. Л. Ривлин. – Текст : непосредственный // Вопросы государства и права: сборник статей. – Москва: «Юридическая литература», 1970. – С. 254-262.

699. Розовский, Б. Г. Когда проблему ищут не там, где она действительно есть (заметки всем недовольного человека) / Б. Г. Розовский. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 1 (12). – С. 152–167.

700. Романов, С. В. Требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как необходимое условие предварительного

расследования / С. В. Романов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. – Серия 11. – Право. – 2008. – №1. – С. 18–37.

701. Россинский, С. Б. Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) / С. Б. Россинский. – Текст : непосредственный // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 10. – С. 93–100.

702. Россинский, С. Б. О полномочиях должностных лиц, осуществляющих следственные действия: вопросы теории и практики / С. Б. Россинский. – Текст : непосредственный // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 8. – С. 73–81.

703. Россинский, С. Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания / С. Б. Россинский. – Текст : непосредственный // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 5. – С. 39–50.

704. Россинский, С. Б. Собираание доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу / С. Б. Россинский. – Текст : непосредственный // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6. – № 3. – С. 90–103.

705. Руднев, В. О состязательности на предварительном следствии / В. Руднев. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 1999. – № 1. – С. 86–88.

706. Савенков, А. Н. Вопросы уголовной политики государства / А.Н. Савенков – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 1. – С. 163–171.

707. Савицкий, В. М. А был ли «высший надзор» действительно высшим? / В. М. Савицкий. – Текст : непосредственный // Социалистическая законность. – 1991. – № 5. – С. 26–30.

708. Савицкий, В. М. Стержневая функция прокуратуры – осуществление уголовного преследования / В. М. Савицкий. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 1994. – № 10. – С. 15–17.

709. Саврасов, Л. Преступление и наказание в текущий переходный период / Л. Саврасов. – Текст : непосредственный // Пролетарская революция и право. – 1918. – № 5–6. – С. 68–79.

710. Семенцов, В. А. Процессуальная самостоятельность следователя и процессуальное руководство / В. А. Семенцов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы применения норм уголовно-процессуального права при расследовании преступлений: сб. научных статей международной научно-практической конференции Института повышения квалификации Следственного комитета России. – Москва: Буки-Веди, 2012. – С. 360–364.

711. Семенцов, В. А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания / В. А. Семенцов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. В.А. Лазаревой. – Самара, 2010. – С. 111–119.

712. Середнев, В. А. К вопросу о роли и статусе следователя в российском уголовном процессе / В. А. Середнев. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2017. – № 1. – С. 7–10.

713. Скаредов, Г. И. Прокурорский надзор и процессуальная самостоятельность следователя / Г. И. Скаредов. – Текст : непосредственный // Вестник МГУ. – Серия 11. Право. – 1980. – № 6. – С. 12-15.

714. Смирнов, А. В. О процессуальной независимости следователя, защитника и обеспечении законных интересов личности в уголовном процессе / А. В. Смирнов. – Текст : непосредственный // Предварительное следствие в условиях правовой реформы: сб. науч. трудов. – Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1991. – С. 31-37.

715. Смирнов, А. В. Почему России нужен новый Уголовно-процессуальный кодекс / А. В. Смирнов. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс. – 2014. – № 9. – С. 74-86.

716. Смирнов, А. В. Современные проблемы следственной власти в России / А. В. Смирнов. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс. – 2009. – № 12. – С. 41–48.

717. Смирнов, А. В. Эволюция исторической формы советского уголовного процесса и предварительного расследования / А. В. Смирнов. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1990. – № 12. – С. 57-63.

718. Смирнов, Г. К. О необходимости восстановления в УПК РФ объективной истины как цели доказывания / Г. К. Смирнов. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс. – 2012. – № 4. – С. 18–20.

719. Смирнова, И. Г. Трансакция – действенное средство устранения вредных последствий совершенных преступлений: быть ли ей в российском уголовном процессе? / И. Г. Смирнова. – Текст : непосредственный // Российский судья. – 2011. – № 10. – С. 14–16.

720. Соловьев, А. Б. Необходимо восстановить властно-распорядительные полномочия прокурора в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства / А. Б. Соловьев, М. Е. Токарева. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 98-104.

721. Соловьев, А. К вопросу о статусе прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса по УПК РФ / А. Соловьев, М. Токарева. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2002. – № 3. – С. 84-87.

722. Спиринов, А. В. О необходимости наделения прокурора правом возбуждения уголовного дела / А. В. Спиринов. – Текст : непосредственный // Юридические исследования. – 2016. – № 8. – С. 9–16.

723. Спиринов, А. В. Прокурор как субъект доказывания в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / А. В. Спиринов. – Текст : непосредственный // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – № 4. – С. 66–68.

724. Статкус, В. Ф. Прокурорский надзор и ведомственный контроль на предварительном следствии / В. Ф. Статкус, А. А. Чувилов. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 1975. – № 3. – С. 73-78.

725. Строгович, М. С. О дознании и предварительном следствии и о едином следственном аппарате / М. С. Строгович. – Текст : непосредственный // Социалистическая законность. – 1957. – № 5. – С. 19-26.

726. Сухарев, А. Я. Правосудие и преступность / А. Я. Сухарев. – Текст : непосредственный // Прокуратура и правосудие в условиях судебно-правовой реформы: сб. науч. трудов. – Москва, 1997. – С. 22-33.

727. Тагер, А. С. О предмете и пределах науки об уголовном суде / А. С. Тагер // Право и жизнь. – 1924. – Кн. 1. – 492 с. – Текст : непосредственный.

728. Темираев, О. Реформа следствия нужна / О. Темираев. – Текст : непосредственный // Законность. – 2004. – № 1. – С. 33-35.

729. Теткин, Д. В. Процесс становления института взаимодействия следователя и прокурора: проблемы современного этапа / Д. В. Теткин, В. А. Попов, А. А. Никоноров // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 2. – С.211-217.

730. Тимошина, Е. В. Классическое и постклассическое правопонимание как стили философско-правового мышления / Е. В. Тимошина // Постклассическая онтология права : монография / под ред. И.Л. Честнова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. – С. 218-295. – Текст : непосредственный.

731. Толкаченко, А. А. Освобождение от уголовной ответственности. Как оценивать нормы и выбирать основание / А. А. Толкаченко. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс. – 2019. – № 3. – С. 86–93.

732. Томин, В. Т. Понятие цели советского уголовного процесса / В. Т. Томин. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 1969. – С. 66–67.

733. Томин, В. Т. Процессуальная форма и процессуальные гарантии / В. Т. Томин // Уголовный процесс России. Проблемные лекции: учебное пособие (для студентов высших юридических учебных заведений) / Науч. ред. В.Т. Томин, А.П. Попов и И.А. Зинченко. – Пятигорск : Изд. «РИА-КМВ» 2014. – 799 с. – Текст : непосредственный.

734. Тонких, Д. А. Субъекты формирования доказательств / Д. А. Тонких, А. В. Маслов. – Текст : непосредственный // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 10. – С. 22–25.

735. Третьяков, И. Л. Уголовная политика в системе государственной политики / И. Л. Третьяков. – Текст : непосредственный // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 17-32.

736. Трухачев, В. В. Функции и полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве и их отражение в процессуальном статусе прокурора / В. В. Трухачев, У. Н. Ахмедов. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского института МВД России. - 2020. - № 1.- С. 195–202.

737. Усачев, А. А. Некоторые вопросы оптимизации начального этапа уголовного судопроизводства / А. А. Усачев. – Текст : непосредственный // Вестник Российской правовой академии. – 2005. – № 4. – С. 72–77.

738. Федоткин, М. А. Взаимодействие органов предварительного следствия и дознания / М. А. Федоткин. – Текст : непосредственный // Право. – 1996. – № 4. – С. 93-101.

739. Фойницкий, И. Я. Предварительное следствие и его реформа / И. Я. Фойницкий. – Текст : непосредственный / И. Я. Фойницкий. – Текст : непосредственный // Журнал гражданского и уголовного права. – 1882. – Январь. – Кн. 1. – С. 45-73.

740. Францифоров, Ю. В. Противоречия между возбуждением и прекращением уголовного дела, отказом в возбуждении уголовного дела / Ю. В. Францифоров. – Текст : непосредственный // Следователь. – 2003. – № 12. – С. 81.

741. Халиулин, А. Г. Участие прокурора в осуществлении правосудия по уголовным делам / А. Г. Халиулин. – Текст : непосредственный // Прокуратура: история и современность: 300 лет прокуратуре России (Сухаревские чтения): Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции. – Москва, 2022. – С. 26-29.

742. Халиулин, А. Г. О роли прокурора в условиях состязательного построения российского уголовного процесса / А. Г. Халиулин. – Текст : непосредственный // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича: Материалы конференции. – Москва, 2020. – С. 58-61.

743. Халиулин, А. Г. Роль прокурора в возбуждении уголовного преследования / Н. И. Капинус, А. Г. Халиулин. – Текст : непосредственный // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 1. – С. 129-132.

744. Халиулин, А. Г. Функции и полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве / А. Г. Халиулин. – Текст : непосредственный // Прокурорский надзор в досудебном производстве по уголовным делам: Сборник статей по материалам круглого стола, проведенного в рамках Кутафинских чтений. – Москва, 2019. – С. 3-6.

745. Халиулин, А. Г. Уголовно-процессуальное законодательство России о деятельности прокурора / А. Г. Халиулин. – Текст : непосредственный // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2017. – № 3 (82). – С. 84–96.

746. Халиулин, А. Г. Феномен российской прокуратуры: прокурорский надзор и уголовное преследование / А. Г. Халиулин. – Текст : непосредственный / Проблемы совершенствования прокурорского надзора. К 275-летию Российской прокуратуры: Материалы научно-практической конференции. – Москва, 1997. – С. 130–134.

747. Химичева, Г. П. О реализации процессуальных функций прокурора на досудебном производстве по уголовному делу / Г. П. Химичева. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 12. – С. 220–224.

748. Химичева, Г. П. Понятие и назначение уголовного судопроизводства (уголовного процесса): учебное пособие / Г. П. Химичева, О. В. Химичева, А. И. Бородулин // Уголовный процесс: общая часть. Вып. 1. – Москва : ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – 304 с. – Текст : непосредственный.

749. Химичева, Г. П. Уточнить процедуру доследственной проверки / Г. П. Химичева. – Текст : непосредственный // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 1. – С. 23–26.

750. Холоденко, В. Д. Правовое определение функции следователя и задач предварительного следствия / В. Д. Холоденко. – Текст : непосредственный //

Вопросы уголовного процесса. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступлениями: межвузовский научный сборник. – Саратов, 1984. - Вып. 3.– С. 50-54.

751. Цветков, Ю. А. Кризис социально-правовой идентичности следователя и прокурора / Ю. А. Цветков. – Текст : непосредственный // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 1. – С. 14-20.

752. Цветков, Ю. А. Российский следователь: от инквизитора к сверхчеловеку. Этюды по философии уголовного процесса / Ю. А. Цветков. – Текст : непосредственный // Уголовное судопроизводство. – 2019. – № 1. – С. 16–23.

753. Цветков, Ю. А. Уголовно-процессуальная геополитика и российская модель досудебного производства / Ю. А. Цветков. – Текст : непосредственный // Вестник экономической безопасности. - 2019. – № 1. – С. 98–103.

754. Цепелев, В. Ф. Категория «цель» в уголовной политике: тезисы / В. Ф. Цепелев. – Текст : непосредственный // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы IV рос. конгресса уголовного права (28-29 мая 2009 г.). МГУ им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2009. – С.116–118.

755. Цыпкин, А. Л. Сущность уголовно-процессуальной функции прокурора // Вопросы теории и практики прокурорского надзора. Межвузовский научный сборник. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1974. – С. 17-19.

756. Чабукиани, О. А. Основная функция следователя в уголовном судопроизводстве / О. А. Чабукиани. – Текст : непосредственный // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 1. – С. 62–66.

757. Чечулин, И. В. Особенности процессуального взаимодействия руководителя следственного органа и прокурора в ходе досудебного производства / И. В. Чечулин. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2010. – № 11. – С. 12-15.

758. Чигрин, Д. А. Полномочия прокурора по формированию государственного обвинения в досудебном производстве по уголовному делу: сравнительно-правовой аспект / Д. А. Чигрин. – Текст : непосредственный // Уголовная юстиция: законодательство, теория и практика: сб. материалов VII Респ. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Брест, 4 нояб. 2016 г. / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина ; редкол.: О. Н. Иванчина (отв. ред.) [и др.]. – Брест: БрГУ, 2017. – С. 247–249.

759. Чупилкин, Ю. Б. Уголовно-процессуальные требования, предъявляемые к оперативно-розыскной форме результатов ОРД / Ю. Б. Чупилкин. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2013. – № 5. – С. 54-56.

760. Шадрин, В. С. Обеспечение прав личности и предварительное расследование в уголовном процессе / В. С. Шадрин. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 1994. – № 4. – С. 96-104.

761. Шадрин, В. С. Проблемы прокурорского надзора за законностью отказа в возбуждении уголовного дела / В. С. Шадрин, А. В. Чубыкин, – Текст : непосредственный // Криминалист. – 2014. – № 1 (14). – С. 28-34.

762. Швевель, Д. И. Прокурорский надзор в стадии возбуждения уголовного дела: современное состояние и перспективы развития / Д. И. Швевель. – Текст : непосредственный // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2019. – №3 (48). – С. 71-83.

763. Шейфер, С. А. Прокурорская и следственная власть: сущность и проблемы взаимоотношения / С. А. Шейфер // Уголовное судопроизводство: науч.-практич. пособие в 3 т. Том 2 / под ред. Н. А. Колоколова. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 274 с. – Текст : непосредственный.

764. Шейфер, С. А. Предварительное и судебное следствие по УПК РФ: проблемы соотношения / С. А. Шейфер. – Текст : непосредственный // Проблемы обеспечения прав участников процесса по новому уголовно–процессуальному кодексу РФ: материалы Межрегиональной научно–практической конференции

18–19 декабря 2002 г., г. Самара / под ред. С.А. Шейфера. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2003. – С. 30–31.

765. Шепелев, М. А. Неоконсерватизм: реконструкция идеологической доктрины реформистского консерватизма / М. А. Шепелев // Политика, экономика и инновации. – 2015. – № 2. - С.3.

766. Шереметьев, И. И. Доказательственное значение материалов доследственной проверки / И. И. Шереметьев. – Текст : непосредственный // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2018. – № 2 (42). – С. 139–147.

767. Шерстнев, В. Б. К вопросу об уголовно-процессуальном механизме применения уголовного закона в стадии предварительного расследования / В. Б. Шерстнев. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородской правовой академии. Научный журнал. – 2018. – № 16. – С. 70–72.

768. Шерстнев, В. Б. Оптимизация процедуры прекращения в ходе досудебного производства уголовного дела (преследования) в связи с возмещением ущерба в полном объеме / В. Б. Шерстнев. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2020. – № 1 (51). – С. 103–110.

769. Шерстнев, В. Б. Прекращение уголовного преследования в связи с полным возмещением ущерба / В. Б. Шерстнев. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1 (85). – С. 136–143.

770. Шестакова, С. Д. Публичность, диспозитивность и дискреционность в уголовном процессе России и США: сравнительно-правовой анализ / С. Д. Шестакова. – Текст : непосредственный // Следователь. – 2002. – № 11. – С. 35–36.

771. Шобухин, В. К вопросу о Следственном комитете при прокуратуре России / В. Шобухин. – Текст : непосредственный // Юридический мир. – 2007. – № 9. – С. 45–47.

772. Штадлер, Г. В. Актуальные вопросы осуществления прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания: научно-практический семинар, Санкт- Петербург, 10 февраля 2016

года: материалы / под общ. ред. Г. В. Штадлера. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – С. 3–7.

773. Шульган, И.И. Определение понятия «прокурор» в законодательстве Украины / И. И. Шульган // *Legea siviata*. - 2015. - № 3/3 (279). - С. 111–115.

774. Щегловитов, И. Г. Основные начала современного уголовного судопроизводства/ И. Г. Щегловитов. – Текст : непосредственный // Журнал министерства юстиции. – 1903. – № 9. – С. 63-101.

775. Щерба, С. П. Полномочия прокуроров на досудебных стадиях в уголовном процессе Германии, Франции, Англии, Италии и Испании / С. П. Щерба, В. Н. Додонов. – Текст : непосредственный // *Законность*. – 2011. – № 6. – С. 53-57.

776. Ягофаров, С. М. Осуществление прокурором уголовного преследования в досудебном производстве / С. М. Ягофаров. – Текст : непосредственный // *Вестник Оренбургского государственного университета*. – 2015. – № 3 (178). – С. 153–158.

777. Яковлева, Л. В. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и современные проблемы мер уголовно-процессуального принуждения / Л. В. Яковлева. – Текст : непосредственный // *Актуальные проблемы российского права*. – 2014. – № 7 (44). – С. 1446–1451.

778. Якубович, Н. А. Процессуальные функции следователя / Н. А. Якубович. – Текст : непосредственный // *Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве: сб. науч. трудов*. – Москва: Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1980. – С. 15-32.

779. Ястребов, В. Б. Процессуальный статус прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства (нормативное правовое регулирование и перспективы развития) / В. Б. Ястребов. – Текст : непосредственный // *Российский следователь*. – 2012. – № 6. – С. 11–13.

На итальянском языке

780. Gatta, G.L. Riforma della giustizia penale: contesto, obiettivi e linee di fondo della 'legge Cartabia' /G. L. Gatta // Sistema Penale. - 2021.- 15 ottobre. -URL: <https://www.sistemapenale.it/it/scheda/gatta-legge-2021-134-delega-riforma-giustizia-penale-cartabia> (Дата обращения: 22.02.2024)

781. Concas, A. Le indagini preliminari e la relativa chiusura /A.Concas // Diritto.it. Ultimo accesso il. - 2023. - 7 dicembre . - URL: <https://www.diritto.it/le-indagini-preliminari-e-la-relativa-chiusura/> (Дата обращения: 22.02.2024)

782. Di Vizio, F. L'obbligatorietà dell'azione penale efficiente ai tempi del PNRR / F. di Vizio // Questione giustizia online. - 2021. - 13 ottobre. – URL : www.questionegiustizia.it/articolo/l-obbligatorieta-dell-azione-penale-efficiente-ai-tempi-del-pnrr. (Дата обращения: 22.02.2024)

783. Spataro, A. La selezione delle priorità nell'esercizio dell'azione penale: la criticabile scelta adottata con la Legge 27 settembre 2021, n.134 /A. Spataro // Questione giustizia online. - 2021. - 20 dicembre. - URL : www.questionegiustizia.it/articolo/la-selezione-delle-priorita. (Дата обращения: 22.02.2024)

784. Panizza, S. "Se l'esercizio dell'azione penale diventa obbligatorio... nell'ambito dei criteri generali indicati dal Parlamento con legge." /S. Panizza //Questione giustizia online. - 2022. - 5 gennaio. - URL : www.questionegiustizia.it/articolo/se-l-esercizio-dell-azione-penale. (Дата обращения: 22.02.2024)

785. Salvi, G. Discrezionalità, responsabilità, legittimazione democratica del Pubblico Ministero. /G. Salvi // Rivista trimestrale. - 2021. - № 2. - URL : www.questionegiustizia.it/data/rivista/articoli/934/2-2021_qg_salvi.pdf. (Дата обращения: 22.02.2024)

На французском языке

786. Botton, A. Le renforcement du rôle du procureur de la République /A. Botton // Actualité Juridique Pénal. - 2016. - № 12. - P. 63-71. (Дата обращения: 22.02.2024)

787. de Gouville, L. M. P. La juridictionnalisation de l'enquête pénale / L. M. P. de Gouville // Les Cahiers de la Justice. - Paris: Cujas, 2015. - Vol. 1. - №. 1. - P. 131-139. (Дата обращения: 22.02.2024)

788. Scherer T. La police judiciaire et l'avènement de la procédure pénale numérique / T. Scherer // Cahiers de la recherche sur les droits fondamentaux. - 2023. - № 21. - P 125-131. (Дата обращения: 22.02.2024)

Диссертации и авторефераты диссертаций

789. Аббасов, Ф. Н. Досудебное производство в уголовном процессе России и Азербайджана (сравнительно-правовое исследование в рамках государств СНГ) : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... доктора юридических наук / Ф.Н.оглы. Аббасов. – Санкт-Петербург, 2006. – 376 с. – Текст : непосредственный.

790. Абдул-Кадыров, Ш. М. Осуществление прокурором уголовного преследования и надзора за исполнением законов в досудебном производстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук / Ш. М. Абдул-Кадыров. – Москва, 2015. – 195 с. – Текст : непосредственный.

791. Агеев, А. Н. Организация прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела : специальность 12.00.11 «Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности, адвокатура»; 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / А. Н. Агеев. – Москва, 2009. – 217 с. – Текст : непосредственный.

792. Азаренок, Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... доктора юридических наук / Н. В.

Азарёнок. – Омск : Омская академия МВД РФ, 2022. – 547 с. – Текст : непосредственный.

793. Бабин, К. А. Уголовное преследование как функция прокурора в уголовном процессе России : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / К. А. Бабин. – Нижний Новгород, 2008. – 291 с. – Текст : непосредственный.

794. Балашов, А. Н. Проблемы прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия при расследовании преступлений : специальность 12.00.11 «Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности, адвокатура» : диссертация ... доктора юридических наук / А. Н. Балашов. – Москва, 1990. – 366 с. – Текст : непосредственный.

795. Баранов, А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... доктора юридических наук / А. М. Баранов. – Омск : Омская академия МВД РФ, 2006. – 413 с. – Текст : непосредственный.

796. Бобылев, М. П. Обвинение как предмет уголовного правосудия в современной России : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... доктора юридических наук / М. П. Бобылев. – Уфа, 2004. – 200 с. – Текст : непосредственный.

797. Борозенец, Н. Н. Правообеспечительная деятельность прокурора в стадии возбуждения уголовного дела : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук / Н.Н. Борозенец. – Краснодар, 2017. – 238 с. – Текст : непосредственный.

798. Бубнов, Р. Г. Взаимоотношения субъектов уголовного преследования по делам публичного и частно-публичного обвинения : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-

розыскная деятельность» : диссертация ... доктора юридических наук / Р. Г. Бубнов. – Самара : Самарский государственный университет, 2006. – 243 с. – Текст : непосредственный.

799. Буглаева, Е. А. Участие прокурора в ходе предварительного следствия : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... доктора юридических наук / Е. А. Буглаева. – Челябинск : ЮУГУ, 2011. – 256 с. – Текст : непосредственный.

800. Власова, Н. А. Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... доктора юридических наук / Н. А. Власова. – Москва, 2001. – 405 с. – Текст : непосредственный.

801. Гаврилова, М. Н. Участие прокурора в рассмотрении судом вопросов о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / М. Н. Гаврилова. – Москва, 2020. – 206 с. – Текст : непосредственной.

802. Гаджиев, Я. А. Стадия возбуждения уголовного дела в системе российского уголовного судопроизводства : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: диссертация ... кандидата юридических наук / Я. А. Гаджиев. – Москва, 2015. – 289 с. – Текст : непосредственной.

803. Гасанова У.Н. Беспристрастность, объективность и справедливость как стандарты деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук / У.Н. Гасанова. – Москва, 2022. – 164 с. – Текст : непосредственный.

804. Годжаев, К. Э. Прокурор в досудебном производстве по уголовным делам: сравнительно-правовое исследование законодательства Российской Федерации и Азербайджанской Республики : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная

деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / К. Э. оглы Годжаев. – Москва, 2006. – 208 с. – Текст : непосредственный.

805. Деришев, Ю. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / Ю. В. Деришев. – Омск, 1998. – 213 с. – Текст : непосредственный.

806. Деришев, Ю. В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... доктора юридических наук / Ю. В. Деришев. – Омск, 2005. – 436 с. – Текст : непосредственный.

807. Джумабеков, А. М. Институт процессуального прокурора в свете новых требований уголовно-процессуального законодательства: магистерская диссертация на соискание академической степени / А. М. Джумабеков. – Косшы : Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2019. – 109 с. – Текст : непосредственный.

808. Долгов, А. М. Дознание как форма предварительного расследования : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: диссертация ... кандидата юридических наук / А. М. Долгов. – Краснодар, 2016. – 222 с. – Текст : непосредственный.

809. Жук, О. Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций), участии в них и о преступлениях, совершенных этими сообществами (Современные проблемы теории и практики) : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... доктора юридических наук / О. Д. Жук. – Москва, 2004. – 376 с. – Текст : непосредственный.

810. Казанцев, С. М. Прокуратура Российской Империи (историко-правовое исследование) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и

государства; история учений о праве и государстве» : диссертация ... доктора юридических наук / С. М. Казанцев. – Санкт-Петербург, 2003. – 455 с. – Текст : непосредственный.

811. Капинус, К. В. Прокурорский надзор за исполнением законов при разрешении заявлений и сообщений о преступлениях : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность»; 12.00.11 «Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности, адвокатура»: диссертация ... доктора юридических наук / К. В. Капинус. – Москва, 2004. – 240 с. – Текст : непосредственный.

812. Кесаева, М. С. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: диссертация ... кандидата юридических наук / М. С. Кесаева. – Нижний Новгород, 2017. – 237 с. – Текст : непосредственный.

813. Козубенко, Ю. В. Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... доктора юридических наук / Ю. В. Козубенко. – Екатеринбург, 2018. – 505 с. – Текст : непосредственный.

814. Коломеец, Е.В. Использование прокурором средств реагирования в досудебном производстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук / Е.В. Коломеец. – Москва, 2019. – 259 с. – Текст : непосредственный.

815. Коновалов, С. Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук / С. Г. Коновалов. – Москва, 2018. – 220 с. – Текст : непосредственный.

816. Копылова, О.П. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата

юридических наук / О. П. Копылова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999. – 187 с. – Текст : непосредственный.

817. Коршунова, О. Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы уголовного преследования : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... доктора юридических наук / О. Н. Коршунова. – Москва, 2006. – 419 с. – Текст : непосредственный.

818. Круглов, И. В. Уголовный иск и механизм его доказывания преступлениях : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / И. В. Круглов. – Нижний Новгород : НА МВД России, 2001. – 177 с. – Текст : непосредственный.

819. Крюков, В. Ф. Правовой статус прокурора в уголовном преследовании (досудебное и судебное производство) : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук / В. Ф. Крюков. – Москва : Московская государственная юридическая академия, 2012. – 584 с. – Текст : непосредственный.

820. Кудряшова, Е. С. Обеспечение качества дознания в уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / Е. С. Кудряшова. – Нижний Новгород, 2020. – 262 с. – Текст : непосредственный.

821. Кузьменко, Е. С. Система поводов к возбуждению уголовного дела: теоретический и прикладной аспекты : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / Е. С. Кузьменко. – Нижний Новгород, 2007. – 182 с. – Текст : непосредственный.

822. Курбанов, Р. Д. Прокурорский надзор за исполнением законов в досудебном производстве по уголовным делам о незаконной добыче водных животных и растений: специальность 12.00.11 «Судебная власть, прокурорский

надзор, организация правоохранительной деятельности, адвокатура»: диссертация ... доктора юридических наук / Р. Д. Курбанов. – Москва, 2002. – 172 с. – Текст : непосредственный.

823. Калдыбай, уулу М. Прокурорский надзор за исполнением законов в уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного ра Кыргызстана : диссертация ... кандидата юридических наук / Уулу М. Калдыбай. - Москва, 2014. - 211 с. . – Текст : непосредственный.

824. Кучин, А. Ф. Правовой механизм публичного уголовного преследования: : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / А. Ф. Кучин. – Нижний Новгород, 2004. – 193 с. – Текст : непосредственный.

825. Кыдыралин, Т. К. Полномочия прокурора на досудебной стадии уголовного процесса: проблемы теории и практики: магистерская диссертация на соискание академической степени. – Косшы : Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2021 – 86 с. – Текст : непосредственный.

826. Ларина, А.В. Дискреционные полномочия прокурора в досудебном производстве России и других стран СНГ (сравнительно-правовое исследование) : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук / А.В. Ларина. – Москва, 2019. – 186 с. – Текст : непосредственный.

827. Малиненко, М. К. Процессуальные аспекты обеспечения прокурором законности предварительного следствия : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук / М. К. Малиненко. – Краснодар, 2017. – 172 с. – Текст : непосредственный.

828. Малышева, О. А. Досудебное производство в российском уголовном процессе; проблемы реализации и правового регулирования : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... доктора юридических наук / О. А. Малышева. – Москва, 2013. – 508 с. – Текст : непосредственный.

829. Маткина, Д. В. Конвенциональная форма судебного разбирательства: история, современность и перспективы развития процесса : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / Д. В. Маткина. – Оренбург, 2009. – 210 с. – Текст : непосредственный.

830. Мельникова, Е. Ф. Особенности доказывания по уголовным делам, по которым принимаются меры безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства : диссертация ... кандидата юридических наук / Е. Ф. Мельникова. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2020. – 293 с. – Текст : непосредственный.

831. Миликова, А. В. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук / А. В. Миликова. – Волгоград : Волгоградский госуниверситет, 2019. – 215 с. – Текст : непосредственный.

832. Миллер, В. Ю. Оптимизация правовой организации стадии возбуждения уголовного дела: доктрина, практика, техника : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук / В. Ю. Миллер. – Нижний Новгород, 2020. – 338 с. – Текст : непосредственный.

833. Муравьев, К. В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... доктора юридических наук / К. В. Муравьев . – Омск : Омская академия МВД России, 2017. – 505 с. – Текст : непосредственный.

834. Муравьев, М. В. Использование в уголовно-процессуальном доказывании информации, полученной в ходе гласных оперативно-розыскных мероприятий : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... доктора юридических наук / М. В. Муравьев. – Нижний Новгород, 2022. – 289 с. – Текст : непосредственный.

835. Никаноров, С. А. Процессуальное положение прокурора в сокращенных процедурах уголовного судопроизводства: специальность 12.00.09

«Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук / С.А. Никаноров. – Москва, 2017. – 192 с. – Текст : непосредственный.

836. Никитин, Е. Л. Актуальные проблемы прокурорской деятельности при осуществлении уголовного преследования : специальность 12.00.11 «Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности, адвокатура» : диссертация ... кандидата юридических наук / Е. Л. Никитин. – Санкт-Петербург, 2000. – 198 с. – Текст : непосредственный.

837. Николаева, Т. А. Теоретические и правовые проблемы определения статуса лица, в отношении которого осуществляется досудебное уголовное преследование : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук / Т. А. Николаева. – Нижний Новгород, 2021. – 317 с. – Текст : непосредственный.

838. Огородов, А.Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук / А.Н. Огородов. – Москва, 2019. – 251 с. – Текст : непосредственный.

839. Парадеев, В. М. Формирование обвинения на предварительном следствии в советском уголовном процессе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / В. М. Парадеев. – Свердловск, 1978. – 184 с. – Текст : непосредственный.

840. Потапов, Д. В. Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук / Д. В. Потапов. – Москва: Академия управления МВД России, 2019. – 206 с. – Текст : непосредственный.

841. Раисов, А. А. Проблемы и перспективы развития органов прокуратуры Республики Казахстан в досудебной стадии уголовного процесса: диссертация магистра юридических наук. – Косшы: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики

Казахстан, 2020. - Текст : электронный // Репозиторий Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан : [сайт] . - URL : <https://academy-rep.kz/item.php?id=401>(дата обращения: 16.05.2022).

842. Руновский, А. В. Дифференциация уголовно–процессуальных форм досудебного производства по делам публичного обвинения : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / А. В. Руновский. – Москва, 2012. – 277 с. – Текст : непосредственный.

843. Ряполова, Я. П. Процессуальные действия, проводимые в стадии возбуждения уголовного дела: правовые, теоретические и организационные основы : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / Я. П. Ряполова. – Москва, 2012. – 260 с. – Текст : непосредственный.

844. Сергеев, М. С. Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук / М.С. Сергеев. – Екатеринбург, 2018. – 322 с. – Текст : непосредственный.

845. Сычев, Д. А. Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук / Д.А. Сычев. – Москва, 2016. – 318 с. – Текст : непосредственный.

846. Терехов, Е. В. Дискреционные полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства России и Австрии : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / Е. В. Терехов. – Москва: Акад. Генер. прокуратуры РФ, 2009. – 230 с. – Текст : непосредственный.

847. Трофимов, В. О. Полномочия прокурора и их реализация в состязательном уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / В. О. Трофимов. – Москва: Московская академия экономики и права, 2005. – 211 с. – Текст : непосредственный.

848. Тутикова, И. А. Внесудебный порядок рассмотрения жалоб участников уголовного судопроизводства (в порядке ст.124 УПК РФ) : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук /И. А. Тутикова. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2016. – 235 с. – Текст : непосредственный.

849. Тушев, А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации : система функций и полномочий : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... доктора юридических наук / А. А. Тушев. – Краснодар, 2006. – 384 с. – Текст : непосредственный.

850. Ураков, И. Д. Уголовное преследование по уголовным делам о мошенничестве в сфере экономической деятельности : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук / Д. И. Ураков. – Нижний Новгород, 2017. – 254 с. – Текст : непосредственный.

851. Усачев, А. А. Возбуждение уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / А. А. Усачев. – Иркутск, 2003. – 240 с. – Текст : непосредственный.

852. Харчикова, В. Ш. Формирование обвинения в уголовном процессе России : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / В. Ш. Харчикова. – Кемерово, 2004. – 207 с. – Текст : непосредственный.

853. Химичева, Г. П. Досудебное производство по уголовным делам (Концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности) : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / Г. П. Химичева. – Москва, 2003. – 399 с. – Текст : непосредственный.

854. Хорьяков, С. Н. Процессуальная самостоятельность следователя : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / С. Н. Хорьяков. – Москва : Московский университет МВД России, 2006. – 218 с. – Текст : непосредственный.

855. Ченцов, В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением штрафа: теория, законодательство, практика : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / В. В. Ченцов. – Москва, 2018. – 224 с. – Текст : непосредственный.

856. Чигрин, Д. А. Государственное обвинение в российском уголовном процессе: проблемы формирования и поддержания (сравнительно-правовое исследование) : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук / Д. А. Чигрин. – Самара, 2018. – 247 с. – Текст : непосредственный.

857. Чубыкин, А. В. Процессуальный статус прокурора в стадии возбуждения уголовного дела : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук / А. В. Чубыкин. – Москва, 2014. – 203 с. – Текст : непосредственный.

858. Шабунин, В. А. Руководитель следственного органа: нормативное регулирование и практика осуществления процессуальных функций и полномочий : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ...

кандидата юридических наук / В. А. Шабунин. - Саратов, 2013. – 222 с. – Текст : непосредственный.

859. Шагиева, З. Х. Функции обвинения в современной модели российского уголовного процесса : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / З. Х. Шагиева. – Ижевск, 2007. – 200 с. – Текст : непосредственный.

860. Шерстнев, В. Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук / В. Б. Шерстнев. – Нижний Новгород, 2021. – 313 с. – Текст : непосредственный.

861. Шхагапсоев, З. Л. Механизм правового регулирования охранительных отношений в уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... доктора юридических наук / З. Л. Шхагапсоев. – Санкт-Петербург, 2006. – 430 с. – Текст : непосредственный.

862. Ягофаров, Ф. М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация ... кандидата юридических наук / Ф. М. Ягофаров. – Оренбург, 2003. – 149 с. – Текст : непосредственный.

863. Ярыгина, Л. А. Доказывание при производстве дознания в сокращенной форме судопроизводства : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация ... кандидата юридических наук / Л. А. Ярыгина. – Самара, 2017. – 252 с. – Текст : непосредственный.

Авторефераты диссертаций

864. Аликперов, Х. Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации ... доктора юридических наук / Х.Д. Аликперов. – Москва, 1992. – 36 с. – Текст : непосредственный.

865. Бахта, А. С. Полнота предварительного и судебного следствия как средство обеспечения неотвратимости ответственности за совершенное преступление : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; теория оперативно-розыскная деятельность» : автореферат диссертации кандидата юридических наук /А. С. Бахта ; МВШ МВД РФ – Москва, 1992. – 28 с. – Текст : непосредственный.

866. Болташев, Е. Д. Функции прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / Е. Д. Болташев. – Москва, 2002. – 24 с. – Текст : непосредственный.

867. Васильев, О. Л. Становление и развитие отечественной концепции предварительного следствия : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; теория оперативно-розыскная деятельность» : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / О. Л. Васильев. – Москва, 1998. – 26 с. – Текст : непосредственный.

868. Горлов, В. М. Полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / В. М. Горлов. – Москва, 2008. – 24 с. – Текст : непосредственный.

869. Касаткина, С. А. Публичность и диспозитивность в Российском уголовном процессе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» :

автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / С. А. Касаткина. – Москва, 2002. – 24 с. – Текст : непосредственный.

870. Мазюк, Р. В. Уголовное преследование в российском уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / Р. В. Мазюк. – Иркутск, 2007. – 22 с. – Текст : непосредственный.

871. Никифорова, Ю. Л. Осуществление уголовного преследования в упрощенных формах: доктрина, законодательная техника и правоприменительная практика : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / Ю. Л. Никифорова. – Нижний Новгород, 2018. – 32 с. – Текст : непосредственный.

872. Пронников, А. В. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия экономической преступности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / А. В. Пронников. – Омск, 2007. – 26 с. – Текст : непосредственный.

873. Садикова, У. В. Процессуальные полномочия руководителя следственного органа: теория и практика реализации : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / У. В. Садикова. – Москва, 2020. – 33 с. – Текст : непосредственный.

874. Самсонов, В. В. Прокурорский надзор и ведомственный прокурорский контроль в досудебном производстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / В. В. Самсонов. – Ростов-на-Дону, 2011. – 26 с. – Текст : непосредственный.

875. Спиринов, А. В. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: вопросы теории, практики, законодательного регулирования : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» :

автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / А. В. Спирин. – Екатеринбург, 2014. – 23 с. – Текст : непосредственный.

876. Токарева, М. Е. Современные проблемы законности и прокурорски надзор в досудебных стадиях уголовного процесса : автореферат диссертации ... доктора юридических наук : 12.00.09, 12.00.11 / НИИ проблем укрепления законности и правопорядка. - Москва, 1997. - 82 с.

877. Харебава, Г. Д. Эффективность прокурорского надзора за органами предварительного следствия : специальность 12.00.11 «Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности» : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / Г. Д. Харебава. – Ростов-на-Дону, 2012. – 26 с.

878. Химичева, О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : автореферат диссертации ... доктора юридических наук / О. В. Химичева. – Москва, 2004. – 46 с.

Информационно-телекоммуникационные ресурсы сети Интернет

879. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998 (в авт. ред. 2014 г.). - Текст : электронный // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ : [сайт]. – URL:<http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=вред&all=x> (Дата обращения: 02.08.2022).

880. Сурков назвал «передозировку свободы» смертельной для государства : публикация от 18 июня 2021. - Текст : электронный // РБК : телеканал : [сайт]. - URL: https://www.rbc.ru/politics/18/06/2021/60сса_5039a7947_ес62bd964a (дата обращения: 19.06.2022).

881. Головкин, Л. В. Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в российском уголовном процессе Уголовная

юстиция: связь времен / Л. В. Головкин // Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 года / Сост. А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. – Москва: ЗАО «Аktion-Медиа», 2012. – 140 с. – С. 24-31. – URL: <https://www.iaaj.net/node/484> (дата обращения: 28.06.2022). – Текст : электронный.

882. Избыточная криминализация экономической деятельности в России: как это происходит и с чем это делать. – Текст : электронный // Центр стратегических разработок : [сайт].- URL: <https://www.csr.ru/news/izbytochnaya-kriminalizatsiya-ekonomicheskoy-deyatelnosti-v-rossii-kak-eto-proishodit-i-cto-s-etim-delat/> (дата обращения: 25.12.2020).

883. Интервью первого заместителя Генерального прокурора – Председателя Следственного комитета при прокуратуре РФ Александра Баstryкина газете «Жэньминь жибао» 31.12.2008 // Следственный комитет РФ. – [сайт]. – URL: <http://sledcom.ru/press/interview/item/507312> (дата обращения: 24.02.2018). – Текст : электронный.

884. Интервью Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации А.И. Баstryкина «Российской газете» // Российская газета. – 2010. – 7 сентября. – URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/507388/> (дата обращения: 28.06.2022). – Текст : электронный.

885. Козлова, Н. Следствие ведет Баstryкин. Глава Следственного комитета: 30 тысяч коррупционных преступлений выявлено за полгода / Н. Козлова. – Текст : электронный // Российская газета. – 2013. – № 189(6165). – Электр. Версия. – URL: <https://rg.ru/2013/08/26/bastrykin-site.html> (дата обращения: 22.07.2022).

886. Лебедев, поддержал идею рассматривать экономические дела судом присяжных : публикация от 27 октября 2020.- Текст : электронный // Право.ру : [сайт]. – URL : <https://pravo.ru/news/226996/>(Дата обращения : 12.01.2023)

887. Лебедев предложил расширить сферу применения института уголовного проступка института уголовного проступка : публикация от 11

февраля 2020 года. - Текст : электронный //Верховного Суд РФ : [сайт]. -URL : http://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/28755/ (Дата обращения : 12.03.2022).

888. Мелешко, А. Уголовный процесс Франции: краткий очерк. Часть 1 / А. Мелешко. - Текст : электронный // Адвокатская газета : [сайт]. – Электронная версия. - URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ugolovnyu-protsess-frantsii-kratkiy-ocherk-chast-1/> (Дата обращения : 28.06.2022).

889. Мизулина, Е. Б. Выступление на парламентских слушаниях на тему «15 лет со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: стратегия совершенствования уголовного правосудия» 20 декабря 2016 года / Е. Б. Мизулина. - Текст : электронный // Стенограмма парламентских слушаний : [сайт]. – URL: <http://council.gov.ru/media/files/1HEoJTBnnXWxACFrHJYQzoe1BG8W52jN.pdf> (Дата обращения: 15.07.2020).

890. Модернизация уголовной системы: что изменит трёхзвенная модель правосудия? 16.09.2020 год. Текст : электронный //Информбюро : [сайт]. - URL : Режим доступа: <https://informburo.kz/stati/modernizaciya-ugolovnoysistemy-cto-izmenit-tryohzvennaya-model-pravosudiya.ht> (16.05.2022).

891. Мунтян, М. А. Неоконсерватизм / М. Н. Мунтян. – Текст : электронный //Электронная библиотека Института философии РАН : [сайт]. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHde7f4сааббаб2а4асdcde> (дата обращения: 22.06.2022). – Текст : электронный.

892. Привлечение к административной ответственности за невыполнение законных требований прокурора: методические рекомендации / [А.В. Мелехин и др.; рук. авт. кол. А.В. Мелехин]; Ген. прокуратура Рос. Федерации; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – Текст : электронный // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ : [сайт]. - URL : <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-privlechenie-k-administrativnoi-otvetstvennosti-za/>(дата обращения: 22.07.2022).

893. Послание Главы государства народу Казахстана от 1 сентября 2021 года «Единство народа и системные реформы – прочная основа процветания

страны». - Текст : электронный // Закон-онлайн : [сайт]. - URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33082373. (дата обращения: 17.05.2022).

894. Послание Главы государства народу Казахстана от 1 сентября 2020 года «Казахстан в новой реальности: время действий». - Текст : электронный //Адилет : [сайт]. - URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000002020> . (дата обращения: 16.08.2022).

895. Путин, В. В. Послание Президента Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 / В. В. Путин. – Текст : электронный // Президент России :[сайт]. - URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 22.07.2022).

896. Путин, В. Выступление на пленарном заседании юбилейного, XXV Петербургского международного экономического форума 17 июня 2022 г./ В. В. Путин. – Текст : электронный // Президент России : [сайт]. - URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения: 22.07.2022). –

897. Расширенное заседание коллегии Министерства внутренних дел. 28 февраля 2018. — Текст : электронный // Президент России : [сайт]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56949> (дата обращения: 02.08.2021).

898. Реформа уголовного экономического законодательства. Февраль 2017 г. Приложение к Среднесрочной программе социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста» (Программа разработана в рамках поручения Президента Российской Федерации от 14 июля 2016 г. № Пр-1347). Приложение № 14 из 19. – Текст : электронный // Институт экономики роста : [сайт]. – URL: <http://институтроста.рф/upload/iblock/a4d/14.-reforma-ugolovnogo-ekonomicheskogo-zakonodatelstva.pdf> (дата обращения: 25.08.2022).

899. Розовский Б.Г., Зинченко И.А. К дискуссии о Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права.- Текст : электронный // Международная ассоциация содействия правосудию : [сайт]. -URL: <http://www.iaaj.net/node/2005>. (дата обращения: 25.08.2022).

900. Роль и место органов прокуратуры в системе государственных институтов Российской Федерации: материалы парламентских слушаний. – Изд.

Совета Федерации. — Текст : электронный //Комитет Совета Федерации по правовым и судебным вопросам : [сайт]. — URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f243916ba807020.pdf> (дата обращения: 28.06.2022).

901. Смирнов, А.В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель. - Текст : электронный // Международная ассоциация содействия правосудию : [сайт]. URL : http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html(дата обращения: 19.06.2023).

902. Хартия защиты бизнеса, составленная по итогам уголовного форума в г. Ростов-на-Дону 13 февраля 2017 г. –Текст : электронный //Деловые люди : [сайт]. — URL: <http://www.delovieludi.com/regiony/rostov-na-donu/item/643-khartiya-v-zashchitu-predprinimatelej.html> (дата обращения: 19.06.2023).

903. Юдин, Б. Г. Организация // Большая Советская Энциклопедия / Б. Г. Юдин. - 3-е издание – Москва, 1978. – Текст : электронный //БСЭ : [сайт]. — URL: <http://bse.sci-lib.com/article084795> (дата обращения: 28.06.2023).

Судебная и иная правоприменительная практика

Постановления и определения Конституционного Суда РФ

904. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2003 № 18-П по делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 51. – Ст. 5026.

905. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.11.1995 № 13-П по делу о проверке конституционности части пятой статьи 209 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Р.Н. Самигуллиной и А.А. Апанасенко // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

906. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.03.1999 № 5-П по делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» // СПС «КонсультантПлюс» 2021.

907. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2003 года № 7-П //Собрание законодательства РФ. - 2003. - №18. - Ст. 1748.

908. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации [от 19.11.2013 № 24-П] по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 47. – Ст. 6156.

909. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2000 № 11-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

910. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.03.2015 № 642-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Панковского Алексея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

911. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.07.2004 № 256-О об отказе в принятии к рассмотрению запроса Каневского районного суда Краснодарского края о проверке конституционности статьи 76 Уголовного кодекса Российской Федерации. – Текст : электронный //

Конституционный Суд РФ : [сайт]. – URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/extsearch.aspx> (дата обращения: 02.08.2021).

912. Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2013 года № 786-О // СПС КонсультантПлюс, 2023.

913. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2013 № 1226-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Земцова Василия Михайловича на нарушение его конституционных прав статьей 76.1, пунктом 2 примечаний к статье 198, пунктом 2 примечаний к статье 199 Уголовного кодекса Российской Федерации, частями первой и третьей статьи 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

914. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2013 № 1217-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кудрякова Антона Васильевича на нарушение его конституционных прав положением части 1 статьи 25.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

915. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2015 № 1798-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Развозжаева Леонида Михайловича на нарушение его конституционных прав главой 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

916. Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 года № 996-О-О // СПС КонсультантПлюс, 2022 .

917. Определение Конституционного Суда РФ от 20 октября 2011 года N 1449-О-О // СПС КонсультантПлюс, 2022.

918. Определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2014 года № 1458-О // СПС КонсультантПлюс, 2023.

919. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.09.2015 № 1984-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Золотарева Анатолия Вениаминовича на нарушение его конституционных прав

положениями статей 27, 28, 281, 29, 125, 213 и 214 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации

920. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации [от 22.12.2015 № 58, ред. от 18.12.2018] «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. – 2015. – 29 декабря. – Текст : непосредственный.

921. Постановление Верховного Суда РФ [от 07.10.2013 N 18-АД13-21] «О привлечении к ответственности, предусмотренной ст. 17.7 КоАП РФ за невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении» // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

922. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс» , 2021.

923. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации [от 03.10.2017 № 33] «О ходе выполнения судами Российской Федерации постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Российская газета. – 2017. – 13 октября.

924. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2010 № 17 (с изм. от 09.02.2012 № 3; 16.05.2017 № 17) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном

судопроизводстве. -Текст : электронный // Верховный Суд РФ : [сайт]. – URL: <http://www.vsrp.ru/documents/own/8269/> (дата обращения: 20.08.2021).

925. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» //Российская газета. - 2016. - 24 ноября. - № 266.

926. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 1, ред. от 29.11.2016 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2009. – № 27. –18 февраля.

Приложение №1

Результаты анкетирования сотрудников территориальных и транспортных прокуратур		
(можно давать несколько, взаимно не исключających друг друга ответов на один вопрос, но не более двух)		
Вопросы	Варианты ответов	Рез-ты анкетирования
1.Какой государственный орган является главным ответственным за состояние законности в стране?	<ul style="list-style-type: none"> – вопрос некорректный – государство в составе всех органов – прокуратура – суды – органы предварительного расследования – Следственный комитет России – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 7% 11% 75% 12% 3% 1% 2% 4%
2.Какой госорган должен считаться центральным в правовой организации противодействия преступности?	<ul style="list-style-type: none"> – вопрос некорректный – государство в составе всех органов – прокуратура – суды – органы предварительного расследования – Следственный комитет России – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 4% 8% 72% 3% 1% 4% 6%
3.Какой орган является ведущим субъектом уголовной политики?	<ul style="list-style-type: none"> – вопрос некорректный – государство в составе всех органов – прокуратура – суды – органы предварительного расследования – Следственный комитет России – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 5% 8% 68% 8% 4% 1% 6% 7%

4. Каково значение в правовой организации противодействия преступности уголовного процессуального и уголовно-правового компонента?	<ul style="list-style-type: none"> – оба компонента, т.е. и «материальный» и «процессуальный» имеют одинаковое значение – уголовно-процессуальный компонент имеет приоритетное значение – уголовно-правовой (материальный) компонент главнее – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 55% 20% 36% 0% 4%
5. В настоящее время какой аспект в уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве преобладает?	<ul style="list-style-type: none"> – надзор за исполнением законов органами предварительного – надзор за исполнением законов всеми участниками досудебных стадий – уголовное преследование – обеспечение прав и свобод человека – защита интересов предпринимателей – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 80% 46% 18% 63% 16% 7% 5%
6. Как Вы квалифицируете современную российскую уголовно-процессуальную модель досудебного производства?	<ul style="list-style-type: none"> – состязательная – следственная – смешанная – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 7% 23% 72% 3% 4%
7. Кем является прокурор в современном досудебном производстве?	<ul style="list-style-type: none"> – участником уголовного преследования – органом надзора за исполнением законов органами предварительного расследования – процессуальным руководителем органами предрасследования – фактическим главой досудебного производства – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 28% 98% 6% 7% 3% 2%

8.Какой из правоохранительных органов является «главным» в досудебном производстве, его «хозяином»?	<ul style="list-style-type: none"> – таковых нет – вопрос некорректный – прокурор – следователь – руководитель следственного органа – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 7% 3% 38% 6% 25% 8% 2%
9.Имеет ли место двоевластие, конкуренция между прокурором и каким-то субъектом досудебного производства со стороны обвинения?	<ul style="list-style-type: none"> – двоевластия и конкуренции нет – прокурор конкурирует с руководителем следственного – прокурор конкурирует со следователем – с органом дознания – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 88% 7% 5% 1% 3% 5%
10.В Вашей деятельности как сотрудника прокуратуры какой аспект деятельности преобладает?	<ul style="list-style-type: none"> – «общий надзор» за исполнением законов (в какой-либо сфере) – надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания – участие в судах – иное 	<ul style="list-style-type: none"> 69% 21% 7% 4%
11.«Общий надзор» как базовую модель деятельности российской прокуратуры надо и далее использовать в сфере уголовного судопроизводства?	<ul style="list-style-type: none"> – да – нет – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 79% 6% 8% 7%
12.Каким образом Вы можете охарактеризовать сложившийся к настоящему времени порядок досудебного производства и участие прокурора в нем в российском уголовном процессе в сравнении с другими государствами?	<ul style="list-style-type: none"> – уникальной – обычной (во всех странах такая же) – эффективный – неэффективный – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 14% 41% 52% 27% 8% 2%
13.Вы сами осуществляли или осуществляете надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания?	<ul style="list-style-type: none"> – да – нет 	<ul style="list-style-type: none"> 22% 78%

13.1.Если да, то за процессуальной деятельностью каких органов предварительного расследования Вы осуществляли и осуществляете надзор?	– органов дознания – органов предварительного следствия – и тех и других	34% 28% 52%
14.Существует ли различие в надзоре за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и органов дознания?	– да – нет – иное – нет ответа	82% 13% 4% 1%
14.1.Если различие существует, то является ли оно оправданным, с Вашей точки зрения?	– да – нет – иное – нет ответа	73% 21% 3% 2%
15.Есть ли разница в надзоре за процессуальной деятельностью следователей органов внутренних дел и следователей Следственного комитета?	– да – нет – иное – нет ответа	23% 71% 3% 3%
15.1.Если разница существует, то является ли оно оправданным, с Вашей точки зрения?	– да – нет – иное – нет ответа	42% 44% 4% 10%
16. Достаточно ли у прокурора процессуальных полномочий для осуществления надзора за процессуальной деятельностью:		
- органов предварительного следствия	– да – нет – иное – нет ответа	61% 36% 1% 2%
- органов дознания	– да – нет – иное – нет ответа	76% 19% 1% 4%
17.Вы поддерживали гособвинение по уголовным делам, по которым осуществляли надзор в ходе досудебного	– да – нет – иное – нет ответа	5% 90% 0% 5%

производства?		
17.1.Если да, то это происходило	<ul style="list-style-type: none"> – часто – редко – в виде исключения – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 0% 80% 15% 5% 0%
18.Согласны ли Вы с тем, что поддержание гособвинения более эффективно, если прокурор осуществлял надзор за досудебным производством?	<ul style="list-style-type: none"> – да – нет – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 42% 37% 13% 8%
19.Какие факторы мешают уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве?	<ul style="list-style-type: none"> – недостаток у прокурора процессуальных полномочий – следственные стандарты уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве – постоянные изменения законодательства – системные недостатки досудебного производства – формализм – внедрение цифровых технологий – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 26% 11% 13% 8% 7% 8% 6% 4%
20.Какие или какую из функций должен выполнять прокурор в досудебном производстве?	<ul style="list-style-type: none"> – осуществлять процессуальное руководство, управление досудебным производством – обеспечивать раскрытие преступления, изобличение обвиняемого – гарантировать всесторонность, полноту и объективность досудебного производства – координировать деятельность всех правоохранительных органов – направлять ход расследования – только надзирать за исполнением законов органами, 	<ul style="list-style-type: none"> 12% 33% 66% 42% 6%

	<p>осуществляющими предварительное расследование и оперативно-розыскную деятельность</p> <p>– надзирать за исполнением законов всеми участниками досудебного производства</p> <p>– сочетание указанных функций</p> <p>– иное</p>	<p>41%</p> <p>39%</p> <p>8%</p> <p>1%</p>
21. Чем является для прокурора надзор за исполнением законов участниками досудебных стадий?	<p>– вопрос некорректный</p> <p>– самостоятельным и основным направлением уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве</p> <p>– способом (формой) участия в доказывании</p> <p>– способом (формой) участия в уголовном преследовании</p> <p>– иное</p> <p>– нет ответа</p>	<p>6%</p> <p>28%</p> <p>35%</p> <p>38%</p> <p>5%</p> <p>7%</p>
22. Является ли объективная истина целью доказывания в досудебном производстве?	<p>– да</p> <p>– нет</p> <p>– нет ответа</p>	<p>82%</p> <p>12%</p> <p>6%</p>
23. Обязан ли прокурор обеспечивать установление объективной истины в досудебном производстве?	<p>– да</p> <p>– нет</p> <p>– нет ответа</p>	<p>80%</p> <p>12%</p> <p>8%</p>
24. Является ли в настоящее время прокурор субъектом доказывания в досудебном производстве?	<p>– да, в полной мере</p> <p>– нет</p> <p>– частично является</p> <p>– иное</p> <p>– нет ответа</p>	<p>21%</p> <p>32%</p> <p>37%</p> <p>6%</p> <p>4%</p>
25. В чем заключается участие прокурора в доказывании на досудебных стадиях?	<p>– участвует во всех элементах доказывания</p> <p>– только оценивает полученные доказательства</p> <p>– проверяет доказательства</p> <p>– собирает и фиксирует доказательства</p> <p>– иное (поясните)</p> <p>– нет ответа</p>	<p>2%</p> <p>47%</p> <p>54%</p> <p>1%</p> <p>3%</p> <p>2%</p>

<p>26.Если Вы участвовали в доказывании на досудебных стадиях в качестве надзирающего прокурора, то в чем это выразалось?</p>	<ul style="list-style-type: none"> – участвовали в проведении следственных действий – давали указания на проведение следственных действий – требовали проведения следственных и иных процессуальных действий – координировали действия органов предварительного расследования, органов ОРД – участвовали в совместном планирование расследования – участвовали в доказывании при осуществлении судебного контроля – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 2% 9% 14% 31% 32% 48% 6% 2%
<p>27.Разделяет ли вы концепцию о процессуальной самостоятельности следователя?</p>	<ul style="list-style-type: none"> – да, полностью: следователь должен быть процессуально самостоятельным – да, частично: следователь процессуально самостоятелен, но поднадзорен прокурору – следователь процессуально и неформально зависим от прокурора и не может быть процессуально самостоятельным – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 17% 53% 23% 4% 3%
<p>28.Является ли в настоящее время следователь действительно процессуально самостоятельным</p>	<ul style="list-style-type: none"> – да – нет – частично – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 15% 28% 51% 6%
<p>28.1. Если нет, то от кого зависим следователь в досудебном производстве</p>	<ul style="list-style-type: none"> – прокурора – руководителя следственного органа – руководства органа внутренних дел – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 76% 92% 72% 4% 4%
<p>29.Надо ли менять существующий порядок</p>	<ul style="list-style-type: none"> – да – нет 	<ul style="list-style-type: none"> 21% 74%

разрешения споров между прокурором и органом предварительного расследования?	– нет ответа	5%
29.1.Если надо, то какой орган должен разрешать споры между прокуратурой и органом предварительного расследования:	– непосредственно вышестоящий прокурор – суд – вышестоящий руководитель следственного органа – иное – нет ответа	93% 4% 0% 3% 4%
30.Оказали ли цифровые технологии влияние на осуществление прокурором надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования?	– да сильное влияние – да, но несущественно – нет, не оказали – другое – нет ответа	8% 43% 32% 3% 4%
30.1.Если это влияние имеет место, то как Вы его оцениваете?	–положительно –негативно – другое – нет ответа	82% 21% 4% 3%
31.Надо ли менять модель уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве?	– нет – да – иное – нет ответа	56% 41% 1% 2%
31.1.Если надо менять, то каким образом?	– процессуальную роль прокурора в досудебном производстве по уголовным делам надо повысить – процессуальную роль прокурора в досудебном производстве по уголовным делам надо понизить – нет ответа	85% 0% 15%
31.2.Если Вы являетесь сторонником повышения роли прокурора в досудебном производстве, то какие процессуальные права надо дополнительно предоставить прокурору в стадии возбуждения уголовного дела:	– вынесение любого итогового постановления в стадии – возбудить уголовное дело и передать его для расследования органу дознания, предварительного следствия – принять уголовное дело к производству и проводить	88% 95% 76%

	<p>расследование в любой форме</p> <ul style="list-style-type: none"> – самому проводить в доследственную проверку повода или участвовать в ней – передать материалы доследственной проверки по подследственности и подсудности - продлевать строки доследственной проверки свыше 10 суток – непосредственно проводить следственные, иные действия, предусмотренные законодательством в стадии возбуждения уголовного дела – другое – нет ответа 	<p>53%</p> <p>92%</p> <p>33%</p> <p>60%</p> <p>5%</p> <p>3%</p>
<p>32.Какими дополнительными процессуальными полномочиями должен быть наделен прокурор в стадии предварительного расследования?</p>	<ul style="list-style-type: none"> – изымать дело у следователя, дознателя и самому проводить предварительное расследование – проводить и участвовать в проведении следственных действий без принятия дела к своему производству – давать согласие на любое обращение в суд с ходатайством органа предварительного расследования – давать обязательные для исполнения указания следователю, дознавателю относительно хода, направления расследования – отменять любые постановления следователя, дознателя – осуществлять предварительный надзор за актами обвинения (постановление о привлечении в качестве обвиняемого) – участвовать в предъявлении 	<p>24%</p> <p>38%</p> <p>42%</p> <p>84%</p> <p>90%</p> <p>24%</p> <p>28%</p> <p>43%</p>

	обвинения – санкционировать прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию – продлевать сроки предварительного следствия или дознания – иное	32% 2%
33.Согласны ли вы с предложением о наделении прокурора следующими разрешительными полномочиями:		
-на установление факта признания лицом совершения преступления, согласия с обвинением, направления дела в суд для разрешения в особом порядке:	– да – нет – иное – нет ответа	34% 46%
-Передача полномочия на участие в суде представителем стороны публичного обвинения, в том числе, поддержать государственное обвинение, представителя органа предварительного расследования:	– да – нет – иное – нет ответа	
34.Является ли существующий тип уголовного процесса оптимальным для современного этапа социально-экономического, государственно-правового и духовно-культурного развития страны?	– да – нет – иное – затрудняюсь ответить	85% 5% 6% 4%
35. Ваше отношение к стадии возбуждения уголовного дела:	– имеет важное значение и должна быть сохранена в современном виде – требуется вернуть ей изначальную форму	86% 43%

	<ul style="list-style-type: none"> – ликвидировать эту стадию – оптимизировать с учетом изменения условий (цифровизации и пр.) – иное – нет ответа 	<p>8%</p> <p>7%</p> <p>2%</p> <p>6%</p>
36. Ваше отношение к стадии предварительного расследования	<ul style="list-style-type: none"> – сохранить в существующем виде – реформировать, но сохранить эту стадию – ликвидировать данную стадию – преобразовать ее по-западному (германскому) образцу – иное – нет ответа 	<p>65%</p> <p>13%</p> <p>1%</p> <p>4%</p> <p>2%</p> <p>7%</p>
35. Стаж работы в должности прокурора	<ul style="list-style-type: none"> – до 3 лет – до 7 лет – до 10 лет – свыше 10 лет 	<p>32%</p> <p>41%</p> <p>18%</p> <p>9%</p>

Приложение № 2

Результаты анкетирования следователей и руководителей следственных органов МВД и Следственного комитета России (можно давать несколько, взаимно не исключающих друг друга ответов на один вопрос, но не более двух)		
Вопросы	Варианты ответов	Результаты анкетирования
1. Какой государственный орган является главным ответственным за состояние законности в стране?	<ul style="list-style-type: none"> – вопрос некорректный – государство в составе всех органов – прокуратура – суды – органы предварительного расследования – Следственный комитет России – МВД РФ – ФСБ РФ – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 11% 25% 14% 13% 34% 5% 19% 9% 4% 7%
2. Какой орган должен считаться центральным в правовой организации противодействия преступности?	<ul style="list-style-type: none"> – вопрос некорректный – государство в полном составе всех правоохранительных органов – прокуратура – суды – органы предварительного расследования – Следственный комитет России – ФСБ – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 6% 28% 17% 11% 31% 4% 10%⁵ % 3%
3. Какой орган является ведущим субъектом уголовной политики?	<ul style="list-style-type: none"> – вопрос некорректный – государство в составе всех органов – прокуратура – суды – органы предварительного расследования – Следственный комитет России 	<ul style="list-style-type: none"> 5% 25% 7% 12% 32% 4%

	<ul style="list-style-type: none"> – ФСБ – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 7% 3% 5%
4. Каково значение в правовой организации противодействия преступности уголовного процессуального и уголовно-правового компонента?	<ul style="list-style-type: none"> – оба компонента, т.е. и «материальный» и «процессуальный», имеют одинаковое значение – уголовно-процессуальный компонент имеет приоритетное значение – уголовно-правовой (материальный) компонент главнее – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 65% 11% 12% 4% 7%
5. Как Вы квалифицируете современную российскую уголовно-процессуальную модель досудебного производства?	<ul style="list-style-type: none"> – состязательная – следственная – смешанная – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 7% 41% 39% 5% 8%
6. Кем является прокурор в современном досудебном производстве?	<ul style="list-style-type: none"> – участником уголовного преследования – органом надзора за исполнением законов органами предварительного расследования – официальным, процессуальным руководителем досудебного производства – процессуальным руководителем предварительного следствия – неофициальным, фактическим главой досудебного производства – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 19% 86% 8% 3% 29% 4% 3%
7. Какой из правоохранительных органов является «главным» в досудебном производстве, его «хозяином»?	<ul style="list-style-type: none"> – таковых нет – вопрос некорректный – прокурор – следователь – руководитель следственного органа 	<ul style="list-style-type: none"> 28% 4% 8% 6% 51%

	<ul style="list-style-type: none"> – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 4% 5%
8. Имеет ли место двоевластие, конкуренция между прокурором и каким-то субъектом предварительного расследования?	<ul style="list-style-type: none"> – двоевластия и конкуренции нет – прокурор конкурирует с руководителем следственного – прокурор конкурирует со следователем – с органом дознания – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 42% 21% 7% 4% 5% 11%
9. Какие или какую из функций должен выполнять прокурор в досудебном производстве?	<ul style="list-style-type: none"> – осуществлять процессуальное руководство, управление досудебным производством – обеспечивать раскрытие преступления, изобличение обвиняемого – гарантировать всесторонность, полноту и объективность досудебного производства – координировать деятельность всех правоохранительных органов – направлять ход расследования – только надзирать за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное расследование и оперативно-розыскную деятельность – надзирать за исполнением законов всеми участниками досудебного производства – сочетание указанных функции функций – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 7% 8% 8% 10% 3% 78% 63% 16% 2% 5%
10. Является ли объективной истина целью доказывания в досудебном производстве	<ul style="list-style-type: none"> – да – нет – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 85% 6% 9%
11. Обязан ли прокурор	<ul style="list-style-type: none"> – да 	<ul style="list-style-type: none"> 95%

обеспечивать установление объективной истины в досудебном производстве	– нет – нет ответа	4% 1%
12. Является ли в настоящее время прокурор субъектом доказывания в предварительном следствии?	– да – нет – частично – нет ответа	21% 50% 35% 6%
13. В чем заключается участие прокурора в доказывании на досудебных стадиях?	– участвует во всех элементах доказывания – только оценивает полученные следователем доказательства – проверяет доказательства, собранные следователем – сам собирает и фиксирует доказательства – иное (поясните) – нет ответа	4% 86% 78% 2% 4% 5%
14. Разделяет ли вы концепцию о процессуальной самостоятельности следователя?	– да, полностью: следователь должен быть процессуально самостоятельным – да, частично – следователь процессуально самостоятелен, но поднадзорен прокурору – следователь процессуально зависим от прокурора и не может быть процессуально самостоятельным – иное – нет ответа	62% 21% 11% 3% 3%
15. Является ли в настоящее время следователь действительно процессуально самостоятельным	– да – нет – частично – нет ответа	7% 57% 23% 3%
15.1. Если нет, то от кого зависим следователь в досудебном производстве	– прокурора – руководителя следственного органа – руководства органа внутренних дел – иное – нет ответа	42% 96% 37% 2% 4%
15.2. Если следователь зависит от прокурора, то в чем проявляется эта зависимость	– прокурор утверждает обвинительное заключение – прокурор подписывает статкарточки	98% 96%

	<ul style="list-style-type: none"> – прокурор обладает правами по отмене постановлений – прокурор вправе истребовать уголовное дело; требовать устранения нарушений закона – прокурор пользуется неформальными средствами давления на следователя – иное – нет ответа 	<p>62%</p> <p>32%</p> <p>41%</p> <p>2%</p> <p>4%</p>
16.Надо ли менять существующий порядок разрешения споров между прокурором и органом предварительного следствия?	<ul style="list-style-type: none"> – да – нет – частично – нет ответа 	<p>5%</p> <p>86%</p> <p>7%</p> <p>2%</p>
16.1.Если надо, то какой орган должен разрешать споры между прокуратурой и органом предварительного расследования:	<ul style="list-style-type: none"> – вышестоящий прокурор – суд – вышестоящий руководитель следственного органа – иное – нет ответа 	<p>66%</p> <p>75%</p> <p>5%</p> <p>1%</p> <p>5%</p>
17.Оказали ли цифровые технологии влияние на осуществление прокурором надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования?	<ul style="list-style-type: none"> – да сильное влияние – да, но несущественно – нет, не оказали – другое – нет ответа 	<p>12%</p> <p>45%</p> <p>37%</p> <p>2%</p> <p>4%</p>
17.1. Если это влияние имеет место, то как Вы его оцениваете?	<ul style="list-style-type: none"> – положительно – негативно – другое – нет ответа 	<p>44%</p> <p>50%</p> <p>2%</p> <p>4%</p>
18.Надо ли менять модель уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве?	<ul style="list-style-type: none"> – нет – да – иное – затрудняюсь сказать 	<p>76%</p> <p>4%</p> <p>2%</p> <p>18%</p>
18.1.Если надо менять, то каким образом?	<ul style="list-style-type: none"> – процессуальную роль прокурора в досудебном производстве по уголовным делам надо повысить – процессуальную роль прокурора в досудебном производстве по уголовным делам надо понизить – иное – затрудняюсь сказать 	<p>40%</p> <p>30%</p> <p>10%</p> <p>20%</p>

<p>19.Если Вы являетесь сторонником повышения роли прокурора в досудебном производстве, то какие процессуальные права надо дополнительно предоставить прокурору в стадии возбуждения уголовного дела:</p>	<ul style="list-style-type: none"> – вынесение любого итогового постановления в стадии – возбудить уголовное дело и передать его для расследования органу дознания, предварительного следствия – принять уголовное дело к производству и проводить расследование в любой форме – самому проводить доследственную проверку повода или участвовать в ней – передавать материалы доследственной проверки по подследственности и подсудности - продлевать строки доследственной проверки свыше 10 суток – непосредственно проводить следственные, иные действия, предусмотренные законодательством в стадии возбуждения уголовного дела – другое – нет ответа 	<p>60%</p> <p>50%</p> <p>90%</p> <p>90%</p> <p>30%</p> <p>60%</p> <p>80%</p> <p>0%</p> <p>5%</p>
<p>20.Надо ли наделить следующими процессуальными полномочиями прокурора в стадии предварительного расследования?</p>	<ul style="list-style-type: none"> – изымать дело у следователя, дознавателя и самому проводить предварительное расследование – проводить и участвовать в проведении следственных действий без принятия дела к своему производству – давать согласие на любое обращение в суд с ходатайством органа предварительного расследования – давать обязательные для исполнения указания следователю, дознавателю относительно хода, направления расследования – отменять любые 	<p>80%</p> <p>75%</p> <p>60%</p> <p>45%</p> <p>30%</p>

	<p>постановления следователя, дознавателя</p> <p>– санкционировать прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию</p> <p>– продлевать сроки предварительного следствия или дознания</p> <p>– иное</p>	<p>30%</p> <p>50%</p> <p>0%</p>
21.Согласны ли вы с предложением о наделении прокурора следующими разрешительными полномочиями:		
-Установление факта признания лицом совершения преступления, согласия с обвинением, направления дела в суд для разрешения в особом порядке	<p>– да</p> <p>– нет</p> <p>– иное</p> <p>– нет ответа</p>	<p>11%</p> <p>72%</p> <p>0%</p> <p>8%</p>
-Передавать полномочия на участие в суде представителем стороны публичного обвинения, в том числе, поддержать государственное обвинение, представителя органа предварительного расследования	<p>– да</p> <p>– нет</p> <p>– иное</p> <p>– нет ответа</p>	<p>6%</p> <p>85%</p> <p>2%</p> <p>7%</p>
22.Является ли современное российское досудебное производство оптимальным для организации уголовно-правового противодействия преступности и защиты от криминальных угроз?	<p>– да</p> <p>– нет</p> <p>– иное</p> <p>– нет ответа</p>	<p>84%</p> <p>7%</p> <p>0%</p> <p>9%</p>
23. Ваше отношение к стадии возбуждения уголовного дела:	<p>– имеет важное значение и должна быть сохранена в современном виде</p> <p>– требуется вернуть ей изначальный вид</p> <p>– ликвидировать эту стадию</p> <p>– оптимизировать с учетом изменения условий (цифровизации и пр.)</p> <p>– иное</p> <p>– нет ответа</p>	<p>82%</p> <p>4%</p> <p>3%</p> <p>3%</p> <p>2%</p> <p>6%</p>

24. Ваше отношение к стадии предварительного расследования	<ul style="list-style-type: none"> – сохранить в существующем виде 81% – реформировать, но сохранить эту стадию 7% – ликвидировать данную стадию 4% – преобразовать ее по западному образцу 2% – иное 2% – нет ответа 4% 	
23. Ваш стаж работы в должностях следователя, руководителя следственного органа	<ul style="list-style-type: none"> – до 3 лет 38% – до 7 лет 31% – до 10 лет 24% – свыше 10 лет 7% 	

Приложение № 3

Результаты анкетирования сотрудников подразделений дознания органов внутренних дел (можно давать несколько, взаимно не исключающих друг друга ответов на один вопрос, но не более двух)		
Вопросы	Варианты ответов	Рез-ты анкети рованы я
1.Какой государственный орган является главным ответственным за состояние законности в стране?	<ul style="list-style-type: none"> – вопрос некорректный – государство в составе всех органов – прокуратура – суды – органы предварительного расследования – Следственный комитет России – МВД России – ФСБ России – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 8% 13% 17% 10% 41% 6% 48% 3% 2% 7%
2.Какой госорган должен считаться центральным в правовой организации противодействия преступности?	<ul style="list-style-type: none"> – вопрос некорректный – государство в составе всех органов – прокуратура – суды – органы предварительного расследования – Следственный комитет России – МВД России – ФСБ России – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 5% 12% 16% 8% 39% 7% 46% 11% 2% 6%
3.Какой госорган является ведущим субъектом уголовной политики?	<ul style="list-style-type: none"> – вопрос некорректный – государство в составе всех органов – прокуратура – суды – органы предварительного расследования 	<ul style="list-style-type: none"> 4% 12% 8% 7% 32%

	<ul style="list-style-type: none"> – Следственный комитет России – МВД России – ФСБ России – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 6% 8% 4% 1% 7%
4. Каково значение в правовой организации противодействия преступности уголовного процессуального и уголовно-правового компонента?	<ul style="list-style-type: none"> – оба компонента, т.е. и «материальный» и «процессуальный» имеют одинаковое значение – уголовно-процессуальный компонент имеет приоритетное значение – уголовно-правовой (материальный) компонент главнее – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 69% 11% 10% 3% 6%
5. Как Вы квалифицируете современную российскую уголовно-процессуальную модель досудебного производства?	<ul style="list-style-type: none"> – состязательная – следственная – смешанная – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 9% 53% 32% 2% 2%
6. Кем является прокурор в современном дознании?	<ul style="list-style-type: none"> – участником уголовного преследования – органом надзора за исполнением законов органами дознания – официальным процессуальным руководителем досудебного производства – фактическим хозяином дознания – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 12% 100% 8% 18% 2% 5%
7. Какой из правоохранительных органов является «главным» при производстве дознания?	<ul style="list-style-type: none"> – таковых нет – вопрос некорректный – прокурор – начальник органа дознания – начальник подразделения дознания – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 17% 6% 29% 56% 13% 2% 2%

8.Имеет ли место двоевластие, конкуренция между прокурором и каким-то субъектом досудебного производства?	<ul style="list-style-type: none"> – двоевластия и конкуренции нет – прокурор конкурирует с начальником органа дознания – прокурор конкурирует дознавателем – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 84% 4% 2% 6% 4%
9.Существует ли различие в прокурорском надзоре за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и органов дознания?	<ul style="list-style-type: none"> – да – нет – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 78% 16% 0% 6%
9.1.Если различие существует, то является ли оно оправданным, с Вашей точки зрения?	<ul style="list-style-type: none"> – да – нет – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 75% 14% 1% 10%
10.Есть ли различия при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью дознавателей оvd и других органов?	<ul style="list-style-type: none"> – да – нет – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 16% 28% 3% 53%
10.1.Если различие существует, то является ли оно оправданным, с Вашей точки зрения?	<ul style="list-style-type: none"> – да – нет – иное – нет ответа 	<ul style="list-style-type: none"> 40% 20% 5% 35%
11.Какие или какую из функций должен выполнять прокурор в досудебном производстве по уголовному делу в форме дознания?	<ul style="list-style-type: none"> – осуществлять процессуальное руководство, управление досудебным производством – обеспечивать раскрытие преступления, изобличение обвиняемого – гарантировать всесторонность, полноту и объективность досудебного производства – координировать деятельность всех правоохранительных органов – направлять ход расследования 	<ul style="list-style-type: none"> 16% 13% 59% 72% 6%

	<ul style="list-style-type: none"> – только надзирать за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное расследование и оперативно-розыскную деятельность – надзирать за исполнением законов всеми участниками досудебного производства – сочетание указанных функции – иное – нет ответа 	<p>42%</p> <p>23%</p> <p>4%</p> <p>2%</p> <p>5%</p>
12. Является ли объективная истина целью доказывания в досудебном производстве?	<ul style="list-style-type: none"> – да – нет – частично – нет ответа 	<p>83%</p> <p>6%</p> <p>4%</p> <p>7%</p>
13. Обязан ли прокурор обеспечивать установление объективной истины в дознании?	<ul style="list-style-type: none"> – да – нет – нет ответа 	<p>92%</p> <p>5%</p> <p>3%</p>
14. Является ли в настоящее время прокурор субъектом доказывания при ведении дознания?	<ul style="list-style-type: none"> – да – нет – нет ответа 	<p>13%</p> <p>81%</p> <p>6%</p>
15. В чем заключается участие прокурора в доказывании на досудебных стадиях?	<ul style="list-style-type: none"> – участвует во всех элементах доказывания – только оценивает полученные доказательства – проверяет доказательства – собирает и фиксирует доказательства – иное – нет ответа 	<p>2%</p> <p>90%</p> <p>89%</p> <p>1%</p> <p>3%</p> <p>4%</p>
16. Разделяет ли вы концепцию о процессуальной самостоятельности следователя (дознателя)?	<ul style="list-style-type: none"> – да, полностью: следователь (дознатель) должен быть процессуально самостоятельным – да, частично – следователь (дознатель) процессуально самостоятелен, но поднадзорен прокурору – дознаватель, как и следователь не должен быть процессуально 	<p>55%</p> <p>19%</p> <p>16%</p>

	самостоятельным, а должен подчиняться прокурору – иное – нет ответа	4% 6%
17. Является ли в настоящее время дознаватель действительно процессуально самостоятельным?	– да – нет – частично – нет ответа	3% 84% 7% 6%
18. Если нет, то от кого зависим дознаватель в досудебном производстве?	– прокурора – начальника органа дознания, подразделения дознания – иное – нет ответа	97% 96% 0% 3%
19. Оказали ли цифровые технологии влияние на осуществление прокурором надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования?	– да сильное влияние – да, но несущественно – нет, не оказали – другое – нет ответа	7% 18% 81% 3% 2%
19.1. Если это влияние имеет место, то как Вы его оцениваете?	– положительно – негативно – иное – нет ответа	28% 72% 4% 6%
20. Надо ли менять модель уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве?	– нет – да – иное – нет ответа	86% 6% 4% 4%
20.1. Если надо менять, то каким образом?	– процессуальную роль прокурора в досудебном производстве по уголовным делам надо повысить – процессуальную роль прокурора в досудебном производстве по уголовным делам надо понизить – иное – нет ответа	50% 35% 5% 10%
20.2. Если Вы являетесь сторонником повышения роли прокурора в досудебном производстве, то какие процессуальные права надо дополнительно предоставить прокурору в стадии возбуждения	– вынесение любого итогового постановления в стадии – возбудить уголовное дело и передать его для расследования органу	20% 15%

уголовного дела:	<p>дознания, предварительного следствия</p> <ul style="list-style-type: none"> – принять уголовное дело к производству и проводить расследование в любой форме – самому проводить в доследственную проверку повода или участвовать в ней – передать материалы доследственной проверки по подследственности и подсудности - продлевать строки доследственной проверки свыше 10 суток – непосредственно проводить следственные, иные действия, предусмотренные законодательством в стадии возбуждения уголовного дела – другое – нет ответа 	<p>60%</p> <p>65%</p> <p>10%</p> <p>30%</p> <p>50%</p> <p>0%</p> <p>0%</p>
20.3.Какими дополнительными процессуальными полномочиями может быть наделен прокурор в стадии предварительного расследования?	<ul style="list-style-type: none"> – изымать дело у следователя, дознавателя и самому проводить предварительное расследование – проводить и участвовать в проведении следственных действий без принятия дела к своему производству – давать согласие на любое обращение в суд с ходатайством органа предварительного расследования – давать обязательные для исполнения указания следователю, дознавателю относительно хода, направления расследования – отменять любые 	<p>37%</p> <p>17%</p> <p>23%</p> <p>16%</p> <p>22%</p>

	<p>постановления следователя, дознавателя</p> <p>– осуществлять предварительный надзор за актами обвинения (постановление о привлечении в качестве обвиняемого)</p> <p>– участвовать в предъявлении обвинения</p> <p>– санкционировать прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию</p> <p>– продлевать сроки предварительного следствия или дознания</p> <p>– иное</p>	<p>12%</p> <p>5%</p> <p>6%</p> <p>17%</p> <p>0%</p>
21.Согласны ли вы с предложением о наделении прокурора следующими разрешительными полномочиями:		
– установление факта признания лицом совершения преступления, согласия с обвинением, направления дела в суд для разрешения в особом порядке	<p>– да</p> <p>– нет</p> <p>– иное</p> <p>– нет ответа</p>	<p>5%</p> <p>84%</p> <p>2%</p> <p>9%</p>
– передача полномочия на участие в суде представителем стороны публичного обвинения, в том числе, поддержать государственное обвинение, представителя органа предварительного расследования	<p>– да</p> <p>– нет</p> <p>– иное</p> <p>– нет ответа</p>	<p>7%</p> <p>85%</p> <p>0%</p> <p>8%</p>
22.Является ли современное дознание и досудебное производство оптимальными для современного этапа развития России и защиты ее от криминальной угрозы?	<p>– да</p> <p>– нет</p> <p>– иное</p> <p>– нет ответа</p>	<p>92%</p> <p>6%</p> <p>2%</p> <p>0%</p>
23. Ваше отношение к стадии возбуждения уголовного дела:	– имеет важное значение и должна быть сохранена в современном виде	90%

	<ul style="list-style-type: none"> – требуется вернуть ей изначальный вид 2% – ликвидировать эту стадию 2% – оптимизировать с учетом изменения условий (цифровизации и пр.) 1% – иное 0% – нет ответа 5% 	
24. Ваше отношение к стадии предварительного расследования	<ul style="list-style-type: none"> – сохранить в существующем виде 89% – реформировать, сохранив эту стадию 3% – ликвидировать данную стадию 3% – иное 2% – нет ответа 3% 	
25. Стаж работы в должности сотрудника подразделения дознания	<ul style="list-style-type: none"> – до 3 лет 41% – до 7 лет 32% – до 10 лет 22% – свыше 10 лет 5% 	

Приложение № 4.

Справка о результатах изучения уголовных дел и отказных материалов по вопросам участия прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса

Изучено 683 отказных материала и 436 уголовных дел, производство предварительного расследования по которым осуществлялось дознавателями и следователями различных ведомств в Брянской, Владимирской, Воронежской, Ивановской, Калужской, Нижегородской, Московской, Орловской, Самарской, Саратовской, Рязанской, Тульской и Ульяновской областях, Республики Мордовия, а также в гг. Москва и Санкт-Петербург.

1. Результаты изучения деятельности прокурора по 683 отказным материалам.

1.1. В возбуждении уголовного дела было отказано после отмены прокурором постановления о возбуждении уголовного дела: 1,2% отказных материалов

1.2. Постановление о возбуждении уголовного дела было первоначально вынесено

- дознавателем – 25%
- следователем овд – 65%
- следователем СКР – 10%

1.3. Тяжесть преступления, ставшее предметом спорного решения о ВУД

- небольшой тяжести – 60%
- средней тяжести – 30%
- тяжкое преступление – 5%
- особо тяжкое – 5%

1.4. Отмененное прокурором постановление о ВУД было вынесено в отношении

- субъекта предпринимательской деятельности – 40%
- спецсубъекта – 5%
- несовершеннолетнего – 10 %
- иных лиц – 20%
- по факту – 25%

1.5. Характер общественной опасности преступления, ставшего основанием возбуждения уголовного дела:

- экономической направленности – 40%
- коррупционной направленности – 5%
- против собственности – 15%
- незаконный оборот наркотиков – 15%
- против личности – 20%

- другое – 5%

1.6. Решение было принято прокурором

- по своей инициативе – 65%

- по результатам проверки поступившей жалобы – 35%

1.7. Постановление о возбуждении уголовного дела отменялось прокурором

- однократно – 75%

- два раза – 15%

- до 5 раз – 5%

- более 5 раз – 5%

1.8. Имело место пресечение прокурором необоснованного проведения проверки и привлечения к уголовному преследованию при отсутствии на то оснований в отношении:

- субъекта экономической деятельности – 40%

- спецсубъекта – 5%

- должностного лица госоргана – 5%

- несовершеннолетнего – 15%

- иного лица – 25%

1.9. Срок доследственной проверки составил:

- 3 суток – 5%

- 10 суток – 65%

- 30 суток – 20%

- свыше 30 суток – 10%

1.10. Причины отмены прокурором постановления, приведенные им:

- неполнота либо формальное проведение проверочных мероприятий – 10%

- игнорирование указаний прокурора – 15%

- отсутствие надлежащей мотивировки постановления – 20%

- вынесение постановления о возбуждении уголовного дела по факту совершенного деяния при наличии данных о причастности конкретных лиц – 15%

- отмена произошла в конце отчетного периода – 20%

1.10.1. При этом имело место пресечение прокурором:

- незаконного продления сроков процессуальных проверок – 30%

- нарушение разумного срока – 25%

- нарушения регистрационной дисциплины – 15%

- иное – 5%

1.11. Постановление прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела обжаловалось органом предварительного расследования вышестоящему прокурору в 2% случаев.

1.12. Окончательное решение в стадии стало результатом иной оценки правовой ситуации прокурором, чем органа предварительного расследования, в 85% случаев

1.13. В постановлении прокурора об отмене постановления о ВУД содержались указания или требования, адресованные органу предварительного расследования в 90%

1.14. Прокурор при отмене постановления о возбуждении уголовного дела сформулировал требования

- устранить допущенные нарушения закона – 35%
- восстановить нарушенные права участника – 75%
- проведение проверочных, процессуальных, следственных действий – 25%
- другое – 25%

1.15. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в дальнейшем обжаловалось участниками в судебном порядке в 5% дел.

2. Изучение 436 уголовных дел позволило выявить следующие моменты деятельности прокурора в стадии возбуждения уголовного дела

2.1.1. Уголовное дело было возбуждено по постановлению прокурору (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ) в 3% изученных уголовных дел

2.1.2. Обжаловалось ли данное постановление органом предварительного следствия вышестоящему прокурору

- да – 1%
- нет – 99%

2.1.3. Уголовное дело было возбуждено дознавателем по постановлению прокурора, в котором указывалось на факт выявленного нарушения уголовного законодательства (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ)

- да – 4%
- нет – 96%

2.1.4. Срок, в течение которого уголовное дело было возбуждено:

- до 3 суток – 7%
- до 10 суток – 59%
- до 30 суток – 21%
- свыше 30 суток – 11%

2.2. Результаты изучения практики отмены прокурором постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела

2.2.1. Возбужденное в результате отмены прокурором ранее вынесенного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в дальнейшем было

- направлено в суд с обвинительным заключением – 88%
- прекращено по нереабилитирующему основанию – 7%
- прекращено по реабилитирующему основанию – 3%
- решение о возбуждении уголовного дела, принятое по требованию прокурора, отменено в порядке ведомственного контроля: 2%
 - по решению руководителя следственного органа – 90%
 - по постановлению начальника органа дознания – 10%

2.2.2. Основные причины отмены прокурором постановления об отказе в ВУД, приведенные в постановлении:

- неполнота либо формальное проведение проверочных мероприятий – 84%
- игнорирование указаний прокурора – 18%
- отсутствие надлежащей мотивировки постановления – 19%
- неправильная юридическая квалификация деяния – 21%

2.2.3. При этом имело место пресечение прокурором

- сокрытие преступления от учета – 8%
- незаконного продления срока процессуальной проверки – 15%
- нарушение разумного срока процессуальной проверки сообщения – 15%

2.2.4. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела отменялось прокурором

- а) однократно – 81%
- б) два раза – 13%
- в) до пяти раз – 4%
- г) более пяти раз – 2%

2.2.5. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела было вынесено прокурором

- по собственной инициативе в результате изучения материалов проверки – 77%

- в результате рассмотрения жалобы лица, чьи права были нарушены постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела – 20%

- по информации в СМИ – 3%

2.2.6. В постановлении прокурора содержались

- требования об устранении выявленных прокурором нарушений законодательства – 45%

- указания относительно проведения конкретных процессуальных, следственных действий, направленных на выяснение обстоятельств – 28%

- позиция прокурора по юридической квалификации – 38%

- восстановить нарушенные права участника – 63%

- применение (изменение) мер уголовно-процессуального принуждения – 6%

- принятие мер по обеспечению безопасности участника процесса – 3%

- другое – 2%

2.2.7. При отмене неправомерного решения об отказе в возбуждении уголовного дела прокурором были вскрыты факты:

- нерегистрации сообщений о преступлениях – 11%

- повторной регистрации сообщений о преступлениях – 14%

- незаконной передачи материалов проверки сообщения по подследственности или подведомственности – 8%

- факты подмены продления процессуальных сроков принятием незаконных решений об отказе в возбуждении уголовного дела – 16%

2.2.8. Прокурор принимал участие в стадии возбуждения уголовного

- непосредственно участвовал в проведении следственных действий – 2%

- осмотре места происшествия – 2%

- назначении экспертизы – 1%

- процессуальном действии в ходе доследственной проверки – 2%

2.2.9. Постановление о возбуждении уголовного дела обжаловалось в суд

- да – 5%

- нет – 95%

2.2.10. Прокурор участвовал в судебном заседании при рассмотрении судом жалоб на действия и решения органов предварительного расследования в стадии возбуждения уголовного дела

- да - 98%
- нет – 2%

3. Данные об участии прокурора стадии предварительного расследования.

3.1. Прокурор при осуществлении надзора в стадии предпринимал какие-либо меры прокурорского реагирования, предусмотренные законом в 31% изученных уголовных дел

3.1.1. Эти меры были связаны с проведением

- уголовного преследования – 24%
- доказывания – 35%
- защиты прав лиц, участвующих в предварительном расследовании – 41%

3.2. Прокурор давал указания в письменном виде дознавателю относительно:

- хода и направления расследования - 7%
- проведения следственных, процессуальных действий – 9%
- квалификации преступления, инкриминируемого обвиняемому – 8%
- применения мер пресечения – 6%
- обеспечения прав лиц – 13%

3.2.1. Действия по управлению дознанием предпринимались прокурором

- по своей инициативе – 74%
- по жалобе лиц – 26%

3.3. Прокурор отменял процессуальные решения органа дознания в ходе предварительного расследования в 9% уголовных дел

3.3.1. В том числе отменялись постановления

- о прекращении уголовного дела – 45%
- о приостановлении производства по делу – 30%
- о направлении дела по подследственности – 10%
- иное постановление – 5%

3.4. Прокурор участвовал в следственных действиях в 2% изученных уголовных дел

3.5. Прокурор проводил следственные действия в 2% изученных уголовных дел

3.6. Участвовал в судебных заседаниях при осуществлении предварительного и последующего судебного контроля по 37% изученных уголовных дел

4. Проблемы в отношениях между прокурором и органом предварительного следствия.

4.1. Противоречия между прокурором и органом предварительного следствия возникали в связи с

- заключением и реализацией досудебного соглашения о сотрудничестве – 15%
- избранием меры пресечения – 5%

- предъявлением обвинения – 5%
- задержания подозреваемого – 5%
- проведением какого-либо следственного действия – 5%
- приостановление уголовного дела – 10%
- продление срока предварительного следствия – 15%
- доказательств, в т.ч. недостаточности доказательств – 20%

4.2. Какие решения органа предварительного расследования в этой стадии отменял прокурор

- о приостановлении производства следствия – 35%
- о прекращении уголовного дела – 50%
- о направлении уголовного дела по подследственности – 5%
- иное постановление следователя, дознавателя – 5%

4.3. В ходе предварительного расследования прокурор рассматривал и разрешал жалобы участников процесса на действия и решения

- дознавателя – 42%
- следователя – 34%
- руководителя следственного органа – 12%
- других участников – 3%

4.4. Прокурор истребовал для изучения материалы уголовного дела в ходе следствия по 3% уголовных дел

4.4.1. Время нахождения у прокурора истребованного уголовного дела:

- неделя – 10%
- месяц – 70%
- более месяца – 20%

4.4.2. Имели место факты ненаправления прокурору в ходе расследования копий постановлений о привлечении в качестве обвиняемого

- да – 8%
- нет - 92

4.4.3. Прокурор реагировал на волокиту следствия и нарушение его разумного срока

- да – 7%
- нет – 93%

4.4.4. Прокурор своим решением исключил доказательство из дела:

- да – 5%
- нет – 95%

4.4.5. если это делалось, то по какой причине:

- недопустимости – 95%
- неотносимости – 0%
- недостоверности – 5%
- иное - 0%

5. Данные по практике возвращения прокурорами уголовных дел, поступивших с обвинительным заключением

5.1. Причины, по которым прокурор возвратил уголовное дело:

- нарушения требований уголовно-процессуального законодательства
- в том числе:

- нарушение статьи 73 УПК РФ – 10%
- нарушение положений статьи 171 УПК РФ, регламентирующих порядок привлечения в качестве обвиняемого – 15%
- несоответствие обстоятельств, изложенных в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обстоятельствам, установленным в рамках предварительного расследования – 65%
- выявление в документах, имеющих доказательственное значение, ошибок, ставящих под сомнение возможность их использования в качестве допустимых доказательств и влекущие необходимость проведения ряда дополнительных действий – 30%
- по причине нарушения права обвиняемого на защиту – 20%
- выявленных технических ошибок – 35%
- не выполнение требований надзирающего прокурора – 15%

5.2. Данные об исходе уголовных дел, возвращенных прокурорами для доследования

- дело вновь направлено прокурору, а затем в суд – 89%
- дело прекращено по нереабилитирующим основаниям – 7%
- дело прекращено по реабилитирующим основаниям – 4%

5.3. Уголовное дело возвращалось органу предварительного расследования

- единожды – 90%
- дважды – 5%
- более двух раз – 5%

5.4. Прокурором давались указания при возвращении уголовного дела следователю

- да – 95%
- нет – 5%

5.4.1. Указания давались прокурором относительно:

- обвинения, его предмета и порядка предъявления – 55%
- получения, проверки доказательств путем производства следственных, иных процессуальных действий – 20%
- применения мер пресечения – 10%
- применения мер по обеспечению возмещения причиненного вреда – 10%
- другое – 10%

5.5. Прокурором был установлен конкретный срок для проведения дополнительного предварительного следствия

- да – 15%
- нет – 85%

5.6. Постановление прокурора о возвращении уголовного дела для проведения дополнительного расследования обжаловалось вышестоящему прокурору

- да – 5%
- нет – 95%

5.6.1. Решение вышестоящего прокурора было в пользу

- нижестоящего прокурора – 95%
- органа следствия, дознания – 5%

Приложение № 5

Проект статей УПК РФ

Дополнить статью 5 УПК РФ пунктом следующего содержания: «процессуальный прокурор» — это прокурор, на которого руководителем прокуратуры возложена обязанность исполнения по данному уголовному делу законов и который уполномочен осуществлять процессуальное руководство органами публичного уголовного преследования, надзор за исполнением ими законов и своих указаний, а затем поддерживает государственное обвинение».

Изложить пункт 6 статьи 5 УПК РФ в следующем виде «государственный обвинитель» — это должностное лицо прокуратуры, а также органа дознания или органа предварительного следствия — по поручению прокурора и в пределах данного поручения, поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу»

Дополнить статью 5 УПК РФ пунктом следующего содержания «санкция прокурора» — это даваемое прокурором в установленном законом порядке разрешение на совершение процессуальных действий или принятие решений органом предварительного расследования»

Изложить статью 37 УПК РФ в следующем виде:

«1. Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства публичное уголовное преследование и исполнение законов в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за исполнением законов и процессуальное руководство деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

2. Процессуальный прокурор обязан организовать взаимодействие органов предварительного следствия и органа дознания, координировать их действия по раскрытию преступления, выявлению лица, совершившего преступление, и несет ответственность за результаты досудебного производства и установление объективной истины.

3. В ходе досудебного производства по уголовному делу прокурор уполномочен:

1) проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях;

2) возбуждать уголовное дело и в порядке, установленном настоящим Кодексом, принимать его к своему производству и проводить расследование или поручать его расследование следователю, дознавателю;

3) по уголовным делам, находящимся в производстве органа предварительного расследования, участвовать в производстве следственных, процессуальных действий или проводить отдельные следственные, процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству;

4) поручать органу дознания производство следственных действий и иных процессуальных действий, а также проведение оперативно-розыскных мероприятий;

5) требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствия;

б) давать дознавателю, следователю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий, которые являются обязательными для дознавателя, следователя, других сотрудников органов предварительного расследования;

7) санкционировать ходатайство дознавателя, следователя на возбуждение перед судом об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения;

8) истребовать и проверять законность и обоснованность решений дознавателя, следователя, других должностных лиц органа предварительного расследования и принимать по ним решение в соответствии с настоящим Кодексом;

9) отменять незаконные, необоснованные постановления, указания нижестоящего прокурора, а также любые решения дознавателя, следователя, иного должностного лица органа предварительного расследования в порядке, установленном настоящим Кодексом;

10) рассматривать ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и постановление следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, выносить постановление об удовлетворении такого ходатайства либо об отказе в его удовлетворении, заключать досудебное соглашение о сотрудничестве, выносить постановление об изменении или о прекращении действия такого соглашения в порядке и по основаниям, предусмотренным настоящим Кодексом, а также выносить представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве;

11) участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства вопросов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении срока содержания под стражей либо об отмене или изменении данной меры пресечения, а также при рассмотрении ходатайств о производстве иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения, и при рассмотрении жалоб в порядке, установленном статьей 125 настоящего Кодекса;

12) при наличии оснований возбуждать перед судом ходатайство о продлении срока запрета определенных действий, срока домашнего ареста или срока содержания под стражей по уголовному делу, поступившему или направляемому в суд с обвинительным заключением или постановлением о

направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера, а также ходатайство о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в случае, предусмотренном частью первой.1 статьи 214 настоящего Кодекса;

13) разрешать отводы, заявленные нижестоящему прокурору, дознавателю, следователю, а также их самоотводы;

14) отстранять дознавателя, следователя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований настоящего Кодекса;

15) изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи;

16) передавать уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому (за исключением передачи уголовного дела или материалов проверки сообщения о преступлении в системе одного органа предварительного расследования) в соответствии с правилами, установленными статьей 151 настоящего Кодекса, изымать любое уголовное дело или любые материалы проверки сообщения о преступлении у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передавать его (их) следователю Следственного комитета Российской Федерации с обязательным указанием оснований такой передачи;

17) утверждать постановление дознавателя, следователя о прекращении уголовного дела (преследования) в полном объеме или в части по нереабилитирующему основанию;

18) утверждать обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу;

19) возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления и устранения выявленных недостатков;

20) приостанавливать или прекращать производство по уголовному делу;

21) иметь полный доступ к материалам, документам и иным сведениям, касающимся проведения предварительного следствия или дознания;

истребовать и ознакомливаться в течение разумного срока с материалами уголовного дела, находящегося в производстве у дознавателя, следователя.

22) принимать решение о производстве предварительного следствия следственно-оперативной группой, а также об изменении состава следственно-оперативной группы;

23) продлевать и устанавливать разумные сроки дознания, предварительного следствия;

24) вносить представление для получения согласия на лишение неприкосновенности и привлечение к уголовной ответственности лиц, обладающих иммунитетом и привилегиями от уголовного преследования

25) проверять законность задержания и выносить постановление об освобождении лиц, задержанных с нарушением требований настоящего Кодекса;

26) освобождать подозреваемого или обвиняемого, содержащегося под стражей без законных на то оснований или сверх сроков, установленных настоящим Кодексом

27) разрешать жалобы на решения и действия (бездействие) нижестоящего прокурора, дознавателя, следователя, иного должностного лица органа предварительного расследования;

28) давать поручения о применении мер защиты потерпевшего, свидетеля и других лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве

29) осуществлять иные полномочия, предоставленные прокурору настоящим Кодексом.

3. В ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность.

4. Прокурор вправе поручить поддержание государственного обвинения в суде представителю органа предварительного следствия или органа дознания при рассмотрении дела в особом порядке.

5. Полномочия прокурора, предусмотренные настоящей статьей, осуществляются прокурорами района, города, их заместителями, приравненными к ним прокурорами и вышестоящими прокурорами.

Изложить часть вторую 77 УПК РФ в следующем виде:

«2. Признание обвиняемым своей вины в совершении преступления должно быть сделано в досудебном производстве перед прокурором. Оно может быть положено прокурором в основу обвинения лишь при отсутствии у прокурора сомнений в виновности обвиняемого, подтверждаемого собранными доказательствами.

Признание обвиняемым своей вины по предъявленному обвинению в суде может быть положено в основу обвинительного приговора или иного решения суда, констатирующего этот факт, при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств».

Исключить из статьи 140 части первой пункт четвертый.

В части первой статьи 144 УПК РФ и части первой статьи 145 УПК РФ формулировки «Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа...», «орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа» изложить в виде: «Прокурор, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа».

Дополнить статью 171 УПК РФ частью пятой следующего содержания: «5. Надзирающий, процессуальный прокурор вправе потребовать от следователя направления копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого для получения санкции на предъявление обвинения».

Дополнить статью 171 УПК РФ частью шестой: «6. Санкционирование надзирающим, процессуальным прокурором постановления о привлечении в качестве обвиняемого является обязательным по уголовным делам в отношении следующих лиц:

(а) лиц, указанных в статье 447 УПК РФ,

(б) субъектов предпринимательских преступлений, обвиняемых в совершении налоговых преступлений и преступлений экономической направленности;

(в) несовершеннолетних лиц, обвиняемых в совершении тяжких или особо тяжких преступлений».

Дополнить статью 172 УПК РФ частью 1.1. следующего содержания: «1.1. Обвинение должно быть предъявлено лицу, указанному в части 6 статьи 171 настоящего Кодекса не позднее 3 суток со дня санкционирования прокурором постановления о привлечении его в качестве обвиняемого в присутствии защитника, если он участвует в уголовном деле».

Изложить часть первую статьи 221 УПК РФ в следующем виде:

«1. Прокурор рассматривает поступившее от следователя уголовное дело с обвинительным заключением и в течение 10 суток принимает по нему одно из следующих решений:

1) об утверждении обвинительного заключения и о направлении уголовного дела в суд;

2) о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями;

3) о направлении уголовного дела вышестоящему прокурору для утверждения обвинительного заключения, если оно подсудно вышестоящему суду.

4) о прекращении уголовного дела в полном объеме или в его части по основаниям, предусмотренным настоящим Кодексом;

5) о поддержании ходатайства стороны защиты о рассмотрении уголовного дела в особом порядке, предусмотренном главой 40 Настоящего Кодекса;

б) о дополнении или сокращении списка лиц, подлежащих вызову в суд, за исключением списка свидетелей защиты».

Дополнить статью 226 УПК РФ следующими частями:

«2.2. При наличии по уголовному делу ходатайства обвиняемого о рассмотрении уголовного дела в особом порядке, прокурор вправе поддержать его при утверждении обвинительного акта.

Решение об этом оформляется в виде письменного согласия на ходатайстве обвиняемого.

Прокурор вправе лично убедиться в виновности обвиняемого по предъявленному обвинению, согласии его с обвинением, и добровольности его решения о разрешении уголовного дела в особом порядке путем его допроса».

«2.3. При согласии прокурора на рассмотрение судом уголовного дела в особом порядке поддержание государственного обвинения по данному делу может быть поручено органу дознания, о чем прокурором составляется постановление».

«2.4. Поручение на поддержание государственного обвинения вручается представителю органа дознания вместе с утвержденным обвинительным актом».

Дополнить статью 226.8 УПК РФ частью второй¹ следующего содержания: «2.1. Прокурор вправе своим постановлением поручить органу дознания поддержание государственного обвинения по делу. Поручение на поддержание государственного обвинения вручается представителю органа дознания вместе с утвержденным обвинительным постановлением».

Часть третью статьи 446.2. УПК РФ изложить в следующем виде: «3. При утверждении указанного в части второй настоящей статьи постановления прокурор вправе своим постановлением поручить поддержание в суде позиции стороны обвинения представителю органа предварительного следствия или дознания, которым производилось предварительное расследование дела.

Копии этих постановлений направляются следователем, дознавателем подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему и гражданскому истцу».